

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2015. № 393. Апрель

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ
- БИОЛОГИЯ И ХИМИЯ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL
AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES
- BIOLOGY AND CHEMISTRY

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2015. № 393. April

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.;
А.А. Глазунов, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд.
ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**,
канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**,
д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал.
наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома
Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потekaев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**,
директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.;
В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р
физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.;
В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р
техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in
Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
Ye. Borisov, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in
Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology,
Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor;
V. Golikov, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**,
Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of
Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor;
T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr.
of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**,
Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and
Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of
Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State
University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and
Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of
Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate
Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor;
G. Tatianin, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.;
О.М. Краснорядцева, д-р психол. наук, проф.;
Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**,
д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**,
д-р юрид. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.;
В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of
History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor;
S. Kulizhskiy, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**,
Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology,
Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and
Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
E. Chernyak, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of
Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета»
включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
(http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Гнюсова И.Ф. «Изнемогший в бою русский витязь»: образ священнослужителя в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» в контексте традиций английской литературы («Сцены из клерикальной жизни» Джордж Элиот)	5
Дьяченко Ю.В. Русскоязычные переводы романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» XX в.: функционирование повествовательных стратегий	14
Кормазина О.П. Жанровая специфика коммуникативного события «просмотр фотографий»	21
Кочнова К.А. Ночь в языковой картине мира А.П. Чехова	28
Цыпилёва П.А. Иронический дискурс публикации Арсения Тарковского «Новости античной литературы»	37
Шамьянунова М.Д. Лексическая контаминация как стилистический прием и ее использование в прозе В. Набокова	43
Эргашев А.А. Отражение общественных и политических процессов в США в военных метафорах Барака Обамы	48

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Булак К.А. Вечность как характеристика художественного образа	55
Кириллов Г.М. Коммуникативный подход к пониманию природы языка в свете диалектической и диалогической традиций	60
Кузин И.В. О проблеме понимания отрицательного «ничто» (на примере перевода трактата Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто»)	67
Матвеева А.А. Концепция «государство как произведение искусства» Я. Буркхардта и актуализация темы консервативного государства в обществе постмодерна	75
Платонова А.В. «Страдающий за других», или О концепции заместительной нравственной ответственности	79
Соболев Ю.В. Эстетическая природа фетишизма	83
Хитрук Е.Б. Власть женщин: культурные концепты «мизогинии» и «гинофобии» в классическом философском дискурсе	92

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Белоус А.И. Трансформация коммуникативной функции живописи в контексте истории искусства Томска	99
Савельева Е.Н. Художественно-образные формы неявной пропаганды нацизма как предмет культурологической экспертизы	104
Таштамирова Л.Ш. Романтическая философская традиция XIX в. в философии искусств Вагнера	109

ИСТОРИЯ

Зиновьев В.П. Динамика реальной заработной платы горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в.	117
Кушнарёва М.Д. «Проектируемое Акционерное общество на севере Якутской области» как особая форма организации пушной торговли крупным капиталом в Северо-Восточной Сибири в начале XX в.	129

CONTENTS

PHILOLOGY

Gnyusova I.F. "Russian knight, beaten out in battle": character of clergyman in N.S. Leskov's novel-chronicle <i>The Cathedral Clergy</i> in the context of English literature traditions (George Eliot's <i>Scenes of Clerical Life</i>)	5
Dyachenko Yu.V. Russian 20th-century versions of Charlotte Bronte's novel <i>Jane Eyre</i> : functions of narrative strategies	14
Kormazina O.P. Genre specificity of the communicative event "photo viewing"	21
Kochnova K.A. Night in A.P. Chekhov's language picture of the world	28
Tsypliyova P.A. Ironic discourse in Arseny Tarkovsky's publication of "Novosti Antichnoy Literatury" ("News Of Ancient Literature")	37
Shamyannova M.D. Lexical blending as a stylistic device in the prose of Vladimir Nabokov	43
Ergashev A.A. Reflection of social and political processes in the USA in military metaphors of Barack Obama	48

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Bulak K.A. Eternity as an artistic image feature	55
Kirillov G.M. Communicative approach to the interpretation of the nature of language in light of dialectic and dialogical traditions	60
Kuzin I.V. On the problem of understanding negative "nothingness" in the translation of J.-P. Sartre's treatise <i>Being and Nothingness</i>	67
Matveeva A.A. J. Burckhardt's concept of "state as a work of art" and mainstreaming conservative state in postmodern society	75
Platonova A.V. "Suffering for others", or on the notion of vicarious moral responsibility	79
Sobolev Yu.V. The aesthetic nature of fetishism	83
Khitruck E.B. The power of women: cultural concepts "misogyny" and "gynophobia" in the classical philosophical discourse	92

CULTURAL STUDIES

Belous A.I. The transformation of the communicative function of art in the context of the history of art in Tomsk	99
Savelieva E.N. Artistically-shaped implicit propaganda of Nazism as a subject of cultural expert study	104
Tashtamirova L.Sh. Romanticist philosophical tradition of the 19th century in Wagner's philosophy of art	109

HISTORY

Zinoviev V.P. The dynamics of the real wages of miners in Siberia in the late 19th – early 20th centuries	117
Kushnaryeva M.D. "The Projected Corporation in the North of Yakut Region" as a special form of organization of the fur trade by a big capital in the north-eastern Siberia at the beginning of the 20th century	129

Макаров Н.В. Проблемы истории русского либерализма в 1907–1914 гг. в трудах современных англо-американских исследователей	134	Makarov N.V Problems of the history of Russian liberalism (1907–1914) in the works of contemporary Anglo-American researchers	134
Никулин П.Ф. Адаптивный потенциал крестьянского хозяйства Сибири на рубеже XIX–XX вв.	141	Nikulin P.F. Adaptive capacity of peasant household in Siberia at the turn of the 20th century	141
Рябова М.С. Проблема сохранения идентичности русского национального меньшинства в Китае	150	Riabova M.S. The problem of preservation of the Russian ethnic minority identity in China	150

ПРАВО

Ермакова О.В. Проблемы определения момента окончания хищения, совершенного с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище	155	Ermakova O.V. Problems of determining the end of any property crime committed with illegal breaking into a home, premises or other storage	155
Марковский М.С. Проблемы определения предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов	158	Markovskiy M.S. Problems of definition of the object of cash and (or) monetary instrument smuggling	158
Непомнящая Т.В. Отсрочка отбывания наказания как иная мера уголовно-правового характера	164	Nepomnyashchaya T.V. Deferral of serving a sentence as a different criminal-law measure	164
Титаренко А.П. Общественное доверие к полиции как фактор, способствующий индивидуальной профилактической работе с гражданами	167	Titarenko A.P. Public confidence in the police as a factor contributing to individual preventive work with citizens	167

ЭКОНОМИКА

Степанова С.В. Трансформация региональной социально-экономической системы в контексте эволюционной теории: концептуальная модель	171	Stepanova S.V. Transformation of the regional socio-economic system in the context of the evolutionary paradigm: a conceptual model	171
Торопова И.В. Внедрение МСФО как необходимое условие адаптации российской экономики к требованиям международного рынка капитала	178	Toropova I.V. IFRS introduction as a prerequisite for the adaptation of the Russian economy to the requirements of the international capital market	178

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Волкова Н.В. Организация процесса становления педагогической деятельности в подготовке студентов	185	Volkova N.V. Organization of establishing pedagogical activity in students' education	185
Егоров Д.М. Психологическая специфика закономерностей распознавания лжи	191	Egorov D.M. Psychological specificity of lie recognition patterns	191
Колядко С.В. Подготовка педагогических кадров в условиях информатизации языкового образования: проблемы и перспективы	196	Koliadko S.V. Teacher training in conditions of linguistic education informatization: problems and prospects	196
Лахтин А.Ю. Проблема субъекта в педагогике и в педагогике физической культуры и спорта	204	Lakhtin A.Yu. The problem of the subject in pedagogy and in pedagogy of physical culture and sports	204
Пупышева Ж.С., Карвунис Ю.А. Эффективные формы организации спортивно-оздоровительной работы в вузе: российский и зарубежный опыт	209	Pupysheva Zh.S., Karvounis Yu.A. Efficient forms of sports and recreation activities in a university: Russian and foreign experience	209

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Бракоренко Н.Н., Емельянова Т.Я. Критерии экологической оценки геологической среды в связи с воздействием нефтепродуктов	213	Brakorenko N.N., Yemelyanova T.Ya. Criteria for ecological estimation of the geological environment under the influence of oil products	213
Григорьева Е.А., Фетисов Д.М. Физиологический аспект в технологической оценке пригодности климата региона для спортивно-оздоровительной рекреации	218	Grigorieva E.A., Fetisov D.M. Thermal and physical facets of climate for recreation and sporting activities in the Jewish Autonomous Region in the Russian Far East	218
Коробков И.Г., Чернышов А.И. Особенности строения и вещественный состав базитовых интрузий Сунтарской вулканотектонической структуры (северо-запад Якутии)	224	Korobkov I.G., Chernyshov A.I. Specific features of the formation and material composition of the Suntar volcano-tectonic structure basic rock intrusions (NW Yakutia)	224
Ксенева Т.Г. Взаимосвязь между обликом, систематическим составом поздне меловых комплексов фораминифер и литологией вмещающих отложений Западной Сибири	230	Kseneva T.G. The interrelation between the aspect, systematic composition of the late Cretaceous foraminiferal assemblages and the lithology of host rocks of Western Siberia	230

БИОЛОГИЯ И ХИМИЯ

Двуреченский В.Г. Использование группового и фракционного состава железа для диагностики процессов почвообразования и эволюции почв техногенных ландшафтов горно-таежного пояса Кузбасса	237	Dvurechensky V.G. The use of group and fracture composition of iron for the diagnosis of formation and evolution of soils of technogenic landscapes of Kuzbass mountain taiga belt	237
Дон А.Р., Воронетская Н.Г., Гринько А.А., Головкин А.К. Влияние смолисто-асфальтеновых веществ на термические превращения углеводородов природных битумов	244	Don A.R., Voronetskaya N.G., Grinko A.A., Golovko A.K. Influence of resin-asphaltene substances on the thermal conversion of natural bitumen hydrocarbons	244

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	250
--	-----

LAW

ECONOMICS

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

EARTH SCIENCES

BIOLOGY AND CHEMISTRY

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	250
--	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.091

И. Ф. Гнусова

«ИЗНЕМОГШИЙ В БОЮ РУССКИЙ ВИТЯЗЬ»: ОБРАЗ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В РОМАНЕ-ХРОНИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ («СЦЕНЫ ИЗ КЛЕРИКАЛЬНОЙ ЖИЗНИ» ДЖОРДЖ ЭЛИОТ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-34-01240.

Значимость вопроса об английской традиции в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» определяется фигурой главного героя: в рядовом провинциальном священнике писатель видит главного защитника тех идеалов, на которых основана жизнь русского человека и государства. Схожую концепцию священника-воина Лесков мог обнаружить в цикле повестей Джордж Элиот «Сцены из клерикальной жизни». Знакомство Лескова с творчеством английской писательницы подтверждают его статьи и письма.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; Дж. Элиот; традиция; образ; мотив; священнослужитель.

Роман-хроника Н.С. Лескова «Соборяне» (1872), центральное произведение в творчестве писателя, неоднократно привлекал к себе внимание исследователей¹. Но наиболее значительный интерес «Соборяне», как и все творчество Лескова, вызывают в последние два десятилетия: появились работы, посвященные традициям древнерусской литературы в этом произведении (Н.В. Лукьянчиковой, Г.А. Шкута, Е.В. Яхненко), реализации темы праведничества в романе (Г.А. Косых, И.С. Снегиревой), жанровому своеобразие «Соборян» (И.В. Долининой, О.В. Угдыжековой) [9–15]. Вместе с тем чрезвычайно мало исследована проблема английской литературной традиции в романе-хронике Лескова – в частности, вопрос о схожей концепции героя-священнослужителя в «Соборянах» и цикле повестей Джордж Элиот «Сцены из клерикальной жизни» (1857).

Об особом подходе английской писательницы к изображению жизни духовенства было заявлено еще до публикации «Сцен»: в письме к издателю Дж.Г. Льюис, литературный критик и гражданский муж Элиот, указывал, что жизнь священнослужителей будет описываться в повестях «исключительно в ее человеческом, а не догматическом аспекте, – предмет, которого доселе не было в нашей литературе, потому что мы в избытке имели религиозные повести полемические и доктринальные, но после “Викария” и Мисс Остен у нас не было произведений, в которых духовенство изображалось бы как любой другой класс, с причудами, огорчениями и бедами, как у всех прочих людей»².

Эту концепцию Элиот реализует уже в первой из повестей цикла – «Печальная судьба преподобного Амоса Бартона» («Thesad for tunes of the Reverend Amos Barton»), представляя читателю совершенно невзрачного сельского священника, недалекого, нечуткого и к тому же несколько переоценивающего свои способности. «Но вспомните, – указывает автор далее, – какое большинство ваших соотечественников вылиты в эту незначительную и невзрачную форму. <...> Они просто люди обыкновенные на вид, более

или менее сбивающиеся в речах, нередко дающие промахи. И тем не менее многие из этих незначущих людей всею силой души своей стремятся к добру, совестливо исполняют свой долг, испытывали и радость и горе: жизнь коснулась и их» [17. С. 468–469].

Идейный пафос романа-хроники Лескова, во многом совпадал с потребностью Джордж Элиот «возбудить симпатию к будничным заботам, вызвать слезы... описанием настоящего горя» [Там же. С. 483]. Первые редакции «Соборян» под заголовками «Чающие движения воды» и «Божедомы» свидетельствуют, что Лесков стремился создать полноценное эпическое полотно, изобразить «многовековую историю города с ее религиозными распрями» [18. С. 599] (показателен подзаголовок одной из рукописей: «Божедомы: Повесть лет временных»). В «Соборянах» же на первый план выходят человеческие судьбы и характеры: «Люди, жите-бытье которых составит предмет этого рассказа, суть жители старгородской соборной поповки» (11, 7)³. Такое начало романа-хроники сразу расставляет авторские акценты: цель Лескова – показать именно «жите-бытье», незамысловатую и бедную событиями жизнь провинциального священнослужителя, которая в конце «Соборян» будет с горечью названа протопопом Туберозовым «сонной дремой» (11, 244).

В одну из наиболее концептуальных частей романа-хроники – «Демикотонову книгу протопопу Туберозова», представляющую собой его дневниковые записи, Лесков включает страстную речь героя, которая также перекликается с замыслом «Сцен из клерикальной жизни». В ней протопоп риторически обращается к «сочинителю басен, баллад, повестей и романов» с вопросом: «Ведомо ли тебе, какую жизнь ведет русский поп, сей “ненужный человек”?.. Известно ли тебе, что мизерная жизнь сего попа не скудна, но весьма обильна бедствиями и приключениями, или не думаешь ли ты, что его кутейному сердцу недоступны благородные страсти и что оно не ощущает страданий? Или же ты с своей авторской высоты

вовсе и не хочешь удостоить меня, попа, своим вниманием?» (11, 52–53). Столь острая постановка вопроса отражала реальное положение дел: в «светской» русской литературе до Лескова «жизнь-бытие», а главное – внутренний мир простого священнослужителя, еще ни разу не становились темой масштабного художественного произведения.

Наличие определенных идейно-эстетических перекличек и сам интерес Лескова к художественному изображению жизни духовенства позволяют предполагать, что писатель мог быть знаком с повестями Элиот, которые в переводе на русский язык были по отдельности опубликованы в журналах «Современник» и «Русский вестник» в 1860 г. Прямых указаний на факт чтения «Сцен из клерикальной жизни» в статьях и письмах Лескова не обнаруживается, хотя неоднократное упоминание имени Джордж Элиот свидетельствует о знакомстве писателя с ее творчеством. Так, в статье «Русские общественные заметки» 1869 г. он доказывает мысль о том, что «наша литература не беднее, а, может быть, богаче некоторых других литератур», приводя следующие примеры: «Если у англичан есть Диккенс, обширные дарования которого нам трудно подсортировать с дарованиями наших писателей, то это и будет один Диккенс, да и то не Бог весть насколько он выше тех, кого имеет на челе своем наша литература. А что касается до других, то все эти Кавана, Коллинз и Элиот и другие, по справедливости говоря, не внушают нам никакой зависти» (8, 222). Тем не менее в 1893 г. в письме к М.О. Меньшикову Лесков рекомендует публицисту поработать над одним из его образов, обратившись к творчеству английской писательницы: «...“Девственные” натуры тоже не таковы. Надо бы брать св. Цецилию, или Дж. Элиот...» [20. Т. 11. С. 556].

Кроме того, активно занимаясь публицистической работой, Лесков был знаком с содержанием всех ведущих общественно-политических журналов и вряд ли мог пройти мимо публикации «Сцен из клерикальной жизни». Знакомство с повестями может быть косвенно подтверждено, например, тем, что в своей статье «Русские женщины и эмансипация» Лесков ссылается на работу Джона Стюарта Милля «Об эмансипации женщин» (1, 332), опубликованную в «Современнике» в 1860 г. – приложением к выпускам этого года как раз печаталась повесть «Исповедь Джэнет» из цикла Элиот.

Примечательно, что в последние годы четко обозначился интерес к проблеме английских традиций в творчестве Лескова. Об этом свидетельствует исследование М.А. Першиной о проблеме интертекстуальных связей произведений Лескова с сочинениями английских писателей, в частности, Шекспира и Диккенса [21]; диссертация И.В. Овчинниковой о стернианских «отражениях» в романе-хронике «Соборяне» [22]; статья В.А. Бячковой с типологическим сравнением «Соборян» и романа Э. Троллопа «Барчестерские башни» [23] и работа И.Н. Минеевой об «англофильстве» Лескова и русско-британских культурных взаимоотношениях в повести «Левша»⁴ [24]. Однако проблема «Лесков и Элиот» до сих пор не становилась предметом внимания в литературоведении.

На наш взгляд, значимость вопроса об английской традиции в «Соборянах» определяется, прежде всего, фигурой главного героя романа-хроники. И дело не только в том, что Лесков первым из русских писателей ставит в центр эпического полотна образ священнослужителя, – новаторство его в том, что именно такой герой для Лескова становится средоточием духовного начала и героического потенциала в русском пореформенном обществе. В рядовом провинциальном священнике писатель видит главного защитника тех идеалов, на которых основана жизнь русского человека и Российского государства. Именно поэтому с ключевыми образами «Соборян», и прежде всего Савелия Туберозова, тесно связан проходящий через все повествование мотив борьбы.

Схожую концепцию Лесков легко мог обнаружить в «Сценах из клерикальной жизни» Джордж Элиот: многочисленные тяготы жизни простых священнослужителей изображаются писательницей наравне с искренним рвением героев усовершенствовать дела Церкви, улучшить жизнь своих прихожан, внушить им высокие нравственные истины. Непонимание и нелюбовь со стороны паствы, сложные отношения с церковным руководством, личные трудности указывают на то, что Элиот также осуществляет последовательную героизацию обычного провинциального пастора, делая его борцом за высшие идеалы.

Хотя прямых подтверждений знакомства Лескова со «Сценами из клерикальной жизни» нет, представляется, что тема борьбы, которая наиболее очевидна в первой и третьей повестях цикла, могла оказать влияние на формирование концепции священника-воина, воплощенной писателем в «Соборянах». Это подтверждает сравнительно-типологический анализ произведений: и в «Сценах» Элиот, и в романе-хронике Лескова герои-священнослужители вынуждены противостоять враждебным обстоятельствам и ценою постоянных лишений и тяжелых потерь биться за спасение всего, что им дорого: семьи и близких, веры и идеалов, собственной души и в конечном счете – Отчизны.

Мотив борьбы с вражескими силами проходит через все жизнеописание главного героя «Соборян» Савелия Туберозова. Хронологически с этой задачи начинается и его служба в Старгороде, о чем свидетельствует вторая запись в «Демикотоновой книге»: в конце 1832 г. молодой священник «получил назначение в Старгород, где нарочито силен раскол» с указанием «противодействовать оному всячески» (11, 29). Однако на месте Туберозов обнаруживает, что бороться с инакомыслием невозможно в силу того, что рядовое провинциальное духовенство изнемогает от другого врага – «крайней бедности», отчего, «по человеческой слабости, не противодейственно подкупам и даже само немало потворствует расколу, как и другие прочие сберегатели православия, приемля даяния раскольников» (11, 29).

От материальной нужды, о чем свидетельствует дневник протопопа, страдает не только его «полугодный причт», но и сам Туберозов. «Следовало бы как ни на есть поизряднее примундириться, потому что люди у нас руки целуют, а примундироваться еще

пока ровно не на что», – сетует он в записи от 1833 г., но только в 1836 г. решается поправить дело: «Взял в долг у предводительской экономки два шелковые платья предводительщины и послал их в город окрасить в масака цвет, как у губернского протоиерея, и сошью себе рясу шелковую. Невозможно без этой аккуратности, потому что становлюсь повсюду вхож в дворянские дома, а унижать себя не намерен» (11, 32).

Страшная бедность, отягощенная необходимостью достойно выглядеть перед прихожанами, – это первое, на чем акцентирует внимание и Джордж Элиот, представляя читателю героя своей первой повести – младшего приходского священника Амоса Бартона: «Представьте себе человека с женой и шестью детьми, представьте себе, что он обязан для поддержания достоинства своего сана не иначе показываться вне своего дома, как в приличной черной одежде... дайте ему приход... настолько бедный, чтобы нуждался в частых духовных утешениях, в виде шиллингов и пенсов; и в заключение представьте себе, что собственная и чужая гордость ставят его в необходимость одевать прилично жену и детей... Каким образом можно восемьдесят фунтов разделить таким образом, чтобы процент покрывал еженедельные расходы этого человека?» [17. С. 437–438]. Неслучайно в этой связи и имя героя: «Амос» с древнееврейского – «ноша» либо «несущий ношу, обремененный, отягощенный» [26].

Однако, как показывает автор далее, денежный вопрос занимает ум Бартона наравне с другим – о том же противодействии расколу (диссентерству), что было актуально и для англиканской Церкви. В отличие от Савелия Туберозова, герой повести Элиот не обладает способностью трезво оценить свои силы, потому его пылкие мечты, рвение и вера в победу выглядят нелепо: он «собирался в самом скором времени открыть свою библиотеку для чтения, для которой он достал несколько книг, и книг убийственных для диссентеров. <...> Диссентеры, думал он, не устоят против его обдуманного, решительного образа действий, они увидят, что бороться им с ним будет невозможно. Мистер Бартон находил, что мудрость змия отличительная черта его характера» [17. С. 446]. Элиот, правда, быстро смягчает свою иронию, замечая далее, что Амосу Бартону достался «тяжелый округ для священника... который... серьезно смотрел на свои обязанности... здесь к сельской тупости земледельцев присоединился дикий разврат рудокопов и резкий радикальный и диссентерский дух ткачей» [Там же. С. 452].

Увлеченность и искреннее радование за свое дело присутствуют и в характере протоиерея Туберозова. «Пишу мою записку о быте духовенства с радостью такою и с любовью такою, что и сказать не умею, – признается герой в дневнике. – Озаглавил ее так: „О положении православного духовенства и о средствах, как оное возвысить для пользы церкви и государства“. <...> Никогда еще не помню себя столь счастливым и торжествующим...» (11, 52). Однако записка, поданная владыке, останется без ответа. Двадцать два года спустя протоиерей увлечется новым проектом: «Какая огромная радость! Ксендзы по Литве учредили общества трезвости: они

проповедуют против пьянства, и пьянство престаёт, и народ остепеняется...», вслед за чем решает «интригой учредить у себя общество трезвости» (11, 60). Ответ на этот раз последует: священнику велено «не злоумышлять» ни о чем подобном.

Фактически с самого начала «битвы» за улучшение жизни своего причта и прихожан герой «Соборян» оказывается вовлечен в другую многолетнюю борьбу – с церковными и светскими властями, не терпящими никакой инициативы снизу, а уж тем более вольнодумных предложений об «изъятии... духовенства из-под тяжелой зависимости» (11, 29), т.е., по сути, – о необходимости реформирования внутрицерковных отношений. Рвение Туберозова вызывает недовольство и местных властей: его отчитывает губернатор, «здешнее городничество не благоволит» (11, 49) к нему. Донос протоиерея на ссыльных поляков, глумившихся над церковными обрядами, вызывает осуждение в местном обществе; его попытки остановить богохульство разночинца Препотенского в уездном училище также не приводят к желаемому результату. Герой и сам признает свое поражение в этих «войнах»: «Воевал ты с расколом – не сладил; воевал с поляками – не сладил, теперь ладь с этою дуростью...» (11, 65).

Ту же безрезультатность отмечает и Элиот в «военных действиях» шеппертонского священника: с энтузиазмом бросаясь в бой и пытаясь одержать победу над врагами веры, Амос последовательно наживает себе новых врагов: «...голова его вечно была полна планами, которые, подобно его шахматным маневрам, были бы хороши – при другом положении игры. Например, его глубоко обдуманный план завести антидиссентерские книги в библиотеке для чтения не нанес, казалось, ни малейшего удара расколу, а только сильно вооружил против него диссентеров» [17. С. 472]. Как и Савелий Туберозов, Амос Бартон вызывает недовольство и церковного начальства, проявляя чрезмерную инициативу в улучшении жизни Церкви: «Его вечные намеки на то, что нужно было бы предпринять в церкви, его неистощимое воображение на этот счет смущали церковных попечителей и влиятельных прихожан и вселяли в их души недоверие к нему» [Там же].

Это положение бедного священника отягощается еще и снисходительным отношением к нему большинства прихожан: простым селянам Бартон кажется «человеком вовсе не порядочным», «ума не дальнего», не способным даже как следует прочитать проповедь: «бьется, словно овца, которая упала и не может встать на ноги» [17. С. 441–442]. Нелюбовь паствы к своему пастырю опять же дополнительно акцентирует имя героя: Амос – один из ветхозаветных пророков, который, как указывает А. Жюмо, «так же терпел пренебрежение со стороны своих современников и в итоге был изгнан» [27. С. 19].

Однако герои Элиот и Лескова знают, что ведут бой за правое дело: главной целью каждого из них является защита истинной веры, а точнее – возможности проповедовать о том, что без веры нет жизни. Эта страстная, почти воинственная убежденность сближа-

ет Туберозова с героем другой повести из цикла Элиот – «Исповедь Джэнет» («Janet's repentance», точный перевод – «Раскаяние Джэнет»). Это молодой евангелический проповедник Эдгар Триан, который приезжает в фабричный городок Мильби и сразу составляет резкий контраст со старым пастором местной англиканской церкви: мистер Крю, как описывает Элиот, целиком был «поглощен самыми мелочными интересами» [28. С. 14] и читал проповеди так, что слушатели «едва ли понимали одну фразу из того, что он говорит» [Там же. С. 12]. Энтузиазм Триана вызывает недовольство жителей, и под руководством местного адвоката – хитрого, жестокого и властолюбивого Роберта Демпстера – составляется огромная партия анти-трианитов, которые стремятся помешать новому священнику читать воскресные проповеди в церкви.

Тема борьбы в «Исповеди Джэнет» проходит через большую часть повествования; первые же строки повести свидетельствуют о накале страстей в этом противостоянии: «Нет! – сказал адвокат Демпстер громким, резким ораторским тоном... – Пока Творец мой не лишил меня способности говорить и мыслить, я буду употреблять все законные средства, чтобы противиться водворению в этом приходе безнравственного учения...» [Там же. С. 3]. И в первой «схватке» Демпстер оказывается победителем: он добивается у местных церковных властей запрета воскресных проповедей.

Ответное негодование Триана показывает, что им движет вовсе не самолюбие, а искреннее стремление наставить на путь истинный жителей «угрюмого городка», где «общественная нравственность... не стояла чрезмерно высоко» [Там же. С. 13] и где немногие жители могли обойтись «без обильного запаса возбуждающих средств» [Там же. С. 11]. «Мистер Прендергаст погрешил в этом случае против своей совести, – горько замечает Триан, рассказывая о решении приходского ректора. – Он так же хорошо понимает, как и я, что, оставляя дела прихода в прежнем положении, он губит души своих прихожан» [Там же. С. 33]. Позже евангелический проповедник прямо утверждает, что считает служение в Мильби своей миссией: «Бог послал меня сюда, и, по Его благословию, я не отступлю ни перед чем, что ожидает меня при исполнении Его предначертаний посреди народа» [Там же. С. 62].

Та же вера в свое посредничество между Богом и людьми и желание живым словом доносить высшую истину до сердца каждого человека есть и у Савелия Туберозова. Получив очередной выговор от церковных чиновников за свою импровизированную проповедь, протопоп возмущенно записывает в дневнике: «Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу с холодностью бесстрастно совершать дело проповеди. Я ощущаю порой нечто на меня сходящее, когда любимый дар мой ищет действия; мною тогда овладевает некое, позволю себе сказать, священное беспокойство; душа трепещет и горит, и слово падает из уст, как уголь горящий» (11, 40). Эту же мысль Туберозов повторяет и в конце романа, когда перед смертью отказывается давать прощение церковным чиновникам за то, что они «букву мертвую блюды... Божие живое дело губят» (11, 255).

По сути, протопоп с самого начала является таким же «протестантом» в глазах официальной Церкви, как и Триан, утверждающий в Мильби непривычные для официальной англиканской Церкви идеалы неравнодушного и практического служения своей пастве, проявляющий живое сочувствие к каждому из прихожан. «Протестантизм» Туберозова подтверждается и прямой отсылкой Лескова к образу протопopa Аввакума, жизнеописание которого писатель включает в размышления героя в рукописи «Божедомы. Повесть лет временных»⁵. Косвенно о судьбе еретика говорит и имя, выбранное автором для главного героя: как пишет А. Ранчин, «это имя носил известный еретик Савеллий, основатель ереси – савеллианства (III век)» [29. С. 600].

Но наиболее явно на «протестантизм» протопopa указывает одна из финальных сцен романа, когда Савелий Туберозов призывает развращенного петербургскими «передовыми» идеями Ахиллу помолиться рядом с домом, вне храма – «в торжественной тишине полуночи, на белом, освещенном луною пустом огороде». При этом важно, что «проповедник и кающийся молились вместе» (11, 252). Эта сцена очень близка тому, как показывает религиозное обращение в своих произведениях Джордж Элиот. Так, в ее первом романе «Адам Бид» (1859, в том же году опубликовано два русских перевода) молодая методистка Дина Моррис произносит проповедь перед сельскими жителями на лугу, стоя на телеге, а в конце молится вместе со своей сестрой, детоубийцей Хетти, в тюремной камере. Сцена совместной молитвы грешника и проповедника вне церковных стен есть и в «Исповеди Джэнет», когда Триан принимает покаяние главной героини повести Джэнет Демпстер и возвращает ей утерянную веру: «Молитесь со мною, – сказала Джэнет. – Молитесь, чтобы Он послал мне достаточно света и сил» [28. С. 117].

Эта ключевая сцена «Исповеди Джэнет» существенно дополняет и углубляет и образ евангелического проповедника: в ответ на признания героини Триан сам исповедуется ей, рассказывая о том, как пришел к решению стать священнослужителем. Причина заключалась в страшном моральном потрясении, которое герой испытал в молодости, увидев страшный финал судьбы погубленной им девушки Люси. Последующие месяцы Триан проводит в мучительных поисках средства, которое сделало бы его «существование сколько-нибудь сносным» [Там же. С. 115]. По сути, эти поиски также были борьбой героя: Триан признается, что ум его в то время «был мрачен, мятежен, находился во вражде с самим собою и с Богом» [Там же. С. 115]. Эта внутренняя «битва» за собственную душу, за осмысленное существование завершается победой героя: он обретает цель и смысл жизни: «Я не мог уже спасти Люси; но, при помощи Божией, я мог бы удержать от падения другие слабые, колеблющиеся души. Для этой-то цели я и вступил в духовное звание» [Там же. С. 116].

Процесс разочарования и мучительной борьбы за осмысленность жизни проходит и протопоп Туберозов: его «Демикотоновая книга» свидетельствует о

том, что десятилетние попытки что-то изменить в церковном устройстве и жизни прихожан сменяются унынием и равнодушием героя. Записи с 1841 по 1860 г. пестрят упоминаниями о «скуке», указывают на желание Туберозова развлечься при помощи пустых и не всегда пристойных занятий: «Купил у жиды... органчик и игорные шашки» (11, 54), «взял в клетку чижа и начал учить его петь под орган» (11, 54), «полюбил преферансовую игру и начал со скуки курить» (11, 57). Казалось бы, протопоп вовсе отказывается от начатой им борьбы: «Сам не воюю, никого не беспокою и себе никакого беспокойства не вижу... Против рожна прати более не охота» (11, 57).

Однако по прошествии двадцати лет «сытого и привольного жития» (11, 57) герой восстает против собственного равнодушия и вновь осознает необходимость действовать. К этому его подвигает дьякон Ахилла, который инкогнито участвует в состязании с приезжим силачом и побеждает его. Театральная битва заставляет Туберозова прозреть: «Ах, в чем проходит жизнь! Ах, в чем уже и прошла она! <...> Мечтал некогда обиженный, что с достоинством провести могу жизнь мою, уже хотя не за деланием во внешности, а за самоусовершенствованием собственным; но не философ я, а гражданин; мало мне сего: нужусь я, скорблю и страдаю без деятельности» (11, 62–63). Окончание записей в дневнике протопоба совпадает с его решением начать новую борьбу, которая станет одновременно и битвой героя за себя, за возможность жить в соответствии с собственными идеалами и для исполнения высокой цели: «Чтоб, усовершенствовав себя в земной юдоли, увидеть невечерний свет и возвратить с процентами врученный мне от Господа талант»⁶ (11, 73).

Главной заботой протопоба Туберозова, как и раньше, являются не запреты и ограничения церковных властей сами по себе, а искренняя боль за потерю веры в русском народе. Потому-то еще в самом начале своего служения священник с неосознанной симпатией присматривался к раскольникам, придя к неутешительному выводу: «...Раскольники блюдут свое заблуждение, а мы своим правым путем небрежем; а сие, мню, яко важнейшее» (11, 31). В конце романа-хроники негодование героя достигает апогея: он жалуется жене на «общее равнодушие к распространяющемуся повсеместно в России убеждению, что развитому человеку “стыдно веровать”», представляет ей «свои опасения за упадок нравов и потерю доброго идеала» (11, 181). Возмущение, когда-то изливавшееся на страницах дневника, теперь переходит у Туберозова в страстное желание действия – «непременно побить» (11, 166) всех врагов веры.

Эта борьба за веру, по сути, является для протопоба битвой за Отчизну. «Без идеала, без веры, без почтения к деяниям предков великих... Это... это сгубит Россию» (11, 165), – признается герой в самых сокровенных опасениях. Такая высокая цель делает Савелия истинным воином, исполняющим свой долг – защищать Родину. Неслучайно в речи героя в этой части романа-хроники появляется специфическая военная лексика: он говорит себе о необходимости «присягу выполнить» (11, 183); призывает «не по-

бивши кума, не пить мировой» (11, 166). Даже в словах Туберозова «для нас, духовных, нет защитников» после отправления под надзор можно увидеть двойной смысл: единственными защитниками правды, веры и Отечества в мире лесковского романа-хроники являются сами священнослужители. Даже название произведения – «Соборяне» – приобретает в контексте борьбы Туберозова и активно помогающего ему казака-дьякона Ахиллы⁷ значение не только собирательного наименования «старгородской поповки», но и воинства, армии, ратной силы, противостоящей многочисленным врагам.

Дополнительную актуализацию метафоры «Савелий-воин» и «соборяне-воинство» получают в одной из ключевых сцен романа-хроники – грозы, заставшей протопоба на опушке леса возле «гремучего ручья». Протопоп вспоминает легенду о чудесном происхождении этого ключа: здесь «пал изнемогший в бою русский витязь, а его одного отовсюду облегла несметная сила неверных» (11, 202). Витязь взмолился об избавлении и был обращен Спасителем в родник, рядом с которым с тех пор «всегдашнее таинственное присутствие Ратая веры» (11, 202). Чудесное спасение переживает здесь и Туберозов: одна молния рядом с ним бьет в ручей, а вторая под корень срезает огромный дуб. Это символическое превращение Савелия в «ратая веры» знаменует конец его сомнений и решимость принять последний и главный бой: в ту же ночь он пишет программу проповеди, осознанно готовясь к ней как к вехе, которая положит конец его жизни и начало «житию».

Прямое включение текста проповеди в роман, по сути, также является английской традицией, идущей еще от романа О. Голдсмита «Векфильдский священник», который был упомянут в письме Льюиса как «Викарий» и с которым обнаруживается немало перекличек в «Соборянах»⁸. Неоднократно этот прием используется и в творчестве Джордж Элиот. В «Сцене», впрочем, включена лишь частная проповедь: это речь Эдгара Триана, обращенная к кающейся Джэнет, – однако она целиком приведена автором в форме прямой речи героя.

Лесков также не включает в текст ни одного прямого описания проповедей Туберозова в храме – две цитируются им самим в дневнике, а третья дана в виде черновых заметок героя. «Интимизация» этой финальной проповеди, впоследствии воспринятой горожанами как «революция» (11, 209), усиливается сопровождающими ее написанием деталями: «старик» (без обозначения сана) сидит «один в своем зальце», а перед ним лежит «маленький, пополам перегнувшийся листок» (11, 207). Словно нарочно уменьшенный масштаб сцены перекликается с давним желанием протопоба читать проповедь как «живую речь, направляемую от души к душе» (11, 40), является метафорической попыткой священника войти в дома и сердца своих прихожан.

Если служба, к которой готовится протопоп, воспринимается им как последний бой с «неверными», то проповедь (т.е. слово) является орудием героя. Речь Туберозова включает упоминание обо всех ключевых

для него ценностях: он радуется о возрождении истинной веры в душах людей: «Нам надлежит желать и молиться, дабы сердце Царево не было ни в каких руках человеческих, а в руках Божиих», — и о спасении Родины, попутно обличая всех, кто обязан выполнять этот священный долг: «...Да соблюдется до века Русь... <...> Не положи ее, творче и содетелю! в посмеяние народам чужим, ради лукавства слуг ее злосовестливых и недоброслужащих» (11, 208–209).

Несмотря на то что проповедь Триана в повести Элиот носит иной, более интимный характер, связанный с проблемой индивидуального греха, искупления и воскресения, ее ключевая идея прямо перекликается с главной мыслью речи Туберозова. Триан также внушает Джэнет мысль о спасении путем покорения высшей воле: «...Лишь только мы сознаем свою беспомощность и приходим к Христу, желая освободиться от власти греха и от кары, нас ожидающей, мы уже не остаемся с одними лишь нашими силами». Напротив, нет спасения, «пока мы живем в забвении Бога, воображая, что для нас должна существовать одна наша воля» [28. С. 116]. «Безмерное наше умствование, поработавшее разум. Ученость, отвергающая возможность постижения доселе постижимого» (11, 207), — на это сетует и главный герой «Соборян».

Савелий Туберозов не надеялся на победу в этой «битве словом» — на это указывает его намерение «закончить» ею «все свое служение церкви» (11, 209). С этой точки зрения он фактически приносит себя в жертву, добровольно принимая то, что «жизнь уже кончена» (11, 210), и отправляясь в ссылку, готовый в то же время пойти дальше — «в темницу... на крест: во гроб» (11, 239). Эта жертвенность, готовность исполнять свой долг ценою телесных страданий и смерти присутствует и в образе Триана: он буквально изнуряет себя проповеднической работой, прекрасно сознавая, что приближает смерть от чахотки. Готовность героя пострадать за веру наиболее ярко проявляется в сцене, когда он с единомышленниками идет по улицам к церкви, чтобы произнести свою первую воскресную проповедь, — идет, несмотря на знание того, что заговор анти-трианитов принял «угрожающие размеры» и бесстрашие трианитов чревато увечьями: «Посреди... града прозвищ и непристойных каламбуров, с аккомпанементом... криков, воплей, возгласов и свиста... мистер Триан шествовал, бледный и неподвижный» [28. С. 70].

Как и Туберозов, Триан не способен отнестись к врагам с равнодушным презрением: «в душе он сильно страдал» [Там же]. Метафора битвы дополняется здесь указанием автора на то, что единственным оружием священника было «сознание собственной правоты», однако, как пишет Элиот, «это оружие было столь же бессильно против насмешливых взглядов и оскорбительных слов, как и против камней и дубинок» [Там же].

Этот эпизод, один из ключевых в повести, завершается неожиданной отсылкой в будущее: Элиот указывает на скорое повторение сцены проводов Триана в церковь: «...снова собралась толпа народа, чтобы видеть, как он вступит в церковные ворота» [Там

же], — однако это будут уже похороны евангелического пастора. Такое же явное предначертание скорой смерти Туберозова содержится и в эпизоде его отъезда под надзором в губернский город после кульминационной проповеди. Особенно очевидны переклички двух текстов в описании сочувственного отношения народа к судьбе протопopa: «через полчаса это знал весь город, и к дому Туберозова собрались люди» (11, 210). Протопop ритуально прощается с народом: «снял шляпу, поклонился ниже пояса на все стороны. Гомон затих: у многих навернулись слезы, и все стали креститься» (11, 210). Эти же акценты (прощальный ритуал, слезы, горе народа) сопровождают и описание похорон Савелия: «Вот весь город сопровождает тело Туберозова в церковь. Обедня и отпевание благодаря Ахилле производили ужасное впечатление; дьякон, что ни начнет говорить, захлебывается, останавливается и заливается слезами. Рыдания его, разносясь в толпе, сообщают всем глубочайшую горечь» (11, 260).

Смерть как неотъемлемая часть любой войны является следствием, а часто и разрешением всех «битв» священнослужителей в «Соборянах» Лескова и «Сценах из клерикальной жизни» Элиот. В «Исповеди Джэнет» первым пал (причем буквально — выпав из двухолки) главный враг Триана адвокат Демпстер. Смерть самого священника случается позже, и к этому времени он уже одерживает решительную победу над анти-трианитами, во многом благодаря переходу на его сторону жены Демпстера Джэнет. Похороны Триана являются и его своеобразным торжеством: «сердце каждого из присутствовавших было полно воспоминаний о человеке, который в течение жизни, отмеченной самоотвержением, и в минуту страдальческой смерти был поддерживаем верой, которая придает форме живительное дыхание и смысл» [28. С. 165].

Гораздо трагичнее описание похорон в последних главах «Амоса Бартона»: итогом борьбы героя с тяжелыми жизненными обстоятельствами становится смерть его жены и новорожденного ребенка. Эта потеря, однако, оборачивается и неожиданным приобретением: прихожане меняют свое отношение к священнику и начинают сообща помогать ему: «На кладбище стояло много мужчин и женщин, которые недавно еще издевались над своим пастором... но теперь, когда они увидели его за гробом, бледного и расстроенного, великое горе его снова возвысило его в общем мнении, и они смотрели на него с почтительным сочувствием» [17. С. 493]. Однако Бартона ждет еще один удар: власти переводят его из Шеппертона, где у него появилось множество друзей и почтительные прихожане, в отдаленный фабричный город. Впрочем, Элиот все же смягчает финал повести: она показывает героя в старости, поддерживаемого рукой любящей дочери, и рассказывает о счастливых судьбах его детей.

В финале «Соборян» Лесков соединяет оба эти варианта разрешения борьбы героев — трагический и оптимистический, вызывающий чувство светлой печали. Трагедией становится для Туберозова смерть любимой жены Наташи, драматично изображает писатель кончину самого мятежного протопopa. Но Лесков, подобно Элиот, не обрывает свою хронику на

трагической ноте: он описывает последние дни и смерть Ахиллы Десницына и в конце упоминает о кончине третьего из «старгородской поповки», Захарии Бенефактова. Подобно Туберозову, Ахилла знаменует конец своей жизни подвигом: ловит запугавшего весь город «черта». Но величественная битва на кладбище заканчивается нелепостью: «чертом» оказывается голодный и одичавший мещанин Данилка. Однако принцип параллелизма сцен используется Лесковым и здесь: перед смертью Ахилла принимает последнюю, более великую битву: в бреду он борется с «огнелищым», который исследователями интерпретируется и как дьявол, и как сам Бог, – и побеждает его.

Совсем не трагична и смерть Захарии, тихо уснувшего во время службы в день Светлого Воскресения: она знаменует собой не поражение, а надежду. Симптоматично, что именно этот кроткий священник заставляет протопopa Туберозова умереть со словами если не прощения, то просьбы о нем: «...Прости слепому и развращенному роду его жестокосердие» (11, 255). Впрочем, само упоминание о «жестокосердии» – знак того, что и на краю могилы Савелий Туберозов не завершает своей великой битвы, и его упорное желание смириться во время исповеди («Ту скорбь я к Престолу... Владыки царей... положу» (11, 255)) – символический призыв «павшего русского витязя» к продолжению священной войны.

Мотив войны священнослужителей за веру и Отечество, таким образом, является сквозным в «Соборянах» и накладывает отпечаток на авторскую интер-

претацию образов романа-хроники. Протопop Туберозов представлен здесь как истинный русский воин, который ценой жизни пытается сокрушить главных врагов государства – неверие общества и косность церковных чиновников, а в конечном счете – всеобщее «бесстрастное равнодушие к добру и злу» (11, 207), к высшим идеалам. Исход этой многолетней битвы трагичен, однако одновременно дает и надежду на то, что жизнь павшего «ратая веры» станет источником возрождения общества и Церкви.

Схожую концепцию образа священнослужителя Лесков мог увидеть в «Сценах из клерикальной жизни» Джордж Элиот. Английская писательница точно так же призывает к сочувствию к судьбе простого пастора, показывает обыденный героизм священников и драматичность их жизни. Мотив войны с бытом, с собственными грехами и, наконец, с реальными противниками веры легко обнаруживается в повестях, посвященных судьбе Амаса Бартона и Эдгара Триана.

Представляется, что опыт Элиот мог оказаться полезным для Лескова при формировании его концепции священника-воина, аналогов которой до тех пор не было в русской литературе. Типологическое сравнение «Соборян» со «Сценами из клерикальной жизни» дает представление о существовании схожих социокультурных особенностей в жизни духовенства России и Англии и об общей проблематике, занимавшей в этот период двух писателей-современников, оказавших существенное влияние на национальную и европейскую литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди наиболее значимых следует отметить работы Л.А. Аннинского, И.П. Видуэцкой, Г.Б. Курляндской, О.Е. Майоровой и В.Е. Хализева, Е.А. Макаровой, И.В. Столяровой, В.Ю. Троицкого [1–8].

² Цит. по: [16. С. 269].

³ Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Н.С. Лескова [19] даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.

⁴ В этот перечень необходимо включить и нашу работу: [25].

⁵ См.: (7, 475–479).

⁶ Эта идея Лескова глубоко родственна ключевой мысли всего творчества Джордж Элиот – о том, что каждый человек обязан реализовать себя, исполнить собственное предназначение. Лучший роман Элиот «Мидлмарч» (1871–1872) целиком будет посвящен тому, как герои стремятся к реализации своих высоких целей и как обыденная жизнь противостоит этому.

⁷ В связи с обширностью темы мы сознательно не анализируем в настоящей работе образ Ахиллы Десницына, который, несомненно, также выступает в «Соборянах» воином за веру, о чем свидетельствуют и его происхождение, и многочисленная атрибутика, и поступки. Частично проблематика, связанная с образом Ахиллы как богатыря, анализируется в диссертации И.С. Снегиревой, которая рассматривает дьякона как героический тип праведника (см.: [13. С. 108–124]).

⁸ Особенно много отсылок в тексте «Соборян» можно обнаружить к идиллическому описанию жизни векфильдского священника в начале романа О. Голдсмита: «Мы гуляли по окрестностям или находили себе занятие дома, навещали богатых соседей, помогали бедным; ни о каких переменах не помышляли, тягостных забот не ведали, и все наши приключения совершались подле камина, а путешествия ограничивались переселением из летних спален в зимние, и из зимних – в летние» [30. С. 26]. То, что Лесков был знаком с «Векфильдским священником», подтверждает наличие в его личной библиотеке русского издания романа Голдсмита 1846 г. (см.: [31. С. 259]), а также упоминания «Векфильдского священника» в творчестве Лескова: например, в повести «Детские годы» молодой герой «с величайшим удовольствием» читает этот роман Голдсмита, подаренный ему «предметом его любви» [20. Т. 5. С. 307].

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннинский Л.А. «Русский космос» Николая Лескова // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 7. М., 1993. С. 5–74.
2. Видуэцкая И.П. Николай Семенович Лесков. М., 1979.
3. Курляндская Г.Б. Проблема человека в «Соборянах» Н.С. Лескова // Курляндская Г.Б. Литературная срединная Россия. Орел, 1996. С. 98–117.
4. Майорова О.Е., Хализев В.Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983. С. 196–232.
5. Макарова Е.А. Старообрядческая культура в эстетическом сознании Н.С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1993. 258 с.
6. Столярова И.В. Роман-хроника Лескова // История русского романа : в 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 416–438.
7. Столярова И.В. Лесков и Россия // Лесков Н.С. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1996. Т. 1. С. 7–100.
8. Троицкий В.Ю. С думой о России // Лесков Н.С. Собр. соч. : в 12 т. М., 1988. Т. 1. С. 3–44.
9. Лукьяничкова Н.В. Трансформация агиографической традиции в произведениях Н.С. Лескова о «праведниках» : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2004. 169 с.

10. Шкута Г.А. Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н.С. Лескова: мифопоэтический аспект : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 215 с.
11. Яхненко Е.В. Жанровые традиции древнерусской литературы в творчестве Н.С. Лескова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 200 с.
12. Косых Г.А. Праведность и праведники в творчестве Лескова 1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.
13. Снегирева И.С. Типология характеров праведников в романе-хронике Н.С. Лескова 1870-х годов: «Соборяне», «Захудалый род» : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. 211 с.
14. Долинина И.В. Н.С. Лесков 1870-х гг.: тип художественного мышления и динамика жанров : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2001. 216 с.
15. Уддыжекова О.В. Этико-философские основы жанровых поисков Н.С. Лескова 1870-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1998. 204 с.
16. *The George Eliot letters*: 9 volumes. New Haven ; London : Yale UP, 1954–1978. Vol. II. 1954. 513 p.
17. Амос Бартон. Повесть Джорджа Эллиота // Русский вестник. 1860. Т. 27. С. 435–498.
18. Видуэцкая И.П. Соборяне. История создания // Лесков Н.С. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 2012. Т. 11.
19. Лесков Н.С. Полн. собр. соч. : в 30 т. М., 1996–2012.
20. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М., 1956–1958.
21. Першина М.А. Англоязычная литература как текст-прецедент в произведениях Н.С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2013. 24 с.
22. Овчинникова И.В. Стернианские «отражения» и их функция в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 19 с.
23. Бячкова В.А. Образ священнослужителей в романах «Барчестерского цикла» Э. Тrollope и «Соборянах» Н.С. Лескова // Филология и культура. 2013. № 3 (32). С. 80–84.
24. Минеева И.Н. Эффект левизны, или Отношения Н.С. Лескова с Англией // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск, 2014. № 7 (144). С. 70–75.
25. Гнусова И.Ф. «Мелочи архиерейской жизни» Н.С. Лескова в контексте английской прозы о жизни священнослужителей (Дж. Эллиот и Э. Тrollope) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2015. № 1. В печати.
26. Английские имена // Европейские имена: значение и происхождение. URL: http://kurufin.ru/html/English_names/english_am-az.html (дата обращения: 15.01.2015).
27. Jumeau A. «Scenes of clerical life»: George Eliot's own version of conversion // *The George Eliot Rewiew*. Nuneaton, 2009. P. 15–24.
28. Исповедь Джэнет: Роман Джорджа Эллиота // Современник. 1860. Т. 81. Приложение. 166 с.
29. Ранчин А. Примечания // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1993. Т. 4. 639 с.
30. Голдсмит О. Векфильдский священник. М., 1959. 231 с.
31. Дмитриухина Л.В., Мазина Е.В. Из истории формирования фонда № 2 «Н.С. Лесков» в коллекции Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева // Н.С. Лесков в пространстве современной филологической мысли. М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 224–365.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 марта 2015 г.

"RUSSIAN KNIGHT, BEATEN OUT IN BATTLE": CHARACTER OF CLERGYMAN IN N.S. LESKOV'S NOVEL-CHRONICLE *THE CATHEDRAL CLERGY* IN THE CONTEXT OF ENGLISH LITERATURE TRADITIONS (GEORGE ELIOT'S *SCENES OF CLERICAL LIFE*)

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 5-13. DOI 10.17223/15617793/393/1

Gnyusova Irina F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: N.S. Leskov; George Eliot; tradition; character; motive; clergyman.

The subject of this paper is the question about a similar conception of the character of a clergyman in N.S. Leskov's novel-chronicle *The Cathedral Clergy* (1872) and George Eliot's cycle of short novels *Scenes of Clerical Life* (1857). Ideological-aesthetic crossings and Leskov's interest in the creative representation of clerical life allow supposing that the writer could know Eliot's short novels, which were separately published in Russian in the journals *Sovremennik* ("The Contemporary") and *Russkiy Vestnik* ("The Russian Herald") in 1860. The mentions of George Eliot's name in Leskov's essays and letters confirm it. The author of the research believes that the importance of the question about the English tradition in *The Cathedral Clergy* is determined, first of all, by the figure of the main character of the novel-chronicle. It is not just that Leskov was the first Russian writer who placed the character of a clergyman in the centre of an epic thing; his innovation was that this particular character became the focus of spirituality and heroic potential in society for Leskov. The writer sees a simple provincial priest as the main guard of the ideals life of Russian people and Russian state is based on. That is exactly why the motive of fighting, which gets through the whole narrative, is closely connected with the key characters of *The Cathedral Clergy*, most of all with the character of Saveliy Tuberozov. Leskov could easily find a similar conception in George Eliot's *Scenes of Clerical Life*: the writer describes numerous hardships of ordinary clergymen's life together with characters' sincere eagerness to improve concerns of the Church and life of their parish, inspire people with high moral values. Incomprehension and dislike from congregation, difficult relations with Church authorities, private troubles indicate that Eliot also successively heroizes a simple provincial priest and makes him a fighter for high ideals. The author of the paper believes that the theme of fighting, which is the most evident in the first and third parts of the cycle, could influence the formation of the conception of a clergyman-fighter, realized in *The Cathedral Clergy*. Comparative-typological analysis of the works confirms it: both in Eliot's *Scenes* and in Leskov's novel-chronicle clergymen have to resist hostile circumstances and at the cost of the permanent asperities and grave losses fight for saving what is valuable for them: family and loved ones, faith and ideals, their souls and, in the end, homeland. The typological comparison of *The Cathedral Clergy* with *Scenes of Clerical Life* indicates a presence of similar sociocultural characteristics in the life of clergy in Russia and the UK and common problems which the two writers-contemporaries, who considerably influenced the national and European literature, took interest in at that period.

REFERENCES

1. Anninskiy L.A. "*Russkiy kosmos*" Nikolaya Leskova ["Russian cosmos" of Nikolai Leskov]. In: Leskov N.S. *Sobranie sochineniy*: v 6 t. [Works: in 6 v.]. Moscow: Ekran Publ., 1993. Vol. 4, pp. 5–74.
2. Viduetskaya I.P. *Nikolay Semenovich Leskov* [Nikolai Semenovich Leskov]. Moscow: Znanie Publ., 1979. 64 p.

3. Kurlyandskaya G.B. *Literaturnaya sredinnaya Rossiya* [Literary median Russia]. Orel, 1996, pp. 98–117.
4. Mayorova O.E., Khalizev V.E. *Leskovskaya kontseptsiya pravednichestva* [Leskov's concept of goodness]. In: Bogdanov V. (ed.) *V mire Leskova* [In the world of Leskov]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1983, pp. 196–232.
5. Makarova E.A. *Starobryadcheskaya kul'tura v esteticheskom soznanii N.S. Leskova*: dis. kand. filol. nauk [Old Believer culture in the aesthetic consciousness of N.S. Leskov. Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1993. 258 p.
6. Stolyarova I.V. *Roman-khronika Leskova* [Novel-Chronicle by Leskov]. In: *Istoriya russkogo romana: v 2 t.* [History of the Russian novel: in 2 v.]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. Vol. 2, pp. 416–438.
7. Stolyarova I.V. *Leskov i Rossiya* [Leskov and Russia]. In: Leskov N.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: TERRA Publ., 1996. Vol. 1, pp. 7–100.
8. Troitskiy V.Yu. *S dumoy o Rossii* [Thinking about Russia]. In: Leskov N.S. *Sobraniye sochineniy: v 12 t.* [Works: in 12 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. Vol. 1, pp. 3–44.
9. Luk'yanchikova N.V. *Transformatsiya agiograficheskoy traditsii v proizvedeniyakh N.S. Leskova o "pravednikakh"*: dis. kand. filol. nauk [The transformation of the hagiographical tradition in the works of N.S. Leskov about the "righteous". Philology Cand. Diss.]. Yaroslavl, 2004. 169 p.
10. Shkuta G.A. *Fol'klornye i drevnerusskie syuzhety i motivy v tvorchestve N.S. Leskova: mifopoeticheskiy aspekt*: dis. kand. filol. nauk [Folklore and ancient Russian themes and motifs in the works of N.S. Leskov: mythopoetical aspect. Philology Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2005. 215 p.
11. Yakhnenko E.V. *Zhanrovye traditsii drevnerusskoy literatury v tvorchestve N.S. Leskova*: dis. kand. filol. nauk [Genre traditions of Old Russian literature in the works of N.S. Leskov. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 200 p.
12. Kosykh G.A. *Pravednost' i pravedniki v tvorchestve Leskova 1870-kh godov*: dis. kand. filol. nauk [The righteousness and the righteous in the 1870s works of Leskov. Philology Cand. Diss.]. Volgograd, 1999. 224 p.
13. Snegireva I.S. *Tipologiya kharakterov pravednikov v romane-khronike N.S. Leskova 1870-kh godov: "Soboryane", "Zakhudalyy rod"*: dis. kand. filol. nauk [Typology of the righteous characters in the novel-chronicle of N.S. Leskov in 1870s: The Cathedral Clergy, A Decayed Family. Philology Cand. Diss.]. Orel, 2002. 211 p.
14. Dolinina I.V. *N.S. Leskov 1870-kh gg.: tip khudozhestvennogo myshleniya i dinamika zhanrov*: dis. kand. filol. nauk [N.S. Leskov in the 1870s: type of creative thinking and dynamics of genres. Philology Cand. Diss.]. Ivanovo, 2001. 216 p.
15. Ugdyzhkova O.V. *Etiko-filosofskie osnovy zhanrovyykh poiskov N.S. Leskova 1870-kh godov*: dis. kand. filol. nauk [Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 1998. 204 p.
16. *The George Eliot letters: 9 volumes*. New Haven; London: Yale UP, 1954–1978. Vol. II, 513 p.
17. Amos Barton. *Povest' Dzhordzha Eliota* [A Story by George Eliott]. *Russkiy vestnik*, 1860, vol. 27, pp. 435–498.
18. Viduetskaya I.P. *Soboryane. Istoriya sozdaniya* [The Cathedral Clergy. The history of creation]. In: Leskov N.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: TERRA Publ., 2012. Vol. 11.
19. Leskov N.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: TERRA Publ., 1996–2012.
20. Leskov N.S. *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Works: in 11 v.]. Moscow, 1956–1958.
21. Pershina M.A. *Angloyazychnaya literatura kak tekst-pretседent v proizvedeniyakh N.S. Leskova*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [English-language literature as precedent text in the works of N.S. Leskov. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Kirov, 2013. 24 p.
22. Ovchinnikova I.V. *Sternianskie "otrazheniya" i ikh funktsiya v romane-khronike N.S. Leskova "Soboryane"*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Sternian "reflections" and their function in the novel-chronicle by N.S. Leskov, The Cathedral Clergy. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Voronezh, 2013. 19 p.
23. Byachkova V.A. *Obraz svyashchennosluzhiteley v romanakh "Barchesterskogo tsikla" E. Trollopa i "Soboryanakh" N.S. Leskova* [The image of the clergy in the Barchester Cycle by E. Trollope and The Cathedral Clergy by N.S. Leskov]. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*, 2013, no. 3 (32), pp. 80–84.
24. Mineeva I.N. Leftism effect or N.S. Leskov's relationship with Britain. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki – Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities*, 2014, no. 7 (144), pp. 70–75. (In Russian).
25. Gnyusova I.F. "Melochi arkhieyskoy zhizni" N.S. Leskova v kontekste angliyskoy prozy o zhizni svyashchennosluzhiteley (Dzh. Eliot i E. Trollop) [Trifles of a Bishop's Life by N.S. Leskov in the context of English prose of the life of priests (G. Eliot and A. Trollope)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2015, no. 1 (in print).
26. *Angliyskie imena* [English names]. In: *Evropeyskie imena: znachenie i proiskhozhdenie* [European names: the meaning and origin]. Available from: http://kurufin.ru/html/English_names/english_am-az.html. (Accessed: 15.01.2015).
27. Jumeau A. "Scenes of clerical life": George Eliot's own version of conversion. In: *The George Eliot Review*. Nuneaton, 2009, pp. 15–24.
28. *Ispoved' Dzhenet: Roman Dzhordzha Eliota* [Janet's Confession: A Novel by George Eliot]. *Sovremennik*, 1860, vol. 81, supplement, 166 p.
29. Ranchin A. *Primechaniya* [Notes]. In: Leskov N.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 v.]. Moscow: Ekran Publ., 1993. Vol. 4, 639 p.
30. Goldsmith O. *Vekfil'dskiy svyashchennik* [The Vicar of Wakefield]. Translated from English by T. Litvinova. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1959. 231 p.
31. Dmitryukhina L.V., Mazina E.V. *Iz istorii formirovaniya fonda № 2 "N.S. Leskov" v kolleksii Orlovskogo ob"edinennogo gosudarstvennogo literaturnogo muzeya I.S. Turgeneva* [From the history of the formation of Fund 2 "N.S. Leskov" in the collection of Orel United State Literary Museum of I.S. Turgenev]. In: Viduetskaya I.P. (ed.) *N.S. Leskov v prostranstve sovremennoy filologicheskoy mysli* [N.S. Leskov in the space of modern philological thought]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2010, pp. 224–365.

Received: 25 March 2015

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ РОМАНА Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР» XX в.: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Статья посвящена специальному изучению повествовательных особенностей романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в русскоязычных переводах XX в. Впервые предпринимается попытка сопоставительного анализа повествовательных особенностей оригинального текста романа и его трех русскоязычных переводов XX в. Целью настоящего исследования является специальное изучение адекватности воспроизведения и специфики функционирования нарративных особенностей оригинального текста романа «Джейн Эйр» Ш. Бронте в текстах русскоязычных переводов романа XX в.

Ключевые слова: нарратив; Ш. Бронте; «Джейн Эйр»; перевод; русскоязычные переводы XX в.

В середине XX в. русская культура и литература характеризуется новым, после популярности у русских читателей XIX в., всплеском интереса к творчеству Ш. Бронте. В России в XX в. роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» представлен четырьмя переводами: перевод 1901 г. неизвестного автора [1], перевод 1950 г. В.О. Станевич [2], в 1990 г. – переиздание перевода В. Станевич, в котором пропуски текста восстановлены И.Г. Гуровой [3], наконец, перевод, полностью выполненный И.Г. Гуровой и вышедший в свет в том же 1990 г. [4]

Такая высокая популярность романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в XX в. объясняется, на наш взгляд, не только его оригинальным содержанием, но в том числе и его детально продуманной повествовательной структурой. Роман «Джейн Эйр» – это история жизни и судьбы одной английской женщины, рассказанная ею самой. Вся организация повествования в романе подчинена принципу исповедального рассказа главной героини Джейн Эйр о себе, и в тексте романа присутствуют новаторские авторские повествовательные стратегии, которые наполняют нарратив произведения особыми смыслами, оказавшимися актуальными для культуры и литературы XX в., во многом сосредоточены на проблематике наррации.

Проблема наррации – одна из наиболее актуальных в российском литературоведении XX в. Нарратология в XX в. уверенно вошла во многие сферы гуманитарных наук, и особенно значимой проблема наррации является для текстов художественной литературы. Именно в особом внимании к проблемам наррации видится специфика художественных текстов XX в. [5].

В России уже в первой половине XX в. появились первые исследования В.В. Виноградова [6] и М.М. Бахтина [7], посвященные проблематике организации повествования. В начале XXI в. в России вышла в свет книга В. Шмида [8], которая включает в себя обзорный анализ исследований российских и зарубежных литературоведов, посвященных проблеме повествования.

Важность и значимость категории нарративности для художественного текста заключается в том, что именно благодаря особенностям повествовательной структуры читатель воспринимает текст определенным образом (т.е. так, как он представлен рассказчи-

ком). Говоря об истоках изучения данного понятия в литературе, В. Шмид акцентирует внимание на том, что именно посредством нарратора текст приобретает свои индивидуальные черты: «В истории изучения нарратора с самого начала упор был сделан на его призматической функции, которая дает нам мир – <...> по словам К. Фридеманн [1910: 26] – «не таким, каким он существует сам по себе, а таким, каким он прошел через посредство некоего созерцающего ума» [8. С. 69].

Творчеству сестер Бронте в XX в. посвящен целый ряд исследований: Д.Б. Хардак [9], М.С. Михайловой [10], А.А. Будагян [11], В.М. Базилевич [12], М.А. Гритчук [13], О.А. Наумовой [14], А.А. Елистратовой [15], В.В. Ивашевой [16] О.Р. Демидовой [17], Н.П. Михальской [18], М.П. Тугушевой [19], Е.Ю. Гениевой [20], Е.А. Соколовой [21] и др. Но, несмотря на обилие исследований о сестрах Бронте, до сих пор нет специальных работ, посвященных проблематике организации и функционирования повествования, специфике повествовательных стратегий как в оригинальном тексте романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», так и в его русскоязычных переводах, в том числе в переводах XX в.

Поэтому **целью** настоящего исследования является специальное изучение адекватности воспроизведения и специфики функционирования нарративных особенностей оригинального текста романа «Джейн Эйр» Ш. Бронте в текстах русскоязычных переводов романа XX в.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые предпринимается попытка выявить оригинальные повествовательные стратегии, примененные Ш. Бронте в романе «Джейн Эйр», а также впервые произведен сравнительно-сопоставительный анализ повествовательных особенностей оригинального текста романа и его русскоязычных переводов XX в.

В настоящем анализе использованы три русскоязычных перевода XX в. романа Ш. Бронте «Джейн Эйр», исключен комбинированный вариант перевода, так как, с нашей точки зрения, его характер не позволяет выделить существенные моменты сходства или различия с оригиналом. Также в процессе анализа оригинального текста и его трех русскоязычных переводов стало очевидно, что в случае с переводом 1901 г. не представляется возможным использовать в

качестве примеров идентичные с двумя другими переводами фрагменты текста силу его специфики.

Перевод 1901 г. опубликован в иллюстрированном научно-популярном журнале для семьи и школы «Юный читатель» и был существенно сокращен переводчиком. Переводной текст приближен к русской культуре и адаптирован для русского читателя. Представляется, что общая стратегия перевода 1901 г. была обусловлена в первую очередь ориентацией на детскую и юношескую аудиторию – основных читателей журнала «Юный читатель».

Поэтому для репрезентативности некоторых аспектов анализа в работе использованы отличные от двух других переводов примеры.

Для характеристики повествовательной стратегии Ш. Бронте в романе «Джейн Эйр» мы выделяем три аспекта: структуру повествования, автобиографические элементы, роль описания природы и погодных явлений в романе. Пользуясь терминологией В. Шмида, обозначим тип повествования в романе «Джейн Эйр» как «эксплицитный». Такое повествование основано на самопрезентации нарратора. Он может «описывать себя как повествующее “я”, рассказывать историю своей жизни, излагать образ своего мышления...» [8. С. 70]. В романе героиня ведет рассказ от первого лица, но прямого указания на этот тип наррации в тексте произведения не дается, однако для определения повествования как эксплицитного не обязательно наличие подобного прямого указания и самопрезентацию нарратора. В. Шмид в данном контексте допускает, что иногда одно только употребление формы глагола для первого лица, личных местоимений и т.д. свидетельствует о том, что перед читателем эксплицитный нарратор. На протяжении всего произведения повествование ведется от лица главной героини, соответственно, в прямой речи Джейн присутствуют формы первого лица:

«I jumped up, took my muff and umbrella...» [22. С. 84] (подстрочный перевод (здесь и далее мой. – Ю.Д.): я подскочила, взяла мою муфту и зонт);

«After supper he began to ask me many questions...» [22. С. 340]: (после ужина он начал задавать мне много вопросов) и др.

Перевод В. Станевич: «Я вскочила, взяла свою муфту, зонтик...» [2. С. 111],

«После ужина он без конца расспрашивал меня...» [Там же. С. 491].

Перевод И. Гуровой: «Я вскочила, схватила со столика муфточку с зонтиком...» [4. С. 109],

«После ужина он засыпал меня вопросами...» [Там же. С. 467].

В переводе 1901 г. также сохранена форма повествования от первого лица: «Я надеюсь» [1. С. 232], «...я вышла за него...» [Там же. С. 232] и др.

Во всех трех вариантах перевода авторский стиль повествования от первого лица сохранен, в речи героини употребляется форма глагола и личные местоимения первого лица, единственного числа: «я», «меня», «мне», «встала» и т.д. Так в переводах сохраняется образ эксплицитного нарратора.

Наряду с эксплицитным в романе выражен и имплицитный нарратор. По нашему мнению, имплицит-

ный нарратор проявляется в многочисленных обращениях героини к читателю, так в произведении возникает образ самой Ш. Бронте. Подобное обращение предполагает установку на диалог автора и читателя: создается впечатление, что все сказанное героиней оформлено в художественное произведение, здесь мы встречаем реального автора – писателя (Ш. Бронте), но содержательно произведение подчинено идее личного рассказа главной героини (Джейн Эйр) о своей жизни, и в данном моменте два эти образа расходятся.

В переводе 1901 г. способ взаимодействия автора с читателем в виде диалога не отражен в полной мере. На протяжении всего текста большинство прямых обращений к читателю опускаются переводчиком, все обращения сохранены только в заключительной части романа:

«Я надеюсь, ты помнишь, читатель, маленькую Адель?» [1. С. 232],

«Дорогой читатель, я вышла за него замуж» [Там же] и др.

Многочисленные пропуски обращения к читателю значительно изменяют повествовательную структуру оригинального произведения, так, в переводе не передается в полной мере ощущение доверительного диалога с читателем, который ведет главная героиня.

Предполагаем, что причины подобных трансформаций связаны со спецификой перевода. В оригинальном тексте автор ведет диалог с читателем – взрослым человеком, возможно поэтому переводчик, адаптируя текст для читателя – ребенка, не сохраняет данного прямого обращения.

Таким образом, в переводе 1901 г. утрачивается целостность повествовательного единства романа и индивидуального стиля авторского текста.

Относительно переводов В. Станевич и И. Гуровой отметим, что, сохраняя форму диалога с читателем, стиль самих обращений различается в двух переводах, что несколько трансформирует оригинальный замысел повествования. С нашей точки зрения, обращение к читателю в оригинальном тексте предполагает дружеское расположение: Джейн не просто пересказывает череду событий своей жизни, но доверяет читателю свои самые сокровенные мысли и чувства, однако подобная установка не всегда передана переводчиками:

«...and when I draw up the curtain this time, reader, you must fancy...» [22. С. 83] (и когда я подниму занавеску / штору / занавес в этот раз, читатель, ты должен вообразить).

Перевод В. Станевич: «И когда я на этот раз отдерну перед тобой занавес, читатель, вообрази...» [2. С. 110].

Перевод И. Гуровой: «И когда, читатель, я подниму занавес на этот раз, вы должны вообразить...» [4. С. 108].

Из примера видно, что в переводе В. Станевич героиня обращается к читателю в более неформальном стиле «читатель, вообрази», такой стиль общения создает доверительный тон, создается впечатление дружеского диалога. В тексте И. Гуровой, наоборот, обращение более официальное: «читатель, вы должны

вообразить», тем самым переводчик создает определенную дистанцию между героиней и читателем, так, утрачивается доверительный тон, нивелируется интимность общения. Однако в других эпизодах романа, особенно в заключительных главах, позиции переводчиков кардинально меняются, и уже перевод В. Станевич приобретает более формальный стиль диалога с читателем:

«I have told you, reader, that...» [22. С. 151] (я говорила тебе, читатель, что).

Перевод В. Станевич: «Я уже говорила вам, читатель, что...» [2. С. 211].

Перевод И. Гуровой: «Я уже призналась тебе, читатель, что...» [4. С. 205].

Для перевода И. Гуровой в данном эпизоде характерен дружеский, доверительный тон беседы с читателем, тем более что здесь Джейн делится своими чувствами к мистеру Рочестеру. Так, собеседник главной героини в лице читателя первым узнает о ее чувствах, подобным образом люди признаются своим самым близким людям. В переводе В. Станевич атмосфера интимности утрачена. Отметим, что до конца произведения данная стратегия передачи стиля обращений сохраняется в обоих переводах – формальный стиль у В. Станевич и неформальный у И. Гуровой. Возможно, в своем переводе И. Гурова, переходя от официального стиля обращений к читателю на «вы» к непринужденному диалогу с читателем на «ты», демонстрирует динамику отношения главной героини к читателю. Чем больше Джейн рассказывает, тем больше она начинает доверять «собеседнику», возможно, поэтому в переводе все последующие обращения сделаны в более дружеском и непринужденном стиле.

В случае с переводом В. Станевич трудно предположить причины, по которым переводчик в различных эпизодах изменяет стиль обращений, возможно, В.О. Станевич не занималась специально проработкой данного аспекта повествования. Несмотря на подобные неточности, оба перевода в полной мере передают авторский замысел присутствия эксплицитного и имплицитного нарраторов.

При наличии некоторых индивидуальных особенностей отметим, что во всех текстах русскоязычных версий романа сохраняется форма диалога с читателем.

Другим важным, на наш взгляд, аспектом для анализа русскоязычных переводов романа в контексте повествовательной структуры является сам формат, в который Ш. Бронте оформляет свое произведение, – имеется в виду жанровая природа произведения. В романе Ш. Бронте не дает прямого указания на тип изложения материала, в тексте присутствуют лишь некоторые намеки на его возможную принадлежность к письменному тексту, а именно к романному творчеству.

Предположение о том, что это письменный текст, а именно роман, возникает не случайно. Многочисленные обращения к читателю в тексте произведения совпадают с обращениями к читателю самой Ш. Бронте в предисловии ко второму изданию романа: «I have alluded to him, Reader, because I think I see in him an intellect profounder...» [22. С. 18] (я упоминаю о нем, Читатель, потому, что, я думаю, я вижу в

нем глубокомыслящего интеллектуала). Так, на наш взгляд, становится очевидным, что в обращении «читатель» полностью совпадают герой (рассказчица Джейн Эйр) и реальный автор романа (Ш. Бронте).

Подтверждения, что перед нами письменный текст (возможно, роман), находим во многих эпизодах. Так, например, в главе 10 Джейн говорит: «Hitherto I have recorded in detail the events of my insignificant existence: to the first ten years of my life I have given almost as many chapters. But this is not be a regular autobiography: I am only bound to invoke Memory where I know her responses will possess some degree of interest; therefore I now pass a space of eight years almost in silence: a few lines only are necessary to keep up the links of connection» [22. С. 75–76] (до этого времени я записала в деталях события моего малозначительного существования: первым десяти годам своей жизни я отдала почти столько же глав. Но это не регулярная / стандартная / обычная биография: я только ограничиваюсь просить мою память тогда, когда я знаю, что ее отклик будет обладать какой-либо степенью интереса; по этой причине сейчас я пропущу промежуток восьми лет моей жизни почти в полном молчании: необходимо только несколько строчек чтобы сохранить связь.)

Во-первых, необходимо отметить, что в этом абзаце автор опровергает возможное предположение, что это простая автобиография: «this is not be a regular autobiography», также уточняет, что рассказ будет состоять только из фактов, которые могут быть интересны: «will possess some degree of interest», так, можно предполагать, что перед нами автобиографический роман, сюжет которого так или иначе продуман автором, т.е. Джейн Эйр.

Во-вторых, подтверждением того, что перед нами может оказаться роман, является присутствие в тексте таких существительных, как «chapter» (глава), «line» (строка) и глагола «to record» (записывать). Однако не все переводчики сохраняют подобные указания на жанровую принадлежность текста. Например, в своем переводе В. Станевич заменяет глагол «to record» (записывать / фиксировать какие-либо факты в письменной форме) глаголом «описывать»:

«До сих пор я описывала события...» [2. С. 98]. Глагол «описывать» в русском языке больше ассоциируется с устным рассказом, чем с письменной речью. Таким образом, в переводе не отражен смысл того, что главная героиня не просто описывает события своей жизни, но именно записывает их.

Перевод в исполнении И. Гуровой еще больше искажает смысл высказывания:

«До сих пор я <...> рассказывала о событиях...» [4. С. 98], переводчик заменяет глагол «to record» (записывать) глаголом «рассказывать». В данном варианте перевода авторский замысел письменного фиксирования героиней событий своей жизни полностью нивелируется, так, переводчик создает иллюзию устного рассказа героини.

Несмотря на это, существительные «chapter» (глава) и «line» (строка) сохраняются в обоих переводах:

В. Станевич: «...почти столько же глав...<...> достаточно будет нескольких строк» [Там же. С. 98–99].

И. Гурова: «...почти такое же количество глав... <...> несколько строчек будут достаточным связующим звеном» [4. С. 98].

В приведенном фрагменте перевод В. Станевич наиболее полно отражает смысловую коннотацию глагола «записывать», сохраняя авторский замысел.

В главе 11 также присутствует указание на жанровую принадлежность произведения: «A new chapter in a novel is something like a new scene in a play...» [22. С. 83] (новая глава в романе это что-то похожее на новую сцену в пьесе). В данном фрагменте оба перевода точно передают оригинальное содержание:

– перевод В. Станевич: «Новая глава романа похожа на новое действие в пьесе» [2. С. 110];

– перевод Гуровой: «Новая глава в романе похожа на новую сцену в пьесе» [4. С. 108].

В последней главе романа также находим прямое указание на то, что весь рассказ Джейн – некий оформленный текст: «My tale draws to its close: one word respecting my experience of married life, and one brief glance at the fortunes of those whose names have most frequently recurred in this narrative, and I have done» [22. С. 350] (мой рассказ / история / повесть подошла к завершению: одно слово, касающееся моего опыта семейной жизни и один короткий взгляд на судьбы тех, чьи имена чаще всего повторялись в этом рассказе / повести / изложении событий / повествовании, и я закончила). Существительные: «tale» (рассказ / история / повесть), «narrative» (рассказ / повесть / изложение), и фразы: «my tale draws to its close» (мой рассказ заканчивается), «I have done» (я закончила) отсылают к образу писателя, заканчивающего свое произведение. В обоих переводах сохраняется данный подтекст:

Перевод В. Станевич: «Моя повесть подходит к концу» [2. С. 506].

Перевод И. Гуровой: «Моя повесть приближается к концу» [4. С. 481].

Подтверждение того, что это автобиографический роман, мы усматриваем в частом обращении героини к датам, уточнениям времени.

В оригинальном тексте произведения присутствует большое количество пояснений в виде точных дат или простых обозначений времени суток или времени года.

Роман начинается следующими словами: «There was no possibility of taking a walk that day» [22. С. 19]. (не было возможности предпринять прогулку в тот день). Уточнением в приведенном примере является фраза «that day» (тот день). Далее героиня приводит месяцы: «November, December, and half of January passed away» [22. С. 34] и пр. (ноябрь, декабрь и половина января прошли). Отметим, что все подобные пояснения и уточнения переданы в обоих переводах в полной мере. В разной степени перевод 1901 г. также сохраняет данную особенность повествования.

Можно заключить, что все повествование в романе может являться письменным текстом, а именно автобиографическим романом. Все три перевода, несмотря на некоторые отступления, передают данную повествовательную особенность текста оригинала.

Следующим аспектом, важным, на наш взгляд, для структуры повествования романа, является элемент

автобиографичности. Несмотря на то что традиционно автобиографический аспект больше относится к содержательной стороне текста, в случае с творчеством Ш. Бронте мы относим его к повествовательному аспекту.

Обладая талантом к рисованию, Ш. Бронте наделяет этим талантом и главную героиню – это, на наш взгляд, проявление автобиографичности в романе. На этой основе в текст романа вошли детальные описания картин, выполненные с профессионализмом художника, что уже самым непосредственным образом относится к особенностям повествовательной структуры романа.

В главе 13 Джейн описывает свои картины, не просто передавая красоту пейзажей, но уделяя внимание профессиональным художественным приемам. Приведем несколько примеров подобных описаний: «These pictures were in water-colours. <...> all the distance was in eclipse; so, too, was the foreground...» [22. С. 107] (эти картины были в акварели. Все пространство было в затмении/мраке так же, как и передний план).

«...A gold bracelet set with gems, that I had touched with as brilliant tints as my palette could yield, and as glittering distinctness as my pencil could impart» [Там же] (золотой браслет, украшенный драгоценными камнями, который я тронула блестящими красками, насколько мне позволила моя палитра и придала блистающую четкость, насколько мог позволить мой карандаш).

Ключевыми словами в приведенных примерах для понимания смысла высказывания являются: pictures, water-colours, foreground, tints, palette, pencil, portrayed, combine (tints).

В переводе 1901 г. данный фрагмент описания картин полностью удален переводчиком, таким образом нарушена оригинальная организация повествования. В двух других русскоязычных переводах данная особенность повествования передана, оба перевода воспроизводят художественную тематику высказываний:

Перевод В. Станевич: «Рисунки были сделаны акварелью <...> проступал передний план <...> браслет с драгоценными камнями, которым я придала всю ту яркость, какую могла извлечь из своей палитры, и всю ту выпуклость и четкость, на которую был способен мой карандаш» [2. С. 146].

Перевод И. Гуровой: «Это были акварели <...> даль тонула в сумраке, впрочем как и передний план <...> золотой браслет, усаженный драгоценными камнями, которым я придала всю ту яркость, какую сумела извлечь из своих красок, и всю ту выпуклую четкость, на какую была способна моя кисть» [4. С. 143].

Следующим важным аспектом для повествовательной структуры романа, по нашему мнению, является описание природы и погоды. Часто это не просто лирические отступления, но важный элемент для понимания настроения, эмоционального состояния, чувств героев и т.д. Описание своего несчастливого детства в начале романа Джейн Эйр начинает с соответствующего описания погоды: «...the cold winter wind had brought with it clouds so somber, and a rain so penetrating, that further outdoor exercise was now out of the question» [22. С. 19] (холодный зимний ветер при-

нес с собой такие хмурые тучи и такой пронизывающий дождь, что о дальнейших занятиях на воздухе не могло быть и речи). Радостному настроению Джейн Эйр в одном из эпизодов романа соответствует и пейзаж. «...Lovely spring morning <...> the sun was just entering the dappled east, and his light illumined the wreathed and dewy orchard trees and shone down the quite walks under them» [Там же. С. 174–175] (прекрасное весеннее утро... солнце только всходило на пестром востоке, и его свет озарил обвитые и покрытые росой деревья яблоневого сада и осветило тихие дорожки под ними).

В переводе 1901 г. подобные описания часто пропускаются, а в случае их воспроизведения переводчик использует прием описательного перевода, значительно сокращая такие фрагменты текста. Так, детальный сопоставительный анализ перевода и оригинала в данном контексте становится невозможен. Полагаем, что такой подход переводчика обусловлен читательской аудиторией – как упоминалось выше, перевод выходит в журнале «Юный читатель». В переводах В. Станевич и И. Гуровой подобная особенность повествования сохранена. Например, описывая наступление вечера в день своего наказания в красной комнате, Джейн говорит: «Daylight began to forsake the red-room; it was past four o'clock, and the beclouded afternoon was tending to drear twilight» [Там же. С. 25]. (дневной свет начал покидать красную комнату, был пятый час, и облачный вечер клонился к печальным / унылым сумеркам).

Перевод В. Станевич: «В красной комнате начинало темнеть; был пятый час, и свет тусклого облачного дня переходил в печальные сумерки» [2. С. 25].

Перевод Гуровой: «Дневной свет мало-помалу прощался с Красной комнатой; время шло к половине пятого, и пасмурный день переходил в гнетущие сумерки» [4. С. 29].

В приведенном фрагменте Ш. Бронте, описывая наступление вечера, передает настроение главной героини. Фраза «daylight began to forsake the red-room» (дневной свет начал покидать красную комнату) может символизировать уходящую надежду Джейн на справедливое отношение, оба перевода полностью передают это настроение. Коннотацию безысходности и грусти передают также фразы: «beclouded afternoon», «drear twilight», что отражено в обоих переводах.

Следующий пример демонстрирует связь описания пейзажа и эмоционального состояния главной героини, когда она решает найти работу и уехать из приюта: «I went to my window, opened it and looked out. There were the two wings of the building; there was the garden; there were the skirts of Lowood; there was the

hilly horizon. My eye passed all other objects to rest on those most remote, the blue peaks; it was those I longed to surmount; all within their boundary of rock and heath seemed prison-ground, exile limits...» [22. С. 77] (я подошла к моему окну, открыла его и посмотрела из него. Там были два крыла здания, сад, границы Ловуда, холмистый горизонт. Мои глаза пропустили все другие предметы, чтобы остановиться на тех, которые больше всех удалены; синие вершины, это были те, которые мне страстно хотелось преодолеть, все в пределах их скалистых границ казалось тюремным участком, границами ссылки).

Горизонт, описанный автором, синие вершины – все это олицетворяет свободу и новые жизненные перспективы для главной героини. Оба переводчика сохраняют это настроение героини.

Перевод В. Станевич: «Я подошла к окну и открыла его. Вот они, оба крыла столь знакомого мне дома; вот и сад; вон границы Ловуда, а дальше – гористый горизонт... Мои глаза миновали все остальное и остановились на самом дальнем – на голубых вершинах: через них хотелось мне перебраться. Все заключенное в пределах этих скал и пустынных лесов показалось мне тюрьмой» [2. С. 101].

Перевод И. Гуровой: «Я подошла к окну, открыла его и выглянула наружу. Вот два крыла здания, вот сад, вот ограда Ловуда, вот холмистый горизонт. Мой взгляд скользнул мимо всего и остановился на самых дальних голубых вершинах: меня снедало желание преодолеть их. Все в пределах их валунов и вереска казалось тюремным двором и местом ссылки» [4. С. 100].

Оба текста перевода сохраняют тонкости описания пейзажей и погоды, в обеих русскоязычных версиях романа переданы настроение, эмоции и чувства героини, фоном для которых Ш. Бронте выбирает подобные описания.

На основании результатов сравнительно-сопоставительного анализа оригинального текста романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» и его трех русскоязычных переводов XX в. можно сделать вывод о том, что в переводе В.О. Станевич 1950 г. и в переводе И.Г. Гуровой 1990 г. повествовательные стратегии оригинального текста сохранены в полной мере. Исключением являются некоторые неточности в аспекте организации предложений и выбранной лексики, что, тем не менее, не подвергает оригинальную повествовательную структуру принципиальным изменениям. Что касается перевода 1901 г., следует отметить, что переводчик, сохраняя общий смысл повествования – диалога с читателем, производит в тексте перевода значительные сокращения, которые существенно трансформируют авторскую конструкцию нарратива.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джэни Эйр*, история моей жизни, Шарлоты Бронте. Сокращенный перевод с английского // Юный читатель: журнал для детей старшего возраста. СПб., 1901. № 3, 5.
2. *Бронте Шарлотта*. Джейн Эйр. М., 2008.
3. *Бронте Шарлотта*. Джейн Эйр. Роман / перевод В. Станевич (пропуски в тексте восстановлены И. Гуровой). М.: Худ. лит., 1990. С. 449.
4. *Шарлотта Бронте*. Джейн Эйр. М.: НФ «Пушкинская библиотека», 2003.
5. *Новикова Е.Г.* Садовая беседа Ф.М. Достоевского и Н.Н. Набокова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 82–88.

6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высш. шк., 1982. С. 528.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худ. лит., 1972. С. 464.
8. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 312.
9. Хардак Д.Б. Творчество Эмили Бронте (из истории английского реализма XIX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 26 с.
10. Михайлова М.С. Демократическая направленность и реализм романов Ш. Бронте : дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 307 с.
11. Будагян А.А. Творческий путь Ш. Бронте : дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1950. 183 с.
12. Базилевич В.М. Обличительный характер произведений Ш. Бронте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1954. 15 с.
13. Гритчук М.А. Реализм Ш. Бронте («Джейн Эйр» и «Шерли») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1957. 15 с.
14. Наумова О.А. Автобиографический роман воспитания в творчестве Ч. Диккенса и Ш. Бронте : дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 204 с.
15. Елистратова А.А. Наследие английского романтизма и современность. М., 1960. 432 с.
16. Ивашиева В.В. Век нынешний и век минувший. Английский роман XIX века в его современном звучании. М., 1974. 464 с.
17. Демидова О.Р. Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-е – 1870-е гг.) : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 242 с.
18. История английской литературы. Г.В. Аникин и Н.П. Михальская. М., 1985. 431 с.
19. Тугушева М.П. Шарлотта Бронте, очерк жизни и творчества. М., 1982. 191 с.
20. Гениева Е.Ю. (сост.) Эти загадочные англичанки. М., 1992. 505 с.
21. Соколова Е.А. Традиции романтизма в творчестве Шарлотты Бронте : дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 185 с.
22. *Selected works of the Brontë sisters*. London, 2005. С. 84.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 февраля 2015 г.

RUSSIAN 20TH-CENTURY VERSIONS OF CHARLOTTE BRONTE'S NOVEL *JANE EYRE*: FUNCTIONS OF NARRATIVE STRATEGIES

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 14–20. DOI 10.17223/15617793/393/2

Dyachenko Yulia V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: julia2212@yandex.ru

Keywords: narrative; Charlotte Bronte's *Jane Eyre*; translation, 20th-century Russian translation.

There are four versions of Ch. Bronte's novel *Jane Eyre* in Russia in the 20th century: in 1901 by an unknown author, in 1950 by V.O. Stanevich, in 1990 a republication of V.O. Stanevich's version with omissions restored by I.G. Gurova, and in 1990 a complete version by I.G. Gurova. We suppose that the novel is so popular in the 20th century not only because of its special content but also because of its narrative structure worked out in detail. The whole narrative organization in the novel is one confessional story of the central character of the novel about herself. There are innovative author's narrative strategies in the novel, which give this narrative special meanings. A special narrative organization was a topical problem in the culture and literature of the 20th century. Narrative problem is one of the most topical problems in the Russian studies of literature in the 20th century. There exist first research in narrative problems by V.V. Vinogradov, M.M. Bakhtin in Russia in the first half of the 20th century, *Narrative Study* by V. Shmid was published in Russia in the 21st century. There is a lot of research of the Bronte sisters' creative activities in the 20th century; these are works by D.B. Hardak, M.S. Mihaylova, A.A. Budagyan, M.P. Tugusheva, E.Yu. Genieva, E.A. Sokolova, and others. Yet, there is no special research devoted to the subject of narrative organization, narrative functioning and specific character of narrative strategies in the original text of the novel *Jane Eyre* by Ch. Bronte and its Russian versions, including those of the 20th century. So, the aim of this research is a special study of an appropriate translation and special functioning of narrative features in the original text of *Jane Eyre* and its 20th-century Russian versions. The novelty of this research is that an attempt is first made to determine the original Ch. Bronte's narrative strategies in the novel *Jane Eyre*, and a comparative analysis is first made of the original narrative features and their 20th-century Russian translations. For describing Ch. Bronte's narrative strategies in the novel three aspects are distinguished: narrative structure, autobiographical elements, the role of nature and weather description. The comparative analysis shows that all original narrative strategies are reproduced in V.O. Stanevich's and I.G. Gurova's versions of *Jane Eyre*. Exceptions are some features of sentence constructing and word choice, but this does not transform the original narrative structure. In the 1901 version, it should be noted that the translator reproduces the main idea of the narrative, namely, the dialogue between the author and the reader, but he abbreviates the original text, and this substantially transforms the author's narrative construction.

REFERENCES

1. Dzhenni Eyr, istoriya moey zhizni, Sharloty Bronte. Sokrashchennyy perevod s angliyskogo [Jane Eyre, the story of my life, Charlotte Bronte. Abridged translation from English]. *Yunny chitatel'*, 1901, no. 3, 5.
2. Bronte Ch. *Dzheyn Eyr* [Jane Eyre]. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2008.
3. Bronte Ch. *Dzheyn Eyr: Roman* [Jane Eyre. A novel]. Translated from English by V. Stanevich. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 253 p.
4. Bronte Ch. *Dzheyn Eyr* [Jane Eyre]. Moscow: NF "Pushkinskaya biblioteka" Publ., 2003. 815 p.
5. Novikova E.G. F.M. Dostoyevsky's and V.V. Nabokov's garden pergola. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 82–88. (In Russian).
6. Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the History of Russian literary language of the 17th – 19th centuries]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1982. 528 p.
7. Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 470 p.
8. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 312 p.
9. Khardak D.B. *Tvorchestvo Emili Bronte (iz istorii angliyskogo realizma XIX veka)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Emily Bronte's works (from the history of English realism of the 19th century). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1972. 26 p.
10. Mikhaylova M.S. *Demokraticheskaya napravlennost' i realizm romanov Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Democratic orientation and realism of Charlotte Bronte's novels. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1954. 307 p.
11. Budagyan A.A. *Tvorcheskiy put' Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Creative way of Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Erevan, 1950. 183 p.

12. Bazilevich V.M. *Oblichitel'nyy kharakter proizvedeniy Sh. Bronte*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Revealing nature of the works of Charlotte Bronte. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Lvov, 1954. 15 p.
13. Gritchuk M.A. *Realizm Sh. Bronte ("Dzheyne Eyr" i "Sherli")*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Realism of Charlotte Bronte (Jane Eyre and Shirley). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1957. 15 p.
14. Naumova O.A. *Avtobiograficheskiy roman vospitaniya v tvorchestve Ch. Dikkensa i Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Autobiographical novel of education in the works of Charles Dickens and Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1990. 204 p.
15. Elistratova A.A. *Nasledie angliyskogo romantizma i sovremennost'* [Legacy of English romanticism and modernity]. Moscow: USSR AS Publ., 1960. 432 p.
16. Ivasheva V.V. *Vek nyneshniy i vek minuvshiy. Angliyskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [The present and the past century. English novel of the 19th century in its modern sound]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 464 p.
17. Demidova O.R. *Sharlotta Bronte, Elizabet Gaskell, Dzhordzh Eliot v Rossii (1850-e – 1870-e gg.)*: dis. kand. filol. nauk [Charlotte Bronte, Elizabeth Gaskell, George Eliot in Russia (1850s – 1870s.). Philology Cand. Diss.]. Leningrad, 1990. 242 p.
18. Anikin G.V., Mikhail'skaya N.P. *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1985. 431 p.
19. Tugusheva M.P. *Sharlotta Bronte, ocherk zhizni i tvorchestva* [Charlotte Bronte, a sketch of life and creativity]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 191 p.
20. Genieva E.Yu. *Eti zagadochnye anglichanki* [These mysterious Englishwomen]. Moscow: Progress Publ., 1992. 505 p.
21. Sokolova E.A. *Traditsii romantizma v tvorchestve Sharlotty Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Romanticist tradition in the works of Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1995. 185 p.
22. *Selected works of the Bronte sisters*. London, 2005.
23. Bronte Ch. *Dzheyne Eyr* [Jane Eyre]. Moscow: Azbuka-klassika Publ., 2008.
24. Bronte Ch. *Dzheyne Eyr* [Jane Eyre]. Moscow: NF "Pushkinskaya biblioteka" Publ., 2003. 815 p.
25. Dzheni Eyr, istoriya moyey zhizni, Sharloty Bronte. Sokrashchennyy perevod s angliyskogo [Jane Eyre, the story of my life, Charlotte Bronte. Abridged translation from English]. *Yunyy chital'el'*, 1901, no. 5 – 1 March.

Received: 20 February 2015

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ «ПРОСМОТР ФОТОГРАФИЙ»

Статья посвящена исследованию специфики коммуникативного события «просмотр фотографий» посредством анализа его жанровой природы. Дается описание соответствующего гипержанра «беседа, сопровождающая просмотр фотографий» и входящих в его состав речевых жанров «информативный диалог», «беседа на общие темы», «воспоминание». Материалом для наблюдения послужила живая речь жителей Приморского края.

Ключевые слова: коммуникативное событие; речевой жанр; гипержанр; информативный диалог; воспоминание; компрес-сированное воспоминание.

Одним из наиболее актуальных направлений в лингвистике на протяжении последних нескольких десятилетий признана теория речевых жанров. Современное жанроведение ставит перед собой множество задач, среди которых – выделение параметров описания речевых жанров и создание их многоаспектной типологии, монографическое описание отдельных речевых жанров, а также описание в жанровом аспекте «речевых практик». Кроме того, по мнению В.Е. Гольдина, применение термина «жанр» ко все новым явлениям привело исследователей к необходимости «соотнести понятие жанра с такими общими формами осмысления мира, как ситуация, событие, поступок» [1. С. 23]. В качестве аргумента приводится тот факт, что «исследовать жанры вне реальности их коммуникативного существования, то есть в отрыве от континуума социальных событий, ситуаций, действий, их неречевых и речевых результатов, в отрыве от материального воплощения жанров значило бы упрощать достаточно сложную в действительности картину социально-коммуникативных взаимодействий, ориентироваться в которой коммуникантам помогает жанровая типизация речевых действий и речевых произведений» [2. С. 6].

Дискретной единицей членения коммуникативного процесса является коммуникативное событие как «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [3. С. 13]. Поскольку, несмотря на своеобразие каждого коммуникативного события, речевое общение в целом является стандартным и зависимым от конкретных обстоятельств, представляется возможным выделять различные жанры коммуникативных событий. По определению И.Н. Борисовой, «жанр коммуникативного события есть социально закреплённая форма коммуникативного взаимодействия, которая определяется единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения его участников, заданными социальными нормами и правилами»; речевой жанр в этом случае рассматривается как «форма речевой реализации актов коммуникативной деятельности в коммуникативном событии» [3. С. 31–32].

Текстовой реализацией коммуникативного события, по мнению О.А. Казаковой, следует считать не собственно речевой жанр, а гипержанр – целостный комплекс сложных речевых жанров (монологических

и диалогических) [4]. Исследователи Саратовской школы генристики (в частности, К.Ф. Седов) к гипержанровым формам относят и «разговор», выделяя в его структуре такие речевые жанры, как «разговор по душам», «семейная беседа», «болтовня», «светская беседа» и др. [5–7]. В качестве синонимичного в данном случае употребляется термин «беседа». В числе возможных реализаций гипержанра «разговор» К.Ф. Седовым называется «разговор в компании», или «дружеская беседа», т.е. неофициальное общение людей, объединённых одной профессией или общими увлечениями, а также «многие формы речевого взаимодействия родственников и друзей» [6. С. 87]. В ряде других исследований термины «разговор» и «беседа» разграничиваются. Так, Я.Т. Рытникова, выделяя в коммуникативном пространстве семейного общения бытовой разговор и беседу, противопоставляет их друг другу как информативный и фатический жанры; при этом в качестве разновидностей жанра «беседа» называются следующие: беседа на общие темы (часто в общении недостаточно знакомых друг с другом людей), дружеская беседа, семейная беседа [8. С. 182]. Напротив, О.А. Казакова в процессе изучения диалектной языковой личности (в аспекте владения речевыми жанрами) выделяет в числе других и общий гипержанр «дружеская беседа», который является текстовой реализацией такого коммуникативного события, как общение близких людей, связанных дружескими отношениями или семейными узами [4. С. 145]. В нашем исследовании термины «беседа» и «разговор» используются как синонимичные, обозначающие данный гипержанр в качестве инварианта, представленного двумя вариациями: гипержанром «семейное общение» и гипержанром «дружеское общение».

Типичным для дружеского или семейного общения является коммуникативное событие «просмотр фотографий», которое и стало объектом нашего исследования. По мнению И.Н. Борисовой, дифференциацию множества коммуникативных событий обуславливают следующие критерии: 1) характер социально-ролевых отношений между участниками события; 2) отношение коммуникативной деятельности к сопутствующей предметно-практической; 3) влияние условий предметной среды; 4) планируемость; 5) пространственная локализация коммуникативного события; 6) временная локализация и протяжённость [3. С. 15]. Если перечисленный ряд признаков взять за

основу, то «просмотр фотографий» можно охарактеризовать как коммуникативное событие дружеского или внутрисемейного общения, акционально зависимое, т.е. протекающее одновременно с событием некоммуникативным – собственно просмотром фотографий, тесно взаимосвязанное с предметной средой и, как следствие, имеющее высокую степень констатирующей обусловленности речи коммуникантов. С точки зрения планируемости коммуникативное событие «просмотр фотографий», как правило, является окказиональным, возникающим спонтанно в ходе беседы (*А хочешь фотографии наши с морей посмотреть?*), за исключением тех случаев, когда оно так или иначе все же планируется (*Приедешь ко мне / покажешь фотографии из поездки?*). Что касается критерия «пространственная локализация», то в условиях современных возможностей его релевантность для рассматриваемого нами коммуникативного события несколько утрачивается; благодаря современным цифровым устройствам в настоящее время локус коммуникативного события «просмотр фотографий» приобретает максимальную широту. Наконец, с точки зрения временной локализации просмотр фотографий, как правило, осуществляется в условиях свободного, не ограниченного временем общения.

В настоящей статье мы ставим своей задачей исследовать коммуникативное событие «просмотр фотографий» с точки зрения его жанровой специфики. Решение этой задачи предполагает выявление гипержанровой и жанровых форм реализации данного коммуникативного события, анализ структуры соответствующего ему гипержанра беседы, а также описание различных жанровых сценариев исследуемого коммуникативного события. Материалом для наблюдения послужили расшифрованные записи устной речи жителей Приморского края (в частности, г. Владивостока и г. Арсеньева) в ситуациях семейного общения (общий объем текстов составляет около 10 000 словопотреблений); записана речь 10 информантов в возрасте от 11 до 53 лет. Использованы личные записи автора, а также материалы электронной базы данных «Живая речь дальневосточников», созданной на кафедре русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (отдельные тексты представлены в одноименном сборнике: Живая речь дальневосточников: тексты : хрестоматия / сост. Ю.А. Гунько, О.В. Лыс, Т.И. Петрова, А.Е. Цесарская. Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2013. 142 с.).

Текстовой реализацией рассматриваемого в настоящей статье коммуникативного события считаем особый гипержанр, который мы условно назвали «беседа, сопровождающая просмотр фотографий». Несмотря на то что данный гипержанр является разновидностью гипержанров «семейная беседа» и «дружеская беседа», его нельзя считать исключительно фатическим. Ключевой в такой ситуации становится установка на передачу определенной информации, тогда как фатическая установка оказывается лишь фоном, на котором та реализуется.

Само название данного гипержанра – «беседа» – указывает на то, что все входящие в него речевые

жанры реализуются в диалогической форме. Опираясь на типологию сложных диалогических жанров, предложенную О.А. Казаковой, и учитывая тот факт, что главной целевой установкой исследуемого гипержанра является передача информации, центральным в его структуре считаем информативный диалог. Он строится из вопросно-ответных реплик, посредством которых сообщается, кто изображен на фотографии, где и когда она была сделана. Роль инициатора в данном диалоге может выполнять как показывающий фотографии (*– Так/ это я сижу/ Таня тут позирует.../ – Это в холле гостиницы наверное/ да? – Это холл/ да/*), так и тот, кому их показывают (*– А это что такое? – А это Олег когда за маленькой рыбкой ездил// Весной/*).

В ситуациях, когда несколько человек (чаще всего члены одной семьи) показывают фотографии друзьям или родственникам, реализуется одна из разновидностей информативного диалога, которую мы, вслед за О.А. Казаковой, определяем как диалог-унисон. В этом случае люди, владеющие общей информацией о демонстрируемой фотографии, попеременно сообщают ее слушающему. Например:

(старшая сестра (А), ее муж (М) и дочь (Д) показывают фотографии госте (Б), младшей сестре А.)

А. Вон с козой сфотолись//

Д. Кстати вот один козленок.../ а щас будет дру.../ второй козленок//

Б. А это вы где и когда?

А. А где-то в деревне они давно уже/ года два назад//

М. Это короче/ папина сестра вот сидит/ отец вот с сестрой/ это ее муж/ дядь Леня//

Д. Это я сделала//

В данной ситуации старшая сестра дает общее описание фотографии и сообщает о месте и времени, когда был сделан снимок, ее муж делает уточнения, называя людей, изображенных на фотографии, а дочь говорит о ее авторе и дает краткое описание следующего фото. Младшая сестра, являясь адресатом диалога-унисона, оказывается в роли интервьюера. Однако подобная роль в диалоге-унисоне может и отсутствовать, если собеседники полностью или хотя бы частично осведомлены об имевшей место ситуации. Например:

(те же участники коммуникации рассматривают фотографию, на которой изображены дочь старшей сестры с другом, катающиеся на колесе обозрения)

Б. Это на колесе вы катались//

А. Ну/ мы ж не поехали//

Д. А вы боялись//

В данном фрагменте младшая сестра, увидев фотографию впервые, выступает в роли уже не интервьюера, а комментатора, так как сама присутствовала в момент съемки.

Любой сложный жанр может быть охарактеризован как комплекс элементарных (простых) речевых жанров. Простой речевой жанр определяется О.А. Казаковой как «тип высказывания, являющегося текстовой реализацией речевого хода говорящего». Центральное место среди простых речевых жанров,

по ее мнению, занимает жанр сообщения, основная коммуникативная цель которого заключается в передаче определенной информации слушающему [4. С. 27]. По этой причине данный жанр можно считать основным и для такого сложного жанра, как информативный диалог. Анализ собранного материала позволил нам говорить о трех возможных его разновидностях:

1) сообщение – название изображаемого на фотографии:

А вот и Аркаша//; О/ это я//; Вот клубника/ Оль//; Вот смотри змея//; Это Исакий//; А это просто ручейки/ позамерзали//;

2) сообщение – описание ситуации, отраженной на фотографии:

Это в Арсеньеве// У вертолета/ ДК «Прогресс»//; Это ночью возле костра//;

3) сообщение – «комментарий к действию» [9. С. 22], которое выполняют люди, изображенные на фотографии:

Вот рыбу вытаскиваем/ в сетке//; Так/ это вот едем/ еще здесь забираемся и забираемся//.

Как уже было отмечено, основная цель в ситуации просмотра фотографий – передача определенной информации – реализуется посредством простого речевого жанра сообщения. Однако не меньшее значение для исследуемого коммуникативного события имеет и другая интенция говорящего, а именно выражение собственной эмоциональной оценки изображенного на фотографии. В связи с этим важной составляющей сложного речевого жанра «информативный диалог» мы считаем жанр оценки, который может быть классифицирован по двум параметрам: 1) объект оценки и 2) степень проявления эмоциональности.

В качестве объекта оценки может выступать как сама фотография, оцениваемая говорящим с точки зрения ее удачности / неудачности (*Эта еще слава Богу нормально получилась// Но остальные это ужас//; Вот это прикольная фотка//; Плохо// Вообще темно// Не видно//*), так и то, что на ней изображено (*Ой/ какая Лера тут красивая//; Ой какой красивый закат//; Мне небо здесь нравится//*). В ситуации, когда в роли субъекта оказывается сам говорящий, реализуется особый оценочный жанр – жанр самооценки. Для коммуникативного события «просмотр фотографий» более характерной оказывается отрицательная самооценка: *Я вообще вот не фотогенична! Мне вообще не нравится//; Блин/ я на себя смотрю/ это вообще ужас//; Я тут прям какой-то комбайн//.*

В зависимости от степени проявления эмоциональности жанр оценки может реализоваться в двух формах: 1) эмоциональной реакции, посредством которой говорящий выражает свое отношение к предмету речи: *Ой/ ну это ужас!; Ой/ а там парк с фигурами/ да? Прелесть какая! и 2) рациональной оценки, степень эмоциональности которой приближается к минимальному уровню: Очень интересно/ необычно//; Очень интересная такая серия//.*

В ситуации быстрой смены просматриваемых фотографий так же динамично происходит и смена относящихся к ним информативных диалогов (ИД). Например:

(старшая сестра (А), ее младшая сестра (Б) и дочь (Д) смотрят фотографии)

Д. (ИД-1): О/ вот// (перечисляет людей, изображенных на фотографии) Юля/ бабушка/ дедушка/ я/ Ника и тетя Ира//

Б. Вероника уже большая такая// (ИД-2): (на экране компьютера появляется новая фотография, на которой изображена собака А и Д) А это чё?

А. Бэла спит//

Б. О боже мой! Там даже непо.../

А. На спине спит//

Б. ...непонятно где Бэла//

Первый информативный диалог (ИД-1), представленный в данном фрагменте, состоит из двух реплик: реплики-сообщения (*О/ вот// Юля/ бабушка/ дедушка/ я/ Ника и тетя Ира//*) и реплики-оценки (*Вероника уже большая такая//*). Второй диалог (ИД-2) включает в себя запрос информации (*А это чё?*), сообщение – название изображаемого (*Бэла спит//*) и сообщение – комментарий к действию (*На спине спит//*), а также оценочное высказывание, содержащее эмоциональную реакцию на увиденное (*О боже мой! Там даже непонятно где Бэла//*).

Информативный диалог является ключевым в структуре исследуемого нами гипержанра, именно с него, как правило, начинается беседа, сопровождающая просмотр фотографий. Дальнейшее развитие этой беседы может осуществляться по разным сценариям. Согласно одному из них, информативный диалог сменяется другим сложным диалогическим жанром – «беседой на общие темы». В зависимости от целевой установки говорящих можно выделить несколько его вариаций, которые сводятся к двум типам общения: 1) кооперативному (преобладающему), для которого характерно доминирование установки на партнера коммуникации, и 2) конфликтному (значительно реже встречающемуся), который характеризуется установкой против партнера, несогласием с его позицией.

1. Вариации жанра «беседа на общие темы» кооперативного типа.

1. Обсуждение «сопутствующей информации» о том, что изображено на фото.

Например:

(старшая сестра (А), ее муж (М) и младшая сестра (Б) смотрят фотографии)

М. Вот смотри змея//

А. Они прям живут на даче семьями/ ну/ конкретно//

Б. Страшно// Так это прям ядовитая или нет?

М. Нет/ это уж//

А. Не-е/ ужи они людей не.../ Они вот там живут/ тетя Галя знает что они там живут/ и они людей не трогают// Они зато мышей едят! А иначе/ они ж все сожрут/ мыши// Говорят где ужи/ там другая змея никогда не заведется/ ни гадюка/ никто//

В данном фрагменте информативный диалог (*– Вот смотри змея// – Так это прям ядовитая или нет? – Нет/ это уж//*) сменяется более отвлеченной беседой о пользе ужей, при этом тема беседы остается тесно связанной с предметом, изображенным на фотографии.

2. Уточнение информации о том, что изображено на фото.

Например:

(отец (О), мать (М) и дочь (Д) смотрят фотографии, сделанные дочерью во время поездки в Санкт-Петербург)

Д. *Наверху сфотографировала/ кто это даже не знаю/ просто сфотографировала//*

О. *Афина Паллада//*

Д. *Она откуда/ из чьей головы родилась?*

М. *Из Зевса! Отец же ее!*

Д. *А он что.../ как она попала.../*

М. *Поскольку она из головы родилась/ она умная женщина/ ее ум равен мужскому//*

Д. *А как она родилась/ из головы?*

Различие между первой и второй вариациями определяется коммуникативной целью говорящих: в первом случае она преимущественно фатическая («беседа ради беседы»), во втором – явно информативная. На это указывают вопросы, активно задаваемые одним из собеседников (в приведенном примере – дочерью); в отличие от вопросов, входящих в жанр «информативный диалог», вопросы, сопровождающие жанр «беседа на общие темы», не касаются основной информации о фотографии (кто изображен на фотографии, где и когда она сделана).

3. Выяснение дополнительной информации, соотносящейся с изображенным на фото лишь косвенно.

Например:

(подруги А. и Б. в гостях у М., которая показывает им фотографии, сделанные во время поездки в Китай)

А. *А точно/ а здесь снег//*

М. *Снегу здесь полно/ а моро-оз/ холодно! Они одеты/ как бабайки все// А я в этой майке/ и в штанах/ и в джинсах/ черные/ и всё//*

Б. *А штаны тоже термо/ да? Белье?*

М. *Белье/ да/ да// Я специально купила/ думаю/ да ну// И я прям не пожалела о том/ что восемьсот рублей затратила/ зато я.../*

Б. *Так восемьсот рублей это вообще поскромному за термобелье хорошее// Где вы брали?*

А. *В кинотеатре «Уссури» продается// Там есть какое-то//*

М. *Где-то на Фокина//*

На фотографии, ставшей поводом для беседы, изображены заснеженные горные склоны, однако не это стало темой последующего разговора. Связующим звеном между информативным диалогом о том, что изображено на фотографии (...а здесь снег// – Снегу здесь полно/...), и дальнейшей беседой о покупке термобелья послужило воспоминание рассказчицы (...а мороз/ холодно!).

II. Вариации жанра «беседа на общие темы» конфликтного типа.

1. Спор (о том, что изображено на фото / о месте, где была сделана фотография / о времени, когда она была сделана).

Например:

(отец (О), мать (М) и дочь (Д) смотрят фотографии, сделанные дочерью во время поездки в

Санкт-Петербург; на всех предыдущих фотографиях небо было серого цвета, следующей на экране компьютера появляется фотография, где небо голубое)

Д. *Тут видите/ в тот же день/ а небо получается голубое//*

М. *Это в один день?*

Д. *Это все в один день! Это все в один час/ в одну минуту даже// Вот я просто переходила и меняла ракурсы просто.../*

О. *Нет/ менялось небо//*

Д. *Не/ небо не менялось/ я так поняла/ что просто ракурс.../*

М. *Ты что/ чер.../ серое небо и голубое одновременно?*

Выделенный фрагмент служит иллюстрацией несогласия говорящих в понимании ситуации, отраженной на фото: несмотря на то, что автор фотографии (дочь) участвует в диалоге, собеседники отказываются признавать ее интерпретацию снимка верной и отстаивают свою точку зрения.

2. Несогласие в оценке того, что изображено на фото.

Например:

(старшая сестра (А), ее муж (М), дочь (Д) и младшая сестра А. (Б) смотрят фотографии; на экране компьютера появляется фотография Д. в красивом платье)

Б. *Ой/ какая Лера тут красивая//*

Д. *Ой/ Оля/ за это/ я тебе это платье подарю//*

М. *Такое платье/ ты это платье еще поносишь!*

Д. *Я не буду его носить!*

Б. *Красивое платье/ ты чё!*

Д. *Ой/ ужасное платье!*

А. *Прикольное/ чё ты?*

Д. *Оно сзади красивое/ а спереди нет//*

В данном фрагменте участники беседы также демонстрируют несогласие друг с другом, но уже не в интерпретации снимка, а в оценке того, что на нем изображено; как и в предыдущем примере, каждый из говорящих отказывается соглашаться с позицией собеседника.

Прямой, неопосредованной функцией фотографий, как известно, является «аккумуляция памяти» [10. С. 174]. Данным обстоятельством обусловлена обязательность в структуре гипержанра «беседа, сопровождающая просмотр фотографий» такой составляющей, как жанр воспоминания, который, наравне с беседой на общие темы, может служить продолжением информативного диалога. Исследователем Т.А. Демешкиной этот жанр определяется как «разговорный рассказ, который удастся в случае духовного и эмоционального сближения коммуникантов, нуждается в условии неспешного времяпровождения» [11. С. 101]. Традиционно рассказ описывается как монологический жанр, и одной из его вариаций считают рассказ-воспоминание, являющийся полноценным текстом [4; 10]. Однако, как показывают наши наблюдения, жанр воспоминания может иметь и другое проявление – в частности, в рамках гипержанра беседы воспоминание реализуется в форме отдельных реплик коммуникантов.

В связи с этим целесообразно обратиться к подходу И.Н. Борисовой, проводившей классификацию диалогов на основе категории «режима диалоговедения» и выделившей два режима: реплицирующий, при котором в речевой партии коммуниканта «реализуется установка на быстрый темп речевого обмена перемежающимися репликами с передачей речевого хода», и нарративный, реализующий установку на «монологическую речь в условиях непосредственного контактного диалогического общения» [3. С. 183]. Каждому из данных режимов соответствует определенный тип нарратива. Так, в нарративном режиме порождаются диалогические нарративы как цельные тематические диалогические фрагменты, в реплицирующем – монологические нарративы, структура которых разворачивается в пределах одной реплики-высказывания, не прерываемой вмешательством другого коммуниканта. В качестве основной реализации монологического нарратива И.Н. Борисова выделяет компрессированный рассказ как «свернутую форму нарратива в функции отдельной диалогической реплики» [12. С. 255]. По нашим наблюдениям, именно в такой форме находит воплощение жанр воспоминания в составе исследуемого гипержанра. Приведем пример:

(старшая сестра (А), ее муж (М), дочь (Д) и младшая сестра (Б) смотрят фотографии)

М. *(читает надпись на табличке, изображенной на фотографии)* «Этот перевал прошел чё-то Велюров какой-то и Пржевальский/ Арсеньев»// Мы с рыбалки ехали//

Б. *Это уже этой зимой?*

М. *Нет/ это той//*

А. *Этой зимой такого снега не было еще//*

М. *Мы оба раза/ Оль/ мы осенью едем/ и оба раза попадали что на обратном пути с рыбалки/ туда едем еще осень/ вообще даже снега еще нет/ ничё не было еще ни одного снега/ не было/ осень/ и оба раза возвращаемся оттуда/ с рыбалки/ и снег коротче идет/ первый снег короче/ два года подряд//*

Д. *Нам щас хоть бы и чуть-чуть выпал//*

Выделенная реплика является примером реализации жанра воспоминания в беседе, сопровождающей просмотр фотографий; по структуре это монологический нарратив, формальными границами которого оказываются предшествующая и последующая реплики коммуникантов. Тематика подобных воспоминаний, как правило, определяется тем, что изображено на фотографиях. Однако, как и в любом разговорном диалоге, тематическая связь воспоминаний говорящего и конкретной ситуации, запечатленной на фото, может нарушаться под воздействием так называемого «закона ассоциативного присоединения» [9. С. 26]. Как правило, такие ассоциации оказываются вполне очевидными. Например, приведенный выше фрагмент семейной беседы продолжается воспоминанием уже о совершенно другой поездке, во время которой тоже выпал первый снег:

М. *И как-то я в Китай в Хуньчунь поехал/ седня допустим там еще осень/ даже на клумбах там цветочки цветут/ все зеленое/ на деревьях листики зеленые/ ночью снег как дал дал короче/ вот такой вот*

мокрый снег вот/ утром/ все там за это/ в снегу/ ужас//

Стоит добавить, что новые воспоминания могут возникать не только у говорящего, хорошо знакомого с тем, что изображено на фотографии, но и у слушающего, кому она демонстрируется:

(мать (М) и дочь (Д) смотрят фотографии, сделанные дочерью во время поездки в Санкт-Петербург)

Д. *Места/ вот такие места красивые/ легко было снимать/ они сами по себе...//*

М. *Да/ я помню/ мне Елагин остров понравился очень/ я помню мы.../ у нас слайды есть же с папой// Там знаешь есть мостики маленькие/ они проецируются в одном месте/ вот/ один мостик/ видишь прям вдаль их/ как зеркало//*

Мать впервые видит снимки, сделанные дочерью, но так как раньше она сама бывала в тех местах, фотография становится стимулом для реализации жанра воспоминания и в ее речи.

По мнению И.Н. Борисовой, монологический нарратив в составе разговорного диалога может быть представлен не только в форме компрессированного рассказа, но и в форме так называемого «констатирующего сообщения» о событии или факте его существования в отнесенности к его участникам и пространственно-временным координатам [12. С. 257]. В качестве критерия разграничения двух этих форм может выступать количество пропозиций в реплике-высказывании и семантика предиката; для констатирующего сообщения характерна пропозиция факта, для компрессированного рассказа – последовательность пропозиций, организованных предикатами действия или состояния. По нашим наблюдениям, жанр воспоминания в составе гипержанра «беседа за просмотром фотографий» также может воплощаться в форме констатирующего сообщения; подобную вариацию мы условно назовем «компрессированным воспоминанием». Например:

(старшая (А) и младшая (Б) сестры смотрят фотографии; на одной из фотографий изображена дочь старшей сестры)

Б. *Лера какая-то темная на фотографиях// Да она чё-то и так темная//*

А. *У ней потемнел волос// У тебя светлей волос чем у нее// Хотя она была вообще беленькая//*

Б. *Ну она наверно как ты/ да// Ты же тоже была беленькая в детстве/ а потом потемнела//*

Выделенный фрагмент содержит одну пропозицию и представляет собой констатацию определенного факта из прошлого, сохранившегося в памяти одного из коммуникантов, следовательно, он может быть охарактеризован как компрессированное воспоминание. Особенностью данной вариации жанра воспоминания является наличие так называемого «глубинного содержания», не выраженного вербально. При определенных условиях, таких как проявление заинтересованности собеседника и отсутствие реакции говорящих на констатацию (т.е. на появление новой фотографии), это скрытое содержание может разворачиваться в целостный рассказ. Приведем пример:

(мать (М) и дочь (Д) смотрят фотографии, сделанные дочерью во время поездки в Санкт-Петербурге)

Д. А вот такая мне нравится/ потому что у меня была такая тетрадка/ вот один в один// (1)

М. Да ты что?

Д. Я сфотографировала прям сама удивилась/ аж поразилась.../

М. Да/ я помню твою тетрадь// (2)

Д. Вот она была точно такая же// Я помню я в ней еще записывала/ прям вот один в один/ и никто/ ни люди не ходят/ и никто// Там сфинкс был и грифон/ и я помню я в нее записывала/ по танцам/ когда помнишь готовилась где/ когда магнитофон выиграла/ я туда теорию записывала/ в эту тетрадку/ что-то там готовила/ все...// (3)

Реплики дочери (1) и матери (2) по своей жанровой специфике являются компрессированным воспоминанием. Тот факт, что два этих коротких высказывания скрывают в себе гораздо больший объем воспоминаний, подтверждает последующее их «разворачивание» в достаточно подробный рассказ-воспоминание (3), содержащий уже не одну, а несколько пропозиций (1 – «была тетрадь», 2 – «готовилась к конкурсу», 3 – «записывала в тетрадь теорию»).

Таким образом, можно заключить, что гипержанр «беседа, сопровождающая просмотр фотографий» имеет иерархически организованную структуру, включающую составные разных уровней. Исходным в структуре данного гипержанра является **информативный диалог** – сложный жанр, основным элемен-

том которого оказывается **сообщение** – простой речевой жанр, реализующийся в трех разновидностях:

1) сообщение – название изображенного на фотографии;

2) сообщение – описание отраженной на фотографии ситуации;

3) сообщение – комментарий к действию, совершаемому на фотографии.

Составными информативного диалога являются также два других простых жанра: *жанр оценки* и его особая разновидность – *жанр самооценки*.

Дальнейшее развитие беседы, сопровождающей просмотр фотографий, в зависимости от намерений коммуникантов может осуществляться по нескольким жанровым сценариям:

1) информативный диалог 1 → информативный диалог 2 (переход с обсуждения одной фотографии на обсуждение другой фотографии);

2) информативный диалог → **беседа на общие темы**, в большей или в меньшей степени соотносящаяся с изображенным на фотографиях; она может соответствовать двум типам общения: кооперативному (чаще) и конфликтному (значительно реже);

3) информативный диалог → **воспоминание**, или его особая реализация – **компрессированное воспоминание**;

4) информативный диалог → беседа на общие темы + воспоминание.

Сказанное может быть представлено следующей схемой:

Особую роль в гипержанре «беседа, сопровождающая просмотр фотографий» играет жанр воспоминания, так как именно в «аккумуляции памяти» заключается основная функция фотографий. Воспоминания, порождаемые в процессе их просмотра, могут воплощаться в различной текстовой форме: 1) в форме сжатого, «компрессированного» сообщения, скрывающего под собой гораздо большее по

объему содержание, не выраженное вербально; 2) в форме целостного, тематически связного рассказа, формальными границами которого в структуре диалога оказываются реплики других участников коммуникации. Более подробное описание речевого жанра воспоминания и его структурных разновидностей является задачей для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 23–34.
2. Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 5–17.
3. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
4. Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск : Изд-во ТПУ, 2007. 200 с.

5. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // *Жанры речи*. Саратов : Колледж, 1999. Вып. 2. С. 13–25.
6. Седов К.Ф. Речежанровая идентичность и социализация личности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2009. Т. 9, вып. 8. С. 85–89.
7. Седов К.Ф. Речежанровая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // *Жанры речи*. Саратов : Наука, 2011. Вып. 7. С. 25–46.
8. Рытникова Я.Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // *Жанры речи*. Саратов : Колледж, 1997. Вып. 1. С. 177–188.
9. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения // *Разновидности городской устной речи*. М., 1988. С. 5–44.
10. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. «Вещный мир» человека: коммуникативно-жанровый аспект // *Русский язык сегодня : сб. статей*. Вып. 1 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; отв. ред. Л.П. Крысин. М. : Азбуковник, 2000. С. 170–181.
11. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
12. Борисова И.Н. Нарратив как диалогический жанр // *Жанры речи*. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 245–262.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 января 2015 г.

GENRE SPECIFICITY OF THE COMMUNICATIVE EVENT "PHOTO VIEWING"

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 21–27. DOI 10.17223/15617793/393/3

Kormazina Olga P. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: olga.kormazina@mail.ru

Keywords: communicative event; speech genre; hypergenre; informative dialogue; recollection; compressed recollection.

A wide spread of the theory of speech genres in modern linguistics has led to a necessity for comparison of the term "genre" with such communicative units as situation, event, act. The communicative event is defined as "restricted in time and space, motivated, holistic, socially determined process of verbal interaction of communicants"; in this case, textual realization of the communicative event is a hypergenre as a holistic complex of monological and dialogical genres. Presenting "photo viewing" as a specific communicative event of friends or family communication, we consider the hypergenre "conversation during the photo viewing" as its textual realization. The informative dialogue is the primary speech genre in its structure. This genre is constructed from the question-answer phrases; by means of these phrases the main information about photos is reported (who is depicted in the photo, time and place when it was taken). The basis of the informative dialogue is formed by the elementary speech genre "message". Its main variations are message as naming what is shown in the photo, message as a description of the situation reflected in the photo and message as a comment on the action which is performed in the photo. Another important component of the complex speech genre "informative dialogue" is the genre "assessment" and its special type, the genre of self-assessment. It is important that negative self-assessment is most typical for the communicative event "photo viewing". Generally, the informative dialogue functions as the beginning of the conversation during photo viewing. Then it can be replaced by other genres such as a conversation on general topics, to a greater or lesser extent related to the image in the photo, and recollection. The speech genre "recollection" plays a special role in the analyzed hypergenre: it realizes the main function of the photos: "accumulation of memory". Depending on the communicative intentions of the speakers, the genre "recollection" can be realized in the various forms of text: 1) as a "compressed message" with a much larger content which is not expressed verbally; 2) as a holistic, thematically coherent story, whose formal boundaries in the dialogue structure are the phrases of other communication participants. As a rule, the subject of recollections is directly associated with the image in the photo; however, by the law of associative connection this relation can be broken.

REFERENCES

1. Gol'din V.E. *Imena rechevykh sobytiy, postupkov i zhanry russkoy rechi* [Names of speech events, acts and genres of Russian speech]. In: Gol'din V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Kolledzh Publ., 1997. Is. 1, pp. 23–34.
2. Gol'din V.E., Dubrovskaya O.N. *Zhanrovaya organizatsiya rechi v aspekte sotsial'nykh vzaimodeystviy* [Genre organization of speech in terms of social interactions]. In: Gol'din V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Kolledzh Publ., 2002. Is. 3, pp. 5–17.
3. Borisova I.N. *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: structure and dynamics]. 2nd edition. Moscow: Izd-vo LKI Publ., 2009. 320 p.
4. Kazakova O.A. *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v zhanrovom aspekte* [Dialect language personality in the genre aspect]. Tomsk: TPU Publ., 2007. 200 p.
5. Sedov K.F. *O zhanrovoy prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti* [On the genre nature of discursive thinking of a language personality]. In: Gol'din V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Kolledzh Publ., 1999. Is. 2, pp. 13–25.
6. Sedov K.F. Genre Identity in Language and Socialization of a Person. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2009, vol. 9, is. 8, pp. 85–89. (In Russian).
7. Sedov K.F. *Rechezhanrovaya identichnost' kak komponent kommunikativnoy kompetentsii lichnosti* [Genre identity as a component of communicative competence of the person]. In: Dement'yev V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Nauka Publ., 2011. Is. 7, pp. 25–46.
8. Rytnikova Ya.T. *Semeynaya beseda kak zhanr povsednevnogo rechevogo obshcheniya* [Family conversation as a genre of everyday speech communication]. In: Gol'din V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Kolledzh Publ., 1997. Is. 1, pp. 177–188.
9. Zemskaya E.A. *Gorodskaya ustnaya rech' i zadachi ee izucheniya* [Urban speech and objectives of its study]. In: Shmelev D.N., Zemskaya E.A. (eds.) *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi* [Types of urban speech]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 5–44.
10. Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. *"Veshchnyy mir" cheloveka: kommunikativno-zhanrovyy aspekt* ["Material world" of man: communicative-genre aspect]. In: Krysin L.P. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian language today]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2000, pp. 170–181.
11. Demeshkina T.A. *Teoriya dialektnogo vyskazyvaniya. Aspekty semantiki* [Theory of dialect speech. Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2000. 190 p.
12. Borisova I.N. *Narrativ kak dialogicheskiy zhanr* [Narrative as a dialogical genre]. In: Gol'din V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Kolledzh Publ., 2002. Is. 3, pp. 245–262.

Received: 14 January 2015

НОЧЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА А.П. ЧЕХОВА

Статья посвящена проблемам исследования языковой картины мира писателя, его идиолекта с помощью полевой методики. Изучение индивидуально-художественной речевой системы ведется через построение лексико-семантических полей. Авторское лексико-семантическое поле «Ночь» отличается более детальным, чем в общенародном языке, составом, спецификой семантической структуры конститuentов поля (усложнение семной структуры слова, наращивание сем, перестройка их иерархии), структурой самого поля в целом, на которые оказывает влияние преобразующая роль художественного мировоззрения.

Ключевые слова: языковая картина мира писателя; художественно-речевая система; полевая методика; лексико-семантическое поле; лексема; сема.

Изучение языковой картины мира личности в последнее время нередко заставляет обращаться к исследованию языка писателя через изучение лексико-семантической системы с помощью полевой методики. Полевой подход позволяет эксплицировать авторское мировоззрение, выявить специфику его ценностной ориентации и языковых приоритетов, особенности индивидуально-авторского словоупотребления и т.д.

Лексико-семантическое поле (ЛСП) представляет интерес для исследования языковой картины мира писателя с точки зрения содержания, состава (эксплицирует фрагмент мировоззрения писателя), структурной организации. Структурирование и анализ авторского лексико-семантического поля показывают, как эксплицированы те или иные категории, понятия в индивидуальной языковой системе писателя, высвечивают их специфику в его художественном мировоззрении.

Рассмотрим ЛСП «Ночь» в языке художественной прозы А.П. Чехова.

Лексема *ночь*, принимаемая за ядерную в анализируемом поле, характеризуется, во-первых, большой частотностью употребления (по результатам количественного анализа среди ключевых слов с тематикой «природное время» лексема *ночь* занимает первое место [1. С. 165]). Во-вторых, о значимости данного слова в творчестве А.П. Чехова свидетельствуют и данные различных исследований. В частности, В.Н. Рябова выделяет главенствующее положение пейзажа с описанием ночи среди других видов пейзажа с событийной направленностью [2. С. 9], Е.И. Лелис характеризует лексему *ночь* в творчестве А.П. Чехова как ключевое слово, занимающее особое положение в художественном тексте и наделенное специфическими эстетическими функциями [3. С. 12], Э.А. Полоцкая пишет об особой значимости образа лунной ночи в творчестве А.П. Чехова как «навязчивой поэтической идее» писателя [4. С. 25]. Все эти данные – количественный анализ и материалы исследований – особо выделяют лексему *ночь* на фоне остальных лексем.

Лексема *ночь* является центральной в одноименном поле. Это слово объединяет вокруг себя в ядерной части однокоренные слова (*ночной, полночь, полночный*) и единицы денотативного множества, совпадающие с ним по ряду значений. Рассмотрим их начиная с языковой реализации центральной лексемы *ночь*, художественно интерпретированной писателем.

Ночная природа у А.П. Чехова, как правило, наполнена таинственными образами, представляющими собой «что-то неведомое и страшное», недоступное пониманию простого человека: «Дышалось глубоко, и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах развернулась теперь своя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека» (Невеста) [5. Т. 10. С. 205]; «Все глядят на закат и все до одного находят, что он страшно красив, но никто не знает и не скажет, в чем тут красота» (Красавицы) [5. Т. 7. С. 159]. В описание ночи включаются лексические единицы *неведомый, непонятный, недоступный, мистический*, с одной стороны, и *прекрасный, святой* и т.п. – с другой.

В тихую ночь утихает и безмерное горе Липы, в тихую и прекрасную ночь верится, что, как ни велико зло, «все же в Божьем мире правда есть и будет, такая же тихая и прекрасная, и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью» (В овраге) [5. Т. 10. С. 145], поэтому «когда в лунную ночь видишь широкую сельскую улицу с ее избами, стогами, уснувшими ивами, то на душе становится тихо; в этом своем покое, укрывшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звезды смотрят на нее ласково и с умилением, и что зла уже нет на земле и все благополучно» (Человек в футляре) [Там же. С. 51]. В основе данного конфликта – мир природы и мир человека, добра и зла – по А.П. Чехову, лежит столкновение «нормы», по которой живет природа, т.е. существования по законам красоты, гармонии, свободы, и человека, слабого, грешного, в жизни которого эта «норма» отсутствует [6]. Поэтому ночь – это «время прекрасное, необыкновенное, когда все окружающее недоступно для понимания грешного человека». Благодаря актуализации в семантеме *ночь* сем *тихий, кроткий, печальный, покой, сон* в художественном контексте, следует выделить в ее структуре дополнительное значение 'время умиротворения, покоя в душе'.

Контекстуальным синонимом слову *непонятный* в тексте становится *таинственный* ('окруженный тайной, кажущийся необъяснимым'): «Сквозь редкие деревья виден был двор, залитый лунным светом, так же были таинственны и строги тени...» (Три года) [5. Т. 9. С. 12]. Ночь в творчестве А.П. Чехова

«...являет собой особое зрелище. Ночью мир не пошл. Ведь настоящая, самая интересная жизнь у каждого человека проходит под покровом тайны, как под покровом ночи» [7. С. 749].

Таинственное нередко связано у писателя с религиозным восприятием мира [8. С. 14; 9. С. 4]. Ночью «земля принимает загадочные очертания» и все будничные предметы «одеваются в идеальные покровы», далекие огни в поле напоминают лагерь филистимлян (Огни); мнутся великаны и колесницы, запряженные шестерками диких, бешеных коней; в жизнь переходят рисунки из Священной истории (Степь), и встречных во тьме спрашивает Липа: «Вы святые?», и те, не удивленные, отвечают: «Нет, мы из Фирсанова» (В овраге) [5. Т. 10. С. 144]. В пасхальную ночь монах Николай, «симпатичный поэтический человек», непонятый и одинокий, выходит «перекликаться с Иеронимом и пересыпать свои акафисты цветами, звездами и лучами солнца» (Святой ночью) [5. Т. 5. С. 96]. Звезды с ночного неба «смотрят в глубоком смирении» (Ионыч) [5. Т. 10. С. 25], а поле, лес и солнце «собираются отдохнуть и, быть может, молиться» (Степь) [5. Т. 7. С. 28].

В рассказе «Студент» одинокий огонь костра бросает свой мистический свет на далекое, на ушедшее, и в ночь, близкую к Пасхе, воскресает другая, давнишняя, памятная миру ночь в Гефсиманском саду: «воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания» [5. Т. 8. С. 307], то рыдает Петр, трижды отрекшийся от Христа. Так «глубокий, истинный мир ночного разрушает все пределы времени и пространства. Сближаются прошлое и настоящее» [7. С. 749].

Таким образом, у А.П. Чехова на прямое значение лексемы *ночь* – 'часть суток от вечера до утра' – через лексемы *мистический, загадочный, святой, смирение, покров, огонь, Гефсиманский сад, Христос, Петр, Пасха, филистимляне, акафисты* в контексте ассоциативно настраивается значение 'таинственное, сказочное время', которое нередко связано у писателя с религиозным восприятием мира.

В рамках значений 'непонятный', 'таинственный' развивается оттенок значения 'страшное, жуткое': «Все непонятное таинственно и потому страшно» (Святая ночь) [5. Т. 5. С. 93], «Темная, беспросветная мгла висела над землей <...> меня окутывал непроницаемый холодный мрак <...> душу мою наполнял неопределенный и неизъяснимый страх» (Страшная ночь) [5. Т. 6. С. 91].

Для А.П. Чехова ночь – это 'время пробуждения внутренних сил в природе и человеке'. «Не спала природа, точно боялась проспать лучшие мгновенья своей жизни» (Страхи) [5. Т. 5. С. 188]. Время, когда зрение и слух обострены. И душа устремляется туда, где на небе звезды, «высоко-высоко, далеко-далеко». По мнению В.А. Богданова, в мире А.П. Чехова природа, в частности ночная, – «олицетворение той творческой мощи, которой недостает его героям. Вводя ее в художественный мир произведения, он вводил тем самым оценочный критерий свершающегося и свершаемого в этом мире его персонажами» [10. С. 23].

Именно ночью «все вокруг не располагает к обыкновенным мыслям» (Степь) [5. Т. 7. С. 36]. Именно с ночью у писателя связаны философские размышления о человеке, о природе, о значении природы в жизни человека, и наоборот. И тогда описание ночи у Чехова выходит за рамки конкретной природной картины и становится вселенским: возникает мир, где существует жизнь «вечная», обеспечивающая «непрерывное движение жизни на Земле»: «Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады, и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет» (Дом с мезонином) [5. Т. 9. С. 181]. А.П. Чехов призывает к нравственному покою, заставляет задуматься о том, как, в сущности, «все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве» (Дама с собачкой) [5. Т. 10. С. 128], постоянно ищет ту ускользающую, таинственную связь между вечно существующей вселенной и кратким мигом пребывания человека на земле.

Космическое начало не было чуждо А.П. Чехову: «В момент наивысших душевных потрясений, в минуты глубоко эмоционального подъема его герои вплотную сталкиваются с загадочным, непостижимым величием космоса» [11. С. 301].

В одном ряду с лексемами *непонятность, неизвестность* в микроконтексте с лексемой *ночь* стоят лексемы ЛСП «Эмоциональное и физиологическое состояние человека» *беспокойство, тревога, тоска, ужас, отчаяние, равнодушие, одиночество* и т.п. «Когда долго смотришь на глубокое ночное небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознание **одиночества**. Начинаешь чувствовать себя **непоправимо одиноким**, и все то, что считал раньше близким и родным, становится **бесконечно далеким** и не имеющим цены. Звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, **равнодушные** к короткой жизни человека, когда остаешься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, **гнетут** душу своим **молчанием**; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в **могиле**, и сущность жизни представляется **отчаянной, ужасной**...» (Степь) [5. Т. 7. С. 66], «Беспокойство и бессонницу, – говорит лирический герой рассказа «Святой ночью», – хотелось видеть во всей природе, начиная с ночной тьмы и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, под которыми суеились люди» [5. Т. 5. С. 90]. Отсюда индивидуально-авторское значение семантемы *ночь* у А.П. Чехова – 'время, когда человек осознает свое одиночество'. Причем это нередко ощущение полного одиночества, которое индуцируется в лексемах *одиночество, молчание, могила, непоправимый, бесконечный* через семы 'не имеющий предела', 'чрезвычайный по силе проявления', 'невозможный' и др.

В одном контексте стоят лексемы *скука, тоска, уныние* и др. Слово *тоска*, т.е. 'гнетущая скука, уны-

ние, царящие где-либо, вызываемые чем-либо', включает в свое значение семантические признаки 'скука', 'уныние'. Значение слова *скука* конкретизируется семантическими признаками 'грусть', 'душевная тяжесть': «Я глядел на телеграфные столбы, около которых кружились облака пыли, на сонных птиц, сидевших на проволоках, и мне вдруг стало так скучно, что я заплакал» (Тайный советник) [5. Т. 5. С. 140], «Приближалась длинная, одинокая, скучная ночь» (Бабы царство) [5. Т. 8. С. 269]. Актуализируется в слове *скука* и сема 'духовное одиночество', являющаяся производной от семантических признаков 'безразличие', 'равнодушие'. Все слова воспринимаются как синонимы, так как семантические признаки, составляющие значение слов, дублируются, пересекаются, что делает возможным их общее существование на уровне индивидуальной речи. Сами слова *скука*, *тоска*, *одиночество* являются неотъемлемой частью индивидуального стиля писателя [12, 13].

Образ тополя, устойчиво проходящий через все произведения писателя, становится в мире А.П. Чехова символом одиночества. В поэтических текстах тополь может изображаться в виде рыцаря, как дерево с царской стройностью, серебристой изнанкой листьев, когда постоянная трепетание листы, открывающей то темную поверхность, то светлую изнанку, указывает на двойственность самой жизни [14]. Тополь у А.П. Чехова – *высокий, унылый, суровый* и... *одинокий*: «Не редкость было встретить одиноко торчащие тополи» (Святою ночью) [5. Т. 5. С. 92]; «Тополь высокий, покрытый инеем, показался в синеватой мгле, как великан, одетый в саван. Он поглядел на меня сурово и уныло, точно, подобно мне, понимал свое одиночество» (Волк) [5. Т. 5. С. 39]; «А вот на холме показывается одинокий тополь, кто его посадил и зачем он здесь – бог его знает. От его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастлив ли этот красавец? Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи... а главное – всю жизнь один, один...» (Степь) [5. Т. 7. С. 17].

В рамках значения 'время одиночества' можно выделить оттенок значения 'смерть', актуализированный в текстах А.П. Чехова. На символический некрологический ореол тополя указывает употребление данного слова в одном микроконтексте с лексемами *саван*, *умирать*, в которых актуализирована сема 'смерть': «Тополь, высокий, покрытый инеем, показался в синеватой мгле, как великан, одетый в саван», «Погода на дворе великолепная. Тишина, не шевельнется ни один лист. Мне кажется, что все смотрит на меня и прислушивается, как я буду умирать» (Скучная история) [5. Т. 7. С. 251]. То есть в осмыслении ночи как 'времени одиночества, периода смерти' важную роль играют категории «одиночество» и «смерть», являющиеся одними из основных в мироощущении писателя. Сравним с замечанием, найденным в записных книжках А.П. Чехова: «Как я буду лежать в могиле один, так, в сущности, я и живу» [15. С. 65].

И. Бунин вспоминал, что А.П. Чехов «много раз старательно твердо говорил, что бессмертие, жизнь после смерти в какой бы то ни было форме – сущий вздор.... Но потом несколько раз еще тверже говорил

противоположное: “Ни в коем случае не можем мы исчезнуть после смерти. Бессмертие – факт”» [16. С. 666]. Это своеобразная микромодель подхода Чехова к смерти, жизни, бессмертию. Он как бы допускает возможность двух противоположных решений.

Кроме того, следует говорить об амбивалентном характере лексемы *ночь*. Это отражено и во взаимно противоречащих друг другу высказываниях в рамках одного макроконтекста: так, в повести «Степь» ночное небо в одну ночь «глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова», в другую кажется «непонятным», «гнетет душу своим молчанием», в результате чего «приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной ...» [5. Т. 7. С. 66]. То же самое в рассказе «Дуэль»: «Но когда зашло солнце и стало темно, им овладело **беспокойство**. Это был не страх перед смертью... это был **страх** перед чем-то **неизвестным**; и страх перед наступающей ночью... Он знал, что ночь будет длинная, бессонная...» [5. Т. 7. С. 410], «Страхи»: «Меня охватило чувство **одиночества, тоски и ужаса**, точно меня против воли бросили в эту большую, полную сумерек яму» [5. Т. 5. С. 186].

Таким образом, лексема *ночь* обладает разнородной эмоциональной окраской: *равнодушная, ужасная, внушающая ужас, страх... и таинственная, загадочная, красивая, чарующая*.

Последнее связано с реализацией в творчестве Чехова традиционно романтического значения лексемы *ночь* 'время мечтаний и грез', 'время любовного свидания' (например, в рассказах «Верочка», «Дом с мезонином», «Три года», «В родном углу» и др.). В творчестве писателя «любовь составляет один из его лейтмотивов – любовь во всех тончайших и сокровенных проявлениях» [10. С. 118]. Особенностью романтических встреч ночью, при свете луны у Чехова является то, что все они оборачиваются разлукой, любовь не приносит счастья, несостоявшимися оказываются их мечты, герои не понимают друг друга, трагедии своего одиночества, этой старости души в расцвете сил. «Нет уже ни смеха, ни шума, ни свиданий в тихие лунные ночи» (Случай из практики) [5. Т. 10. С. 8].

Семантическая структура лексемы *ночь* в идиолекте А.П. Чехова может быть представлена следующим образом:

НОЧЬ: 1. Часть суток, время от захода до восхода солнца. Темное время суток.

2. Время умиротворения, покоя.

3. Время, когда человек осознает свое одиночество // полное одиночество // смерть.

4. Время пробуждения внутренних сил в природе и человеке.

5. Нечто недоступное пониманию // нечто страшное.

6. Таинственное, сказочное время, мечтаний, грез // время любовного свидания.

Таким образом, лексема *ночь* характеризуется сложной семантической структурой, включая общеязыковое значение и авторские, символические, подвергается семантическим трансформациям в контексте.

Остальные конститuentы поля создают образ *ночи*, центральной лексемы, представляют ее во всей совокупности присущих ей значений. В этой связи отметим следующее.

Прилагательное *ночной* употребляется в своем основном значении и тем самым соотносится с основной ядерной семой лексемы *ночь*. В неосложненном прямом значении употребляются существительное *полночь* и прилагательное *полночный*. «Луна-то, луна! – сказал он, глянул вверх. Была уже полночь» (Шампанское) [5. Т. 6. С. 2].

В одном синонимическом ряду со словом *ночь* стоят лексемы *темнота* ('отсутствие света, освещения'), *тьма*, *мрак*, *темень*, *мгла* ('неполная темнота вне помещения'), *сумрак* ('неполная темнота, при которой можно еще различать предметы'). «Сумерки и шум дождя за окном располагали ко сну» (Мужики) [5. Т. 9. С. 294].

Значение лексемы *ночь* – 'темное время суток' – усиливают прилагательные: *беспросветный* (усил.) ('о темноте, мраке: полный, совершенный'), *беспроглядный* (усил.) ('о тьме, мраке: непроницаемый'), *непроглядный* (усил.) ('о тьме, мраке: непроницаемый'), *непроницаемый* (усил.) ('такой, куда нельзя проникнуть взглядом, а также недоступный пониманию, скрытый'), *черный*. Данные прилагательные характеризуют семантему *ночь* как время суток с полным отсутствием света, а также через семы 'неполнота' и 'недоступность' формируют пятое значение ('нечто недоступное пониманию', оттенок значения 'нечто страшное').

В ядерной части поля расположены лексические единицы ЛСП «Космологические объекты и явления», характеризующие образ ночи: *луна*, *небо*, *звезды*, *туман*, их связь с ядерным словом устанавливается на основе общих сем.

Луна – 'ночное небесное светило', главный, важнейший элемент ночного пейзажа А.П. Чехова. О луне очень часто писал Чехов и в своих письмах: «Прекрасная ночь. На небе ни облачка, а луна светит во всю Ивановскую» [5. П. Т. 2. С. 286] и др. Образ лунной ночи для Чехова имел большое значение, и это не раз отмечали исследователи творчества писателя.

Программное значение придавалось описанию лунной ночи в рассказе «Волк». А.П. Чехов писал своему брату: «По моему мнению, описания должны быть весьма кратки и иметь характер апропос. Общие места вроде: “Заходящее солнце, купаясь в волнах темневшего моря, заливало багровым золотом” и прочее. “Ласточки, летя над поверхностью воды, весело чирикали”, – такие общие места надо бросить. В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина... Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употреблять сравнения явлений ее с человеческими действиями» [5. П. Т. 5. С. 176]. А.П. Чехов пытался обновить средства поэтической выразительности ночного пейзажа. Он писал так: «И о луне можно написать хорошо, а уж на что тема затрепанная. И будет интересно. Только надо все-таки увидеть и в луне что-нибудь свое, а не чужое и не избитое» [5. П. Т. 2. С. 615].

Внимание к образу луны у А.П. Чехова традиционно: под знаком «лунатизма» находилась вся современная писателю поэзия. Пейзажи А.П. Чехова полны сиянием бледной луны. Лунный свет делает ночи колдовскими, загадочными и заставляет героев каждый раз по-своему осмысливать окружающее, вспоминать прошлое, думать о будущем.

Лексемы *луна* и *лунный* соотносятся с первым и пятым значением ядерной лексемы *ночь*. Следуя традиции, А.П. Чехов использует луну для описания сцены любовного свидания (здесь значение слова *луна* параллельно значению ядерного слова *ночь* – 'время мечтаний и грез'). Образ луны в описаниях природы может традиционно способствовать созданию романтической обстановки (и тогда лексема *луна* несет положительную окраску), либо быть выполненным в ироническом ключе (как правило, в ранних рассказах): например, в рассказе «Дачники», где луна становится центральным образом во всех трех пейзажных зарисовках: «Из-за облачных обрывков глядела на них луна и хмурилась: вероятно, ей было завидно и досадно на свое скучное, никому не нужное девство», «Луна точно табаку понюхала, спряталась за облако. Людское счастье напомнило ей об одиночестве, одинокой постели за лесами и долами», «Из-за облака опять выплыла луна. Казалось, она улыбается; казалось, ей было приятно, что у нее нет родственников» [5. Т. 4. С. 16–17], «...луна, полная и солидная, как генеральная экономка, плыла по небу» (Трифон) [5. Т. 2. С. 367]. Поэтическое значение лексемы *луна* отличается у А.П. Чехова двойственной эмоциональной окрашенностью. Следовательно, внутренняя антиномичность семантемы *луна* усиливает амбивалентность образа ночи.

Привычных образов у А.П. Чехова мало, чаще всего он дает оригинальные образы, сравнения, примеры одушевления, оживляющие восприятие рассказа [16. С. 128]. Прием одушевления Чехов, как правило, широко использовал в ранних рассказах, после он претерпел изменения. Об этом Чехов писал Горькому: «частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится – такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда неясными: красочность и выразительность достигаются только простотой, такими простыми фразами, как “зашло солнце”, “пошел дождь” и т.д.» [5. П. Т. 8. С. 11–12].

В ряде контекстов у А.П. Чехова варьируются два эпитета к слову *луна*: *бледная* и *бедная*. Между ними существует определенное стилевое различие: если *бедная луна* несет на себе заряд авторской эмоции, это образ индивидуализированный, то *бледная луна* лишена индивидуальности – это образ традиционный.

Среди двух светил – *луна* и *месяц* – наибольшей частотой употребления обладает *луна*. Из повести «В овраге», где по-разному представлена лунная ночь: временами Липе и ее матери представляется, что «кто-то смотрит с высоты неба, из синевы, оттуда, где звезды» и что «все на земле только и ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью». И та же Липа, потерявшая ребенка, чувствуя-

щая себя страшно одинокой в мире, видит, как «с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому все равно – весна теперь или зима, живы люди или мертвы...» [5. Т. 10. С. 147]. В значении лексемы *месяц* при употреблении ее в одном микроконтексте с лексемами *одинокий, мертвый, смерть* явно ощутима некрологическая семантика, которая была закреплена за ним как светилом мира мертвых еще в мифологической картине мира. Что же касается роли данных лексем в картинах мира других писателей и поэтов, то, по наблюдениям А. Белого, сопоставляющего роль этих светил, например у А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева, последний отдает предпочтение только месяцу, который для него и «бог», и «гений», льющий в душу покой [17. С. 480].

В ночном пейзаже А.П. Чехова непременно возникает мотив сна. Лексема *сон* употребляется в переносном значении 'о состоянии полного покоя, тишины в природе': «Все было погружено в тихий, глубокий сон; ни движения, ни звука, даже не верится, что в природе может быть так тихо» (Человек в футляре) [5. Т. 10. С. 42], а также в значении 'прозябание', соотносимом с общеязыковым 'бездеятельное, пассивное состояние', но имеющем дополнительный оттенок 'бессодержательное', 'бесцельное': «Был час ночи – время, когда природа обыкновенно погружена в самый крепкий сон. В этот же раз природа не спала, и ночь нельзя было назвать тихой. <...> Не спала природа, точно боялась проспять лучшие мгновенья своей жизни» (Страхи) [5. Т. 5. С. 186].

Все объекты – *месяц, звезды, облака, туман, луна* – антропомизируются А.П. Чеховым. Об этом говорил еще Н.К. Михайловский: «Все у него живет: облака тайком от луны шепчутся, колокольчики плачут, бубенчики смеются, тень вместе с человеком выходит из вагона. Эта своего рода, пожалуй, пантеистическая черта очень способствует красоте рассказа и свидетельствует о поэтическом настроении автора» [18. С. 82].

Состав периферийной части ЛСП представлен следующим образом: сюда входят единицы, являющиеся конституентами других ЛСП – «Пространство», «Чувственное восприятие» и т.д.

На периферии ЛСП «Ночь» находятся единицы ЛСП «Пространство», создающие образ безграничного и беспредельного ночного неба. Это лексемы, объединенные архисемой 'безграничное' – 'не имеющее видимых или определяемых границ, чрезвычайно большое по протяженности': *даль* ('далекое пространство, видимое глазом'), *беспредельный* ('не имеющий пределов, безграничный, безмерный'), *бесконечный* ('не имеющий конца, предела в пространстве и во времени'), *бескрайний* ('не имеющий видимых пределов, края'), *безбрежный* ('такой широкий, что не видно берегов, простирающийся на необозримое пространство'), *необъятный* ('простирающийся на большое расстояние'), *необозримый* ('беспредельный, необъятный'), *небосвод* ('открытое со всех сторон небо в виде свода, купола'), *высокое, громадное, бездонное* ('не имеющее дна, чрезвычайно глубокое'), *глубокое, безграничное* ('не имеющее видимых или определяемых границ, чрезвычайно большое по протяженности') и др.

Во всех этих значениях явно актуализируются семы 'чрезвычайно', 'очень', подчеркивающие большую силу (степень) проявления чего-либо (*большое, глубокое, высокое* и т.д.). Общие принципы авторского изображения предмета, создающие индивидуальный образ, вырисовываются из всей суммы его описаний. В результате, исходя из всей совокупности лексем, характеризующих образ ночного неба, в нем индуцированы понятия «высоты» и, как следствие, связанные с ним понятия «красоты», «торжественности», «святости»: «О необъятной глубине и безграничности неба можно сулить только на море да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова» (Степь) [5. Т. 7. С. 46].

Значение 'огромность', переходя в значение 'грандиозность, богатырский размах', связано в микроконтекстах еще с одним значением – 'непонятность', точнее, 'невозможность понять, постичь' (на основе этого значения происходит пересечение ЛСП «Пространство» и «Ночь»): «Своим простором она [степь] возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли. Кто по ней ездит? Кому нужен такой простор? Непонятно и странно», «летит коршун над землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелой несется над степью, и непонятно, зачем он летает и что ему нужно», «широкие тени ходят по равнине, как облака по небу, а в непонятной дали, если долго всматриваться в нее, высятся и громоздятся друг на друга туманные, причудливые образы...», «звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человек... гнетут душу своим молчанием...», «направо темнели холмы, которые, казалось, заслоняли собой что-то неведомое и страшное...» (Степь) [Там же. С. 48].

Реализация сем 'таинственный', 'непостижимый', 'загадочный', 'странный' в лексемах *неведомый, непонятный, недоумение* способствует тому, что данные слова становятся опорными, ключевыми словами в решении этой семантической темы.

Значение 'непонятность', 'невозможность охватить, понять', выросшее из значения 'огромность, грандиозность', связано еще с одним доминирующим значением – 'неопределенность', которое выражается неоднократным повторением вводных конструкций со значением предположения: «Дрожа в воздухе, как насекомое, играя своей пестротой, стрепет поднялся высоко вверх по прямой линии, потом, **вероятно**, испуганный облаком пыли, понесся в сторону»; «Теперь, **по всей вероятности**, вихри, кружась и увлекая с земли пыль, сухую траву и перья, поднимались под самое небо: вероятно, около самой черной тучи летали перекасти-поле, и как, должно быть, и было страшно», «налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой... Послышалось, как **где-то** очень далеко **кто-то** прошелся по железной крыше, **вероятно**, по крыше шли босиком, потому что железо проворчалось глухо» (Степь) [Там же. С. 29, 85]. Значение 'неопределенность' усиливается за счет сочетания в одном микро-

контексте неопределенного местоимения *кто-то*, неопределенного наречия *где-то* и вводного слова.

Доминантное значение 'непонятность', 'неопределенность' непосредственно связано со значением 'сказочное', 'колдовское' (здесь снова происходит пересечение ЛСП «Пространство» и «Ночь»): «Направо темнели холмы, которые, казалось, заслоняли собой что-то неведомое и страшное»; «Я думал, а выжженная солнцем равнина, громадное небо, темневший вдали дубовый лес и туманная даль как будто говорили мне: "Да, ничего не поймешь на этом свете!"» (Огни) [Там же. С. 105]; «В непонятной дали, если долго всматриваться в нее, высятся и громоздятся друг на друга туманные, причудливые образы». Прилагательные *туманные*, *причудливые* – контекстуальные синонимы с общей семой, непосредственно названной в микроконтексте: 'неясные', 'неопределенные', 'непонятные' и отсюда 'страшные'. «Раньше молнии были только страшны... Их колдовской свет проникал сквозь закрытые веки и холодом разливался по всему телу» [Там же. С. 124]. Лексема *колдовской* соседствует в микроконтексте с лексемами *зловещий*, *причудливый*, *страшный*, *непонятный*, *неведомый* и др. Они, эти колдовские силы, с одной стороны, жутки, страшны, с другой – манят и притягивают к себе. Небо «страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова», «немножко жутко... Природа настороже и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утратить хоть одно мгновение жизни» (Степь) [Там же. С. 46]. Семантический повтор *жутко... жутко*, повтор его синонима *страшно* в сочетании с цветовыми прилагательными *черный*, *темный* в одном микроконтексте помогают А.П. Чехову создать определенное настроение, вызванное таинственными, сказочными силами ночного времени.

ЛСП «Ночь» имеет непосредственную связь и с ЛСП «Чувственное восприятие», в частности ЛСП «Цветовозначения», конститuentы которого создают особый цветовой облик образа ночи: *черный*, *белый*, *тусклый*, *мутный*, *блеклый*, *темный*, *сумрачный* и т.д. Так, особенностью использования лексем *черный* и *белый* является то, что они, будучи противопоставлены в общенародном языке друг другу (ср. 'имеющий цвет сажи, угля, самый темный из всех цветов (противоп. белый)' и 'имеющий цвет снега, молока, мела (противоп. черному)'), в природном мире А.П. Чехова контекстуально не оппозиционны, поскольку обе лексемы вступают в системные отношения, объединяясь по признаку 'светлый – темный': «Белые стены, белые кресты на могилах, белые березы и черные тени... жили своей особой жизнью» (Архиерей) [5. Т. 10. С. 187], «Весь мир, казалось, состоял только из черных силуэтов и бродивших белых теней» (Верочка) [5. Т. 6. С. 71], «Таких удивительных роз, лилий, камелий, таких тюльпанов всевозможных цветов, начиная с ярко-белого и кончая черным как сажа... не случилось видеть нигде в другом месте» (Чёрный монах) [5. Т. 8. С. 226]. Несмотря на свою контрастность, оба цвета служат для создания образа. Лексема *черный*, как правило, используется вместе со словом *белый* и

его эквивалентами (*бледный*, *светлый*, *ясный*, *блеклый*, *белесый*) и наоборот, *белый* рядом с лексемами *темный*, *мутный*, *сумрачный*, *тусклый* и т.п. Наиболее частотная смысловая зона реализации цветовозначений черного и белого цветов и их оттенков – лунная ночь: «кругом далеко было видно белое и черное, и сонные деревья склоняли свои ветви над белым» (Ионыч) [5. Т. 10. С. 24]. В этом описании А.П. Чехов не детализирует, что именно обозначено под черным и белым, главное – это цвет, когда на сочетании, созвучии элементов строится образ лунной ночи. «На плотине, залитой лунным светом, не было ни кусочка тени... блестело звездой горлышко от разбитой бутылки... на том берегу, повыше кустов ивняка, что-то похожее на тень прокатилось черным шаром» (Волк) [5. Т. 5. С. 41]. Образ лунной ночи строится на сопоставлении светлых и темных тонов. С помощью одной-двух деталей, отдельного штриха, попавшего в поле зрения героя, найден индивидуально-авторский образ лунного света, построенный на свете и блеске, и по контрасту с ним – образ волка, данннй в черном цвете.

На сопоставлении черно-белых тонов показан пейзаж в рассказе «Верочка»: описание ночи разворачивается при использовании двух цветов черного – белого: *белый как снег*, *черные силуэты*, *белые тени*, *белый дым*, *темная тень*, *черные канавы*, *черные потемки*, *темные окна*, *белый огнем*, *побелее*. На противопоставлении света и тени рисуется сад. Благодаря такому подбору цвета пейзаж оказывается окутанным дымкой таинственности, поэтичности. «В саду было тихо и тепло. Пахло резедой, табаком и гелиотропом, которые еще не успели отцвести на клумбах. Промежутки между кустами и стволами деревьев были полны тумана, негустого, нежного, пропитанного насквозь лунным светом, и, что осталось в памяти Огнева, клочья тумана, похожие на привидения, тихо, но заметно для глаза, ходили друг за дружкой поперек аллей. Луна стояла высоко над садом, а ниже ее куда-то на восток неслись прозрачные туманные пятна. Весь мир, казалось, состоял только из черных силуэтов и бродивших белых теней, а Огнев, наблюдавший туман в лунный августовский вечер, чуть не в первый раз в жизни, думал, что он видит не природу, а декорацию, где неумелые пиротехники, желая осветить сад белым бенгальским огнем, засели под кусты и вместе со светом напустили в воздух белого дыма» (Верочка) [5. Т. 6. С. 71].

Таким образом, А.П. Чехов употребляет цветовые лексемы, противоречащие друг другу (*прозрачный* и *туманный*), по отношению к одному объекту и тем самым создает особый образ, точно передающий авторский замысел. Следует отметить, что слово *туманный* наиболее часто употребляется в пейзаже А.П. Чехова в значении 'молочный': «...туман дает впечатление белой стены» (Мертвое тело) [5. Т. 4. С. 126], «густой туман белый, как молоко» (В овраге) [5. Т. 10. С. 145], «туман белый, густой» (Невеста) [5. Т. 10. С. 206].

А.П. Чехов широко использует лексемы *прозрачный*, *матовый*, *бледный*, *туманный*, *темный* и другие. Контраст создается с помощью конкретных цветов

белый – черный и по наличию в цветовой лексеме сем 'яркий – тусклый', 'светлый – темный'. Характеристика цвета передается именами прилагательными, указывающими на качество явления (света) и особенности восприятия его человеком. Распределение лексики по принципу «свет – отсутствие света» происходит таким образом, что немногочисленные лексемы, не указывающие прямо на свет или сумрак, оцениваются с точки зрения содержания в обозначаемом ими цвете света, т.е. по наличию или отсутствию в значении слова семы 'блеск' (отраженного света). Например, лексемы *луна* – 'небесное тело, ближайший спутник Земли', светящийся отраженным солнечным светом; *силуэт* – 'очертания чего-н., виднеющиеся в темноте, тумане'.

Лексемы *черный* и *белый* участвуют в создании особого цветового колорита, создающего ощущение нереальности, поэтичности, загадочности происходящего, предвещающего романтическую сцену признания в любви. Отсюда особый подбор автором цветовых лексем, создающих неповторимую картину. В этом случае обе лексемы несут значение «нечто колдовское, таинственное». В то же время лексема *черный* может использоваться для выражения значения 'нечто страшное', 'безжизненность', 'омертвелость', 'покой'. «Но воспоминание о темных, угрюмых крестах, которые непременно встретятся ему на пути, и сверкавшая вдали молния останавливали его...»; «Направо темнели холмы, которые, казалось, заслоняли собой что-то неведомое и страшное...» (Степь) [5. Т. 7. С. 44, 45]; «Было темно: когда же глаза мои мало-помалу привыкли к темноте, я стал различать силуэты старых, но тощих дубов и лип, которые росли по сторонам дороги. Скоро направо неясно обозначилась черная полоса неровного, обрывистого берега, пересеченная кое-где небольшими, глубокими оврагами и промоинами. Около оврагов ютились невысокие кусты, похожие на сидящих людей. Становилось жутко. Я подозрительно косился на берег, и уж шум моря и тишина покоя неприятно пугали мое воображение» (Огни) [Там же. С. 105].

Значение 'колдовское', 'таинственное', 'страшное' усиливают следующие лексические единицы разных частей речи: прилагательные *черный*, *темный*, существительное *чернота*, глаголы *темнеть*, *чернеть*, *почернеть*: «Страшная туча надвигалась не спеша, сплошной массой; на ее краю висели большие, черные лохмотья» (Огни) [Там же. С. 108–109]; «Чернота на небе раскрыла рот и дыхла белым огнем. Покосился он туда, где была недавно луна, но там чернела такая же тьма, как и на возу» (Степь) [Там же. С. 85, 86]. Специфика лексем *белый* и *черный* проявляется в том, что в их семантической структуре в индивидуальной языковой системе А.П. Чехова помимо основных цветовых значений содержатся следующие: 1. Цвета ночи – времени суток, характеризующегося романтическим мировосприятием. 2. Цвета колдов-

ского и таинственного. Кроме этого, в семантическую структуру слова *черный* включается значение 'цвет, символизирующий страшное, безжизненное, омертвелость и покой'.

Следует отметить, что слова, обозначающие цвет, занимают важное место в языковой системе писателя. А.П. Чехов выводит прилагательные за рамки основного значения, широко используя их для создания важных образов. Строя самые отвлеченные образы, писатель часто отталкивается от образа зрительного, в том числе и цветового.

Конституенты ЛСП «Ночь» связаны и с единицами ЛСП «Звук». Ночь – это время, когда затихает активная жизнедеятельность, что отражено в лексемах *тишина*, *ни звука*, *молчание*, *сон* и т.п., и представлено в развитии семантических тем «неподвижность», «покой», «однообразие», общей для которых является тема «безжизненность». При этом выделенные значения непосредственно актуализируют важное для автора, связанное с его мировосприятием, понятие «скука».

С другой стороны, А.П. Чехов нередко использует лексемы *трескотня*, *колыбельная песня*, *гул* и т.п., что свидетельствует о специфичности авторского восприятия ночи: это время пробуждения внутренних сил в природе и человеке, 'время, когда начинается настоящая, самая интересная жизнь у каждого человека': «Как будто от того, что траве не видно в потемках своей старости, в ней поднимается веселая, молодая трескотня, какой не бывает днем; треск, подсвистывание, царапанье, степные басы, тенора и дисканты – все мешается в непрерывный, монотонный гул, под который хорошо вспоминать и грустить» (Степь) [Там же. С. 24].

Таким образом, в анализируемом авторском лексико-семантическом поле лексема *ночь* имеет ключевой статус, что подтверждается ее большой частотностью употребления, связью с основными категориями мироощущения писателя (тоска, скука, одиночество, красота), тем, что она подвергается семантическим трансформациям в контексте; характеризуется сложной семантической структурой: лексема *ночь* имеет как общеязыковое значение, так и авторские, символические. В структуре самого поля могут быть выделены ядерная и периферийная части. В ядро поля входят лексические единицы *ночь* и ее дериваты, лексемы *темнота*, *тьма*, *мрак*, *сумрак*, конституенты ЛСП «Космологические объекты и явления» *луна*, *месяц*. На периферии находятся лексические единицы других ЛСП: «Пространство», «Чувственное восприятие», включающее ЛСП «Цветобозначения», «Звук». Границы ядерной и периферийной зон нечеткие, размытые. Образы ночного времени носят антропоморфный характер, что отражается на структуре поля, куда входят единицы ЛСП «Эмоциональное и физиологическое состояние человека» (*скука*, *тоска*, *уныние*, *ужас*, *отчаяние*, *равнодушие*, *одиночество*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочнова К.А. Лексико-семантическое поле «Природное время» в языковой картине мира А.П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород : ННГУ, 2005. 178 с.
2. Рябова В.Н. Пейзажная единица текста: семантика, грамматическая форма, функция: на материале произведений А.П. Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002. 17 с.

3. Лелис Е.И. Эстетические функции ключевых слов: на материале рассказов А.П.Чехова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2000. 16 с.
4. Полоцкая Э.А. А.П. Чехов. Движение художественной мысли. М. : Сов. писатель, 1979. 340 с.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М. : Наука, 1974–1983.
6. Сухих И.Н. С высшей точки зрения. О художественной философии А.П. Чехова // В мире отечественной классики. М., 1987. Вып. 2. С. 287–307.
7. Айхенвальд Ю.И. А.П. Чехов // А.П. Чехов: pro et contra / сост. И.Н. Сухих. СПб. : РХГИ, 2002. С. 722–786.
8. Дунаев М.С. Испытание веры: о творчестве Чехова // Литература в школе. 1993. № 6. С. 12–20.
9. Есин А.Б. О чеховской системе ценностей // Русская словесность. 1994. № 6. С. 3–8.
10. Богданов В.А. Лабиринт сцеплений: введение в поэтику и проблематику чеховской новеллы. М. : Дет. лит.-ра, 1986. 142 с.
11. Гейдеко В. А. Чехов и И. Бунин. М. : Сов. писатель, 1987. 363 с.
12. Червинскене Е. Единство художественного мира. А.П. Чехов. Вильнюс : Мокслас, 1976. 181 с.
13. Манакин В.Н. Семантические преобразования слов в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кировоград, 1984. 20 с.
14. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высш. шк., 1990. 303 с.
15. Паперный З.С. Записные книжки Чехова. М. : Сов. писатель, 1976. 391 с.
16. Кулиева Р.Г. Реализм А.П. Чехова и проблема импрессионизма. Баку : Элм, 1988. 186 с.
17. Белый А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика / общ. ред. Ю.С. Степанов. М. : Радуга, 1983. С. 480–485.
18. Михайловский Н.К. Об отцах и детях и о г-не Чехове // А.П. Чехов: pro et contra / сост. И.Н. Сухих. СПб. : РХГИ, 2002. С. 80–93.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 17 декабря 2014 г.

NIGHT IN A.P. CHEKHOV'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 28-36. DOI 10.17223/15617793/393/4

Kochnova Kseniya A. Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: kochnova08@list.ru

Keywords: language picture of the world of the writer; art-speech system; field methods; lexical-semantic field; lexical unit; seme.

The article is devoted to the study of A.P. Chekhov's language picture of the world, his idiolect, using field methods. The field approach allows to explicate the author's worldview, identify the specifics of his value orientation and language priorities, particularly the author's individual usage, etc. The analysis of the individual language system through the study of lexical-semantic fields in fiction, of a network of partially overlapping lexical-semantic fields gives the most complete and objective view of the art-speech system of the writer. A lexical-semantic field is of interest to study the language picture of the world of the writer from the point of view of its content, composition (explicit fragment of the writer's worldview), structural organization. The semantic structure of the lexeme 'night' in the art-speech system of A.P. Chekhov can be represented as follows: 1. Part of the day, the time from sunset to sunrise. The dark time of the day. 2. Time of peace, of rest. 3. Time when people realize their loneliness || total loneliness || death. 4. The Wake-up time of the internal forces in nature and man. 5. Something beyond comprehension || something terrible. 6. Mysterious, fabulous time of dreams || time of a love date. In the analyzed lexical-semantic field, the word 'night' has a key status, which is confirmed by its high frequency of use, connection with the main categories of the writer's view of life (sadness, boredom, loneliness, beauty), the fact that it undergoes semantic transformations in context. The word 'night' is characterized by a complex semantic structure: it has both a regular and the author's symbolic meanings. The structure of the field itself has nuclear and peripheral parts. The nucleus of the field is the lexical unit 'night' and its derivatives, words 'time', 'period', 'darkness', 'moon', etc. The periphery are lexical units of other lexical-semantic fields: "Space", "Cosmological objects and phenomena", "Atmospheric phenomena", "Sensory perception", including "Color names" and "Sound". The boundaries of the nuclear and peripheral zones are blurred. The images of night-time are anthropomorphic, which is reflected in the structure of the field that includes units of the lexical-semantic field "Emotional and physiological state of the person" and "Person". The author's lexical-semantic field "Night" is more detailed than in the national language by the composition, specific semantic structure of field constituents (complication of the seme patterns of the word, development of semes, reorganization of their hierarchy), by the overall structure of the field impacted by the transforming role of the artistic worldview.

REFERENCES

1. Kochnova K.A. *Leksiko-semanticheskoe pole "Prirodnoe vremya" v yazykovoy kartine mira A.P. Chekhova*: dis. kand. filol. nauk [Lexical-semantic field "Natural Time" in the language picture of the world of A.P. Chekhov. Philology Cand. Diss.]. N. Novgorod, 2005. 178 p.
2. Ryabova V.N. *Peyzazhnaya edinitsa teksta: semantika, grammaticheskaya forma, funktsiya: na materiale proizvedeniy A.P. Chekhova*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Landscape text unit: semantics, grammatical form, function in A.P. Chekhov's works]. Tambov, 2002. 17 p.
3. Lelis E.I. *Esteticheskie funktsii klyuchevykh slov: na materiale rasskazov A.P. Chekhova*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Aesthetic functions of keywords in short stories of Anton Chekhov]. Izhevsk, 2000. 16 p.
4. Polotskaya E.A. *A.P. Chekhov. Dvizhenie khudozhestvennoy mysli* [A.P. Chekhov. Development of artistic thought]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1979. 340 p.
5. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 12 t.* [Complete Works and Letters: in 30 v. Letters: in 12 v.]. Moscow: Nauka Publ., 1974–1983.
6. Sukhikh I.N. *S vysshey tochki zreniya. O khudozhestvennoy filosofii A.P. Chekhova* [From the highest point of view. On the artistic philosophy of A.P. Chekhov]. In: Nikolaev D. (ed.) *V mire otechestvennoy klassiki* [In the world of Russian classics]. Moscow, 1987. Is. 2, pp. 287–307.
7. Aykhenval'd Yu.I. *A.P. Chekhov*. In: Sukhikh I.N. *A.P. Chekhov: pro et contra*. St. Petersburg: RkhGI Publ., 2002, pp. 722–786. (In Russian).

8. Dunaev M.S. Ispytanie very: o tvorchestve Chekhova [Test of Faith: on the works of Chekhov]. *Literatura v shkole*, 1993, no. 6, pp. 12–20.
9. Esin A.B. O chekhovskoy sisteme tsennostey [On Chekhov's system of values]. *Russkaya slovesnost'*, 1994, no. 6, pp. 3–8.
10. Bogdanov V.A. *Labirint stsepleniy: vvedenie v poetiku i problematiku chekhovskoy novelly* [Labyrinth of cohesion: an introduction to the problems and poetics of Chekhov's short stories]. Moscow: Detskaya literatura Publ., 1986. 142 p.
11. Geydeko V. A. *Chekhov i I. Bunin* [Chekhov and Bunin]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 363 p.
12. Chervinskene E. *Edinstvo khudozhestvennogo mira. A.P. Chekhov* [Unity of the art world. A.P. Chekhov]. Vilnius: Mokslos Publ., 1976. 181 p.
13. Manakin V.N. *Semanticheskie preobrazovaniya slov v khudozhestvennom tekste: avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [Semantic transformations of words in a literary text. Abstract of Philology Cand Diss.]. Kirovograd, 1984. 20 p.
14. Epshteyn M.N. *"Priroda, mir, taynik vselennoy": Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii* ["Nature, world, cache of the universe": The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990. 303 p.
15. Papernyy Z.S. *Zapisnye knizhki Chekhova* [Chekhov's notebooks]. Moscow: Sovetskiy pisatel' Publ., 1976. 391 p.
16. Kulieva R.G. *Realizm A.P. Chekhova i problema impressionizma* [Realism of A.P. Chekhov and the problem of Impressionism]. Baku: Elm Publ., 1988. 186 p.
17. Belyy A. *Pushkin, Tyutchev i Baratynskiy v zritel'nom vospriyatii prirody* [Pushkin, Tyutchev and Baratynsky in visual perception of nature]. In: Stepanov Yu.S. (ed.) *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga Publ., 1983, pp. 480–485.
18. Mikhaylovskiy N.K. *Ob ottsakh i detyakh i o g-ne Chekhove* [On fathers and children, and on Mr. Chekhov]. In: Sukhikh I.N. *A.P. Chekhov: pro et contra* [A.P. Chekhov: pro et contra]. St. Petersburg: RkhGI Publ., 2002, pp. 80–93.

Received: 17 December 2014

ИРОНИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПУБЛИКАЦИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО «НОВОСТИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

Статья посвящена анализу недатированной публикации Арсения Тарковского «Новости античной литературы», состоящей из эпиграмматического цикла «Новые подражания древним» и двух писем – обращения лирического героя, Арсиноя Аттического, к редакции «Эллинистической литературной газеты» и ответного послания от редакции. Если эпиграммы при поверхностном восприятии текста представляют собой травестию античной литературы, то письма служат ключом к раскрытию иронического дискурса публикации, проявляющегося на трех уровнях: как самоирония, ирония над современностью и ирония, связанная с жанром античной эпиграммы как восхваления в пародийно-насмешливой форме.

Ключевые слова: Арсений Тарковский; античная литература; греческая эпиграмма; русская поэзия.

Внимание Арсения Тарковского к Античности способствовало рождению не только стихотворений, содержащих античный претекст (яркой иллюстрацией обращения к классическому наследию служит ряд стихотворений, в которых Античность вынесена в заглавие: «Елена» (1938), «Психея» (1941), «Дриада» (1945–1946), «Кора» (1958), «Сократ» (1959), «Превращение» (1959), «Эсхил» (1959), «Эвридика» (1961)), а также стилизации («Из Анакреона», 1935), пересказа («Мщение Ахилла», 1965) и обособленной в жанровом аспекте недатированной публикации «Новости античной литературы», представляющей собой цикл эпиграмм «Новые подражания древним», опубликованный под именем Арсиноя Аттического в сопровождении писем к и от редакции.

Для художественного сознания Арс. Тарковского на ранних этапах творчества характерно следование поэтической традиции XIX в. – эстетическое возвышение классического наследия, восприятие искусства Античности как идеала, образца, нормы ритма, гармонии и красоты. Высокое отношение поэта к Античности, идеализирование искусства древности, характеризующее ранний этап его творчества, продекларировано в воспоминаниях, посвященных Г. Шенгели (февраль, 1958 г.): «Еще не так давно я полагал, что стихи следует писать на старые, проверенные, классические темы, о падении Трои например, и любовные, причем современность может присутствовать в стихах только последнего рода, – любовных. Это было заблуждение, не менее, впрочем, удивительное, чем всякое другое заблуждение. Шенгели рассеял его. Он стал моим учителем во всем, что касалось стихотворчества. Прежде всего, он обучал меня современности. Когда я забирался на античные горы слишком высоко, он хватал меня за ноги и стаскивал на землю» [1. С. 185]. Однако слова Арс. Тарковского о переходе от Античности к современности на сюжетном уровне свидетельствуют и о начале трансформации рецепции Античности в художественном сознании поэта, сокращении дистанции между Античностью и современностью, что в дальнейшем будет служить предпосылкой использования античного материала в современном контексте.

«Новые подражания древним» при поверхностном восприятии цикла выглядят как травестия античной литературы, пародия на забытую древнегреческую

эпиграмму, на что указывают и слова из письма от редакции: «Все же, несмотря на их несвоевременность, мы Ваши стихи решили напечатать: и на них найдутся читатели – худо-бедно два человека: первый – Ф.А. Петровский, второй – С.П. Маркиш. Они – эллинисты, им и карты в руки!» [Там же. С. 129]. Однако, как отмечает Ю.Н. Тынянов, «...пародийные произведения обыкновенно бывают направлены на явления современной литературы или на современное отношение к старым явлениям; пародийность по отношению к явлениям полузабытым мало возможна» [2. С. 294]. Так, пародирование текстов древнегреческих эпиграмматистов с единственной целью десакрализации античной культуры ставится под сомнение.

Цель статьи – анализ публикации Арс. Тарковского «Новости античной литературы», объяснение причины травести античной культуры и, как следствие, раскрытие эволюции рецепции Античности в художественном сознании Арс. Тарковского.

Если название эпиграмматического цикла («Новые подражания древним») вводит его в жанровую парадигму «Подражаний» классического периода (К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин), то установка на обновление традиции («новые»), пародийно-иронический характер и, следовательно, цель создания, отличающая публикацию от предшествующих подражаний, позволяют говорить об отклонении от эстетического восприятия Античности, характерного для XIX в., и ставить публикацию в один ряд с «Антологией античной глупости» О. Мандельштама, что подтверждает и оценка текста А.А. Ахматовой, описанная в воспоминаниях М. Синельникова: «Несомненно Ахматовой, столь остроумной, импонировало остроумие Тарковского. Она знала его “Новые подражания древним”, несколько напоминающие любимую акмеистами мандельштамовскую “Антологию античной глупости” (и в этом жанре Тарковский выглядел как бы продолжателем всегда милого Мандельштама)» [3].

О времени написания «Новостей античной литературы» мы можем догадываться, исходя из их содержания и биографических сведений об авторе. В 1946 г. в доме Г.А. Шенгели и его жены, поэтессы Н.Л. Манухиной, Арсений Тарковский знакомится с А.А. Ахматовой, и в этом же году после постановления ЦК КПСС «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа книга А.А. Тарковского «Перед снегом»,

опубликованная позже, в 1962 г., снимается с производства [4]. Так, год знакомства с А.А. Ахматовой и запрета выхода сборника Арс. Тарковского может служить нижней границей, определяющей период создания анализируемого текста. Кроме того, смеховое начало, проявленное по отношению к Античности, не дает возможности отнести публикацию к раннему периоду творчества Арсения Тарковского. Однако написание подобного цикла на более поздних этапах не так актуально в связи с получением Арс. Тарковским в 1962 г., в один год с сыном Андреем, признания: первый сборник поэта, запрещенный ранее, выходит в печать, в то время как в письме к редакции звучит ирония по поводу запрета его поэзии. Кроме того, в стихотворении «Новоселье», датированном 1957 г., поэт уже перечисляет имена персонажей античных мифов в одном ряду с маркирующей современность обыденной лексикой: «Но четверо нечленов профсоюза – / Атлант, Сизиф, Геракл и Одиссей – / Контейнеры, трещащие от груза, / Внесли, бахвалясь алчностью своей», «И, показав, на что они способны, / Без помощи своих железных рук / Вскочили на буфет пятирубный / И Афродиту подняли на крюк» [5. С. 282]. Введению античных мифонимов в современный контекст должна была предшествовать адаптация «высокой» Античности, упразднение дистанции между Античностью и современностью поэта, лишение Античности сакрального смысла. Так, время создания «Новостей античной литературы» предположительно можно отнести к периоду между 1946 и 1957 гг. или 1946 и 1962 гг. (но не позже 1962 г.).

Анализируемая публикация состоит из двух разделов: если в первом представлены прозаические письма, то во втором – цикл поэтических текстов, жанр которых сам автор определяет как «подражания», вынося его в заглавие, – «Новые подражания древним». Однако явление подражания, по мысли Ю.Н. Тынянова, тесно соотносено с пародией [2. С. 292], которую, по замечанию Н. Пьеге-Гро, следует отличать от бурлескной травести (механизм травести служит перевод в низкий стиль) и стилизации (если в основе пародии лежит трансформация, то в основе стилизации – имитация «гипотекста») [6. С. 95]. Различные эпиграммы цикла Арс. Тарковского представляют собой травестию как перевод в низкий стиль, стилизацию как имитацию первоисточника и пародию (или подражание) как изменение сюжета при сохранении стиля претекста.

В двух эпиграммах цикла Арс. Тарковского «Новые подражания древним» – «На статую Мелиты» и «На скульпторов» – в снижающе-ироническом ключе обыгрываются тексты древнегреческого эпиграмматиста Руфина, восхваляющие красоту девицы Мелиты и талант древнегреческих скульпторов запечатлеть в камне красоту человеческого тела или облика человека, некогда созданного согласно мифологии Зевсом. При этом первая эпиграмма («На статую Мелиты») представляет собой яркий элегический дистих («Встала с постели Мелита и левой ступила ногою. / Фидий увидел ее. Дева осталась нагой!» [1. С. 130]), а во второй («На скульпторов») почти буквально вос-

производится стих из античного источника, но в новом контексте: «Где я Праксителя нынче найду? Где рука Поликлета» [7. С. 334] Руфина заменяется у Арс. Тарковского на «Где достославный Пракситель и где рука Поликлета» [1. С. 131] (необходимо отметить, что имя Праксителя упоминается также в вышеупомянутых эпиграммах Мелеагра («Статую создал Пракситель Эрота паросскую, облик...» [8. С. 253], «Древний ваятель Пракситель прекрасную статую создал» [Там же]), Поллиана («Рук Поликлета – Поликсена; другой не касался...» [7. С. 383])).

Краткость формы, помещение отрывка первоисточника в новый контекст – яркие признаки травестийного пародирования, но подобное ироническое снижение «высоких» текстов – это не только осмеяние, но и адаптация. Н. Пьеге-Гро замечает: «Было бы, однако, неверным сводить бурлескное травестирование к одной только десакрализации и представлять его как всего лишь бесцеремонную манипуляцию текстами. Ведь при такого рода переименовании произведений все же сохраняется их сюжетная структура; она осовременивается, и публике становится доступным текст, который в ином случае, из-за исторической дистанции и эпической монументальности, остался бы от нее далек» [6. С. 103]:

Где я Праксителя нынче найду? Где рука Поликлета,
Прежде умевшая жизнь меди и камню придать?
Кто изваяет теперь мне душистые кудри Мелиты,
Взор ее, полный огня, блеск ее груди нагой?
Где вы, ваятели? Где камнерезы? Ведь надо же строить
Храм для такой красоты, как для подобы богов.
(Руфин [7. С. 334])

Разнообразные руки и разнообразные ноги,
Бедра и груди Зевес к торсам людей прикрепил.
Где достославный Пракситель и где рука Поликлета,
Чтобы в скульптуре явить разнообразие чресл?!
(Арс. Тарковский [1. С. 131])

Однако одновременно подобное травестирование не свидетельствует о нивелировании ценности античных произведений в сознании Арс. Тарковского. «В то же время подобный способ действий свидетельствует об уважительном отношении к произведениям прошлого и о сохранении иерархических связей между ними: “Вергилий наизнанку” а contrario способствует осознанию величия Вергилия и Гомера. Когда же ощущение этого величия и осознание иерархии жанров, стилей и отдельных произведений притупляются, бурлескная травестия становится малоинтересной, и читатель перестает воспринимать ее комизм, бесцеремонность, сатирическую направленность и т.п.» [6. С. 103].

Однако бурлескное травестирование античного первоисточника прослеживается лишь в приведенных двух текстах, эпиграмма «На козла» также представляет собой пародию, но без снижения, это лишь небольшая трансформация сюжета при сохранении стиля, в этом случае можно говорить об искусном подражании, которое является основой «эстетики отклонения, а не копирования. В нем также проведено основополагающее различие между рабским подражанием и подражанием свободным. Подражание не должно превращать поэта в раба, оно для него лишь

(Сахарей, Антиген, Витамина) и мифологический герой Саон. Имя Питан также является вымышленным, однако служит отсылкой к личности поэта-эпиграмматиста Диоскорида, которому принадлежит строка «Мертвым внесли на щите Фрасибула в родную Питану». Город Питана упоминается в эпиграммах и других авторов, например в «Эпитафии Клина-рете» Антипатра Сидонского: «Брачное ложе шафранное все из Питаны невестке / Было раскрыто уже дома в чертогах златых» [8. С. 209]. Однако ставить в один ряд реальное (Фрасибул) и вымышленное (Питан) имена («О Сосифей, Фрасибул, Питан, Мнаралк и Телевтий...» [8. С. 129]) Тарковскому позволяет стих Диоскорида.

Сложное переплетение имен древнегреческих эпиграмматистов и героев их эпиграмм служит созданию эффекта преемственности внутри группы, к которой причисляет себя и Арсиной Аттический, введение вымышленных стилизованных имен обозначает обновление традиции при сохранении классической внешней формы, что было присуще, например, поэзии Каллимаха, и переход жанра эпиграммы как эпитафии в жанр художественной литературы. «А наряду с реальными людьми – служителями муз, благонравными юношами, верными слугами, в эпиграммах Феокрита появляются мифические персонажи, герои пастушеского фольклора и сельские божества – Дафнис, Тирсис, Пан, Галатея» [Там же. С. 355–356].

Обращение лирического героя, Арсиной Аттического, к реальным греческим эпиграмматистам и вымышленным героям – «Братья мои и друзья» – это установка на признание вымышленности лирического героя и одновременно принадлежности поэта к кругу древнегреческих эпиграмматистов, многие из текстов которых были найдены в Египте (одним из мест ценных находок оказался Фаюмский оазис, отсюда произошло название «фаюмских папирусов»). При этом собственный текст лирический герой также сравнивает с фаюмским папирусом как захороненным, непрочитанным при жизни автора.

При анализе эпиграммы «К друзьям и подругам» удастся установить, что авторы, которым подражает Тарковский, относятся к аттическому (V–IV вв. до н.э.) и эллинистическому (III–I вв. до н.э.) периодам древнегреческой литературы: Симонид (556–468 гг. до н.э.), Анита (конец IV – начало III в. до н.э.), Диоскорид, Мнасалк (III в. до н.э.), Антипатр Сидонский (конец III – II в. до н.э.), Каллимах (305–240 гг. до н.э.), Асклепиад Самосский (первая половина III в. до н.э.), Феодорид (вторая половина III в. до н.э.), Филодем (начало I в. до н.э.). Размытость хронологических границ и отношение авторов к периодам не позднее аттического ставит под сомнение буквальное понимание слов лирического героя: «...унылость прилагаемых при сем “Подражаний” авторам еще более древним, чем ваш покорный слуга» [1. С. 128]. Если принадлежность лирического героя, живущего в Элладу эллинистического периода, к аттическому периоду можно трактовать как несогласие печатных изданий на публикацию текстов («Когда эти “Подражания” дойдут до Вас? В каком номере нашей уважаемой “Эллинистической ли-

тературной газеты” они найдут подобающее им место? Не знаю! Не торопятся наши бегуны-почтальоны! Торопитесь, ибо проживу я на свете еще лет пятьдесят, даст Зевес – все сто, но никак не более» [Там же. С. 128]; «Ух! – сколько времени прошло с той поры, когда вы отправили свое послание со стихами, до его получения! Почта Ваша и впрямь не торопится. Да и адреса на конвертах для нее что твой темный лес» [Там же. С. 129]), то слова: «Вот чему обязана своим происхождением унылость прилагаемых при сем “Подражаний” авторам еще более древним, чем ваш покорный слуга», – исключительно как причисление себя к современности, на что указывает и ответ редакции: «Какая же мы “Эллинистическая (!) литературная газета”?! Ваши стихи за истекшие восемнадцать столетий несколько устарели. Советуем Вам подучиться у новейших авторов: Шекспира, Афанасия Фета, Франчески Петрарки, Саши Черного, Антиоха Кантемира и Вильгельма Левика» [Там же. С. 129].

Травестия, пародирование и стилизация древнегреческих эпиграмм оборачиваются иронией над современностью, подтверждением чему служат строки: «Неважно живется нам в нашей Элладу эллинистического периода! С гигиеной не все обстоит благополучно, телеграфа нету, почта плохо работает» [Там же. С. 128]. Верхом иронии над современностью оказываются слова редакции газеты: «Все же, несмотря на их несвоевременность, мы Ваши стихи решили напечатать: и на них найдутся читатели – худо-бедно два человека: первый – Ф.А. Петровский, второй – С.П. Маркиш. Они – эллинисты, им и карты в руки!» [Там же. С. 129].

Старший из упоминаемых в «венке» А. Тарковского поэтов-эпиграмматистов – Симонид – считается основоположником насмешливой, сатирической эпиграммы. Так, для А. Тарковского точкой отсчета служит возникновение эпиграммы как пародийного жанра. Кроме того, следование обновлению традиции, связанному с жанром эпиграммы, проявляется в указании авторства: «Но запишу и себя. Имя мое – Арсиной!» [Там же. С. 130]. Многовековая традиция анонимности эпиграмм была ниспровергнута в конце V в. до н.э., когда сочинитель посвящительной надписи Ион Самосский вставил в основной текст имя посвящителя: «Эти стихи сочинил житель Самосский Ион» [8. С. 344].

Установка на реакцию адресата в античной эпиграмме постепенно преобразовалась в диалог. Переход от повествовательной к диалогической форме, введение взволнованных восклицаний, вопросов заметно в текстах Симонида, Мелеагра [Там же. С. 363], традиции диалогизма следует Тарковский: «Пафнутий, продай лесопилку!» [1. С. 129], «И что хорошего, нимфы, / Вы усмотрели в таком шерстолахматом козле?» [Там же. С. 130], «Если ты веришь Зенону, сложи эти числа, прохожий! / Молви: – Хитрец Автопед бегал всегда босиком!» [Там же]. Кроме того, значительным для последующего развития древнегреческой эпиграммы был ее переход из надгробной надписи (эпитафии) в жанр самостоятельного, отделенного от мемориального предмета текста, что

иронически обыгрывается Арс. Тарковским в «Эпиграфии скороходу»:

Царь Александр Македонский воздвиг усыпальницу

эту –

Да упокоится в ней раб-скороход Автопед!

Триста три тысячи стадий отмерил он правой ногою,

Столько же стадий другой – левой ногою пройды.

Если ты веришь Зенону, сложи эти числа, прохожий!

Молви: – Хитрец Автопед бегал всегда босиком!

[Там же. С. 130]

Так, бурлескная травестия греческой эпиграммы, значимая для творческой эволюции Арсения Тарковского, оборачивается не только снижающей иронией, но пародированием и стилизацией, сохраняющими стиль первоисточника и подчеркивающими существование античной литературы (и шире – культуры), отличной от ее возвышенного идеала. Кроме того, в публикации виден иронический дискурс, который проявляется на нескольких уровнях как:

– самоирония;

– ирония над современностью;

– ирония, связанная с жанром эпиграммы.

В художественном мире Арсения Тарковского при заметной эволюции авторского мировоззрения и поэтики античное наследие играет немаловажную роль на всех этапах творчества поэта, однако характер использования Античного претекста трансформируется: «высокая» античность постепенно переходит в набор художественных образов, символов, прецедентных имен и вводится в современный контекст, дистанция между идеализированной возвышенной Античностью и современностью упраздняется, чему служит не просто десакрализация возвышенной античной культуры, а открытие ее иной, неидеализированной, насмешливой, сатирической грани. «Новые подражания древним» Арс. Тарковского – не только бурлескная травестия античной культуры, но пародия и стилизация древнегреческой эпиграммы, однако именно путем выбора материала для подражания (насмешливая эпиграмма) достигается эффект демистификации «высокого» классического наследия и перевод его в «эзопов язык», благодаря чему обращение к античному претексту оборачивается иронией над современностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 : Поэмы; Стихотворения разных лет; Проза. М. : Худ. лит., 1991. 270 с.
2. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. 573 с.
3. Синельников М. Там, где сочиняют сны. Знамя. 2002. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/7/sinel.html>
4. Хроника жизни Арсения Александровича Тарковского (составлена М.А. Тарковской). URL: <http://insocinf.com/a0001002.htm>
5. Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 : Стихотворения. М. : Худ. лит., 1991. 462 с.
6. Пьезе-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
7. Голосовкер Я.Э. Антология античной лирики в русских переводах. Лирика Эллады. Кн. Вторая. Томск ; Москва : Водолей Publishers, 2006. 616 с.
8. Чистякова Н.А. Греческая эпиграмма. СПб. : Наука, 1993. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 января 2015 г.

IRONIC DISCOURSE IN ARSENY TARKOVSKY'S PUBLICATION OF "NOVOSTI ANTICHNOY LITERATURY" ("NEWS OF ANCIENT LITERATURE")

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 37-42. DOI 10.17223/15617793/393/5

Tsypliyova Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anilopa87@mail.ru

Keywords: Arseny Tarkovsky; ancient literature; Greek epigram; Russian poetry.

The article is devoted to the analysis of Arseny Tarkovsky's dateless publication of "Novosti antichnoy literatury" ("News of Ancient Literature") consisting of an epigram cycle "Novye podrazhaniya drevnim" ("New Imitations of Ancients") and two letters – to and from the Publishing House. Broadly, the epigrams are travesty of ancient literature, whereas the narrator's (Arsinoy of Attica) appeals to the Editorial Board of *Ellinisticheskaya literaturnaya gazeta* ("Hellenistic Literary Newspaper") and the response from the Editorial Board are a key to the ironic discourse of the publication manifesting itself at three levels: self-irony, irony at modern times, and irony concerned with the ancient epigram genre as a way of praising in a parodic form. The aim of the article is to analyze Arseny Tarkovsky's publication "Novosti antichnoy literatury", explain the reasons for the travesty of ancient culture and, subsequently, discover the evolution of the Antiquity reception in the artistic consciousness of A. Tarkovsky. Burlesque travesty of the Greek epigram, significant for A. Tarkovsky's artistic evolution, turns out to be not only a reducing irony, but also a parody and pastiche following the style of the original and underling the existence of ancient literature (in broader sense – culture) different from its lofty ideal. When imitating A. Tarkovsky chooses an ancient mocking-satirical epigram that gives him an opportunity to follow ancient originals, to simultaneously renew the tradition, to discover new dimensions of ancient culture and to maintain continuity, since the interest in ancient heritage is typical for all epochs from the Renaissance through classicism to the modern state of the narrator. With the significant evolution of A. Tarkovsky's outlook and poetics, ancient heritage plays an important role at all stages of the poet's literary career in the author's artistic world. However, the way of ancient pretext usage is transformed: "high" antiquity is gradually transferred into artistic images, symbols, precedent names are introduced into the modern context, the distance between the idealized lofty antiquity and modern times is eliminated due to not only desacralization of the lofty ancient culture, but also opening another, non-idealized, mocking, satirical dimension. A. Tarkovsky's "Novye podrazhaniya drevnim" is not only a burlesque travesty of the ancient culture, but also a parody and stylization of a classical Greek epigram. However, the mystification effect of the "high" classical heritage and its translation into the "Aesop language" by means of selecting materials for imitation (derisive epigram) is achieved, due to which the development of irony at modern age becomes possible.

REFERENCES

1. Tarkovsky A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works: in 3 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. Vol. 2, 270 p.

2. Tynyanov Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 573 p.
3. Sinel'nikov M. Tam, gde sochinyayut sny [Where dreams come from]. *Znamya*, 2002, no. 7. Available from: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/7/sinel.html>.
4. Tarkovskaya M.A. *Khronika zhizni Arseniya Aleksandrovicha Tarkovskogo* [Chronicle of Arseny Tarkovsky's life]. Available from: <http://insocinf.com/a0001002.htm>.
5. Tarkovsky A. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Works: in 3 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. Vol. 1, 462 p.
6. Piégut-Gro H. *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow: Izdatel'stvo LKI Publ., 2008. 240 p.
7. Golosovker Ya.E. *Antologiya antichnoy liriki v russkikh perevodakh. Lirika Ellady* [Anthology of ancient poetry in Russian translation. Lyrics of Hellas]. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers, 2006. Book 2, 616 p.
8. Chistyakova N.A. *Grecheskaya epigrama* [Greek epigram]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. 448 p.

Received: 26 January 2015

ЛЕКСИЧЕСКАЯ КОНТАМИНАЦИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ И ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРОЗЕ В. НАБОКОВА

Использованные в прозе В. Набокова окказиональные слова-контаминанты рассмотрены с точки зрения особенностей их структуры и роли в создании речевой художественной формы произведения. Установлено, что в произведениях Набокова основные разновидности лексической контаминации – междусловное наложение и агглютинация сегментов двух слов, – являясь способами выделения художественно активизированных лексических единиц, выполняют каждый раз особую художественную функцию.

Ключевые слова: контаминант; речевая художественная форма; окказионализм; междусловное наложение; агглютинация сегментов двух слов.

В. Набоков заслуженно признан «по преимуществу художником формы, писательского приема, <...> формальная сторона его писаний отличается исключительным разнообразием, сложностью, блеском и новизной» [1. С. 247]. Эта особенность произведений Набокова делает их особенно благодатным материалом для анализа с точки зрения речевой художественной формы как уникальной в каждом отдельном случае системы реализации автором разного рода приемов, способов и средств превращения исходного языкового материала в эстетически значимые единицы художественного произведения [2. С. 215–216].

В число приемов создания речевой художественной формы литературного произведения следует включить и контаминацию, с помощью которой выявляются позиционные возможности слова, его способности к комбинаторным изменениям. Цель настоящего исследования – анализ особенностей структуры и функционирования приема лексической контаминации в произведениях Набокова – предполагает описание основных свойств этого явления.

Согласно существующим определениям, контаминация представляет собой «соединение, смешение языковых единиц» [3. С. 159] или «объединение структурных элементов двух языковых единиц» [4. С. 238] «на основе их структурной, функциональной или ассоциативной близости, приводящее к их семантическому или формальному изменению, а также к образованию новой языковой единицы» [5. С. 197], называемой контаминантом. Возможно образование лексических (напр.: *парашиют* + *акваланг* = *параланг*), фразеологических (напр.: *кануть в Лету* + *отойти в вечность* = *кануть в вечность*) и синтаксических контаминантов (напр.: *Глядя в окно, у меня слетела шляпа*).

Лексическая контаминация представляет собой соединение в одно целое частей разных слов или одного целого и части другого слова, результатом чего становится образование новой лексемы [6], например: *биология* + *электроника* = *бионика*, *каламбур* + *буркнул* = *каламбуркнул* (И. Ильф).

Существуют два структурных типа лексической контаминации: междусловное наложение и агглютинация сегментов двух слов [7. С. 86–88]. При контаминации, осуществленной путем агглютинации, происходит замена конечного компонента одного слова конечной частью другого (напр.: *велосипед* + *автомобиль* = *веломобиль*), структурная схема такого взаимодействия имеет вид $[ab + a\beta = a\beta]$. При наложении происходит соединение целого слова и элемента другого слова, имеющего с первым общий компонент (напр.: *морДальон* (А. Аверченко) = *морДА* + *меДальон*), или же соединение одинаковых по звучанию начала одного слова и конца другого (напр.: *дуРокры* (И. Катаев) = *дуРаки* + *бюРокры*). Структурная схема наложения может выглядеть как $[a(b = \alpha)\beta]$, $[a(b = \beta)\gamma]$ и т.д.

При сопоставлении разных типов контаминации обнаруживается, что лексические контаминанты, различающиеся способом соединения элементов исходных единиц, отличаются друг от друга и по условиям, лежащим в основании соединения этих элементов.

«Основанием контаминации при наложении является совпадение структурных элементов исходных единиц по форме» [8. С. 81], т.е. тождество отдельных звуков или их комплексов у двух слов, например наличие совпадающего сочетания звуков *-да-* в словах *медальон* и *морда*. В роли совпадающего компонента при наложении может выступать всего один звук, однако в этом случае обе части соединяемых слов должны быть достаточно объемными, чтобы эти слова оставались узнаваемыми (напр.: *мойГода*, *мойБлоня* (С. Кирсанов)), или же дублироваться контекстом, например, часть слова *леший* в контаминанте В. Высоцкого *лешевелюра* можно распознать благодаря окружающему этот контаминант контексту: *Такие дела: лешачиха со зла, лишив меня лешевелюры...* Исходные элементы при наложении могут быть не связаны между собой семантически, что дает основание признать этот тип взаимодействия в основном формальным.

На иных основаниях строится контаминация при агглютинации. Здесь исходные компоненты не имеют в своем составе одинаковых по форме элементов (*мотоцикл* + *велосипед* = *мопед*, *белуга* + *стерлядь* = *бестер*), необходимое же по определению сходство исходных компонентов контаминанта имеет не формальный, а семантический характер, поэтому агглютинируются единицы, обладающие определенной семантической общностью [Там же] (ср.: *белуга* и *стерлядь* – рыбы семейства осетровых, *мотоцикл* и *велосипед* – двухколесные средства передвижения). Таким образом, тип структурного взаимодействия при лек-

сической контаминации (наложение или агглютинация) оказывается зависимым от того, какого рода отношения (формальные или семантические) устанавливаются между исходными единицами.

Контаминанты в основном представляют собой искусственно сконструированные единицы окказионального характера. Вместе с тем использование при их образовании типовых механизмов наложения и агглютинации для создания определенного художественного эффекта позволяет говорить о контаминации как о повторяющемся стилистическом приеме [9. С. 127; 10. С. 272]. Широкое распространение прием контаминации получил в художественной литературе и публицистике конца XIX–XX вв., в период возникновения в структуре литературного произведения речевой художественной формы как его отдельного художественного уровня. При использовании лексической контаминации в качестве стилистического приема, как и при любых других преобразованиях формы слова в стилистических целях, «намеренная (со стороны автора) деформация закрепленной в норме словообразовательной структуры <...> порождает эффект частичного “поновления” слова либо даже приводит к эстетическому “разлому” слова» [11. С. 69]. Данный прием использовался чаще всего для выражения иронии, придания речи оттенка шутовскости, а также как средство создания каламбуров (напр.: *гроссбухнем* (В. Маяковский), *изувекочечил* (М. Светлов), *Толстоевский* (один из псевдонимов И. Ильфа и Е. Петрова) и т.д.

В. Набоков использовал контаминацию как один из способов эстетического выделения-выдвижения обозначаемого объекта [2]. Эстетическую значимость этого приема отметил и сам писатель, назвав контаминант в речи одного из своих персонажей *преlestным гибридом* (примерно в это же время слово *гибрид* в контексте контаминанта использовал поэт С. Кирсанов: *Дичок привит, и вот – гибрид! Моегода, мояблоня!*) [12. Т. 3. С. 37]. В произведениях В. Набокова можно встретить как лексические, так и фразеологические контаминанты (напр.: *зарябило под ложечкой* [12. Т. 3. С. 407] = *зарябило в глазах + засосало под ложечкой*), а также синтаксические контаминанты (напр.: *доктор... необыкновенно охотно отвечал, что да, как же, это бывает* = *доктор отвечал, что это бывает + доктор необыкновенно охотно отвечал: «Да, как же, это бывает»*).

В русскоязычной прозе Набокова лексические контаминанты немногочисленны, но разнообразны по форме и выполняемой ими роли. В его романах и рассказах используется как агглютинация сегментов двух слов (*Геликс и Ферман* = *Герман + Феликс*), так и междусловное наложение (*разбильон тарелок* = *разбить + бильон*). Однако в отличие от контаминантов, используемых большинством других литераторов, контаминация у Набокова не служит исключительно средством создания комического, но выполняет и другие функции, способствуя достижению сложного, многоуровневого художественного эффекта.

Например, **междусловное наложение** использует Набоков каждый раз в новой речевой художественной функции. В частности, контаминант *присло-*

вица (*присловье + пословица*) в рассказе «Красавица» служит целям компрессии текста, сокращая ряд однородных членов предложения (*присловья, пословицы, прибаутки, подражания*). Окказионализм Набокова выгодно отличается от окружающих его просторечных слов и жаргонизмов (*тончик, кинемонька, дилля, мрак!*) своей новизной и оригинальностью. Вместе с тем в контексте, описывающем жизнь кружка русских эмигрантов, где *Завелся особый лихой тончик*. «*Пошли в кинемоньку*». «*Вчера ходили в диллю*». *Был спрос на всякие присловицы, прибаутки, подражания подражаниям*. «*Не котлеты, а мрак*». «*Кого-то нет. Кого-то жаль*» [12. Т. 2. С. 427], контаминант способствует воссозданию атмосферы этого кружка: мелкотемье разговоров, плоские шутки, построенные на случайном соединении отрывков общеизвестных текстов, ощущение пустоты и неудовлетворенности этим общением у героини рассказа.

Использованный в рассказе «Ultima Thule» контаминант *трупсик* (*труп + пупсик*) [12. Т. 4. С. 440], по Набокову, является, как и обозначенное им понятие – ребенок, рожденный в могиле, – плодом болезненного сновидения сраженного горем вдовца: *Жалко же. Такая была дорогая. И держась снутри за тебя, за пуговку, наш ребенок за тобой последовал*. <...> *Etes vous tout? fait certain, docteur, que la science ne conna?t pas de ces cas exceptionnels o? l'enfant na?t dans la tombe? (Вы совершенно уверены, доктор, что наука не знает таких исключительных случаев, когда ребенок рождается в могиле? (франц.)) И сон, который я видел: будто этот чесночный доктор (он же не то Фальтер, не то Александр Васильевич) необыкновенно охотно отвечал, что да, как же, это бывает, и таких (то есть посмертно рожденных) зовут трупсиками*.

Контаминация в данном случае выступает способом создания наименования для нового понятия. Выступая в номинативной функции, слово *трупсик* сохраняет в то же время окказиональный характер, являясь столь же неустойчивым, как и обозначенное им понятие. Это свойство отражено и в способе соединения элементов исходных единиц – наложении, характерном для окказионального словообразования. Кроме того, будучи использованным в одном контексте с принадлежащей герою рассказа характеристикой одного из персонажей сна (*доктор, он же не то Фальтер, не то Александр Васильевич*), контаминант способствует передаче состояния спутанного сознания измученного человека.

Контаминанты каламбурного характера служат у Набокова в основном средством речевой характеристики персонажа, высмеиваемого автором. Например, стихи персонажа романа «Дар» Яши, противопоставленного герою и автору романа своим невежеством и отсутствием таланта, получают такую характеристику: «*все было выражено бледно, кое-как, со множественностью неправильностей в ударениях, – у него рифмовало “предан” и “передан”, “обезличить” и “отличить”, “октябрь” занимал три места в стихотворной строке, заплатив лишь за два, “пожарище” означало большой пожар, и еще мне запомнилось*

трогательное упоминание о “фресках Врублева”, – *преlestный гибрид...*» [12. Т. 3. С. 37]. Контаминант *Врублев* (*Рублев* + *Врубель*) имитирует речевую ошибку персонажа и тем самым подчеркивает его недостаточную образованность, в то время как характеристика этого контаминанта, данная героем-автором, – *преlestный гибрид* – не только служит средством выражения иронии, но и демонстрирует способность автора оценить случайно возникший при образовании окказионализма эстетический эффект.

Наряду с междусловным наложением в прозе Набоков использует менее частую при создании окказиональных контаминантов **агглютинацию сегментов двух слов**. При агглютинации оба исходных слова усекаются, что может препятствовать их распознаванию, поэтому агглютинация осуществляется, как правило, между близкими по значению языковыми единицами. Созданный Набоковым контаминант *извыл* (*душу*) («Подвиг») показывает, что эта проблема может быть решена также за счет ближайшего контекста, в котором слово *взвыл* скрепляется с компонентом фразеологизма *излил душу*: [Наказанный матерью] *Мартын ушел в парк и только там... тихо извыл душу, заедавая слезы черникой, а Софья Дмитриевна тем временем разливалась у себя в спальне* [12. Т. 2. С. 163]. В приведенном примере на усеченный компонент слова *излил* указывает также глагол *разливалась*, обозначающий действие другого персонажа. Использование контаминации в данном случае служит компрессии текста, помогает избежать повторов и, главное, способствует решению поставленной автором задачи показать степень психологической близости между героями романа.

Проблема смысловой близости исходных элементов контаминантов при агглютинации также решается Набоковым своеобразно. Контаминанты во фразе из романа «Отчаяние»: *Мне грезится новый мир, где все люди будут друг на друга похожи, как Герман и Феликс, – мир Геликсов и Ферманов, – мир, где рабочего, нависшего у станка, заменит тотчас, с невозмутимой социальной улыбкой, его совершенный двойник* [12. Т. 4. С. 429], прочитываются не только в ближайшем языковом контексте, но и строятся в опоре на контекст всего произведения. В ближайшем контексте перестановка элементов слов служит для выражения идеи сходства, безликости людей в идеализируемом Феликсом социалистическом обществе, однако рассмотренные в контексте всего романа эти контаминанты в то же время отражают психологическое состояние другого персонажа – Германа, мысль о его сходстве с Феликсом и глубину его самоотождествления с двойником.

Лексические контаминанты у Набокова могут приобретать характер излюбленных писателем ребусов, попытка разгадать которые не всегда позволяет получить однозначный ответ о том, от каких слов они образованы. Таковы, например, окказионализмы *шлепоток* и *хлебет* (*утомленных волн*) в рассказе «Лик». В ближайшем контексте словосочетания *утомленные волны* они могут быть прочитаны как образованные от слов *шлепать* и *поток* способом обычного наложения (*шлеПоток*) и от слов *хляби* и *щебет* способом агглю-

тинации (*хл-ебет*). Между тем для такого мастера слова, каким является Набоков, эта мотивировка выглядит несколько поверхностной. В то же время более широкий контекст показывает, что эти контаминанты представляют собой отражение целого комплекса звуков, воспринимаемых персонажем, а также возникших у него ассоциаций. Герой рассказа – актер Александр Лик – торопится в театр, где ему предстоит принять участие в спектакле. По пути, почувствовав внезапное недомогание в результате сердечного приступа, он отдыхает на скамейке вблизи виллы на морской набережной. *Мысль о смерти необыкновенно точно совпадала с мыслью о том, что через полчаса он выйдет на освещенную сцену, скажет первые слова роли: «Je vous prie d'excuser, Madame, cette invasion nocturne» (Я прошу вас, мадам, извинить это ночное вторжение (франц.)) – и эти слова, четко и изящно выгравированные в памяти, казались гораздо более настоящими, чем шлепоток и хлебет утомленных волн или звуки двух счастливых женских голосов, доносившиеся из-за стены ближней виллы... или даже стук собственного сердца* [12. Т. 4. С. 383].

В отрывке отражены присутствующие в сознании героя одновременно четыре «слоя» звуков: во-первых, реальные внешние звуки шума морских *утомленных волн*, с которыми могут быть связаны слова *шепоток* и *шлепать* или *шлепок*, а также устойчивое сочетание слов *морская хлябь* и передающий звуки движущейся жидкости глагол *хлюпать*, во-вторых, *звуки двух счастливых женских голосов из-за стены*, с которыми ассоциируются слова *щебет* и *хохоток*, в-третьих, неровный стук собственного больного сердца, с которым могут быть связаны слова *шлепать* и *хлябать*, и наконец, в-четвертых, воображаемые, но казавшиеся *гораздо более настоящими* «театральные» звуки собственного приглушенного голоса, извиняющегося, согласно роли, за ночное вторжение, неизбежный *шепоток* в зале и аплодисменты (*шлепки*). Возможно, весь этот сложный комплекс звуков отразился в словах *шлепоток* и *хлебет*. В этом случае контаминант *шлепоток* представляет собой результат наложения сразу нескольких слов: *шепоток*, *хохоток* и *шлепать* или *шлепок*, а контаминант *хлебет* может быть рассмотрен как образованный способом агглютинации слов *хлябь*, *хлюпать* и *хлябать*, с одной стороны, и существительного *щебет* – с другой.

Анализ структуры контаминантов *шлепоток* и *хлебет* не дает однозначного ответа на вопрос о том, какое именно из перечисленных слов стало для них мотивирующим. Например, окказионализм *хлебет* имеет общий начальный компонент сразу с тремя возможными мотивирующими (*хл*[α_1] *ябь*, *хл*[α_2] *юпать* и *хля*[α_3] *бать*), и конечный компонент, совпадающий с концом слова *щебет* (*и*[a] *ебет*[b]), поэтому его формула имеет вид [$(\alpha_1 = \alpha_2 = \alpha_3)$ b]. Еще более сложную и неоднозначную структуру имеет контаминант *шлепоток*. Даже если признать для него мотивирующими только два слова, *шепоток* и *шлепок*, речь в этом случае должна идти о многоместном наложении: *и*[a] *л*[β] *е*[γ] *о*[δ] + *и*[a] *е*[b] *о*[c] *о*[d] = [*и*($\alpha = a$)] *л*[β] *е*[$\gamma = b$] *о*[c] *о*[$\gamma = d$]].

Неоднозначность толкования значения контаминантов не является, тем не менее, их недостатком, поскольку погружает читателя в мир звуков, окружающего героя, и передает его внутреннее состояние, не позволяющее различить звуки, звучащие вокруг и внутри него.

Итак, лексические контаминанты в прозе Набокова имеют характер окказионализмов и служат целям композиции текста и тем самым усиления его выразительности (напр.: *присловица*), создания новых номинативных единиц (напр.: *трупсик*) и несут особую, каждый раз новую эмоционально-эстетическую нагрузку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ходасевич В. О Сирине // В. Набоков: Pro et contra. СПб., 1997. С. 97–99.
2. Климовская Г.И. Об одном из фундаментальных эстетических принципов (феномен выделения) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 215–219.
3. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 562 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
5. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М. : Большая Рос. энцикл. : Дрофа, 1997. 703 с.
6. Шепин А.Г. О лексической контаминации // Русская речь. 1978. № 5. С. 66–69.
7. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–109.
8. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в аспекте системных особенностей лексики и фразеологии // Сибирский филологический журнал. 2006. № 3. С. 77–86.
9. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2005. Вып. 3 (47). С. 123–127.
10. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова и др. М. : Флинта : Наука, 2007. 840 с.
11. Климовская Г.И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. Томск : Изд-во НТЛ, 2009. 168 с.
12. Набоков В.В. Собр. соч. : в 4 т. М. : Правда, 1990. Т. 1–4.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 декабря 2014 г.

LEXICAL BLENDING AS A STYLISTIC DEVICE IN THE PROSE OF VLADIMIR NABOKOV

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 43–47. DOI 10.17223/15617793/393/6

Shamyaunova Margarita D. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margarita-tomsk@mail.ru

Keywords: blend; speech artistic form; occasional word; lexical clipping; lexical overlap.

Lexical blending is a connection of the parts of two different words or a whole word and a part of another word. As a result of blending a new word is formed that is called blend, for example: *biology + electronics = bionics*. There are two types of lexical blending: clipping and overlap. Lexical clipping is when a whole word and one part of another word or the first part of one word and the end part of another word have concurring components and are connected (*modulator + demodulator = modem*). The structural scheme of the overlap may be $[a (b = a) \beta]$ or $[a (b = \beta) \gamma]$, etc. Lexical overlap is when the end of one word is replaced by the first part of another word (*breakfast + lunch = brunch*). The structural scheme of the overlap is $[ab + a\beta = a\beta]$. When lexical overlap is used as a stylistic method, a certain stylistic effect is produced. Authors use this effect of the blend to create the comic, for example: *mordal'on (A. Averchenko) = morDA (mug) + meDAL'ion (medallion)*. *Functions of lexical blends were essentially extended in modernistic literature when a speech artistic form appeared separate from the content, literary form proper and language of literary work, as an "additional building part" of fiction and poetry (G.I. Klimovskaya)*. An example of the use of blends for the creation of an unusual and new stylistic effect is the prose of Vladimir Nabokov. Lexical blends in Vladimir Nabokov's prose perform diverse functions. For example, occasional word *trUPsik* in a short story "Ultima Thule" is formed by clipping the words *trUP* (corpse) and *pUPsik* (naked baby doll). This blend performs the nominative function and signifies a baby born in a grave. At the same time this blend, arising in a dream of a heart-broken widower, contributes to the rendering of the character's state of mind. Blends *Helix* and *Ferman* from the novel *Otchayaniye* (Despair) are formed from names *Herman* and *Felix* $[ab + a\beta = a\beta + ab]$. These blends, on one hand, reflect the intensity of self-identification of one of the characters, Herman, with another character, Herman. On the other hand, each blend serves as a means to express the idea of similarity and depersonalization of people in a socialist society, and also as a means to express the ironical attitude to this idea.

REFERENCES

1. Khodasevich V. O Sirine [On Sirin]. In: Averin B.V. (ed.) *V. Nabokov: pro et contra* [Vladimir Nabokov: pro et contra]. St. Petersburg: RKhGI Publ., 1997, pp. 97–99.
2. Klimovskaya G.I. Ob odnom iz fundamental'nykh esteticheskikh printsipov (fenomen vydeleniya) [On one of the fundamental aesthetic principles (the phenomenon of emphasis)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2004, no. 282, pp. 215–219.
3. Matveeva T.V. *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2010. 562 p.
4. Yartseva V.N. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 685 p.
5. Karaulov Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: Drofa Publ., 1997. 703 p.
6. Shchepin A.G. O leksicheskoy kontaminatsii [On lexical blending]. *Russkaya rech'*, 1978, no. 5, pp. 66–69.

7. Zhuravlev A.F. *Tekhnicheskie vozmozhnosti russkogo yazyka v oblasti predmetnoy nominatsii* [Technical capabilities of the Russian language in object naming]. In: Shmelyov D.N. (ed.) *Sposoby nominatsii v sovremennom russkom yazyke* [Methods of nomination in modern Russian]. Moscow: Nauka Publ., 1982, pp. 45–109.
8. Efanova L.G. Frazеologicheskie transformatsii v aspekte sistemnykh osobennostey leksiki i frazeologii [Phraseological transformations in terms of systemic features of vocabulary and phraseology]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2006, no. 3, pp. 77–86.
9. Efanova L.G. Phraseological Transformations in Speech and Text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2005, no. 3 (47), pp. 123–127. (In Russian).
10. Ivanov L.Yu., Skovorodnikov A.P. et al. (eds.) *Kul'tura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic reference dictionary]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2007. 840 p.
11. Klimovskaya G.I. *Tonkiy mir smyslov khudozhestvennogo (prozaicheskogo) teksta. Metodologicheskiy i teoreticheskiy ocherk lingvopoetiki* [Subtle world of senses of art (prose) text. Methodological and theoretical essay on linguopoetics]. Tomsk: NTL Publ., 2009. 168 p.
12. Nabokov V.V. *Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 v.]. Moscow: Pravda Publ., 1990. Vol. 1–4.

Received: 27 December 2014

А.А. Эргашев

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В США В ВОЕННЫХ МЕТАФОРАХ БАРАКА ОБАМЫ

Анализируются случаи употребления военных метафор в политическом дискурсе Барака Обамы как средства отражения проблем в общественно-политической жизни страны на материале записей его публичных выступлений. Применяемые Обамой стратегии саморепрезентации и дискредитации оппонента рассматриваются в рамках семантических оппозиций «мы – они», где отражаемые военными метафорами процессы служат опорными пунктами, позволяющими отделить «своих» от «чужих».

Ключевые слова: военные метафоры; политический дискурс; Барак Обама; дискурсивный подход; оппозиция «мы – они».

В последние годы все большее внимание исследователей привлекает метафора в политическом дискурсе. Интерес к языку политики (и к метафорам в частности) объясняется особенностями жизни в современном мире: бурным развитием информационных технологий, возрастающей ролью средств массовой информации, тенденцией к глобализации. Существует огромное количество лингвистических работ, посвященных метафоре (Н.Д. Арутюнова, М.П. Брандес, Ю.М. Скребнев, Дж. Лакофф, М. Джонсон, В.В. Виноградов, А.П. Чудинов, Э.В. Будаев и мн. др.). Однако вопрос использования метафор в современном американском политическом дискурсе изучен недостаточно.

Политический дискурс является отражением общественно-политической жизни страны, несет в себе элементы ее культуры, а также вбирает в себя черты национального характера, общие и национально-специфические культурные ценности. Основная функция политического текста – воздействие на политическую картину мира адресата, эмоциональное воздействие, склонение к определенным действиям. Одним из наиболее эффективных средств для достижения этой цели является *суггестия*, т.е. *внушение*. Внушение осуществляется с целью создания определенных состояний или побуждений к определенным действиям. Суть внушения состоит в воздействии на чувства человека, а через них – на его разум и волю. С этим понятием связано другое имеющее в политической коммуникации первостепенное значение – понятие *манипуляции*, т.е. способа психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями. Иными словами, мы говорим о речевом манипулировании тогда, когда говорящий использует возможности языка для того, чтобы навязать адресату определенное отношение к действительности или вызвать у него определенную реакцию, необходимую говорящему.

Итак, общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и / или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив в адресате

намерения, побудить к действию [1. С. 104]. Поэтому эффективность политического дискурса можно определить относительно этой цели.

По мнению А.Н. Баранова, «метафорическое мышление в политике – признак кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, решение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы» [2. С. 17].

В политическом дискурсе метафора выполняет две основные функции:

1) представление и познание политической реальности. Сложные и часто малодоступные для понимания обывателя явления политической жизни (а также других сфер жизни, связанных с политикой) осмысливаются в рамках более простых понятий: «механизм», «растение», «дом», «болезнь» и др. Естественно, что потребность в метафорическом осмыслении политической действительности возрастает в переломные моменты общественного развития, поэтому большое количество метафор в политическом дискурсе – признак кризисного мышления, как утверждает А.Н. Баранов;

2) убеждение. Метафора является мощным средством воздействия на аудиторию. Принимая предложенную политиком метафорическую модель (например, экономика – это больной человек), мы в то же время принимаем и все следствия, которые вытекают из данной метафоры (например, то, что больного (экономику) может спасти врач (глава государства), новые методы лечения – экономические реформы и т.д.; здесь уместно вспомнить хорошо известный термин «шоковая терапия») [3. С. 238].

Помимо традиционного подхода, в котором метафоры рассматриваются как «риторико-стилистическое облачение» [4. С. 66], в последнее время все большую популярность приобретает когнитивный подход к изучению метафор. При данном подходе метафоры считаются когнитивным феноменом. Они принадлежат не только уровню языка, но и уровню мышления. Одним из тезисов монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» является то, что метафора не представляет собой языковое явление. Они пытаются доказать, что само чело-

веческое мышление протекает метафорично, т.е. человеческая концептуальная система структурирована метафорически и определяется метафорами [5. С. 25]. Тем самым когнитивную лингвистику не интересует метафора как языковой феномен (как при риторическом подходе), но лишь как отражение человеческого мышления.

В нашем исследовании мы придерживаемся дискурсивного подхода к изучению метафор. Данный подход еще не до конца разработан и представляет большой интерес. Дискурсивный подход основывается на том, что метафора не является простым процессом познания (как при когнитивном подходе), но и не является только языковым феноменом в том смысле, что каждый может решать, какие метафоры в каких ситуациях он использует (как при риторическом подходе). В своей монографии Р. Хюльсе пишет: «Метафоры являются составными частями дискурса, любой дискурс содержит характерные для него метафоры, т.е. определенную комбинацию метафор и особый способ использования метафор» [6. С. 25]. Дискурсивный анализ политических метафор направлен на изучение способов воспроизводства социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Это направление тесно связано с идеями Р. Водак и Т. ван Дейка. Примером дискурсивного исследования может служить публикация Э. Рефайе [7], посвященная изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 г. (в этот период иммиграция значительно усилилась), Э. Рефайе выявляет, что доминантные метафоры изображают курдов как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем», стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Схожие результаты получают исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема иммиграции из Латинской Америки. Например, в монографии О. Санта Ана [8] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки. Как показывает автор, все выявленные метафорические образы приносят в осмысление «чужаков» негативные смыслы: пожар, наводнение, военное вторжение, болезнь, животные и др. Подобное мировидение и связанные с ним оценочные инференции регулярно воспроизводятся не только в американских СМИ, но и в законодательных актах США, регулирующих образование на испанском и английском языках, трудоустройство и другие аспекты жизни латиноамериканских иммигрантов [9, 10].

В нашем исследовании данный подход представлен, прежде всего, анализом оппозиции «мы – они», эксплицитно и имплицитно выраженной в рассматриваемых контекстах. Моделируя актуальные политические и социальные проблемы в терминах войны, Барак Обама предлагает обществу конфликтный путь их разрешения, при этом в образе врага или «чужих»

выступают представители республиканской партии, лоббисты в правительстве – представители крупных корпораций, правители «недемократических» государств и т.д.

Использование семантической оппозиции «мы – они» в дискурсе Барака Обамы изучается в сопоставительном исследовании К.В. Филимонова «Американский и французский предвыборный дискурс (на примере президентских кампаний 2012 года)», однако военные метафоры в функции отражения в политическом дискурсе Обамы еще не становились объектом исследований.

Во все времена велись войны, поэтому военная лексика – один из основных источников метафоризации. Богатый военный опыт традиционно находил свое отражение и в национальной ментальности, военные метафоры как бы показывали наиболее эффективный путь для решения сложных проблем общества.

Целый ряд исследователей, таких как Ю.А. Бельчиков, А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Н.А. Кузьмина, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов и др., утверждают, что военная метафора – яркий признак политических текстов. «...Война – одна из наиболее значимых сфер опытного знания человечества, и военная метафора явно относится к числу базовых, что подтверждается высокой степенью детализации тезауруса, а также высокой продуктивностью этой метафорической модели в политическом дискурсе» [2. С. 189].

При помощи военной метафоры автор пытается выразить представления и оценки какого-то фрагмента действительности, относящегося к совершенно иной понятийной области. Военная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем. Но эта метафорическая война ведется в условиях мира, а в мирной жизни законы военного времени не применяются. Типичная метафорическая атака – это всего лишь элемент дискуссии, цель которой – поиск истины, а не физическое уничтожение противника [11. С. 104].

Метафорические модели со сферой-источником «ВОЙНА» представляет общественную и политическую жизнь США как место сражения, где противоборствующие силы пытаются выиграть и занять главенствующие позиции в государстве. Одной из наиболее важных функций самого политического дискурса является борьба за власть, следовательно, в нем первоначально заложена богатая основа для военной метафористики. Из этого следует, что метафоры такого рода в президентском дискурсе, как правило, отражают текущую политическую ситуацию в стране и за ее пределами, а также наиболее острые социальные проблемы и направлены на поиск решения метафорически выраженного конфликта.

Основным материалом данной статьи послужили записи публичных выступлений бывшего сенатора от штата Иллинойс, ныне 44-го президента Соединенных Штатов Америки Барака Хуссейна Обамы [12].

С учетом того, что ценность нашего исследования заключается именно в интерпретации текстов и выявлении метафор, необходимо подчеркнуть, что любой

текст всегда содержит в себе прагматику, которая находится вне его: текст, иными словами, является способом оценки внешней по отношению к актору реальности и способом легитимации его действий, порожденных этой реальностью. То есть любое сообщение имеет свою цель и апеллирует к картине мира в голове слушающего: каждая целевая аудитория требует подборки определенного языка, стиля и содержания речи, логических и семантических структур.

Анализируя выступления Б. Обамы, можно сделать вывод, что его риторике чужд культ лидера. «Я» Обамы и «вы» избирателей – две взаимодополняющих друг друга сущности. Они всегда идут вместе и поддерживают друг друга. Оратор подчеркивает свою близость с публикой и то, что он никогда не забывает про нее. Он ее лидер, но демонстративно скромный лидер, активно прибегающий к так называемой тактике солидаризации. Перечисляя достижения своей администрации, Барак Обама не говорит о себе. Вместо местоимения «я» он использует «мы», словно избиратели вместе с ним принимали решения, которые Обама считает успешными.

В проанализированных 18 контекстах военная метафора встречается 38 раз и представлена моделью «Американская действительность – это непрекращающаяся война». Согласно исследованию Е.А. Медведевой и Н.А. Спицной [13], военные метафоры занимают третье место по частоте использования в дискурсе Барака Обамы, уступая пространно-географическим метафорам (модель «Политика – это географическое пространство») и метафорам дома. Следует также отметить, что в проанализированных авторах контекстах военная метафора в среднем встречается чаще, чем в записях речей, являющихся источником фактического материала нашего исследования. Это объясняется тем, что материалом для их исследования послужили исключительно тексты речей Обамы, произнесенные во время предвыборной кампании 2012 г., а предвыборная гонка является одной из наиболее продуктивных сфер для актуализации военных метафор в политическом дискурсе, так как изначально несет концептуальный вектор борьбы, конфликта, агрессии. Рассматриваемая метафорическая модель представлена тремя фреймами: «военные действия», «участники военных действий», «оборонительные сооружения».

Одним из основных манипулятивных средств в дискурсе Обамы является обращение к оппозиции «мы – они». Номинация «мы», как правило, подразумевает рядовых американцев и отождествляющего себя с ними Обаму, что позволяет ему более полно раскрыть свой образ народного президента. Значительную часть в речах Барака Обамы занимает изложение историй простых американцев. Во-первых, рассказываемые истории позволяют демократическому кандидату лучше представить собственную позицию и собственные достижения. При этом следует заметить, что система персонажей Обамы, переходящих из одной его речи в другую, вся состоит из представителей среднего и низшего класса Америки, борющихся за существование, но никогда не богатых американцев. Таким образом, вторая функция его наррати-

ва – неявное создание семантической оппозиции «мы – они», где «они» – это самые состоятельные граждане США, наряду с другими «чужими». Использование военных метафор призвано усилить манипулятивный эффект противопоставления «им / чужим», мотивируя реципиента к осмыслению сложных общественно-политических процессов в терминах более простого понятия «войны».

1. Оппозиция «МЫ» АМЕРИКАНЦЫ – «ОНИ» ПОЛИТИКИ В ВАШИНГТОНЕ.

Данная оппозиция наиболее полно передает стремление Обамы к отождествлению себя с простыми американцами, к созданию образа «народного» президента. Собирательный образ «политиков в Вашингтоне» представляет всех тех, кто создает препятствия на пути демократического прогресса и необходимых реформ – республиканцев, лоббистов, представителей крупных корпораций, имеющих влияние на политические процессы в стране.

*«I told you I ran because your voices had been shut out of our democracy for way too long by special interests and politicians who will do whatever it takes to keep things just the way they are. And we've seen over the last four years, the status quo in Washington, they are powerful and they have **fought us** every step of the way»* (Remarks by the First Lady and the President at Final Campaign Rally, Des Moines, IA).

(Я уже говорил вам, что баллотировался на выборах, потому что ваши голоса слишком долго оставались неслышанными нашей демократией из-за особых интересов и политиков, которые сделают всё, чтобы сохранить положение таким, какое оно есть. И мы видели за эти четыре года статус-кво в Вашингтоне, они могущественны, и они сражались с нами на каждом шагу этого пути.) (Здесь и далее перевод автора.)

*«He [pensioner] doesn't need bankruptcy laws that **protect** banks and big lenders. He needs us to **protect** pensions, not CEO bonuses»* (Potomac Primary Night, Madison, WI).

(Ему [пенсионеру] не нужны законы о банкротстве, защищающие банки и крупные кредитные организации. Ему нужно, чтобы мы защитили пенсии, а не бонусы директоров.)

Метафоры Обамы направлены, как правило, на подчеркивание достижений и представляют его в качестве военачальника, лидера, который осознает необходимость борьбы за идеалы, за лучшее будущее и который способен повести за собой народные массы в решительную атаку на пошатнувшиеся от неудач и недоверия позиции неприятеля.

*«I know how hard it will be to make these changes. I know this because I **fought** on the streets of Chicago as a community organizer to bring jobs to the jobless in the shadow of a shuttered steel plant. I've **fought** in the courts as a civil rights lawyer to make sure people weren't denied their rights because of what they looked like or where they came from. I've **fought** in the legislature to take power away from lobbyists. I've **won** some of those **fight**s, but I've **lost** some of them too»* (Potomac Primary Night, Madison, WI).

(Я знаю, как трудно будет достичь этих перемен. Я знаю это, потому что боролся на улицах Чикаго в качестве общественного организатора за возвращение рабочих мест безработным в тени закрывшегося сталелитейного завода. Я боролся в судах в качестве адвоката по гражданским правам, следя за тем, чтобы людям не было отказано в их правах из-за того, как они выглядели или откуда прибыли. Я боролся в законодательных органах за то, чтобы лишить лоббистов власти. Я выиграл некоторые из этих сражений, но некоторые проиграл.)

Образ военачальника, в котором его рисует метафора, используемая автором статьи «Obama's first year: A good start if only a start» газеты Los Angeles Times при описании визита Обамы на Гаити после случившегося там землетрясения, вызывает гордость у соотечественников:

*«Indeed, it's critical in tough times that the president appear in charge and that he be presidential as **persuader-, reassurer- and consoler-in-chief** both abroad and at home»* (Obama's first year: A good start if only a start, Los Angeles Times).

(Действительно, очень важным в тяжелые времена является то, чтобы президент принял на себя бремя лидерства и чтобы он, как президент, являлся верховным увещателем, заверителем и утешителем как внутри страны, так и за ее пределами.)

Собственно, Барак Обама и есть верховный главнокомандующий США. Однако этот факт обыгрывается и оживляется автором, так как в повседневной жизни, когда война идет где-то далеко, обычный житель не осознает, что президент страны является главнокомандующим ее армии. Тем самым автор показывает, что в критической ситуации Барак Обама действительно повел себя как лицо, занимающее ведущее положение в стране. В дальнейшем он усиливает этот образ при помощи окказионализмов, построенных по аналогии с лексемой commander-in-chief «главнокомандующий» (persuader-, reassurer- and consoler-in-chief).

Метафора, употребленная в следующем примере, представляет конгрессмена Обаму борцом за правое дело, достигшим определенного успеха в борьбе с лоббистами в правительстве:

*«I was proud to help **lead the fight** in Congress that led to the most sweeping ethics reform since Watergate»* (Obama Presidential Announcement. Springfield, Illinois).

(Я был горд тем, что внес свой вклад в борьбу в Конгрессе, которая привела к самой широкой этической реформе со времен Уотергейта.)

Во время президентской кампании 2008 г. Обама неоднократно подчеркивал, что нынешняя администрация растрчивает свои силы попусту вместо того, чтобы заниматься более серьезными проблемами:

*«And instead of **fighting for** health care or jobs, Washington ends up **fighting over** the latest distraction of the week»* (Pennsylvania Primary Night, Evansville, Indiana).

(А борьбе за здравоохранение или рабочие места Вашингтон предпочитает борьбу по мелким спорным вопросам текущей недели.)

2. Оппозиция «МЫ» – «ОНИ» РЕСПУБЛИКАНЦЫ.

Одним из ключевых тезисов своей предвыборной программы Барак Обама сделал вопрос о возрождении «американской мечты». Он часто говорил о тяжелом положении многих американцев, о том, что миллионы граждан США не могут оплатить медицинскую страховку, не могут дать детям образование. «Американская мечта» в понимании Обамы – это возможность иметь свой дом, получать медицинскую помощь и дать детям образование. По его мнению, при той политике, которую проводит республиканская администрация, эти простые желания становятся недостижимыми, растет пропасть между богатыми и бедными, средний класс – основа общества – живет все хуже и хуже. Основная цель создания данной оппозиции в дискурсе Обамы – убедить электорат в том, что за время нахождения у власти республиканская администрация ничего не сделала для решения ключевых социальных проблем, и преодолевать их предстоит теперь «нам» – Обаме и его избирателям.

*«...The choice you make is not just between two candidates or parties. It's a choice between two different visions of America – who we are; what we believe; what we care about. It's a choice between going back to the top-down policies that caused the mess we've been **fighting** our way out of for four years – or moving forward to a future that's built on a strong and growing middle class»* (Remarks by the First Lady and the President at Final Campaign Rally, Des Moines, IA).

(Вы делаете выбор не просто между двумя кандидатами или партиями. Это выбор между двумя разными видениями Америки – кто мы есть; во что мы верим; о чем мы беспокоимся. Это выбор между возвращением к политике «сверху вниз», которая привела к тому беспорядку, с которым мы боролись четыре года – или движением вперед к будущему, построенному на сильном и процветающем среднем классе.)

Борьбе за гражданские права посвящена немалая часть выступлений Барака Обамы. В следующем примере он отдает дань уважения своему однопартийцу, который был готов положить все на алтарь победы в войне за равноправие:

*«But to me, the most striking evidence of our progress can be found right across this building, in my dear friend, Congressman John Lewis, who was on the **front lines** of the civil rights movement, **risking life and limb** for freedom»* (Remarks of Senator Barack Obama In Support of H.R. 9, the Voting Rights Act).

(Однако для меня наиболее поразительное свидетельство нашего прогресса находится прямо в этом здании – это мой дорогой друг, конгрессмен Джон Льюис, который находился на передовой движения за гражданские права, рискуя жизнью и здоровьем за свободу.)

Здесь военная метафора усиливается идиомой *to risk life and limb*, что подчеркивает готовность Д. Льюиса к самопожертвованию ради общего блага.

С уважением и несомненным признанием значимости вклада в общие победы отзывается Обама и о

своем главном внутривнутрипартийном конкуренте во время президентской кампании Хиллари Клинтон, ставя тем самым заботу об общем благе выше личных амбиций и имплицитно «чуждость» республиканцев этим интересам:

*«...What sent her to work at the Children's Defense Fund and made her **fight for** health care as First Lady; what led her to the United States Senate and fueled her barrier-breaking campaign for the presidency – an unyielding desire to improve the lives of ordinary Americans, no matter how difficult **the fight** may be»* (Final Primary Night, Presumptive Democratic Nominee Speech. St. Paul, Minnesota).

(...Что отравило ее работать в Фонд защиты детей и заставило бороться за здравоохранение, будучи первой леди; что привело ее в Сенат Соединенных Штатов и помогало преодолевать все препятствия во время президентской кампании – это несгибаемое желание улучшить жизнь обычных американцев, независимо от того, насколько трудной может оказаться эта борьба.)

*«And you can rest assured that when we finally **win the battle** for universal health care in this country, she will be central to that victory».*

(И вы можете быть уверены, что когда мы, наконец, выиграем битву за всеобщее здравоохранение в этой стране, ее вклад в эту победу окажется самым весомым.)

Чтобы возродить «американскую мечту», которую выстрадали предки нынешних жителей США, Обама намеревается поддержать средний класс и сократить разрыв между богатыми и бедными. Он собирается сделать образование более доступным для большинства американцев, а профессию учителя – более престижной. Заявления о необходимости поддержки малоимущих слоев населения, для которых он выступает в роли лидера и защитника, являются неотъемлемой частью выступлений Обамы:

*«I'll **recruit an army of new teachers**, and pay them higher salaries and give them more support»* (The American Promise, Acceptance Speech at the Democratic Convention. Mile High Stadium, Denver Colorado).

(Я наберу армию новых учителей, буду платить им более высокие зарплаты и обеспечу их большей поддержкой.)

В любой войне какая-либо из сторон терпит поражение. Обама признает, что путь каждого человека к своей мечте, путь всего общества в целом к высшим целям сложен и полон препятствий:

*«But for all those who scratched and clawed their way to get a piece of the American Dream, there were many who didn't make it – those who were **ultimately defeated**, in one way or another, by discrimination»* (A More Perfect Union. "The Race Speech". Philadelphia, PA).

(Но помимо тех, кто продирался через все преграды, чтобы получить свой кусочек американской мечты, были и те, кому это не удалось – те, кто потерпел сокрушительное поражение, в той или иной форме, в результате дискриминации.)

Несмотря на это, Обама, как настоящий военачальник, призывает своих сторонников не сдаваться и

не отступать, так как пришло время перемен, и какой бы сложной ни казалась задача, объединенными силами ее можно решить. Отличительная черта риторики Барака Обамы – подчеркивание трудностей, которые предстоит пройти. Оратор обращает внимание на то, что никогда не обещал легкости пути к успеху. Такое акцентирование несколько не вредит его имиджу, зато позволяет представить себя человеком честным и правдивым:

*«And if we walk away now, if we simply **retreat** into our respective corners, we will never be able to come together and solve challenges like health care, or education, or the need to find good jobs for every American»* (A More Perfect Union. "The Race Speech". Philadelphia, PA).

(И если мы сейчас уйдем, если мы просто отступим к своим углам, мы никогда не сможем собраться и преодолеть такие проблемы, как здравоохранение, образование или необходимость найти хорошую работу каждому американцу.)

3. Оппозиция «МЫ» – «ОНИ» ВРАГИ АМЕРИКИ.

Внешнеполитические темы также не остаются без внимания, и одной из ключевых является ситуация вокруг войны в Ираке, где военные метафоры используются для создания образа идеологического противника. Как известно, Обама всегда активно высказывался против американского вторжения в эту ближневосточную страну. Он представляет Джорджа У. Буша, инициатора вторжения в Ирак, недальновидным политиком и стратегом, который не способен добиться победы в этой войне и своими неграмотными действиями способствует лишь усилению противника. Свержение режима талибов и борьба с Аль-Каидой являлись приоритетными задачами во внешней политике США, однако требовали иного подхода:

*«I know that an invasion of Iraq without a clear rationale and without strong international support will only **fan the flames** of the Middle East, and encourage the worst, rather than best, impulses of the Arab world, and **strengthen the recruitment arm of al-Qaeda**»* (Barack Obama's Speech against the Iraq War, Illinois State senator, The Federal Plaza in Chicago).

(Я знаю, что вторжение в Ирак без четкого разумного обоснования и сильной международной поддержки лишь раздует пламя на Ближнем Востоке, пробудит худшие, а не лучшие отзывы в арабском мире и усилит руку, вербующую в Аль-Каиду.)

Среди прочих аргументов против продолжения войны в Ираке Обама подчеркивает, что эта война не является борьбой за сохранение идеалов и ценностей американской нации, как было во времена гражданской, Второй мировой и «холодной» войн:

*«It was true for those who **built democracy's arsenal to vanquish** fascism, and who then built a series of alliances and a world order that would **ultimately defeat communism**»* (A Way Forward in Iraq Remarks. Chicago Council on Global Affairs).

(Это было истиной для тех, кто создавал арсенал демократии для победы над фашизмом, и кто затем создавал альянсы и мировой порядок для полного поражения коммунизма.)

Для Обамы вполне очевидно, что превращение Ирака в демократическую страну в кратчайшие сроки – не более чем несбыточная мечта:

*«The notion that Iraq would quickly and easily become a **bulwark of flourishing democracy** in the Middle East was not a plan for victory, but an ideological fantasy»* (A Way Forward in Iraq Remarks. Chicago Council on Global Affairs. November).

(Идея о том, что Ирак легко и быстро станет бастионом процветающей демократии на Ближнем Востоке, была не планом по достижению победы, а идеологической фантазией.)

В то же время, в отличие от агрессивных устремлений членов «партии войны», Обама всегда проявлял готовность к диалогу и сотрудничеству при условии наличия желания к такому сотрудничеству у другой стороны:

*«To those who cling to power through corruption and deceit and the silencing of dissent, know that you are on the wrong side of history; but that we will extend a hand if you are willing to **unclechn your fist**»* (Obama Inaugural Address).

(Тем, кто удерживается у власти с помощью коррупции, обмана и подавления инакомыслия, – знайте, что вы находитесь на неправильной стороне истории; однако мы протянем вам руку, если вы захотите разжать свой кулак.)

Эта часть президентской речи имеет своей целью показать, что США – именно та страна, которая находится на «правильной стороне истории», однако всегда готова помочь тем, кто сбился с верного пути и хочет на него вернуться, возвращая в сознании широких масс мысль об исключительности Америки и ее народа в мировой истории.

С участием и пониманием отзывается Обама о ситуации в Кении во время визита в эту страну, погрязшую в коррупции и нищете. В следующей фразе имплицитно выражены параллели между необходимостью смены правящего режима как в Кении, так и в США:

*«Today, we're starting to see that the Kenyan people want more than a simple **changing of the guard**, more than piecemeal reforms to a crisis that's crippling their country»* (An Honest Government, A Hopeful Future. University of Nairobi, Nairobi, Kenya).

(Сегодня мы видим, что народ Кении хочет большего, чем простая смена караула, больше, чем частичные реформы во времена кризиса, разрушающего их страну.)

Одним из объективных критериев, позволяющих судить об успехе или неудаче риторических стратегий Обамы, является рейтинг его популярности. В 2009 г. 72% населения США сказали, что президент понимает проблемы населения страны и назвали его сильным лидером, но через 5 лет уровень этого показателя уменьшился до 44%. Пострадала и графа, в которой американцы указывают доверие главе страны во время кризиса. Для сравнения, в январе 2009 г. 69% аме-

риканцев доверяли Обаме в трудных ситуациях, а к концу 2014 г. таких людей осталось лишь 45% [13]. Снижение популярности президента связывают с ситуацией вокруг нападения на консульство США в Бенгази, проблемами с запуском реформы здравоохранения и работой сайта healthcare.gov, колебаниями при принятии решений вокруг ситуации с химической атакой в Сирии, информацией о том, что налоговые службы якобы притесняют правые организации, тайным доступом к телефонным разговорам журналистов, скандалом вокруг разоблачений Эдварда Сноудена, активизацией террористических организаций в Ираке после вывода оттуда американских войск и другими событиями [14]. Очевидно, что проблемы общественно-политической жизни страны, за которые он подвергал критике оппозиционные силы, так и остались по большей части нерешенными за время пребывания Барака Обамы у власти.

Таким образом, на основе рассмотренных примеров из публичных выступлений Барака Обамы можно сделать вывод, что использование метафоры не только позволяет автору сделать текст или речь более живыми и выразительными и тем самым привлечь внимание аудитории. Метафора выполняет важнейшую когнитивно-прагматическую функцию, являясь мощным инструментом воздействия на сознание адресата и преобразования его картины мира, отражая актуальные и острые проблемы общественно-политической жизни государства и предлагая определенные пути их решения. Кроме того, использование метафоры и разнообразные способы ее выделения в тексте обеспечивают его смысловую и эмоциональную целостность.

Военные метафоры в политическом дискурсе Барака Обамы находят применение при освещении им широкого спектра проблем современного американского общества: экономических, социальных, внутри- и внешнеполитических. Военная метафорика способствует рассмотрению этих проблем в сознании адресата через призму военных действий, что позволяет привлечь другой аспект функционирования метафоры в тексте – манипулятивный. Манипулятивный потенциал военных метафор в оппозициях «мы – они» направлен на создание метафорического образа врага, прямо или косвенно являющегося причиной существующих проблем рядовых граждан Америки, и на консолидацию общественного мнения для борьбы с этим противником. Закономерным результатом этой «войны» станет поддержка и избрание другой, «своей» силы, которая способна решить задачи, оставшиеся после капитуляции «чужих». Кроме того, милитарные метафорические средства содержат оценочный компонент, который присваивает положительную оценку «своему» и отрицательную – «чужому», при этом сила воздействия направлена на формирование аналогичной оценочности в отношении того или иного объекта у адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Edmondson W. Spoken Discourse. A model for analysis. London : Longman, 1981. P. 104.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1991. С. 17, 189.
3. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М. : Академия, 2008. С. 238.
4. Pielenz M. Argumentation und Metapher. Tübingen : Narr, 1993. S. 66.

5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 25.
6. Hülse R. Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktionen europäischer Identität. Baden-Baden : Nomos, 2002. S. 25.
7. El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers // *Journal of Sociolinguistics*. 2001. Vol. 5. № 3.
8. Santa Ana O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. Austin, 2002.
9. Johnson E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis // *Bilingual Research Journal*. 2005. Vol. 29, № 1.
10. Hardy V. *Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts*. Washington, 2003.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. С. 104.
12. The complete text transcripts of over 100 Barack Obama speeches. URL: <http://obamaspeeches.com>.
13. Медведева Е.А., Спицына Н.А. Манипуляция сознанием с использованием концептуальной метафоры в первичном политическом дискурсе // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. статей по материалам XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2013. № 9 (28). С. 99–113.
14. Телеканал ДОЖДь. Рейтинг Обамы упал до рекордного уровня. URL: http://tvrain.ru/articles/rejting_baraka_obamy_upal_do_rekordnogo_urovnja_-377557.
15. Экспертный журнал «Эксперт Онлайн». Проклятие второго срока. URL: <http://expert.ru/2013/11/29/proklyatie-vtorogo-sroka>.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 января 2015 г.

REFLECTION OF SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN THE USA IN MILITARY METAPHORS OF BARACK OBAMA

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 48-54. DOI 10.17223/15617793/393/7

Ergashev Artur A. Belgorod National Research University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: artur-bel@mail.ru

Keywords: military metaphors; political discourse; Barack Obama; discursive approach; opposition WE – THEY.

The article deals with the peculiarities of military metaphors usage in the political discourse of Barack Obama on the basis of transcript analysis of his public speeches. These metaphors are considered as means of reflection of different processes occurring at a specific period of time in the political and social life of the country on the basis of the opposition WE – THEY. Military metaphors, despite of their implied aggressive vector, serve as a tool of representing Barack Obama as a strong, wise and caring leader, whose ultimate value is a decent life of his people. Such terms as health, security, freedom, democracy, etc are considered as the highest values of the American society that need to be protected from either inner or outer threats. The research is based on the discursive approach to the study of metaphors and is represented by the opposition WE – THEY. Some of the examples of military metaphors usage express the desire of Obama to promote democratic values throughout the world, to condemn the tyrannical regimes that pose a threat to American lifestyle and basic values. The goal of all of this is to make people believe in the exclusiveness of the USA in advancing democracy to every corner of the world, thus justifying all the means necessary for this advance. Still Obama often wants to underline the willingness of the US to help those who are ready for changes. Other examples represent political and social life of the United States as a battlefield, where the enemy (mostly the Republican Party) always creates obstacles on the road to prosperity. Obama's strategy of self-representation includes the role of a tireless fighter for what is just and fair, the defender of socially disadvantaged and discriminated. The aim of using military metaphors in this context is to encourage people to fight for their future, to improve their living conditions and social status, to make everyone pursue their own piece of the "American dream". The manipulative potential of military metaphors in the opposition WE – THEY is a powerful tool of discredit of those who are to be to blame for the existing problems – Republicans, lobbyists, politics in Washington in general, etc.

REFERENCES

1. Edmondson W. *Spoken Discourse. A model for analysis*. London: Longman, 1981.
2. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian political metaphor (material to the dictionary)]. Moscow: Institut Russkogo Yazyka RAN Publ., 1991. 193 p.
3. Maslova V.A. *Sovremennye napravleniya v lingvistike* [Modern approaches in linguistics]. Moscow: Akademiya Publ., 2008. 272 p.
4. Pielenz M. *Argumentation und Metapher*. Tübingen: Narr, 1993.
5. Lakoff G. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: LKI Publ., 2008. 256 p.
6. Hülse R. *Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktionen europäischer Identität*. Baden-Baden: Nomos, 2002.
7. El Refaie E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers. *Journal of Sociolinguistics*, 2001, vol. 5, no. 3, pp. 352–371. DOI: 10.1111/1467-9481.00154
8. Santa Ana O. *Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse*. Austin, 2002.
9. Johnson E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis. *Bilingual Research Journal*, 2005, vol. 29, no. 1, pp. 69–84.
10. Hardy V. *Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts*. Washington, 2003.
11. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafori (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: cognitive research of political metaphors (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ., 2001. 238 p.
12. The complete text transcripts of over 100 Barack Obama speeches. Available from: <http://obamaspeeches.com>.
13. Medvedeva E.A., Spitsyna N.A. [Conceptual metaphor as a mind control tool in primary political discourse]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sbornik statey po materialam XXVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [In the world of science and art: issues of philology, art and culture: a collection of articles, proc. of XXVIII International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk: SibAK Publ., 2013, no. 9 (28), pp. 99–113. (In Russian).
14. DOZhD' TV Channel. *Rejting Obamy upal do rekordnogo urovnya* [Obama's approval numbers dropped to record-breaking level]. Available from: http://tvrain.ru/articles/rejting_baraka_obamy_upal_do_rekordnogo_urovnja_-377557.
15. Ekspert Onlayn. *Proklyatie vtorogo sroka* [The curse of the second term]. Available from: <http://expert.ru/2013/11/29/proklyatie-vtorogo-sroka>.

Received: 12 January 2015

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 115.4:75.01

К.А. Булак

ВЕЧНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Исследуются способы проявления качества вечности в произведениях изобразительного искусства. Выявлено, что понятие «вечность» рассматривается в философии и искусствоведении в двух основных аспектах: вечность может пониматься как атрибут абсолютной реальности либо в качестве момента настоящего «теперь». Это определение не позволяет свести понимание вечности художественного образа исключительно к характеристике «классического искусства». Качественно вечности потенциально могут обладать любые произведения, если им присуща возможность преобразования средствами искусства запечатленной реальности и зрителя.

Ключевые слова: вечность; художественный образ; момент «теперь»; абсолют; традиция.

Понимание онтологической специфики любого объекта невозможно без выявления временных параметров последнего. В свою очередь время определяет себя как оппозиция вечности, как оппозиция конечного – бесконечному, изменчивого – устойчивому и повторяющемуся. Исследуя сущность художественного образа, нельзя не отметить, что философы и искусствоведы указывают на особый статус произведения искусства в отношении ко времени и вечности. В одних случаях утверждается особый вневременный статус искусства. В других случаях отношение к искусству как к вечной ценности подвергается критике. «Нередко приходится слышать, что произведения искусства вечны. Если при этом хотят сказать, что их создание и наслаждение ими включают в себя также вдохновение, ценность которого нетленна, то здесь возражать не приходится. Но наряду с этим трудно оспаривать факт, что произведение искусства устаревает и умирает прежде именно как эстетическая ценность и только затем как материальная реальность», – пишет Х. Ортега-и-Гассет в своем эссе «Искусство в настоящем и прошлом» [1], утверждая, что произведение тесно связано со временем своего создания и бытования и потому не может быть вечным. Иногда понятие вечности применяется исключительно по отношению к «классическому» искусству, и последнее тем самым ставится в оппозицию искусству «современному».

Для того чтобы обнаружить, какая из вышеприведенных точек зрения в большей степени соответствует сущности искусства, необходимо вначале определить, какой смысл вкладывается в само понятие вечности.

С одной стороны, вечность может пониматься как атрибут абсолютной реальности. Как утверждает Платон в диалоге «Тимей», «время возникло вместе с небом, дабы, одновременно рожденные, они и распались бы одновременно, если наступит для них распад; первообразом же для времени послужила вечная природа, чтобы оно уподобилось ей, насколько возможно. Ибо первообраз есть то, что пребывает целую вечность, между тем как [отображение] возникло, есть и будет в продолжение целокупного времени. Такими были замысел и намерение бога относительно рождения времени; и вот, чтобы время родилось из разума и

мысли бога, возникли Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, дабы определять и блюсти числа времени» [2]. Идею того, что вечность существует раньше времени и выступает для последнего основой и первообразом, разделял Плотин, отмечавший в «Эннеадах», что «вечность тождественна с божеством» [3]. В средние века вечность становится одним из важнейших атрибутов христианского Бога. С. Астапов в статье «Время и вечность в восточной патристике», рассматривая данный этап развития философии, пишет: «В соответствии с христианской картиной мира, вечность – замкнутая на себя бесконечность, точнее безначальность. Наряду с ней возникает время – длительность от прошлого через настоящее к будущему, делимая и имеющая конец (конец света). Потом снова наступит вечность. Когда человек войдет в обоженное состояние, он обретет подобие Богу, причем и в такой характеристике, как вечность» [4]. В Новое время вечность продолжает соотноситься с бытием Абсолюта, примером чему служат учения Б. Спинозы и Г.В. Лейбница. Спиноза в своей «Этике» пишет: «Под вечностью (*aeternitas*) я понимаю существование как таковое; это понимание неизбежно следует из определения вещи, которая вечна» [5]. А поскольку Спиноза полагает существование как главную характеристику природы субстанции, то можно утверждать, что «вечная вещь» в данном случае – это и есть сама субстанция, аналогичная пантеистичному Богу. Г.В. Лейбниц в своей работе «Монадология» утверждает, что качество вечности присуще только и исключительно Богу, творящему монады. Другие философы могут приписывать качество вечности и иным трансцендентным сущностям, например, «вещам-в-себе»: как указывает И. Кант в «Критике чистого разума», «если мы возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто» [6].

С другой стороны, философы рассматривают также возможность имманентного существования вечности во времени в качестве момента «теперь». Впервые данное понятие было введено в философский обиход Аристотелем. Согласно ему, момент «теперь» – это момент непосредственно существующего настоящего, являющийся не отрезком, а границей времени. Как пишет философ в своей работе «Физика», «“теперь”

есть середина, включающая в себя одновременно начало будущего и конец прошедшего» [7]. Время возникает через последовательную смену моментов «теперь», которые отличаются друг от друга, но вместе с тем друг другу тождественны «как точка в математических линиях» [Там же]. Впоследствии концепция Аристотеля будет развиваться и переосмысливаться в философии А. Бергсона, И.Г. Фихте и многих других.

Философские взгляды Августина Аврелия и Мейстера Экхарта связаны с пониманием в качестве вечно-го как момента настоящего «теперь», так и изначально и бесконечно сущего Бога. В частности, Мейстер Экхарт утверждает: «...если бы душа имела что-либо общее со временем, то Бог никогда не мог бы родиться в ней» [8]. И, следовательно, «как Бог не причастен времени, так не причастна времени и душа: они не в прошлом и не в будущем, но сейчас – в том единственном модусе времени, где вечность открыта нам» [Там же]. Момент «теперь», согласно Августину Аврелию, – это основа для конструирования времени: «все прошедшее и все будущее творится из настоящего, вечно сущего» [9]. Связывает настоящее, прошлое и будущее душа каждого отдельного человека. Как утверждает философ, вне души все три модуса времени лишены длительности. «Настоящее лишено длительности, но внимание – протяженно. У будущего нет длительности, ибо нет и самого будущего; длительность будущего – это длительность его ожидания. У прошлого нет длительности, ибо нет и самого прошлого; длительность прошлого – это длительность памяти о нем» [Там же]. Таким образом, душа, удерживая в одном моменте «теперь» настоящее, прошлое и будущее, тем самым конструирует вечность, восстанавливая связь с Богом.

В философской и искусствоведческой литературе, посвященной исследованию природы художественного образа, нашли отражение обе вышеперечисленных концепции вечности.

Понятие вечности как атрибута трансцендентной реальности нашло отражение в группе текстов, анализирующих возможности изображения священного в произведениях изобразительного искусства.

В первую очередь это тексты, связанные с изучением христианского искусства. Подобный выбор объекта неслучаен. Н.Ю. Раевская в монографии «Священные изображения и изображения священного» пишет: «Монотеизм, утверждающий идею трансцендентного нематериального Бога, имеет логическим следствием отрицание возможности создания культовых изображений. Христианство – единственная монотеистическая религия, которая не разделяет негативного отношения к созданию образов, обосновывая изобразимость божественного воплощением Христа» [10. С. 5]. На основе данного постулата проблема воплощения вечного и беспредельного Бога в конечных и зримых формах снимается путем изображения чувственных вещей как символов иного бытия. Псевдо-Дионисий Ареопагит в своей работе «О небесной иерархии» пишет: «...и от маловажных предметов вещественного мира можно заимствовать образы, не неприличные для небесных существ, потому что мир

сей, получив бытие от Истинной Красоты, в устройстве всех своих частей отражает следы духовной красоты, которые могут возводить нас к невещественным первообразам, если только мы будем самые подобия почитать, как выше сказано, несходными и одно и то же понимать не одинаковым образом, а прилично и правильно различать духовные и вещественные свойства» [11]. При этом, согласно православным догматам, «икона – это не просто символ, указывающий на священный объект и напоминающий о нем. Она является “реальным” символом, который одновременно обозначает и являет обозначаемое. Культовые изображения в храме не просто показывают иную реальность, но осуществляют ее, в единстве с литургией воплощая основную идею православной церкви – служить частицей грядущего царства божия на земле» [10. С. 7].

Вместе с тем икона в качестве образа вечности не может существовать без соответствующего отношения верующего зрителя. Отношение это задается композицией иконы. Рассматривая концепцию М.Ж. Мондзен, византолога, занимающейся исследованием православной иконописи, Елена Петровская в книге «Теория образа» указывает, что «в совокупности иконное изображение (*graphe*), т.е. все насечки и отметины, которые оно в себе содержит, есть не что иное, как способ задания направления взгляда, может быть, поначалу профанного, но способного преобразиться, если он пройдет путь, предлагаемый иконой» [12. С. 113]. Также Е.В. Петровская отмечает, что, поскольку «образ, который выступает первообразом или архетипом для любых воплощений, включая икону, лишен всякой видимости вообще» [Там же. С. 115], постольку «икона, сделанная по образу и подобию данного образа, уже не может быть экспрессивной, значащей (т.е. означающей и / или несущей какие-то значения) и референциальной. Все, что связано в нашем представлении с изображением – с тем, что имеет выразительность, несет в себе набор видимых знаков, которые мы должны расшифровать, и отсылает к чему-то, – все эти вещи нужно забыть, когда речь заходит об иконе. Она воплощает только одно – то, что Мондзен называет французским словом «*retrait*» (в английском переводе «*withdrawal*»), означающим «уход», «удаление», «отступление», «изъятие» и др.» [Там же]. Это отсутствие можно понимать как изымание фигуры или подобия из одного мира в другой. На основе данного положения делается вывод о том, что «естественный образ [под которым понимается Бог] отсылает к иконе, но только не наоборот – икона не отсылает к естественному образу. Если угодно, это обратная, инвертированная референциальность: связь идет только в ту сторону или только оттуда, в то время как икона не есть ни иллюстрация, ни картина – ни одно из известных нам изображений, рассчитанных на чтение» [Там же. С. 116]. При этом такая односторонняя связь требует от зрителя не только пассивного восприятия божественных предписаний: «икона нас созерцает; созерцая, она преображает нас. Этот взгляд Бога на плоть смотрящего, плоть зрителя, как выражается Мондзен, попадает в информационный и трансформационный круговорот отношений. Плоть,

преображенная иконой, преобразует взгляд, который к ней обращен: икона действует. Икону можно понимать как эффективное присутствие невидимого взгляда» [12. С. 119]. На наличие в иконе невидимого взгляда (взгляда Бога) указывают и такие философы, как Ж.Л. Марьон и Ж. Лакан.

В искусствоведении и философии искусства рассматривается также и возможность проявления в произведении искусства момента «теперь». Начиная с Г.Э. Лессинга, в теории искусства укореняется разделение искусств на временные (такие как музыка и театр) и пространственные (к ним относятся в первую очередь изобразительные искусства). В связи с этим разделением очевидно, что в пространственных искусствах художник может изображать лишь один момент времени. С другой стороны, как пишет Г.Э. Лессинг в своем трактате «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии», «если произведения их предназначены не для одного только мимолетного просмотра, а для внимательного и неоднократного обозрения, то очевидно, что этот единственный момент и единственная точка зрения на этот момент должны быть возможно плодотворнее. Но плодотворно только то, что оставляет свободное поле воображению» [13]. Воображение, в свою очередь, неизбежно связано с мысленным «достраиванием» сюжета зрителем, встраиванием изображенного момента в контекст прошлого и будущего. Следовательно, фиксируемый в произведении момент является здесь не отрезком, а пределом времени, соединяющим последнее воедино.

О «плодотворном моменте» в произведениях изобразительного искусства рассуждает и П. Флоренский. В своей статье «Смысл идеализма», входящей в сборник «У водоразделов мысли», он пишет, что искусство «в мертвом и неподвижном материале воплощает движение» [14]. Достижение эффекта движения невозможно путем механической фиксации определенной его фазы (так, согласно П. Флоренскому, поступает фотограф, который «искусственно закрепляет момент и точку, создавая иллюзию смерти и неподвижности» [Там же]). Напротив, настоящий художник соединяет в создаваемом им изображении различные моменты движения, причем соединяет так, что возникает ощущение не механического собирания воедино, а подлинной целостности. И тогда, если условие целостности соблюдено, «художественным произведением дается, если не доказательство, то основание думать, что единица может быть единичностью не только частною, но и единичностью общею, по терминологии реалиста наших дней – Гуссерля. Вечное и вселенское стоит пред созерцающим художественные образы, хотя они более конкретны и индивидуальны, чем сама конкретность и сама индивидуальность чувственных представлений» [Там же].

О возможности соединения посредством искусства прошлого и будущего в целостности настоящего писал и К.Г. Юнг, причем в качестве момента «теперь» он понимал момент активации архетипа в психической жизни художника. «Творческий процесс, насколько мы можем его проследить, состоит в бессознательной активации архетипического образа и его

дальнейшей обработке и оформлении в законченное произведение, давая форму такому образу, художник переводит его на язык настоящего, что делает возможным для нас найти дорогу назад к самым изначальным истокам жизни. В этом кроется социальная значимость искусства: оно постоянно трудится, обучая дух эпохи, вызывая к жизни формы, которых ей более всего недостает» [15. С. 7]. Архетипы, в свою очередь, – это априорные идеи, которые в ходе истории постоянно возрождаются и в таком качестве могут претендовать на статус «вечных».

Указывая на способы воплощения в искусстве вневременного «теперь», искусствоведы и философы чаще всего рассматривают признанные «классические» произведения, такие как античная скульптура «Лаокоон и его сыновья» или работы Огюста Родена. Вместе с тем подобные рассуждения могут возникать и в связи с анализом произведений современного искусства. Например, арт-критик Майкл Фрид, исследуя скульптуры Дэвида Смита и Энтони Каро, пишет: «Впечатление такое, что это непрерывное и полное присутствие, приводящее, по сути дела, к постоянному воспроизводству самого себя, такому, какое испытываешь как мгновенность, – как будто бы только бы время стало бесконечно более чувственным, острым, один-единственный краткий миг стал бы достаточно долгов, чтобы увидеть все целиком, ощутить произведение во всей его полноте и глубине, быть навеки им убежденным» (приводится по [16. С. 15]). Даже постмодернисты, деконструируя традиции и каноны, отсылающие к вечности как атрибуту божественной реальности, вместе с тем стремятся к утрате определенности границ прошлого, настоящего и будущего, слиянию их воедино. Интересно, что концепция Ж. Деррида, на которую во многом опирались художники-постмодернисты, предлагает в качестве преодоления ограниченности времени программу, во многом коррелирующую с идеями Г.Э. Лессинга и П. Флоренского: «...как возможность не мгновенных, а длящихся моментов, отсроченных во времени и отложенных в пространстве, и как не совпадение моментов времени в некоем кумулятивном горизонте, а замену одного момента другим, т.е. как наличие в каждый конкретный момент некоторой единственной проекции объекта (геометрии, в данном случае), сменяющейся новой проекцией, но не исчезающей без следа. Такое представление позволяет идентифицировать моменты времени как несущие в себе тождественное (точнее, сходное) содержание и тем самым поддерживать единство мира, в котором это время полагается существующим» [17]. Однако наличие в постмодернизме целостности – одной из важнейших характеристик вечности – вызывает среди искусствоведов вопросы и споры.

Таким образом, существует две основных трактовки вечности как характеристики художественного образа: в одном случае под вечностью подразумевается возможность воплощения произведением искусства качеств Абсолюта, божества; в других случаях вечность предстает как концентрация всех предпосылок прошлого и потенций будущего в фиксированном

момента настоящего «теперь», воплощающем в себе полноту бытия. Средствами передачи качества вечности могут быть символическая трактовка изображаемых фрагментов реальности; активация и оформление бессознательных первообразов; сведение на нет знаков, составляющих композицию, и снятие этих знаков в «отсутствующем присутствии» абсолютного; обобщение мимолетных фаз движения действительности в моменте подлинного настоящего «теперь». Не существует прямой зависимости между подобным вопло-

щением качества вечности в произведениях изобразительного искусства и следованием традиции, декларируемой художником приверженности «вечным ценностям». Потенциально качеством вечности может обладать произведение любой эпохи и стиля, при том что это произведение обладает такими относящимися к вечности характеристиками, как единство (целостность) и «жизненная сила», связанная с возможностью преображения средствами искусства запечатленной реальности и зрителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ортега-и-Гассет Х. Искусство в настоящем и прошлом. URL: <http://www.electroniclibrary21.ru/philosophy/ortega/ortega14.shtml> (дата обращения: 10.03.2014).
2. Платон. Тимей. URL: <http://philosophy.ru/library/plato/tim.html> (дата обращения: 10.03.2014).
3. Плотин. Эннеады. URL: <http://psylib.org.ua/books/ploti01/txt25.htm> (дата обращения: 10.03.2014).
4. Асапов С. Время и вечность в восточной патристике. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/44/06.pdf> (дата обращения: 10.03.2014).
5. Спиноза. Этика. URL: <http://philosophy.ru/library/spinoza/01/01.html> (дата обращения: 10.03.2014).
6. Кант И. О времени // Критика чистого разума. URL: <http://lib.rus.ec/b/141023> (дата обращения: 10.03.2014).
7. Аристотель. Физика. URL: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/physic.txt> (дата обращения: 10.03.2014).
8. Духовные проповеди и рассуждения Мейстера Экхарта: Издание литературы в электронном виде. URL: <http://www.magister.msk.ru/> (дата обращения: 10.03.2014).
9. Августин Аврелий. Исповедь. URL: http://azbyka.ru/?otechnik/Avrelij_Avgustin/ispoved=11_28 (дата обращения: 10.03.2014).
10. Раевская Н.Ю. Священные изображения и изображения священного в христианской традиции. СПб.: Сатис, 2010. 271 с.
11. Святой Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. URL: <http://vehi.net/areopagit/nebesnaja.html> (дата обращения: 10.03.2014).
12. Петровская Е.В. Теория образа. М.: РГГУ, 2012. 281 с.
13. Лессинг Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии. URL: http://az.lib.ru/l/lessing_g_e/text_1766_laokoon.shtml (дата обращения: 10.03.2014).
14. Флоренский П. Смысл идеализма. URL: http://hotkovo.net.ru/library_view.php?id=42&mode=1 (дата обращения: 10.03.2014).
15. Юнг К.Г. «Об отношении аналитической психологии к поэзии» // Психоанализ и искусство. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1998.
16. Тэйлор Б. ARTTODAY. Актуальное искусство 1970–2005 / пер. с англ. Э.Д. Меленевской. М.: СЛОВО/SLOVO, 2006. 256 с.
17. Гурко Е. Тексты деконструкции // Библиотека Гумер: философия. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gurko/04.php (дата обращения: 10.03.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 09 февраля 2015 г.

ETERNITY AS AN ARTISTIC IMAGE FEATURE

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 55-59. DOI 10.17223/15617793/393/8

Bulak Kseniya A. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: bulaksenia58@gmail.com

Keywords: eternity; artistic image; "now moment"; Absolute; tradition.

This article describes ways of eternity display in the artistic images of visual art works. The article begins with formulating the definition of eternity. Philosophic conceptions of eternity divide into two groups. On the one hand, eternity can be understood as an attribute of the absolute reality. This understanding is typical of Plato, Plotin, B. Spinoza, G.V. Leibniz, I. Kant, and to some representatives of Western and Eastern patristic. On the other hand, philosophers discern the opportunity of immanent existence of eternity inside time as the "now moment". Aristotle first formulated time as the "now moment" notion. Then this notion appeared in A. Bergson's, I.G. Fichte's works. Conceptions of eternity elaborated by Augustine of Hippo and Meister Eckhart joined the two above-listed points of view. These philosophers asserted that a human's soul is a base for eternity. There is a connection between the philosophic conceptions of eternity and some conceptions of an artistic image. Texts that analyzed Christian art understand eternity as an attribute of the absolute reality. In Christian conceptions realization of eternity is possible because of God embodied in visible forms (with the help of His Son). According to this understanding, we can represent God in artistic images if we use sensitive objects as symbols of another world. The icon contains an invisible view of God so it can transform the spectator's view. G.E. Lessing, P. Florensky, C.G. Jung wrote about an opportunity of "now moment" development in works of art. G.E. Lessing considered that this opportunity is peculiar only to visual art ("space art") works. P. Florensky asserted that "productive moment" unites different moments of movement into integrity (not mechanical collection). C.G. Jung identified "now moment" with the moment of archetype activation in the artist's psychical life. Consequently, there are some instruments of expressing eternity qualities in an artistic image, such as symbolical interpretation of represented fragments of reality; activation and arrangement of unconscious images; release of composition signs in the "absentee presence" of the Absolute; summarizing of movement fleeting stages into the genuine present of the "now moment". Potentially, an art work of any style or epoch can have the quality of eternity. But there is one condition. This art work should have eternity features: integrity and "life force". Due to these features, some artistic images can transform the depicted reality and spectator's view.

REFERENCES

1. Ortega y Gasset J. *Iskusstvo v nastoyashchem i proshlom* [Art in the present and the past]. Available from: <http://www.electroniclibrary21.ru/philosophy/ortega/ortega14.shtml>. (Accessed: 10.03.2014).

2. Plato. *Timey* [Timaeus]. Available from: <http://philosophy.ru/library/plato/tim.html>. (Accessed: 10.03.2014).
3. Plotinus. *Enneady* [Enneads]. Available from: <http://psylib.org.ua/books/ploti01/txt25.htm>. (Accessed: 10.03.2014).
4. Asapov S. *Vremya i vechnost' v vostochnoy patristike* [Time and Eternity in the eastern patristics]. Available from: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/44/06.pdf>. (Accessed: 10.03.2014).
5. Spinoza. *Etika* [Ethics]. Available from: <http://philosophy.ru/library/spinoza/01/01.html>. (Accessed: 10.03.2014).
6. Kant I. *O vremeni* [About time]. Available from: <http://lib.rus.ec/b/141023>. (Accessed: 10.03.2014).
7. Aristotle. *Fizika* [Physics]. Available from: <http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/physic.txt>. (Accessed: 10.03.2014).
8. *Dukhovnye propovedi i rassuzhdeniya Meystera Ekkharta* [Spiritual sermons and reasoning of Meister Eckhart]. Available from: <http://www.magister.msk.ru/>. (Accessed: 10.03.2014).
9. Augustine of Hippo. *Ispoved'* [Confession]. Available from: http://azbyka.ru/?otechnik/Avrelij_Avgustin/ispoved=11_28. (Accessed: 10.03.2014).
10. Raevskaya N.Yu. *Svyashchennye izobrazheniya i izobrazheniya svyashchennogo v khristianskoy traditsii* [Sacred images and images of the sacred in the Christian tradition]. St. Petersburg: Satis" Publ., 2010. 271 p.
11. St. Dionysius. *O nebesnoy ierarkhii* [Celestial Hierarchy]. Available from: <http://vehi.net/areopagit/nebesnaja.html>. (Accessed: 10.03.2014).
12. Petrovskaya E.V. *Teoriya obraza* [The theory of the image]. Moscow: Russian State Humanitarian University Publ., 2012. 281 p.
13. Lessing G.E. *Laokoon, ili o granitsakh zhivopisi i poezii* [Laocoon, or on the boundaries of painting and poetry]. Available from: http://az.lib.ru/l/lessing_g_e/text_1766_laokoon.shtml. (Accessed: 10.03.2014).
14. Florenskiy P. *Smysl idealizma* [Sense of idealism]. Available from: http://hotkovo.net.ru/library_view.php?id=42&mode=1. (Accessed: 10.03.2014).
15. Jung C.G. *Ob otnoshenii analiticheskoy psikhologii k poezii* [On the relation of analytical psychology to poetry]. In: Jung C.G., Neumann E. *Psikhoanaliz i iskusstvo* [Psychoanalysis and art]. Moscow: Refl-buk, Vakler Publ., 1998, pp. 9–29.
16. Taylor B. *ARTTODAY. Aktual'noe iskusstvo 1970–2005* [ARTTODAY. Modern art of 1970–2005]. Translated from English by E.D. Melenevskaya. Moscow: SLOVO Publ., 2006. 256 p.
17. Gurko E. *Teksty dekonstruktsii* [Texts of deconstruction]. Available from: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gurko/04.php. (Accessed: 10.03.2014).

Received: 09 February 2015

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ЯЗЫКА В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ И ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЙ

Рассматривается вопрос о родстве диалога и диалектики в русле лингвистических концепций М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева, которые оказываются сопоставимыми в понимании инвариантности коммуникативного значения по отношению к предметному. На основании содержания трактатов эпохи Возрождения, посвящённых природе диалога, делается вывод, что диалектическая и риторическая составляющие могут рассматриваться в качестве неотъемлемых элементов диалога. По мысли автора, диалог может рассматриваться, с одной стороны, как средство для осуществления целей диалектики, с другой – в горизонте философии диалога; сама диалектика может интерпретироваться как инструмент для достижения главной цели диалога – взаимопонимания между участниками.

Ключевые понятия: диалог; диалектика; риторика; двуголосие; двухуровневая полисемия; полифония; симулякр.

В XX в. ключевым словом при обращении к философии было слово «диалектика», оно часто употреблялось и тогда, когда речь шла о сложных, противоречивых, запутанных проблемах, требующих решения. Говоря современным языком, слово «диалектика» было знаковым, даже оваянным ореолом некоторой загадочности. Хотя в советскую эпоху, несмотря на декларируемую приверженность диалектическому материализму, диалектику и диалектическую логику в вузах не преподавали. Изучение же логики ограничивалось формальной логикой. В результате страна не могла осмыслить самоё себя и своё будущее. В нынешнем столетии понятие «диалектика» перестало быть настолько общеупотребительным и универсальным. Его место прочно занял диалог. В нём политики и философы видят ключ или, скорее, отмычку к решению многих проблем. К нему прибегают как к заклинанию, когда не находят нужных способов, мер, аргументов, позволяющих разрешить ту или иную ситуацию. Особенно часто слово «диалог» употребляют при наличии конфликтов в коллективе, обществе, стране, мире. Оно, как некий знак гарантированного «успеха», позволяет отодвигать конфликт, уходить от него, создавать атмосферу временного благополучия. Если речь идёт о каких-либо неразрешимых вопросах в области политики, экономики, науки, образования, неизбежно появляются универсальные фразы: «Нужен диалог», «Необходим диалог», «Неизбежен диалог», «Мы готовы к диалогу» и т.п. Представляется, что и сегодня существует опасность, что со временем с термином «диалог» произойдёт то же самое, что произошло ранее с термином «диалектика», т.е. определённая подмена понятий, когда противоположные по своей сущности явления маркируются одним и тем же расхожим наименованием. Такое положение во многом вызвано отсутствием чёткой дефиниции общепринятых критериев определения его форм, неопределённостью структуры, размытостью нормативной основы. Относительно близости слов «диалектика» и «диалог» современные исследователи имеют различные точки зрения: одни утверждают, что между ними нет ничего общего, другие говорят об их изначальном родстве. Такие противоречивые оценки, видимо, объясняются широким употреблением слов «диалектика» и «диалог» разными дискурсами в раз-

ных контекстах и их феноменальной многозначностью. Поскольку хронологически «эпоха диалектики» предшествует теперешней, мы обречены если не на синтез этих понятий внутри одной системы, то, во всяком случае, на их некое сопряжение, чтобы разобраться в проблемах настоящего и обрести ориентиры для будущего.

В наше время принято говорить о так называемых «знаковых» фигурах. Применительно к философии в качестве таковых, несомненно, выступают Лосев и Бахтин. Принято считать, что взгляды А.Ф. Лосева и М.М. Бахтина являются противоположными полюсами в отечественной философии. Это касается истоков воззрений философов. Традиционно имя Бахтина связывают с диалогом, а труды Лосева ассоциируются с диалектикой. В последнее время эти представления стали меняться (к примеру, в работах Л.Н. Столовича, С.Ю. Данилина, Л.А. Гоготышвили). Слова «диалог» и «диалектика» близки этимологически, их кровная связь осознавалась М.М. Бахтиным, который писал: «...диалектика родилась из диалога, чтобы вернуться к диалогу на высшем уровне (диалогу личностей)» [1. С. 424]. Такая позиция свидетельствует в пользу того, что мысль Бахтина диалектична в своей основе. Тем не менее философ отзывался о диалектике критично, он полагал, что «в диалоге снимаются голоса, снимаются интонации, из живых слов и реплик вылучиваются абстрактные понятия и суждения, все втискивается в одно абстрактное сознание – и так получается диалектика» [Там же. С. 430]. Бахтин полагал, что диалектика, в отличие от диалога, монологична. По его мнению, монологическая диалектика Гегеля превращает диалог в «один сплошной текст». Безусловно, на негативное отношение Бахтина к диалектике не могло не повлиять злоупотребление авторов советского периода этим понятием, когда использование диалектики в идеологических целях на практике оборачивалось софистикой и представляло собой упражнение в словесной эквилибристике или средство обоснования догматов классиков марксизма-ленинизма. Тем не менее Бахтин осознавал органическую связь диалога и монолога, а также диалога и диалектики. В «Проблемах творчества Достоевского» он пишет об отличии диалогов Достоевского от диалогов Платона. По его мнению, диалоги Достоевского

диалектичны, а диалоги Платона – «сплошь монологизированные... и в них всё множество голосов погашается в идее» [2. С. 172]. Л. Столович, полемизируя в этом вопросе с Бахтиным, возражает, заявляя, что дело обстоит наоборот. По мнению философа, диалектика Платона в его собственной трактовке наиболее ярко проявляется как раз там, где диалогическая форма его произведений не является монологом автора. Столович обращает внимание и на тот факт, что платоновский диалог, в отличие от живого диалога Сократа, является диалогом, опредмеченным в литературном тексте, где, по меткому замечанию Гегеля, ответы целиком находятся в руках автора. Также Столович считает, что диалектика в первоначальном античном своём значении, возникнув из диалога, не превратилась в его противоположность – монолог. Античная диалектика представляет собой поэтому методиалог, т.е. диалог о диалоге, учение и искусство вести диалог. Диалог, искусство ведения которого Платон назвал диалектикой, является наглядной моделью единства противоположностей. Однако диалог, подобно диалектике, также может подвергнуться девальвации, примеров тому достаточно в коммуникационном пространстве современного общества. Ж. Делёз, один из основоположников «философии различия», как именует себя философия постмодернизма, выделяет такие оппозиции, как тождественное и отрицательное, тождество и противоречие, а затем редуцирует их к различию. По его мнению, проблема границы между сущностью и видимостью, образцом и копией утратила ныне всякую актуальность. Современный мир – это господство симулякров, а современная философская мысль отталкивается от утраты тождеств. Как же стали возможными такие внезапные и вместе с тем разительные перемены?

По замечанию В.А. Кутырёва, семиотический поворот в лингвистике, осуществлённый философией структурализма, отменил дуализм «означающее и означаемое». Место предметной реальности и субъекта занял язык. Язык оказывается ныне субстанцией, воплощающей в себе тождество бытия и мышления. Одновременно с дуализмом элиминировалась и диалектика. Отправляясь от онтологии иного, в структурализме был осуществлён отказ от субъект-объектных отношений и было создано симулятивное пространство мысли. В дальнейшем структурализм эволюционировал в постструктурализм. Осуществлённая постструктурализмом деконструкция коснулась всего, в том числе и самого языка, который выродился в объективированное письмо, и, конечно же, диалога, который тоже превратился в симулякр словно бы по мановению руки Мидаса. Мы постепенно погружаемся в призрачный мир эрзацев и подобий. Вот во что в конечном итоге вылилась жертва диалектикой со стороны диалога.

Симптоматично, что в своём программном труде «Проблемы творчества Достоевского» Бахтин чётко формулирует отношение к формализму (в значительной степени это касалось и структурализма). В своей концепции полифонического диалога философ выступает против любых крайностей, которые ведут к

догматизму или к релятивизму и которые «одинаково исключают всякий подлинный диалог, делая его либо ненужным, либо невозможным» [1. С. 81]. «Философия различия» в своём подходе к философии языка, в конце концов, и пришла к такому крайнему релятивизму, к редукции языка, к письму и даже к его «нулевой степени».

Как известно, отправным пунктом философии диалога для Бахтина стало обращение к полифонии в творчестве Ф.М. Достоевского. Несколько ранее эта тема нашла отражение в трудах А.З. Штейнберга, усмотревшего в романах писателя диалектическую системность. По наблюдению Л. Столовича, различие концепций диалога у М.М. Бахтина и А.З. Штейнберга заключается в том, что Бахтин противопоставляет диалог и диалектику, тогда как Штейнберг считает, что в подлинных диалогах господствует «симфоническая диалектика». Подобно Бахтину, Штейнберг видит в романах Достоевского хор голосов. Возникает вопрос: совпадает ли голос автора с голосом кого-то из персонажей? Если совпадает, то с кем? На этот вопрос сложно ответить. Применительно к Платону, с чьими диалогами Штейнберг сопоставляет творчество Достоевского, трудно понять, где философ разделяет мнение своего духовного учителя Сократа, а где полемизирует с ним. Такой же вопрос мы задаём себе, перечитывая произведения Достоевского. Причём в разное время наши представления могут меняться. В советскую эпоху мы были склонны думать, что писателю ближе Иван Карамазов с его бунтом против Бога, в настоящее время нам стали понятнее религиозные искания Алёши, поэтому мы в большей степени склонны отождествлять Достоевского именно с ним. На самом деле всё обстоит сложнее: автор присутствует одновременно и в каждом из своих героев, и отдельно от них. Его голос не теряется в многоголосии хора. Автор не просто дирижёр – он композитор, объединяющий разноголосый хор в единую симфонию. Такое единство обретают образы благодаря воплощению в творчестве Достоевского платоновского мира идей в мире явлений действительности. Сам Бахтин по этому поводу писал, что Достоевским движет «вера в возможность сочетания голосов, но не в один голос, а в многоголосый хор, где индивидуальность его правды полностью сохраняется» [3. С. 374].

По мнению Столовича, сам диалог является наглядной моделью единства противоположностей. Философ убеждён, что платоновская диалектика была диалогичной, а диалог – диалектичным. В процессе диалектического диалога философские понятия обнаруживали противоречивость, способность переходить в свою противоположность. Диалектика и в современном ее значении почерпнула саму идею противоречия из диалога и вынесла ее за пределы взаимоотношения двух субъектов в развитие объективного мира в его целостности. Непосредственное же восприятие целого возможно только там, где есть не какие-либо результаты человеческой деятельности, но присутствует человек сам по себе. В роли такого целого может выступать только общение. Общение, взятое как понятие, общение во всей его полноте, в его

отличии от любого отчуждения. Таким образом, речь здесь идёт о социальности диалектического сознания. Наше взаимодействие может и должно стать общением, тогда от простого пользования вещью мы перейдем к общению с ней. Вещь от этого не станет менее или более вещью, не приобретет черты субъекта, а в результате изменимся мы сами. Именно это имел в виду Ф.М. Достоевский, когда писал: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчела золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, беспрерывно совершают ее сами... Посмотри... на коня, животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего и работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бывшему его безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лике...» [4. С. 305]. Из такого опыта и вырастает диалектика. Социальность диалектики заключается в том, что она систематизирует целостное восприятие, в результате чего оно становится именно социальным, утверждающим общение в отличие от отчуждения. Причем путем утверждения смысловых связей между вещами, смысловой устроенности мира, путем утверждения смысловой структурности мира «категориальностью» своего эйдоса.

В «Философии имени» А.Ф. Лосев разрабатывает философию языка, представляющую собой диалектически сконструированную систему. Это поиск сущности имени вообще, исходя из философских споров о сущности Имени Божьего, популярных в начале столетия. Ведь имя еще со времен античности, согласно Лосеву, понималось глубочайшим образом онтологически, бытийственно. Философ пытается обосновать Имя диалектически, как орудие живого социального общения. Он убежден, что только «именем и словами создан и держится мир» [5. С. 139]. Выделяя диалектику как наиболее совершенный метод исследования природы Имени, Лосев пишет, что диалектика является ритмом самой действительности. Ведь именно она дает абсолютную ясность и стройность мысли.

Надо отметить, что у А.Ф. Лосева, как и у М.М. Бахтина, четко прослеживается коммуникативный подход к пониманию языка. В некотором смысле можно даже говорить о мистификации им коммуникативных значений. Главная идея Лосева заключается в том, что значение формируется и стабилизируется в самом общении. Этот коммуникативный подход к семантике осуществляется Лосевым как при помощи определения языковых категорий, так и самим стилем изложения. Его ранние произведения отличаются внутренней диалогической формой. Как замечает Е. Тахо-Годи, «установка на диалогичность – одна из особенностей “восьмикнижия”, изложение часто ведется как обычная беседа» [6. С. 55]. Языковые понятия, в том числе имя, определяются и трактуются Лосевым через их коммуникативную функцию. Подобное коммуникативное понимание имени философ обобщает и переносит на все языковые и внеязыковые знаковые формы, т.е. формы с обозначающей функцией. Он резюмирует: «Весь физический мир, конеч-

но, есть слово и слова, ибо он нечто значит, и он есть нечто понимаемое... <...> Без такого слова нет у нас и никакого другого слова» [5. С. 53]. Л.А. Гогтишвили усматривает терминологическую схожесть двуслойности значений, характеризующуюся как двуединое единство коммуникативных и предметных слоёв. В этом двуединстве ею усматривается инотерминологический аналог двуголосия Бахтина. По признанию самих критиков, своих оппонентов – структуралистов, Лосев осуществил радикальную концептуальную реконструкцию классической семиотической парадигмы. Он выделяет два слоя значения, относящиеся к разным референтам: предметный и коммуникативный. Предметный слой относится к уровню знания, а коммуникативный – к уровню понимания. Слои могут совпадать по вектору, а могут действовать разнонаправленно. Эти идеи А. Лосева сопоставимы с понятием двуголосия М. Бахтина. В двуголосии в качестве точки отсчёта берётся диалогическая (коммуникативная) сторона смысла, одновременно присутствуют тема и её интерпретация. Двуголосие – двуединство, в котором каждый голос относится к своему референту: первый (подавляемый) голос – к непосредственному (тематическому) составу речи (предмету), второй (подавляющий) голос интерпретирует информацию, данную первым голосом (коммуницирует её). При этом голоса могут быть одно- и разнонаправленными. Это одна из базовых характеристик двуголосия. По мнению Гогтишвили, путь к универсализации такого подхода пролегает через активные лосевские параметры контекстуальности. Рассматривая те или иные коммуникативные явления, отдельные голоса, полифонию произведения, необходимо обращать внимание на то, что они не могут быть изолированными, нужно учитывать экзогенные факторы (исторические, социальные), влияющие на развитие языка как единого целого. Об этом свойстве языка писал и М.М. Бахтин, подчёркивая, что всякая речь неизбежно преломляется через языковую среду.

Однако нельзя обойти вниманием и расхождения во взглядах на природу языка и её оценку двух великих мыслителей. По словам С.Ю. Данилина, для культуролога эта разность проявляется в оценке художественного мышления и духа европейского Ренессанса, сформулированных Лосевым в «Эстетике Возрождения», а Бахтиным – в книге «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В поле зрения Лосева попадает «обратная сторона титанизма» Возрождения. По его словам, «...Возрождение прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и всякого разгула страстей. Здесь уже не было никакой неоплатонической эстетики. Однако здесь, несомненно, сказался стихийный индивидуализм эпохи, та уже обнаженная от всяких теорий человеческая личность, в основе своей аморальная, но зато в своем бесконечном самоутверждении и в своей ничем не сдерживаемой стихийности любых страстей, любых аффектов и любых капризов доходившая до какого-то самолюбования и до какой-то дикой и звериной эстетики»

[7. С. 120]. Не приходится удивляться, что в нарочито скабрёзных островах Ф. Рабле Лосеву слышится сатанинский смех. Что же касается М.М. Бахтина, то он осуществляет анализ перехода в эпоху Возрождения – от иерархической вертикальной средневековой картины к горизонтали, где основным становилось движение во времени из прошлого в будущее. С этой целью он рассматривает целый ряд бинарных противопоставлений, в том числе противопоставление «верх – низ», рассматриваемое одновременно в разных планах – социальном, иерархическом, пространственном, телесном и т.п.

На основании осуществлённого Бахтиным анализа можно сделать вывод об инновационном характере культуры эпохи Возрождения, что звучит весьма оптимистично с позиций дня сегодняшнего. В подходе Бахтина налицо связь со структурализмом Леви-Стросса, для которого главной целью также являлось нахождение промежуточного звена (медиации) между двоичными противоположностями. Этот принцип может быть раскрыт на всех уровнях: как поиск решения, выбор его из альтернатив; как рождение инновации, т.е. выход за рамки уже освоенного, известного, знакомого; как историческое развитие, которое также идет через преодоление дуальности, стремление избежать опасности абсолютизации одного из ее полюсов, уход от крайностей, через рождение нового явления, качества, вещи, процесса, т.е. через саморазвитие.

Именно из подобного понимания движущих сил культурных и социальных изменений вытекает и то важнейшее значение понятия «мера», которое утверждается в теории А. Ахиезера, а также дуализм «инверсии» и «медиации» в концепции медиационного диалога В.С. Библера. С этим понятием связывается также возможность развития срединной культуры (Н.А. Бердяев), медиации как особого типа логики, на которой вырастают культура и формы социальной жизни, представляющие собой уход от полярных состояний. Процесс медиации рассматривается в современной культурологии как один из основных механизмов развития культуры. Иными словами, развитие культурных процессов логически представлено как заполнение, наращивание культурного и социального пространства внутри дуальной оппозиции, выход за ее рамки, что тождественно обогащению содержания культуры. Взаимопроникновение полярностей (их амбивалентность), постоянный поиск меры в движении между сторонами оппозиции – тот механизм, который заполняет бинарные оппозиции все новыми и новыми двоичными противоположностями. И здесь мы снова приходим к диалектике, одному из её базовых законов. Причём речь здесь идёт не о той «дурной» диалектике, которую так хлестко бичевал Бахтин, в которой «тезис не знает, что его снимает антитезис, а дурак-синтез не знает, что в нем снято» [8. С. 88]. Нет, здесь носителем противоположных тезисов выступают реальные люди, вполне осознающие происходящее, а роль синтеза должен выполнить медиатор. Медиатор как посредник в процессе разрешения спора (конфликта), выступает в качестве предста-

вителя всех конфликтующих сторон. Важными принципами деятельности медиатора являются – принцип нейтральности, принцип независимости, принцип уважения сторон, принцип безоценочности личностей и другие, которые позволяют сторонам понять друг друга и выйти из конфликта с облегчением и осознанием удовлетворенности от достигнутого соглашения. Видимо, такой вид диалектики имел в виду Бахтин, намечая контуры её будущей модели.

Как уже ранее отмечалось, одна из причин разногласий Лосева и Бахтина лежит в истоках творчества этих двух мыслителей. Философское учение Лосева восходит к неоплатонизму, важнейшей категорией в нем является диалектика. Философские взгляды Бахтина сформировались в русле неокантианства и были осложнены концепцией диалогизма, воспринятой, по всей вероятности, от М. Бубера. Тем более интересно посмотреть, что думали сами гуманисты эпохи Возрождения о месте и роли диалога. По счастью, сохранились довольно многочисленные свидетельства, в том числе специальные трактаты. Обращение к ним мы осуществим чуть позднее, а пока обратимся к другой важной составляющей любого диалога – риторике. У Бахтина можно обнаружить критические замечания не только в адрес диалектики, но и относительно риторики: «Риторика, в меру своей лживости, стремится вызвать именно страх или надежду. Это принадлежит к существу риторического слова (эти аффекты подчеркивала и античная риторика). Искусство (подлинное) и познание стремятся, напротив, освободить от этих чувств» [3. С. 63–70]. Видимо, это замечание, как и в случае с диалектикой, носит контекстуальный характер. Подлинный диалог немыслим и без того и без другого. По мнению С. Минеевой, например, в риторическом тексте как «потенциальном диалоге» автор моделирует «диалогические отношения»: принятие или непринятие истины, представляемой автором адресату, на отклик которого он рассчитывает, возражение, опровержение или оспаривание ее и другие варианты отношения-осмысления. Так что риторика не всегда бывает проявлением монологического стиля мышления. По замечанию Е.Н. Лисанюк, термин «диалектика» имеет едва ли не более разнообразную историю и спектр толкований, чем обстоит дело с риторикой. Как известно, наука, сегодня именуемая логикой, в античности и средневековье называлась диалектикой. К диалектике, например, древние относили следующие учения: о высказываемой речи и ее структуре, о рассуждении (силлогизмах), об отыскании аргументов и их расположении, об ошибках в рассуждениях (софистических опровержениях).

В XX в. происходит бурный рост интереса к вопросам риторики и аргументации. Для дисциплины, обновленной в результате этого внедрения, традиционно называемой теорией аргументации, исследователи усиленно ищут новое наименование, и это свидетельствует о том, что проблема предмета и объекта его исследования все еще находится в стадии становления. Среди возможных вариантов названий появляются, в частности, такие: аргументология, аргументорика и аргументалистика. Однако, по мнению

Е.Н. Лисанюк, стремление закрепить в названии новой дисциплины аргументативный характер предмета ее исследования сужает понимание объекта исследования – диалогическую форму убеждения. Одновременно в области наиболее формализованной математической логики, вытеснившей коммуникативную составляющую из диалектики, проявились тенденции, позволившие по-новому увидеть суть диалога как взаимодействия (двух и более) субъектов рассуждения на тему установления истинности или приемлемости высказываний. Итак, диалектика, диалог, риторика всё время идут бок о бок. А вот между их приверженцами порой происходит нешуточная борьба. Так было, например, в эпоху Ренессанса, когда риторы и диалектики метали язвительные стрелы друг в друга и навешивали на своих оппонентов ярлыки софистов.

Новый свет на эту полемику раторов и диалектиков, а заодно на заочный спор Лосева и Бахтина о приоритете диалога и диалектики может пролить недавно опубликованная работа итальянского исследователя Марты Спранзи «Искусство диалектики между диалогом и риторикой: аристотелевская традиция». Книга реконструирует традицию диалектики от аристотелевской «Топики», её основополагающего текста, до эпохи Ренессанса XVI в. в Италии и фокусируется на роли диалектики в формировании знаний. В своем труде Спранзи исследует отношение между искусством диалектики и философским поиском принципов исследования при помощи вопросно-ответного метода. Предлагая реконструкцию аристотелевской теории диалектики, Спранзи ставит перед собой цель – разъяснить эпистемологическую ценность диалектики. В главе шестой «Диалектика и диалог: Карло Сигонио и дорога к истине» Спранзи обращается к обсуждению парадигматического трактата итальянского гуманиста К. Сигонио «De dialoge liber» («О свободном диалоге»). Она считает, что ренессансные трактаты о диалогической форме являются важным аспектом возрождения аристотелевской «Топики», фокусирующейся на отношениях между диалектикой и её литературным выражением. Спранзи осуществляет реконструкцию теории Сигонио, касающейся диалогической формы, в которой находят отражение и её собственные представления об историческом и интеллектуальном происхождении диалога, его структуре и содержании, его форме и целях. Она делает заключение о том, что, согласно Сигонио, диалогическое рассуждение может привести к знанию, потому что оно имеет в том числе и функцию инвенции, т.е. правильного нахождения материала, и потому пролагает путь по направлению к истине, помогая людям проверить правильность их взглядов.

Как отмечает Спранзи, Сигонио характеризует философский диалог как «определённую диалектическую дискуссию», в противоположность любому обычному диалогу. Как правило, диалог образован вопросами и ответами, потому что он основан на («potestatem») «силе диалектики». Дискуссия, в свою очередь, определяется им как «disquisito rationes», что дословно означает «рациональное исследование», и состоит из речевого акта, осуществляемого посред-

ством вопросов и ответов и различных аргументов, которыми обмениваются образованные люди по рассматриваемому предмету. Сигонио явно провозглашает здесь связь между диалогом и диалектической дискуссией.

В результате диалог выполняет, по меньшей мере, одну из главных функций, относимых к диалектике в период Ренессанса: нахождение аргументов и их использование с целью доказать тезис. Это ясно из определения, которое Сигонио даёт диалектике: «Диалектика – это способность нахождения тех аргументов, при помощи которых мы подтверждаем или опровергаем что-либо», и осуществляется это «при помощи «убеждения соперника таким образом, что мы оставляем за ним выбор принять одно из противоположных положений» [10. С. 142]. Представленная таким образом диалектика, т.е. в специфическом смысле аристотелевская дискуссионная диалектика, играет важнейшую роль в определении диалога Сигонио. Показательно, что Аристотель определял диалектику как упорядоченный обмен вопросами и ответами и, таким образом, связывал её с диалогом и диспутом. Согласно Сигонио, для успешного написания диалога необходимы три вида искусств: поэтика, риторика и диалектика. Каждому из них надлежит выполнить свою роль. Поэтика обеспечивает «подражание» и придаёт соответствующую («decorum») форму характерам, в то время как риторика украшает речь. Диалектика – наиболее важный из трёх видов искусства, она обеспечивает диалог инструментами, необходимыми «для того, чтобы выполнять трудную и тонкую задачу дискутирования. Она призвана предложить правильный способ (“consuetudo”) исследования и постановки вопросов, ей надлежит выводить правильные заключения из посылок и учить вопрошающего тому, как убеждать соперника: задавая вопросы или ловко выпутываясь из подстроженных им трюков и ловушек» [Там же. С. 141]. Хотя Сигонио обращает внимание на то, что диалог – это «определённый образ диалектической дискуссии», он замечает, что последний более витиеват, чем «битва и перебранка диалектиков». Риторика, таким образом, полезна, но она просто дополнение к составляющей сущности структуре, и задача диалога, который отражает диалектическую дискуссию и должен использоваться с соблюдением меры, состоит в том, чтобы его диалектическая природа проявила себя полностью. Современник Сигонио, Тассо, истовый поклонник Платона, добавляет к сказанному Сигонио, что «часть диалога, где персонажи дискутируют, должна обладать чистотой и простотой ораторского искусства», поскольку, по убеждению Тассо, «чрезмерные украшения создают препятствие для аргументов» [Там же]. Сигонио приводит определение диалога Диогена Лаэртца: «...речь, состоящая из вопросов и ответов о предмете философском или государственном, соблюдающая верность выведенных характеров и отделку речи» [9. С. 149–150]. Тем не менее Сигонио находит это определение неудовлетворительным, поскольку оно слишком общее и поверхностное и не акцентирует внимание на связи между диалогом и диалектической дис-

куссией. Действительно, тот факт, что диалог состоит из серии вопросов и ответов, не случайный литературный приём, а следствие более глубоких обстоятельств.

По той причине, что дискуссия – это рациональное исследование, проводимое среди образованных людей посредством вопросов и ответов (процедура, которую греки называли «*dialogesthai*»), древние утверждали, что диалоги образованы вопросами и ответами и, таким образом, входят в компетенцию диалектики, которой надлежит находить аргументы, при помощи которых можно подтвердить или опровергнуть что-либо. Сигонио в дальнейшем обсуждает эти важные аспекты знания, выделяя на этой основе две части диалога, которые он называет «подготовка» («*præparatio*») и «содержание» («*contentio*»). Он определяет «подготовку» – как пролог диалога, который «открывает путь к обсуждению избранной темы для диспута, а «содержание» как душу диалога, поскольку оно содержит «все те вербальные средства, которые позволяют нам подтвердить или опровергнуть тезис, предложенный для дискуссии» [10. С. 141]. Две части не разделены физически, но согласуются с двумя соответствующими функциями диалога. Под первым наименованием, «подготовка», Сигонио рассматривает правильные условия подражания («*mimesis*») и характер отношений между настоящей диалектической дискуссией и её воспроизведением в вымышленном диалоге. Наряду с этим в обсуждении «содержания» Сигонио выделяет место для диалектического рассуждения, которое отличается как от научного доказательства, так и от риторического убеждения. Он также определяет эпистемологический статус мнения в отличие от научного знания и убеждения. «Подготовительная» стадия диалога подразумевает намного больше, чем простое вступление и пролог. Она служит тому, чтобы гарантировать, что мы не принимаем на веру то положение, что диалог – просто зеркальное отражение диалектической дискуссии, скорее можно утверждать, что это существенное взаимоотношение между диалектической дискуссией и её литературным отображением, которое требует, чтобы автор оставался верным определённым поэтическим правилам, чтобы произвести впечатление, будто персонажи,

насколько это возможно, вовлечены в реальную дискуссию.

Попробуем подвести предварительные итоги исследования. Рассмотренные нами термины «диалог» и «диалектика» обнаруживают сходство в своей способности к практически неисчерпаемым возможностям интерпретаций. Их понимание исследователями постоянно расширяется. Тем не менее многочисленные попытки их модернизации не отменяют того факта, что они являются частью богатейшего наследия Древней Греции и берут начало из единого истока живой разговорной речи. Что касается угла зрения, под которым они могут быть рассмотрены, тут тоже возможны разные подходы. С одной стороны, диалог может рассматриваться как средство для осуществления целей диалектики, с другой – в горизонте философии диалога диалектика может интерпретироваться как инструмент для достижения его главной цели – взаимопонимания между участниками. Видимо, возможен и такой подход, где диалог и диалектика рассматриваются как самостоятельные, равноправные понятия в рамках единой картины, представляющей коммуникативное пространство современного общества. Во всяком случае, наименее продуктивными являются попытки противопоставить диалог и диалектику, столкнувшись с Бахтиным и Лосевым, безусловно, заслуживающих лучшей участи. Лосев в своих исканиях во многом олицетворяет сегодня для нас культуру Слова Средневековья и Античности, а Бахтин – Возрождение с его тягой к самостоятельному, осознанному Поступку. Как известно, для Средневековья была характерна культура слова, а для Возрождения – важнее дела, поступки, герои. Несмотря на то что философы жили в XX столетии, они тонко чувствовали культуру прошлого, а мы сегодня как никогда ощущаем единство мировой человеческой культуры, испытывая тоску по утраченным идеалам минувшего. Без этих поводырей нам не найти выхода из лабиринта информационного пространства (как Данте без помощи Вергилия не смог бы выбраться из кругов ада), не обрести личностных смыслов и не приобщиться к общечеловеческим ценностям, о важности которых так много говорят сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 800 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. 732 с.
3. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. Т. 5. 799 с.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М. : Художественная литература, 1989. 847 с.
5. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М. : Правда, 1990. 647 с.
6. Тахо-Годи Е. Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М. : Большая российская энциклопедия. 400 с.
7. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / сост. А.А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1998. 750 с.
8. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 88.
9. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1998. 578 с.
10. Spranzi M. The Art of Dialectic Between Dialogue and Rhetoric: The Aristotelian Tradition. M. Spranzi John Benjamins Publishing Company, 2011. 240 p.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 08 февраля 2015 г.

COMMUNICATIVE APPROACH TO THE INTERPRETATION OF THE NATURE OF LANGUAGE IN LIGHT OF DIALECTIC AND DIALOGICAL TRADITIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 60-66. DOI 10.17223/15617793/393/9

Kirillov German M. Penza State University (Penza, Russian Federation). E-mail: gekir10@mail.ru

Keywords: dialogue; dialectic; rhetoric; two-voice polyphony; two-voice polysemy; polyphony; simulacrum.

In the beginning of the article the author notes that the term "dialogue" replaced the word "dialectic" as a universal notion of problem solving in modern scientific and everyday discourse. Nonetheless, the author of the article believes there is a serious threat of substitution of notions caused by the lack of an accurate definition of dialogue, criteria for defining its forms, indetermination of its argumentative structure and its blurred normative basis. The author also emphasizes the importance of correlation of the terms "dialectic" and "dialogue" and notes that among specialists there still exist different approaches to this problem. To the author's mind, the positions of M. Bakhtin and A. Losev on this issue are of most interest. Recently, many specialists regard the points of views of these philosophers as correlative rather than antagonistic. The author points out a possibility of certain convergence between their positions on the issue of invariance of communicative meaning in reference to denotative meaning which are embodied in the concepts of two-voice polyphony of M. Bakhtin and two-level polysemy of A. Losev. It is the author's opinion that in the communicative space of modern information society there is a threat of dialogue devaluation connected with getting over the dualism of the signifier and the signified realized by philosophy of postmodernism which makes the dialogue an "empty sign", a simulacrum. In this connection, the author notes the position of Bakhtin who equally rejected dogmatism and relativism, typical for formalism and later for structuralism, as excluding authentic dialogue. Further in the article, attention is given to the differences of M. Bakhtin's and A. Losev's approaches which are revealed in their attitude to the culture of the Renaissance: predominantly negative for Losev and positive for Bakhtin who tried to find mediative and innovative components in it. The author supposes that a new work by M. Spranzi *The Art of Dialectic Between Dialogue and Rhetoric: The Aristotelian Tradition* (2011) throws light on this argument between the famous philosophers. Basing on the content of Renaissance tractates (among them paradigmatic one is by Carlo Sigonio) devoted to the nature of dialogue, Spranzi comes to a conclusion that dialectic and rhetoric constituents might be regarded as inalienable components of the dialogue form. The main idea of the author is that dialogue can be regarded, on the one hand, as a means of achieving the aims of dialectic; on the other hand, from the dialogue philosophy standpoint, dialectic itself can be interpreted as an instrument of the main purpose of dialogue, namely, achieving mutual understanding of its participants. The third possible variant is when both terms could be regarded as equal for interpreting the map of the communicative space of modern information society

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 v.]. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. Vol. 6, 800 p.
2. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 v.]. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. Vol. 2, 732 p.
3. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Works: in 7 v.]. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. Vol. 5, 799 p.
4. Dostoevskiy F.M. *Brat'ya Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 847 p.
5. Losev A.F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From early works]. Moscow: Pravda Publ., 1990. 647 p.
6. Takho-Godi E. *Khudozhestvennyy mir prozy A.F. Loseva* [The art world of A.F. Losev's prose]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2007. 400 p.
7. Losev A.F. *Estetika Vozrozhdeniya. Istoricheskiy smysl estetiki Vozrozhdeniya* [The aesthetics of the Renaissance. The historical meaning of the aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl' Publ., 1998. 750 p.
8. Bocharov S.G. Ob odnom razgovore i vokrug nego [On a conversation and around it]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1993, no. 2, pp. 88.
9. Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow: Mysl' Publ., 1998. 578 p.
10. Spranzi M. *The Art of Dialectic Between Dialogue and Rhetoric: The Aristotelian Tradition*. John Benjamins Publishing Company, 2011. 240 p.

Received: 08 February 2015

О ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО «НИЧТО» (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ТРАКТАТА Ж.-П. САРТРА «БЫТИЕ И НИЧТО»)

Анализируются грамматические аспекты философского понятия «ничто» на примере перевода на русский язык трактата Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто». Проявляются лексические и метафизические нюансы данной языковой единицы, понимание которых позволяет существенно улучшить восприятие смыслов, содержащихся в ряде философских положений. Через разбор местоимений русского языка «нечто» и «ничто» в исследовании демонстрируется их контекстуальная связь с отрицательным «ничто» французского языка («néant» и «rien»), что делает возможным достичь более адекватного перевода.

Ключевые слова: местоимение; дейксис; отрицание; неопределенность; нечто; ничто; néant; rien; nothing; nothingness; перевод.

В данной статье будут рассмотрены грамматические и философские аспекты значения лексем «нечто» и «ничто» в связи с трудностями, которые возникают в случае необходимости точного их перевода с других языков. В частности, мы обратимся к нескольким сложным для понимания фрагментам философского трактата Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», позволяющим более наглядно увидеть сохраняющуюся актуальность данной проблематики. Использование данного труда в качестве иллюстративного материала оправданно также потому, что в отечественных исследованиях концепции французского мыслителя грамматической компоненте понятия «ничто» не уделено должного внимания. Вместе с тем это существенное упущение, устранение которого позволило бы не только лучше понять содержание идей Сартра, но также обратиться к философским смыслам, которые несут с собой местоимения русского языка «нечто» и «ничто».

В единственном на данный момент полном переводе трактата «Бытие и ничто», сделанном В.И. Коллядко [1], бросаются в глаза сомнительные для понимания тавтологические места, связанные с употреблением языковой формы «ничто». Когда обращаешься к первоисточнику, то подобная трудность во многом разрешается, так как французским философом используются два существительных – «néant» и «rien», которые в русском переводе уравниваются.

Вот одно из таких мест, где видна эта разница, игнорирование которой помимо всего прочего создает определенные сложности в понимании мысли Сартра:

«Ce rien envisagé n'aurait pas encore le sens du néant: une suspension de l'être qui resterait innommée, qui ne serait pas conscience de suspendre l'être, viendrait du dehors de la conscience et aurait pour effet de la couper en deux, en réintroduisant l'opacité au sein de cette lucidité absolue» [2. P. 63].

Русский переводчик предлагает следующее:

«Это рассматриваемое *ничего* еще не будет иметь смысла ничто: временное прекращение бытия, которое оставалось бы неназванным, которое не было бы сознанием приостановки бытия, пребывало бы вне сознания и имело бы следствием разрыв его на две части из-за введения непрозрачности в абсолютную прозрачность» [1. С. 65].

То же самое и в другом фрагменте:

«Ainsi la condition pour que la réalité-humaine puisse nier tout ou partie du monde, c'est qu'elle porte le néant en

elle comme le *rien* qui sépare son présent de tout son passé» [2. P. 63].

Перевод:

«Таким образом, условием для отрицания человеческой реальностью всего мира или его части и является то, чтобы она несла в себе ничто как *ничего*, что отделяет ее настоящее от всего ее прошлого» [1. С. 65].

Для сравнения, на английский язык приведенный выше фрагмент был переведен так:

«Thus the condition on which human reality can deny all or part of the world is that human reality carry nothingness within itself as the *nothing* which separates its present from all its past» [3. P. 28].

Мы видим, что с помощью суффикса -ness лучше, чем в русском переводе, оттеняется разница между двумя *ничто* (*rien* и *néant*), благодаря этому удается достичь большего приближения к тому содержанию, которое заключено во французском *néant*. И в самом деле, этимологическое рассмотрение суффикса -ness показывает, что он означает «не быть конкретным», т.е. что прибавление его к какому-то понятию обобщает, абстрагирует последнее. Этот суффикс мы обнаруживаем в различных вариантах германских языков¹, в которых он использовался именно «для выражения абстрактных понятий» [4. С. 268]. Словом *nothingness* за счет суффикса -ness производится обобщение, которое отсылает к *ничто как таковому*, оторванному от связи с существующей вообще вещью, поэтому оно представляет собой своего рода усиленное отрицание. Но и оно не является абсолютным, так как здесь производится отрицание *существования*, лежащего в основании *сущего*, т.е. данное слово предстает, по существу, в качестве двойного отрицания – не-не-то, которое при этом не становится утверждением «того», вещи, отвергнутой первым отрицанием, как это бы следовало с формально-логической точки зрения. Такое двойное отрицание выступает утверждением *иного* (существования), не являющегося существованием сущего, и отрицанием того бытия, которое относится к сущему, т.е. это такое небытие, которое не является абсолютным ничто, будучи тем, что пребывает в ином измерении, нежели бытие, поддерживающее сущее.

Однако существует затруднение, связанное с интерпретацией слова-оригинала «rien»², а не только с выбором соответствующего ему русскоязычного или англоязычного аналога. Мы вспомним лишь Шеллин-

га, согласно которому французское слово *rien* означает *чистое ничто*, и в греческом языке ему будет соответствовать *οὐκ ὄν* – «укон» (полное отрицание бытия), в то время как французское *néant*, по его мнению, означает *относительное ничто*, и оно согласуется с *μη ὄν* – «меон» [6. С. 284–285]³ (отсутствующее существование, или незаполненное существование, не данное вещным образом, поэтому-то в английском языке мы также имеем *nothing* – букв. *не-вещь*).

Стоит отметить, что относительно значений этих французских слов, и не только в рамках концепции Сартра, все обстоит прямо противоположным образом⁴, несмотря на то что для этого существуют свои основания. К примеру, применение Лейбницем слова *rien* для обозначения *абсолютного ничто* в его известном вопросе «Почему существует нечто, а не ничто» [9. Т. 1. С. 408]. Но Сартр, в отличие от Лейбница и Шеллинга, выбирает именно *néant* для обозначения почти что абсолютности отрицания, что вполне согласуется и с этимологией самого слова *néant* (отрицается вот-бытие, т.е. être). Что же касается *rien* (лат. – *rem* (аккузатив *res* ‘вещь’), т.е. отрицается бытие вещи, т.е. *res*), то оно как раз фигурирует больше в качестве относительного отрицания, применяемого к неодушевленным вещам.

Эта выявленная неоднозначность в использовании и истолковании указанных языковых форм побуждает произвести более тщательный разбор местоимений русского языка, чтобы с учетом этого анализа предложить хоть и не исчерпывающее, но все же герменевтически ориентирующее направление в поиске адекватного перевода этих лексических единиц французского языка.

XXX

Когда мы хотим раскрыть значение русских слов «нечто» и «ничто», мы обращаемся к анализу их происхождения. В этой связи на себя обращает внимание замечание С.Н. Булгакова, который полагал, что греческое *μη ὄν*, нередко приравниваемое к «ничто», следовало бы понимать, а возможно, и переводить⁵, как «нечто», что позволяло ему говорить и относительно гегелевского Божественного Ничто (Nichts) как о меональном ничто (см.: [11. С. 137–138]). Возникает вопрос, чем же можно объяснить такой неожиданный ход С. Н. Булгакова?

Для прояснения этого сначала стоит рассмотреть значения местоимения «что» – грамматическое и метафизическое.

1. В грамматическом отношении возможно допущение вопросительно-относительное местоимение «что» связать с указательным местоимением «то», или «этот», хотя обычно частицу *-то*, добавленную к самому местоимению *чь*, не наделяют лексическим значением. Так, например, если у Фасмера об этом аспекте сказано вскользь («Что... из праслав. *чь* “quid” в соединении с *то*, ср. р. от *тъ* (см. *тот*)»), то в современном источнике о нем говорится более прямо: «что» состоит из «сочетания вопросительного местоим. *чь и указательной частицы *то» [12. С. 529].

Указательное местоимение «то» («этот») обозначает определенное отношение воспринимающего к

некоему конкретному существу, что позволяет говорить об одной из различительных черт «этой группы – идентификации предмета указателем наглядности, сопровождающим акт речи, в котором содержится указатель лица; *это* есть объект, наглядно обозначаемый одновременно с протекающим актом речи, имплицитная же соотнесенность (например, лат. *hic* “этот (ближе ко мне)” в противопоставлении с *iste* “этот (ближе к тебе)” будет ассоциировать данный предмет с *я* и *ты*» [13. С. 287]. В общеславянском языке различие этих указательных местоимений передавалось через «сь» – этот, ближайший; и «ть» – тот, поблизости [14. С. 302]. Любопытно, что это праславянское *сь* все же сохраняется при своей трансформации посредством гачека в *сь*, что в древнерусском языке будет представлено как «*чь*» («quid»)». ⁶

Крайняя значимость и необходимость таких указательных местоимений, имеющих «конкретно-референтный статус» [16. С. 210], состоит в том, что ими подчеркивается понятная (четкая) индивидуальность присутствующего. Слово *то-дейксиса*, казалось бы, «не привносит ничего живого, а лишь повторяет то, что уже передает жест. Но именно это и может оказаться заблуждением. Можно было бы сказать, что указательный звуковой знак соединяет пальцевой жест с именем *Hut* (рассматривается пример *dér Hut* “эта шляпа”. – *И.К.*) и тем самым делает целое правильным образованием. Можно было бы считать, что он способен играть роль посредника потому, что, с одной стороны, по материалу принадлежит вместе с именем к звуковым знакам и, с другой стороны – по функции вместе с жестом – к указательным знакам» [17. С. 82–83].

Также следует учесть и то, что указательное местоимение «*тот*» выступает в качестве относительно-го, что присуще местоимению «*что*», а это последнее в свою очередь в определенных контекстах оказывается синтагматическим дейксисом, или анафорой («*что*» вместо «*который*»: О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек! – *М. Ломоносов*). Эта черта характерна для индоевропейских языков в целом, в которых «...вопросительное местоимение употреблялось как неопределенное. В некоторых из них, в том числе в латинском языке, это местоимение употреблялось и как относительное» [18. С. 91]. К нашему дальнейшему изложению будет иметь отношение и тот факт, что основные формы вопросительных местоимений французского языка унаследованы из латыни, где сочинительная связь может быть организована «ретроспективной направленностью относительного местоимения на антецедент. Выступая как анафора, местоимение *qui* приближается здесь к *указательному* местоимению текстовой ориентации» [Там же. С. 103] (курсив наш. – *И.К.*).

Нашей реконструкции логики связи «*чь*» с «*ть*» будет в большей мере созвучен замечательный лингвистический анализ Ф.И. Буслаева. Во-первых, он отмечает, что «*ч* – смягченное *к* или *т*... *Т* сближается с *к* через *ч*, *ц*, в которые изменяются и *т*, и *к*» [19. С. 210, 213]. Это позволяет нам предположить, что мягкость «*ч*» является своеобразным «изъятием» твердости «*т*», привнесением сомнения в «*то*», сбли-

жая его с неопределенностью «нечто» и позволяя «ть» («то») преобразоваться в вопросительную форму. Здесь фонема «т» оказывается диалектически раздвоенной, неся в себе как утвердительность собственной силы бытия, так и мягкость, зыбкость, неуверенность, способные приводить к вопросу и к необходимости удостоверения в собственной твердости: «Хотя *т* может быть произнесен с такою же силою, как и *к*, но он заключает в себе нечто твердое и не вырывается из горла, как *к*, а твердо выговаривается: и потому он более способен к спокойному, положительному, указывающему ответу. *К* спрашивает, ищет, зовет; *т* указывает, находит, отвечает. ...От умягчения звук *к* переходит в придыхательное *ч*: *к-го*, *ч-его*, *к-ой*, *ч-ей*...» [19. С. 230–231]. Еще раз отметим, что как в старофранцузском вопросительное местоимение *lequel* «могло быть... эквивалентно по своему значению указательному прилагательному» [20. С. 306], так и в русском языке местоимение «что» также может выступать в качестве указательного «в сочетании с частицей “вот” для уточнения, разъяснения высказывания, соответствуя по значению словам “именно это”, “следующее”» [21. Т. 17. – статья *что*]⁷.

Рассмотрение неопределенных местоимений в первую очередь заставляет нас обратить внимание на полемическое заострение вопроса определения существа местоимений «кто» и «что». Известны случаи, когда неопределенные местоимения «кто-нибудь», «кто-либо», «что-нибудь», «что-либо», «какой-нибудь» и «какой-либо» представляются как выполняющие «основную функцию местоимений – указательную» [22. С. 15], так как они указывают либо на неопределенное лицо, неопределенность которого обычно переключает основное внимание не на лицо, а на действие, факт, либо на «неизвестный, неопределенный субъект или объект действия» [Там же. С. 16], либо «на неопределенность признака или предмета» [Там же. С. 17]. Нам представляется, в свете сказанного выше, что подобное понимание неопределенных местоимений является допустимым, однако данные соображения сталкиваются с весьма категорическими возражениями: «Мы не можем согласиться с высказываниями И. Червенковой, что местоимения *кто-нибудь* и *кто-либо* выражают указательность. *Кто* и *что* указательными местоимениями никогда не были» [23. С. 21–22]. Даже если в целом и существуют основания для подобного заключения, мы полагаем, что такая категоричность авторитетного исследователя не вполне оправдана хотя бы потому, что местоимения «кто» и «что» являются также местоимениями относительными – например, в значении «который», сопоставимом со значением «тот»: *Блажен, кто к злым в совет не ходит* (Ломоносов). Произведенная переподстановка даст: *Блажен тот, не ходящий ко злым на совет*. Как было сказано ранее, об этом же свидетельствуют и вопросительные местоимения французского языка, унаследованные из латыни. И если мы не отрицаем, что местоимения «кто» и «что» содержат в себе указательный момент дейктической частицы «то», то в таком случае местоимение «кто-нибудь» может быть представлено следующим образом: (к)тони(будь), т.е. *то* (конкретно определенное) не быть

(не является) таковым, а это, на наш взгляд, будет соответствовать утверждению, что «в неопределенном местоимении *кто-нибудь* выражается неопределенность лица из ряда подобных, но безразличных по выбору» [Там же. С. 20].

Приняв во внимание, что «старое вопросительное местоимение, представленное славянским *кѣто*, *чѣто*, подобно индоевропейскому обыкновению, ничем не отличается от неопределенного» [24. С. 383], с одной стороны, можно сказать, что в рамках современного русского языка буква «ч» местоимения «что» (которое входит в состав неопределенного местоимения «нечто») обнаруживает своего рода излишество, поэтому неопределенность местоимения «нечто» можно выразить через отрицание указательного местоимения «то» – «не-то». Однако, с другой стороны, «ч», представляемое как смягчение утвердительности указания, тем самым ставя его под вопрос, в некотором смысле оказывается вполне уместной в «нечто», так как вносит в неопределенность, образованную через частицу «не», как бы второе отрицание, придающее «нечто» статус утверждения о некоем существовании, именно неопределенном, лишенном конкретности в указании на него.

Другой факт существования неопределенного местоимения «нечто» связан с частицей «не». Надо заметить, что в древнерусском языке «не» в составе данного местоимения являлось приставкой, имея сравнительное значение – «около», «приблизительно», т.е. не было соотносено с отрицательной частицей «не-». Однако не следует игнорировать и то, что «не-отрицание и не-сравнение целесообразно не отрывать этимологически друг от друга (как см. Фасмер III, 52–53: *не* I, *не* II)» [25. С. 93]. И у самого Фасмера сделана оговорка при этимологическом рассмотрении местоимения «некий», что «в *пѣ- видят удлинненную степень отрицания не-» [26. С. 59].

В русском языке наличие отрицательной частицы «не» в большей степени подчеркивает неизвестность для нас того сущего, о котором ведется речь, в отличие, например, от греческого «*τί*», которое, помимо неопределенности («что-нибудь», «какое-нибудь»), одновременно выступает и в качестве вопросительного местоимения («что»⁸, «которое»), т.е. как бы нашим умозрением удерживающим в поле зрения и понимания все же определенное «то», по поводу которого задается вопрос. Также «нечто» не является вопросительным местоимением, и взятое вне различных контекстов, благодаря которым степень его определенности варьируется (позволяя включать его наряду с другими местоимениями в группу слабоопределенных местоимений (см.: [16. С. 210]), будет не совсем тем, что налицо. Оно предстает отрицанием очевидной и подразумеваемой, как известной, данности сущего. Отсюда проистекает возможность посредством местоимения «нечто» производить обобщение.

Неопределенность «нечто» является указанием на вообще существование того, что есть явно и определенно: «Самый общий род, под коим стоят все существительные, есть бытие или нечто: первое происходит от глагола *быть*, второе местоимение. ...Все существительные являются ближайшим и частнейшим

определением местоимения *нечто*... Потому всякий предмет, нам неизвестный или не хорошо нами рассмотренный, мы называем *нѣчто*... Говорящий или не знает предмета, свойства, количества и спрашивает об оных: *кто, что, какой, который, сколько?* Или оставляет свое неведение без вопроса: *нѣчто, какой-то, нѣкоторый*. Или является равнодушен к предмету речи: *что-нибудь, какой-нибудь*, т.е. для него все равно, то или другое, тот или другой. Или отрицает: *ни-кто, никакой, никоторый*. Или указывает и притом на ближайшее от него: *сей*, на отдаленнейшее: *тотъ*. Или сильнее определяет указанное: *этотъ самый, я самъ*. Или связывает два предложения: *не знаю, что завтра будетъ*. ...К местоимению, как к средоточию, сходятся все части речи и пользуются его служением. ...Разговор между лицами идет вопросами и ответами: отсюда самый естественный переход от местоимений личных к вопросительным и указательным. Живое разговорное начало удержалось и в связи предложения придаточного с главным местоимениями *то – что, тот – кто, такой – какой*, из коих первые указательные, последние вопросительные. Как вопрос стоит в зависимости от ответа, так и придаточное предложение от главного» [19. С. 235–236]. Дополнительным оттенком того, что составным «что» является указательное местоимение «тот», отсылающее к конкретному существу, будет не только пространственная, но также и временная характеристика – «то» и «это» связываются с отдаленностью и близостью, как пространственной, так и временной, что еще более явственно обнаруживается в латыни, где слову *hic* присуще среди других значение «теперь», «ныне».

Таким образом, мы считаем допустимым значение «нечто» расшифровать просто как «не то», т.е. как утверждение отрицания какого-то отчетливо понимаемого единичного сущего⁹. И с этого ракурса мы косвенно получаем возможность увязывать неопределенность местоимения «нечто» с важнейшими философскими понятиями.

Если неопределенные местоимения «выделить в группу “о п р е д е л и м о неопределенных”, так как здесь наряду со значением неопределенности имеется оттенок п о т е н ц и а л ь н о й определенности, или “определимости”» [27. С. 157], то не появляется ли у нас возможность заключать, что «нечто» через значения потенциальности и определенной неопределенности может быть соотносено с платоновской хорой, аристотелевской первоматерией или даже меоном? Ведь именно хора, являясь «как бы в грезах», нам «кажется то ни тем ни другим, то и тем и другим сразу» [28. С. 138], т.е. оказывается для нас чем-то неопределимым, определенной неопределенностью, и именно *только* ее, в своей сущности вечную и неизменную, «мы вправе называть словом “это” и “нечто”» [29. С. 102], в то время как все остальные «видимые вещи, несмотря на кажущуюся “существенность”, представляют собой не что иное как качества этого субстрата» [29. С. 102], по существу, репрезентируя это единственное «нечто».

Вместе с тем, так как хора не является ни чувственным, ни умопостигаемым родом, она *отчасти*

пересекается в определениях с меоном, которое есть «субстрат всякого телесного возникновения, начало пространственности, недоступное ни ощущению, ни мышлению, ни воображению, – это, собственно, и есть ничто, противоположность бытию, “небытие” как таковое...» [Там же. С. 90]. В самом деле, здесь налицо формальное, метонимическое совпадение, хотя в плане значений между данными понятиями, конечно, существуют характерные различия, что и передает неопределенное местоимение «нечто». Однако эту формальную сторону не следует считать чем-то случайным или казусным, наподобие омонимичных совпадений, наоборот, можно сказать, что за этим все же стоит некое структурное тождество¹⁰. Именно это, как мы полагаем, позволяет ряду исследователей оправданно не соглашаться «с тем, что *хώρα* Платона и *ὕλη* Аристотеля противоположны друг другу» [Там же. С. 120], утверждая вместе с этим и то, что если «строго говоря, материя не существует», то «она – *τὸ μὴ ὂν*, ничто¹¹. Если благо – “по ту сторону бытия”, то материя – по ту стороной бытия снизу» [Там же. С. 194].

Здесь вдобавок мы обнаруживаем метонимическое подобие и совпадение в определениях формы и материи, которые зеркально отражаются друг в друге, но с соответствующим этому явлению эффектом – переворотом, оборачиванием всех значений при сохранении общих характеристик: «И пустое пространство, и заполненное пространство, и психическая деятельность – все это есть вещи и вещи, в то время как эйдос есть не вещь, но смысл, и “материя” есть не вещь, но смысл, и становящееся есть не вещь, но смысл. ...И поэтому пространство не есть какой-то абсолюту, дуалистически противостоящий другому абсолюту – эйдосу и числу, но – один из результатов алогического оформления, или становления, эйдоса... Материя и идея – абсолютно одно и то же... Материя есть неопределенность и абсолютная инаковость эйдоса» [30. С. 246–247, 391]¹².

«Ничто» и «нечто» в русском контексте связано с «что», которое может осмысляться в качестве сущности, общей сущности: «Когда мы спрашиваем *кто* или *что*, мы не называем никакого предмета (да и не знаем его, иначе не спрашивали бы), а только показываем своим вопросом, что то, о чем мы спрашиваем, нам представляется как п р е д м е т , а не как качество или действие. Значит, в этих словах выступают не сами предметы, а как бы одна чистая предметность, чистая “существительность”, это идеальные существительные» [27. С. 73]. Однако важно иметь в виду, что хотя «обычно “чтойность” относится к общим понятиям... иногда Аристотель отождествляет ее с “наличным что”. Поздней схоластике пришлось изобрести для конкретно-единичного термин “этость” (“*haecceitas*”)» [33. С. 262]. Такого рода словоупотребление по поводу первой аристотелевской сущности (чтойность вещи как то, на что можно указать) опять-таки согласуется с нашей позицией о местоимении «что» как имеющем помимо прочего указательное значение.

Поэтому когда говорится о вещи как о *нечто*, приращение к «*что*» частицы «*не*», с одной стороны, это позволяет выразить то, что вещь сама по себе не является простой трансляцией общей сущности, выражае-

мой категориями, что она неспособна быть представлена в отрыве от первой аристотелевской сущности, конкретной единичности (этовости); с другой стороны, одновременно позволяет подчеркнуть утрату вещи ее определенности, конкретности, т.е. все же указать на некую ее абстрактность («вообще что-то», но все же именно *что-то*, т.е. конкретно-единичное, хотя и неопределенно схваченное). В отношении такого отрицания есть все основания сказать, что оно «выходит из начала положительного и его предполагает» [19. С. 228].

Когда же говорится о «*ничто*», то через усиление отрицания «что» с помощью частицы «ни» указывается на то, что нет даже носителя сущности, а именно – вещи, т.е. сущность вообще ничем и никем не представлена, она не явлена. Таким образом, *ничто* – это указание на «не-вещь». Поэтому и в анализе пропозиционального содержания Дж. Лайонза мы находим подобную характеристику: «Наиболее существенное различие между отрицательными предложениями (“Никто не звонил по телефону” и “Джон не звонил по телефону”. – И.К.)... заключается в том, что последнее (когда оно используется для того, чтобы сделать утверждение) связано с конкретным видом **пресуппозиции существования**. Иными словами, оно передает пресуппозицию говорящего, что существует некоторая сущность, которая может быть правильно обозначена выражением ‘John’. В то же время употребления слов ‘nobody’ ‘никто’, ‘nothing’ ‘ничто’ и т.д. не связаны с пресуппозициями существования» [34. С. 188].

Следует заметить, что различные описания существа парменидовской мысли о едином бытии¹³ вполне могут быть соотнесены со словарными характеристиками местоимения «ничто»: лишенное всякого значения, безразличное, несущественное, бессодержательное, пустое (см. [21. Т. 7] – статья *ничто*, *ничтожество*), не заслуживающее внимания (см. [36. Т. 1] – статья *ничтожный*). Любопытно, что такого же отношения со стороны непритязательного, философски равнодушного обывателя удостоивается классическая категория «бытия», она оказывается вне поля нашего повседневного внимания. Для человека повседневности такой категории, как и категории «ничто», вовсе нет или для него она не имеет равным счетом никакого значения в качестве предмета его интеллектуальной и душевной заботы. При таком подходе оправданно сказать, что *бытие* – это не «что» (в смысле не нечто единично сущее) и не «что» (в смысле не что-то общее, сущностное), оно ни то ни другое, т.е. оно *ничто*.

Итак, исходя из проведенного анализа, можно вернуться к трактату Сартра и к пониманию тех сложностей, с которыми пришлось столкнуться переводчику, когда словесный арсенал конкретного языка оказался ограниченнее другого. Для Сартра слова «néant» и «rien» не являются ни синонимами, ни выразителями одного и того же смысла, скрытого за ними. Поэтому

в случае с переводом слова *rien* более точным ему русским эквивалентом было бы местоимение «нечто»¹⁴ в том смысле, о котором уже было сказано выше. Это будет расходиться с привычно принятыми правилами перевода, которые построены на прямолинейной отсылке к значению французского «ничто», но это не будет наносить ущерба имеющимся в тексте смысловым и этимологическим оттенкам.

В современном русском языке местоимение «нечто», возведенное к «не-то», так же как *rien* и *nothing*, может быть представлено как «не-сущее», т.е. не какое-то существующее в наличном бытии известное нам конкретное индивидуальное сущее, а неопределенное сущее, неизвестное нам «что», и в этом смысле несуществующее, но вместе с тем все же существующее. Рассмотрение неопределенного местоимения «нечто» показывает особенность как бы поэтапного процесса отрицания сущего и его существования. Сначала через букву «ч», вводящую аспект сомнения, производится как бы первое отрицание – отрицается конкретное, указанное данное сущее: ч-то = не-то, т.е. то, чего здесь нет, но оно *вообще* все же есть. Поэтому для подтверждения этого существования применяется второе уже явное «не», второе отрицание, которое как бы утверждает это «то» как существующее *вообще*, благодаря чему, через двойное отрицание, мы получаем утверждение неопределенного существования – «нечто». Когда же мы используем усиленную отрицательную частицу «ни», то в этом случае происходит отрицание самого существования как типа существования сущего. Однако и такое отрицание не означает абсолютного отрицания бытия. Это отрицание того бытия, которое присуще сущему, поэтому оно – небытие сущего, ничто.

Безусловно, здесь нам можно сделать упрек в допущенной вольности, ибо лежащие на поверхности значения неопределенного местоимения «нечто» и отрицательного существительного «не-сущее» существенно различаются между собой: в первом случае явно говорится о чем-то существующем, а во втором – о лишенности определенного существования. Однако мы руководствовались задачей понять и объяснить то, что не может отразить в полной мере перевод, а именно то, что Сартр не случайно использует разные местоимения «ничто» («néant» и «rien»), позволяющие ему раскрывать существо вопроса о *ничто*. Решимости на такую вольность нам придают соображения Витторе Пизани, согласно которому оправданно стремиться сохранить живое говорение самого слова, исходя из его звучания, сопровождаемое одновременно доходчивым пониманием (значения, наглядности), что свойственно народной этимологии, в которой слово «из слова номинативного типа, этикетки, не вызывающей никаких представлений... становится словом описательным, которым не просто обозначается определенный цветок, но цветок, который “украшает посиделки”» [37. С. 129].

Именно в таком методологическом подходе заключено основание для предложенной нами реконструкции вопросительно-относительного местоимения «что», а на его основе – местоимений «нечто» и «ничто».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Suffix of action, quality or state, attached to an adjective or past participle to form a noun, from O.E. -nes(s), a general West Germanic suffix, cf. M.Du. -nisse, O.H.G. -nissa, Ger. -nis, Goth. -inassus» – <http://www.etymonline.com> (28.01.2012).
- ² Емкое и содержательное освящение этих трудностей дано в [5].
- ³ Относительно греческих терминов похожей позиции придерживался А.Ф. Лосев: «Весьма интересен платоновский термин *to mē on*, который он отличает от термина *to ouc on*. Это последнее “уко́н” есть просто отсутствие чего-нибудь в абсолютном смысле слова; “мэон” же не есть просто отсутствие, но отсутствие с возможностью присутствия» [7. С. 573].
- ⁴ См. статьи *Rien* и *Neant* в: [8. Р. 368, 469].
- ⁵ «Сбой русского языка: вместо не-что ни-что, – особенно озадачивал С. Булгакова» [10. С. 77].
- ⁶ К этому же можно отнести и другой взгляд на происхождение «этих местоимений: *кь-(ко-)* восходит к основному *к^о-*, а *ць-(че-)* – к основному *к^е-*, *к^и-*: слав. *къто* – др.-инд. *kāh* (“кто?”), женск. р. др.-инд. *kā*, лит. *kàs*, женск. р. лит. *kā*, лат. *quae* (из *qua-i*); слав. *ѣто* (только средн. рода) – лат. *quis, quid*, хет. *kuiš, kuit*.
В славянских группах доисторического времени произошло иное распределение этих основ сравнительно с судьбой их в других индоевропейских языках. У славян местоимения с основой *ко-* (*къто, кого...*) стали относиться к лицам, а с основой *че-* (*ѣто, чесо...*) – к вещам. Для именительного падежа местоимения в виде *кь, ѣ* были недостаточно полными: они получили распространение посредством местоименного элемента *-то*: *къто, ѣто*. Но *ѣ* сохранилось в сочетании с *же* и с отрицанием *ни*: *ниѣже, ст.-сл. ничьже*. По славянским группам удержалось *ѣ* и с отрицанием *ни*, без частицы *же*: *ниѣ*. Старочешский и словинский языки указывают на такое местоимение. Без распространения посредством *-то* это местоимение могло быть в сочетании с предлогами: *па-ѣ, за-ѣ* и др. Ср. в чешском, польском *za-č, pro-č, v-ni-ve-č* – в ничто, в слове *па-ѣ, ni-vo-č*» [15. Ч. 2. С. 121].
- ⁷ Интересна еще одна любопытная особенность – синонимичность местоимения «нечто» местоимению «что-то». Этот факт можно проинтерпретировать как вариант привнесения аспекта сомнительности в местоимение «то» посредством соединения «что» с частицей «то», относящейся к указательному местоимению, в результате чего уже явно, более отчетливо и дифференцированно «то» ставится как бы под вопрос и тем самым становится неопределенным. Этот же аспект сомнительности (так же, как при соединении «чь» с «ть») проявляется и в самом местоимении «что» в риторических вопросах и восклицаниях, когда оно соответствует отрицательным местоимениям «ничто» и «ничего».
- ⁸ Отметим здесь, что М. Фасмер указывает на родственность праславянского **čь* греческому *tí*.
- ⁹ «Отличительное свойство неопределенных местоимений состоит в том, что они означают неизвестное бытие как особое существо...» [23. С. 14].
- ¹⁰ «...Пространство античного космоса, будучи само по себе неоднородным, имеет вполне определенную структуру, зависящую от эйдоса, выражением которого является космос» [30. С. 248].
- ¹¹ На наш взгляд, было бы более точно сказать *не-сущее*, как это делает А.Ф. Лосев: «...если она (материя. – И.К.) не есть что-нибудь из того, что в ней возникает, а это все есть сущее, то она должна быть *не-сущим* (*μὴ ὄν*)» [30. С. 314]. Причем «не-сущее (*μὴ ὄν*) есть нечто сущее и тождественное с лишенностью...» [31. С. 371].
- ¹² На наш взгляд, отчасти противоположное утверждение, которое мы, например, находим у Дж. Батлер, будет, тем не менее, означать ровно-версальность применяемости никогда и никоим образом не должна походить на те вечные сущности (*eidōs*), которые в “Тимее” служат прототипом универсальных форм и которые входят в восприимчивую. Здесь мы имеем запрет на сходство (*mimēta*), а это значит, что нельзя говорить о том, что эта природа подобна вечным Формам или же их материальным, чувственным или воображаемым копиям» [32. Р. 40].
- ¹³ «Единое сущее бытие – *ἓν τὸ ὄν* – безразлично ко всяческим различиям всех существующих – *πάντα τὰ ὄντα*. ...Без-различное (одинаковое для всего) бытие не есть ничто (не “что”) из различного сущего (из существующих “что”); бытие не есть ни *сумма* существ, ни *обобщенное* существо (ни общий “род”, ни пустое “обобщение”), ни *высшее* существо. ...Бытие в общем и целом где-то там за горизонтом...» [35. С. 619–620].
- ¹⁴ Например, на вопрос «Что-то не так?» мы можем ответить: «Все так». Во французском языке это «все так» и может передаваться с помощью *rien* (также можно это передать наподобие «ничего, все нормально»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
2. *Sartre, Jean-Paul.* L'être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943.
3. *Sartre, Jean-Paul.* Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology. London, Taylor & Francis, 1969.
4. *Жирмунский В.М.* История немецкого языка. М., 1948.
5. *Нехорошикова Т.П.* Иерархический принцип организации лексики и роль диахронических методов в ее исследовании // Межкультурная – интракультурная коммуникация: теория и практика обучения : материалы Междунар. науч.-метод. конф. Уфа, 2013.
6. *Schellings F.W.J.* Darstellung des philosophischen Empirismus // Schellings F.W.J. Gämmtliche Werke. 1833–1850. Abtheilung, X. Stuttgart und Augsburg. 1861. Bd. 1.
7. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1994.
8. *Dictionnaire étymologique de la langue française:* par Auguste Brachet. Paris, 1870.
9. *Лейбниц Г.-В.* Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г.-В. Соч. : в 4 т. М., 1982.
10. *Кувакин В.А.* Личная метафизика надежды и удивления. М., 1993.
11. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
12. *Этимологический словарь современного русского языка* / сост. А.К. Шапашников : в 2 т. М., 2010. Т. 2.
13. *Бенвенист Э.* Природа местоимений // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
14. *Будагов Р.А.* Введение в науку о языке. М., 1965.
15. *Селищев А.М.* Старославянский язык. М., 1952.
16. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
17. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2001.
18. *Сабанеева М.К., Щерба Г.М.* Историческая грамматика французского языка. Л., 1990.
19. *Буслаев Ф.И.* Преподавание отечественного языка. М., 1992.
20. *История французского языка* / под ред. Н.А. Катагощиной и др. М., 1963.
21. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. / под ред. Ф.П. Филина и др. М. ; Л., 1948–1965.
22. *Червенкова И.* Неопределенные местоимения на *-нибудь* и *-либо* // Русский язык в школе. 1961. № 2.
23. *Галкина-Федорук Е.М.* Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями. М., 1963.
24. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 2001.
25. *Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд. Вып. 24 / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1997.
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. СПб., 1996. Т. 3.

27. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
28. Деррида Ж. Хора // Деррида Ж. Эссе об имени. СПб., 1998.
29. Бордай Т.Ю. Рождение философского понятия. Бог и материя в диалогах Платона. М., 2008.
30. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993.
31. Плотин. Сочинения. Плотин в русских переводах. СПб., 1995. (О материи (II 4, 16). Пер. А.Ф. Лосева).
32. Judith P. Butler. Bodies that matter, on the discursive limits of «sex». Routledge, New York & London, 1993.
33. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004.
34. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М., 2003.
35. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб., 2007.
36. Словарь Церковно-славянского и русского языка. Санкт-Петербург, 1847.
37. Лизани В. Этимология. История – Проблемы – Метод. М., 1956.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 09 февраля 2015 г.

ON THE PROBLEM OF UNDERSTANDING NEGATIVE "NOTHINGNESS" IN THE TRANSLATION OF J.-P. SARTRE'S TREATISE *BEING AND NOTHINGNESS*

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 67-74. DOI 10.17223/15617793/393/10

Kuzin Ivan V. St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: iaffet@newmail.ru

Keywords: pronoun; deixis; negation; uncertainty; something; nothingness; nothing; néant; rien; translation.

This paper analyzes the grammatical aspects of the philosophical concept "nothingness" on the example of the Russian translation of J.-P. Sartre's *Being and Nothingness*. Lexical and metaphysical nuances of this language unit are clarified. This allows to significantly improve perception of the meanings in a number of philosophical provisions. By comparative consideration of Russian pronouns "something" and "nothingness", a possibility of their contextual connection with negative French "nothingness" ("rien" and "néant") is shown. The found ambiguity of senses allows to correct the appearing difficulties of the translation. In particular, in research it is noted that the available Russian translation of the French lexeme "nothingness" is not always accurate, i.e. it is incorrect to translate two French words "néant" and "rien" by the lexeme "nothingness". The same is true in case of English and German translations. In the context of Russian grammar and etymology an interrogative-relative pronoun "what" can be connected with the deixis "this", which allows to decipher the lexeme "something" simply as "not this", i.e. as the affirmation of a negation of any distinctly understood single existing. Such an understanding allows to establish connection of the Russian lexeme "something" with classical philosophical concepts, such, for example, as a primary substratum or meon. As a result, when a thing is spoken about as "something", addition of particle "not" to "what", on the one hand, allows to express that the thing in itself is not a simple translation of the general essence expressed by categories, that it cannot be presented separately from Aristotle's primary substance, a concrete singularity; on the other hand, it simultaneously allows to emphasize the loss by a thing of its definiteness, concreteness, i.e. nevertheless to point to its certain abstractness ("in general something", but nevertheless "something", i.e. concrete and single, though indefinite). When speaking about "nothingness", stronger negation of "what" by means of the particle "no" specifies that there is even no bearer of essence, namely, a thing, i.e. essence is not generally represented by anything and anybody, it is not shown. Thus, nothingness is indication of a "non-thing". As a result of the linguistic specifications, it becomes clear that, according to the established semantic nuances which comprise the French lexemes of "néant" and "rien", these words should not be translated into Russian by means of one lexeme "nothingness". A more exact translation of the word "rien" into Russian is by the pronoun "something" understood as "not-existing". The analysis of the indefinite pronoun "something" shows the stage-by-stage process of negation of a thing and its existence. Thus, when translation from French into Russian it becomes more clear that Sartre used two different pronouns of "nothingness" ("néant" and "rien") on purpose.

REFERENCES

1. Sartre J.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: Experience of phenomenological ontology]. Moscow: Respublika Publ., 2000. 639 p.
2. Sartre J.-P. *L'être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris: Gallimard, 1943.
3. Sartre J.-P. *Being and nothingness: an essay on phenomenological ontology*. London, Taylor & Francis, 1969.
4. Zhirmunskiy V.M. *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of the German language]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1948. 300 p.
5. Nekhoroshkova T.P. Ierarkhicheskiy printsip organizatsii leksiki i rol' diakhronicheskikh metodov v ee issledovanii [Hierarchical principle of vocabulary organization and the role of diachronic methods in its study]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika obucheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Intercultural – intracultural communication: theory and practice of learning: proceedings of the International Scientific Conference]. Ufa, 2013. (In Russian).
6. Schelling F.W.J. *Darstellung des philosophischen Empirismus*. In: Schellings F.W.J. *Gämmtliche Werke. 1833–1850*. Abtheilung, X. Stuttgart und Augsburg, 1861. Bd. 1.
7. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato]. Moscow: Ladomir Publ., 1994. 715 p.
8. Auguste Brachet. *Dictionnaire étymologique de la langue française*. Paris, 1870.
9. Leibniz G. W. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1982. Vol. 1, pp. 404–413.
10. Kuvakin V.A. *Lichnaya metafizika nadezhdy i udivleniya* [Personal metaphysics of hope and wonder]. Moscow: Koffi Publ., 1993. 224 p.
11. Bulgakov S.N. *Svet nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Unfading light: contemplation and meditation]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 414 p.
12. Shaposhnikov A.K. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [The etymological dictionary of modern Russian: in 2 v.]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2010. Vol. 2, 576 p.

13. Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Translated from French by Yu.N. Karaulov. Moscow: Progress Publ., 1974, pp. 285–292.
14. Budagov R.A. *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1965. 492 p.
15. Selishchev A.M. *Staroslavjanskij yazyk* [Old Slavonic language]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1952. Pt. 2, 205 p.
16. Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy)* [Statement and its relation to reality (referential aspects of semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 271 p.
17. Bühler K. *Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funktsiya yazyka* [*Theory of Language: The Representational Function of Language*]. Translated from German. Moscow: Progress Publ., 2001. 528 p.
18. Sabaneeva M.K., Shcherba G.M. *Istoricheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Historical grammar of the French language]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1990. 270 p.
19. Buslaev F.I. *Prepodavanie otechestvennogo yazyka* [Teaching the national language]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1992. 512 p.
20. Katagoshchina N.A. et al. (eds.) *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1963. 447 p.
21. Filin F.P. et al. (eds.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: in 17 v.]. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1948–1965.
22. Chervenkova I. Neopredelennye mestoimeniya na -nibud' i -libo [Indefinite pronouns ending with -nibud' and -libo]. *Russkiy yazyk v shkole*, 1961, no. 2.
23. Galkina-Fedoruk E.M. *Vyrashenie neopredelennosti v russkom yazyke neopredelennymi mestoimeniyami i narechiyami* [Expression of uncertainty in Russian using indefinite pronouns and adverbs]. Moscow: Moscow State University Publ., 1963. 45 p.
24. Meillet A. *Obshcheslavjanskij yazyk* [Common Slavic language]. Moscow: Progress Publ., 2001. 500 p.
25. Trubachev O.N. (ed.) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskij leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of the Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. Moscow, 1997. Is. 24.
26. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian language: in 4 v.]. St. Petersburg: Azbuka-Terra Publ., 1996. Vol. 3, 828 p.
27. Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific terms]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001. 544 p.
28. Derrida J. *Esse ob imeni* [Essays on the name]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998, pp. 135–185.
29. Boroday T.Yu. *Rozhdenie filosofskogo ponyatiya. Bog i materiya v dialogakh Platona* [Birth of philosophical concepts. God and matter in the dialogues of Plato]. Moscow: Izdatel' Savin S.A. Publ., 2008. 288 p.
30. Losev A.F. *Bytie – imya – kosmos* [Genesis – name – cosmos]. Moscow: Mysl' Publ., 1993.
31. Plotinus. *Sochineniya. Plotin v russkikh perevodakh* [Works. Plotinus in Russian translations]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1995.
32. Judith P. Butler. *Bodies that matter; on the discursive limits of "sex"*. Routledge, New York & London, 1993.
33. Averintsev S.S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2004. 176 p.
34. Lyons J. *Lingvisticheskaya semantika: Vvedenie* [Linguistic Semantics: An Introduction]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 400 p.
35. Akhutin A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Ancient origin of philosophy]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 784 p.
36. *Slovar' Tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language]. In 4 v. St. Petersburg, 1847.
37. Pisani V. *Etimologiya. Istoriya – Problemy – Metod* [Etymology. History – Problems – Method]. Moscow: Inostrannaya literatura Publ., 1956. 186 p.

Received: 09 February 2015

КОНЦЕПЦИЯ «ГОСУДАРСТВО КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА» Я. БУРКХАРДТА И АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМЫ КОНСЕРВАТИВНОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

Анализируются проблемы актуализации феномена государства в трактовке консервативной идеологии. Предпринимается попытка реанимировать концепт национального государства с помощью теорий Ф. Джемисона «постмодерн как культурная логика позднего капитализма» и Я. Буркхардта «государство как произведение искусства». Данные теории позволяют дополнить концепцию консервативного государства эстетической составляющей, тем самым усилив ее теоретическое ядро и актуализировав для современного общества.

Ключевые слова: консервативная идеология; национальное государство; общество постмодерна; «политическое бессознательное»; «государство как произведение искусства».

В литературе принято называть современное общество обществом постмодерна. Проблема заключается лишь в том, что в той же литературе до сих пор нет единого мнения по поводу того, что конкретно понимается под этим термином. В самом широком смысле под термином «постмодерн» подразумевается современный этап общественного развития, наступивший с переходом от индустриального общества к постиндустриальному, или, если еще шире, это то время, которое пришло на смену эпохе модерна.

В обществе постмодерна, на первый взгляд, нет места государству в его классическом понимании. В области политического все чаще преобладают национальные группы, транснациональные корпорации, время империй прошло, государство как доминирующий субъект политики утрачивает свою силу, происходит размывание таких важных политических концептов, как «национальный интерес», «суверенитет». Государство как феномен политического перестает быть самодостаточным еще с 60-х гг. XX в., когда возникает практика видения сущности государства с позиций конкретной политической идеологии. Будь то социализм с его стремлением построить коммунистическое государство, либерализм с идеями государства всеобщего благосостояния или консерватизм с пониманием государства как национального и суверенного. Следует отметить, что на сегодняшний день попытки построить коммунистическое государство стали достоянием истории. Последний мировой экономический кризис показал, что либерализму приходится частично пересматривать свои позиции по поводу государства. Консервативный же вариант интерпретации государства периодически получает признание – как со стороны электората, так и со стороны других субъектов политики. Такое положение дел обуславливает возможность существования гипотезы о том, что феномен государства в его интерпретации консервативной идеологией имеет шанс на социальное возрождение и философское осмысление в современном пространстве политического.

Определим, как консервативная идеология интерпретирует государство. Государство в понимании консервативной идеологии – это то, без чего невозможно осуществить ни порядок, ни справедливость, ни внешнюю безопасность, ни внутреннюю солидар-

ность. Государство включает в себя высшую законность и является защитником свободомыслия. Оно важнейший инструмент политики и не пренебрегает ничем, что укрепляет стабильность общества. По мнению консервативного теоретика М. Дебре, «государство должно уметь отдавать приказы и во имя родины может даже потребовать человеческих жертв; государство находит свое высшее оправдание в том, что оно выполняет роль часового, хранителя, наблюдателя, но также и решительного защитника интересов отдельного индивида» [1. С. 40].

Отношение консерватизма к государству как к «институту политической системы общества, организующей, направляющей и контролирующей совместную деятельность и отношения людей, общественных групп, классов и ассоциаций» [2. С. 65] и связанным с ним институтам и ценностям носит амбивалентный характер. С одной стороны, в глазах консерватизма государство – это источник и защитник закона и морали как от внешних, так и от внутренних посягательств. Без сильного государства общество может оказаться во власти анархии. С другой стороны, оно не должно выходить за рамки «ночного сторожа» и препятствовать обществу самому регулировать свои внутренние отношения с помощью традиций и обычаев. Его прерогатива – следить за выполнением взаимных обязательств, находясь в границах «между деспотизмом морали и деспотизмом толпы» [3. С. 55]. Для того чтобы в условиях общества постмодерна актуализировать концепт государства в интерпретации консерватизма, мы перенесем его из области политического в область искусства и культуры.

В современной литературе существуют совершенно разноплановые интерпретации эпохи постмодерна. Для нашего исследования интерес представляет позиция Ф. Джеймисона. В начале своей статьи «Постмодернизм и общество потребления» философ говорит о том, что постмодернизм – не только термин, существующий для определения некоторого стиля в искусстве, но также «периодизирующий концепт, чья функция – сопоставлять появление в нашей культуре новых формальных особенностей с появлением нового типа социальной жизни и нового экономического порядка, того, что часто называют по-разному: модернизацией, постиндустриальным, или потребитель-

ским, обществом, обществом масс-медий или спектакля, транснациональным капитализмом» [4].

Нужно сказать, что практически все авторы постмодернисты в своих трудах актуализируют проблему искусства и культуры. Именно культура становится отправной точкой для размышлений о сегодняшнем дне, и Ф. Джеймисон здесь не исключение. Ф. Джеймисон, в первую очередь, занимается анализом культуры, а уже потом на его основании выводит концепцию, описывающую современное общество. В своих трудах он выделяет три стадии развития капиталистического общества и говорит, что в эстетическом плане с ними соотносятся три стиля: национальный капитализм – реализм, монополистический капитализм – модернизм, и многонациональный капитализм – постмодернизм. Философ трактует постмодернизм как «культурную логику позднего капитализма», связывая его прежде всего с появлением общества потребления. Такое восприятие постмодерна дает возможность автору отказаться от семантических тонкостей и перейти непосредственно к анализу основных черт данного явления. В своих теоретических изысканиях Ф. Джеймисон описывает ряд существенных, с его точки зрения, характеристик постмодернизма, среди которых интерес для данного исследования будут представлять следующие: «политическое бессознательное» как неотъемлемая часть сознания человека, через которую происходит интерпретация всей окружающей действительности, и «пастиш» как «ношение стилистической маски» [Там же] и отсутствие возможности создания чего-то совершенно нового.

Если понимать постмодернизм как культурную логику современности, а государство – как один из элементов культуры (в данном случае культура понимается в самом широком смысле, как продукт созидательной деятельности человека), то это дает возможность обосновать актуальность существования концепта национального государства (консервативного) в современном обществе (постмодерна). Особенно если мы говорим не о культуре в целом, а о постмодернизме как культурной логике, желающей объединить социокультурные и социально-экономические, политические сферы жизни общества.

Фредерик Джеймисон заявляет о характерной черте постмодерна – «смерти субъекта», конце индивидуализма и всего индивидуального. С точки зрения философа, сегодня старый буржуазный субъект прекратил свое существование. Эпоха господства приватной идентичности с ее уникальным видением мира подошла к концу. «Да, когда-то, в классическую эпоху предпринимательского (competitive) капитализма, в момент расцвета нуклеарной семьи и появления буржуазии как господствующего класса, была такая вещь, как индивидуализм, как индивидуальный субъект. Но сегодня, в эпоху корпоративного капитализма, в эпоху организаций, бюрократий в бизнесе и государственной сфере, демографического взрыва – сегодня старый буржуазный субъект больше не существует» [Там же]. А так как именно индивидуализм – краеугольный камень либеральной идеологии, то для нее наступают непростые времена. Напротив, если мы

говорим о консервативном государстве, то там изначально наделенный индивидуальностью субъект находится в зависимом положении от общества и государства. Здесь первична общность, а индивидуальность – вторична. Получается, что тренды постмодерна находятся в одном смысловом поле с базовыми компонентами консервативной идеологии.

С другой стороны, если субъект умер, все становится пародией и обретает безликие образы. И здесь вступает в силу такое явление, описанное в джеймисоновской концепции как пастиш. Это неотъемлемая часть культуры постмодерна, заключающаяся в попытке своеобразного пародирования модерна, поскольку уже нет возможности высмеивать индивидуальные стили, поскольку нет того, от чьего имени они будут высмеиваться. Именно в таком положении консервативное государство становится источником идентичности массы, ориентиром, дающим субъекту психологическую устойчивость в обезличенной действительности, в мире пастиша. Если мы говорим о государстве как об элементе культуры, то следующее утверждение автора более чем оправдано: «Отсюда вновь – пастиш: все, что нам осталось в мире, где стилистические инновации более невозможны, – так это имитировать мертвые стили, говорить через маску голосом этих стилей из воображаемого музея» [Там же]. Конечно, национальное государство – это изобретение общества модерна, но если придерживаться концепции Ф. Джеймисона, то ничего не исчезает бесследно, все становится пастишем, и государство как элемент культуры – не исключение. Такая позиция философа позволяет нам получить очередной аргумент в пользу актуальности консервативного государства в эпоху постмодерна.

Еще один аргумент в пользу того, что концепт национального государства рано отправлять в архивы истории, – это концепция Ф. Джеймисона о «политическом бессознательном», представленная им в одноименной работе «Политическое бессознательное: Нарратив как социально символический акт». При определении «политического бессознательного» философ исходит из двух основных посылок. Первое: сознание каждого индивида идеологически обусловлено. Второе: индивид не знает о своей идеологической обусловленности. С точки зрения Ф. Джеймисона, «политическое бессознательное» существует в культуре и является ее неотъемлемой частью [5]. С нашей точки зрения, поскольку государство может быть рассмотрено в качестве элемента культуры, то и оно воспринимается через «политическое бессознательное». Идея «политического бессознательного» может являться основанием для переноса концепта государства из области политического в область культуры. Более того, такое в философской традиции уже случалось, о чем свидетельствует работа немецкого философа и культуролога Я. Буркхардта «Культура Возрождения в Италии». А поскольку, как было сказано выше, постмодернизм занимается проблемой пастиша модерна, то для подтверждения нашей идеи об актуальности консервативного государства в обществе постмодерна обратимся к концепции «государства как произведения искусства» Я. Буркхардта.

Идею Я. Буркхардта о том, что государство может быть сравнено с произведением искусства, более полутора веков, но до сих пор актуальность такой метафоры бесспорна. В самом широком смысле искусство можно понимать как одну из форм человеческой деятельности по освоению окружающего мира. М.Ю. Лотман пишет о том, что «искусство – это форма мышления, без которого человеческого сознания не существует» [6. С. 265]. Когда мы говорим, что произведение искусства – это не просто тварное явление или вещь, то мы утверждаем, что это задуманное спланированное действие по созданию чего-либо, и государство – не исключение, ведь весь процесс управления имеет конечную заранее спланированную цель. В работе «Культура Возрождения в Италии» Буркхардт говорит, что только то государство является произведением искусства, которое воплощает свои властные амбиции, заботится о гражданах и является обладателем, как мы бы сейчас сказали, «реального суверенитета». То есть обладает не номинальным правом осуществлять власть и не давать возможности напрямую управлять собой извне, а реальными полномочиями по охране порядка, защите границ и законотворческой деятельности.

Искусство как форма мышления, испытывавшая гонения в период Средневековья, получает реабилитацию в эпоху Возрождения. И связано это не только с появлением светского искусства, но и с осмыслением в категориях творчества всех сфер общественной жизни, в том числе и политики. Буркхардт пишет, что «в государствах того времени впервые появляется дух современного европейского государства, поглощенного собственными интересами, демонстрирующего свой ужасный и ничем не ограниченный эгоизм, ставящего себя выше права и подавляющего в зародыше любое здоровое начинание; но там, где эта тенденция преодолевается или как-то уравнивается, на исторической сцене появляется нечто новое: государство как рассчитанное и продуманное творение, государство как произведение искусства» [7. С. 64]. Именно правители того времени начали первыми реализовывать себя в роли художников, в роли творцов власти, осмысленных управленцев.

Государство своей внутренней стройностью, логической непротиворечивостью, обязательным замыслом, т.е. осознанным, зависящим от рефлексии, покоящейся на зримых основаниях, творением должно было приближать правителя к положению художника, окрыленного музыкой, создающего гениальный шедевр. Человек эпохи Возрождения начинает понимать, что свобода творчества принадлежит не только Богу, но и ему самому, что именно он может раздвигать границы мироздания, изменять мир вокруг себя и в том числе государство.

В современных государствах свобода творчества человека выливается в свободу его волеизъявления. С таких позиций государство может предстать не только как акт «общественного договора», устраняющий «войну всех против всех», но и как акт коллективного творчества, результатом которого становится произведение искусства. Сегодня гражданские права и свободы можно сравнить с палитрой красок художника или с инструментами в мастерской скульптора, именно с их помощью каждый житель страны может внести свой творческий вклад в создание произведения искусства [8].

Искусство отличается от всех прочих форм познания мира еще и тем, что рассматривает вещь безотрывно от ее развития, в движении, динамике. В нем предметы утверждаются в своей уникальности и полноте бытия. Так и каждое государство несет отпечаток неповторимости, особенности, который обусловлен не только историческими предпосылками, но и индивидуальностью его граждан. Культура неотделима от искусства, а если воспринимать государство как произведение искусства, то и культуре в нем должна отводиться особая роль. Культурная составляющая должна быть краеугольным камнем, сплачивающим вокруг себя социум. Именно она является источником национальной идентичности, обеспечивающим своеобразие, неповторимость государства.

Теория Я. Буркхардта позволяет дополнить концепцию консервативного государства (помимо ранее входящих идеологической, политической, экономической составляющих) эстетической составляющей, тем самым усилив ее теоретическое ядро и актуализировав один из краеугольных камней консервативной идеологии для современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев К.С. Консерватизм: современные интерпретации: научно-аналитический обзор. М. : ИНИОН, 1999. 51 с.
2. Политология : энциклопедический словарь. М., 1993. 431 с.
3. Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод // Полис. 1998. № 5. С. 48–58.
4. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 10. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm (дата обращения: 4.05.2014).
5. Назарова О.Ю. Анализ современного состояния культуры в философии Ф. Джеймисона // Компаративистский анализ общечеловеческого и национального в философии : материалы конф. СПб., 2006. С. 78–83.
6. Лотман М.Ю. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Академ. проспект, 2002. 544 с.
7. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М. : Юрист, 1996. 591 с.
8. Совместное заседание Московско-Петербургского философского клуба и Флорентийского общества по теме «Государство как произведение искусства» // Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Ин-т философии РАН; Московско-Петербургский философский клуб ; отв. ред. А.А. Гусейнов. М. : Летний сад, 2011. 288 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 2 февраля 2015 г.

J. BURCKHARDT'S CONCEPT OF "STATE AS A WORK OF ART" AND MAINSTREAMING CONSERVATIVE STATE IN POSTMODERN SOCIETY

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 75-78. DOI 10.17223/15617793/393/11

Matveeva Anastasiya A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: matveeva.a@yandex.ru

Keywords: conservative ideology; nation state; postmodern society; "political unconscious"; "state as work of art".

Modern society is called a society of postmodern. There is no detailed definition, what a society of postmodern is. Generally, it means a modern stage of evolution of society, that is a period of time, which came after the period of modern. The society of postmodern, at first sight, has no place for the state in its classical understanding. In this article, the author tries to actualize the conception of the state as conservative ideology understands it, i.e. as a national sovereign state. To make such an understanding of the state topical, the author transfers the concept of the state from the political sphere to art and culture using such theories as F. Jamison's "postmodern as 'the cultural logic of late capitalism'" and J. Burckhardt's "state as a work of art". Jamison introduces the term "political unconscious". The philosopher writes that the basis of "political unconscious" is the ideologically conditioned human consciousness, which people are not aware of. According to F. Jamison, "political unconscious" exists in culture and is an integral part of it. The state is perceived through "political unconscious" because it can be viewed as an element of culture. The idea of "political unconscious", in our opinion, can be the basis for transferring the concept of the state from the political sphere to culture. As culture in postmodern society has the main role, the idea of a national state becomes relevant. It has already happened in the philosophical tradition, e.g., the work of German philosopher and culturologist J. Burckhardt *The Civilization of the Renaissance in Italy* (first published in 1860). In F. Jamison's opinion, postmodern deals with the problem of the pastiche of modern, so, to confirm of our idea about the topicality of a conservative state in the postmodern society, we used the concept "state as a work of art" by J. Burckhardt. When we say that a work of art is not just something made, we assert that it is an intentionally planned creation of something, and the state is no exception, because the whole process of administration has an ultimate pre-planned goal. J. Burckhardt affirms that the state is a work of art only if it externalizes its power ambitions, cares about the citizens and is holds, as we would say today, "real sovereignty". In the modern states, people's freedom of creativity becomes their freedom of will expression. From such positions, the state can be not only an act of the "social contract" which eliminates "war of all against all", but an act of collective creation, the result of which is a work of art. These theories allow completing the concept of a conservative state with an aesthetic component, which helps reinforce its theoretical core and actualize it for modern society.

REFERENCES

1. Gadzhiev K.S. *Konservatizm: sovremennye interpretatsii: nauchno-analiticheskiy obzor* [Conservatism: the modern interpretation: scientific and analytical review]. Moscow: INION Publ., 1999. 51 p.
2. Aver'yanov Yu.I. (ed.) *Politologiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Political Studies: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Moscow Commercial University Publ., 1993. 431 p.
3. Sokol'skaya I.B. Conservatism: an Idea or a Method? *Polis – Polis. Political Studies*, 1998, no. 5, pp. 48–58. (In Russian).
4. Jameson F. Postmodernizm i obshchestvo potrebleniya [Postmodernism and consumer society]. *Logos*, 2000, no. 4 (25). Available from: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_4/10.htm. (Accessed: 04.05.2014).
5. Nazarova O.Yu. [Analysis of the current state of culture in the philosophy of F. Jameson]. *Komparativistskiy analiz obshchechelovecheskogo i natsional'nogo v filosofii: materialy konferentsii* [Comparative Analysis of universal and national philosophy: conference proc.]. St. Petersburg, 2006, pp. 78–83. (In Russian).
6. Lotman Yu.M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art]. St. Petersburg: Akademicheskii prospekt Publ., 2002. 544 p.
7. Burckhardt J. *Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii* [Culture of the Renaissance in Italy]. Moscow: Yurist Publ., 1996. 591 p.
8. Guseynov A.A. *Gosudarstvo kak proizvedenie iskusstva: 150-letie kontseptsii* [The state as a work of art: the 150th anniversary of the concept]. Moscow: Letniy sad Publ., 2011. 288 p.

Received: 02 February 2015

«СТРАДАЮЩИЙ ЗА ДРУГИХ», ИЛИ О КОНЦЕПЦИИ ЗАМЕСТИТЕЛЬНОЙ НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Теоретически попытки обоснования коллективной моральной ответственности имеют ряд ограничений, связанных с устоявшимися представлениями о коллективной ответственности как несправедливой и нечестной формы вменения. В статье рассматривается идея заместительной ответственности как инвариант коллективной нравственной ответственности, частично снимающей противоречия индивидуального и коллективного принятия ответственности.

Ключевые слова: вина; коллективная моральная ответственность; поступок; политическая ответственность.

Заместительная ответственность индивидов является частью дискурса о коллективной нравственной ответственности, который сложился во второй половине XX в. Причины его актуализации связаны с отсутствием нормативных оснований в оценке деятельности коллективных субъектов. Сама идея вменения моральной ответственности группам воспринимается как нечестная, несправедливая система, направленная на уменьшение, а то и вовсе снятие ответственности как таковой. Однако сегодня исследователи сходятся в том, что наряду с классическим представлением об ответственности, в центре которого личность, необходимы дополнительные формы ответственности, выходящие за пределы индивидуального действия и поступка.

В результате были представлены такие типы коллективной ответственности, как ответственность организованных коллективных субъектов (концепция корпоративной ответственности), где в центре вопрос о специфике коллективного целого и проблема обоснования морального статуса коллективных субъектов, и ответственность индивида за действия других, но связанных с ним общей принадлежностью к группе (концепция заместительной моральной ответственности). В первом случае вопрос морального одобрения или порицания деятельности коллективных субъектов связан с тем, что моральная оценка относится не к руководящему персоналу или конкретной личности, а к группе в целом. Необходимость моральной оценки деятельности коллективных субъектов продиктована их стремлением уйти от ответственности, возложив ее на отдельные личности. По большому счету речь идет о совокупной ответственности, предъявляемой именно коллективу, группе, а не отдельной персоне. В литературе данная проблема освещена достаточно подробно, и можно сделать вывод, что здесь моральная ответственность предъявляется не личности, а неким организационным структурам [1].

Идея заместительной нравственной ответственности, в отличие от корпоративной, обращена к личности, которая принимает на себя моральную ответственность за действия других, связанных с ней общей принадлежностью к группе. Основанием для возникновения заместительной ответственности (*vicarious* в переводе с английского – «страдающий за других») становится момент идентификации индивида с группой на почве национальных, конфессиональных, профессиональных или иных интересов. Группа, по словам А.В. Прокофьева, может рассматриваться весь-

ма широко: это может быть «...как организация или построенное на личном общении объединение, так и неорганизованная совокупность не знающих друг друга людей, задействованных в функционировании одного и того же института, разделяющих определенные убеждения, наконец, принадлежность к определенной нации или культурной традиции» [2. С. 80].

Сложность и актуальность данной формы ответственности связана с тем, что индивид причинно не связан с негативными последствиями выбора или действий, совершенных другими, но при этом оказывается морально ответствен (виновен) за их действия. С одной стороны, моральная ответственность носит внутренний, сугубо личностный характер, и основанием выбора личности является ее способность избирательно и сознательно воздействовать на окружающую действительность с учетом возможных последствий своих действий, правильно понимать нужды как других людей, так и свои собственные. Чувство ответственности, которое она испытывает, предполагает переживание своей значимости, реального влияния на положение дел, ощущения определенной власти над происходящими событиями и соответствующего уважительного отношения людей. В случае же с заместительной ответственностью личность сталкивается с тем, что сделали другие, здесь степень участия личности не имеет значения, из-за чего данная форма ответственности рассматривается как нечестная и несправедливая система вменения. С другой стороны, индивид испытывает и, более того, сам добровольно принимает на себя такую ответственность без всякого внешнего принуждения. Таким образом, важным оказывается вопрос о том, когда и при каких условиях возникает данный тип ответственности и каковы основания подобного рода переживаний? И самое главное – какова сфера ее реализации и какие последствия (наказания) возникают для индивида?

Тезис Потсдамской конференции о моральной виновности немецкого народа за действия и режим гитлеровской Германии стал началом дискуссии о заместительной ответственности. Анализируя данный тезис, К. Ясперс пишет: «Мы, немцы, все без исключения, действительно обязаны иметь ясность в вопросе нашей виновности и сделать из этого выводы... только через него (в вопросе о виновности. – А.П.) может произойти поворот, который приведет к обновлению нашей сути» [Там же. С. 16].

Решение вопроса о коллективной моральной виновности потребовало от философа разграничить уго-

ловную, политическую, моральную и метафизическую вину. К. Ясперс обозначает пространство коллективной виновности как политическое, считая, что если и можно говорить о коллективной ответственности немцев, то только как о политической, которая, с его точки зрения, тотальна, касается каждого и избежать которой не представляется возможным. Участие или неучастие в политической жизни страны в равной степени накладывает ответственность на всех индивидов, образующих народ.

Остальные типы виновности, по К. Ясперсу, ограничены личным пространством ответа, имеющим собственные системы координат, в центре которых субъект свободного выбора, но одновременно «каждое понятие виновности, – пишет К. Ясперс, – обнаруживает реальности, имеющие последствия для сфер других понятий виновности» [3. С. 21]. Если уголовная вина устанавливается судом и вменяется конкретным лицам, то моральная вина реализуется как персональная ответственность каждого за свои собственные действия, будь то политические или военные, совершенные им самим лично, независимо от обстоятельств, человек не освобождается от моральной виновности даже в случаях действия по приказу. Моральная виновность, с точки зрения К. Ясперса, формирует важные механизмы нравственного развития личности, связанные прежде всего с чувством стыда и раскаяния: «Из моральной виновности рождается осознание, а тем самым раскаяние и обновление. Это внутренний прогресс, который имеет потом и реальные последствия в мир» [Там же. С. 23].

Наконец, метафизическая вина понимается им как ответственность каждого за то зло, что свершается в мире, где инстанцией ответа является Бог: «...есть такая солидарность между людьми как таковыми, которая делает каждого ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершенные в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю, что могу, чтобы предотвратить, я тоже виновен» [Там же. С. 19]. Метафизическая вина фундаментальна, это условие виновности в целом, которая может рассматриваться как основание для заместительной (коллективной) ответственности, объясняющее чувство переживания вины за Другого. Трансформирующий характер метафизической вины заключается в ее возможности изменить самосознание народа, увидеть те опасные черты нации, что коренятся в традиции. «Мы чувствуем себя причастными не только к тому, что делается сейчас, – подчеркивает К. Ясперс, – не только совиновными в действиях современников, но и причастными к традиции. Мы должны взять на себя вину отцов. Мы все виновны в том, что в духовных условиях немецкой жизни дана была возможность такого режима... это значит, что у нас как у народа есть в традиции что-то могущественное и грозное, таящее в себе нашу нравственную гибель» [Там же. С. 66–67]. Чувство метафизической вины – это путь преодоления духовного кризиса, который, однако, целиком и полностью свершается в личностном плане, но не коллективно.

Как видно, К. Ясперс не разводит понятия вины и ответственности, в отличие от Х. Арендт, для которой

было важным показать, с одной стороны, политическую (коллективную) ответственность народа, с другой стороны, моральную / правовую (личную) вину. Вина понимается ею как сугубо личностный акт, относящийся только к поступку, а не к намерениям и возможностям, она считает, что излишнее культивирование вины несет разрушающий характер. С ее точки зрения, манипуляции с понятием вины уменьшают, а то и вовсе освобождают реальных злодеев от ответственности: «...в нашем случае чувство коллективной вины означало бы, что плач «мы все виновны» на самом деле является выражением солидарности с теми, кто творит зло» [4. С. 206].

Индивид испытывает чувство стыда за другого, поскольку есть момент сопричастности, общности, что и делает его ответственным за других. Существование человека в обществе, его принадлежность к культурной традиции, нации, социальным группам придает коллективной ответственности всеохватывающий характер, что, собственно, и подчеркивается Х. Арендт: «...есть лишь один способ избежать политической и сугубо коллективной ответственности, – это покинуть сообщество. А поскольку ни один человек не может жить, не принадлежа к какой-либо общности, это может означать простую смену одного сообщества на другое и, следовательно, одной ответственности на другую» [Там же. С. 208]. Таким образом, политическая (коллективная) ответственность существует как некая данность в силу того, что мы живем не сами по себе, а среди других.

Х. Арендт в данном случае говорит не о коллективной нравственной ответственности, для нее она невозможна, исследователь остается в рамках индивидуалистической этики. Коллективная ответственность существует как политическая ответственность народа, из которой не следует вопроса о наказании, каких-то нравственных санкций, что и отличает политическую (коллективную) ответственность от архаичных представлений о виновности, когда целое сообщество может считаться заслуживающим наказания за проступок кого-то из своих членов. Моральное и правовое измерение коллективной ответственности не имеет смысла, поскольку, как пишет автор, «если оказывается, что личность была вовлечена в какое-нибудь общее дело, как в случае организованных преступлений, судить все равно следует именно эту отдельную личность, степень ее участия, ее особую роль и т.д., а не группу» [Там же. С. 206].

Арендт разграничивает понятия политического и этического (морального), подчеркивая тем самым, что в морали важна самость, внутренний мир индивида, тогда как в политике все внимание направлено на мир. В этом смысле политическая (коллективная) ответственность – это необходимость поступка из уважения к миру, который я делю с другими. Политическая ответственность исходит из того суждения, которое только стремится к общезначимости, но не является необходимо истинным утверждением, в отличие, например, от императивной этики И. Канта, где моральное должествование носит императивный характер, и если я считаю нечто морально должным, я тре-

бую этого от любого человека. В политике принять ответственность за проблемы мира может каждый, но при этом надо понимать, что есть те, кто не желает посвящать себя подобному. Однако тот, кто действует, руководствуясь политической ответственностью, действует от лица всего сообщества и надеется, что другие его поддержат. Размышления К. Ясперса и Х. Арендт показывают, что заместительная ответственность относится к личности, ее внутреннему пространству и не предполагает каких-либо моральных санкций: публичного осуждения или наказания группы. В дальнейших исследованиях было отмечено, что заместительная ответственность имеет место быть только тогда, когда негативные последствия действий представителя группы, части группы являются выражением группового мировоззрения и основанием для возникновения заместительной моральной ответственности становится акт свободного выбора индивида, возникающий при вхождении в ту или иную группу. Идентификация индивида с группой и чувство сопричастности к группе рассматриваются как моменты, порождающие или предшествующие заместительной нравственной ответственности, обозначенные в литературе как «квалифицирующие действия».

Введенное Г. Меллемой понятие «квалифицирующего действия» рассматривается как акт свободного выбора индивида, создающий в последующем основания для переживания вины за действия другого [6]. Так, для возникновения заместительной ответственности достаточным будет вступление в группу с идеологией, опасной для общества, несмотря на то что индивид будет не намерен поддерживать какие-то акции со стороны этой группы. Сам момент вступления как акт свободного выбора делает его соответственным за действия других, и отсутствие причинно-следственных связей для наступления ответственности не становится препятствием для возникновения нравственных следствий. В рамках причинно-следственных связей коллективная ответственность становится незначительным и даже бессмысленным явлением, тогда как символическая ценность поступка, что и подчеркивается Г. Меллемой, не менее важна, чем реальное действие [7]. В данном случае неучастие индивида в действиях группы можно рассматривать как случайное состояние, разделение общих взглядов и поддержание опасной идеологии являются условием возможного наступления агрессии и насилия. Следует, однако, сказать, что действие отдельного индивида, носящее аморальный характер и являющееся следствием особенностей его личности, не может быть основанием для возникновения заместительной нравственной ответственности, что и подчеркивается в литературе. Заместительная ответственность возникает тогда, когда есть такие действия, которые в той или иной мере причинно связаны с особенностями группового мировоззрения. Сложнее приходится в тех случаях, когда индивид не создает «квалифицирующего действия», не высказывает отчетливо свою позицию, как бы не совершает никакого свободного выбора, не стремится размежеваться с коллективом, но при этом продолжает пользоваться

благами от институционализированной несправедливости. В данном случае речь идет о том, что он может не разделять мировоззренческие, идеологические установки группы, не стремиться сохранить существующее положение вещей, однако пользоваться тем, что данная группа ему предоставляет. Здесь квалифицирующее действие может быть понято как неприятие мер по изменению своего положения.

Иная ситуация – когда индивид чувствует себя частью нации, принимает как положительные, так и отрицательные моменты истории, и его желание быть причастным этой культуре, традиции заставляет его также принять и ответственность за негативные моменты, связанные с данным коллективом. Здесь квалифицирующее действие – это стремление индивида сохранить связь с культурой, традицией, идентифицировать себя как часть этого целого, принять все достижения и ценности коллектива, но одновременно испытывать чувство вины, стыда и морального сожаления за темные страницы истории. Сложным и почти неразрешимым оказывается вопрос о принадлежности индивида к группе с детства, когда его идентичность сформирована этой группой, что не позволяет ему совершить свободный акт, т.е. дистанцироваться, а следовательно, он лишен возможности свободно принять вину за других.

Таким образом, особенность заместительной ответственности – ее обращенность к каждому, но при этом не суждение других людей (порицание, апелляция к покаянию, чувству стыда) является сферой ее реализации, а внутреннее психическое пространство личности. Принятие моральной ответственности за другого является сугубо личным актом и не может быть продиктовано извне, в противном случае мы остаемся в рамках негативных представлений о коллективной ответственности.

Идея заместительной нравственной ответственности оказывается вполне приемлемой и способной решить некоторые противоречия, связанные с концепцией коллективной ответственности. Прежде всего, заместительная ответственность не устраняет индивида как субъекта, скорее наоборот, усиливает его значение, расширяет сферу индивидуальной ответственности. Отныне индивид хотя и не находится в причинной связи между действием и результатом, однако его ценности и предпочтения являются выражением группового мировоззрения, а следовательно, как представитель этой группы он принимает моральную ответственность за действия других. Групповая принадлежность человека расширяет сферу его ответственности, транслирует чувство ответственности в область коллективных действий. Нравственные переживания за действия других создают иное пространство: отныне не только мои собственные поступки являются основанием ответственности, но и действия других членов группы.

Заместительная ответственность как форма коллективной ответственности сегодня имеет достаточные основания для ее реализации. Сложная социальная динамика, кризис идентичности, связанный с размыванием понятий «нация» и «государство»,

обеспечивавших ранее индивиду, с одной стороны, четко очерченную социальную роль, с другой стороны, покровительство в сфере групповых действий, а именно определенную долю безответственности. Сегодня для конкретного человека решения коллек-

тивного субъекта оказываются предметом его личной ответственности и заботы, поскольку он сам на основании собственного выбора, ценностей и предпочтений участвует в тех или иных организациях, социальных группах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонова А.В. Субъекты морального сознания в современном обществе: о типах коллективных субъектов // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 75–79.
2. Прокофьев А.В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 73–85.
3. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999. 146 с.
4. Прокофьев А.В. Коллективная и совместная ответственность в экологической этике // Этика и экология (серия: научные доклады. Вып. 9). Новгород, 2010. С. 26–44.
5. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 352 с.
6. Mellema G. On Being fully responsible // American philosophical quarterly. 1984. P. 189–194.
7. Mellema G. Symbolic value, Virtue Ethics, and the Morality of Groups // Philosophy today. 1999. Vol. 43, № 3. P. 3.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 09 февраля 2015 г.

"SUFFERING FOR OTHERS", OR ON THE NOTION OF VICARIOUS MORAL RESPONSIBILITY

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 79–82. DOI 10.17223/15617793/393/12

Platonova Anastasia V. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nplatonova79@inbox.ru

Keywords: guilt; collective moral responsibility; action; political responsibility.

In this article, I focus on the complicated variant of collective moral responsibility, which is presented as the idea of vicarious responsibility. Using the idea of collective responsibility today has a lot of controversial statements. The main point, which is fixed in philosophical objections, is the principle of personality and autonomy. The idea of collective responsibility eliminates personal responsibility, so we have a situation when nobody takes responsibility. However, today, when to define real person action is impossible due to many reasons, researches have to investigate other types of responsibility, for instance, the collective one. Collective agents are the nation, corporations, social institutions. People need a moral state, just because their actions have an extensive impact, and the consequences of their actions have long term effects. The theoretical and practical gap is the source of a paradoxical situation. On the one hand, the paradigm of individual responsibility cannot be used for collectives; on the other hand, group activity avoids moral evaluation. In this article, it seems that the idea of vicarious responsibility has a chance to connect individual and collective measurement of responsibility because it can be characterized as the space where an individual and a collective exist simultaneously. Vicarious responsibility deals with moral senses such as guilt, shame, repentance of a person when other members of group have done something wrong. It is thought that the reason for this kind of experience becomes a moment of identification of the individual with the group on the basis of national, religious, professional or other interests. The first fundamental issue of collective responsibility and collective guilt was presented in the works of Karl Jaspers and Hannah Arendt. The philosophers formulated the issue of responsibility and guilt of a nation for universal crimes, actually identifying the guilty subject with a people. The German people was presented as the subject of collective moral responsibility. Further, the idea of vicarious moral feelings was worked out through the question of when and under what conditions vicarious responsibility could occur.

REFERENCES

1. Platonova A.V. Moral agents in modern society and types of collective responsibilities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 373, pp. 75–79. (In Russian).
2. Prokofev A.V. O vozmozhnostyakh reabilitatsii idei kollektivnoy otvetstvennosti [On the possibilities of rehabilitation of the idea of collective responsibility]. *Voprosy filosofii*, 2004, no. 7, pp. 73–85.
3. Jaspers K. *Vopros o vinovnosti. O politicheskoy otvetstvennosti Germanii* [The question of German guilt]. Moscow: Progress Publ., 1999. 146 p.
4. Prokofev A.V. *Kollektivnaya i sovместnaya otvetstvennost' v ekologicheskoy etike* [Collective and shared responsibility in environmental ethics]. Apresyan R.G. (ed.) *Etika i ekologiya* [Ethics and Ecology]. Novgorod, 2010, pp. 26–44.
5. Arendt H. *Otvetstvennost' i suzhenie* [Responsibility and judgment]. Moscow: Izd. Instituta Gaydara Publ., 2013. 352 p.
6. Mellema G. On Being fully responsible. *American Philosophical Quarterly*, 1984, pp. 189–194.
7. Mellema G. Symbolic Value, Virtue Ethics, and the Morality of Groups. *Philosophy Today*, 1999, vol. 43, no. 3, p. 3.

Received: 09 February 2015

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ФЕТИШИЗМА

Рассматриваются основные тропосы фетишизма в культуре: религиозные, психологические, эстетические. Обращаясь к фундаментальным работам, посвященным фетишизму (труды Ш. де Бросса, К. Маркса, З. Фрейда, Е. Кагарова и др.), выявляются характерные эстетические логосы фетишизма. Обобщая различные позиции, выдвигается и обосновывается гипотеза об эстетической протоприроде фетишизма.

Ключевые слова: фетишизм; эстетика; религиозный феномен; эстетизация; альфа-страт; бета-страт.

Модус-статус фетиша. Динамика полиморфных и драстических процессов современного мира во многом повлияла на закрепление в сознании обывателя модулированных представлений о целом ряде культурных феноменов. Одним из таких феноменов является фетишизм. Исследователь мира религиозной культуры при упоминании слова «фетишизм» традиционно соотнесет его с определением, которое можно встретить в практически любом справочнике или учебном пособии по религиоведению. И возможная вариативность определения не будет иметь принципиальной разницы, так как его базовое смысловое наполнение на удивление ограничено традиционной повторяемостью некогда найденного удобного клише. Впрочем, сфера религиоведения не единственная, где изучается фетишизм. Ученые-психологи обращаются к этому понятию чаще, и, кроме того, палитра психологического изучения фетишизма более разнообразна. И, наконец, еще одной областью, где фетишизм должен быть включён в проблемное поле исследования, является эстетика. Однако степень эстетической проработанности проблемы настолько ничтожна, что на настоящий момент справедливее было бы говорить о философско-эстетической рефлексии фетишизма в его частных художественных аспектах.

Так чем же является фетишизм: формой религиозного сознания, видом парафиилии, эстетическим феноменом или художественным изыском культуры?

Fetiches religioso. Рассмотрим истоки религиозной рефлексии фетишизма. Традиционно-энциклопедическое определение гласит: «ФЕТИШИЗМ (от порт. *feitico* – амулет, магическая вещь) – религиозное поклонение материальным предметам, которым приписываются не присущие им свойства (способность исцелять, предохранять от врагов, помогать на охоте и т.п.) <...> Суть Ф. заключалась в том, что человек усматривал в поразивших его воображение предметах свойства, которые не усматривались в этих предметах при помощи обычных органов чувств» [1. С. 1110]. (Следует оговориться, что амулеты, талисманы, амотропей, обереги и прочие аналогичные артефакты следует понимать в качестве материальных тропосов фетишизма, и поэтому отдельное рассмотрение этих явлений не видится сколько-нибудь значимым в рамках настоящей темы.)

Хрестоматийные данные, связанные с происхождением самого слова «фетишизм», отсылают нас в эпоху колониальных завоеваний (XV в.), когда португальские путешественники столкнулись с доселе не-

виданным обычаем аборигенов Западной Африки – наделением материальных предметов волшебными свойствами (*fitico*). Впрочем, версии введения понятия «фетишизм» в сферу научного бытования разнятся. По одним данным, оно впервые употреблено датским миссионером В. Мюллером в его труде, посвященном описанию бытования гвинейских племён (1673). По другим, термин был введен в XVIII в. голландцем В. Босманом.

Важной вехой в изучении фетишизма стал выход программной работы Шарля де Бросса «О культе богов-фетишей, или Сравнение древней религии Египта с современной религией Нигритии» (1760), положившей начало теории фетишизма и остающейся по настоящий день одним из немногих наиболее развернутых и последовательных исследований. При прочих достоинствах трактата работа Де Бросса содержала ряд важных положений, которые позднее были подвергнуты справедливой критике. Во-первых, сущность (природа) фетишизма сведена к чрезвычайно примитивному пониманию: «Божественный фетиш не что иное, как первый материальный предмет, который любому народу или любому человеку захотелось избрать своим божеством, а затем предоставить жрецам освятить его в особой церемонии. Это – дерево, гора, море, кусок дерева, хвост льва, камешек, раковина, соль, растение, рыба, цветок, животное какой-нибудь породы, например, корова, коза, слон, овца; и, наконец, все, что можно представить себе похожего на вещи» [2. С. 20]. Во-вторых, предложенное Де Броссом толкование фетишизма чрезвычайно всеобъемлюще; описываемый им феномен слабодифференцируем, перемежаясь с теистическими, тотемными, анимистическими и пентеистическими верованиями. Иначе говоря, де Бросс в ходе своей работы не смог привести к конкретике описание собственно фетишизма и выявить его природу, что и привнесло изрядную долю путаницы в исследование. А в XIX в. подобное понимание закрепил и позитивист О. Конт, определяя фетишизм как начальную форму развития сознания, одухотворение изделий рук человека. Идея того, что дикари молятся изделиям из камня и дерева, была вообще чрезвычайно распространена в это время в Европе.

Отчасти исправляет эту позицию «отец теории анимизма» Э. Тайлор, который предлагает понимать фетишизм как второстепенную отрасль анимизма, а именно соотнося его с «учением о духах, воплощенных в вещественных предметах, или связанных с ни-

ми, или действующих через их посредство», и отделяя от него культ животных, растений, феноменов природы, идолов, духов» [3. С. 332]. Именно анимистическая характеристика фетишизма Э. Тайлором привнесла такое важное уточнение, как *учение о духах, воплощенных в вещественных предметах*. Эту мысль мы находим и в современных историко-религиозных исканиях архетипов первобытной культуры: «... тот образ, который девятнадцатое столетие придумало для “низших обществ”, в основном проистекает из позитивистских – т.е. из антирелигиозных, антиметафизических представлений, разделяемых рядом выдающихся исследователей и этнологов, подходивших к дикарям с идеологией современников Конта, Дарвина или Спенсера. У “примитивных” народов они постоянно находили «фетишизм» и «религиозный инфантилизм» – просто потому, что не могли увидеть нечто иное. Только возрождение европейской метафизической мысли в начале нынешнего века, религиозный ренессанс, многочисленные новации в глубинной психологии, поэзии, микрофизике сделали возможным подлинное понимание духовного горизонта «дикарей», структуры их символов, значения мифов, зрелость мистицизма», – заключает именитый историк религии М. Элиаде [4. С. 58].

В начале XX в. отечественный историк Е. Кагаров в своей блестящей аналитической работе «Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции» (1918), отмечая сложность генезиса фетишизма, пишет: «Термин “фетишизм” можно, по моему мнению, удержать в науке, если придать ему то значение, которое скрывается, в сущности говоря, уже в самом латинском корне его (*fact-isius*), то есть характер зависимости от субъективной воли поклоняющегося данному предмету человека. Фетиш – искусственно созданный человеком неодушевленный объект почитания, в смысле сфабрицированного им самим или же найденного и обращенного им в святыню. Таким образом, полное определение интересующего нас понятия может быть сформулировано следующим образом: *фетишизм есть форма религиозного сознания, заключающаяся в том, что отдельные небольшие по размерам объекты мертвой природы, в их естественном виде или же приспособленные путём обработки приёмов к потребностям культа, окружаются вполне организованным и систематическим поклонением, как скрывающие в себе особое духовное начало* (курсив мой. – Ю.С.). Фетиш можно найти или изготовить. В этом коренное различие фетишизма от культа цельных феноменов и стихий природы» [5. С. 6]. Далее Кагаров подытоживает: «Итак, фетишизм представляется первобытному человеку инкарнацией духа, его жилищем, оболочкою, и фетишизм есть частный случай анимизма» [Там же. С. 8].

Подтверждение идеи замещения духовной сущности материальным предметом (или отождествления с ним) обнаруживается и у известного знатока Античности А. Лосева в его работе, посвященной исследованию хтонической мифологии: «Омфал уже не просто Зевс, но каменное изображение Зевса, что указывает уже на выход за пределы строгого фети-

шизма и на возникновение уже анимистического отделения демона от вещи» [6. С. 47].

Придерживается идеи анимистического, а главное, нерелигиозного характера фетишизма и известный отечественный историк религии А. Зубов: «Мысль о том, что фетишизм является каким-то этапом развития религиозной мысли, религиозного состояния души человека, – есть ошибка. Так же, как не было никакого этапа развития анимизма, не было никакого этапа и фетишизма. Фетишизма как религиозного понятия вообще нет. Это только понятие истории науки; ученые когда-то думали, что фетишизм это этап религиозного развития. Ничего подобного. Все без исключения неписьменные народы верят, что духи вселяются в материальные объекты... <...> Но сами по себе материальные предметы святыней не являются никогда. Ценностью является духовная ценность, дух» [7].

Впрочем, некоторые современные исследователи всё же придерживаются историко-религиозной концепции фетишизма. Так, видный отечественный ученый, исследователь религиозных воззрений С. Токарев, обстоятельно исследовав вопрос, под фетишизмом предлагает понимать религиозное поклонение материальным предметам, рассматривая его как «универсальное явление истории религиозных верований» в качестве «наиболее постоянных элементов всякой религии» [8. С. 34].

Таким образом, можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Первоначально (исторически) феномен фетишизма был воспринят и описан исключительно как *религиозное* явление (поклонение материальным формам). В этом качестве фетишизм понимается и сегодня некоторыми исследователями религиозной культуры.

2. Дальнейшее изучение фетишизма в качестве религиозного феномена оформляется в *анимистическую* концепцию, согласно которой фетишизм понимается как «вместилище» духовной сущности (линия Тайлора–Элиаде).

3. Сегодня существуют две позиции религиозного осмысления фетишизма. Первая – историческая (линия де Бросса – Токарева); вторая – внеисторическая и внерелигиозная (линия Зубова).

На основании этих выводов можно сделать заключение: *в современном религиоведении отсутствует единое мнение об историко-культурной логике развития и бытования фетишизма*.

Psychofetichologie. Количество результатов, полученных через поисковые системы в сети Интернет, свидетельствует о наиболее распространенном понимании фетишизма в качестве объекта сексуального возбуждения, что делает фетишизм предметом изучения психологов. В качестве рабочего психологического определения прибегнем к энциклопедическому: «**ФЕТИШИЗМ** – сексуальная девиация, свойственная большей частью мужчинам с сексуальными нарушениями. Характеризуется половым возбуждением и сексуальным удовлетворением, возникающими посредством контакта с каким-то предметом, принадлежащим человеку другого пола (обувь, бельё, одежда, перчатки, носовые платки, волосы, часть тела, не обя-

зательно являющаяся эрогенной и др.). В случаях явной патологии в отсутствие такого предмета интимная жизнь делается невозможной или воспринимается пациентом как неудовлетворительная. Расстройство возникает обычно в период полового созревания или в молодом возрасте, нередко сочетается с другими сексуальными отклонениями; в психоанализе – тенденция наделять некие объекты сексуальным значением, рассматривать их как “населённые духом”, поскольку сексуальный фетиш явно ассоциируется с человеком и воспринимается как обладающий магическим воздействием, дающим пациенту силу вождения. Фетишизм представляется классическим примером первичного процесса, влияющего на поведение, поскольку: а) фетиш характеризуется многозначностью, источником которой являются конденсация, смещение и символизация других объектов, и б) фетишист ведёт себя таким образом, как будто бы фетиш и есть эти другие объекты, а несоответствия и абсурдность тревожат его не более, чем спящего во время сна. Синонимы: Идолизм, Сексуальный символизм, Парциализм» [9. С. 754].

Сегодня существует ряд психологических теорий фетишизма. Одна из ведущих современных теорий фетишизма гласит, что фетишизм является одной из разновидностей парафилии. Впервые как сексуальная девиация фетишизм был описан в труде А. Бинэ «О фетишизме в любви» (1887), в котором французский психолог объяснял фетишизм эротическими впечатлениями детства. Так, один из ведущих специалистов по парафилиям – доктор Д. Мани (Университет Джона Хопкинса, г. Балтимор) – выдвинул гипотезу о так называемом предмет-фетише, который в глазах фетишиста каким-то необъяснимым образом принимает на себя вину за то возбуждение, которое он вызывает. Иными словами, стыдясь и боясь своей «порочной» страсти, фетишист переносит свои сексуальные чувства на предмет, как бы дистанцируясь от собственной сексуальности. Кроме того, следует отметить, что девиантная теория фетишизма отличается выраженным гендерным аспектом. Например, отмечается, что мужчины больше подвержены фетишизму, так как их в большей степени, чем женщин, возбуждают зрительные образы и запахи; им проще попасть в зависимость от предмета, отдельного от живого человека.

Впрочем, далеко не все ученые разделяют парафилическую теорию. Ряд не менее авторитетных психологов придерживаются более умеренной позиции, указывая на социальную распространённость фетишизма. Так, например, американский психолог доктор Д.М. Рейниш, не соглашаясь с «извращенной» интерпретацией фетишизма, относит его к ряду сексуальных предпочтений. Ученый подчеркивает, что сексуальный фетишизм не является патологией, так как для его парафилической квалификации он должен стать патологически необходимым. Позиция Рейниша, таким образом, выводит сексуальный фетишизм из области психопатологии в область антропологии и далее (неизбежно) в сферу эстетики.

Важно отметить, что преимущественно этой теории придерживается и психоаналитическая школа (см. работы З. Фрейда «Три очерка по теории сексуальности» (1905) и «Фетишизм» (1927)). В психоанализе используется более конкретное понятие, обозначающее фетишем материальные предметы или части тела, на которые направлена любовь фетишиста либо которые являются для него символом любви. Фрейд обращает внимание на случаи, в которых сексуальный объект замещается другими, имеющими к нему отношение, но совершенно неподходящими для того, чтобы служить естественной сексуальной цели. Развивая эту мысль, австрийский психолог приходит к выводу, что в таких случаях заменой сексуального объекта становится сексуальный симулякр: часть тела (нога, волосы), неодушевленный предмет, имеющий отношение к вожделенному объекту (нижнее белье, одежда). Понимая фетиш в качестве материального *заместителя*, Фрейд проводит параллель с религиозным статусом фетиша.

Несогласие с психиатрическим объяснением фетишизма мы встречаем у З. Фрейда и в его очерке «Бред и сны в “Градиве” Йенсена» (1907). В одном из ключевых фрагментов романа В. Йенсена, на который обращает внимание Фрейд, происходит следующее: молодой археолог обнаруживает в музее Античности рельефное изображение бегущей девушки. Движение приподняло ее платье таким образом, что стали видны ноги в сандалиях, в частности – *почти вертикально приподнятые подошва и пятка*. Эта запечатлённая деталь, необычная и по-особому эротичная, вероятно, много столетий назад привлекла внимание художника, а теперь приковала взгляд зрителя-археолога.

Выражаясь соответствующей психологической терминологией, приведенный отрывок может служить иллюстрацией фут-фетишизма (термин «ножной фетишизм», или «фетиш ног», в отечественной традиции не распространен). Фут-фетишизм (англ. *foot fetish*) – сексуальное влечение к ступням, ногам; один из самых распространенных видов сексуального фетишизма. К слову, что культ обнаженной красивой женской ноги известен со времён Древнего Китая, когда девочкам перебинтовывали ноги для остановки роста ступни и придания ей формы цветочного бутона. Индустрия же современной моды и рекламы и вовсе возвела фут-фетиш в культ: клипарты с изображением стройных женских ног на рекламных баннерах, обложках журналов и прочей рекламной продукции – трюк коммерчески беспроектный. Причём факт исторической популярности фут-фетишизма говорит не в пользу психологической интерпретации, так как фиксированная повторяемость это феномена свидетельствует о наличии в человеческой культуре какого-то *иного кода*, нежели обусловленного исключительно психофизиологическими причинами. Впрочем, фут-фетишизм не следует рассматривать как самостоятельное явление, но лишь в контексте сексуальной культуры, которая сегодня встроена в глобальную индустрию эротики и порно (с оформленными «жанрами-предпочтениями»: Feet (Foot), Latex, Lingerie и т.п.), что свидетельствует о более глубокой (психо-онтологической) природе фетишизма.

Существует и ряд альтернативных концепций. Биохевиористская теория стимулов подчеркивает идею о том, что фетишизм может быть результатом обобщения. Например, изначально раздражителем, связанным с возбуждением, могли быть исключительно чёрные волосы близкого человека (например матери), но через определённый период времени раздражители становятся более общими и подобный эффект достигается при созерцании всех брюнеток. Впрочем, такое объяснение малосостоятельно, так как имеет ряд серьёзных контраргументов (например, эмпирическая неподтвержденность гипотезы).

Заслуживает внимания точка зрения, выдвинутая представителем юнгианской аналитической школы Э. Сторром, согласно которой фетишисты являются людьми незрелыми, с «незавершенным эго-развитием». Ценным наблюдением Сторра выглядит обнаружение общих характерных параллелей в осмыслении фетишизма религиозного и сексуального, таких как «неразвитость», «защита», «поддержка».

Интересную версию предложили и современные неврологи, предположив, что фетишизм может быть результатом перекрещивания нейронов между соседними областями человеческого мозга (теория зеркальных нейронов). Известный современный индийский нейрофизиолог В.С. Рамачандран, размышляя о природе фетишизма, выдвинул идею, согласно которой истоки фетишизма объяснимы непосредственной близостью границ области обработки сенсорной информации ног с областью обработки сексуальной стимуляции.

Итак, исходя из рассмотрения психологических теорий фетишизма, можно сделать следующие заключения:

1. Отсутствует единая концепция фетишизма в психологии; рассмотрение психологических теорий можно свести к *двум позициям*: 1) фетишизм есть психическая девиация (позиция Бине); 2) фетишизм – норма сексуальной культуры (позиция Фрейда – Рейниша).

2. В психологических исследованиях обнаруживаются эстетические тропы фетишизма (эротический фетишизм).

3. Универсализм (возможность органического встраивания в культурный контекст) фетишизма в его формах проявления от прекрасного до низменного (от сакрального до профанного) свидетельствует о более многоликой природе фетишизма, выходящей за рамки религиозного или психологического дискурса.

Fetishism: terra aestetica. Философская рефлексия фетишизма получила наибольший резонанс благодаря К. Марксу и его теории товарного фетишизма. Напомним, немецкий философ выдвинул идею, согласно которой капиталистическое богатство неизбежно выражается в форме товара. Сущность товарного фетишизма, по Марксу, заключается в том, что иррациональная сила общественных отношений внешне выступает в виде господства над людьми определённых вещей. Это порождает мистическое отношение человека к товару как к сверхъестественной силе, *вуалирующей* зависимость товаропроизво-

дителей от рынка. «Это лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства», – пишет немецкий мыслитель в первых главах «Капитала» [10. С. 70].

К. Маркс обращается к «фетишизму» не случайно и не эпизодично. Известно, что немецкий мыслитель штудировал трактаты Ш. де Босса и К. Мейнерса. И возникновение дефиниции «товарный фетишизм» связано с достаточно хорошим знанием изучаемого проблемного поля, а определение фетишизма, предложенное Марксом, на наш взгляд, является одним из самых точных и лаконичных: «Фетишизм весьма далек от того, чтобы возвысить человека над его чувственными вожделениями, – он, напротив, является *«религией чувственных вожделений»* (статья К. Маркса в немецкой газетной периодике 1842 г.). Определение немецким философом фетишизма как *«религии чувственных вожделений»* высвечивает еще одну грань этого феномена – грань эстетическую.

Обращаясь к природе эстетического, следует напомнить о ключевых вехах становления и развития эстетического знания в философской традиции. Начиная с первых попыток рефлексивной фиксации эстетизиса в Античности обнаруживается неоднозначность и сложность в определении эстетического. «Ведь, кажется мне, я узнал, что значит пословица “прекрасное – трудно”, – подводит итог майевтической экзекуции Платон устами Сократа [11. С. 415]. Впрочем, гений древнегреческой философии в попытке рационального осмысления мифологической картины мира все же выводит формулу красоты (не без влияния пифагореизма), отождествляя её с эйдосом космического миропорядка и гармонии (τὸ ἀγαθόν), упорядоченностью всех граней мира (φύσις). И лишь последний из крупнейших древнегреческих мыслителей – Плотин – в своём учении о красоте, синтезируя философские идеи Античности с монотеизмом, показывает «недостаточность традиционной формулы прекрасного», приходя к выводу, что и «в самой соразмерности есть не что иное, чем она сама, что придает ей красоту» [12. С. 399]. «Ведь не масса, не величина предмета нравится нам, ибо не в ней, а в ином чем-то источник красоты, ведь нам нравятся и науки, и разные действия человеческие – все то, что имеет свое начало в душе именно потому, что тут в самом деле открывается красота большая, чем где-либо, и когда, например, мы усматриваем чью-нибудь мудрость и удивляемся ей, то мы на лицо человека, на наружность, на форму тела, не обращаем даже внимания, красивы ли они, или нет, именно потому, что нас

привлекает всецело одна внутренняя красота», – задается вопросом Плотин [Там же. С. 194].

Эстетический взгляд средневековых мыслителей развивается в контексте христианской парадигмы. Источником эстетической природы мыслится Бог. Так, крупнейший представитель ранней патристики Аврелий Августин указывает на Бога как единственный источник красоты. Позже и Фома Аквинат вносит существенную лепту в историю эстетики уточнением об исключительно понятийном различии красоты и блага, так как и Бог, по мнению великого схоласта, является первоимпульсом – абсолютной красотой и абсолютным благом.

Лишь в XVIII в. вольфгангом А. Баумгартеном предпринимается попытка (успешная, но не получившая должного внимания и развития) создания научной программы, позволявшей эстетике отмежеваться от искусствоведческих претензий и оформиться в самостоятельный, полноценный раздел философского знания. Баумгартен даёт и имя дисциплине – «Aesthetica», предлагая понимать её как «науку чувственного познания» [13. С. 452]. «Чувственное» («чувственно воспринимаемые знаки чувственного») в данном случае следует понимать не столько в сенсуалистическом ключе (как ощущение), сколько в чувственно-эмоциональном (как фантазм) (А. Лосев настаивает на переводе «aesthetica» именно как «эмоции»).

Такая «неопределенность» (и неопределенность) в фундаментальных положениях эстетики неслучайна, и те трудности, с которыми сталкивается всякий вдумчивый исследователь, выражаются в неоднозначности содержательной составляющей предмета, что, в свою очередь, обусловлено отсутствием устоявшегося гносеологического аппарата и «внятной» методологии внутри дисциплины, позволяющей в привычных рациональных формах фиксировать и описывать эстетические феномены. В частности, классик немецкой философии И. Кант о ключевой проблеме эстетики пишет следующее: «Суждение вкуса не есть познавательное суждение, тем самым оно не логическое, а эстетическое суждение, под которым понимают то суждение, определяющее основание которого может быть только субъективным. Однако всякое отношение представлений, даже отношение ощущений может быть объективным (и тогда оно означает реальное в эмпирическом представлении) <...> Данные в суждении представления могут быть эмпирическими (тем самым эстетическими), вынесенное же посредством них суждение есть логическое, если только эти представления соотносены в суждении с объектом. Напротив, даже если данные представления рациональны, но в суждении соотносены только с субъектом (с его чувством), то такое суждение – всегда суждение эстетическое» [14. С. 70–71]. По существу, Кант закрепляет за эстетическим суждением особый априорный принцип, отличающий его от суждения логического, – *отсутствие познавательного суждения*, так как его основание – субъективно.

В завершение краткого историко-философского обзора эстетической проблематики приведем еще несколько суждений современных отечественных фило-

софов об эстетизме и эстетике, которые помогут нам расширить и удержать в контексте нашего исследования топологику эстетического: «Эстетизм как состояние *избыточного акта «скованности схватываний»*, учитывая как динамическое, так и топологическое его *свое-образие* – как созерцательно-рефлексивное, так и проективно-активное», – пишет В. Круглов [15. С. 195]. Эстетизм как «чувственное пребывание в красоте бытия» определяет А. Казин [16. С. 126]. С. Дзикович под предметом эстетики предлагает понимать «невербальное интеллектуальное познание и невербальную интеллектуальную коммуникацию» [17. С. 17].

Итак, «эстетия» (*айстетия*) как сфера чувственно-эмоционального и созерцательно-рефлексивного, отличная от сферы логической, мысленно-рациональной («ноэтия»), есть предмет эстетики. Стало быть, фетишизм может быть осмыслен и закреплён в рамках эстетической теории, так как убедительной концепции, позволяющей объяснить, а значит, «оградить» фетишизм от иных дисциплинарных претензий, – не существует ни в области естествознания (нейрофизиологии, психологии), ни в области историко-религиозного дискурса (теологии). Проще говоря, исследователи, выделив и описав виды фетишизма (религиозный, психологический, товарный), оставили без ответа главный вопрос: что такое, собственно, сам фетишизм? Ведь *первоприрода* фетишизма, высвечивающаяся и обнаруживающая себя в различных культурных срезах, свидетельствует о «вертикальном» бытийственном присутствии в мире, «избыточность» которой «разливается» – заполняя собой – потенциально все известное материальное (*овеществленное*) пространство антропологического мира. Не потому ли так настойчив мотив эстетической доминанты фетиша – выбивающийся из рамок религиозного и психологического дискурсов – как не по причине прямой взаимосвязи эстетизма (*гнозиса*) и фетиша (*праксиса*)?

В свете этого вопрошания ключом к вскрытию предложенного коррелята может стать рассмотрение основных позиций современной *теории эстетизации* (*Ästhetisierung*). Автор теории – эстетик и теоретик искусства В. Беньямин, рассуждая об эстетизации как о процессе некоего социального взаимодействия через укоренённые в культуре ритуальные и традиционные формы (как блокаторы действительности), облакает эстетизацию в негативное рубище, сотканное из суггестивных и манипулятивных тканей, для которого он подбирает неоднозначный термин «аура». «Эту ауру можно определить, как уникальное ощущение дали, как бы близок при этом предмет ни был. Скользить взглядом во время летнего полуденного отдыха по линии горной гряды на горизонте или ветви, под сенью которой проходит отдых, – это значит вдыхать ауру этих гор, этой ветви. <...> А именно: страстное стремление “приблизить” к себе вещи как в пространственном, так и человеческом отношении так же характерно для современных масс, как и тенденция преодоления уникальности любой данности через принятие ее репродукции. Из дня в день проявляется неодолимая потребность овладения предметом в

непосредственной близости через его образ, точнее – отображение, репродукцию» [18. С. 24–25].

Заметим, что мысль об «отображенности» и «репродуктивности» сама по себе не нова. Так, ещё Платон обозначил онтологический диапазон подлинных и симулятивных образов. Согласно Платону мир материальных вещей – «бывание» – есть бледное подобие мира эйдосов – мира истины. Для обозначения этого явления Платон и вводит термин «симулякр». В XX в. эта мысль получила известное продолжение в рамках постмодернистской традиции (Ж. Батай, Р. Барт, Ж. Делёз). По сути, В. Беньямин размышляет над той же проблемой – проблемой сумулятивности как тиражируемой повторяемости (технизма) – усматривая в ней утрату онтологической подлинности, подменяемую (*овеществляемую*) материальной формой. (В качестве иллюстрации можно привести показательный случай, упомянутый в одной из работ Мишеля Фуко об изумлении аборигенов некоего племени при первой встрече с вещной тиражируемостью – книгой). В итоге Беньямин приходит к следующему выводу: эстетизация есть *блокирование рефлексивной способности субъекта*, в чем и заключается основание для возможности манипуляции массами при помощи популярных артефактов. (К слову, сходные суждения можно обнаружить и в концепции «околдованного мира» М. Маффесоли.) Этот тезис (В. Беньямина) весьма важен в контексте размышления о бытовании фетиша при условии понимания *популярных артефактов* в качестве фетишей (ибо артефакт является одной из ипостасей фетиша; см. начало статьи)!

Однако есть и иная интерпретация процесса эстетизации – точка зрения современного немецкого социолога Герхарда Шульце, согласно которой, напротив, эстетизация сопровождается как раз усилением рефлексивности. Соответственно, чем шире спектр возможностей, которые никак не ограничены, тем в большей мере решение возлагается на самого субъекта, который вынужденно становится рефлексивным. Для этого он нуждается в компетенциях, которые позволят ему занять дистанцированное положение по отношению к сложившимся обстоятельствам. «Зрелый человек, который ищет переживаний, прекрасно понимает, что музыка – это не просто звуковые волны. И именно поэтому не произошло того, о чем говорил Вальтер Беньямин: искусство не утратило своей ауры. Никогда так много людей не ходили в музеи. Значит, когда они видят картину Винсента ван Гога в оригинале, они чувствуют нечто иное, чем когда листают альбом с репродукциями. Популярность выставок и концертов указывает на то, что люди все активнее ищут ауру неповторимого переживания», – констатирует Шульце [19].

Поясним, что немецкий социолог говорит о формировании нового типа общества – «общества переживаний», – в котором в качестве главного проекта избирается образ прекрасной жизни как способ (опыт) пережить нечто (яркий пример: стиль «гламур»). Следовательно, современное общество суть общество *эпохи эстезиса* – цикличного процесса воспроизведения и потребления объектов переживания. И потреб-

ность в перманентном переживании эстезиса является своеобразным вызовом современной культуре, вынужденной откликаться на массовый спрос соответствующими предложениями (предложениями *эстетическими*). Фабрикация впечатлений (их «воспроизводимость», по Г. Шульце) становится ведущим принципом рынка: впечатление «идёт в комплекте» с основным товаром. Поэтому не сложно проследить следующую динамику впечатлений: фильмы ужасов становятся «страшнее», а блокбастеры – зрелищнее; художественная литература – сюжетно и структурно откровеннее и изощреннее; автомобили – изысканнее и «агрессивнее»; мода – эпатажнее и так далее: от игрушек для детей до сферы развлечения взрослых. (Отметим, что такую апокалиптическую социоагогику предсказал еще в конце 70-х гг. XX в. французский философ П. Вирильо, разработав концепцию «дромологии»¹).

Фокусируя в одной точке взгляды В. Беньямина и Г. Шульце, нужно сделать следующее замечание. Несмотря на видимое различие концепций, оба учёных сходятся в одном: «блокирование действительности» (по Беньямину) и «усиление рефлексивности» (по Шульце) – два полюса одного вектора (*эстетизации*), что по существу не имеет никакого значения, подобно тому как не имеет значения различная реакция двух зрителей на одно и то же событие (скажем, один слушатель при прослушивании финала «Девятой симфонии» Бетховена испытывает душевный подъём, другой – смятение). Иначе говоря, и то и другое есть указание на эстетическое *со-бытие* (*свидетельство со-бытия*).

Таким образом, как было сказано ранее, если сущность фетишизма прежде всего анимистическая; иначе говоря, фетиш, по Е. Кагарову, есть материальный объект, «характеризующийся зависимостью от субъективной воли /.../ человека»; сравнив это определение с мыслью Г. Шульце о роли и месте субъекта в обществе впечатлений (где процесс эстетизации характеризуется *усилением рефлексивности субъекта!*) и заключением И. Канта о субъективном основании эстетического суждения, – мы получим знаменатель общности эстетической природы *фетиша* и *эстетизации*, проявляющийся не столько в очевидной схожести атрибутов, сколько в *одной* степени восприятия этих феноменов субъектом. И именно вследствие этого первого (во многом поверхностного!) осмысления в XV в. первоначальное знакомство с фетишизмом привело к его историческому закреплению в качестве примитивной религии диких туземцев. Для вящей иллюстративности приведем очень своевременную здесь мысль русского философа Г. Шпета о вхождении эстетического факта в жизнь: «Хотят, чтобы то, что не может быть, перешло в то, что есть, что не может не быть. Но это и есть возвращение к неукрашенной жизни, природной, животной, – прекрасной только в некоторых редких случаях игры и безобразия природы. Тут почти всегда вместо золота – горсть глиняных черепков» [20].

Так как же соотносятся эстезис (*гнозис*, сила переживания, побудительный эмоциональный импульс)

и фетиш (*праксис*, среда *опредмечивания* эстетизиса)? Насколько очевидна такая взаимосвязь? Можно ли говорить об их отождествлении, или следует решительно отказаться даже от атрибутивной общности?

Для прояснения коррелята эстетизиса и фетиша позволим себе прибегнуть к следующей понятийной связке: *альфа-страт* / *бета-страт*. Эстетизис, понимаемый в качестве *альфа-страта*, есть совокупность *наследуемых-присутствующих-повторяющихся-одноструктурных* внутренних (глубинных) свойств предмета; фетиш же, соответственно, будучи соотнесённым с *бета-стратом* – совокупностью индивидуальных (внешних) свойств и признаков развития *альфа-страта* (проявление *властной формы* эстетизиса). Если угодно, это можно понимать как своего рода попытку эстетизации праксиса, «закапканивание» духа, удержание эстетизиса, направление его в русло *практ(е)ического о-предел-ения*. Поясним: при попытке описать имплицитную механику, скажем, религиозного фетишизма религиозные модусы будут выявлены более или менее ясно. Но как только мы коснёмся внутреннего ядра – *альфа-страта*, то будем вынуждены признать наличие одной и той же бесконечно повторяющейся модели (эстетизиса), которая, вполне очевидно, не имеет прямого отношения (во всяком случае, в таком контексте) к природе религиозного начала. В то же самое время по фенотипическим признакам фетиш легко обнаружим в самых разнообразных топосах культуры.

Поэтому во многом проблема опознания эстетической природы в фетише заключается в изначальной установке на рациональное осмысление переживаний субъектом эстетического опыта, иначе – *рационализации* «перехода» от внешней ориентации (*бета-страта*) к внутренней (*альфа-страту*). (Впрочем, и субъективно-рациональная «расшифровка» при «прочтении» того или иного фетиша в конечном счёте невозможна.) Но (!) именно рациональную неэксплицированность последнего и следует отнести к ключевым характеристикам эстетического. Более того, совокупность очевидностей (скажем, топонимического метода) лишь затрудняет рациональную фокусировку, не сообщая ничего по существу, обрекая тем самым исследователя на бесконечное блуждание по дальним радиальным катакомбам этого лабиринта, в котором «рациональный переход», по сути, сводится к банальной описательности, диагностирующей распознанное субъектом фенотипическое состояние *альфа-страта*. Вот пример: главный герой романа Б. Акунина «Весь мир – театр» – рационалист, дедукт Фандорин пытается осмыслить своё внезапное впечатление: «Фандорин затруднился бы объяснить, как именно расшифровать эту мысль, заставившую его крепко взяться за поручни кресла – потому что неудержимо захотелось встать и подойти ближе, чтобы смотреть на нее в упор, жадно, неотрывно. *Что в ней такого особенного, спросил он себя, как обычно пытаюсь рационализировать иррациональное. Откуда ощущение невиданной, магнетизирующей красоты?*» (курсив мой. – Ю.С.). Он попробовал судить беспристрастно. Ведь, строго говоря, не красавица. Черты, пожалуй, мелко-

ваты. Стати неклассические: угловатая фигура, острые плечи. Рот тонкогубый, слишком широкий. Нос с небольшой горбинкой. Но все эти неправильности не ослабляли, а только усиливали впечатление чуда» [21. С. 59]. Очевидно: описательность (*бета-стратичность*) не позволяет нам извлечь *ничего сущностно-содержательного* из непосредственного эстетического опыта (*альфа-стратичности*). И в то же самое время такая антиномичность не мешает субъекту ощущать (пытаться выявить, объяснить, наполнить содержанием) *альфа-стратические* основания бета-страта. Этим, например, можно объяснить бытование фетиша как бета-страта в среде религиозного бытования, когда его *альфа-стратический* уровень *наполняется* (вспомним о рефлексивности субъекта!) религиозно-духовным (мистическим) содержанием. Тот же самый предмет-фетиш в иной среде (включая даже смену среды религиозного бытования) вполне может получить содержательно иное его *альфа-стратическое* наполнение.

Если «объяснять» фетиш во всех возможных его взаимосвязях, – даже при условии *сознательной фетишизации* вещи, – то и в этом случае представляется невозможным выявить первичный побудительный импульс (он же *эстетизис*). Как невозможно – при одинаково равных условиях – объяснить возникновение аттракции (психоэмоционального тропоса фетиша) у грудного ребёнка к одним людям и чувство неприязни к другим; фетиш, как было отмечено выше, можно лишь *опознать* и *констатировать* (цвет волос, запах кожи, снегопад, рок-музыка и т.п.²). А анализ механизмов бытования укоренённого в повседневную жизнь фетишизма – любимая одежда, коллекционирование, суеверные обереги – не что иное, как свидетельство «нерасколдованности» (М. Вебер) современного мира, мира «на другой параллели» (А. Башлачёв), соприкасаясь с которым человек третьего тысячелетия воспроизводит всё ту же ритуальную матрицу поведения, освоенную бесконечно далеким от наших дней *homo som*, желая быть иным – разумным, но оставаясь при этом заложником и послушником мистического кода эстетизиса. К. Юнг точно замечает: «Будь человек *animal rationale*, разумным животным, то эти призывы к разуму были бы уместны. Но только человек по природе своей не Таков – по меньшей мере ровно настолько же он и неразумен» [22].

Поэтому вынесение поспешных оценок фетишизму – будь то теоретический упрёк в умалении религиозного сознания или диагностирование расстройства психики сексуального характера – есть свидетельство позиции исследовательской самоизоляции, с одной стороны, и указание на наличие проблемной области на антропокультурном векторе истории – с другой, а значит, и дальнейшая разработка её требует известной степени деликатности и последовательности.

Подводя итоги исследования феномена фетишизма, предлагаем следующие **определения**:

Фетиши – эстетический феномен; форма духовной или материальной реальности, имеющая субъективную ценностную окраску и наделённая определёнными духовными полномочиями. Фетиши обладает возмож-

ностью органического встраивания в любой социокультурный контекст.

Фетишизм – форма эстетического сознания, выражающаяся в субъективном чувственно-эмоциональном переживании фетиша.

Выводы:

- философская рефлексия определяет фетишизм как «религию чувственных вожделений», указывая тем самым на эстетическую природу феномена;
- отсутствие убедительных концепций, объясняющих фетишизм в качестве религиозного или психологического феномена, даёт право выдвинуть предположение о наличии иной глубинной природы фетиша – эстетической;
- анализ теории эстетизации, описывающей процессы взаимодействия субъекта с «обществом впечатлений» («блокирование действительности» (по Беньямину) и «усиление рефлексивности» (по Шульце)),

позволяет сделать заключение: эстетизм есть свидетельство со-бытия, доминантное присутствие которого устойчиво и не зависит от динамических изменений в исторической и социокультурной парадигме;

– взаимосвязь эстетизма и фетиша раскрывается посредством понятийной связи его *альфа-страт* / *бета-страт*: эстетизм как *альфа-страт* – совокупность наследуемых-присутствующих-повторяющихся-одноструктурных внутренних свойств предмета; фетиш как *бета-страт* – совокупность индивидуальных (внешних) свойств и признаков развития *альфа-страта* (властной формы эстетизма);

– *бета-страт* не раскрывает сущностно-содержательную природу *альфа-страта*, но *бета-страт* в условиях различной среды бытования – вариативен (в сфере культовой, психо-эмоциональной, обыденной) и может приобретать иное сущностно-содержательное *альфа-стратическое* наполнение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Теоретический блок, посвящённый бытованию образно-эстетических форм в социо-медиа-сфере, требует отдельного исследования. Более того, ряд неупомянутых теорий этого направления – теории «общества зрелищ» Ги Дебора, «симулятивного образа» Ж. Бодрийяра, «медиа-галактики» М. Маклюэна, «зрелищного хронотопа» Р. Ванейгема и др., – лишь по своему касательному срезу соприкасаются с феноменом фетишизма и поэтому остаются не включёнными в наше исследование. В данном случае была отмечена лишь очевидная параллель, которая обнаруживает себя в качестве эстетической природы фетишизма.

² Характерный случай описан в новелле Г. Бёлля «С тех пор мы вместе»: «Вдруг я почувствовал, что мой равнодушный невидящий взгляд, бесцельно блуждающий по залу, почему-то все время застревает на одном и том же месте, словно его там что-то приковывает. Застревает помимо моей воли, потом стремительно скользит дальше, нигде не задерживаясь, и снова на том же месте застревает. Я очнулся, словно от глубокого сна, и посмотрел туда уже видящими глазами. Через два столика от меня сидела девушка в светло-бежевом пальто и желтовато-коричневой шапочке, из-под которой выбивалась прядь черных волос».

ЛИТЕРАТУРА

1. Красников А.Н. Фетишизм // Религиоведение : энциклопедический словарь. М. : Академ. проект, 2006. 1256 с.
2. Бросс Ш. де. О фетишизме / пер. и прим. Л.Р. Дунаевского; общ. ред. и пред. М.И. Шахновича. М. : Мысль, 1973. 422 с.
3. Тайлор Э.Б. Первобытная культура : пер. с англ. М. : Политиздат, 1989. 573 с.
4. Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода / пер. с англ. С.В. Пахомова. СПб. : Лань, 1999. 446 с.
5. Казаров Е. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб. : Сенатская типография, 1913. 327 с.
6. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян / сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М. : Мысль, 1996. 975 с.
7. Zubov A.B. Духи. Фетишизм. Тотемизм [Лекция] / Цикл аудиолекций «Религия неписанных народов». 2010. URL: <http://predanie.ru/audio/lekicii/andrei-zubov/>
8. Токарев С.А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 662 с.
9. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. М. : Джангар, 2010. 864 с.
10. Маркс К. Капитал. М. : Политиздат, 1983. 905 с.
11. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. 865 с.
12. Плотин. Эннеады : в 2 т. Киев : УЦИММ-ПРЕСС, 1995–1996. 379 с.
13. Baumgarten A.G. Aesthetica, pt 1–2, Traiecti cis Viadrum, 1750–58; Metaphysics. Halle Magdeburgicae, 1739; Texte zur Grundlegung der Ästhetik, hrsg. v. H.R. Schweizer. Hamb., 1983; в рус. пер.: История эстетики. М., 1964. Т. 2. С. 449–465.
14. Кант И. Критика способности суждения : пер. с нем. М. : Искусство, 1994. 367 с.
15. Круглов В.Л. Человек эпохи «модерн»: антропология культуры как критика децентрированного разума. Красноярск : КГАМиТ, 2009.
16. Казин А.Л. Искусство русской философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 126–135.
17. Дзикевич С.А. Эстетика рекламы: Эстетическая структура рекламной коммуникации : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2004. 231 с.
18. Беньямин В. Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М. : МЕДИУМ, 1996. 240 с.
19. Шульце Г. Производят впечатления. URL: <http://esquire.ru/events>
20. Шнет Г.Г. Эстетические фрагменты: Своевременные напоминания. Структура слова in usum aestheticae. История лингвофилософской мысли. 2-е изд., доп. Либроком, 2010. URL: <http://litrus.net/book/read/90000?p=3>
21. Акунин Б. Весь мир театр. М. : ЗАХАРОВ, 2013. 480 с.
22. Юнг К.Г. Психотерапия и мировоззрение (Jung C.G. Psychoterapie und Weltanschauung // Gesammelte Werke. Olten: Walter-Verlag, 1941. Bd. 16. Пер. с нем. Л. Руткевича). URL: <http://www.psychology.org.ua/pap88.htm>

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 8 февраля 2015 г.

THE AESTHETIC NATURE OF FETISHISM

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 83-91. DOI 10.17223/15617793/393/13

Sobolev Yuri V. Siberian State Technological University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ysob@mail.ru

Keywords: fetishism; aesthetics; religious phenomenon; aesthetization; alpha-stratum; beta-stratum.

The dynamics of the polymorphic processes of the modern world has much influenced the fixation in people's consciousness of modulated ideas of a number of cultural phenomena. One of such phenomena is fetishism. What is fetishism: a form of religious consciousness, a type of paraphilia, an aesthetic phenomenon or an art delicacy of culture? The historical and religious view of this problem allows to allocate two approaches. Originally (historically), the phenomenon of fetishism was perceived and described only as a religious phenomenon (material form worshiping). Some researchers of religious culture still share this view on fetishism. A further study of fetishism as a religious phenomenon results in the animistic concept according to which fetishism is understood as a "receptacle" of spiritual essence (Taylor-Eliade's line). Today there are two positions of religious theory of fetishism. The first is historical (de Brosse's and Tokarev's line); the second extra historical and extra religious (Zubov's line). Today there are also a number of psychological theories of fetishism. One of the leading modern theories of fetishism says that fetishism is a variety of a paraphilia. However, not all researchers share the paraphiliac theory. Some authoritative psychologists adhere to a more moderate position, pointing to the social prevalence of fetishism. It is possible to draw a conclusion that there is no uniform concept of fetishism in psychology; consideration of psychological theories can be reduced to two positions: 1) fetishism is a mental deviation (Binet's position); 2) fetishism is a norm of sexual culture (Freud's and Reish's position). Besides, the universalism (possibility of organic embedding in a cultural context) of fetishism in its manifestation forms from the beautiful to the low (from the sacred to the profane) testifies to a more many-sided nature of fetishism which is beyond a religious or psychological discourse. Fetishism can be comprehended and fixed within the aesthetic theory, because in the field of natural sciences (neurophysiology, psychology) and in the field of a historical and religious discourse (theology) there is no convincing concept allowing to explain and protect fetishism from other discipline claims. Thus, what is the correlation of aesthesis (gnosis, experience force, incentive emotional impulse) and fetish (praxis, aesthesis personification environment)? To answer the question, we will dare to resort to the following conceptual unit: alpha level / beta level. Summing up the results of research on the phenomenon of fetishism, the following definitions are offered: Fetish is an aesthetic phenomenon; a form of spiritual or material reality having a subjective value and certain spiritual powers. Fetish possesses a possibility of organic embedding in any sociocultural context. Fetishism is a form of aesthetic consciousness expressed in the subjective sensual and emotional experience of a fetish.

REFERENCES

1. Krasnikov A.N. *Fetishizm* [Fetishism]. Zabyako A.P., Krasnikova A.N., Elbakyan E.S. *Religiovedenie: entsiklopedicheskiy slovar'* [Religious Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2006. 1256 p.
2. De Brosse Ch. *O fetishizme* [On fetishism]. Translated from French by L.R. Dunaevskiy. Moscow: Mysl' Publ., 1973. 422 p.
3. Tylor E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Translated from English. Moscow: Politizdat Publ., 1989. 573 p.
4. Eliade M. *Yoga: bessmertie i svoboda* [Yoga: Immortality and Freedom]. Translated from English by S.V. Pakhomov. St. Petersburg: Lan' Publ., 1999. 446 p.
5. Kagarov E. *Kul't fetishey, rasteniy i zhivotnykh v Drevney Gretsii* [Cult of fetishes, plants and animals in Ancient Greece]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya Publ., 1913. 327 p.
6. Losev A.F. *Mifologiya grekov i rimlyan* [Greek and Roman Mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1996. 975 p.
7. Zubov A.B. *Dukhi. Fetishizm. Totemizizm* [Spirits. Fetishism. Totemism]. 2010. Available from: <http://predanie.ru/audio/lekcii/andrei-zubov/>.
8. Tokarev S.A. *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 662 p.
9. Zhmurov V.A. *Bol'shaya entsiklopediya po psikiatrii* [Great Encyclopedia of Psychiatry]. Moscow: Dzhangar Publ., 2010. 864 p.
10. Marx K. *Kapital* [Capital]. Moscow: Politizdat Publ., 1983. 905 p.
11. Plato. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. Vol. 1, 865 p.
12. Plotinus. *Enneady: v 2 t.* [Enneads: in 2 v.]. Kiev: UtsIMM-PRESS Publ., 1995–1996. 379 p.
13. Baumgarten A.G. *Istoriya estetiki* [History of aesthetics]. Moscow, 1964. Vol. 2, pp. 449–465.
14. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo Publ., 1994. 367 p.
15. Kruglov V.L. *Chelovek epokhi "modern": antropologiya kul'tury kak kritika detsentrirovannogo razuma* [Man of the "modern" era: anthropology of culture as criticism of decentered mind]. Krasnoyarsk: KGAMiT Publ., 2009. 241 p.
16. Kazin A.L. *Iskusstvo russkoy filosofii* [The Art of Russian philosophy]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2010, vol. 11, is. 3, pp. 126–135.
17. Dzikovich S.A. *Estetika reklamy: Esteticheskaya struktura reklamnoy kommunikatsii* [The aesthetics of advertising: advertising communication structure aesthetic]. Moscow: Gardariki Publ., 2004. 231 p.
18. Benjamin V. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction]. Moscow: MEDIUM Publ., 1996. 240 p.
19. Schulze G. *Proizvodyat vpechatleniya* [Makes an impression]. Available from: <http://esquire.ru/events>.
20. Shpet G.G. *Esteticheskie fragmenty: Svoevremennye napominaniya. Struktura slova in usum aestheticae. Istoriya lingvofilosofskoy mysli* [Aesthetic fragments: a timely reminder. Word structure in usum aestheticae. History of linguo-philosophical thought]. 2nd edition. Librokom, 2010. Available from: <http://litrus.net/book/read/90000?p=3>.
21. Akunin B. *Ves' mir teatr* [The world is theater]. Moscow: ZAKHAROV Publ., 2013. 480 p.
22. Jung C.G. *Psikhoterapiya i mirovozzrenie* [Psychotherapy and outlook]. Translated from German by L. Rutkevich. Available from: <http://www.psycho.org.ua/pap88.htm>.

Received: 08 February 2015

ВЛАСТЬ ЖЕНЩИН: КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ «МИЗОГИНИЯ» И «ГИНОФОБИЯ» В КЛАССИЧЕСКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Обосновывается тезис о том, что в классическом философском дискурсе признание второстепенного значения женского пола сопряжено с констатацией иррациональной опасности, исходящей от женщин и выявляющей их претензию на властные полномочия в социуме. На примере философских концепций А. Шопенгауэра и О. Вейнингера эксплицируется, помимо дескриптивной, еще и конститутивная роль социального дискурса, который, с одной стороны, описывает второстепенное положение женщины в социуме, с другой – конституирует таковое положение с целью подавить активное и амбициозное поведение женщин, представив его как неестественное.

Ключевые слова: женщины; страх; власть; дискурс; дуализм; А. Шопенгауэр; О. Вейнингер.

И прежде мне всегда было неловко, жутко, когда я видал разряженную даму в бальном платье, но теперь мне прямо страшно, я прямо вижу нечто опасное для людей и противозаконное, и хочется крикнуть полицейского, звать защиту против опасности, потребовать того, чтобы убрали, устранили опасный предмет.

Лев Толстой «Крейцера соната»

Существует нечто метафизическое в мужском страхе перед женским полом. Главным образом это касается его скрытой, или, точнее, тщательно скрываемой природы. Ситуация, которая описана Л.Н. Толстым в повести «Крейцера соната», где главный герой Василий Позднышев открыто говорит о своем страхе и готов анализировать его причины, практически невероятна в реальной жизни. Скорее, вывод о существовании такого страха можно сделать не благодаря словам, но вопреки настойчивой вербализации своего «бесстрашия». И чем в большей степени мужчина готов отстаивать свое равнодушное, высокомерное или даже откровенно презрительное отношение к женскому полу, тем более очевидным должно быть для внимательного взгляда то самое «жутко», которое охватывало Позднышева при виде нарядной дамы.

Женщина, благодаря многовековой дуалистической направленности философской дискурсии, прочно обосновалась в нише телесного, чувственного, имманентного бытия. Противопоставляемая мужскому Логосу, она с необходимостью должна представлять собой начало алогичное или иррациональное, а следовательно, неподатливое для понимания и рационализации, угрожающее всему разумному и объяснимому своей пугающей глубиной хаоса. Быть иррациональным вызовом мыслящей и трансцендирующей человеческой природе – такова действительная роль женского начала, отводимая и навязываемая конкретным женщинам в социуме и человеческой истории традиционной культурой. И будучи поставлены в такое положение, а зачастую не имея возможности для альтернативной самореализации (доступа к образованию или возможности воспользоваться своим образованием, например), женщины действительно вооружаются чувственностью и телесностью для того, чтобы выжить в этом непростом мире. «С одной стороны, – рассуждает Позднышев, – справедливо то, что женщина доведена до самой низкой степени унижения, с другой стороны – что она властвует. “А, вы хотите,

чтобы мы были только предмет чувственности, хорошо, мы, как предмет чувственности, и поработим вас”, – говорят женщины» [1. С. 142]. Женщина в прямом смысле сама становится воплощением чувственности, делает свое тело, разряженное и раскрашенное, носителем отвлеченной идеи ее иррациональности и тем самым мутит, разбивает судьбу мужчины, отвлекая его от разумной деятельности и заставляя желать чувственных наслаждений. «Сочтите все фабрики, – продолжает Позднышев. – Огромная доля их работает на бесполезные украшения, экипажи, мебели, игрушки для женщин. Миллионы людей, поколения рабов гибнут в этом каторжном труде на фабриках только для прихоти женщин. Женщины, как царицы, в плену рабства тяжелого труда держат 90% рода человеческого. А все оттого, что их унизили, лишили их равных прав с мужчинами. И вот они мстят действием на нашу чувственность, уловлением нас в свои сети. Да, все от этого. Женщины устроили из себя такое орудие воздействия на чувственность, что мужчина не может спокойно обращаться с женщиной. Как только мужчина подошел к женщине, так и подпал под ее дурман и ошалел» [Там же. С. 142–143]. Конечно, эти слова Л.Н. Толстой вкладывает в уста не вполне здорового человека, который благодаря своему болезненному воображению был доведен до убийства собственной жены. Однако особенно интересно то, что, помимо общего признания за женщинами крайней сосредоточенности на всем телесном и чувственном, Лев Толстой демонстрирует здесь социальное происхождение этой сосредоточенности. Ни один индивид не рождается женщиной-кокеткой, таковыми становятся благодаря репрессивным механизмам социальной дискурсии. Эти механизмы проводят в ощутимую и видимую реальность изначально трансцендентный ей метафизический принцип насильственной иерархии, заставляющий одних индивидов принимать на себя роль несмысленных, но опасных и мятежных рабов, а других – не менее сложную роль властвующих, но беспрестанно стра-

шащихся потерять свою власть рабовладельцев. В этом же свете Л.Н. Толстой описывает и женскую эмансипацию. Совершенно бесперспективными он считает различные политические достижения женского движения, добытые им внешние права и свободы. Пока само понимание мужского и женского в культуре обусловлено иерархическим принципом, любые изменения будут напрасны. «Рабство женщины ведь только в том, – пишет Л.Н. Толстой, – что люди желают и считают очень хорошим пользоваться ею как орудием наслаждения. Ну, и вот, освобождают женщину, дают ей всякие права, равные мужчине, но продолжают смотреть на нее как на орудие наслаждения, так воспитывают ее и в детстве и общественным мнением. И вот она все такая же приниженная, развращенная раба, и мужчина все такой же развращенный рабовладелец» [1. С. 154].

Таким образом, именно в специфическом взгляде на различие полов Лев Толстой видит одну из самых важных проблем современного ему общества. Это понятие «взгляда» с необходимостью должно обратиться к исследованию полового вопроса к собственно философским концепциям пола, которые долгое время выражали и одновременно производили и поддерживали совершенно определенный, назовем его классическим, взгляд на сущность и различие полов.

Артур Шопенгауэр «О женщинах». Одним из самых замечательных примеров такого классического описания половой дуальности является знаменитое эссе Артура Шопенгауэра, в котором собраны и последовательно изложены главные концептуальные моменты традиционного «взгляда» на сущность женщины. Это эссе тем более интересно, что представляет классический подход в незавуалированной форме, лишенной всех недостатков притворного этикета по отношению к «дамам».

С самого начала философ использует не как вывод, а скорее как самоочевидную предпосылку тезис о том, что женское начало пассивно, подчинено, бессильно. Целый шквал разнообразных «не» и «бес» обрушивается на читателя буквально с первой страницы повествования. Обобщая «очевидную» страдательность, духовное и физическое бессилие женской природы, ее «природную» ребячливость, А. Шопенгауэр приписывает женщине особое место в человеческом сообществе, это место «большого ребенка», или, по сути, недочеловека, «род промежуточной ступени между ребенком и мужчиной, который и есть собственно человек» [2. С. 626]. В качестве доводов, не столько доказывающих достоверность этого утверждения, сколько подчеркивающих его очевидность, автор использует то самое понятие взгляда, о котором уже упоминалось выше: «самый вид», «стоит только взглянуть». Остается лишь удивляться тому, что знаменитый философ, сомневающийся в объективной реальности самого мира, поскольку тот преимущественно представлен в нашем сознании и является лишь содержанием наших восприятий, так некритично относится к своему видению женского пола.

«Чем благороднее и совершеннее какая-нибудь вещь, тем позднее и медленнее достигает она своей

зрелости» [Там же. С. 627], – пишет А. Шопенгауэр. Эта закономерность, с точки зрения автора, явно указывает на слабый и скудный женский рассудок, который развивается скорее мужского (к 18 годам), однако по существу ограничен и близорук, не способен к прогнозированию и обобщению. Это же слабоумие является причиной большей склонности женского пола к сострадательному участию при полной неспособности к справедливости. Лживость, притворство, неверность, даже мелкое воровство – все это врожденные качества и склонности женской природы. «Природа» снабдила женщину всеми этими «естественными» чертами для того, чтобы подлинная низменная суть женского начала не сразу становилась очевидна мужчине. Поскольку иначе было бы невозможно такому низкому существу завоевать расположение человека (мужчины), что необходимо для продолжения рода человеческого, т.е., очевидно, для рождения новых мужчин. В этом заключается также и сам смысл существования женщин – быть средством продолжения рода: «...женщины существуют единственно только для распространения человеческого рода и этим исчерпывается их назначение» [Там же. С. 629]. Другими словами, природа мужчины / человека такова, что совершенное созревание его разума и раскрытие жизненных сил происходит достаточно поздно (28 лет). На всем этапе созревания мужчине необходима поддержка, не говоря уже о том, что кто-то должен заниматься таким не предполагающим разумного совершенства делом, как рождение и воспитание детей – для этого и необходимо существование женщин. Поэтому, с точки зрения А. Шопенгауэра, не стоит приписывать женщине никаких положительных достоинств, превышающих ее действительное предназначение. И даже красота является слишком возвышенным идеалом для такого односторонне предназначенного существа. Если взглянуть на женщину вне ее половой функции, она с неизбежностью предстанет как неизящное и неэстетичное существо: «...низкорослый, узкоплечий и широкобедный пол мог называть прекрасным только отуманенный побуждением рассудок мужчины: вся его красота и кроется в этом побуждении» [Там же. С. 630]. Если в женщине и видится иногда талант и склонность к изящным искусствам, то это не более чем проявление ее природной лживости и притворства: «обезьянство для целей кокетства и желания нравиться» [Там же]. Именно это представление о женщине является самым древним, именно оно является верным. Ложное уважение и почтение к европейским дамам искажает существенную второстепенность женского рода, а следовательно, ведет к деградации западного общества. Женщина должна смириться со своим местом «№ 2 человеческого рода» и не должна стремиться к какому бы то ни было равенству с мужчиной. Одним из важных свидетельств не социальной, а природной, естественной угнетенности женского пола является то обстоятельство, что предоставленная сама себе женщина не выдерживает самостоятельности и ответственности за свою жизнь. Независимая женщина спешит вручить управление собой в руки других, чаще всего – при-

мкнуть к какому-либо мужчине. Женщине необходим господин. «Если она молода – им будет любовник, стар – духовник» [Там же. С. 635], – заключает свое повествование А. Шопенгауэр.

Описывая наблюдаемую им очевидность женской природы, А. Шопенгауэр не задумывается о том, что эта очевидность парадоксальным образом созвучна тем критериям и категориям, которые философ использует для ее экспликации. Ущербность, второстепенность, пассивность, лживость – образуют специфический концептуальный каркас рассмотрения женственности. Таким образом, «взгляд» на женщин действует традиционный категориальный аппарат дуалистической системы, противопоставляющей разумное и чувственное, духовное и телесное, сильное и бессильное, активное и пассивное, правдивое и лживое, мужское и женское, наконец. И, что самое интересное, от А. Шопенгауэра ускользает тот факт, что использование этого категориального аппарата обусловлено отчасти тем, что ему просто не существует альтернативы, сам язык говорит о женщинах, автоматически встраивая свое говорение в бинарную систему мысли, сам язык смотрит на женщин глазами А. Шопенгауэра. «Что мы видим в окружающем нас мире, – пишет Дейл Спендер в своей статье “Мужчина создал язык”, – в большинстве своем зависит от тех принципов, которые закодированы в нашем языке. Но так как именно мужчины называли этот мир, отсутствует собственно сам выбор, и ошибочность предвзятых наименований, ими же созданных, проверке не подлежит» [3. С. 777, 783].

С другой же стороны, необходимо иметь в виду, что поскольку наблюдаемая А. Шопенгауэром реальность женского тесно связана с категориями, описывающими наблюдение, зависима от них, то само собой разумеется, что в этой реальности открывающейся классическому взгляду, нет ничего естественного или природного. Женщина не просто наблюдается посредством классического взгляда и подвергается классической дескрипции, женщина в не меньшей степени создается данным созерцанием и описанием.

Действительно, нет никакого положительного смысла в том, чтобы утверждать беспомощность, слабоумие и пассивность женского существа, если они сами по себе представляют обычное естественное явление природы и общества. Напротив, описываемая таким образом реальность, очевидно, предполагает некую скрытую, но ясно ощущаемую активность и силу, правда, совершенно особого рода. Эта сила и эта активность, это особое приложение женского ума осознаются автором как опасность не только для конкретного мужчины в отдельности, но и для всей западной культуры. Именно в этом контексте обретает смысл деятельное и творческое сопротивление классического дискурса, примером которого можно считать эссе А. Шопенгауэра, создающее безопасную ребячливую ничтожную картину женственности для того, чтобы подавить и обезоружить ту мощную энергию посягательства на власть, которую в действительности представляет собой этот «страшный» женский пол. Так, А. Шопенгауэр обращает внимание

читателей на исторические примеры негативного влияния женщин в спартанском и французском обществах, на современных ему «европейских дам». Однако философ не осознает того бросающегося в глаза факта, что эти примеры расточительности, властности, угрожающие самому привычному строю европейской жизни, ни в какой мере не укладываются в тот образ пассивного и слабоумного недочеловека, который он старательно выводит в своей работе. Очевидно, что это усердное желание «открыть глаза на истинную природу женщин» связано с ужасом перед открывающейся бездной их возможной и отчасти уже реальной власти.

Конечно, это власть совершенно особого рода, она не похожа на власть мужчин – открытую, конкурентную, гегемонную, власть «по праву». Женский стиль властвования в существующих условиях законного мужского господства тесно связан с действием «исподтишка», опосредованно, через воздействие на слабые места легитимного властного аппарата. Женщина стремится к реализации власти единственным доступным ей путем – через мужчину, опутывая его сетями чувственного возбуждения, ответственности за семью, необходимости зарабатывать деньги и отдавать их «своей» женщине. Однако ни хитрость женщины, притворяющейся слабым ребенком в этой ситуации, ни завуалированные слабостью настоящие мотивы ее действий не могут быть представлены как истинная женская природа. Поскольку представители любой социальной группы, находящейся в ситуации систематического подавления и угнетения, обречены на подобное искривленное поведение там, где все прямые пути и социальные лифты попросту невозможны. Как замечает в своем произведении еще один представитель классической парадигмы Г.В.Ф. Гегель, «женщины получают свое образование какими-то неведомыми путями» [4. С. 198]. Это прекрасное замечание раскрывает весь парадокс традиционного взгляда на женскую сущность – стремление некоторых женщин получить образование в обществе, где это невозможно, настолько велико, что они осуществляют его кривым способом вместо недоступного для них прямого. Однако и этот порыв истолковывается как признак их неразумия.

Таким образом, эссе А. Шопенгауэра представляет собой один из самых ярких примеров той властной дихотомии, о которой повествует Василий Позднышев в повести Льва Толстого. С одной стороны, очевидно действительное угнетенное положение женщин в традиционном обществе, где им отводится роль чувственного, телесного, слабоумного и пассивного существа. С другой стороны, активность женщин, проступающая сквозь это подчиненное положение, та власть, которую они захватывают благодаря или вопреки своей угнетенности, настолько явны, что заставляют классический дискурс вновь и вновь проговаривать «наглядную очевидность» их второстепенности, что каждый раз заново не только описывает их реальный социальный статус, но и творит его через это проговаривание.

Отто Вейнингер «Преодолеть женщину...». Еще один блестящий пример мизогинии и гинофобии

представляет собой знаменитое сочинение загадочно-го австрийского ученого и писателя с трагической судьбой – Отто Вейнингера. Его работа «Пол и характер» представляет собой чрезвычайно значимое с культурной и философской точки зрения произведение. В нем раскрывается с определенной степенью оригинальности и непосредственности один из глубочайших парадоксов классического «взгляда» на женщину, а именно непреходящее желание констатировать естественно второстепенное положение женщины в природе и социуме и, одновременно, такое же постоянное желание поставить ее на это место, за границы которого женщина постоянно рвется всем своим существом.

В начале своей работы О. Вейнингер указывает на несостоятельность существующего подхода к изучению половой дихотомии. Исследователи, как правило, исходят из резкого противопоставления мужчин и женщин, не беря во внимание тот важный момент, что внутри этих групп можно встретить различия не менее существенные, чем между самими группами. Данный подход разводит мужское и женское подобно «белым и красным шарам, которые лишены всяких различий между собою в пределах одного цвета» [5. С. 12]. Однако такое представление в корне противоречит реальности, где граница между полами предстает как нечто крайне размытое, допускающее не только разнообразие определенных тонов, но и полутона и переходы. Так, просто «невозможно указать на общие половые различия между всеми мужчинами и всеми женщинами» [Там же. С. 13]. При таком многообразии половых форм необходимо, с точки зрения автора, применить для описания пола некие идеальные величины – М и Ж (представляющие собой совокупность типичных признаков мужского и женского полов). Одновременно с этим исследователь должен постоянно отдавать себе отчет, что в чистом, «беспримесном» виде эти идеальные типы не встречаются в реальности совсем. Настоящий ученый должен рассматривать М и Ж в качестве предметов изучения несмотря на их абстрактность, точно так же как физик изучает свойства абсолютно твердого или абсолютно упругого тела, не смущаясь тем фактом, что в эмпирической действительности подобные абсолютные феномены не имеют места. Таков удел настоящего исследователя – работать в большей мере с абстракциями, нежели с реальностью как таковой, где «существуют только всевозможные ступени между совершенным мужчиной и совершенной женщиной, только известные приближения к ним, сами же они наглядно никогда не могут быть даны» [Там же. С. 17].

Эффективность применения идеальных типов к изучению полового многообразия обусловлена тем, что типичность М и Ж делает возможной их полную дескрипцию, в то время как реальные проявления пола могут быть изображены «в виде некоторого количественного смешения обоих типов» [Там же. С. 19]. Другими словами, реальное разнообразие половых проявлений либо вообще не может быть изучено по существу, либо может быть исследовано с помощью идеальной конструкции М и Ж, налагаемой на реаль-

ность и тем самым проявляющей в ней существенные характеристики пола.

Таким образом, «вооружившись» идеальными типами М и Ж, О. Вейнингер приступает к разъяснению главных черт и закономерностей жизни пола. Одним из важных проявлений этой реальности на социальном уровне представляется автору «женский вопрос». Причем О. Вейнингер специально оговаривает, что под женским движением он не подразумевает отстаивание женщинами разнообразных социально политических привилегий, доступа к образованию или определенному положению в обществе. Острота «женского вопроса» связана прежде всего с желанием женщины «внутренне сравняться с мужчиной, достичь его духовной и нравственной свободы, его интересов, его творческой силы» [5. С. 69].

О. Вейнингер ставит себе целью обосновать, что подобные амбиции свойственны только тем женщинам, которые по существу представляют собой такое смешение М и Ж, в котором М значительно превалирует над Ж. Таким образом, с точки зрения автора, необходимо видеть в амбициях такого рода законные и типичные притязания М, прорывающиеся сквозь женскую внешность. Это утверждение становится тем более очевидным, чем внимательнее настоящий исследователь полового вопроса вглядывается во внешность, манеру поведения и сексуальные предпочтения большей части значительных женщин, вошедших в историю человечества. Так, внешность этих женщин нельзя назвать женственной, грубые мужские черты выдают скрывающуюся внутри мужскую природу. Точно так же половые предпочтения эмансипированных женщин если не откровенно гомосексуальны, то, по крайней мере, обращены к мужчинам женственной внешности и женоподобного поведения. Этой же скрытой мужественностью можно объяснить и привычку талантливых женщин к мужским псевдонимам, при помощи которых они, как правило, не скрывают свое женское лицо, а, наоборот, подчеркивают свою мужскую натуру. И даже тогда, когда перед нами женщина женственная и обладающая бесспорным талантом, объяснения следует искать не в ней самой, т.е. не в ее даровитости, трудолюбии, целеустремленности, а в тех мужчинах (брат, отец, муж), которые своей кропотливой работой пробудили в ней данные склонности и укрепили своей поддержкой [Там же. С. 69–73].

Иными словами, исторический экскурс, представляющий типичные признаки эмансипированных женщин, демонстрирует преобладание в них мужской внешности и мужских склонностей, а следовательно, и мужской сущности как таковой. Из этого факта О. Вейнингер делает многозначительный вывод о бессмысленности и даже вредоносности женского движения: «долой женское движение» [Там же. С. 74]. Причина заключается в том, что развиваемое изначально в среде женщин с сущностным преобладанием М, в дальнейшем это движение становится модой, «заражающей» в том числе и тех женщин, которым по их внутренним задаткам совсем не свойственно стремление к равноправию. Благодаря такой неоправ-

данной экспансии подлинное предназначение Ж искажается лживыми и искусственными в основе своей стремлениями. Действительно, то, как именно большая часть женщин в современном мире распоряжается своим образованием (доступность которого уже давно не является проблемой или, по крайней мере, гендерной проблемой), демонстрирует правоту О. Вейнингера касательно неоправданного распространения диктуемого природой некоторых женщин (преобладанием М) порыва к получению знаний на женские массы, которые не могут и не умеют достойно распоряжаться доступом к этому интеллектуальному благу.

«Долой нелепую фразу о “полном равенстве”! – резюмирует О. Вейнингер. – Самая мужественная женщина имеет едва ли больше 50% М и *только* этому-то *чистому содержанию* она и обязана всей своей значительностью, иначе говоря, всем, что она при случае могла бы значить» [5. С. 74]. Сравнение списков выдающихся женщин и мужчин не может, вопреки назойливому желанию феминисток, свидетельствовать в пользу женского таланта и его систематического несправедливого угнетения. Напротив, «при внимательном рассмотрении лица женского списка *доказывают только мужественность гения*» [Там же. С. 75].

В этом анализе феномена женской эмансипации с непреодолимой ясностью раскрывается не только само по себе различие и противопоставление М и Ж, но и необходимые, с точки зрения автора, аксиологические акцентуации в этом различии. Мужское в своих типичных характеристиках есть нечто отличное и даже противоположное женскому, но, одновременно с этим, мужское есть значительное и талантливое, движущая и возвышающая сила в бытии и социуме, в отличие от незначительной и безличной тени женского. Более того, будучи идеальными величинами, М и Ж тем не менее позволяют понять и соответственно оценить реальных индивидов, которые представляют собой различные виды смешения данных типов. И «несмотря на все половые промежуточные формы, человек в конце концов все-таки одно из двух: или мужчина, или женщина, – подчеркивает О. Вейнингер. – В этой древней эмпирической двойственности заключается глубокая истина и пренебрегать ею нельзя безнаказанно» [Там же. С. 82].

Поскольку каждый конкретный индивид все-таки имеет большую часть типических признаков или М или Ж, то может быть назван мужчиной или женщиной соответственно, а следовательно, к нему может быть и должна быть применена общая аксиологическая схема. Соответственно, мужчина представляет собой все положительное культурное и смысловое содержание (рациональность, духовность, осмысленность, гениальность, потенциал действительного творчества и познания), тогда как женщина демонстрирует все самое ничтожное, бессубъектное, вещное в человеке. «Как бы низко ни стоял мужчина, он все же бесконечно выше самой возвышенной женщины, – обобщает О. Вейнингер, – настолько выше, что не может быть речи о сравнении, о сопоставлении» [Там же. С. 280]. Человеческое есть мужское по преимуществу, и страшная вина, даже «грех» мужчины

состоит в том, что он своей любовью сообщает женщине бытие, превращает ее из существа женского рода в женщину в собственном смысле.

Создается впечатление, что, приписывая женскому началу подобные атрибуты, О. Вейнингер просто описывает реальность, представляет ситуацию такой, какова она «на самом деле». Однако при дальнейшем анализе выясняется, что за женской вещностью, пассивностью и бессубъектностью скрывается некая особая рода активность женщин, выступающих в качестве субъектов и претендующих на власть над мужчинами и посредством них – над обществом в целом. Другими словами, одновременно со своей «ничтожностью» женственность представляет собой, по словам автора, и «серьезную опасность». Эта опасность кроется в том, что, ощущая свою подлинную негативную суть, женщина обращается к мужчине для того, чтобы он наделил ее существование смыслом. Более того, женщина в этой борьбе за свое существование целенаправленно использует самое опасное для мужчины орудие – сексуальность. Надевая маску безразличия к сексуальной сфере, создавая образ своей сущностной асексуальности, женщина внушает мужчине, что сексуальность на самом деле необходима именно ему и что удовлетворить вполне эту важную потребность он может лишь связав свою судьбу с определенной женщиной и сообщив ей, таким образом, и бытие, и смысл, и значительность. «Опираясь на мужчин, которые им во всем верили, – пишет О. Вейнингер, – им удалось убедить другой пол, что сексуальность является важнейшей и насущнейшей потребностью мужчины, что только женщина в состоянии удовлетворить все истиннейшие, глубочайшие желания его, что целомудрие представляет для него нечто неестественное и невозможное» [5. С. 368–369]. Иными словами, женщина манипулирует мужчиной, а следовательно, проявляет и целеустремленность, и субъектность, и активность, что никак не вписывается в предлагаемую картину ничтожной вещи. Ошеломляющими предстают результаты этой искусной манипуляции – мужчина подчиняется женщине и вся его социальная гегемония приносится к ногам опасного властелина: «...мужское целомудрие осмеяно; его больше не понимают; мужчина ощущает женщину не как грех, а как судьбу, собственное влечение не вызывает уже в мужчине стыда» [Там же. С. 369]. Овладение женщиной обретает такую значительность в современном обществе, что становится даже критерием самой мужественности – число союзов, наличие половой связи рассматриваются как «свидетельство достоинства мужчины» [Там же. С. 370]. Однако нельзя забывать, что это высокое значение сексуальности выгодно прежде всего именно женщинам, поскольку половой акт является их единственным способом закрепиться в бытии. Это подтверждается еще и тем фактом, что женское целомудрие, зачастую вызывающее уважение у мужчин, женщинами воспринимается исключительно в негативном свете: женщины презируют девственность в себе и других, желая только законным или даже незаконным способом избавиться от нее.

Однако О. Вейнингер выходит за рамки биоэссенциального подхода, рассматривающего женщину как естественную противоположность мужчины. Видимая ничтожность женщины, с одной стороны, и ее манипулятивная властность – с другой, имеют не природные, а социальные корни. Это становится особенно явно из проводимого автором сопоставления женщин с неграми и евреями. И хотя евреи, негры и женщины всегда находились в положении рабов, и причина этого феномена кроется в их собственных «рабских наклонностях», все же безнравственно видеть в них только рабов, не замечая существующей в ослабленном виде их человечности. «Никто не должен быть поработан, – утверждает О. Вейнингер, – хотя бы раб и хорошо чувствовал себя в своих оковах. В женщине же все еще таится слабое чувство беспомощности, безысходности, какой-то последний, хотя и очень плачевный след умопостигаемой свободы... Женщины все же люди и к ним следует относиться, как к таковым, хотя бы они этого никогда не хотели» [Там же. С. 375]. В действительности женщина предстает в современном О. Вейнингеру обществе как существо недостойное уважения, прежде всего по той причине, что женщины не уважают сами себя и более всего стремятся быть использованными в сексуальном отношении. Однако нравственный человек и честный исследователь не должен принимать такую точку зрения на женщин, даже если она распространена среди них самих. Женщина нуждается не в презрении, но в понимании для того, чтобы однажды она смогла бы выйти за рамки замкнутого круга своего рабского ничтожества, с одной стороны, и претензий на власть посредством сексуальности – с другой. Это понимание, призванное воспитать в женщине уважение к самой себе, должно привести в итоге к самоуничтожению женщины или, точнее, к ее самопреодолению, главной чертой которого должно стать внутреннее, искреннее, добровольное отвержение полового акта [Там же. С. 379].

Таким образом, австрийский ученый приходит к тому же самому выводу, что и Василий Позднышев в

повести Льва Толстого. Только прекращение половой жизни как таковой, ведущей к продолжению рода за счет уничтожения личности и человеческого достоинства, способно вывести человечество из сладострастного тупика муже / женской дихотомии. Открытая власть мужчин, унижающая женский пол и низводящая его до рабского положения не только в обществе, но и внутри собственного самопонимания и самоосознания, сопряженная со скрытой манипулятивной, чувственной, основанной на лживости и лицемерии властью женщин, должна быть преодолена для того, чтобы новые люди, не знакомые с унижающим действием пола, смогли создать действительно нравственное общество достойных уважения людей, открытых к познанию и подлинному самосовершенствованию. «Итак, – обобщает О. Вейнингер, – половой акт во всяком случае противоречит идее человечества. Но не потому, что аскетизм является долгом человека, а исключительно по той причине, что женщина в нем хочет являться объектом, вещью, и мужчина делает ей это одолжение и видит в ней только вещь, а не живого человека с известными внутренними психическими переживаниями» [Там же. С. 382].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что концепт мизогинии в классическом философском дискурсе, т.е. крайняя поляризация и субординация полов, как правило, предполагает сопряженный с ним концепт гинофобии, т.е. фиксации определенной опасности, исходящей из специфической, присущей женщинам претензии на власть. Эта претензия осуществляется особым способом воздействия на мужскую чувственность и сексуальность. При этом определение женщины в классическом дискурсе по существу противоречиво, поскольку рассматривает женщину одновременно и как воплощение слабости и пассивности, и, с другой стороны, как опасный источник дестабилизации мужского сообщества посредством реализуемых с большей или меньшей степенью успеха претензий на власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Собрание сочинений : в 22 т. Т. 12 : Повести и рассказы. 1885–1902 / коммент. В.Я. Линкова. М. : Худож. лит., 1982. 478 с.
2. Шопенгауэр А. Афоризмы и истины: Сочинения. Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001. 736 с.
3. Спендлер Д. Мужчина создал язык // Введение в гендерные исследования. Ч. II : хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетейя, 2001. С. 775–783.
4. Гегель Г.В.Ф. Т. 7 / Ин-т философии Коммунистической Академии ; пер. Б. Столпнера. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. 380 с.
5. Вейнингер О. Пол и характер. М. : ТЕРРА, 1992. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 9 февраля 2015 г.

THE POWER OF WOMEN: CULTURAL CONCEPTS "MISOGYNY" AND "GYNOPHOBIA" IN THE CLASSICAL PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 92-98. DOI 10.17223/15617793/393/14

Khitruck Ekaterina B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudr@vtomske.ru

Keywords: women; fear; power; discourse; dualism; A. Schopenhauer; O. Weininger.

This article deals with the problem of explication of women's destination in the classical philosophical discourse. Close relationship between the approval of the secondary position of women in society and in nature, on the one hand, and the recognition of the dangers posed by women, which causes their claim to control, on the other, are established. Thus, the descriptive function of discourse is considered to be one associated with the constitutive function. In this regard, a permanent talk of the female element de-

pendence not only describes the reality, but also creates a discursive mechanism for maintaining and approval of this situation in order to suppress the danger emanating from the women's claim to control. The female is considered in connection with two important aspects in the concept derived by Schopenhauer. Firstly, the woman is described as "obviously" weak, passive, dependent, half-witted, cunning and childish. The only woman's purpose is procreation. Secondly, this description of the female is seen as a necessary tool of suppression of the existing women's claim to control, which is a direct threat to the welfare of contemporary society in the philosopher's opinion. The famous work of an enigmatic Austrian scientist and writer with a tragic fate, Otto Weininger, is another brilliant example of "misogyny" and "gynophobia". His work *Sex and Character* (first published in 1903) is an extremely significant product from the standpoint of culture and philosophy. One of the paradoxes of the classical viewpoint on the woman is disclosed in his work with the specified degree of accuracy and originality. The paradox is a permanent desire to state the subordinate woman's position in society and in nature, and, simultaneously, a desire to put her in this position, while the woman is naturally eager to escape. However, O. Weininger went beyond the bio-essential approach treating women as a natural opposition to men. The perceptible woman's nothingness and her manipulative authoritativeness have a social origin rather than a natural one. Thus, the concept "misogyny" supposes the extreme polarization and gender subordination in the classical philosophical discourse. At the same time the concept "misogyny" assumes association with the concept "gynophobia" due to the fixation of a certain danger emanating from a specific inherent women's claim to control. The claim under discussion is carried out by a special influence on male sensuality and sexuality. Under this association the definition of a woman is essentially contradictory in a classic discourse, because it simultaneously states a woman as the embodiment of weakness and passivity and as a dangerous source of destabilization of the male community related with the success, to a greater or lesser degree, of women's claim to control.

REFERENCES

1. Tolstoy L.N. *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Works: in 22 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. Vol. 12, 478 p.
2. Schopenhauer A. *Aforizmy i istiny: Sochineniya* [Aphorisms and truth: Works]. Moscow: EKSMO-Press Publ.; Kharkov: Folio Publ., 2001. 736 p.
3. Spendler D. *Muzhchina sozdal yazyk* [Man created the language]. In: Zherebkin S.V. (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Kharkov: KhTsGI Publ.; St. Petersburg: Aletyya Publ., 2001. Pt. 2, pp. 775–783.
4. Hegel G.W.F. *Sochineniya* [Works]. Moscow; Leningrad: Sotsekgiz Publ., 1934. Vol. 7, 380 p.
5. Weininger O. *Pol i kharakter* [Sex and Character]. Moscow: TERRA Publ., 1992. 480 p.

Received: 09 February 2015

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7.01(082)

А.И. Белоус

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЖИВОПИСИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ИСКУССТВА ТОМСКА

Через обращение к теориям семиотики в методологическом плане и истории искусства Томска в культурологическом плане исследуется вопрос об утрате живописью роли одного из главных источников художественной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация; семиотика; томская живопись; культура.

В мире бесконечной коммуникации, многообразных форм и способов ее реализации искусство, и в частности живопись, давно находится на периферии. Почему картина, некогда бывшая одним из важнейших источников смыслов, значений, перестает таковой быть? Можно ли, выявив «разрывы» в коммуникации между художником и зрителем, восстановить прежнюю эстетическую востребованность художественной картины? Поставленные вопросы имеют фундаментальный характер, поэтому требуют обращения к теоретико-методологическим возможностям науки наиболее подходящей, на наш взгляд, обозначенной предметной области. И поскольку живопись рассматривается как коммуникативная система, то логичным является обращение к семиотике, которая с успехом применяется в лингвистических областях или, в терминах тартуско-московской семиотической школы, – «вторичных моделирующих системах» [1. С. 285]. Формальная структура трансформации коммуникативной функции будет содержательно наполнена культурологическим материалом из истории искусства Томска, поскольку главные вехи развития томской живописи в основных чертах отражают традиции европейской части России. Специфичные явления, такие как «областничество», «суровый стиль», указывают лишь на особенность содержания коммуникативного сообщения, но не структуру, поэтому не будут искажающим фактором. Такое движение – от общетеоретических положений к частным примерам и обратно – должно способствовать наиболее полному раскрытию проблематики.

Живопись как коммуникативная система. Задача живописи как коммуникативного источника состоит в том, чтобы передать идею, информацию, сообщение, как символического характера, так и эмоционального, субъекту видения. М.С. Каган подчеркивал, что искусство как система образов, уже заложенных в содержание, при коммуникативной «встрече» со зрителем проходит через содержание его взглядов, представлений, вкусов, чувств, трансформируя человека [2]. Особенность художественной коммуникации, по сравнению с другими видами движения художественно-культурных смыслов, состоит в том, что «текст» сообщения визуальный.

Трансформация живописных традиций происходит параллельно и с изменениями в теориях коммуника-

ции, а также нужно признать, что каждой эпохе свойствен свой семиотический стиль, свои способы аналитики текстов. Поэтому важно постоянно соотносить теоретические возможности разных наук при экспликации истории искусства, чтобы иметь наиболее достоверную версию по обозначенной проблематике.

Реалистическая живопись. Линейная коммуникация. В реалистической живописи художник воспроизводит видимые им объективные качества предмета. Изображение при этом статично, хотя и может иметь несколько планов, создавая эффект движения. По мнению М. Фуко, классическая живопись формирует некое общее место, позволяющее соотнести образы и знаки [3. С. 72–73]. Коммуникация при фиксации общего места функционирует по принципу узнавания.

Процессуально коммуникация в реалистическом искусстве может быть описана в терминах теории взаимодействия компонентов речевого события Р. Якобсона [4. С. 353]. В общих чертах она реализуется так: сообщение поступает от адресанта адресату, которые находятся в общем контексте, а послание расшифровывается с помощью понятного для субъектов коммуникации кода. Семиотически представленная схема полагает двух субъектов (автора и зрителя-читателя) взаимодействия, между которыми распределены функции создания и чтения письма (картина принимается в качестве текста). Также важны объем и аутентичность информации на «входе» и «выходе».

Эпоха реалистической живописи в истории искусства Томска гораздо более обширна, чем абстрактная. Одно из первых художественных явлений относится к XVIII в. Это была портретная живопись, которую могли позволить себе люди высокого социального ранга (как правило, чиновники). Изображения политически значимых персонажей (позже – личные портреты) того времени несли следующее сообщение, помимо буквального: статус владельца, политическую определенность. Как отмечает И.А. Манкевич [5], знаки в портрете активизируют определенные значения в голове зрителя, которые, в свою очередь, активизируются через программы «построения» смысла, позволяя указывать на какие-то иные, ситуативнозначимые образы – смыслы. Тем самым реализуется возможность для членов одной субкультуры «достраи-

вать» к использованию опыта других членов коллектива, расширять субъективные смыслы образа в рамках одной культуры. Портретная живопись служила коммуникативным базисом для социальных культурных групп.

Другой важный момент, на который обращает внимание А.Я. Гуревич, исследуя отсутствие портретной живописи в Средние века, это закрепление человека в определенных пространственно-временных координатах [6. С. 144]. Собственное изображение позволяет утвердить факт существования, зафиксировать достоверное историческое сообщение для других получателей.

В XIX в. живопись продолжает фиксировать реальность. Коммуникативная функция проявляется в том, что в промышленную эпоху художники, прибывшие из Санкт-Петербурга и Москвы, создают документальные сообщения-отчеты по становлению и развитию индустриальной мощи региона. Достоверность и полнота информации выступают основным приоритетом при составлении визуального текста.

В конце XIX – начале XX в. процессы развития художественной жизни Сибири происходят внутри движения «сибирское областничество». В данный период, как отмечает исследователь Е.А. Ветехин, зарождаются такие понятия, как сибирское искусство, сибирская художественная критика и сибирская интеллигенция. «Сибирские областники как самостоятельная социальная группа людей, полюбивших Сибирь, ее население, природу и связавших свою дальнейшую судьбу с этим краем, оказали значительное влияние на развитие не только экономической, политической жизни этого региона, но и на художественную жизнь сибирского общества. <...> Они явились своего рода организаторским фактором в изучении художественной жизни местного населения в разные исторические периоды. <...> Это такое звено социальной жизни, которое оказалось значимым для судьбы огромного региона России» [7. С. 25].

Искусство «областников» сообщало, помимо конкретно документального содержания, некую идентификацию сообщества, скрепленного собственным языком. С одной стороны, каждая отдельная художественная работа представляла индивидуальное сообщение, с другой стороны, являлась составным элементом в общем тексте, рассказывающем о сибирских художниках как самобытной группе.

Последующий период, начиная с первой половины 1920-х вплоть до середины 1950-х гг., характеризуется коммуникативной стратегией, декларированной государством. Наиболее распространёнными сюжетами в живописи являются отображение общественной и хозяйственной жизни: героический реализм, а также тема материнства. Функция искусства в большей степени сведена к пропаганде, поддержанию и воспроизведению языка власти, патриотизму.

В конце 1950-х – начале 1970-х гг. с притоком молодых художников Я.Я. Панова, В.Ф. Попова, К.Г. Залозного, В.Г. Гроховского, Г.М. Ламанова наблюдается обращение к историческим жанрам и бытовым сценам, а также к портретному жанру в духе

русского импрессионизма [8]. Следует упомянуть о таком явлении, как «суровый стиль», который даже в большей степени, чем «областничество» являлся идентификационной составляющей сибирской культуры. «Суровый стиль», по мнению Е.А. Мальцевой [9], послужил своеобразной реакцией на консерватизм в живописи и стал новаторским, самобытным направлением в Сибири вообще и в Томске в частности. Этот стиль стал своеобразной формой модернизации метода социалистического реализма, только с расширением и углублением связей с отечественными и мировыми традициями, повышением эстетических достоинств произведений. «Суровость» была связана с умножением художественной тематики, монументализацией станковой картины, более внимательным отношением к изобразительной форме, эмоциональной активностью живописной техники, выраженной гражданской позицией художника. Коммуникативный язык оставался публицистическим по своей сути, но с большим «словарным запасом», который обогатился за счет открытия внешних границ между городами России и других стран, а также благодаря внутреннему раскрепощению художника, который был более творчески свободен, чем в предыдущий исторический период.

Реалистическая живопись продолжает существовать и в последующие годы, однако открываются новые коммуникативные возможности, которые приводят к трансформации и семиотической теории.

Абстрактная живопись. Нелинейная коммуникация. Важнейшей чертой современного визуального искусства, которое берет начало еще в философии Декарта, являются «перемещение устремленности зрения» [10. С. 26] и выход за пределы видимого мира. Предлагается иной, более расширенный способ видения, который является не просто считыванием информации, движением по плоскости, но стремлением все тело превратить в глаз, стать самим созерцанием: видеть «затылком, теменем, висками и даже следами ног» [11. С. 186]. Современный швейцарский филолог Ж.-Ф. Жаккар констатирует, что «зрение в таком случае может быть только абстрактным» [12. С. 78].

Коммуникация в абстрактной живописи не имеет линейной направленности, не миметична, а сообщение от адресанта обладает многозначностью. Статус источника послания поставлен под вопрос: художник задает пространство, в котором зритель также может выступать создателем смыслов и образов. Двигаясь в русле мысли М. Фуко, можно утверждать, что художник в качестве автора формирует дискурсивные механизмы, задает знаковое поле, позволяющее создать несколько источников описания; становится автором теории, традиции, дисциплины, внутри которых, в свою очередь, могут разместиться другие книги и другие авторы [13. С. 14]. Поле интерпретаций, созданное визуальным образом, неисчерпаемо, в нем адресант и адресат могут вступать в диалог, а также порождать других коммуникативных субъектов, с которыми возможен полилог.

В процессе коммуникации автор создает свой неповторимый язык или, в терминах У. Эко, идиолект –

«особенный, неповторимый код говорящего» [14. С. 85]. Такой авторский код в беспредметном искусстве привносит своеобразный микрофизический уровень, который скрывает техническое исполнение, семантику и идеологические коннотации, позволяя многим делать вывод о бессмысленности сообщения. Однако, утверждает У. Эко, нефигуративное искусство создает сообщение, но делает это иначе, чем классическое искусство.

Наравне с коммуникацией во множестве лиц для абстрактной живописи применимо понятие, введенное Ю.М. Лотманом, которое представляет сообщение для самого себя – «автокоммуникацию» [15]. Система «Я-Я» подразумевает расширение коммуникативной функции от простого донесения информации к «творческому сознанию мыслящего индивида» [16. С. 607], создающего новый текст. В абстрактной живописи автокоммуникация, которая не может реализоваться иначе как в субъективном пространстве, переносится и на внешнего зрителя. Редуцирование в картине любого конкретного содержания, отображение не только и не столько того, «что» видит и переживает художник, но и «как» видится видение, отсылает зрителя к первозданности восприятия бытия, непосредственности и чистоте. Акт абстрактной живописи есть онтологизация творчества художника.

В нефигуративной живописи происходят две противоположные тенденции. С одной стороны, художник стремится к собиранию мира: втягивает не только объективные свойства реальности, но и субъективные, создавая многомерное пространство, стремящееся превзойти только лишь визуальное. С другой стороны, явно проступает прерывистое свойство коммуникации, как перебивание, включение множества говорящих и отвечающих. В своем эссе о творчестве Рильке М. Бланшо выразился, что «от того, насколько мы способны принимать вещь как таковую, зависит наше упование выразить себя через нее: надломленные существа находят для себя лучшее соответствие в обломках и кусках» [17].

О заметном появлении абстрактной живописи в Томске можно говорить с 1970-х гг., когда характерным направлением в искусстве, как подчеркивает историк культуры Сибири Т.В. Бабилова, становится развитие рефлектирующего сознания с «наивным» мироощущением [18]. Большинство произведений того времени пропитано обостренным чувством разлада с окружающей действительностью. Томская живопись, поддержанная лично Егором Лигачевым, испытывала небывалый подъем. Яркими представителями живописи этого периода были Ан.А. Шумилкин, А.А. Шумилкина, Г.И. Панаркин, Г.Н. Завьялов, Г.М. Ламанов и др. Их работы обладают большой искусствоведческой и культурной ценностью, несут «отпечаток» того времени. Позднее приобретают известность такие томские графики, как Р.В. Пантелеева, Т.И. Бельчикова, Н.В. Ратомская и Ю.А. Фатеев.

В 1990-е гг. в России с распадом СССР происходит идеологическая разобщенность в среде художников. Упраздняются общие темы, идеи, которые, в основном, директивно подавались «сверху». Картина

больше не является отражением общественного настроения, не задает нужный тон, не формирует мнение. Художники оказались предоставлены сами себе, в том числе и в финансовом плане.

Разноплановость художественных работ Томска характерна для сегодняшнего дня. Однако заметен уклон в сторону массового потребителя, сознательное написание картин «на продажу». Основные сюжеты для продажи – это «березки», городские сюжеты, зарисовки природы Томской области, интерьерные пятна в абстрактном стиле. Можно указать на немногочисленную группу художников, которые действительно занимаются творчеством. К ним, на наш взгляд, относятся П.П. Гавриленко, Р.Е. Асланян, В.Н. Долинский, Татьяна и Николай Коробейниковы, Г.Н. Завьялов, Lina Velina. В классическом стиле продолжают создавать картины И.Г. Панаркин и С.В. Панаркина.

Утраченная коммуникация. Живопись и реалистичного и абстрактного исполнения выполняет коммуникативную функцию по-разному. Оценивание качества коммуникативного акта происходит не по жанру живописи, а напрямую связано с разрушением сути эстетической информации, которая, по мнению М. Бензе, характеризуется бытием «на основе знака без значения». Знаки художественного языка передают смысл, но лишены предметного значения, т.е. несут бесполезную информацию, не соотносимую с практической целью. Данное суждение М. Бензе [20] передает в терминах теоретико-информативной эстетики старую кантовскую идею об искусстве как о лишенной внешней цели игре продуктивного воображения. То есть искусство не может быть создано «как средство», но лишь «как цель», должно быть соотносимо по значимости с масштабом человечества, а не преследовать утилитарную задачу.

Именно прагматичность и экономика зачастую определяют современное визуальное искусство, основным призыв которого – к покупке. Так, реализация данной метафоры недавно нашла воплощение буквально: на выставке была представлена работа с неоновой надписью на сером фоне «купи меня». Больше ничего она не изображала и ничего не имела в виду. Картина служила квинтэссенцией общего маркетингового позиционирования современной живописи.

В коммуникативном акте всегда есть иная сторона. Если искусство превращает себя в товар, то значит среда дает импульс для данного положения дел. Известные физиологи Л.А. Фирсов, А.М. Чиженков, обращаясь к исследованиям Десмонда Морриса, указывают, что человек-охотник предавался рисованию в случае трех мотиваций – магически-религиозной, утилитарно-коммуникативной и эстетической. После того как письменность повсеместно получила развитие, рисование потеряло одну из главных своих функций – коммуникативную, но сохранило эстетическое и магически-религиозное значения. В современном мире основная роль изобразительного искусства сводится к области чистой эстетики. Часто «человеческие» художники и художники-обезьяны получают удивительно похожие результаты. Какой

можно сделать вывод? В живописи сегодня, как и в живописи обезьян, явно упущен (и сознательно) элемент коммуникации. Обезьяна не поднялась до него в силу эволюционных причин, а у человека-живописца он опущен потому, что коммуникативный аспект отдан более эффективным фотографическим и электронным методам, а также связан с прагматическим устремлением [20].

Спектр важных вопросов остается открытым: возможно ли «насытить» современную живопись коммуникативной составляющей, чтобы зритель обратился к ней, или стоит констатировать, что мир сегодня переведен в товарно-денежные отношения и в нем нет места важным смыслам? Это взаимосвязано и с социальным устройством общества, при котором художник зачастую вынужден рисовать для продажи, ставя творчество на рыночные рельсы. Должно ли государство ставить в про-

грамму развития своих граждан эстетическое воспитание и просвещение, и тогда художник должен быть «выдернут» из проблемы «прокармливания»?

В прогрессирующем движении коммодификации эстетического как категории, когда на место объекта искусства ставится хоть что-то, чтобы «заполнить место» (это могут быть экскременты, мусор), возможно, утраченная коммуникация не восстановима современниками. Художник как проводник времени, в котором он живет, не может выйти, подняться над товарно-денежным способом существования, как бы он ни стремился. Визуальный текст, созданный в Томске во времена наиболее продуктивной коммуникативной связи автора и зрителя, особенно в периоды «сурового стиля», как нам видится, может служить тем очищающим и расчищающим истинное общение проводником.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
2. Каган М.С. Морфология искусства. М. : Искусство, 1972. 440 с.
3. Фуко М. Это не трубка. М. : Художественный журнал, 1999. 152 с.
4. Jakobson R. Concluding Statement. Linguistics and Poetics // Style in Language, ed. T.A. Sebeok. Cambridge & New York : Cambridge University Press, 1960. P. 350–373.
5. Манкевич И.А. Культура и социокультурные коммуникации. СПб. : Инфо-да, 2014. 86 с.
6. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство, 1984. 350 с.
7. Ветохин Е.А. Развитие художественной жизни Сибири в контексте влияния сибирского областничества : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2008. 24 с.
8. Лапшин В. Сибирь Социалистическая. Зональная выставка. Художник РСФСР. Л., 1967. С. 5–15.
9. Мальцева Е.А. Тенденции развития сибирской живописи второй половины 1950-х начала 1970-х гг.: проблема «сурового стиля» : дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2005. 218 с.
10. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск : Водолей, 1996. 192 с.
11. Матюшин М. Опыт художника новой меры // К истории русского авангарда. Stockholm, 1976. С. 160–182.
12. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда / пер. с фр. Ф.А. Перовской. СПб. : Академический проект, 1995. 471 с.
13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет : пер. с франц. М. : Касталь, 1996. 448 с.
14. Эко У. Отсутствующая структура. М. : Петрополис, 1998. 432 с.
15. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семiosфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. С. 159–165.
16. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур // Лотман Ю.М. Семiosфера. СПб., 2001. С. 603–614.
17. Бланио М. Пространство литературы. М. : Логос, 2002. 288 с.
18. Бабинова Т.В. Омск – региональный центр художественной жизни Сибири во второй половине XX века : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 183 с.
19. Бензе М. Введение в информационную эстетику // Искусство-метрия: Методы точных наук и семиотики / сост. и ред. Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова. 3-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. С. 198–215.
20. Фирсов Л.А., Чиженков А.М. Очерки физиологической психологии. СПб. : Астер-Х, 2003. 200 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 01 февраля 2015 г.

THE TRANSFORMATION OF THE COMMUNICATIVE FUNCTION OF ART IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF ART IN TOMSK

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 99-103. DOI 10.17223/15617793/393/15

Belous Anastasiya I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: beliiapfel@yandex.ru

Keywords: communication; semiotics; Tomsk art; culture.

The main questions which set the direction of the study were as follows: Why does the picture that has once been one of the most important sources of meanings, values cease to be such? Is it possible, having identified the "gaps" in the communication between the artist and the viewer, to restore the old aesthetic demand for artistic painting? In order to approach the answer to this question systematically, theoretical and methodological foundations of semiotics were used. The formal structure of the transformation of the communicative function is meaningfully filled with culturological material of the history of art in Tomsk, as the main elements in the development of Tomsk painting in its main features reflect the traditions of the European part of Russia. In realistic painting, an artist reproduces visible objective qualities of the subject. In general, it is implemented as follows: message comes from the sender to the addressee, who are in the general context, and the message is decrypted using a code understandable to the subject of communication. Since the 18th till the end of the 19th centuries realism in Tomsk painting was presented by the portrait genre, as well as by documentaries. At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries a special cultural event in Tomsk was the "Siberian regionalism" movement. In the 1960s the "Severe style" appeared. The communicative message, in addition to a specific documentary content, contained some identification of a community bonded with its own language, with a special reality within a group and position-

ing of artists as "Siberian" to the outside world. Communication in abstract painting, which appeared in Tomsk since the 1970s, is characterized by the absence of a linear orientation. Message from the sender has many meanings and the source status of the message is called into question. The artist sets a space in which the viewer can also act as the creator of meanings and images. Today, the world of painting in general, and in particular for Tomsk, tends towards the mass market, conscious painting "for sale". The problem of the loss of communication in art is associated with the destruction of the essence of aesthetic information, which, according to M. Benze, is characterized by being "based on the sign of no value". Signs of artistic language convey meaning, but they lack subject matter, i.e. they contain useless information which is not correlated with the practical purpose. Art can not be created "as a tool", but only "as a goal", which should relate by significance to the scale of humanity, rather than pursue a narrow utilitarian task.

REFERENCES

1. Lotman Yu.M. *Ob iskusstve* [On art]. St. Petersburg: Iskusstvo SPB Publ., 1998, pp. 14–285.
2. Kagan M.S. *Morfologiya iskusstva* [Morphology of art]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1972. 440 p.
3. Foucault M. *Eto ne trubka* [This is not a pipe]. Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal Publ., 1999. 152 p.
4. Jakobson R. *Concluding Statement. Linguistics and Poetics*. In: Sebeok T.A. (ed.) *Style in Language*. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1960, pp. 350–373.
5. Mankevich I.A. *Kul'tura i sotsiokul'turnye kommunikatsii* [Culture and socio-cultural communication]. St. Petersburg: Info-da Publ., 2014. 86 p.
6. Gurevich A.Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture]. 2nd edition. Moscow: Iskusstvo Publ., 1984. 350 p.
7. Vetokhin E.A. *Razvitie khudozhestvennoy zhizni Sibiri v kontekste vliyaniya sibirskogo oblastnichestva: avtoref. dis. kand. iskusstvovedeniya* [The development of the artistic life of Siberia in the context of the influence of Siberian regionalism. Abstract of Art History Cand. Diss.]. Barnaul, 2008. 24 p.
8. Lapshin V. *Sibir' Sotsialisticheskaya. Zonal'naya vystavka* [Socialist Siberia. Fine Arts Exhibition]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR Publ., 1967, pp. 5–15.
9. Mal'tseva E.A. *Tendentsii razvitiya sibirskoy zhivopisi vtoroy poloviny 1950-kh nachala 1970-kh gg.: problema "surovogo stilya": dis. kand. iskusstvovedeniya* [Trends in the development of Siberian painting of the second half of the 1950s – beginning of the 1970s: the problem of "severe style". Abstract of Art History Cand. Diss.]. Barnaul, 2005. 218 p.
10. Shpet G.G. *Yavlenie i smysl* [Phenomenon and sense]. Tomsk: Vodoley Publ., 1996. 192 p.
11. Matyushin M. *Opyt khudozhnika novoy mery* [The experience of the artist of a new measure]. In: Khardzhiev N. (ed.) *K istorii russkogo avangarda* [On the history of Russian avant-garde]. Stockholm, 1976, pp. 160–182.
12. Jacquard J.-F. *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda* [Daniil Kharms and the end of Russian avant-garde]. Translated from French by F.A. Perovskaya. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ., 1995. 471 p.
13. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years]. Translated from French. Moscow: Kastal' Publ., 1996. 448 p.
14. Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura* [The absent structure]. Moscow: Petropolis Publ., 1998. 432 p.
15. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 2000, pp. 159–165.
16. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 2000, pp. 603–614.
17. Blanchot M. *Prostranstvo literatury* [The space of literature]. Moscow: Logos Publ., 2002. 288 p.
18. Babikova T.V. *Omsk – regional'nyy tsentr khudozhestvennoy zhizni Sibiri vo vtoroy polovine XX veka: avtoref. dis. kand. iskusstvovedeniya* [Omsk as the regional center of artistic life in Siberia in the second half of the 20th century. Abstract of Art History Cand. Diss.]. Moscow, 2005. 183 p.
19. Benze M. *Vvedenie v informatsionnuyu estetiku* [Introduction to information aesthetics]. In: Lotman Yu.M., Petrov V.M. (eds.) *Iskusstvo-metriya: Metody tochnykh nauk i semiotiki* [Methods of exact sciences and semiotics]. 3rd edition. Moscow: Izd-vo LKI Publ., 2008, pp. 198–215.
20. Firsov L.A., Chizhenkov A.M. *Ocherki fiziologicheskoy psikhologii* [Essays of physiological psychology]. St. Petersburg: Aster-X Publ., 2003. 200 p.

Received: 01 February 2015

ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНЫЕ ФОРМЫ НЕЯВНОЙ ПРОПАГАНДЫ НАЦИЗМА КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Реалии современного социокультурного мира актуализируют проблему формирования профессиональной методологической программы, позволяющей эффективно работать с материалами, содержащими нацистскую символику и атрибутику. Общественные ожидания в этом случае возлагаются на культурологическую экспертизу, задачей которой является установление соответствия / несоответствия ценностного и смыслового содержания исследуемых культурных текстов действующим нормам. Автор предлагает анализ отдельных форм скрытой пропаганды нацизма, разрушающей основы национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: культурологическая экспертиза; национально-культурная идентичность; отечественная культура; пропаганда; демонстрация; нацистская символика и атрибутика; нацистская идеология.

Нынешняя политика государства демонстрирует попытки восстановления духовного единства российского общества, актуализирующие поиск его скрепляющих принципов. На новом историческом этапе вновь ставится задача осмысления базовых составляющих культурной и национально-культурной идентичности, реализующейся в коллективном формате. Уникальность отечественной модели культурной идентичности обусловливается интегративной природой, включающей разнообразные (национальные, религиозные, социальные, а также ценностно-смысловые, нормативно-традиционные и др.) уровни. Институциональные же формы поддержки общекультурного единства, безусловно, являются заботой государства. Именно государство, формируя особое символическое пространство, насыщенное ценностно-смысловым содержанием, закрепляя образы, нормы и стили, передавая мифы и истории, интегрирует социокультурное пространство, создавая необходимые условия для социального взаимодействия и личностной самореализации [1. С. 263]. К инструментам же, способным обеспечить единство общества через формирование его коллективной идентичности (понимаемой как осознание тождества и различий с людьми, включенными в другие общности), относят осмысление и трансформацию передаваемой поколениями культурной информации, наделяемой особым ценностно-смысловым содержанием.

В ряду подобного рода значимой информации – события Великой Отечественной войны, которые, представляя наше общее историческое прошлое, становятся уникальным компонентом национально-культурной идентичности. На это указывает, в том числе, сформировавшаяся система художественных образов, воплощающих военную тематику в отечественном искусстве. Знаково-символическая структура подобной репрезентативной модели и сегодня остается неизменной по своим содержательным и морально-этическим составляющим. Более того, ее смысловая и аксиологическая устойчивость приобретает конвенциональный характер. Свастика, фасции, атрибуты немецкой униформы, приветственные жесты, факельные шествия и тому подобные изображения с позиции представителя русского мира содержат идеологические смыслы нацистской Германии (либо фашистской Италии). Подобная смысловая укоренен-

ность таких означающих остается важной составляющей национально-культурной идентичности российского общества и в определенной степени влияет на внутренние и межкультурные контакты. Так, особым коммуникативным маркером в межкультурных взаимоотношениях является безальтернативно негативная оценка идеологии нацизма и демонстрации нацистской символики. Вместе с тем, как показывает практика, выход из единого пространства культурной памяти (через механизм пересмотра некогда общих культурных смыслов и ценностей) инициирует поиск новой идентичности, что становится причиной деструктивного коммуникативного поведения.

В свете указанных процессов законодательное закрепление негации по отношению к демонстрации нацистской атрибутики и символики становится попыткой укрепления фундамента культурного единства России. Принятый Государственной думой Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» запрещает «использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах» [2]. Несмотря на усилия правового характера оградить общество от реставрации нацистской идеологии, существует серьезная проблема распространения ее элементов в разнообразных изобразительных формах в пространстве современного искусства и масс-медиа. Систематически обнаруживаются примеры как явных, так и скрытых форм пропаганды нацизма, провоцирующих этический релятивизм и неоднозначность толкования фактов истории, вердикт которым не подлежит пересмотру и является неотъемлемой составляющей культурной памяти российского общества. Вместе с тем художественно-образные системы, содержащие нацистскую символику, требуют адекватного и взвешенного анализа. С одной стороны, опасно игнорировать распространение нацистской символики, ссылаясь на постмодернистский характер современного культурного пространства, допускающего морально-этический и эстетический релятивизм. С другой стороны, неверно огульно криминализовать любое изображение, включающее нацистскую символику, вне анализа контекста и характера его применения.

Таким образом, реалии современного культурного мира актуализируют проблему формирования профессиональной методологической программы, позволяющей эффективно работать с подобными материалами. Общественные ожидания в этом случае возлагаются на культурологическую экспертизу, в широкое предметное поле которой входят исследования знаков коммуникации, связанные с определением нарушений моральных норм в разного рода текстах [3]. Однако ее принципы и методы находятся в стадии разработки и являются предметом активных дискуссий [4]. Целью статьи является попытка представить анализ отдельных форм скрытой пропаганды нацизма, что может оказать теоретико-методологическую помощь в процессе их выявления.

Прежде всего, обратимся к понятиям «пропаганда» и «публичное демонстрирование», ориентирующим экспертную практику. Поскольку данные понятия являются ключевыми в формулировке принятого Государственной думой Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», постольку они важны для процедуры выявления легитимности / нелегитимности изображений. Так, в ст. 6 ФЗ «Борьба с проявлениями фашизма» установлен запрет на использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющий многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах; установлен запрет на пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики или символики организаций, признанных преступными либо виновными в совершении преступлений в соответствии с Нюрнбергским трибуналом [2].

Демонстрация нацистской символики рассматривается в качестве действий, благодаря которым ее восприятие становится доступным (публичное выставление, воспроизведение на страницах печатных изданий или в фото-, кино- и видеоматериалах и т.п.). Под пропагандой (лат. *propaganda* – распространение) понимается деятельность по распространению знаний, художественных ценностей, информации с целью формирования определенных взглядов и представлений, в том числе целенаправленное распространение в массах той или иной идеологии и политики, влияющие на общественное мнение [5]. К пропагандистскому инструментарию относят манипуляционные технологии, осуществляемые посредством разного рода символов (слов, жестов, плакатов, отличительных знаков и проч.). Средствами пропаганды могут выступать практически любые виды и жанры искусства, а также технические виды воздействия на общественное сознание (СМК, ТВ, Интернет и т.п.). В основе любого пропагандистского сообщения лежит идеологически окрашенная информация, несущая определенную – ангажированную оценку. Формы же выражения оценки могут быть различны: «от внешне нейтральной констатации фактов до эмоционального призыва – лозунга» [6]. При этом пропаганду как коммуникационный процесс отличает мощная целевая направленность, в том числе инициирование практических действий. В этом случае психосеманти-

ческие формулы в виде вербальных либо визуальных текстов становятся «руководством к действию» [6]. Здесь возникает вопрос: остается ли действенной пропагандистская функция образной системы в условиях иной историко-культурной реальности? Отвечая на него отрицательно, мы можем апеллировать к тому, что пропагандистская «начинка» идеологических конструкций активна исключительно в контексте «своей» эпохи. В случае же перемещения в иную социокультурную среду специфические художественно-образные приемы, формирующие оценочный контекст доносимой информации, могут терять эту функцию. Соответственно, идеологически ангажированная система знаков (например, свастика или эмблема СС), включенная в художественную модель иного рода, теряет свой первоначальный пропагандистский характер.

Следует заметить, что данная позиция интерпретатора легитимирует полисемантизм и отказ от однозначной этической оценки по отношению к новой художественно-образной конструкции. Положительный ответ на поставленный выше вопрос позволяет привлечь внимание к опасности возрождения аутентичного содержания нацистской символики и образов. В основе наших подозрений предположение, что веер интерпретаций, нейтрализующий доминанту пропагандистского характера, не устраняет их бесследно. При определенных условиях изображение, включающее нацистскую символику, репрезентирует первоначальные смыслы, несмотря на художественно-образное алиби инородной системы. Именно в этом, мы полагаем, содержится опасность демонстрации указанных элементов, за визуальной констатацией которых может стоять подспудное разрушение основ национально-культурной идентичности. Обозначим ряд условий, провоцирующих реанимацию идеологического содержания нацистской символики.

Прежде всего, нельзя обойти вниманием множество форм открытой пропаганды фашизма. К ним относят публичность проводимых нацистских акций; пропаганду объективности фашистской идеологии, являющуюся следствием практики двойных стандартов в отношении антифашистских инициатив; популяризацию фашизма, выраженную в ношении обмундирования, атрибутов, распространении сайтов; активизацию участников войск вермахта или СС; распространение электронных игр с соответствующей тематикой и т.д. [7].

В отличие от подобных случаев, оперирующих демонстративным набором знаков и символов нацистской идеологии, существует немало примеров ее неявных форм выражения. Среди таковых можно рассматривать демонстрацию образцов пропагандистского искусства Третьего рейха (в виде первоисточников либо их стилизации, ретроимитации), лишенную какого-либо авторского комментария. Создаются нейтральные репрезентативные условия, при которых минимизируется оценочный контекст. На усмотрении реципиента (обладающего собственным культурно-историческим опытом) и интерпретация содержания демонстрируемых образов, и их этическая оценка. Однако ценностно-смысловой нейтралитет здесь соблюсти невозможно как минимум по двум причинам.

С одной стороны, данная знаково-символическая система становится объектом адекватной оценки (морально-этической, историко-политической и т.п.) согласно традициям и нормам отечественной культуры. Необходимо вспомнить, что в немецком агитплакате эпохи Третьего рейха и в заказном политизированном искусстве «Стаальной романтики» сложилась знаковая система отличительных символов и образов, обслуживающих идеологию (свастика, фюллер, СС, знаки военных отличий и проч.). Сформировалась стилевая модель, которую характеризовал узнаваемый набор средств выразительности: приемы монументализации образов, их особое пластическое решение, нацеленное на передачу гармоничных, атлетических пропорций телесности, соответствующих античному идеалу; идеализация черт лица, типизация и реалистическая выразительность внешности, характерные движения и т.п. Таким образом, с позиции отечественной культурной традиции содержательной основой художественно-образной системы искусства Третьего рейха в целом, как и ее отдельных элементов, является идеология нацизма. Так, свастика в рамках данной визуальной традиции не может рассматриваться в качестве нейтрального эстетического объекта, представляющего самого себя либо древнеархаичный солярный символ.

С другой стороны, не секрет, что сегодня существует аудитория, не включенная в контекст исторической памяти, характеризующей национально-культурную идентичность; не приобщенная к ценностно-смысловым установкам отечественной культуры. Такие зрители, сталкивающиеся с подобной формой демонстрации художественно-образной системы, содержащей нацистскую символику, не застрахованы от влияния изначально заложенных пропагандистских смыслов. Важным механизмом, подчеркнем, здесь является минимизация комментария, выраженная в демонстративном отказе от любого рода изобразительных приемов (сопроводительных надписей, техник коллажа, цветовых и композиционных приемов и пр.), формирующих интерпретационный контекст предъявляемого материала и направляющих «неосведомленное» восприятие. Благоприятной почвой для подобных материалов становится Интернет, где можно обнаружить и «сомнительную» графику на тему Второй мировой войны с образами нацистов, и плакаты в стиле ретро, на поверку оказывающихся откровенной рекламой неонацистских сайтов.

Выделим еще одну разновидность скрытой пропаганды нацизма, использующей аналогичный механизм псевдонейтральной демонстрации, при которой, тем не менее, демонстративно купированы негативные смыслы феномена нацизма. Материал на тему Второй мировой войны подается таким образом, что однозначность оценки фашизма / нацизма оказывается проблематизирована. Лидеры фашизма представлены как обычные люди со слабостями и достоинствами вне контекста совершенных преступлений против человечества. Подобные примеры однобокой демонстрации Гитлера, Муссолини или Франко без учета их деяний (концлагерей, геноцида и т.п.) иссле-

дователи предлагают рассматривать в качестве открытой и безбоязненной пропаганды фашизма [7]. Однако подчеркнем, что в данном случае имеет место противоположная открытой пропаганде стратегия непризывного, вкрадчивого характера. Она нацелена не на прямое распространение идеологии и политики нацизма, а на формирование амбивалентного к нему отношения, подспудно разрушающего ценностную парадигму отечественной культуры. Практика показывает, что наиболее активно используются архивно-документальные первоисточники (фото- и видеоматериалы, включая живопись), демонстрирующие А. Гитлера, представителей Вермахта, высшего военного руководства Третьего рейха, а также рядовых членов национал-социалистической партии Германии. Помимо помпезных сцен военных парадов и факельных шествий, нацисты представлены в окружении детей, цветов, на отдыхе, в моменты оперативных совещаний в уютной обстановке и т.п. Как и в первом случае, основное опасение вызывает контекстуальная неопределенность, от которой могли бы застраховать множество разнообразных приемов начиная с политики подборки материалов и художественных средств, упомянутых выше. Отсутствие же идейно-смыслового контекста, помещающего визуальный ряд в негативный, критический, историко-просветительский, сатирический либо иной другой формат интерпретации, провоцирует этический релятивизм. Наряду с негативным содержанием (антигуманизм, антиинтеллектуализм, шовинизм, антисемитизм), закрепленным за данной системой образов, предлагается позитивная концепция «человеческого лица фашизма». В итоге «безобидные» изображения получают самодостаточный характер и исподволь транслируют изначально заложенные смыслы, а именно прославления и пропаганды фашизма.

Следующей формой неявной пропаганды нацизма, на наш взгляд, является включение нацистской символики и образов в принципиально инородную художественную систему. В качестве примера (имеющего место в экспертной практике) можно рассматривать совмещение путем коллажа изображений нацистов и христианских образов. Целенаправленно конструируется такая образная, цветовая и композиционная структура коллажа, при которой ключевые образы, воплощающие две несовместимые системы ценностей, сосуществуют бесконфликтно. Если для подобной «игры со смыслами» используется архивно-документальное изображение Адольфа Гитлера и иконописный образ Иисуса, то, будучи встроенными в подобную единую художественную систему, они теряют свою оппозиционность. Примиряются две несовместимые парадигмы. Диссонанс между образом Гитлера (воплощающим идеологию тоталитаризма и антигуманизма) и образом Иисуса (символом христианских, гуманистических ценностей православной культуры) дезавуируется при помощи специальных художественных средств и приемов. В итоге формируется неопределенное по содержанию и морально-этическим установкам изображение. В данном случае следовало бы оценить потенциальное много-

образе интерпретаций, но вызывает сопротивление тот факт, что ценностно-смысловой релятивизм оказывается действующим на территории норм и традиций отечественной культуры.

Завершая наши рассуждения, обратим внимание на проблему иного рода. Среди основных задач культурологической экспертизы – установление соответствия / несоответствия действующим правилам и нормам социокультурной действительности ценностно-смыслового содержания исследуемых материалов. Работа с культурными текстами (визуальными, аудиовизуальными, вербальными и пр.) требует взвешенного подхода, опирающегося, в том числе, на законодательную базу. Между тем серьезные опасения вызывает новая формулировка Федерального закона, потенциально криминализирующая любые изображения, включающие нацистскую символику и атрибутику, вне учета контекста их использования. В соответствии с внесенными поправками от 4 ноября 2014 г. № 332-ФЗ в ст. 6 ФЗ формулировка «запрещается пропаганда и публичная демонстрация» заменена на формулировку «запрещается пропаганда *либо* публичное демонстрирование» указанной атрибутики и символики [2]. Тем самым задается установка на равнозначную «ненормативность» как пропагандистского содержания (с чем мы не спорим), так и факта демонстрации. Но если к выявленным признакам пропаганды фашизма однозначно отрицательное отношение, то демонстрация указанных образов и символов не во всех случаях эти признаки имеет. Будучи объектами культурологического / искусствоведческого анализа, они не могут рассматриваться вне общей системы образов, в которую помещены. Принципиальное значение имеет контекст, включая показанные выше способы его минимизации. Нелегитимное изображение (к примеру, свастика) может включаться в художественно-образную систему в качестве особого символа, выполняющего принципиально иные – не пропагандистские – задачи. В ряду подобных примеров следует рассматривать использование свастики в качестве метафоры. Известно, что метафоризация как художественный прием входит в практику политической публицистической сатиры [8, 9]. Стремление же представить в максимально невыгодном виде явление, подвергаемое острой критике, нередко приводит к метафоризации на базе негативных исторических параллелей. Однако мировая художественная практика показывает, что при использовании метафор актуализируются не все, а лишь отдельные компоненты значений используемой образной системы, на основе которой происходит сравнение и устанавливается сходство. В этом случае выполняется основная функция публицистической карикатуры – осмеяние и

разоблачение каких-либо общественных явлений, что нейтрализует экстремистскую и пропагандистскую природу используемых знаков. Сатира как жанр борется с порочными явлениями, социальными недостатками, негативными проявлениями в общественной жизни, показывая его в нелепом виде. Усиливает эффект воздействия использование негативных образов, так как обращение автора к аудитории в данном случае носит ярко окрашенный эмоциональный характер [9]. Однако при подобных типах визуальной метафоризации не задействована основная часть семантических составляющих феномена нацизма (оскорбительных и недопустимых с точки зрения общественной морали). Таким образом, мы полагаем, что демонстрация запрещенной символики, помещенной в метафорический и сатирический контекст, лишается своей агитационно-пропагандистской функции и не может характеризоваться в качестве действий, направленных на внедрение в общественное сознание идеологии нацизма.

Подводя итоги, подчеркнем, что наряду с открытой пропагандой фашизма опасны и разрушительны ее скрытые формы выражения. В ряду подобных примеров мы выделили, во-первых, создание нейтральных ценностно-смысловых условий демонстрации образцов немецкого пропагандистского искусства Третьего рейха; во-вторых, однобокую подачу материалов, купирующую негативное содержание нацистских образов, нацеленную на формирование «человеческого лица» его лидеров; в-третьих, включение нацистской символики и образов в принципиально инородную художественную систему, провоцирующее неопределенность ценностно-смыслового содержания. Во всех трех случаях действующим механизмом, реанимирующим пропагандистский характер образов, является стратегия их псевдонейтральной демонстрации, т.е. минимизации приемов, формирующих интерпретационный контекст.

Таким образом, приходится иметь дело не с прямым распространением идеологии и политики нацизма, а с явлением, «дезориентирующим» восприятие феномена нацизма, что подспудно разрушает ценностную парадигму отечественной культуры. Мы полагаем, что самосохранение национально-культурной идентичности обуславливает, в том числе, наличие табуированных областей, на которые не распространяется этический и смысловой релятивизм, характеризующий постмодернистское мышление. Сама социокультурная реальность показывает, насколько не безобидны игры со смыслами, жонглирующие нацистской символикой в современном культурном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории: Научный альманах. Человек в поисках идентичности. 2010. Т. IV. С. 255–281.
2. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (с изменениями и дополнениями. URL: <http://base.garant.ru/1518946>
3. Садохин А.П. Теоретико-методологические ресурсы культурологической экспертизы // Культурологический журнал. Электронное периодическое рецензируемое издание. 2012. № 3 (9). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11
4. Культурологическая экспертиза: теоретические модели и практический опыт / сост. Н.А. Кривич. СПб.: Астерион, 2011. 590 с.

5. Большая Советская энциклопедия : в 30 т. М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978. URL: <http://slovari.yandex.ru>
6. Современный энциклопедический словарь. URL: <http://encyclopediaic.slovaronline.com>
7. Пырин А.Г. Новые тенденции в пропаганде фашизма / Журнальный клуб Интелрос // Вестник Российского философского общества. 2011. № 3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-3-59-2011>
8. Зыкун Н. Сатирические жанры в жанровой палитре журналистики: обобщение современных научных подходов // Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом : сб. науч. трудов. Белгород : Константа, 2014. С. 200–209.
9. Артемова Е.А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. С. 175.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 12 февраля 2015 г.

ARTISTICALLY-SHAPED IMPLICIT PROPAGANDA OF NAZISM AS A SUBJECT OF CULTURAL EXPERT STUDY

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 104-108. DOI 10.17223/15617793/393/16

Savelieva Elena N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru; kulturtsu@yandex.ru

Keywords: cultural expertise; national-cultural identity; national culture; propaganda; demonstration of Nazi symbols and attributes; Nazi ideology.

Current government policy demonstrates an attempt to restore the spiritual unity of the Russian society. There is a task of understanding the basic components of national cultural identity, which is realized in a collective format. Tools to ensure the unity of society through the formation of its collective identity include the preservation of cultural information, giving special value-semantic content. In a series of such events is the Great Patriotic War, which, representing the common historical past, becomes a unique component of the national-cultural identity. This is indicated by the formation of the system of artistic images that embody the military theme in art. A symbolic model, including Nazi symbols and attributes, remains one of the representatives of the Russian world expression of the ideological meanings of Nazi Germany today. However, in the modern reality, the semantic and axiological stability of such images is problematized. With the aim of strengthening the foundation of the cultural unity it was decided to legislatively negate the demonstration of Nazi symbols. However, despite the efforts of the legal nature to protect society from the restoration of the Nazi ideology, there is an issue of distribution of its elements in a variety of visual forms in the space of modern art and mass media. The greatest danger is artistic and image forms of hidden propaganda of Nazism, destructively influencing the basis of national cultural identity. Thus, the realities of the modern cultural world emphasize the problem of formation of a professional methodological program that allows one to work effectively with such materials. Public expectations in this case rest on cultural expertise. The aim of the article is an attempt to provide an analysis of certain forms of hidden propaganda of Nazism, which can provide theoretical and methodological assistance in the process of detecting them. In a series of such examples we have identified, firstly, creating neutral value-semantic conditions of demonstration of German propaganda art of the Third Reich; secondly, the one-sided flow of materials aimed at creating a "human face" of its leaders; thirdly, the inclusion of Nazi symbols and images in a completely foreign art system. In the three cases, the operating mechanism reanimating the propagandistic nature of the images is the strategy of minimization of techniques that form the interpretive context. Thus, we have to deal not with the direct dissemination of the ideology and policy of the Nazis, but with the phenomenon misleading the perception of the phenomenon of Nazism, which implicitly destroys the value paradigm of the national culture.

REFERENCES

1. Astafeva O.N. Restructurizatsiya i demarkatsiya kollektivnykh identichnostey v usloviyakh globalizatsii: budushchee natsional'no-kul'turnoy identichnosti [Restructuring and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2010, vol. IV, pp. 255–281.
2. Federal Law of May 19, 1995 no. 80-FZ "On perpetuation of victory in the Great Patriotic War of 1941-1945" (as amended and supplemented). Available from: <http://base.garant.ru/1518946>. (In Russian).
3. Sadokhin A.P. Theoretical and Methodological Resources of Cultural Expertise. *Kul'turologicheskiy zhurnal – Journal of Cultural Research*, 2012, no. 3 (9). Available from: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/148.html&j_id=11. (In Russian).
4. Krivich N.A. *Kul'turologicheskaya ekspertiza: teoreticheskie modeli i prakticheskiy opyt* [The cultural expert examination: theoretical models and practical experience]. St. Petersburg: Asterion Publ., 2011. 590 p.
5. *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 v.]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969–1978. Available from: <http://slovari.yandex.ru>.
6. *Sovremennyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Modern Encyclopedic Dictionary]. Available from: <http://encyclopediaic.slovaronline.com>.
7. Pyrin A.G. Novye tendentsii v propagande fashizma [New trends in fascism propaganda]. *Vestnik rossiyanskogo filosofskogo obshchestva – Bulletin of the Russian Philosophical Society*, 2011, no. 3. Available from: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-3-59-2011>.
8. Zykun N. *Satiricheskie zhanry v zhanrovoy palitre zhurnalistiki: obobshchenie sovremennykh nauchnykh podkhodov* [Satirical genres in the genre palette of journalism: generalization of modern scientific approaches]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy medialingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom* [Topical issues of modern media-linguistics and media criticism in Russia and abroad]. Belgorod: Konstanta, 2014, pp. 200–209.
9. Artemova E.A. *Karikatura kak zhanr politicheskogo diskursa*: dis. kand. filol. nauk [Caricature as a genre of political discourse. Philology Cand. Diss.]. Volgograd, 2002. 175 p.

Received: 12 February 2015

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ XIX в. В ФИЛОСОФИИ ИСКУССТВ ВАГНЕРА

Проанализированы проблемы взаимодействия романтической философии и творчества Вагнера. Было рассмотрено влияние И. Шеллинга и Л. Фейербаха на философскую систему Вагнера. Также были проанализированы причины возникновения философии в творчестве Вагнера-композитора. Причины эти были объяснены с точки зрения социологических теорий Г. Тарда и Г. Лебона. Таким образом, философская система Вагнера, синтезирующая воззрения различных философов периода романтизма, служила материалом для продвижения оперного творчества композитора.

Ключевые слова: Р. Вагнер; И. Шеллинг; Л. Фейербах; Г. Тард; Г. Лебон; социальная психология; проблема «вожди и массы»; революция; христианство; Античность.

Особая роль искусства Вагнера заключена не только в гениальности, с которой он воплощал свои творческие замыслы, но и в том воздействии, которое он оказывал на культуру XIX–XX вв. Его творчество до сих пор остается источником для научных исследований, и до конца причины такого феномена не определены. В истории культуры трудно найти творца, который бы оказал влияние практически на все виды искусств и наук XIX–XX вв. Почему творчество оперного композитора имело такой резонанс в культуре XIX–XX вв.? В чем заключена уникальность его гения и его личности?

Очевидно, что подобное влияние не исчерпывалось только влиянием его гениальной музыки. Многие крупные деятели культуры подчеркивали, что Вагнер привлекал их, прежде всего, не как музыкант, а как мыслитель. Так, Р. Роллан, рассказывая о своих впечатлениях от постановки музыкальных драм Вагнера в Париже, признавался: «Как странно: самое большое удовольствие, которое я получаю от этих представлений, – удовольствие интеллектуальное... Я проникаюсь сразу и без размышлений мощной идеей сюжета, его всеобщим значением, силой характеров, драматической выдумкой, словом, всей литературной и философской частью. Что же до музыки, она очень хороша, но в ней нет ничего неожиданного» [1. С. 320]. Об этом же говорят и писатели совершенно иных эстетических взглядов, например Л. Доде: «Ужасно глупо в этом признаваться, но мы восхищались преимущественно либретто» [Там же. С. 274]. То же самое говорил о восприятии Вагнера своими современниками – французскими поэтами и писателями, прежде всего символистами – А. Жид: «Мне казалось, что... Малларме, и те, кто его посещал, искали в музыке все же литературу» [2. С. 12]. Небывалый синтез музыки и идей художника обусловили уникальное воздействие композитора на искусство разных стран и видов искусств.

Рассмотрим причины влияния личности и творчества Вагнера на искусство XIX–XX вв. с позиций социологических теорий о взаимоотношениях вождя и массы, где вождь – это Вагнер, его идеи, творчество, а массы – европейское сообщество середины XIX – начала XX в.

В современных теориях социальной психологии подробно описаны характеристики действий, воспри-

ятия, мышления «вождя и масс». Опираясь на позиции, высказанные в теориях Г. Тарда и Г. Лебона, мы прослеживаем логику поведения толпы и методы воздействия на нее Вагнера. Он был, пожалуй, единственным творцом в истории культуры, в истории музыки, который смог интуитивно, в силу своей гениальности, воздействуя на психологию масс, обеспечить своему творчеству небывалую популярность и распространение.

Вагнер отвечает всем характеристикам вождя, владеющего умами современников. Его влияние на свою эпоху можно рассмотреть с точки зрения взаимоотношений «вождя и масс», теорий, разработанных социальной психологией. Корреляционная пара «вождь и массы» – Вагнер и европейская публика XIX – начала XX в. – образована нами потому, что функционирование композитора в обществе того времени и реакция этого общества соответствуют схеме, описанной в теориях по социальной психологии.

Один из создателей социальной психологии Г. Тард [3] утверждает, что помимо масс существует класс людей, составляющих творческую элиту общества. Это люди-творцы: вожди, религиозные проповедники, политики, ученые, деятели искусства. Они отличаются от массы прежде всего тем, что невосприимчивы к внешнему влиянию или внушению. Элита, говоря современным языком, негибнательна. Это позволяет ей создавать новые идеи, вводить изменения, демонстрировать новшества – словом, быть творцами. Именно они выступают активной силой исторических изменений, генерируют общественный прогресс. Поскольку творческая элита никому не подражает, то массы подражают ей. В этом и заключается, в первую очередь, ее способность увлекать массы, влиять на них и управлять ими. Она ведет массы за собой потому, что массы стремятся подражать ей. Но почему элите подражают? Потому что у творцов, изобретателей нового имеется то, чего лишены массы, и, напротив, нет того, что у масс в избытке. Другими словами, элита обладает творческим потенциалом и у нее отсутствуют податливость, конформизм. Итак, фигура творца по своим характеристикам прямо противоположна массе. Поэтому человек, способный к созданию нового, вызывает в массах восхищение. А кем восхищаются, тому и стремятся подражать. Таким образом, сама способность вызывать восхище-

ние, восторг, обожание является способностью оказывать внушение, влиять на других, т.е. гипнотической способностью. В конечном итоге – это способность вести за собой. Но гипноз творца, как и медицинский гипноз, воздействует на бессознательное людей. Поэтому массы воспринимают влияние элиты бессознательно и все те идеи и теории, образцы и примеры нового, которые масса воспринимает и которым подражает, она считает не заимствованными, а своими собственными. Каждый человек массы и общество в целом пребывают в этой иллюзии. Жить заимствованными идеями и образцами и считать их своими собственными – это и есть, по мнению Тарда, общественный сомнамбулизм, или жизнь в своего рода гипнотическом сне. Тем не менее именно этим гипнотическим состоянием и навешанными им иллюзиями характеризуется, с точки зрения Тарда, общественная жизнь.

Г. Лебон [4] считал, что истинные вожди – люди особого склада. Они, как правило, осознают себя миссионерами, призванными осчастливить весь мир, все человечество. Поэтому сила вождя – в той идее, которой он заразился и фанатичным приверженцем которой он стал, будь то идея религиозная, социальная, политическая – любая. Вагнер обладал многими характеристиками вождя – гений, харизматическая личность, но самое главное, он был одержим воплощением одной идеи: создание и воплощение собственного произведения искусства будущего, своих опер. Необычность роли Вагнера в развитии культуры состоит в том, что он, продвигая собственные сочинения, базировался на идеях своего времени, одновременно с этим порождал новые идеи, которые станут актуальными не только для развития музыкального искусства, но и для других видов искусства и наук (соотношение искусства и политики, проблема бессознательного в науке и искусстве, воплощение иррационального начала в искусстве и т.д.).

Идея, которую несет вождь, не выдумана им самим, она воспринята, взята им из коллективных верований масс. Вождю необходимы другие качества, прежде всего – инстинктивное ощущение массы. Поэтому вождь – это не сгусток интеллекта, а квинтэссенция бессознательных верований коллективной души толпы. Вождя отличает особая чувствительность к чаяниям, настроениям, верованиям массы. Он словно камертон, настроенный на звучание души масс. Восприняв коллективные верования толпы, сколь бы абсурдными и безумными они ни были, вождь, уже в виде столь же безумной идеи, вновь бросает их в массу. Но прежде он сам страстно заражается этой идеей, подпадает под ее гипноз, так что идеи, которыми он увлекает массы, заряжены его сверхинтенсивной эмоциональностью и неистовой убежденностью.

Вагнер в своем творчестве синтезирует философские, литературные, музыкальные идеи, музыкально-драматические формы своего времени. Результатом этого синтеза становится рождение и реализация его собственной идеи – создание нового оперного жанра. Мы рассмотрим те литературные и философские источники, которые стали основой для возникновения

его литературно-философской концепции. Так, его центральная идея вбирает в себя множество источников: романтические сюжеты в литературных и музыкальных произведениях (И. Гете, Г. Гейне, Ф. Шуберт, Р. Шуман), идеи романтических философов (Л. Фейербах, А. Шопенгауэр, Новалис, Й. Гердер, И. Шеллинг и др.). Важно и то, что Вагнер включает в свои литературно-философские труды популярные идеи, бытующие в общественном сознании того времени – социально-революционные идеи, иррационализм, сенсуализм и др. В результате Вагнер создает собственный миф, состоящий из базовых идей своего времени. Его можно назвать вагнеровским мифом европейского романтизма, в котором есть различные уровни мифологии: музыкальный, социальный, психологический, национальный, личностный и т.д. Благодаря этому небывалому комплексу идей Вагнер обеспечивает своему творчеству широкий резонанс в различных кругах европейского общества. Важным представляется рассмотреть те идеи Вагнера, которые имели резонанс в европейском обществе. Это: национальное в искусстве, политика и искусство, Gesamtkunstwerk, символизм, мифология.

В своих музыкально-эстетических трудах Вагнер создает несколько концепций, разрабатывающих основные идеи своего времени: роль революции в создании произведения искусства будущего (Гейне), роль национальной (немецкой) принадлежности искусства будущего (Гегель), самопознающая себя природа в искусстве будущего (сенсуализм Шеллинга), проблема существования искусства в современном обществе (критика христианства, эвдемонизм, пантеизм, антропология Фейербаха), теория синтеза искусств (Шеллинг), мифология (Шеллинг).

Все эти категории являются неотъемлемым атрибутом философских концепций того времени. Заслуга Вагнера заключается в том, что он переносит эти категории в эстетику и философию романтического музыкального искусства. Вагнер на их основе создает новую концепцию о роли музыкального искусства в современном обществе. Рассмотрим и сравним основные категории философии немецкого романтизма и их трактовку в трудах Вагнера.

Мы обратились к трудам авторов, которые не были изучены ранее. Проследим влияние взглядов Г. Гейне, Л. Фейербаха, Гегеля, Шеллинга и их взаимодействие с философией Вагнера. В современной вагнериане много внимания уделяется проблемам общности взглядов Вагнера и таких философов, как Ницше, Шопенгауэр, Хайдеггер. Однако взаимосвязь взглядов Вагнера и Гейне, Вагнера и Фейербаха, Шеллинга и Вагнера – проблема, не изученная в искусствоведении.

Мы рассмотрим их воздействие по степени влияния на мировоззрение композитора. Вначале мы рассмотрим взаимодействие эстетических взглядов Вагнера и Гейне, так как влияние поэта было наименее масштабным и затрагивало лишь некоторые аспекты философской системы композитора. Далее мы проследим взаимодействие взглядов Фейербаха и Вагнера, так как мы считаем, что философия Фейербаха

сформировала музыкально-эстетические взгляды Вагнера. Она является «ключом» для понимания сущности, изложенной в статьях композитора. Далее такие категории, как национальное искусство, синтез искусств и мифология, сенсуализм, бессознательное, мы рассматриваем в связи с философскими воззрениями Шеллинга, Гегеля, Новалиса.

За стремлением Вагнера реализовать свою центральную идею – создать произведение искусства будущего – стоит также желание композитора доминировать на европейском музыкально-оперном небосклоне. В этом желании заключается еще одна черта, характерная для вождя, творца-гения. Вождь стремится господствовать над массой, движимый тщеславием, желанием прославиться, жаждой быть известным. Таким образом, вождь (Вагнер), восприняв коллективное верование (требование нового искусства, соответствующего новому социальному строю), оформляет его в виде идеи (произведения искусства будущего), связывает его со своим именем, делает его авторским. В результате получается так, что преклоняясь перед идеей и верой, массы преклоняются уже перед ним, поскольку теперь он – символ веры и источник идеи. Стремление прославиться и обессмертить свое имя обставляется как стремление прославить и обессмертить идею и веру. В результате, прославляя идею, вождь славит свое имя. Он дает его своему учению, движению, своей партии, своим соратникам и последователям. «Знаменитость собирает хоры, – пишет в этой связи Э. Канетти. – Она хочет слышать в них свое имя. Это могут быть хоры мертвых, живых либо еще не живущих, все равно, лишь бы это были огромные хоры, произносящие его имя» [5. С. 425].

Вагнер, продолжая развивать идеи революционного изменения общества через произведение искусства будущего, рассматривает следующее ключевое понятие своего мифа – категорию немецкого искусства. Идеальная основа в его трудах во взглядах на проблему национальной принадлежности искусства была воспринята им из трудов Гегеля, который был автором концепции национализма в Германии XIX в. Идеи Гегеля были распространены в Австрийской империи. Гегель был придворным философом при дворе Вильгельма II – монарха Пруссии. Гегель разрабатывает не только историческую и тоталитарную теорию национализма, ясно осознавая психологические возможности национализма. В национализме Гегель видел, прежде всего, возможности для управления массами. Он видел, что национализм отвечает одной потребности – желанию людей найти и определить свое место в мире и включиться, так сказать, в мощное коллективное тело [6. С. 92–94]. Его идеи поддерживали многие немецкие романтики того времени, которые ратовали за «прусский путь» развития Германии – по сути дела, националистическую концепцию в искусстве и философии. Гегель в своих трудах описывал несколько теорий относительно развития государства, мы в своем исследовании затрагиваем те теории, которые, по нашему мнению, были использованы Вагнером. Согласно концепции Гегеля, государство

представляет собой воплощение духа (или, в современных терминах, крови) самозарождающейся нации (или расы). Г. Лебон, продолжая и развивая концепцию Гегеля, пишет о существовании «коллективной души» массы. Лебон отмечает, что нижний слой психики, на котором базируется «коллективная душа» массы, складывается из инстинктов, страстей, чувств, верований, обычаев и т.д. Этот слой психики формируется, по мнению Лебона, на протяжении многих и многих поколений, так что корни его уходят в архаическое прошлое человека. Данный психический уровень абсолютно одинаков у всех людей, принадлежащих к одной культуре. Бессознательный уровень психики, таким образом, уравнивает всех людей, делает их одинаковыми, а общество – гомогенным. (Позднее эту идею Лебона позаимствует Карл Густав Юнг, который назовет бессознательный слой психического «коллективным бессознательным».) Лебон же использовал другое понятие – «коллективная душа», имеющее истоком понятие «коллективное сознание», предложенное основателем французской социологической школы Эмилем Дюркгеймом, которым тот объяснял механизм функционирования первобытных примитивных, традиционных обществ. Единая для всех людей данной расы (национальности, культуры) душа формируется благодаря наличию глубинного слоя психического бессознательного [7. С. 10].

Причиной того, что Вагнер считал важным, как и Гегель, обращение к «коллективной душе» расы, кроется в том, что она является причиной возникновения такого феномена, как масса, толпа (или группа). Через влияние, воздействие на массы можно добиться распространения своих идей, своего творчества и т.д. Вагнер в своих трудах развивает еще одну идею, высказанную Гегелем, крайне националистского толка, которая гласит, что одна избранная нация (ныне – избранная раса) обречена на мировое господство. Так, Вагнер активно обсуждает категорию немецкого искусства. Оно для Вагнера состоит из двух понятий: национальная, а именно немецкая принадлежность искусства и роль искусства в современном европейском мироустройстве. Важна не только идея создания нового музыкально-драматического жанра, а его географическая принадлежность и его функционирование в социуме. Акцентируя внимание на этих категориях, Вагнер обеспечивает своим произведениям главенство, приоритет над другими национальными школами.

Вагнер начинает продвижение своих произведений с декларации их национальной принадлежности. Для него это не просто новая точка отсчета в немецком искусстве, это начало истинно верного направления в искусстве. Вагнер безапелляционно пишет о том, что только Германия может быть родиной истинного искусства. «Немец имеет исключительное право называться музыкантом, ибо лишь о нем можно сказать: он любит музыку ради нее самой – не потому, что ею можно очаровывать, не потому, что с ее помощью можно добыть авторитет и деньги, но потому лишь, что она есть божественное, прекраснейшее из искусств, которое он боготворит, и, когда он отдается

ей всецело, она становится для него всем на свете» [8. С. 38–39].

Однако в Германии до Вагнера не существовало оперной школы. Причину этого он находит в социальном устройстве страны: разобщенности Германии на мелкие княжества, не сообщающиеся между собой, в экономической непривлекательности профессии музыканта для немца.

Создавая здание немецкой оперы, Вагнер использует известный прием софизма: дискредитация чужого и возвышение собственных идей. В этом отношении Вагнер продолжает традиции Гегеля во взглядах на развитие государства. Гегель считает, что пропагандистская ложь вполне допустима в так называемой этической идее войны (тотальной и коллективистской) молодых наций против старых. Вагнер дискредитирует успешно развивающиеся оперные школы того времени: итальянскую и французскую, достаточно бездоказательно, выражая собственное негативное отношение к ним и подчеркивая только их недостатки. «Существует выражение: у итальянца музыка служит любви, у француза – обществу, немец же занимается ею как наукой. Его можно перефразировать и более удачно: итальянец – певец, француз – виртуоз, немец – музыкант» [Там же].

Франция, по определению Вагнера, довольствуется чужими достижениями, не желая совершенствоваться. «Французская публика в массе своей вполне удовлетворена национальными произведениями и не ощущает ни малейшей потребности развивать свой вкус. Тем более ценно искреннее признание чужих заслуг высшим слоем ценителей, которые с энтузиазмом восхищаются всем новым и прекрасным, что приходит к ним из-за рубежа» [Там же].

Однако композитор отдает признание Италии, которая имеет хорошую певческую школу. «Как сама природа, так и политическое устройство отечества ставят немецкому музыканту жесткие пределы. Природа не дала ему органа, приспособленного для свободного и нежного пения, подобно глоткам счастливых сынов Италии; политическое устройство препятствует выходу немца на большую арену. Оперный сочинитель вынужден прежде всего изучать итальянскую манеру пения, а для постановки своих произведений подыскивать заграничные подмости, ибо в Германии он не найдет сцены, с которой мог бы представить свое творение» [Там же. С. 39–40]. Таков итог софистики Вагнера. (Конечно, в этом абзаце явно прослеживается и собственный печальный опыт композитора при постановке своих произведений в Париже.)

Почему именно Германия должна стать родиной будущего великого жанра? Немец, по рассуждению Вагнера, обладает замечательным качеством: «...музыка немцев не потеряла своей сердечности и правдивости» [Там же]. Провинциальный немецкий музыкант благодаря своему положению в обществе сможет создать новое, искреннее искусство. «Именно в таких вот спокойных и невзыскательных семьях обитает немецкая музыка – здесь, где она является средством душевного отдохновения, а не средством блистать, она поистине у себя дома» [Там же]. Другие

национальные музыкальные школы ориентированы на воплощение модных тенденций, которые приносят солидный доход. Вагнер выступает против коммерциализации искусства. По мнению Вагнера, у немецкой музыки есть достоинство, утраченное другими музыкальными школами, – тесная связь с церковной музыкой. Страсти И.С. Баха являются тем превосходным образцом, на который можно опереться, создавая новую немецкую оперу. В них использован непревзойденный литературный источник – весь текст Евангелия дословно положен на музыку, в отдельных частях включены отдельные церковные песнопения и хоралы, которые поются всей общиной. В результате, заключает Вагнер, «исполнение страстей носит характер большого религиозного праздника, в котором принимают участие и музыканты и община. В них проявилась вся суть, все внутреннее содержание немецкой нации – эти великолепные творения вышли из самого сердца, из жизни народа» [Там же. С. 38–39].

Вагнер, подтверждая историческую значимость немецкой оперы, обсуждает значение творчества для немецкой культуры таких титанов европейской культуры, как Моцарт и Бетховен. Моцарт был тем немецким композитором, которому, по мнению Вагнера, удалось соединить достоинства итальянской оперы и немецкого гения. Небывалый успех итальянских опер Моцарта привел к тому, что его оперы стали переводиться в Германии на немецкий язык. Произведением, которое открывает дорогу немецкой опере, Вагнер считает «Волшебную флейту». Оно соединило высшие достижения итальянской оперы и немецкого зингшпиля. «Благодаря этому с самого начала произведению была обеспечена весьма популярная внешняя форма: в основе сюжета лежала фантастическая сказка, причудливость сказочных образов должна была сочетаться с изрядной примесью юмора. Что же построил Моцарт на этой диковинной основе? В самом деле, гений шагнул здесь даже слишком далеко, ибо, сотворив немецкую оперу, он одновременно представил нам ее непревзойденный шедевр, что само по себе исключало дальнейшее развитие этого жанра» [Там же. С. 44–45].

Бетховену в этом процессе создания нового жанра немецкой оперы Вагнер отводит особую роль. Бетховен благословляет Вагнера на создание этого жанра. Вагнер в статье «Паломничество к Бетховену» описывает свою встречу с великим немецким гением. «Я (Вагнер) выразил ему восторженную благодарность за такую поистине редкую милость. Слезы выступили у меня на глазах – мне хотелось упасть перед ним на колени. Бетховен, казалось, заметил, как я растроган и взволнован. Он посмотрел на меня с улыбкой, одновременно и печальной и насмешливой» [9. С. 77–78]. Более того, Бетховен, по словам Вагнера, отдает право создания национальной оперной школы Вагнеру. Бетховен, по мнению Вагнера, не хотел писать оперы, так как не видел театра, для которого он мог бы написать свое произведение. «Я не сочинитель опер, во всяком случае я не знаю театра, для которого охотно снова написал бы оперу!» [9. С. 77–78], говорит Бетховен Вагнеру. Вагнер подробно мотивирует отказ

Бетховена от написания оперы. Бетховен, по мнению Вагнера, скептически относится к вокальной музыке, – «я силен в инструментальной музыке, а вокальная не моя стихия» [Там же]. В рассуждениях Бетховена о роли вокального искусства в отражении мировой гармонии можно отметить начало вагнеровской теории синтеза искусств. «Инструменты передают изначальные звуки мироздания и природы; то, что они выражают, нельзя точно определить, нельзя ясно установить их характер, ибо они передают изначальные чувства, как они возникали из хаоса первоначального мира, возможно, еще до появления того человека, который мог бы принять эти чувства в свое сердце. Совершенно иное – человеческий голос; он выражает человеческое сердце и его замкнутое индивидуальное чувство. Это ограничивает его характер, но зато он определен и ясен. Вот и надо соединить эти два элемента и слить их воедино!» [Там же]. Бетховен, со слов Вагнера, признавал, что его видение оперы не пригодно для современного зрителя и театральной постановки. В его рассуждениях можно заметить отсвет идей самого Вагнера. Это прослеживается и в оценке современного оперного театра, публики, требовании непрерывного развития без деления на арии и дуэты. «Если бы я захотел написать оперу по своему вкусу, зрители убежали бы из театра, потому что в этой опере не было бы арий, дуэтов, терцетов и всех тех лоскутов, из которых в наше время сшиваются оперы, а то, что написал бы вместо этого я, никакой певец не согласился бы петь и никакая публика – слушать. Им нравятся только лживый блеск, пустое сверкание и скучная слащавость. Того, кто написал бы подлинную музыкальную драму, сочли бы за дурака, да он бы и был дураком, если бы не оставил такое произведение для себя, а вынес его на суд публики» [Там же]. Вагнер характеризует композитора-реформатора от имени Бетховена следующим образом. «Кто старается приспособить всякую дребедень для певцов с более или менее сносными голосами и сорвать аплодисменты и крики “браво!”, тому бы лучше быть парижским дамским портным, а не композитором музыкальных драм» [Там же].

Вагнер, таким образом, доказывает приоритетность развития жанра именно немецкой оперы и оставляет за собой право развивать этот жанр, основываясь на мнении авторитетных источников. Статья «Паломничество к Бетховену» демонстрирует еще один метод овладения вниманием толпы. Г. Лебон утверждает, что подчинить толпу – это значит ввести ее в заблуждение, обмануть [7. С. 14]. Но здесь же находится и способ овладения толпой. Как видим, путь к обману масс лежит через их самообман. Массы, по мнению Г. Лебона, легко впадают в состояние сродни наркотическому или гипнотическому, отчего повышается их внушаемость. В этом состоянии они верят абсолютно всему и, соответственно, совершают все, что им приказывают. Речь, как не трудно догадаться, об обмане масс – сознательном или бессознательном. Чаще имеет место именно второй вариант.

Другие аспекты своей философии – сенсуализм, пантеизм, эвдемонизм – Вагнер трактует, продолжая

традиции Фейербаха, Шеллинга и других классических философов своего времени. Вагнер использует конструкцию философских трактатов – традицию обращения к таким категориям, как сенсуализм, пантеизм, эвдемонизм, религия и т.д. Однако Вагнер трактует эти понятия в нужном для его концепции аспекте. Здесь следует отметить большое влияние философии Фейербаха на труды Вагнера. Оно начинается с того, что одна из программных статей композитора «Произведение искусства будущего» начинается с посвящения Л. Фейербаху (сравните «Основы философии будущего» Л. Фейербаха). При ближайшем рассмотрении можно проследить единство концепций авторов. Более того, можно сказать, что философия Фейербаха является «ключом» к литературным трудам Вагнера. Композитор не дает обоснования материализму, атеизму, эвдемонизму в своих трудах. Его обоснования являются продолжением философской антропологии Фейербаха. Трактат Вагнером категории природы продолжает традиции пантеистических воззрений Шеллинга и в еще большей степени Фейербаха. Так, Фейербах считает, что «у природы нет ни начала, ни конца. В ней все находится во взаимодействии, все относительно, все одновременно является действием и причиной, все в ней всесторонне и взаимно» [10. С. 602]. В философии Фейербаха, Шеллинга, а затем и Вагнера природа важна не сама по себе, а как инструмент познания окружающего мира. Так, Фейербах считает, что в лице человека природа ощущает, созерцает себя. Шеллинг уделяет вопросам самопознающей себя природы большее внимание, чем Фейербах, и этот аспект из философии Шеллинга в определенной мере заимствует и развивает в нужном ему направлении Вагнер.

Искусство Шеллинг рассматривает как процесс «самосозерцания духа». Природа внушает, вдохновляет художника на создание произведения искусства. Художник вкладывает в свое произведение, помимо того, что входило в его замысел, «некую бесконечность», не доступную ни для какого «конечного рассудка». Поэтому мы, созерцая объект искусства, постигаем высшие планы. Произведение искусства является продуктом гения. Творческая деятельность свободна и в то же время подчинена принуждению, сознательна и бессознательна, преднамеренна и импульсивна. Художники, по Шеллингу, творят «безотчетно», «удовлетворяя здесь лишь неотступную потребность своей природы» [11. С. 378]. Из этой особенности творческого гения Шеллинг выводит затем отличительную особенность произведений искусства: «бесконечность бессознательности». Художественное произведение, созданное по внушению, всегда содержит больше того, что художник намеревался высказать, в силу чего сам продукт художественного творчества приобретает характер «чуда», которое, «даже однажды совершившись, должно было бы уверить нас в абсолютной реальности высшего бытия» [Там же. С. 380].

Вагнер в это научное построение Шеллинга вводит еще категории науки и жизни. Он пишет, что

между природой и человеком познающим стоит наука. Однако она не может дать точного объяснения происходящему, так как мы в процессе познания все время удаляемся от истины. Если у Шеллинга созерцание произведения искусства является процессом самопознающего себя духа, то у Вагнера в произведении искусства бессознательно самопознает себя жизнь. Вагнер, как и Фейербах, остается на основах материализма, признавая, что в мире есть только то, что доступно человеческим чувствам. «Истинным и живым является лишь чувственно данное или то, что обусловлено чувственно данным. Высокомерное и презрительное отрицание наукой чувственно данного – крайняя степень заблуждения; высшая победа науки – в добровольном отказе от этого высокомерия и в признании чувственно данного. Конец науки – оправдание бессознательного, осознавшая себя жизнь, признание чувственного, отрицание произвола и стремление к необходимости. Поэтому-то наука является лишь средством познания, ее методы имеют лишь служебное значение и цель ее – быть посредником. Жизнь же – сама себе цель, сама довлеет себе» [12. С. 109]. Однако далее Вагнер возвращается к умозаключениям Шеллинга. Он, как и Шеллинг, отводит решающую роль в самопознании жизни (духа и Шеллинга) художнику и произведению искусства, им созданному. Этого умозаключения нет в философии Фейербаха. Вагнер считает, что жизнь находит свое выражение в произведении искусства. Художник, создающий произведение искусства, несмотря на методы познания, им используемые (научные или интуитивные), становится проводником высших сил, частью природы, познающей саму себя через произведение искусства. «Истинное произведение искусства – непосредственно чувственно воплощенное – в момент своего физического рождения является искуплением художника, уничтожением последних следов творящего произвола, несомненная определенность того, что до тех пор существовало лишь как представление, искупление мысли через чувственное воплощение, удовлетворение жизненной потребности через жизнь. В этом смысле произведение искусства как непосредственное жизненное действие является окончательным примирением науки и жизни, победным венцом, который с радостной признательностью протягивает побежденный освободившему его победителю» [Там же].

Следующие четыре глобальные категории вагнеровского мифа – искусство и революция, христианство и греческое искусство – имеют различное обоснование и различное происхождение. Постоянное возвращение к искусству древних греков в трудах Вагнера – это не только дань классической философской традиции, но и образец утраченного искусства – древнегреческой трагедии, прообраза вагнеровской драмы. Постоянное обращение к искусству древних греков, помимо всего, еще имеет смысл оптимального продвижения Вагнером своих идей и произведений. Композитор очень точно обращается с верованиями и психикой толпы. Популярность идеи начинается в уверенности масс в ее ценности. Следовательно, вера выступает еще одним фактором психической сплю-

ченности масс [7. С. 15]. Идеи, даже самые радужные и феерические, ничего не значат без веры в них. Пока массы в них не уверовали, идеи не имеют силы. Идеи, как известно, зарождаются в отдельной, индивидуальной, а не в «коллективной голове». Как же возможно, чтобы эту индивидуальную идею восприняли массы? Дело в том, что превратиться в коллективное верование имеет шанс лишь та идея, которая находит отклик в бессознательном, в памяти народа. Карл Юнг, основываясь на этих рассуждениях Г. Лебона, сделает впоследствии аналогичный вывод относительно подлинных произведений искусства, которые в силу своей архетипической природы получают всеобщее признание, поскольку затрагивают коллективное бессознательное каждого человека. Еще одно непереносимое требование, предъявляемое к истинной вере, – она должна быть догматической и утопичной. Лишь в таком виде вера может скрасить существование человека, упростить ему жизнь, сделать мир вокруг понятным и предсказуемым, а также воскресить в коллективной памяти «золотой век» или «рай» – в прошлом или будущем. Таким «утраченным раем» для западноевропейской культуры являлось искусство Древней Греции. Древнегреческое искусство для Вагнера – это синтез всех видов искусств, основанный на мифологических сюжетах, автором которых является народ. Вот утраченный идеал вагнеровского искусства, идеал, который он стремился возродить в своих произведениях. Это искусство обладает рядом характеристик – символом его может быть представлен Аполлон. Он не только предводитель муз, его образ в сознании древних греков тесно сплетается с религиозными культами, проводившимися в его честь, мифами и драмами с его участием. Таким образом, Аполлон и сюжеты о нем связаны с различными видами искусства. «Мы должны представить себе Аполлона в эпоху полного расцвета греческого духа не в виде изнеженного предводителя муз, каким его нам изобразила позднейшая роскошная скульптура, но с печатью глубокой жизнерадостности, прекрасным и вместе сильным, таким, каким изобразил его великий трагик Эсхил» [13. С. 84–85].

Такое противопоставление Античности и христианства существует в речи Шеллинга «Об отношении изобразительных искусств к природе» (1807). В своей речи Шеллинг ставит вопрос о развитии искусства. Это развитие, по его мнению, идет от «пластичности» к «живописности». Так, в греческой пластике духовная сторона находит выражение в теле («древность и мыслила пластически»). Основой греческого искусства становится греческая мифология, создавшая содержание и цель искусства того времени. В новое время аналогичную роль играет христианство, наполняющее содержанием западноевропейское искусство. В оппозиции Шеллинга («Античность – христианство») отсутствует противопоставление двух категорий. В то время как Вагнер, используя конфронтацию двух понятий, выстраивает собственную концепцию нового искусства. Во взглядах Вагнера можно усмотреть влияние феербаховской критики религии. В ней отчетливо прослеживается логика рассуждений Ваг-

нера относительно трактовки язычества и христианства. Фейербах подчеркивает реакционность и вред, приносимые существующей религией, которая парализует стремления человека к лучшей жизни, заставляет его быть покорным и терпеливым. Фейербах приходит к выводу, что истинная религия – это религия без Бога. Формы религии меняются. Когда потребности человека носили ограниченный характер, самосознание не было развито, тогда преобладала «естественная» языческая религия. Сами боги язычества не были всемогущи. Когда же человеческие потребности были сформированы и осознаны самим человеком в полной мере, тогда появляется религия «духовная» – христианство. Однако христианская вера, по мнению Фейербаха, также ограничена. Современный верующий самодоволен, он не чувствует себя свободным и не хочет сам отвечать за свои поступки, он перекладывает ответственность на Бога. Только новая религия – религия как философия будущего, где эмоция будет слита с мыслью, где человек будет обожествлять человеческую «родовую» сущность и будет стремиться воплотить ее в своем существовании, – будет «вечной религией».

Вагнер в своих трудах очень прямолинейно и жестко трактует христианство, прежде всего за пренебрежение личными интересами человека. «Всеобщая низость и гнусность, сознание полнейшей потери всякого человеческого достоинства, неизбежное, в конце концов, отвращение к физическим развлечениям; глубокое презрение к личному труду, который вместе со свободой давно уже лишился всяческого воодушевления и художественности, это положение вещей должно было явиться, несомненно, антиподом искусства. Ибо искусство – это радость быть самим собой, жить и ощущать себя членом общества. Стать ярким выражением этого строя не могло, конечно, искусство; им стало христианство» [13. С. 87–88].

Вагнер критикует основную парадигму христианства: земная жизнь как подготовка к вечной жизни. «Христианство оправдывает бесчестное, бесполезное и жалкое существование человека на земле чудотворной любовью бога, который вовсе не создал человека – как это ошибочно полагали греки – для радостной, все более осознающей себя жизни и деятельности на земле; нет, он запер его здесь в отвратительную тюрьму, чтобы приготовить ему после смерти, в награду за то, что он преисполнился здесь, на земле, полнейшего к себе презрения, самую покойную вечность и самое блестящее безделье. От человека требовалась только вера, то есть признание своего ничтожества и отречение от всякой деятельности, всякого личного усилия, чтобы выйти из этого состояния, от которого могла его избавить лишь незаслуженная милость бога» [Там же]. В трактовке Вагнером христианства существуют определенные противоречия. Он, как и Гейне, и Фейербах, критиковал христианство, считая его учение изжившими себя предрассудками, устаревшей догмой. В этом вопросе следует отметить софистику Вагнера. Он очень жестко и нелестно высказывается о христианстве, однако в его операх, оперных сюжетах присутствуют

типичные для христианства образы, символы и концепции: рыцари Круглого стола, Св. Грааль, жертвенный поступок Сенты, копьё Судьбы, оппозиция святости (посох Папы Римского, образ Елизаветы) и чувственности (грот Венеры) в «Тангейзере». Возможно ли рассмотреть оперы Вагнера как сверхцикл, в котором решается один и тот же вопрос: путь человека к Богу? Вечный жид обретает спасение через жертву невинной, любящей Сенты. Тангейзер получает прощение за выбор между Елизаветой и Венерой. Парсифаль находит дорогу к рыцарям Круглого стола, пройдя длинный путь духовного преображения. Ницше в своей поздней статье «Nietzsche contra Wagner» (1888) упрекает Вагнера в идеологической непоследовательности. В подтверждении доводов он предлагает собственную периодизацию творчества Вагнера: христианский (ранние оперы), буддистский («Тристан»), языческий (тетралогия), христианский («Парсифаль»). Возможно ли объяснить софистику Вагнера особенностями психологии творчества? Является ли она бессознательным проявлением культурных установок воспитания в христианской традиции? Более того, на страницах его работ можно часто встретить выражения «божественная любовь», «божественная сила», «радость – искра Божия». Он считает непревзойденными Страсти Баха и потому, что они написаны на священный текст Евангелия. Здесь мы находим противоречия между глубокой внутренней религиозной установкой композитора и его литературно-философскими концепциями. Критика Вагнером христианства становится критикой института церкви того времени, преследующим политические интересы государства. Софистика заключена в однобокой, поверхностно понимаемой трактовке Вагнера христианства.

Пример Вагнера позволяет увидеть обширнейший культурно-философский потенциал в творчестве выдающихся художников XIX–XX вв., что требует привлечения внимания к данному аспекту исследования их наследия, не ограничиваясь традиционным – эстетическим, искусствоведческим и т.д. подходом.

Вторая половина XIX – начало XX в. – время созидательной активности во всех сферах культуры, которое характеризуется стремлением к всеобщему синтезу – синтезу различных видов человеческой деятельности, синтезу различных видов искусства, синтезу различных форм культуры, синтезу искусства и жизни.

Искусство стало превращаться в своеобразный язык философии, которая ушла от универсальных рационалистических представлений и погрузилась в сферу субъективного опыта. Искусство превратилось в главную сферу выражения нравственных исканий и переживаний. Соответственно возросла функция искусства как креативной сферы культуры. Искусство берет на себя задачу создания нового общества, новой культуры.

Рихард Вагнер – композитор, философ, мыслитель – сыграл огромную роль в этом процессе. В творчестве Вагнера романтизм перестал быть исключительно духовной, умственной сферой. Он переходит в область жизненной практики в виде социально-политических доктрин или революцион-

ных теорий. Идеи, которые легли в основу культурного климата его времени и нескольких последующих десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Coeuroy A. *Wagner et l'esprit romantique. Wagner et la France. Le Wagner-ism litteraire*. P., 1921.
2. Gide A. *Si le grain ne meurt (Memoires)*. P., 1924. V. 1. 463 p.
3. Тард Г. Общественное мнение и толпа // Психология толп. М. : Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. С. 414.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет, 1896/1995. 316 с.
5. Канетти Э. Массы и власть. М. : Ad marginem, 1997. 528 с.
6. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 448–528.
7. Семечкин Н.И. Социальная психология на рубеже веков: история, теория, исследования. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. Ч. I. С. 149.
8. О сущности немецкой музыки // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и коммент. И.А. Барсовой и С.А. Ошерова ; вступит. ст. А.Ф. Лосева. М. : Искусство, 1978. 695 с.
9. Паломничество к Бетховену // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и коммент. И.А. Барсовой и С.А. Ошерова ; вступит. ст. А.Ф. Лосева. М. : Искусство, 1978. 695 с.
10. Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 2. С. 942.
11. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф.В.И. Философия искусства. М. : Мысль, 1966. С. 496.
12. Произведение искусства будущего // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и ком. И.А. Барсовой и С.А. Ошерова ; вступит. ст. А.Ф. Лосева. М. : Искусство, 1978. 695 с.
13. Искусство и революция // Вагнер Р. Избранные работы / сост. и коммент. И.А. Барсовой и С.А. Ошерова ; вступит. ст. А.Ф. Лосева. М. : Искусство, 1978. 695 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 01 февраля 2015 г.

ROMANTICIST PHILOSOPHICAL TRADITION OF THE 19TH CENTURY IN WAGNER'S PHILOSOPHY OF ART

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 109-116. DOI 10.17223/15617793/393/17

Tashtamirova Liliya Sh. Tyumen State Academy of Culture (Tyumen, Russian Federation). E-mail: varegka72@mail.ru

Keywords: R. Wagner; F.-W.-J. Schelling; L. Feuerbach; G. Tarde; G. Le Bon; social psychology; problem of "leaders and masses"; revolution; Christianity; antiquity.

The special role of Wagner's art lies not only in the genius with which he embodied his creative ideas, but also in the impact that he had on the culture of the 19th and 20th centuries. His work is still a source for research and the reasons for this phenomenon have not yet been defined. In the history of culture it is difficult to find a creator that had an impact on almost all kinds of arts and sciences: composers, philosophers, artists of the 19th and 20th centuries. Why did creativity of the opera composer have such a resonance in the culture of the 19th and 20th centuries? What is the uniqueness of his genius and his personality? It is obvious that such an effect is not limited to the influence of his brilliant music. Many of the major cultural figures emphasized that Wagner attracted them, in the first place, not as a musician, but as a thinker. Thus, Romain Rolland, telling about his impressions of staging Wagner's music dramas in Paris, admitted the intellectual pleasure from Wagner's works. Writers of completely different aesthetic views support this idea, for example, Leon Daudet, who admired Wagner's librettos. An unprecedented synthesis of music and ideas of the artist led to a unique composer's effect on the art of different countries and art types. From the point of view of Wagner's influence on the culture and ideas of his time, its reasons can be considered from the standpoint of sociological theories about the relationship between the leader and the masses, where the leader is Wagner, his ideas, his work and the masses are the European community of the middle of the 19th and early 20th centuries. Modern theories of social psychology describe in detail the characteristics of actions, perception, thinking of "the leader and the masses". In this paper, we analyze the mechanisms of Wagner's influence on the world and the era of his time with the positions expressed in the theories of G. Tarde and G. Le Bon. Relying on them in our study we follow the logic of the crowd behavior, and Wagner's methods of influencing it. Wagner, perhaps, was the only creator in the history of culture and music who could intuitively, by virtue of his genius, influencing the psychology of the masses, ensure enormous popularity and distribution to his works.

REFERENCES

1. Coeuroy A. *Wagner et l'esprit romantique. Wagner et la France. Le Wagnerism litteraire*. Paris, 1921.
2. Gide A. *Si le grain ne meurt (Memoires)*. Paris, 1924. Vol. 1, 463 p.
3. Tard G. *Obshchestvennoe mnenie i tolpa* [Public opinion and the crowd]. In: Le Bon G., Tarde G. *Psikhologiya tolpy* [Crowd psychology]. Moscow: Institute of Psychology RAS, "KSP+" Publ., 1998.
4. Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Crowd: A Study of the Popular Mind]. St. Petersburg: Maket Publ., 1896/1995. 316 p.
5. Canetti E. *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. Moscow: Ad marginem Publ., 1997. 528 p.
6. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t.* [The Open Society and Its Enemies: in 2 v.]. Moscow: Feniks, Mezhdunarodnyy fond "Kul'turnaya initsiativa" Publ., 1992, pp. 448–528.
7. Semechkin N.I. *Sotsial'naya psikhologiya na rubezhe vekov: istoriya, teoriya, issledovaniya* [Social psychology at the turn of the century: history, theory, research]. Vladivostok: Far Eastern University Publ., 2001. Pt. I. 387 p.
8. Wagner R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Iskustvo Publ., 1978, pp. 49–65.
9. Wagner R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Iskustvo Publ., 1978, pp. 85–107.
10. Feuerbach L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow: Politizdat Publ., 1955. Vol. 2.
11. Schelling F.W.J. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Moscow: Mysl' Publ., 1966.
12. Wagner R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Iskustvo Publ., 1978, pp. 142–262.
13. Wagner R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Iskustvo Publ., 1978, pp. 107–142.

Received: 01 February 2015

ИСТОРИЯ

УДК 94(470) «19»

В.П. Зиновьев

ДИНАМИКА РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ГОРНОРАБОЧИХ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Анализируется реальная заработная плата горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. на основе информации горной отчетности и трудов окружных горных инженеров, санитарных врачей, обследований экономического положения рабочих, проведенных Горным департаментом накануне и в период Первой мировой войны. Расчеты показывают рост реальных заработков горняков Сибири в раннеиндустриальный период.

Ключевые слова: горнорабочие Сибири; реальная заработная плата; расходы; доходы.

Реальная заработная плата является важнейшим показателем динамики жизненного уровня наемных работников. Она получается сопоставлением динамического ряда цен на предметы потребления и такого же ряда показателей номинальной заработной платы. В советской историографии рабочего класса России большинство историков не затрудняло себя выяснением динамики реальной заработной платы, считая, что низкие заработки рабочих со временем становились еще ниже, что в итоге привело к революционным событиям. Тезис об абсолютном обнищании пролетариата, однако, ничем не подтверждался. Тезис об относительном обнищании пролетариата также оказался на проверку временем несостоятельным. Доля класса работников в распределении национального дохода в XX в. заметно выросла, сформировав в итоге средний класс. В Англии доля заработков рабочих и служащих в национальном доходе выросла с 45,2% в 1870–1879 гг. до 67,4% в 1960–1963 гг., в Германии – с 39,1% в 1893 г. до 58,6% в 1950 г., в США – с 55% в 1900–1909 гг. до 69,9% в 1954–1963 гг., во Франции – с 43,2% в 1913 г. до 52,1% в 1950 г. [1. С. 244–251].

Всероссийская статистика не занималась специально вопросами заработной платы. Обобщенные подсчеты проводились уже в советское время и также показали рост реальных заработков, хотя и не очень впечатляющий. Реальные заработки работников фабрично-заводского производства, по подсчетам С.Г. Струмилина, выросли на 7,6% с конца XIX в. по 1914 г. [2. С. 325–334]. Э.Э. Крузе на основе данных С.Г. Струмилина сделала вывод о некотором снижении реальной заработной платы рабочих России в 1900–1914 гг. [3. С. 215]. Подсчеты Ю.И. Кирьянова подтвердили тенденцию роста реальной заработной платы фабрично-заводских рабочих России во второй половине XIX – начале XX в., но вывод об этом он максимально завуалировал [4. С. 132]. В обобщающем издании по истории рабочего класса России он сделал вывод о росте реальной заработной платы уже более смело [5. С. 91]. В первом томе истории рабочего класса Сибири вывод о росте реальной заработной платы рабочих региона сделан однозначно на примере строителей и приисковых рабочих применительно к XIX в. и для всех отрядов рабочих для начала XX в. [6. С. 142, 204–206]. Квалификация историков приво-

дила их к очевидным выводам о росте реальных доходов трудящихся в период капитализма, но идеологическое давление заставляло их быть осторожными.

Выстроить динамические ряды номинальной и реальной заработной платы рабочих России, Сибири в частности, непросто. Размеры заработной платы, формы и виды ее регистрировались не на всех предприятиях и не очень аккуратно. В одних случаях приводились поденные расценки, в других – расценки сдельной оплаты, в третьих – суммы помесечной заработной платы, в четвертых – годовой, в пятых – общая сумма заработной платы в том или ином округе или на предприятии за месяц, сезон, год. За единицу подсчета можно принять поденную оплату труда, помесечную либо годовую. В случае горной промышленности Сибири целесообразно остановиться на второй. Не только потому, что это наиболее часто встречаемая в горной статистике единица подсчета заработной платы рабочих, но и по причине сезонности действия многих горных предприятий. Годовую заработную плату, если таковая дана в источнике, просто перевести в месячную, разделив сумму годовых оплат на число месяцев в периоде действия предприятия. Поденную заработную плату можно перевести в помесечную, умножив число рабочих дней на величину поденной оплаты труда. За основу подсчета динамики помесечной заработной платы в данной статье взята заработная плата рабочего мужчины, поскольку женский и детский труд непосредственно на горных работах применялся в незначительных размерах.

Для различных отраслей метод подсчета заработной платы варьировался. Так, для перевода поденной заработной платы в помесечную в золотопромышленности брались в среднем 25 рабочих дней, которые должны были вырабатываться рабочим в месяц согласно закону о найме на золотые и платиновые прииски 1895 г. За то, что эта цифра близка к действительной, говорит ряд факторов. Во-первых, вплоть до революции 1905 г. закон золотопромышленниками нарушался и рабочие должны были работать больше положенных рабочих дней. С другой стороны, эта тенденция уравнивалась прогулами и пропусками по болезни. Во-вторых, ряд категорий рабочих работали круглый год без выходных. В-третьих, часть рабочих трудилась в праздничные дни сверхурочно. Так, к

концу XIX в. с учетом прогулов и пропусков по болезни в среднем рабочие трудились 305,1 дня в году, или 25,4 дня в месяц. С учетом прогулов по другим причинам как раз и получаются искомые 25 дней. С 1907 г. рабочих дней в золотопромышленности края стало на 12 меньше, следовательно, за месяц рабочих дней необходимо учитывать 24. Действительно, в 1914 г. рабочие сибирской золотопромышленности трудились в среднем около 24 дней [7. С. 73–77].

При переводе поденных расценок в месячные для других отраслей использовался аналогичный принцип. При расчете средней заработной платы на каменно-угольных копях этот метод почти не применялся. Здесь сумма годовой заработной платы переводилась в месячную путем деления на 12 месяцев. При переводе годовой или полугодовой заработной платы в месячную потери в точности неизбежны, поскольку колебания числа рабочих дней в году и в месяце учесть, за неимением точных сведений, нет возможности. Не учитывались также побочные заработки рабочих, поскольку сведения о них отрывочны и не по всем предприятиям. Подробно за ряд лет они имеются только по «Лензото».

Однако не только это делает приводимые ниже подсчеты в значительной мере условными. Данные источников не отличаются качеством. Приводимые горными инженерами средние цифры нуждаются в проверке и не всегда есть материал для их критической оценки. За неимением однотипного источника, который делал бы сведения пригодными для обработки, автор был вынужден пользоваться самыми различными сведениями. Назовем главнейшие из них: отчеты окружных горных инженеров и горных исправников, отчеты начальников горных областей, ведомости работавшихся приисков, отчеты управления казенных заводов, отчеты и материалы частных компаний, ведомственная переписка. Большую помощь

при составлении динамики заработной платы на приисках оказали исследования горных инженеров Э.К. Фреймана, И.П. Бересневича, В.М. Внуковского, Л.Л. Тове, М.Ф. Горбачева, опубликованные в ходе работы комиссии по исследованию сибирской золотопромышленности [8–12]. Значительный материал о заработной плате шахтеров Западно-Сибирской горной области в период Первой мировой войны привел Б.И. Шлаин [13. С. 30, 66]. По некоторым предприятиям сведения о заработной плате не подавались вообще, или они совершенно непригодны для статистической обработки. Так, данные по Западно-Забайкальскому горному округу ничего не говорят об изменениях в заработной плате, поскольку из года в год повторяются одни и те же средние цифры месячной оплаты. Совершенно убогой была статистика труда и, в частности, заработной платы в Витимском горном округе. Об этом писали еще дореволюционные исследователи [14]. С другой стороны, у крупнейшей компании этого округа – «Лензото» – статистика заработной платы была одна из лучших в горной промышленности Сибири, хотя и она оставляла желать много лучшего.

Отсутствие иных источников заставляет исследователей обращаться к сведениям ведомственной отчетности. Тем не менее на основе подобной статистики можно составить представление о главных тенденциях динамики заработной платы горняков края, оговорив, однако, их приблизительность. Известно, что В.И. Ленин широко пользовался статистикой заработной платы России, сделав на её основе глубокие выводы об изменениях в экономическом положении пролетариата [15. С. 280–291; 16. С. 232–233; 17. С. 321–326; 18. С. 29; 19. С. 20–21].

Целесообразно остановиться на динамике номинальной заработной платы по отраслям. Наиболее значительной была золотопромышленность (табл. 1).

Таблица 1

Динамика номинальной заработной платы рабочих сибирской золотопромышленности в 1895–1917 гг., руб. в месяц*

Горный округ и группы приисков	Годы						
	1895–1899	1900–1904	1905–1909	1910–1914	1915	1916	1917
Томский	20,0	22,53	27,35	28,66	37,5	44,18	60,0
Алтайский	17,3	21,47	25,32	27,41	27,8	27,3	Нет свед.
Минусинский	18,42	18,94	20,90	26,38	28,5	Нет свед.	75,0
Красноярско-Ачинский	18,42	18,94	20,90	26,38	31,3	33,0	60,0
Южно-Енисейский	23,65	23,4	35,45	35,31	50,0	57,4	78,25
Северно-Енисейский	23,10	25,26	26,10	39,90	59,0	65,0	80,5
Зейский (Якутской области)	–	–	–	66,6	68,3	87,5	87,5
Ангарский	33,32	32,0	34,92	34,50	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Западно-Забайкальский	44,8	45,0	44,5	44,8	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Восточно-Забайкальский	32,0	39,25	41,66	40,60	32,5	52,5	Нет свед.
Нерчинский	16,8	18,08	Нет свед.	35,0	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Витимский	37,3	Нет свед.	Нет свед.	51,80	57,0	60,0	111,4
Олекминский	37,4	Нет свед.	49,0	47,64	47,50	62,5	130,0
Лензото	42,2	43,18	48,95	51,8	57,7	60,0	111,8
Прииски с драгами	–	40,72	43,90	45,13	54,2	61,2	79,34
Итого в среднем	27,97	29,07	35,74	40,15	45,94	55,5	87,30
% к 1895–1899 гг.	100,0	103,8	127,6	143,2	164,2	198,2	312,0

* Составлено на основе следующих источников: Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 149–150; Нестеров М.В. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Нерчинского округа Кабинета Его Императорского Величества // Вестник золотопромышленности. 1905. № 7. С. 186–189; Положение рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье в 1914–1915 гг. Иркутск, 1916. Вып. 1. С. 205–207, 244–248, 290–295, 324–333; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 67. Д. 1316. Л. 13–32; Оп. 75. Д. 404. Л. 3–17; Д. 405. Л. 34–93; Д. 559. Л. 3–67; Д. 602. Л. 19; Д. 624. Л. 20–21; Д. 681. Л. 18; Д. 714. Л. 8, 26; Д. 717. Л. 1–8; Д. 721. Л. 8, 21; Оп. 77. Д. 1179. Л. 101; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 135. Оп. 1. Д. 433. Л. 28; Д. 443. Л. 61–83; Д. 446. Л. 113; Д. 449. Л. 182, 187; Д. 1350. Л. 1–8; Д. 1728. Л. 1–9; Д. 1797. Л. 154, 159; Д. 1833. Л. 17–31; Д. 1863. Л. 1–18; Ф. 286. Оп. 1. Д. 67. Л. 14–15; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 470. Оп. 1. Д. 977. Л. 1–7; Ф. 543. Оп. 1. Д. 192. Л. 27–44; Д. 267. Л. 23; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 428. Оп. 4. Д. 3035. Л. 29, 125, 165; Ф. 433. Оп. 1. Д. 544. Л. 35–45; 151, 225, 348, 354, 371–376; Д. 574. Л. 33, 105, 162–164.

Из сведений табл. 1 ясно видна тенденция номинальной заработной платы к увеличению. Так, средняя заработная плата на приисках в последнее пятилетие XIX в. равнялась 27 руб. 97 коп. в месяц. В 1900–1904 гг. эта сумма выросла до 29,07 руб., в годы Первой русской революции и в период депрессии скачок в заработной плате был большим – до 35,74 руб. Если среднемесячную оплату конца XIX в. взять за 100, то индекс 1900–1904 гг. будет равен 103,8, индекс 1905–1907 г. – 127,6. Таким образом, под влиянием ночной конъюнктуры и борьбы рабочих заработная плата в среднем увеличилась на 21,8%, т.е. более чем на 1/5. Пример динамики заработной платы приисковых рабочих Сибири, на первый взгляд, полностью подтверждает известный вывод В.И. Ленина: «Пятый год поднял жизненный уровень русского рабочего так, как в обыкновенное время не поднимается этот уровень за несколько десятилетий» [20. С. 27].

Несколько меньше, но значительно, выросла заработная плата в пятилетие 1910–1914 гг., которая приходится на новый революционный подъем и начало Первой мировой войны. Первые месяцы войны, впрочем, не оказали на положение горняков Сибири существенного влияния. В 1915 г. заработная плата выросла, по сравнению с 1910–1914 г. на 14,7%, в 1916 г. – уже на 38,4%, в 1917 г. – на 124,9%. За годы войны помесечная заработная плата выросла, таким образом, более чем в два раза. Если в дореволюционный период на рост помесечной заработной платы влиял ряд факторов – рост квалификации рабочих, рост потребностей рабочих, борьба пролетариата, вздорожание предметов потребления, – то в период войны преобладающее значение приобрел последний фактор. Следует отметить, что действовал он не автоматически. Окончательным толчком для повышения оплаты труда было недовольство рабочих.

Сведения о заработной плате других отрядов горнорабочих Сибири не так полны. О заработной плате

шахтеров за сравнительно долгий промежуток времени есть данные только по Судженским и Черемховским копям, по другим они отрывочны (см. табл. 2). Сведения о заработной плате на копях имеются только с 1902 г. Среднемесячная заработная плата изменялась на них следующим образом: 1902–1904 гг. – 23,9 руб. (100%); 1905–1909 гг. – 26,1 руб. (109,2%); 1910–1914 гг. – 26,8 руб. (112,1%); 1915 г. – 30,5 руб. (127,6%); 1916 г. – 39,2 руб. (164%); январь–февраль 1917 г. – 53,3 руб. (223%).

Здесь, так же как и на приисках, замечается значительное повышение в период 1905–1909 гг. на 9,2%. Прирост в последующее пятилетие был уже в три раза меньше – 2,9%. В годы Первой мировой войны заработная плата поднималась скачкообразно. Если пятилетие 1910–1914 г. взять за 100%, это будет выглядеть так: 1915 г. – 113,8%, 1916 г. – 146,3%, 1917 г. – 198,9%. Следовательно, за годы войны заработная плата выросла в два раза, так же как и на приисках.

Отдельно по годам рост заработной платы был неравным. Так, уровень 1906 г. – 28,6 руб. в месяц – был достигнут только к 1914 г. Причины высоких заработков шахтеров в этом году были следующие: рост цен на продукты питания вследствие Русско-японской войны; острая нехватка рабочих рук на копях, которая заставляла углепромышленников повышать расценки; борьба горняков и благоприятная в целом политическая обстановка в стране. В 1907 г. следует повсеместное снижение заработной платы шахтеров Сибири под влиянием снижения спроса на уголь и сокращения работ, что привело к локаутам на копях. Так, на Черемховских копях расценки были снижены на 21% [21]. На Судженских копях оплата труда горняков снизилась почти на 10% (табл. 2). Колебания месячной оплаты продолжались до 1912 г., затем наметился устойчивый рост. В годы войны основной причиной роста оплаты труда являлось повышение цен на продукты питания.

Таблица 2

Динамика заработной платы на каменноугольных копях Сибири, руб. в мес.

Копи	Годы																
	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917*	
Черемховские	25,77	23,5	22,78	30,0	34,17	29,59	27,93	29,59	26,95	26,8	31,59	32,09	31,93	Н.св.	39,0	62,5	
Анжерские													29,82	31,18	34,70	34,9	
Судженские			21,8	21,1	23,1	21,1	21,8	22,3	21,35	22,4	25,1	25,4	27,31	33,32	4641	55,01	
Западно-Забайкальские**										30,8	Нет свед.	23,4	41,4	Нет свед.	48,0	Нет свед.	
Восточно-Забайкальские**										20,6	Нет свед.	34,6	29,1	Нет свед.	38,0	Нет свед.	
Черногорские													27,84	28,0	33,2	62,6	
Кольчугинские												25,7	24,4	28,9	29,4	37,8	
Кемеровские												19,7	26,3	31,3	44,5	66,8	
В среднем	25,77	23,5	22,3	25,6	28,6	25,4	24,9	25,9	24,2	25,2	28,3	26,8	29,8	30,5	39,2	53,3	
В среднем за пятилетие	23,9			26,1					26,8					30,5		39,2	53,3
Индекс, 1902–1904 гг. – 100%	100,0			109,2					112,1					127,6		164,0	223,0

Примечание. *Сведения за январь–февраль. В 1917 г. среднемесячная заработная плата равнялась 94,7 руб. в мес., на копях Гришевского общества – 96,7 руб., на Судженских копях Л.А. Михельсона – 164,6, на казенных Анжерских – 126,6, на Кольчугинских Копикуза – 113,3, на Кемеровских Копикуза – 139,2, на Черногорских копях – 140, в среднем по названным копям – 125 руб. в мес. ([13. С. 47–48]; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1866. Л. 12–13).

** За 1914 и 1916 гг. данные по Забайкалью только по копям Замятина и Арбагарским. Подсчитано по источникам: Тагаров З.Т. Рабочее движение в Черемховском угольном районе. Иркутск, 1959. С. 31; [21. С. 97]; [13. С.47–48]; Труды заседания черемховских углепромышленников в г. Иркутске 13–16 ноября 1913 г. Иркутск, 1904. С. 88; ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 349. Л. 36; Д. 449. Л. 15. 180; Д. 1720. Л. 81; Д. 1757. Л. 26; Д. 1783. Л. 134; Д. 1797. Л. 141, 157; Д. 1866. Л. 10; ГАТО. Ф. 428. Оп. 3. Д. 2456. Л. 172–173; Оп. 4. Д. 2765. Л. 125–126; РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 592. Л. 5, 20; Д. 600. Л. 1–7; Д. 633. Л. 5, 19; Д. 652. Л. 8, 10; Д. 698. Л. 4, 164; Оп. 75. Д. 404. Л. 12, 13, 29–32, 37–38; Д. 405. Л. 24, 25, 94–97; Д. 581. Л. 21–24; Д. 650. Л. 1–31; Оп. 77. Д. 1179. Л. 90.

Динамика месячной заработной платы на горных предприятиях Сибири в 1895–1917 гг.

Отрасли		Годы						
		1895–1899	1900–1904	1905–1909	1910–1914	1915	1916	1917
Золотодобыча	Зарплата, руб. в мес.	28,0	29,1	35,7	40,2	45,9	55,5	87,4
	Число рабочих	26 809	27 085	21 770	38 952	38 692	40 929	42 128
Каменноугольные копи	Зарплата, руб. в мес.	Нет свед.	23,9	26,1	26,8	30,5	39,2	125,0
	Число рабочих	407	3 433	7 800	7855	12 764	16 250	22 726
Горные заводы, рудники, каменоломни	Зарплата, руб. в мес.	18,8	17,9	23,6	26,7	28,8	41,8	71,4
	Число рабочих	6913	3 809	4 682	2 703	4 388	6 007	9 234
Все отрасли (в среднем)	Зарплата, руб. в мес.	26,1	27,3	31,9	37,3	41,1	48,3	97,9
	Число рабочих	34 129	34 327	34 252	49 510	55 788	63 276	74 088
Индексы (1895–1899 гг. за 100%)		100	104,6	122,2	142,8	157,5	185,1	375,1

Данные о заработной плате на горных заводах и рудниках еще более отрывочны, нежели по копям, однако они дают возможность составить представление о её динамике (табл. 3). Сколько-нибудь полные сведения о заработной плате имеются только по нескольким предприятиям, а именно по группе Минусинских горных заводов и рудников – железнорудному Абаканскому, медеплавильным, солеваренным; Троицком, Иркутском солеваренном; группе рудников на Алтае – Змеиногорском, Риддерском и др.; за 6 лет по соляным копям в Енисейской губернии. По отдельным предприятиям имеются данные за 1–4 года, о зарплате рабочих на большинстве рудников сведений нет. Всё это делает приведенные в табл. 3 подсчеты относительными. Однако общую тенденцию в изменении оплаты труда обнаружить можно. В 1895–1899 гг. среднемесячная заработная плата горнорабочих этих отраслей равнялась, по нашим подсчетам, 18,8 руб. Если эту цифру взять за 100, то по пятилетиям динамика заработной платы получится следующая: 1900–1904 гг. – 95,2%; 1905–1909 гг. – 126; 1910–1914 гг. – 142%. Таким образом, за 20 лет индекс поднялся на 42 пункта. Как и в других отраслях, определяется резкий скачок в пятилетие 1905–1909 гг. – рост на 30,8%. Можно отметить также подъем заработной платы в 1905–1906 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием: 17,9 и 19,5–23,3 руб. в месяц соответственно. В годы Первой мировой войны заработная плата росла стремительно: 1915 г. – 28,8 руб. в месяц, 1916 г. – 41,8 руб. в месяц, 1917 г. – 71,4 руб. в месяц. Если взять пятилетие 1910–1914 гг. за 100%, то в 1915 г. индекс составит 111,7%, в 1916 г. – 156,5%, 1917 г. – 264%, т.е. повторяется общая для всех отраслей тенденция.

Располагая средними данными по основным отраслям, можно подсчитать среднюю заработную плату горнорабочих Сибири.

Заработная плата пересчитывалась с учетом численности горнорабочих по отраслям. Большинство находилось на предприятиях золотодобывающей промышленности, поэтому общий итог в значительной мере зависел от месячной заработной платы приисковых рабочих. Она была выше, чем в других отраслях, вплоть до 1917 г. За двадцать лет, с 1895 по 1914 г., заработная плата горняков края увеличилась на 42,8%, т.е. почти в полтора раза. Наиболее существенный рост отмечен в золотодобыче – на 43,2%, на горных заводах и рудниках – 42%. Медленнее, чем в других отраслях, росла заработная плата в угледобыче. Здесь с 1902 по 1914 г. она выросла на 12,1%.

Мощным толчком к повышению заработной платы горняков стала революция 1905–1907 гг. Так, в золотопромышленности к 1906 г. зарплата по сравнению с 1900–1904 гг. выросла на 34,4%, на заводах и рудниках – на 24,6%, на каменноугольных копях – на 19,7%. И хотя в 1907 г. заработная плата заметно снизилась, причиной чего явились ослабление экономической борьбы и увеличение безработицы, индекс пятилетия 1905–1909 гг. намного превышает индекс предыдущего.

В годы Первой мировой войны номинальная оплата труда росла высокими темпами. Если 1910–1914 гг. взять за 100, то в 1915 г. индекс будет равен 110,3, в 1916 г. – 129,6, в 1917 г. – 262,7. Особенно быстро увеличивалась заработная плата в 1917 г. Так, на копях Черемхово в феврале 1917 г. она равнялась 317–371 коп. в день, а в апреле – уже 523–537 коп. [22. Л. 10–13]. На каменноугольных копях Западно-Сибирской горной области в первой половине 1917 г. поденный заработок равнялся 379 коп., во второй половине годы – 902 коп. [13. С. 30].

Однако рост месячной оплаты труда без учета стоимости жизни ничего не говорит о динамике реальных заработков рабочих. Поэтому необходимо обратиться к динамике цен на предметы потребления. Сразу следует отметить тот факт, что статистика розничных цен в Сибири в конце XIX – начале XX в. практически не разработана. В то же время даже наличие подобной статистики не помогло бы выяснить динамику стоимости жизни в горнопромышленных районах. Цены имели здесь отличную от остальных торговых центров края динамику. В этом нетрудно убедиться, сравнив изменения цен на предметы первой необходимости в основных городах Сибири и на приисках. Сравнение цен в г. Томске и на приисках Томского горного округа показывает два основных различия: 1) более высокие, почти в полтора раза, цены на приисках в конце XIX в.; 2) более медленный рост приисковых цен. Если цены в Томске в 1895–1899 гг. взять за 100%, то в это время на приисках цены будут равняться 146%. В то же время к 1914 г. индекс томских цен вырос до 179,8%, приисковых – лишь до 187,7%, т.е. темпы роста цен на приисках в три с лишним раза меньше, чем в г. Томске. В 1916 г. цены на приисках Мариинской тайги были в 1,5 раза меньше, чем в г. Томске [23. С. 89–95]. То же самое можно сказать о других основных горнопромышленных районах, где динамика цен была отличной от центров торгово-промышленной деятельности. Так, в Иркутске цены на продукты за двадцать лет, с 1895 по

1914 г., снизились почти на треть, на приисках «Лен-зото» они остались практически неизменными и в полтора раза превышали индекс цен на иркутском рынке [24. С. 151, 157].

Для определения реальной заработной платы обычно применяются бюджетные индексы цен на основные предметы потребления. Эту методику успешно применяли С.Г. Струмилин для рабочих Европейской России, А.Г. Рашин для железнодорожников России, Кирьянов Ю.И. для рабочих юга России [25–29]. С.Г. Струмилин и А.Г. Рашин в основу бюджетного набора положили нормы потребления рабочих, начисленные по данным ЦСУ СССР на 1926 г. В целом верно отражая структуру потребления рабочими продуктов питания, расходов на отопление и освещение, этот набор, однако, не соответствует реальному потреблению продуктов питания рабочими капиталистической России. Это выясняется при сравнении бюджетных наборов: 1) по данным ЦСУ на 1926 г.; 2) для рабочих юга России; 3) приисков Сибири на конец XIX в.; 4) приисков Сибири на 1910 г.

Бюджетный набор, по данным ЦСУ СССР, на 1926 г. в два раза меньше по весу приискового набора и в полтора раза меньше набора для рабочих юга России. Следует учесть, что Ю.И. Кирьянов привел минимальные нормы потребления [29. С. 72], реальные должны быть выше. На самом деле, если вес дневного пайка рабочих юга России, по данным Кирьянова,

составил максимум 2,2 кг, то паек приисковых рабочих Бодайбинской компании составил 2,364 кг, паек приисковых рабочих Томского округа – 2,293 кг [30. С. 122], реальное дневное потребление рабочих Центрального и Лотерейного рудников – 2,928 кг, рабочих Берикольского рудника – 3,200 кг. [9. Т. 1. С. 418–421]. Отметим, что Е.Н. Коренев указывал на недостаточность пайка Бодайбинской компании и что рабочие приобретали продукты сверх него [30. С. 114]. На волжских рыбных промыслах паек рабочих составил 2,381 кг [Там же. С. 122].

На первый взгляд, количество потребляемых приисковыми рабочими продуктов является чрезмерным. Однако если учесть состав питания, его качество, условия труда и климата, то оно не будет выглядеть таковым. В рационе рабочих преобладала грубая, малокалорийная пища – хлебопродукты, капуста, картофель (в обжитых горных районах). Паек Бодайбинской компании давал 5 124,12 калорий, это меньше, чем требовалось при очень тяжелой физической работе (а такими и являлись приисковые) – 5 213 калорий [30. С. 121]. Тяжелый физический труд требовал потребления в больших размерах соли. Климатические условия – преобладание низких температур – приводили к дополнительным расходам тепла, следовательно, и усилению питания. Всё это предопределяло большие, чем для рабочих Европейской России, нормы потребления продуктов питания.

Т а б л и ц а 5

Бюджетные наборы горнорабочих Сибири в сравнении с российскими [23. С. 92–93; 29. С. 74–75]

Предметы потребления	Нормы потребления в месяц				
	По данным ЦСУ на 1926 г.	Рабочих юга России 1914 г.	Приисковых рабочих Сибири в конце XIX в.	Горнорабочих Сибири 1911 г.	Приисковых рабочих Сибири в 1916 г.
Мука	16,1	23,3	54,0	32,0	18,4
Мясо	4,6	3,06	20,0	16,0	16,0
Крупа	2,6	4,2	4,0	1,2	0,8
Макаронны	–	0,47	–	–	–
Жиры	0,8	3,4	1,6–2,4	1,0	1,2
Картофель	9,6	16,8	–	10,0	–
Капуста	1,6	Не указано	4,0	0,8	0,8
Соль	0,6	Не указано	1,2	1,2	0,6
Яйца, шт.	8,6	9	–	20	–
Молоко	6,2	7,5	–	20	–
Сельдь, грибы	–	4,2	Не учтено	Не учтено	Не учтено
Чай, кирп.	–	Не указано	0,5	0,33	0,125
Горчица, лук, перец	–	Не указано	Не учтено	Не учтено	Не учтено
Итого продукты питания, кг	43,93	62,03	86,50	84,47	48,50
Пром. товары					
Керосин, в.л.	0,9	0,6	–	0,6	–
Свечи, кг	–	–	0,4	–	–
Мыло	0,7	0,5	0,4	0,4	0,2
Дрова, м ³	–	0,24	–	–	–
Спички	–	–	2 тыс.	2 тыс.	1–3 тыс.
Табак	–	0,4	0,8	0,8	0,8
Пальто	–	1/36	–	–	–
Азам (армяк)	–	–	1/12	1/12	Не учтено
Костюм	–	1/36	–	–	–
Пиджак	–	1/12	–	–	–
Брюки	–	1/4	1/6	1/6	1/3
Рубашки	–	1 1/4	1/6	1/6	1/4
Шапка	–	1/12	1/12	1/12	Не учтено
Бельё	–	1/12	Не учтено	Не учтено	Не учтено
Рукавицы	–	–	1	1	Не учтено
Сапоги	–	1/12	1/6	1/6	Не учтено
Ботинки	–	1/12	–	–	–
Галоши	–	1/6	–	–	–

Динамика реальной заработной платы на золотых приисках и каменноугольных копях Сибири в 1895–1917 гг.

	1895–1899 гг.			1900–1904 гг.			1905–1909 гг.			1910–1914 гг.			1915 г.			1916 г.			1917 г.		
	Индекс номинальной заработной платы	Индекс цен	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс цен	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс цен	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс цен	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс цен	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс цен	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс цен	Индекс реальной заработной платы
Горные округа и группы предприятий																					
Томский	85,76	72,72	117,93	96,65	78,76	122,71	117,32	97,52	120,08	156,51	110,90	156,51	156,51	119,21	163,47	170,18	214,40	267,63	80,05		
Алтайский	75,04	68,65	109,30	92,10	81,45	112,90	109,43	86,10	126,67	113,60	103,12	113,60	113,60	119,21	119,21	119,21	119,21	119,21	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Минусинский	78,98	1,85	96,49	81,21	86,18	94,06	89,70	96,43	91,82	98,54	114,54	98,54	98,54	122,21	122,21	122,21	106,89	321,61	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Северно-Енисейский	99,05	112,21	88,27	108,31	128,00	84,53	154,70	133,09	116,08	171,09	157,41	108,42	108,42	250,42	278,73	278,73	345,19	345,19	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Южно-Енисейский	101,45	103,56	97,96	100,17	100,80	99,24	152,05	113,08	134,21	151,45	124,72	121,26	121,26	214,4	246,14	246,14	335,33	335,33	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Красноярско-Ачинский	78,98	83,12	95,01	81,21	85,45	94,89	89,70	95,12	94,18	113,12	100,72	112,07	112,07	134,21	141,50	141,50	257,28	257,28	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Ангарский	100,0	113,45	88,14	137,22	129,45	105,83	149,22	168,00	88,65	147,94	160,21	92,18	92,18	Нет свед.	Нет свед.	198,38	276,43	276,43	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Западно-Забайкальский	192,10	Нет свед.	Нет свед.	192,96	177,52	108,54	190,82	Нет свед.	Нет свед.	192,10	186,18	103,01	103,01	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Восточно-Забайкальский	137,22	Нет свед.	Нет свед.	168,35	136,80	122,91	173,64	Нет свед.	Нет свед.	174,09	131,34	132,32	132,32	139,36	171,50	171,50	107,95	107,95	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Нерчинский Кабинета	69,03	Нет свед.	Нет свед.	77,53	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	150,08	133,30	112,43	112,43	Нет свед.	Нет свед.	148,07	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Зейский (Алданские прииски)	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	285,59	253,09	112,84	112,84	292,88	375,21	400,36	93,75	93,75	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Прииски «Лензого»	180,96	164,08	110,28	185,16	164,36	112,47	209,90	166,32	125,97	222,12	183,20	121,02	121,02	247,42	237,28	232,72	479,41	479,41	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Прииски с драгами	–			183,87	114,40	160,46	188,25	123,12	152,89	193,18	141,09	136,92	136,92	232,41	262,24	262,24	340,22	340,22	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Итого золотые прииски	100,0	100,0	100,0	129,66	116,65	110,72	140,05	119,86	116,84	165,98	146,24	113,49	113,49	200,46	241,99	240,47	214,40	267,63	80,05		
Судженские копи	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	93,49	97,01	96,37	93,93	100,30	92,95	111,45	101,67	109,48	109,48	132,43	180,10	197,69	91,0	91,0	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Анжерские копи	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	121,78	98,03	119,61	119,61	124,35	134,64	188,00	71,46	71,46	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Черемховские копи	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	110,54	89,81	122,91	129,75	120,14	107,13	127,18	116,21	109,25	109,25	Нет свед.	167,23	193,38	197,30	267,78	76,31		
Черновские копи	–	–	–				Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	186,96	112,87	165,35	165,35	Нет свед.	178,38	153,45	116,08	116,08	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Арбагарские копи	–	–	–				Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	128,64	114,54	112,07	112,07	117,49	195,79	143,70	101,24	101,24	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Тарбагатайские копи	–	–	–				Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	136,36	101,96	133,50	133,50	Нет свед.	Нет свед.	146,18	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.

	1895–1899 гг.		1900–1904 гг.		1905–1909 гг.		1910–1914 гг.		1915 г.		1916 г.		1917 г.							
	Индекс номинальной заработной платы	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс реальной заработной платы	Индекс номинальной заработной платы	Индекс реальной заработной платы						
Горные округа и группы предприятий																				
Итого каменноугольные копи	Нет свед.	Нет свед.	102,01	93,41	109Ю2 1	111,89	110,08	101,64	135,10	107,54	125,89	124,92	123,32	101,29	161,23	175,24	92,00	197,30	263,78	76,31
Всего копи и прииски	100,0	100,0	125,40	113,07	110,90	134,90	118,09	114,24	156,32	134,02	116,63	168,09	160,22	104,91	197,67	204,67	96,62	205,85	267,70	77,47
Фабрично-заводские предприятия России		100,0			106,0			100,0			107,60			99,0			97,6			

Примечания. Индексы номинальной заработной платы выведены на основе источников, указанных в табл. 1–3, бюджетные индексы цен подсчитаны на основе источников, указанных в статьях автора [23; С. 89–95; 24. С. 150]. Используются также данные статистических публикаций. Положения рабочего рынка и условия промышленного труда в Забайкалье в 1914–1915 гг. Иркутск, 1916. Вып. 1. С. 345–353; Движение цен на продукты и рабочие руки в сельском хозяйстве в Забайкальской области в период с сентября 1915 г. по июнь 1916 г. Чита, 1917. С. 6–13, 16–27, 30–46, а также таксы цен на продукты и товары, утвержденные окружными горными инженерами. ГАИО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 204. Л. 5–12, 31–33; Д. 309. Л. 5–9, 28, 37, 68; Д. 1684. Л. 1; Д. 1776. Л. 9–13; Ф. 138. Оп. 1. Д. 79. Л. 3–4, 16–17, 22–23, 54–57; Д. 102. Л. 5–10, 32–45, 62, 125, 147–175, 195–250, 307–368, 419–488; Д. 230. Л. 6–165; Д. 292. Л. 384, 385; Д. 299. Л. 29, 73, 90; Д. 316. Л. 18–188; ГАКК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 140. Л. 159–167; Ф. 160. Оп. 1. Д. 2093. Л. 50–61; Ф. 534. Оп. 1. Д. 1. Л. 86–104; Ф. 552. Оп. 1. Д. 35. Л. 14–24, 83–87, 110–117; Д. 306. Л. 36–38, 78–82, 97–123, 164–165; ГАТО. Ф. 428. Оп. 3. Д. 1902. Л. 17; Д. 1847. Л. 20–21; Д. 2416. Л. 2; Д. 2479. Л. 2; Д. 2542. Л. 2; Оп. 4. Д. 2631. Л. 1; Д. 2756. Л. 11, 18; Д. 3035. Л. 45; РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 721. Л. 23; Ф. 57. Оп. 1. Д. 78. Л. 25–32; Ф. 69. Оп. 1. Д. 120. Л. 10; Ф. 77. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–88; Ф. 88. Оп. 1. Д. 391. Л. 129–143; Ф. 1418. Оп. 1. Д. 802. Л. 89, 119–125.

Сведения об индексах реальной заработной платы в фабрично-заводской промышленности России подсчитаны по данным С.Г. Струмилина: Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда // Избранные произведения : в 5 т. М., 1964. Т. 3. С. 325, 334.

Нет свед. – нет сведений, «–» – нет предприятий.

Нормы изнашиваемости одежды горных рабочих взяты из исследований горных окружных инженеров. Львиную долю здесь занимали сапоги – необходимая обувь на рудниках и приисках. Они давали 50–70% всех расходов на одежду и обувь. Хорошие же сапоги изнашивались за 4–5 месяцев, а плохие сапоги рабочие предпочитали не покупать [31. С. 42]. В расходы на одежду вошли затраты на азам (армяк), картуз и шапку (на год), рубаху и шаровары (на полгода), рукавицы (на месяц) [10. Т. 1. С. 192; 31. С. 42; 32. С. 81]. Расходы на культурные потребности, на кухню, стирку белья, помыв одежды проследить в динамике автору не удалось, поэтому они в бюджетный набор не вошли.

К 10-м гг. XIX в. потребление рабочих на приисках, угольных копях несколько снизилось. Связано это с их оседлостью. Часть из них имели собственные дома, огороды, скот. Рацион рабочих стал богаче и разнообразнее. Если раньше питание рабочих состояло из хлеба, мяса, крупчатки, крупы и капусты, то к 1910 г. многие рабочие имели возможность регулярно включать в свой рацион молоко, яйца, овощи, картофель. Снизилось, соответственно, потребление хлеба, мяса, жиров, капусты (ср. в табл. 5 колонки 4 и 5). Бюджетный набор для рабочих конца XIX в. составлен на основе многочисленных показаний горных чиновников, анализе расчетных книжек, набор на 1911 г. составляли на основе обследования состава питания рабочих рудников Мариинской тайги, проведенного И.П. Бересневичем [9. Т. 1. С. 418–421].

Однако состав питания рабочих изменился не на всех горных предприятиях. Бюджетный набор, составленный на основе данных И.П. Бересневича, можно применить для каменноугольных копей, приисков Томской губернии, Красноярско-Ачинского, Минусинского, Южно-Енисейского округов, южной части Забайкалья (начиная условно с 1910 г., когда стала заметной прослойка постоянных рабочих имевших хозяйства на рудниках, и увеличилась интенсивность розничной торговли). Для горных заводов этот бюджетный набор применялся с 1895 г. На приисках Ленско-Витимского района, Зейского округа, Северной части Енисейского округа, Баргузинской тайги состав питания за 1895–1914 гг. существенно не изменился, судя по донесениям горных окружных инженеров.

В годы Первой мировой войны количество потребляемых рабочими продуктов питания резко уменьшилось (см. табл. 5, колонка 6). Хлеба рабочие стали потреблять почти в половину меньше, чем перед войной, сократилась порция выдачи крупы, соли, капусты, сахара, чая. Эти нормы питания – прямое свидетельство падения жизненного уровня рабочих.

На основе приведенных бюджетных наборов (табл. 5, колонки 4 и 5), автором сделаны подсчеты динамики цен главных предметов потребления на приисках и каменноугольных копях Сибири в 1895–1917 гг. Результаты подсчетов приведены в табл. 6, где за 100% взята заработная плата на приисках Томской горной области, «Лензото» и Ангарского горного округа в 1895–1899 гг. Среднемесячная заработная плата в указанное время на них составляла 23 руб. 32 коп., а расходы в месяц на питание, одежду и обувь – 15,5 руб.

Делением индексов заработной платы на индексы цен получены индексы реальной заработной платы.

Динамика реальной заработной платы несколько искажена из-за отсутствия сведений за несколько лет по некоторым округам и предприятиям, но общая тенденция в изменении реальной оплаты труда приисковых рабочих и шахтеров Сибири просматривается вполне четко. Она заключается в общем росте реальных расходов горняков. Так, если соотношение номинальных заработков и цен в 1895–1899 гг. взять за 100%, то в 1900–1904 гг. по имеющимся у автора сведениям это соотношение составит 110,9%, т.е. рост реальных доходов горняков выразится в 10,9%. Это выше, чем в целом по стране. В пятилетие 1900–1904 гг. реальная заработная плата рабочих фабрично-заводской промышленности России выросла на 6%.

В пятилетие 1905–1909 гг. реальная заработная плата рабочих на приисках выросла на 6,12%, на копях же она снизилась на 7,57%. Номинальная заработная плата при этом выросла на копиях почти на 10%, но эта прибавка была съедена ростом цен – они поднялись на 16,67%. В среднем реальные заработки горняков Сибири выросли в 1905–1909 гг. по сравнению с 1900–1904 гг. на 3,34%. У рабочих фабрично-заводской промышленности России реальная заработная плата за это время снизилась на 6%. Таким образом, вывод В.И. Ленина о росте жизненного уровня рабочих России благодаря революции 1905 г. неверен и основывается только на данных о росте номинальных заработков.

В пятилетие 1910–1914 гг. на приисках края произошло снижение реальных заработков рабочих. Рост цен, индекс которых изменился за пятилетие более чем на 26% (26,38%), обошел по темпам рост месячной оплаты труда (на 25,95%), вследствие чего индекс реальной заработной платы понизился на 3,35%. На приисках Телецкого округа индекс реальной заработной платы опустился ниже показателей 1895–1899 гг. на 7,03%.

На каменноугольных копях, наоборот, произошел скачок в росте реальной оплаты труда, индекс с 101,64 в 1905–1909 гг. поднялся до 125,89, т.е. на четверть. Это было связано, прежде всего, с ростом угольной промышленности и спросом на рабочие руки, что, естественно, повысило и заработную плату. Особенно это заметно на копиях Забайкалья. В целом индекс заработной платы горняков основных отраслей горной промышленности края – каменноугольной и золотодобывающей – поднялся в 1910–1914 гг. незначительно – на 2,39% по сравнению с предыдущим пятилетием. Реальная заработная плата рабочих России увеличилась в это время на 7,6%. Однако реальные заработки горняков Сибири за двадцатилетие 1895–1914 гг. поднялись выше, чем у рабочих Европейской России: соответственно на 116,63% и 107,6%. По темпам роста реальной оплаты труда горняки Сибири были ближе к рабочим юга России, у которых индекс реальной оплаты труда вырос за 1900–1917 гг. на 10% [33. С. 198].

Таким образом, реальная оплата труда горнорабочих Сибири имела тенденцию к повышению. Это было следствием общей для капиталистического произ-

водства тенденцией к росту стоимости наемного труда вследствие интенсификации производства, повышения квалификации, роста потребностей, образовательного и культурного уровня рабочих. Немалую роль играла и борьба горняков края за улучшение своего положения. Ей отводилась роль главного двигателя в повышении заработной платы. Ведь увеличение стоимости рабочей силы в данном случае выражается в росте цен на предметы первой необходимости и не ведет автоматически к повышению месячной оплаты труда. Только борьба рабочих за повышение своего жизненного уровня приводит к подтягиванию оплаты труда к его стоимости. Труд горнорабочих Сибири оплачивался все же ниже его стоимости.

В годы Первой мировой войны реальная заработная плата горнорабочих края имела ярко выраженную тенденцию к снижению. В 1915 г. реальная оплата горняков снизилась почти до уровня двадцатилетней давности, и индекс её равнялся 104,91%, на копиях – 101,29%, на приисках – до 106,69%. При этом в ведущих углепромышленных районах, например Анжеро-Судженском, реальная оплата труда была ниже уровня конца XIX в. В 1916 г. падение стало еще более заметным, на копиях индекс составил 92%, на приисках – 100,63%, в среднем – 96,62%, ниже общероссийского уровня (97,6%). По 1917 г. показатели реальной оплаты труда приведены на январь–февраль. В эти месяцы реальная оплата горняков составила 77,47% от уровня конца XIX в. Если же за 100% взять уровень предвоенного пятилетия, падение реальной оплаты труда станет еще более выразительным: 1910–1914 гг. – 100%; 1915 г. – 89,95%; 1916 г. – 82,84%; январь–февраль 1917 г. – 66,42%.

Таким образом, реальная оплата труда горняков края в начале 1917 г. составила 2/3 довоенного уровня. Этот показатель в целом не превышает аналогичных для рабочих юга России, где в феврале 1917 г.

уровень реальной оплаты труда составлял 50–70% довоенного на копиях и от 43 до 87% на заводах [29. С. 77–78]. По подсчетам Д.М. Зольникова, в дальнейшем реальная оплата труда горняков снизилась ещё больше: в Кузбассе – до 42,5%, на Ленских приисках – до 50%, на Мариинских – до 47% [34. С. 95]. Окружной инженер Ангарского округа в 1917 г. отмечал прогрессирующее отставание роста заработной платы от роста цен [22. Д. 1866. Л. 7, 12–13]. Таким образом, в период Первой мировой войны абсолютное обнищание горняков края было явным.

На горных заводах Сибири шли аналогичные процессы. Точных данных, по которым можно судить о динамике реальной заработной платы на заводах, немного, но они подтверждают сказанное о положении горняков на приисках и копиях. Так, рабочие Усть-Кутского завода в июле 1917 г. получали заработную плату в 2,82 раза больше, чем в 1905 г., но цены на продукты питания и основные предметы потребления выросли в 3,81 раза. Реальная заработная плата снизилась до 74% от уровня 1905 г. [Там же. Д. 470. Л. 12; Д. 1920, Л. 146–147, 154–155, 234–235; Д. 1931. Л. 6–10]. Управитель Иркутского солеваренного завода в г. Усолье-Сибирском писал в декабре 1915 г. о необходимости поднять заработную плату на 30%, потому что прибавка заработной платы на 10–20% в мае уже съедена ростом цен. При этом цены в соседнем Иркутске увеличились в два раза. Если допустить, что цены в Усолье изменились подобно иркутским, то окажется, что реальная оплата рабочих усольского завода в декабре 1915 г. составила, с учетом прибавок, максимум 75% уровня 1913 г. [Там же. Д. 1842, Л. 6–8].

Таким образом, реальная заработная плата горнорабочих Сибири росла в период 1895–1914 гг., и темпы роста составили 0,83% в год. В период Первой мировой войны она снизилась к началу 1917 г. до 2/3 довоенной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер А.Б. Классовая борьба и капитализм. Рабочее и профсоюзное движение как фактор социально-экономического развития XIX–XX вв. М.: Наука, 1986. 304 с.
2. Струмилин С.Г. Избранные произведения: в 5 т. Т. 3: Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1964. 527 с.
3. Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л.: Наука, 1976. 300 с.
4. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М.: Наука, 1979. 288 с.
5. Рабочий класс России. 1907 – Февраль 1917 г. М.: Наука, 1982. 464 с.
6. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с.
7. Зиновьев В.П. Рабочий год на горных промыслах Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 73–78.
8. Фрейман Э.К. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Алтайского горного округа. СПб., 1910.
9. Бересневич И.П. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Томского горного округа. СПб., 1912. Т. 1, 2.
10. Внуковский В.М. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Северной части Енисейского округа. СПб., 1905. Т. 1, 2.
11. Тове Л.Л., Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Южной части Енисейского округа. СПб., 1899. Т. 1.
12. Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского округа. СПб., 1903. Т. 1–3.
13. Шлаин Б.И. Западно-Сибирский угольно-промышленный район в 1914–1919 гг. М., 1920. С. 30, 66.
14. Кааиа Г.И. Статистико-сравнительные сведения о материальном положении рабочих на приисках «Ленского Золотопромышленного Товарищества» // Доклады правления Ленского Золотопромышленного Товарищества о забастовке. СПб., 1912. С. 2.
15. Ленин В.И. Из экономической жизни // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 6.
16. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 18.
17. Ленин В.И. Капиталистический строй современного земледелия // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 19.
18. Ленин В.И. Рабочий день на фабриках Московской губернии // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 22.

19. Ленин В.И. Наши «успехи» // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1973. Т. 23.
20. Ленин В.И. Стачная борьба и заработная плата // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 22.
21. Тульчинский К.Н. Черемховский углепромышленный район. СПб., 1907. С. 98.
22. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 135. Оп. 1.
23. Зиновьев В.П. К расчету реальной заработной платы приисковых рабочих Сибири (на материалах приисков Томского горного округа) // Из истории Сибири. Вып. 14 : Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1974.
24. Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895–1914 гг.) // Из истории Сибири. Вып. 8 : Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1973.
25. Струмилин С.Г. Оплата труда в России // Плановое хозяйство. 1930. № 7–8.
26. Струмилин С.Г. Оплата промышленных рабочих в России за 1900–1916 гг. // Избранные произведения. М., 1964. Т. 3.
27. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967.
28. Рашин А.Г. Динамика заработной платы рабочих и служащих железнодорожного транспорта России в 1884–1913 годы // Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957.
29. Кирьянов Ю.И. Рабочие юга России. 1914 – февраль 1917 гг. М., 1971.
30. Кореньев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых приисках Витимско-Олекминской системы Якутской области : дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1903. 256, 4 с.
31. Садовников И.Ф. Систематический указатель к карте золотопромышленного района Олёкминского горного округа. СПб., 1909. Приложения.
32. Район железной дороги Иркутск (Тулун) – Бадайбо в экономическом отношении. Пг., 1915.
33. Серый Ю.И. Рабочие Юга России в период империализма (1900–1913). Ростов н/Д, 1974.
34. Зольников Д.М. Рабочее движение в Сибири в 1917 г. Новосибирск, 1969.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 декабря 2014 г.

THE DYNAMICS OF THE REAL WAGES OF MINERS IN SIBERIA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 117-128. DOI 10.17223/15617793/393/18

Zinoviev Vasily P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Keywords: miners of Siberia; real wages; expenses; revenues.

This article analyzes the real wages of miners in Siberia in the late 19th – early 20th centuries basing on the information from mining reporting and works of district mining engineers, health officers, from surveys of the economic situation of workers that the Mining Office carried out before and during the First World War. The real wages is an important indicator of the evolution of the living standards of employees. It is obtained by comparing the dynamic series of prices for consumer goods and the same number of indices of the nominal wages. The analysis of the performance of the real wages of miners in Siberia confirms the general trend of workers' living standard growth in the period of capitalism. The percent of workers in the distribution of national income in the industrialized countries of the twentieth century grew considerably, forming the middle class. The indices of the nominal wages of miners in Siberia from 1895 till 1914 increased by more than 40 %, and by 1917 by almost four times. However, the dynamics of real wages was different: in 1914 it grew by 17 % from the level of the previous five years of the 19th century, and by 1917 reduced to 70–80% of the same. The calculations also refuted the assertion of V.I. Lenin that in 1905 the workers' living standard in Russia raised dramatically. In fact, the real wages of workers in Russia decreased by six points to the level of the late 19th century. In 1905–1909 the real wages of Siberian miners reduced in comparison with the five-years period of 1900-1904 from 123 points (the end of the 19th century) to 107. During the First World War, the real wages of miners had a pronounced downward tendency. In 1915, the actual payment of miners dropped almost to the level of the two decades before, and it was equal to the index of 104.91 %, in the mines 101.29 %, in the gold-fields 106.69 %. In the leading coal-producing areas, such as Anzhero-Sudzhensk the real wages subsidied off the level of the end of the 19th century. In 1916, the falling of wages was even more pronounced, the index in the mines was 92 %, in the gold-fields 100.63 %, on average 96.62 %, below the all-Russian level at 97.6 %. The indices of the real wages are given for the January and February of 1917. These months the real wages of miners amounted to 77.47 % from the level of the end of the 19th century. If the level of the prewar five-year period is 100 %, the falling of the real wages will be even more expressive: 1910–1914: 100 %; 1915: 89.95 %; 1916: 82.84 %; January – February 1917: 66.42 %. This index is similar for the workers of the Russian South, where in February 1917, the level of the real wages in the mines was 50–70% and in the factories 43–87 % of the pre-war period. Later on, the real wages of miners reduced even more and amounted to 42.5 % in Kuzbass region, 50 % in the Lena gold-fields, 47 % in the Mariinsky gold-fields. Thus, during the First World War, the absolute impoverishment of the miners was evident.

REFERENCES

1. Veber A.B. *Klassovaya bor'ba i kapitalizm. Rabochee i profsoyuznoe dvizhenie kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya XIX–XX vv.* [The class struggle and capitalism. Labor and trade union movement as a factor of social and economic development of the 19th and 20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 304 p.
2. Strumilin S.G. *Izbrannyye proizvedeniya: v 5 t.* [Selected Works: in 5 v.]. Moscow: Nauka Publ., 1964. Vol. 3, 527 p.
3. Kruze E.E. *Polozhenie rabochego klassa Rossii v 1900–1914 gg.* [The position of the working class of Russia in 1900–1914]. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 300 p.
4. Kir'yanov Yu.I. *Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii* [Workers' living standards in Russia]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 288 p.
5. Lavrychev V.Ya., Ivanova N.A., Kir'yanov Yu.I. et al. *Rabochiy klass Rossii. 1907 – Fevral' 1917 g.* [The working class of Russia. 1907 – February 1917]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 464 p.
6. Blinov N.V. (ed.) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [The working class of Siberia in the pre-October period]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 459 p.
7. Zinov'ev V.P. The work year in the mountain mines of Siberia in late 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 375, pp. 73–78. (In Russian).
8. Freyman E.K. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Altayskogo gornogo okruga* [Report on statistical, economic and technical study of the gold industry in the mining region of Altai]. St. Petersburg, 1910.

9. Beresnevich I.P. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Tomskogo gornogo okruga* [Report on statistical, economic and technical study of the gold industry in the mining region of Tomsk]. St. Petersburg, 1912. Vol. 1, 2.
10. Vnukovskiy V.M. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Severnoy chasti Eniseyskogo okruga* [Report on statistical, economic and technical study of the gold industry in the Northern Yenisei region]. St. Petersburg, 1905. Vol. 1, 2.
11. Tove L.L., Gorbachev M.F. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Yuzhnoy chasti Eniseyskogo okruga* [Report on statistical, economic and technical study of the gold industry in the Southern Yenisei region]. St. Petersburg, 1899. Vol. 1.
12. Gorbachev M.F. *Otchet po statistiko-ekonomicheskomu i tekhnicheskomu issledovaniyu zolotopromyshlennosti Lenskogo okruga* [Report on statistical, economic and technical study of the gold industry in the Lena region]. St. Petersburg, 1903. Vol. 1–3.
13. Shlain B.I. *Zapadno-Sibirskiy ugol'no-promyshlennyy rayon v 1914–1919 gg.* [West Siberian coal and industrial region in 1914–1919]. Moscow, 1920.
14. Kvasha G.I. *Statistiko-sravnitel'nye svedeniya o material'nom polozhenii rabochikh na priiskakh "Lenskogo Zolotopromyshlennogo Tovarishchestva"* [Statistical and comparative information on the financial situation of workers in the mines of Lena Gold Partnership]. In: *Doklady pravleniya Lenskogo Zolotopromyshlennogo Tovarishchestva o zabastovke* [Reports of the Board of Lena Gold Partnership on the strike]. St. Petersburg, 1912.
15. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th edition. Moscow, 1967. Vol. 6.
16. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th edition. Moscow, 1968. Vol. 18.
17. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th edition. Moscow, 1968. Vol. 19.
18. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th edition. Moscow, 1968. Vol. 22.
19. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th edition. Moscow, 1973. Vol. 23.
20. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th edition. Moscow, 1968. Vol. 22.
21. Tul'chinskiy K.N. *Cheremkhovskiy uglepromyshlennyy rayon* [Cheremkhovsky coal-mining region]. St. Petersburg, 1907.
22. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 135. List 1.
23. Zinov'ev V.P. *K raschetu real'noy zarabotnoy platy priiskovykh rabochikh Sibiri (na materialakh priiskov Tomskogo gornogo okruga)* [On the calculation of real wages of mining workers in Siberia (in Tomsk mining district)]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1974. Is. 14, pp. 86–99.
24. Zinov'ev V.P. *K voprosu ob ekonomicheskoy polozhenii gornorabochikh Sibiri (1895–1914 gg.)* [On the economic situation of miners in Siberia (1895–1914)]. In: *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1973. Is. 8, pp. 130–159.
25. Strumilin S.G. *Oplata truda v Rossii* [Wages in Russia]. *Planovoe khozyaystvo*, 1930, no. 7–8.
26. Strumilin S.G. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1964. Vol. 3.
27. Strumilin S.G. *Istoriya chernoy metallurgii v SSSR* [The history of the steel industry in the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 442 p.
28. Rashin A.G. *Dinamika zarabotnoy platy rabochikh i sluzhashchikh zheleznodorozhnogo transporta Rossii v 1884–1913 gody* [The dynamics of wages of workers and employees of railway transport in Russia in 1884–1913]. In: *Voprosy ekonomiki, planirovaniya i statistiki* [Issues of Economics, Planning and Statistics]. Moscow: USSR AS Publ., 1957.
29. Kir'yanov Yu.I. *Rabochie yuga Rossii. 1914 – fevral' 1917 gg.* [Workers in southern Russia. 1914 – February, 1917]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 307 p.
30. Korenev E.N. *Ocherk sanitarno-ekonomicheskogo polozheniya rabochikh na zolotokh priiskakh Vitimsko-Olekminskoy sistemy Yakutskoy oblasti: dis. d-ra med. nauk* [Essay on the sanitary and economic situation of workers in the gold mines of Vitim-Olekma system of Yakut Region. Medicine Dr. Diss.]. St. Petersburg, 1903. 256, 4 p.
31. Sadovnikov I.F. *Sistematicheskii ukazatel' k karte zolotopromyshlennogo rayona Olekminskogo gornogo okruga* [Systematic index to the map of the gold-mining district of Olekminsk Mining Region]. St. Petersburg, 1909. Supplements.
32. *Rayon zheleznoy dorogi Irkutsk (Tulun) – Badaybo v ekonomicheskoy otnoshenii* [The zone of Irkutsk (Toulon) – Badaybo Railroad in terms of economy]. Petersburg, 1915.
33. Seryy Yu.I. *Rabochie Yuga Rossii v period imperializma (1900–1913)* [Workers of Southern Russia in the period of imperialism (1900–1913)]. Rostov-on-Don: Rostov State University Publ., 1974. 212 p.
34. Zol'nikov D.M. *Rabochee dvizhenie v Sibiri v 1917 g.* [The labor movement in Siberia in 1917]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1969. 332 p.

Received: 24 December 2014

«ПРОЕКТИРУЕМОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО НА СЕВЕРЕ ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ» КАК ОСОБАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПУШНОЙ ТОРГОВЛИ КРУПНЫМ КАПИТАЛОМ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

На основании ранее не опубликованных архивных источников была предпринята попытка выявить специфические черты новой формы организации крупного капитала в пушной торговле в лице «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области». Автор проанализировал роль каждого из учредителей акционерного общества в формировании организационно-правовой структуры предприятия в 1916–1919 гг., определил уровень развития компании и ее место в системе монопольной скупки пушнины в начале XX в.

Ключевые слова: пушная торговля; акционерное общество; Северо-Восточная Сибирь; торговый дом; организационно-правовая форма; крупный капитал.

О том, что в 1916 г. в сфере пушной торговли на территории Северо-Восточной Сибири появилось такое предприятие, как «Проектируемое Акционерное общество на севере Якутской области», главной целью которого была монопольная скупка пушнины и мамонтовой кости в северных промысловых округах Якутской области, в исторической литературе известно не много. Между тем «Проектируемое Акционерное общество на севере Якутской области» было официально зарегистрировано и вело свою коммерческую деятельность в период 1916–1919 гг., оказывая существенное влияние на развитие пушной торговли крупным капиталом на территории Северо-Восточной Сибири.

Большинство работ российских ученых посвящено рассмотрению различных аспектов процесса акционирования в ведущих отраслях экономики. Так, например, Г.Х. Рабинович указывает, что появление акционерных обществ в сибирской пушной торговле было новым явлением в сфере организации крупного капитала [1. С. 100]. Исследователь природы монополий в российской экономике периода капитализма Д.Я. Лившин отмечает, что «формирование монополистического капитализма в России является результатом развития капиталистических отношений в народном хозяйстве во II половине XIX в. Концентрация и особенно централизация капитала в торговле и промышленности выражалась в интенсивном акционерном учредительстве, принявшем исключительно большие размеры с конца XIX в.» [2. С. 9]. При этом процессу акционирования на территории Северо-Восточной Сибири автором уделяется внимание при рассмотрении проблемы создания акционерного общества в золотопромышленности на примере «Лензолото» [Там же. С. 56]. На современном этапе развития исторической науки высокую степень ассоциированности капитала в пушной торговле отмечает в своей работе А.В. Старцев [3. С. 223].

Первое прямое упоминание о существовании «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» мы находим в работе В.П. Захарова, который указывает, что «в начале 1917 г. Общество приобрело спичечно-меховыделочную фабрику “Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников” в Вятской губернии и две лавки на Нижегородской ярмарке за 573 тыс. руб.»

[4. С. 60]. Однако детальное изучение источников показало, что реального приобретения фабрики учредителей Акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», расположенной в с. Слободском Вятской губернии, не произошло. Более того, фабрика оставалась в собственности Н.П. Рылова и Ф.П. Лесникова на всем протяжении существования акционерного общества, выполняя важные функции переработки пушного сырья, скупленного на территории Северо-Восточной Сибири [5. Л. 1–14]. Следует отметить, что Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников, являясь главными учредителями «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области», вели независимые торговые операции по скупке пушнины в рамках АО спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» в 1914–1919 гг.

Далее В.П. Захаров отмечает, что «Проектируемое общество» было создано торговыми домами «Наследники А.И. Громовой», «Наследники Я.Ф. Санникова» и АО «Рылов и Лесников» с основным капиталом в 750 тыс. руб. [4. С. 60]. При этом в работе В.П. Захарова мы находим информацию следующего содержания: «Обычно один из учредителей ведал скупкой пушнины на месте, а другой ее сбытом, закупом товаров и получал кредит. Такими распорядителями на севере были купцы М.Г. Васильев, И.П. Антипин, И.Т. Павлов, а в Якутске и в центре интересы дела представляли Г.В. Никифоров и П.А. Кушнарев. Дела общества вели в Якутске доверенные М.М. Бережков и Мельников, а в Москве – правление общества» [Там же. С. 60–61]. Между тем становится неясным вопрос о роли купцов П.А. Кушнарева, Г.В. Никифорова, М.Г. Васильева, И.П. Антипина в деятельности «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области», учредителями и участниками которого они не являлись.

Таким образом, исследование особенностей создания и деятельности «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» в сфере пушной торговли в настоящее время является актуальным и научно значимым, поскольку позволяет открыть новую страницу в истории сибирского предпринимательства и купечества.

Остается слабо изученным вопрос о специфике организации пушной торговли и функциях «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» в процессе монополизации отрасли представителями крупных фирм.

В связи с этим основной целью исследования является выявление специфических черт внутреннего строения и организации пушной торговли «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» в качестве предприятия с крупным капиталом.

В структурном отношении работа состоит из трех частей, в первой из которых была предпринята попытка рассмотреть особенности создания «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» в начале XX в.

Итак, в 1916 г. с целью монополизации скупки пушнины в промысловых округах северо-восточной Сибири было создано «Проектируемое Акционерное общество на севере Якутской области», зарегистрированное в г. Якутске [6. Л. 2]. В число учредителей акционерного общества вошли торговые дома «Наследники А.И. Громовой», «Наследники Я.Ф. Санникова» и Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников». Особый интерес представляет организационная структура нового «Проектируемого Акционерного общества», ключевую роль в создании которого играло такое юридическое лицо, как АО «Рылов и Лесников», стремившееся к монополизации пушной торговли на территории Северо-Восточной Сибири.

Период 1916–1917 гг. являлся подготовительным этапом в формировании внутренней структуры нового акционерного общества через создание совместного крупного капитала пайщиков и организацию торговой деятельности.

Следует отметить, что о создании нового акционерного общества в составе учредителей в лице торговых домов «Наследники А.И. Громовой», «Наследники Я.Ф. Санникова» и АО «Рылов и Лесников» было объявлено в 1916 г. Размер основного капитала «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» в 1916–1917 гг. составлял 710 тыс. руб. [Там же. Л. 77].

Главной особенностью организации «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» в период 1916–1917 гг. было то, что фактически единственным учредителем общества выступало АО «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», вносящее в основной капитал недвижимое имущество в Булуне, Казачьем, Аллаихе, Кюсюре, Индигирке на общую сумму 26 369,83 руб., движимое имущество на сумму 22 973,88 руб., товары стоимостью 364 503,93 руб., дебиторские счета в размере 58 881,60 руб. и пушнину на сумму 237 271,45 руб. [Там же. Л. 67].

Следующей особенностью создания нового акционерного общества было то, что окончательное формирование основного капитала происходит только в 1918 г., спустя два года после объявления о его учреждении. На данном этапе был заключен учредительный договор между участниками общества и утвержден новый размер основного капитала с учетом

вклада торговых домов «Наследники Я.Ф. Санникова» и «Наследники А.И. Громовой».

Рассмотрим роль каждого из участников «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» в его создании и функционировании.

С 1916 г. участники АО «Рылов и Лесников» вели активные переговоры с главным распорядителем торгового дома «Наследники А.И. Громовой» – М.В. Пихтиным о вхождении фирмы в состав учредителей «Проектируемого Акционерного общества». Такое сотрудничество позволяло акционерам вести скупку крупных партий пушнины в промысловых районах и на ярмарках, увеличивать обороты пушного дела, повышать размеры прибыли от операций с пушниной. Торговый дом «Наследники А.И. Громовой» в 1916 г. имел прочные позиции в пушной торговле, направлял свои капиталы на оптовое снабжение населения края товарами потребления, выполнял регулярные пароходные рейсы по р. Лене и ее притокам, занимался развитием добычи каменного угля на территории Якутской области и многое другое [7. Л. 56; 8. Л. 1–18]. Фирма «Наследники А.И. Громовой» имела самостоятельное и независимое экономическое развитие, поддерживала тесные торговые отношения с другими крупными фирмами Якутской области, Иркутской губернии, центральных регионов России, занималась сделками с пушниной на международных рынках. В августе 1918 г. был составлен учредительный договор о размере вклада, вносимого торговыми домами «Наследники А.И. Громовой» и «Наследники Я.Ф. Санникова» в основной капитал «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области». В счет основного капитала, размер которого по договору от 11 августа 1918 г. составлял 750 тыс. руб., торговым домом «Наследники А.И. Громовой» было внесено товаром, пушниной, имуществом и дебиторами 375 075,10 руб. [6. Л. 78].

Обладая собственным речным транспортом, производя регулярные операции по скупке пушнины и оптовому снабжению населения края товарами потребления, торговый дом «Наследники А.И. Громовой» вступил в «Проектируемое Акционерное общество на севере Якутской области» с действующим торговым отделением в Кюсюре. Пушное дело в Кюсюре было передано под отчет приказчику АО «Рылов и Лесников» – М.М. Бережнову [Там же. Л. 18].

Определенный научный интерес представляют сведения бухгалтера АО спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» – И.Я. Перевалова о ходе передачи отделения Громовых в Кюсюре на баланс «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области». Приведем цитату из отчета И.Я. Перевалова в Главную контору общества: «Представитель по доверенности торгового дома “Наследники А.И. Громовой” Чагин в с. Кюсюре привел пушное дело в упадок. В результате его действий фирма лишилась большого количества товаров и кассы. Денежные средства расходовались Чагиным непроизводительно, так как суммы, затраченные Чагиным, не принесли прибыли делу, привлекли в дело клиентов, не заслуживавших доверия» [Там же. Л. 11–11 об.].

В процессе формирования основного капитала «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области», состоявшего из вклада Громовых в виде отделения в Кюсюре, главные учредители общества – Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников – затратили дополнительный капитал, тем самым лишив себя части оборотных средств на покупку крупных партий пушнины в 1918 г. [6. Л. 11–11 об., 12–12 об., 13].

Кроме отделения в Кюсюре, в счет основного капитала «Проектируемого Акционерного общества» были приняты дебиторские счета от торгового дома «Наследники А.И. Громовой» на сумму 93 213,26 руб., пушнина стоимостью в 188 851,70 руб. и наличные денежные средства в размере 64 704,0 руб. [Там же. Л. 13, 76–79].

Формально торговый дом «Наследники А.И. Громовой» передавал на баланс и в счет основного капитала «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» отделение в Кюсюре, дебиторские счета, наличные деньги, товары и пушнину. Фактически вклад торгового дома «Наследники А.И. Громовой» в основной капитал выражался в передаче на баланс общества крупной партии пушнины по рыночным ценам 1918 г. и убыточного торгового дела в Кюсюре.

Таким образом, вхождение в состав учредителей «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» фирмы Громовых существенно не повлияло на формирование монопольного характера скупки пушнины акционерами. Более того, привело к дополнительным затратам оборотных средств.

Далее рассмотрим роль торгового дома «Наследники Я.Ф. Санникова» в создании «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области».

Официально фирма Санниковых вошла в состав учредителей нового акционерного общества одновременно с фирмой Громовых в августе 1918 г. после заключения между пайщиками учредительного договора. Фактически Санниковы являлись главными поставщиками крупных партий пушнины для АО спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» еще с 1914 г. [9. Л. 144].

В счет основного капитала «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» было принято от торгового дома «Наследники Я.Ф. Санникова» товаром, имуществом, дебиторами, пушниной и мамонтовой костью 274 182,53 руб. Из этой суммы долги без движения составляли 25 463,23 руб. [6. Л. 77]. Вклад торгового дома «Наследники Я.Ф. Санникова» в основной капитал «Проектируемого Акционерного общества» выражался, главным образом, во внесении крупной партии пушнины стоимостью 135 030,40 руб., а также дебиторских счетов на сумму 106 906,41 руб. [Там же. Л. 77].

Если рассматривать эту сумму с точки зрения стоимости товаров и пушнины в 1918 г., то в среднем Санниковы передавали «Проектируемому Акционерному обществу» долги не более 10–15 промысловиков, кредитовавшихся у торгового дома товарами под залог сдачи пушнины. Наличие в пушном деле дебиторов позволяло организовать регулярные поставки

пушнины. Однако столь незначительное количество промысловиков-должников не могло обеспечить регулярное поступление крупных партий пушнины.

Таким образом, участие торгового дома «Наследники Я.Ф. Санникова» в создании акционерного общества также носило формальный характер с сохранением самостоятельных торговых оборотов фирмы в пушной торговле.

Главным учредителем «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» являлось АО спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников», которое вошло в дело с «чистым» капиталом. Взнос в основной капитал «Проектируемого Акционерного общества» был принят наличной кассой и товаром на сумму 250 тыс. руб. [6. Л. 77–78]. Если учесть, что на балансе «Проектируемого Акционерного общества» в 1916–1917 гг. уже состояло разное имущество, внесенное АО «Рылов и Лесников», то вклад данного юридического лица в дело создания нового акционерного общества в пушной торговле являлся наиболее значительным.

Во второй части исследования рассмотрим организацию пушной торговли в рамках «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» в 1916–1919 гг.

Первый этап развития скупки пушнины в северных промысловых округах «Проектируемым Акционерным обществом» приходится на 1916–1917 гг.

Поскольку в это время единственным учредителем нового акционерного общества фактически являлось АО «Рылов и Лесников», скупка пушнины производилась приказчиками и служащими данного предприятия. Отметим, что все операции с пушниной фиксировались на балансе «Проектируемого Акционерного общества» отдельно от сделок АО «Рылов и Лесников» за аналогичный период.

В 1916 г. в счет «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» было скуплено пушнины на 126 500 руб., в 1917 г. – на 389 700 руб. [6. Л. 15–15 об., 16–16 об., 17]. Бухгалтер предприятия И.Я. Перевалов в своих отчетах в Главную контору общества отмечал рост нехватки наличных денег для покупки пушнины в 1916–1917 гг.: «Недостача денег произошла вследствие высоких цен на пушнину и отсутствия поддержки со стороны Главной конторы. Недостаток товара ощущался благодаря отсутствию возчиков во время осеннего сезона переездов из с. Кюсюра в с. Казачье груза» [Там же. Л. 12–12 об.]. Как следствие, некоторые клиенты общества были вынуждены кредитоваться у конкурентов в лице «Северного торгово-промышленного товарищества», обязуясь сдать ему часть своей пушнины при расчетах весной [Там же. Л. 13].

Кроме нехватки наличных средств для организации скупки крупных партий пушнины, учредители «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» столкнулись с конкуренцией со стороны фирм «Наследники А.М. Кушнарева», «Г.В. Никифоров» и совместного предприятия «Северное торгово-промышленное товарищество». Давление со стороны «якутского купечества» выражалось

главным образом в установлении высоких закупочных цен на пушнину в промысловых районах. Так, например, закупочная цена на белого песца, установленная торговым домом «Наследники А.М. Кушнарева» в Абые в 1916 г., составляла 180–200 руб., на лисицу сиводушку – 275, красную лисицу – 10, горностаю – 2,60 руб. Закупочные цены, установленные Главной конторой «Проектируемого Акционерного общества», составляли: на песца – 170 руб., лисицу сиводушку – 200, красную лисицу – 90, горностаю – 2,50 руб. [6. Л. 11–11 об., 12–12 об., 13]. Нехватка наличных средств для скупки пушнины у «Проектируемого Акционерного общества» затрудняла формирование крупных партий, а снижение закупочной цены вызывало недоверие клиентов [Там же. Л. 11]. По словам И.Я. Перевалова, в ходе конкуренции торговый дом «Наследники А.М. Кушнарева» ставил «определенно твердые цены, ниже которых мы не имели бы возможности продать. Принуждение же купить за цену, не желательную для клиентов, привело бы к тому, что мы в будущем лишились бы части своих клиентов и этим принесли бы колоссальный вред. Испортив старые добрые отношения при наличии самолюбия северного аборигена, едва ли возможно было бы восстановить их вновь» [Там же. Л. 13].

Еще одним серьезным препятствием в развитии пушного дела «Проектируемого Акционерного общества» стало отсутствие у его учредителей собственного речного транспорта. Так, в 1916 г. пушнина, приобретенная Калинкиным в Средне-Колымске и Нижне-Колымске, не успела попасть в посылках в Якутск ввиду прекращения почтового сообщения. Пушнина из Колымского округа была доставлена в Якутск только в 1917 г. подрядчиком Константином Амосовым из Верхоянского почтового отделения через устье Алдана [6. Л. 7].

В 1918 г. главные надежды фирмы заключались в том, чтобы создать «если не монопольный характер торговли, то, во всяком случае, прибыльное предприятие» [Там же. Л. 13 об.].

Исследуя характер организации пушной торговли пайщиками «Проектируемого Акционерного Общества», следует отметить, что даже после подписания учредительного договора между торговыми домами «Наследники А.И. Громовой», «Наследники Я.Ф. Санникова» и АО «Рылов и Лесников» предприятия сохранили экономическую независимость в составе нового акционерного общества. Формально существовал годовой оборот «Проектируемого Акционерного общества» по операциям по скупке пушнины в северных округах Якутской области, который в 1918 г. составлял 1 532 230 руб., в 1919 г. –

547 803 руб. [6. Л. 78–79]. Фактически фирмы, входившие в состав акционерного общества, сохранили экономическую независимость, перейдя из числа конкурентов АО «Рылов и Лесников» в разряд клиентов «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области».

Годовой оборот торгового дома «Наследники А.И. Громовой» как одного из учредителей «Проектируемого Акционерного общества» в 1918 г. составлял 614 564,64 руб., в 1919 г. – 228 674,70 руб. [Там же. Л. 76–77].

Для торгового дома «Наследники Я.Ф. Санникова» и акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» также были характерны самостоятельные обороты в пушной торговле в рамках «Проектируемого Акционерного общества», которые в 1918 г. составляли соответственно 476 591,59 и 441 073,79 руб., а в 1919 г. – 194 672,66 и 124 455,61 руб. [Там же. Л. 78–79].

В заключение отметим следующее: главные особенности организационно-правовой формы «Проектируемого Акционерного общества на севере Якутской области» состояли в том, что полного слияния структуры торговых домов и АО спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» в единое акционерное общество в период 1916–1919 гг. не произошло. Новое «Проектируемое Акционерное общество» по своему внутреннему устройству напоминало торговый дом в форме полного товарищества на основе крупного капитала. Определенный научный интерес представляет тот факт, что в составе учредителей «Проектируемого Акционерного общества» находились только юридические лица в виде двух торговых домов и одного акционерного общества. Подобная организационная структура предприятия являлась новой формой организации крупного капитала в сфере пушной торговли в начале XX в. и занимала особое положение среди фирм с крупным капиталом.

Основная цель создания «Проектируемого Акционерного общества» – монополизация пушной торговли на северо-востоке Сибири со стороны акционеров спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников» при поддержке Громовых и Санниковых – достигнута не была. Между тем предприятие Громовых, избежав дополнительных вложений в Кюсюрское отделение, получило новых клиентов, организовало дополнительные перевозки грузов на собственном речном транспорте и частично отвлекло внимание учредителей АО «Рылов и Лесников» от формирования реальной монополии в пушной торговле в лице конкурирующих фирм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во ИГУ, 1975. 357 с.
2. Лившин Д.Я. Монополии в экономике России. М. : Наука, 1961. 446 с.
3. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (II половина XIX – начало XX в.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. 306 с.
4. Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1995. 135 с.
5. Национальный Архив Республики Саха (НАРС (Я)). Ф. 420 (Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). Оп. 1. Д. 2.
6. НАРС (Я). Ф. 420 (Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). Оп. 1. Д. 15.

7. НАРС (Я). Ф. 12 (Якутское областное управление). Оп. 2–10. Д. 11458.
8. НАРС (Я). Ф. 12 (Якутское областное управление). Оп. 2–10. Д. 11467.
9. НАРС (Я). Ф. 420 (Акционерное общество спичечной и меховой фабрики «Н.П. Рылов и Ф.П. Лесников»). Оп. 1. Д. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 марта 2015 г.

"THE PROJECTED CORPORATION IN THE NORTH OF YAKUT REGION" AS A SPECIAL FORM OF ORGANIZATION OF THE FUR TRADE BY A BIG CAPITAL IN THE NORTH-EASTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 129-133. DOI 10.17223/15617793/393/19

Kushnaryeva Margarita D. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: rita270880@mail.ru

Keywords: fur trade; corporation; North-Eastern Siberia; trading house; organizational and legal form; big capital.

This article analyzes the establishment and operation in the north-eastern Siberia of the new forms of association of big capital in the person of "The Projected Corporation in the North of Yakut Region". In the first part of the study, particular attention is paid to the organizational factors of corporation creation, the order of stock capital formation in 1916–1919. Data analysis of archive sources revealed that the structure of the new corporation had two trading houses and one corporation. The stock capital of "The Projected Corporation in the North of Yakut Region" in 1916 was a contribution of a match and fur factory "N.P. Rylov and F.P. Lesnikov". In 1918, the stock capital in the amount of 750000 rubles consisted of shares of trading houses "The Heirs of A.I. Gromova" and "The Heirs of Ya.F. Sannikov", as well as of "Rylov and Lesnikov" company. This form of association of big capital was new to fur trade in the north-eastern Siberia in the early 20th century. The main purpose of the corporation in 1916 was monopolization of buying furs in the northern districts of Yakut Region. Under the influence of competition the purpose of the company changed in 1918. It then was to create a profitable and competitive enterprise in the fur trade. The founding documents listed Verkhoyansk and Kolyma districts of Yakut Region as areas of business of the Company. The second part of the study analyzes the Company's turnover in buying large lots of fur in 1916–1919. The study of the dynamics of buying fur by the Company participants showed that the total turnover of the Company consisted of separate turnovers of the trading houses, each of which preserved its economic independence. The formal participation of "The Heirs of A.I. Gromova" and "The Heirs of Ya.F. Sannikov" in the establishment of "The Projected Corporation in the North of Yakut Region" resulted in the unfinished structure of the Company which had all the characteristics of a trading house in the form of a general partnership. The transfer of the balance of a loss-making company of the Gromovs in Kyusyur led to a fund-raise by the main founders of "Rylov and Lesnikov" to create a profitable enterprise. The working capital of the shareholders was separated from buying large lots of furs in 1918–1919. In the conclusion, the main goal of creating "The Projected Corporation in the North of Yakut Region" in the form of monopolizing fur trade was not achieved.

REFERENCES

1. Rabinovich G.Kh. *Krupnaya burzhuaziya i monopolisticheskiy kapital v ekonomike Sibiri kontsa XIX – nachala XX v.* [The big bourgeoisie and monopoly capital in the economy of Siberia in late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1975. 357 p.
2. Livshin D.Ya. *Monopolii v ekonomike Rossii* [Monopoly in the Russian economy]. Moscow: Nauka Publ., 1961. 446 p.
3. Startsev A.V. *Russkaya trgovlya v Mongolii (II polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russian trade in Mongolia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003. 306 p.
4. Zakharov V.P. *Pushnoy promysel i trgovlya v Yakutii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Fur trapping and trade in Yakutia (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1995. 135 p.
5. National Archive of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 420 (Joint-stock company of match and fur factory "N.P. Rylov and F.P. Lesnikov"). List 1. File 2.
6. National Archive of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 420 (Joint-stock company of match and fur factory "N.P. Rylov and F.P. Lesnikov"). List 1. File 15.
7. National Archive of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 12 (Yakut Regional Administration). List 2–10. File 11458.
8. National Archive of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 12 (Yakut Regional Administration). List 2–10. File 11467.
9. National Archive of the Republic of Sakha (NARS (Ya)). Fund 420 (Joint-stock company of match and fur factory "N.P. Rylov and F.P. Lesnikov"). List 1. File 1.

Received: 10 March 2015

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В 1907–1914 гг. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований
«Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии»
(проект № 12-01-00074а).*

Рассматривается взгляд современных англо-американских историков на историю русского либерализма в 1907–1914 гг. Анализируется точка зрения американских и британских ученых на политическое поведение российских либеральных партий (кадетов, октябристов, прогрессистов) в системе «думской монархии», их взаимоотношения с правительством и премьер-министром П.А. Столыпиным; прослеживается эволюция политической линии российских либералов. Анализируются также оценки, даваемые англо-американскими историками политической деятельности лидеров российских либералов – П.Н. Милокова, А.И. Гучкова, П.П. Рябушинского.

Ключевые слова: англо-американская историография; русский либерализм; Государственная Дума; «думская монархия»; партии кадетов, октябристов, прогрессистов; П.Н. Милоков; А.И. Гучков; П.А. Столыпин.

Начало XX в., ставшее периодом стремительных перемен в российской политической жизни, давно привлекает внимание зарубежных специалистов-историков. Это не случайно, поскольку новая политическая конъюнктура, сложившаяся в России с 1905 г., несмотря на революционные катаклизмы, открывала большие возможности для парламентского переустройства страны, перехода России на путь поэтапного эволюционного развития. Издание Манифеста 17 октября 1905 г., новая редакция Основных законов (23 апреля 1906 г.), появление на политической арене нового законодательного института – Государственной Думы, реформа Государственного Совета стали основополагающими актами власти, существенно изменившими политический ландшафт России. Окончание первой российской революции и некоторая консервация политического строя после роспуска II Думы, изменение избирательного закона актом 3 июня 1907 г. установили в России на ближайшие годы новую политическую систему, именовавшуюся в советской историографии «третьеиюньской», а в зарубежной чаще – «думской монархией». Годы «думской монархии» были отмечены всплеском законодательной деятельности народного представительства, обилием рассмотренных законодательных инициатив и утвержденных законопроектов. Российская консервативная и либеральная общественность активно встраивалась в новый политический порядок, пытаясь использовать легальные возможности для достижения своих целей. Особой активностью в этом отношении отличались российские либералы – кадеты, октябристы и прогрессисты, сосредоточившиеся в годы «думской монархии» в первую очередь на текущей парламентской работе.

Тематика идеологии, тактики, политической деятельности русских либералов в годы «думской монархии» давно и плодотворно разрабатывается в зарубежной историографии. За десятилетия работы зарубежными исследователями было создано множество трудов по обозначенной тематике. При этом лидирующие позиции в изучении русского либерализма за рубежом занимают труды специалистов из США и

Великобритании. Основной задачей настоящей работы мы видим анализ современных работ англо-американских историков, затрагивающих проблемы деятельности российских либералов в 1907–1914 гг., поиска ими новых путей реализации либерального идеала в условиях «третьеиюньской системы», динамики их взаимоотношений с правящим режимом в период от 3 июня 1907 г. до начала Первой мировой войны.

Либеральная англо-американская историография традиционно проявляет пристальное внимание к проблемам политического развития России в 1907–1914 гг. Отправные положения историков этого направления во многом основываются на работах, опубликованных в предшествующее время. Историки «либералы» подчеркивают большое значение Государственной Думы (особенно третьего созыва) как фактора «постепенного прогресса конституционализма в России». III Дума, по их мнению, достигла больших успехов в области народного образования, религиозных и финансовых дел, немало способствовала росту частного крестьянского землевладения, усилению боеспособности армии и флота, была важным фактором укрепления контактов России с иностранными державами и др. Россия постепенно вступала на парламентский путь развития. Важнейшим фактором, прервавшим конституционные преобразования в России, стала Первая мировая война (см. например, [1. С. 116–118, 175, 239 и др.; 2. С. 4, 22, 87–88, 97 и др.; 3. С. 282; 4. С. 52–55 и др.]). Из современных исследователей такой точки зрения придерживаются, к примеру, Ш. Галай [3. С. 282] и Дж. Френкель. Последний считает, что акт 3 июня 1907 г. позволил Думе стать «...неотъемлемой частью смешанной системы управления, которая, сочетая элементы самодержавия, аристократии и демократии, стала... относительно стабильной» [5. С. 68]. По модели государственного устройства Российская империя становилась всё более похожей на Германию и Австрию.

С другой стороны, в англо-американской русистике существует направление, представители которого оценивают шансы мирного развития России после

3 июня 1907 г. достаточно скептически. «Конституционный путь» развития в России был сомнителен, считает британский исследователь Роберт Маккин. Юридические основы для него были заложены Основными законами 1906 г., но на его пути было много препятствий: неприспособленный к конституционному устройству характер российских государственных учреждений; недоброжелательное отношение к конституционализму Николая II и значительной части правящей элиты; незрелость общества, сословные пережитки и др. Также у «конституционного эксперимента» не было адекватной социальной базы [6. С. 4–5; 7. С. 44–67].

В 1905 г., по мнению профессора Университета Восточной Англии Питера Уолдрона, в России произошел поворот от «конспиративной» политической культуры (характерной и для правительства, и для общественности) к открытой политике. Существование Думы было важным фактором развития новой политической системы, хотя на Думу было наложено немало ограничений. Особая роль в обновлении государственного строя России принадлежала Думе третьего созыва. Однако происходившие в стране социальные изменения не нашли должного отражения в политических институтах империи. После 3 июня 1907 г. политическое преобладание в стране вернулось к традиционной элите (дворянству). Потенциальная опора реформаторского курса (прежде всего растущий средний класс) была слабо представлена во властных структурах. В этом, по Уолдрону, состояла основная причина поражения реформаторских начинаний П.А. Столыпина [6. С. 31; 8. С. 106–107, 111–113, 181–184].

Почетный профессор Лондонского университетского колледжа Роджер Бартлетт пишет, что Государственная Дума была дана Николаем II «неохотно». «Широкие и беспрецедентные политические права», обещанные Манифестом 17 октября 1905 г., были урезаны в своем «конкретном воплощении» Основными законами от 23 апреля 1906 г. «Как только порядок был восстановлен (т.е. после 3 июня 1907 г. — Н.М.), Николай пожелал урезать функции Думы до минимума» [9. С. 185–186]. III и IV Думы находились в стороне от тех магистральных социальных процессов, которые шли в обществе накануне Первой мировой войны [Там же].

Соответственно оценивается англо-американскими учеными и деятельность российских либеральных партий.

Фракция кадетов в III Думе, считает профессор Университета Оклахомы, биограф П.Н. Милюкова Мелисса Стокдэйл, стремилась избегать провокационных жестов, направив главные усилия на работу в комиссиях. Однако большинство инициатив кадетских депутатов не получило силы закона. В рядах кадетской партии (КДП) за пределами Думы эта деятельность казалась недостаточно оппозиционной. С началом нового общественного подъема в стране (1912 г.) думская тактика кадетов обостряется. Однако эта тактика была во многом демонстративна [10. С. 178–179, 194, 196–197, 200–201]. С другой стороны, к

примеру, П. Уолдрон считает тактику кадетов в III Думе продолжением их оппозиционной линии 1905–1907 гг. [6. С. 32; 8. С. 110, 152].

Профессор Университета Ксавьера (Цинциннати, Огайо) Александра Коррос в своей статье отмечает противостояние руководства КДП и ее рядового состава [11]. После 3 июня 1907 г., по мнению Коррос, в позициях кадетов произошли «драматические перемены». Кадеты больше не надеялись быстро превратить Россию в конституционное государство парламентскими средствами. Трещина в КДП между сторонниками мирного обновления страны и теми, кто призывал к «большей воинственности в союзе с социалистами», продолжала расти. В результате партия колебалась в выборе дальнейшего пути. В годы «третьеиюньской системы» КДП оказалась «глубоко разделена» [11. С. 120, 127, 128, 130–132].

Что касается фракции «Союза 17 октября» (октябристов) в III Государственной Думе, англо-американские историки отмечают ее социальную разнородность (хотя и с преобладанием земско-дворянского элемента) и отсутствие единства взглядов, что не лучшим образом сказывалось на ее политической деятельности [8. С. 154–155].

П. Уолдрон в статье «Позднеимперский конституционализм» рассматривает деятельность октябристов в контексте реформирования законодательной системы в России. «Союз 17 октября», пишет Уолдрон, как центристская партия стремился использовать законодательное собрание для проведения базовых реформ, но «Дума оказалась неадекватным форумом для этих целей». В целом генезис партии продемонстрировал ее преданность зарождавшемуся конституционному строю [6. С. 29, 31–32]. В годы «третьеиюньской системы», пишет Уолдрон в одной из своих монографий, октябристы пытались продемонстрировать свои «особые связи с правительством Столыпина», но также активно критиковали столыпинскую политику. Оппозиционность октябристов нарастала. Уже с 1909 г. многие октябристы, видя бесплодность альянса со Столыпиным, стали сомневаться в его целесообразности. С марта 1911 г. (после проведения закона о земстве в Западном крае в обход законодательных учреждений) октябристы, по мнению П. Уолдрона, уже не были готовы безоговорочно поддерживать правительство, поправшее конституционные принципы [8. С. 110, 153, 157, 174, 177]. Профессор истории в университете Колорадо (Денвер) Мэри Конрой отмечает, что, несмотря на тесное сотрудничество с правительством в III Думе, октябристы сохраняли свою независимость. Столкнувшись с намерением Столыпина распустить Думу в 1909 и 1911 гг., они отнюдь не были склонны «капитулировать перед правительством». Октябристы не были согласны на роль Думы как «младшего партнера» правительства в принятии политических решений. Фракция была «уверена в себе и агрессивна». Оппозиционность октябристов перед Первой мировой войной только росла [12. С. 16; 13. С. 125, 127, 132–135]. Профессор Университета Нью-Йорка, биограф П.А. Столыпина Абрахам Эшер пишет, что к маю 1911 г. большая часть дум-

ских октябристов прекратила поддержку Столыпина. Это ознаменовало «окончание союза между умеренными либералами и правительством» [14. С. 360]. Американский историк, профессор университета Вандербильта (Нэшвилл) Френсис Вчисло называет события марта 1911 г. «последним ударом по октябризму». Эти события, считает он, предварили раскол фракции октябристов в 1913 г. [15. С. 285–286].

Фракция октябристов, пишет израильский историк, профессор Университета Бен-Гуриона Шмуэль Галай, была наиболее заметной частью проправительственного большинства в III Думе. Несмотря на это, партия не была едина в своем отношении к правительству. II съезд «Союза 17 октября» (4–8.10.1909 г.) признал, что достижения партии в борьбе за реформы были очень незначительными. Но лидер партии А.И. Гучков пока смотрел в будущее с оптимизмом, продолжая курс на союз с П.А. Столыпиным. После гибели Столыпина в 1911 г. оппозиционность октябристов растет. Но, оставаясь в первую очередь великорусскими националистами, большинство октябристов не были настоящими либералами. Более серьезные перемены начались в «Союзе 17 октября» накануне Первой мировой войны. Тон в этих переменах задал А.И. Гучков. К концу 1913 г. «...ничто более не напоминало о его прежнем оптимизме, – отмечает Ш. Галай. – Его настрой... был мрачным». Основной причиной этого была, по мнению Галая, новая расстановка политических сил. Гучков считал, что сотрудничество октябристов с правительством бесперспективно и продолжение прежнего курса приведет к новой революции. Единственным средством предотвратить это было превращение Думы в «агрессивную оппозиционную ассамблею». Но в «Союзе 17 октября» эта линия не нашла поддержки. Раскол думской фракции октябристов в декабре 1913 г. и дальнейшее угасание «Союза 17 октября» были, по мнению Ш. Галая, показателем того, что «наиболее серьезная попытка реформировать царский режим путем сотрудничества между представителями общества и правительством сошла на нет» [16. С. 138–140, 144–147].

Современная англо-американская историография уделяет определенное внимание росту в «думские» годы политической активности русской либеральной буржуазии, формированию и деятельности партии прогрессистов. С 1908–1909 гг. буржуазия, по мнению известного американского ученого Ричарда Пайпса, «внезапно пришла в движение», капиталисты-оппозиционеры будто бы «вознамерились править страной». Причиной этого было окончание революции и укрепление политической стабильности. В этих условиях у буржуазии появляется потребность «начать мыслить национально – то есть политически». Российский «большой бизнес» не питал симпатий к думской монархии – «полуавтократической, полуконституционной системе», стремясь к подлинно парламентскому режиму. Будущие прогрессисты, пишет Пайпс, стремились создать такую партию, которая «сумела бы сочетать свойственное консерваторам уважение к законности и порядку (т.е. сильной государственности) с либеральными взглядами по эконо-

мическим и социальным вопросам; партию, которая смогла бы взять на себя труд по “модернизации” России, не злоупотребляя при этом насилием» [17. С. 228–232]. Новой формой деятельности московской либеральной буржуазии стали «Экономические беседы», в ходе которых либеральные предприниматели получали идейно-теоретическое содействие московской умеренно-либеральной профессуры (в первую очередь специалистов по экономике). По мере роста известности «Бесед» их стали посещать и правительственные чиновники «среднего звена», привлекалось внимание прессы, росло уважение в обществе. «По мнению [П.П.] Рябушинского, – пишет Р. Пайпс, – участники дискуссий составляли нечто вроде политического клуба, из членов которого будут призваны лидеры России». Однако открытых политических дебатов они опасались, не желая провоцировать внутренние разногласия. Призывы «к воссоединению науки и капитала... не встречали поддержки ни справа, ни слева». Важным итогом «Экономических бесед» стала публикация двухтомника «Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам», который произвел «сильное впечатление на деловое сообщество, не привыкшее к тому, чтобы его воспринимали как фактор российской военной мощи» [17. С. 237–240].

Целый ряд работ посвятил идеологии и попыткам политического объединения московской либеральной буржуазии видный американский исследователь Джеймс Уэст. Многие из его работ переведены на русский язык [18–22]. Уэст писал, что к 1912 г. московские предприниматели почувствовали себя уверенными настолько, что смогли создать собственную «национально-либеральную» организацию – партию прогрессистов [18. С. 194; 19. С. 306]. Одной из основных ее задач стало сплочение либерального лагеря в борьбе за дальнейшие преобразования. Итоги избирательной кампании 1912 г., тем не менее, были для прогрессистов достаточно скромными: они создали в Думе лишь пятую по величине фракцию, насчитывавшую в своих рядах 47 человек [19. С. 319].

Американский историк Роберт Торстон считает, что особую роль в укреплении оппозиционности московских промышленников сыграл Ленский расстрел 4 апреля 1912 г., после которого подходы правительства и промышленной элиты к решению рабочего вопроса стали «непримиримыми». Газета П.П. Рябушинского «Утро России» противопоставляла разумную английскую политику в отношении стачек и российскую, отдающую рабочих «под влияние политических агитаторов». «Московские промышленники, – пишет Торстон, – стали пересматривать свое отношение к рабочим союзам» в направлении либерализации. К примеру, 1 мая 1914 г. они решили объявить выходным днем [23. С. 125–127].

Известный американский историк, профессор Колумбийского университета Леопольд Хеймсон (1927–2010) в своей статье «Политическая эволюция московского купечества в России начала XX века: Наблюдения и размышления» характеризует программу партии прогрессистов как «платформу реше-

тельной оппозиции царскому режиму». Она свидетельствовала о «решительном повороте» в «политических симпатиях» московских предпринимателей. Разгадан этот поворот, по Хеймсону, может быть лишь с учетом социальной эволюции «третьеиюньской системы». Идеология прогрессистов имела яркую социальную подоплеку, будучи по сути протестом против преобладания дворянства в Государственной Думе. Прогрессисты стремились к демократизации избирательного закона и расширению бюджетных прав Думы. Для достижения этих целей они допускали даже свержение царского режима. «Воинственные» политические требования прогрессистов, считает Хеймсон, свидетельствовали о неспособности царского режима понять и защитить интересы общества, дать стране вовремя необходимые реформы, усиливая враждебность даже со стороны традиционно лояльных общественных слоев [24. С. 229–231].

После открытия IV Государственной Думы русские либералы повысили тон своих политических выступлений. Накануне Первой мировой войны, по мнению Р. Торстона, усиливается недоверие русских либералов к властям. Если, к примеру, в 1905 г. либералы опасались массового движения и нередко «обращались к государству за помощью», то к 1913 г. они, напротив, «в гораздо большей степени верили в то, что государство — их враг», подталкивающий городские низы к новой революции. В 1914 г. даже октябристский «Голос Москвы» выражал весьма критические настроения в отношении правительственной политики. Либералы очевидным образом «двигались влево» [25. С. 144, 149–150].

Внутрипартийные разногласия и обстановка в стране заставили кадетов обострить свою тактику в IV Думе, считает М. Стокдэйл. Однако эта тактика была скорее рассчитана на демонстрацию стране демократической природы партии и на внесение раскола в ряды октябристов (с целью склонить часть из них к кадетским позициям). Помимо этого, лидер кадетов хотел показать правительству, что оно изолировано, а подлинно народную силу представляет Дума [10. С. 200–201].

Л. Хеймсон отмечает, что расчеты КДП на продуктивность тактики «органической оппозиции» периода III Государственной Думы не оправдали себя. Поэтому кадетское руководство было вынуждено признать, что в рамках «третьеиюньской системы» демократизация государственного строя невозможна. Вновь выдвинутые партийным руководством требования всеобщего избирательного права, ответственности министров и реформы Госсвета, тактика «декларативной оппозиции» также не дали результата. Активизация левых кадетов накануне войны была встречена П.Н. Милюковым и его единомышленниками неодобрительно. Милюков считал, что их ориентиры приведут к «катастрофическим последствиям», «всеобъемлющему разрушению русской цивилизации, включая те ценности, которые стремились олицетворять кадеты». Но и тактика левых кадетов лишь внесла вклад в состояние тупика, в котором пребывали власть и общество накануне Первой мировой войны [26. С. 9–10; 27. С. 23–26; 28. С. 861–863].

Расчет прогрессистов на распад либеральных партий и фракций с дальнейшим присоединением их частей к прогрессистам тоже не оправдался. Хотя, по наблюдениям Дж. Уэста, в 1912–1913 гг. позиции кадетов, «Союза 17 октября» и прогрессистов по ряду вопросов сближались, «грандиозного союза либеральных сил, который надеялись создать прогрессисты, так и не получилось. Внутренняя динамика действовавших в Думе партий фактически развивалась совершенно в противоположном направлении...» После распада думской фракции октябристов в декабре 1913 г. соглашение по общим вопросам стало «еще менее вероятным, чем ранее». Накануне Первой мировой войны «бесконечные политические пререкания и неуступчивость правительства стали настолько невыносимыми, что [П.П.] Рябушинский и [А.И.] Коновалов начали активно осуществлять замысел о выходе из создавшегося политического тупика посредством некоего “суперорганичного решения”». Это был путь к созданию в начале 1914 г. секретного «Информационного комитета», объединившего не только либералов, но и меньшевиков, большевиков и эсеров. Однако «Информационный комитет» по сути не проявил себя на политической арене и вскоре распался. Одной из главных причин неудачи этого альянса Дж. Уэст считает скорый отказ революционных партий от сотрудничества [19. С. 319–321].

За два последних десятилетия англо-американская историческая наука наработала значительный материал по истории русского либерализма в годы «думской монархии». Большое внимание в работах исследователей США и Великобритании (а также историков других стран, работающих в традициях англо-американской науки, к примеру Израиля) привлекают такие сюжеты, как природа «третьеиюньской системы», место и роль русских либералов в ее развитии, их взаимоотношения с правительством, внутренняя ситуация в русских либеральных партиях.

Мнения, высказываемые по указанным вопросам разными историками, различны. Если ученые либерального направления (такие как Ш. Галай, Дж. Френкель и др.) отмечают определенный прогресс в развитии конституционно-монархических начал в России в 1907–1914 гг., то другие современные ученые (Р. Маккин, П. Уолдрон, Р. Бартлетт) считают перспективы мирного развития России после 1907 г. призрачными, пишут о слабости социальной опоры русского либерализма, преобладании дворянства в государственном управлении, разрыве интересов верхов и низов общества, юридических ограничениях деятельности Государственной Думы.

Русский либерализм в 1907–1914 гг. в силу ряда причин был по преимуществу парламентским явлением, и поэтому англо-американские историки основное внимание уделяют работе кадетов, октябристов и прогрессистов в Государственной Думе. Высказываемые учеными мнения различны. Если, к примеру, М. Стокдэйл описывает думскую тактику кадетов как умеренную, то П. Уолдрон подчеркивает, что кадеты и в годы «думской монархии» продолжили оппозиционную деятельность. Главной установкой октябристов

после третьеиюньского переворота была попытка реализации конституционно-монархической модели в рамках существующего политического режима. Однако, в силу разных обстоятельств, со временем растет оппозиционность октябристов и их противостояние с правящими сферами. «Кризис западного земства» 1911 г., усугубивший расхождения в стане октябристов, стал во многом предтечей раскола их думской фракции в 1913 г. (см. работы П. Уолдрона, А. Эшера, М. Конрой, Ш. Галая и др.). Прогрессизм в целом оценивается как достаточно аморфное течение, которому не хватало связности программы и четкой структуры. Объяснение возникновения этого специфического буржуазно-либерального течения и дальнейшего образования партии прогрессистов коренится, по мнению Л. Хеймсона, в социальной при-

роде «третьеиюньской системы». Расчет прогрессистов на создание в IV Думе «конституционного центра» не оправдался. Их отчаянные инициативы, наподобие попыток оживления контакта с рабочим движением, создания «Информационного комитета» (1914 г.), также не дали результата (Р. Торстон, Дж. Уэст).

Таким образом, несмотря на наблюдающиеся в последние годы в западной русистике кризисные явления, англо-американская историография русского либерализма сделала в последние два десятилетия определенный шаг вперед. Этот факт, а также обилие отечественных исследований по истории русского либерализма за последние годы [29–34] дает надежду на дальнейшее развитие историографии русского либерального движения начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pares B. The fall of the Russian monarchy: A study of evidence. 9th ed. London, 1988.
2. Stavrou Th., ed. Russia under the last Tsar. Minneapolis, 1969.
3. Galai S. The Kadet electoral success – a hollow victory? // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы : материалы науч. конф. Москва, 27–29 мая 1998 г. М., 1999. С. 279–282.
4. Acton E. Rethinking the Russian revolution. London, 1990.
5. Frankel J. The war and the fate of the Tsarist autocracy // Kowner R., ed. The impact of the Russo-Japanese war. N.Y., 2007.
6. Waldron P. Late Imperial constitutionalism // Thatcher I.D., ed. Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean. Manchester ; New York, 2005.
7. McKean R.B. The constitutional monarchy in Russia, 1906–1917 // Regime and society in twentieth century Russia. London, 1999.
8. Waldron P. Between two revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia. De Kalb, 1998.
9. Bartlett R. A history of Russia. Basingstoke ; New York, 2005.
10. Stockdale M.K. Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880–1918. Ithaca ; London, 1996.
11. Korros A. The Kadet party and the elusive ideal of internal democracy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5, № 1. P. 117–136.
12. Conroy M.S., ed. Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I. Niwot, 1998.
13. Conroy M.S. P.A. Stolypin, Marxists and liberals versus owners of pharmacies and pharmaceutical firms in Late Imperial Russia // Conroy M.S., ed. Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I. Niwot, 1998.
14. Ascher A. P.A. Stolypin: The search for stability in Late Imperial Russia. Stanford, 2001.
15. Weislo F.W. Reforming rural Russia: State, local society and national politics, 1855–1914. Princeton, 1990. P. 285–286.
16. Galai S. The True Nature of Octobristism // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5, № 1. P. 137–147.
17. Па́йнс Р. Струве: Биография. М., 2001. Т. 2.
18. Вест Дж.Л. Буржуазия и общественность в предреволюционной России // История СССР. 1992. № 1. С. 192–201.
19. Уэст Дж.Л. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 299–329.
20. West J.L. Old Believers and new entrepreneurs: Old Belief and entrepreneurial culture in Imperial Russia // Brumfield W.C., ed. Commerce in Russian urban culture, 1861–1914. Washington ; London, 2001. P. 79–89.
21. Уэст Дж. О старообрядчестве // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / отв. ред. Дж. Уэст, Ю.А. Петров. М., 2007. С. 35–41.
22. Уэст Дж. Видение предпринимательского будущего России: утопический капитализм Павла Рябушинского // Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии / отв. ред. Дж. Уэст, Ю.А. Петров. М., 2007. С. 224–237.
23. Thurston R.W. Liberal city, conservative state: Moscow and Russia's urban crisis, 1906–1914. New York ; Oxford, 1987.
24. Haimson L. The political evolution of Moscow's kupechestvo in early twentieth-century Russia: Observations and reflections // Extending the borders of Russian history. Essays in honor of Alfred J. Rieber / ed. by M. Siefert. Budapest, 2003. P. 229–231.
25. Thurston R.W. New thoughts on the Old regime and the revolution of 1917 in Russia: A review of recent Western literature // Judge E.H., Simms Y. Jr., eds. Modernization and revolution. Dilemmas of progress in late imperial Russia. Essays in honor of Arthur P. Mandel. N.Y., 1992. P. 140–150.
26. Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3–15.
27. Хеймсон Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 17–33.
28. Haimson L. «The problem of political and social stability in urban Russia on the eve of war and revolution» revisited // Slavic Review. 2000. Vol. 59, № 4. P. 848–875.
29. Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16.
30. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003.
31. Аронов Д.В. Законодательная деятельность российских либералов в Государственной Думе (1906–1917 гг.). М., 2005.
32. Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006.
33. Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: Личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010.
34. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 марта 2015 г.

PROBLEMS OF THE HISTORY OF RUSSIAN LIBERALISM (1907–1914) IN THE WORKS OF CONTEMPORARY ANGLO-AMERICAN RESEARCHERS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 134–140. DOI 10.17223/15617793/393/20

Makarov Nikolay V. Russian Foundation for Basic Research (Moscow, Russian Federation). E-mail: nikolay-14@yandex.ru

Keywords: Anglo-American historiography; Russian liberalism; State Duma; "Duma monarchy"; Kadet party; Union of 17 October; Progressist party; P.N. Miliukov; A.I. Guchkov; P.A. Stolypin.

The article presents the interpretation of the history of Russian liberalism in the period from the end of the First Russian Revolution to the First World War by modern Anglo-American historians. The article analyzes the views of American and British scientists (R. McKean, P. Waldron, R. Bartlett, M. Stockdale, A. Korros, M. Conroy, A. Ascher, F. Wcislo, R. Pipes, J. West, A. Haimson, etc.) on the problems of political ideals and activities of the Russian liberal parties (Kadets, Octobrists and Progressists) in the "Duma monarchy" period. These problems touch such matters as the relationship between Russian liberals and the government, their relationship with Prime Minister P.A. Stolypin, evolution of the political line of Russian liberals. The issue under research is also assessment given by the Anglo-American historians to political activities of the leaders of the Russian liberals – P.N. Milyukov, A.I. Guchkov, P.P. Ryabushinsky. The article shows that over the past two decades, despite the crisis in the western Russian Studies, Anglo-American historiography has worked a considerable amount of material on the history of Russian liberalism during the "Duma monarchy" period. The opinions expressed by the modern historians are different. The scientists belonging to the liberal direction (such as S. Galai, J. Frankel and others) note some progress in the development of constitutional monarchy in Russia in 1907–1914, while other scholars (R. McKean, P. Waldron, R. Bartlett) consider the prospects for peaceful development of Russia after 1907 as illusive and write about the weakness of social support for Russian liberalism, predominance of the nobility in governance, gap between the interests of upper and lower classes of society, the legal restrictions of the State Duma. Much attention is paid by contemporary researchers to the work of the Russian liberals in the State Duma in 1907–1914. Here the Anglo-American scientists express different opinions too. If, for example, M. Stockdale describes Kadets' Duma tactics as moderate, P. Waldron emphasizes that Kadets continued their opposition activities during the period of "Duma monarchy". The main goal of Octobrists after "The Third of June Coup" was an attempt to implement the constitutional monarchy model within the existing political regime. However, for various reasons, the opposition of Octobrists grew. The Octobrists began to confront with the ruling spheres. "The Western Zemstvo Crisis" in 1911 exacerbated differences in the camp of Octobrists. These differences largely foreran the split of their Duma faction in 1913 (see the works of P. Waldron, A. Ascher, M. Conroy, S. Galai, etc.). Progressism as a whole is estimated as a rather amorphous movement which lacked both connectivity program and a clear structure. The emergence of this particular bourgeois-liberal current and the further formation of the Pogressist party, according to L. Haimson, was rooted in the social nature of the "Third of June System". Progressists' attempt to build a "Constitutional Center" in the IV Duma was not justified. Their desperate initiatives such as attempts to revive contacts with the labor movement, creating "Information Committee" (1914), also failed (R. Thurston, J. West).

REFERENCES

1. Pares B. *The fall of the Russian monarchy: A study of evidence*. 9th ed. London, 1988.
2. Stavrou Th. (ed.) *Russia under the last Tsar*. Minneapolis, 1969.
3. Galai S. The Kadet electoral success – a hollow victory? *Russkiy liberalizm: Istoricheskie sud'by i perspektivy: materialy nauch. konf.* [Russian Liberalism: The Historical Destiny and prospects: Proc. of the Conference]. Moscow, 1999, pp. 279–282.
4. Acton E. *Rethinking the Russian revolution*. London, 1990.
5. Frankel J. *The war and the fate of the Tsarist autocracy*. In: Kowner R. (ed.) *The impact of the Russo-Japanese war*. New York, 2007.
6. Waldron P. *Late Imperial constitutionalism*. Thatcher I.D. (ed.) *Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean*. Manchester; New York, 2005.
7. McKean R.B. *The constitutional monarchy in Russia, 1906–1917*. In: *Regime and society in twentieth-century Russia*. London, 1999.
8. Waldron P. *Between two revolutions: Stolypin and the politics of renewal in Russia*. De Kalb, 1998.
9. Bartlett R. *A history of Russia*. Basingstoke; New York, 2005.
10. Stockdale M.K. *Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880–1918*. Ithaca; London, 1996.
11. Korros A. The Kadet party and the elusive ideal of internal democracy. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004, vol. 5, no. 1, pp. 117–136. DOI: 10.1353/kri.2004.0013
12. Conroy M.S. (ed.) *Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I*. Niwot, 1998.
13. Conroy M.S. *P.A. Stolypin, Marxists and liberals versus owners of pharmacies and pharmaceutical firms in Late Imperial Russia*. In: Conroy M.S. (ed.) *Emerging democracy in late Imperial Russia: Case studies on local self-government (the Zemstvos), State Duma elections, the Tsarist government and the State Council before and during World War I*. Niwot, 1998.
14. Ascher A. *P.A. Stolypin: The search for stability in Late Imperial Russia*. Stanford, 2001.
15. Wcislo F.W. *Reforming rural Russia: State, local society and national politics, 1855–1914*. Princeton, 1990, pp. 285–286.
16. Galai S. The True Nature of Octobristism. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2004, vol. 5, no. 1, pp. 137–147. DOI: 10.1353/kri.2004.0010
17. Pipes R. *Struve: Biografiya* [Struve: a biography]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2001. Vol. 2.
18. West J.L. *Burzhuziya i obshchestvennost' v predrevolyutsionnoy Rossii* [The bourgeoisie and the public in pre-revolutionary Russia]. *Istoriya SSSR*, 1992, no. 1, pp. 192–201.
19. West J.L. *Kruzhok Ryabushinskogo: russkie promyshlenniki v poiskakh burzhuzii (1909–1914)* [Ryabushinsky Circle: Russian industrialists in search of the bourgeoisie (1909–1914)]. In: David-Fox M. *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: antologiya* [American Russian studies. Milestones of historiography of recent years. Imperial period: an anthology]. Samara: Samara State University Publ., 2000, pp. 299–329.

20. West J.L. *Old Believers and new entrepreneurs: Old Belief and entrepreneurial culture in Imperial Russia*. In: Brumfield W.C. (ed.) *Commerce in Russian urban culture, 1861–1914*. Washington; London, 2001, pp. 79–89.
21. West J.L. *O staroobryadchestve* [On the Old Believers]. In: West J.L., Petrov Yu.A. *Kupecheskaya Moskva. Obrazy ushedshey rossiyskoy burzhuzii* [Merchant Moscow. Images of bygone Russian bourgeoisie]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007, pp. 35–41.
22. West J.L. *Videnie predprinimatel'skogo budushchego Rossii: utopicheskiy kapitalizm Pavla Ryabushinskogo* [Vision of entrepreneurial Russia's future: the utopian capitalism of Pavel Ryabushinsky]. In: West J.L., Petrov Yu.A. *Kupecheskaya Moskva. Obrazy ushedshey rossiyskoy burzhuzii* [Merchant Moscow. Images of bygone Russian bourgeoisie]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007, pp. 224–237.
23. Thurston R.W. *Liberal city, conservative state: Moscow and Russia's urban crisis, 1906–1914*. New York; Oxford, 1987.
24. Haimson L. *The political evolution of Moscow's kupechestvo in early twentieth-century Russia: Observations and reflections*. In: Siefert M. (ed.) *Extending the borders of Russian history. Essays in honor of Alfred J. Rieber*. Budapest, 2003, pp. 229–231.
25. Thurston R.W. *New thoughts on the Old regime and the revolution of 1917 in Russia: A review of recent Western literature*. In: Judge E.H., Simms Y. Jr. (eds.) *Modernization and revolution. Dilemmas of progress in late imperial Russia. Essays in honor of Arthur P. Mandel*. New York, 1992, pp. 140–150.
26. Haimson L. *Ob istokakh revolyutsii* [On the origins of the revolution]. *Otechestvennaya istoriya*, 1993, no. 6, pp. 3–15.
27. Haimson L. [Development of political and social crisis in Russia in the period from the eve of the First World War until the February Revolution]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma)* [Russia and the First World War (Proceedings of the International Scientific Colloquium)]. St. Petersburg, 1999, pp. 17–33. (In Russian).
28. Haimson L. "The problem of political and social stability in urban Russia on the eve of war and revolution" revisited. *Slavic Review*, 2000, vol. 59, no. 4, pp. 848–875.
29. Shelokhaev V.V. *Diskussionnye problemy istorii russkogo liberalizma v noveyshey otechestvennoy literature* [Controversial problems of Russian liberalism history in the modern Russian literature]. *Voprosy istorii*, 2007, no. 5, pp. 3–16.
30. Gayda F.A. *Liberal'naya oppozitsiya na putyakh k vlasti (1914 – vesna 1917 g.)* [The liberal opposition on ways to power (1914 – Spring 1917)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. 432 p.
31. Aronov D.V. *Zakonodatel'naya deyatel'nost' rossiyskikh liberalov v Gosudarstvennoy Dume (1906–1917 gg.)* [Legislative activity of Russian liberals in the State Duma (1906–1917)]. Moscow: Yurist Publ., 2005. 426 p.
32. Seleznev F.A. *Konstitutsionnye demokraty i burzhuziya (1905–1917 gg.)* [Constitutional democrats and the bourgeoisie (1905–1917)]. N. Novgorod: N. Novgorod State University Publ., 2006. 227 p.
33. Shelokhaev S.V. *D.N. Shipov: Lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost'* [D.N. Shipov: personality and political activity]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2010. 406 p.
34. Solov'ev K.A. *Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: Mekhanizmy vzaimodeystviya (1906–1914)* [Legislative and executive power in Russia: Mechanisms of interaction (1906–1914)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. 512 p.

Received: 22 March 2015

АДАПТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Рассматриваются адаптационные аспекты процесса аграрно-крестьянской модернизации Сибири конца XIX – начала XX в. Источниковой базой исследования избраны подворные материалы Томской губернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. Они изучены на основе математико-статистических методов корреляционного и многомерного факторного анализа. Земледельческое хозяйство региона имело мощный социально-природный потенциал. Он включал в себя до трети всех экономических и социально-культурных ресурсов хозяйства и являлся одним из главных движущих факторов процесса аграрной модернизации сибирского края.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство Сибири; адаптивный потенциал; аграрная модернизация.

На рубеже XIX–XX вв., с проведением Сибирской железной дороги, мелкотоварное крестьянское хозяйство сибирского края включилось в систему общероссийского капиталистического рынка. Это резко ускорило процесс его модернизации.

Проблема аграрной модернизации получила широкое освещение в сибиреведении. В советское время она рассматривалась в исследованиях по истории капиталистического развития экономики сибирской деревни [1–7]. В постсоветской историографии в целом утвердился социокультурный подход, и проблема экономической модернизации крестьянского хозяйства региона в основном рассматривается на его основе [8–12]. В настоящее время на первый план сибиреведческих аграрных исследований выдвинулась ключевая проблема выяснения глубины рыночной модернизации традиционного крестьянского хозяйства, требовавшей его приспособления к различным социальным и экономико-природным условиям Сибири. Она по-прежнему недостаточно разработана. Особенно требуют изучения адаптационные аспекты аграрно-крестьянской модернизации.

Актуальность адаптационной проблематики обусловлена также системным характером социокультурной методологии исследования. Согласно ей крестьянское хозяйство являлось экономико-культурной системой. Поэтому постичь сущность его социально-культурной, экономической природы и эволюции возможно лишь при целостно-системном подходе. Его суть в том, что крестьянское хозяйство рассматривается не только со стороны его отдельных компонентов (землепользование, производственно-техническая база, рабочие ресурсы и т.д.), но и в их взаимодействии, образующем новое целостно-интегративное качество, представленное внутренней структурой, способом организации компонентов, их функциями, а также с учётом места и роли крестьянского хозяйства в общественных системах более высокого порядка (аграрный строй в целом и т.д.) и его отношений с социальной и природной средой [13. С. 356–377]. Системный подход, таким образом, прямо указывает на проблему социокультурной адаптации земледельческого хозяйства к внешней – природной и модернизирующей социальной – среде как на одно из самых перспективных направлений научного исследования аграрной модернизации.

Современная культурология под культурной адаптацией понимает «приспособление человеческих со-

обществ, социальных групп и отдельных индивидуумов к меняющимся природно-географическим и историческим (социальным) условиям жизни посредством изменения стереотипов сознания и поведения, форм социальной организации и регуляции, норм и ценностей, образа жизни и элементов картины мира, способов жизнеобеспечения, направлений и технологии деятельности, а также номенклатуры ее продуктов, механизмов коммуникации и трансляции социального опыта» [14. С. 15]. Социальная культура сама является универсальным общественным адаптивно-адаптирующим механизмом [22. С. 25]. Поэтому культура отдельной социальной группы обладает самостоятельным потенциалом гармонизации отношений с внешней средой. Адаптивный потенциал – это мера мощности субъективной социальной культуры в отношении возможных адаптаций. Он включает в себя «совокупность свойств, качеств, характеристик» (ресурсов), существующих у адаптанта в скрытом виде и «задействуемых», т.е. актуализируемых в ходе адаптации, и складывается из двух векторов: способности к сопротивлению среде с ее последующей перестройкой «под себя» и способности к ассимиляции средой с последующим поглощением ею [17. С. 401–402]. Адаптивное моделирование дает возможность построить концепцию, раскрывающую механизм и содержание социокультурного развития (модернизации) крестьянского хозяйства как социально-субъектной формы аграрно-экономической культуры [14–18 и др.].

Адаптационное направление получило в современном крестьяноведении Сибири достаточно широкую историографию [13, 19–23 и др.]. Вместе с тем в опубликованных к настоящему времени исследованиях главное внимание уделялось духовно-ментальным и материально-бытовым аспектам крестьянской культуры. Адаптивные аспекты социокультурного развития и модернизационного потенциала земледельческого хозяйства края практически не рассматривались. В этой связи данные вопросы оказались в центре внимания автора настоящей работы. Её главной целью и задачей является определение адаптационных подсистем и адаптивного потенциала модернизации крестьянского хозяйства Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Крестьянское хозяйство, будучи социокультурной системой, выступало в экономическом процессе как реализующий свои духовные, материальные интересы

и цели хозяйственный субъект. Деятельность хозяйствующей крестьянской семьи выражалась в форме функционирования и развития особым образом упорядоченной экономической культуры, определяемой исследователями как система хозяйствования. Она обеспечивала удовлетворение личных и производственных потребностей семьи. Производственный уклад в социокультурном аспекте проявлял себя как подсистема материально-производственной культуры. Духовная сторона экономической культуры – хозяйственный менталитет и конкретные трудовые традиции – включена в уклад в качестве скрытых факторов, участвовавших в формировании внутренней структуры крестьянского хозяйства.

Крестьянская хозяйственная культура имела традиционный характер. Система традиций обеспечивала её целостность и устойчивость. Ведущую роль в обеспечении экономической стабильности патриархального крестьянского хозяйства исполняли его традиционные адаптационные подсистемы. Главными социальными носителями вековой земледельческой культуры, а также базисом её функционирования, воспроизводства и развития были община и составлявшие её хозяйствующие крестьянские семьи. Крестьянская культура несла в себе и новаторские элементы, адаптивные структуры, которые создавали возможности её развития, модернизации и приспособления к изменившейся внешней среде. Культурно-хозяйственная адаптация крестьянства к меняющимся природным и социальным условиям жизни происходила путём модификации стереотипов, норм, установок сознания, поведения и модернизации форм общественной организации, регуляции и стратегии социально-экономической деятельности.

В свете характеристики общих свойств земледельческой культуры стало возможным дать социокультурную трактовку содержания модернизации крестьянского хозяйства. Под модернизацией современные исследователи понимают всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу [26. С. 3]. Основанное на традиционной культуре крестьянское хозяйство обеспечивало устойчивое удовлетворение семейных потребностей и являлось стабильной экономико-культурной системой. Следовательно, функционируя и развиваясь в современных рыночных условиях, крестьянское хозяйство имело возможность самостоятельно модернизироваться лишь на собственном базисе путём выработки адаптационных инновационных подсистем, создававшихся на основе рационализации традиционных экономических структур. Инновационные подсистемы формировались на всех уровнях традиционной экономической культуры. Ведущее значение имели модификация ценностно-трудового ядра хозяйственного менталитета и зарождение начал расчётливости, индивидуализма. Рационализированная подсистема традиционной ментальности являлась «руководством» для социально-рыночной модификации трудового процесса семейных работников, формирования инновационной, рыночно-капиталистической производственной подси-

стемы земледельческого хозяйства и выработки стратегии его развития.

В начале XX в. крестьянское хозяйство Западной Сибири включилось в систему общероссийского рынка. Это вызвало в земледельческом хозяйстве процесс формирования инновационной рыночно-капиталистической системы хозяйствования. Внутренний строй крестьянского хозяйства, таким образом, сформировали взаимодействовавшие традиционная и рыночно-капиталистическая системы хозяйствования, а также адаптационные подсистемы. Традиционную хозяйственную культуру составляли натуральный и мелкотоварный уклады и адаптационная подсистема. Они совместно образовывали единый хозяйственный комплекс и целиком базировались на выработанном веками крестьянском экономическом менталитете и коллективном трудовом опыте. Современная адаптивная рыночно-капиталистическая культура являлась, по сути, модернизированной подсистемой традиционного мелкотоварного уклада, которая приспособляла крестьянское хозяйство региона к реалиям современного народного хозяйства страны.

Для осуществления целостно-системного подхода к анализу крестьянского хозяйства использовался хорошо разработанный метод корреляционного моделирования его внутреннего строя. В его основе – парный линейный коэффициент корреляции [23. С. 137–174].

В формировании корреляционной структуры крестьянского хозяйства участвовала определённая совокупность общих факторов – скрытых обобщённых характеристик, обусловивших взаимосвязанность отдельных групп «внешних» наблюдаемых показателей. Для выявления общих факторов (подсистем хозяйства) используется многомерный факторный анализ. Он также даёт ключ к их содержательному истолкованию, оценивает их сравнительную роль в воздействии на отдельные комплексные показатели и на внутренний строй хозяйства в целом [Там же. С. 276–280; 283–287].

По существу, скрытые обобщённые характеристики (общие факторы) выражают влияние внутривоспроизводственных и внешних – природных и социальных – факторов на социально-экономический строй земледельческого хозяйства. В результате их воздействия на внутреннюю структуру хозяйства в ней образовывались экономические и социальные подсистемы, представлявшие собой отдельные группы тесно взаимосвязанных групп показателей. Существенное место среди них заняли социальные и природные адаптационные подсистемы. Изучение взаимодействия и сравнительной роли данных подсистем-факторов в формировании, функционировании и развитии деревенской экономики, таким образом, должно позволить определить их социально-природное содержание, структуру и экономическую мощь адаптивного потенциала крестьянского хозяйства Сибири в процессе аграрной модернизации конца XIX – начала XX в.

В качестве источниковой основы исследования избраны подворные материалы Томской общегубернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. [24]. Программа обследования отразила практически все

главные стороны крестьянского хозяйства: население, семейную рабочую силу, рабочий и продуктивный скот, посевы и кормовую базу (сено). Эти данные вполне позволяют изучить внутренний производственно-экономический строй западносибирской деревни конца XIX – начала XX в.

Из имеющейся генеральной совокупности подворных сведений были отобраны типические земледельче-

ская (1 888 ед.) и скотоводческая (1 003 ед.) волости [24. Д. 692–698, 700–706, 568–571, 573–576]. Затем из типичских специализированных волостей для обработки на ЭВМ сформированы две случайные выборки, соответственно, в 191 и 168 дворов. Попавшие в данные типически-случайные выборки крестьянские хозяйства были разделены на четыре группы. Уровень хозяйства в различных социальных группах дворов отражен в табл. 1 и 2.

Т а б л и ц а 1

Уровень крестьянского хозяйства земледельческой специализации в различных социальных группах

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группа хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0	0,1–3,9	4–8,9	9 и более	
	I	II	III	IV	
Работники, чел.	0,56	0,51	0,54	0,58	0,55
Рабочий скот, гол.	0,2	0,5	0,8	1,7	0,9
Продуктивный скот, гол.	0,3	0,6	0,7	1,6	0,8
Весь посев, дес.	0	0,6	1,25	2,6	1,3
Число дворов в группе	24	49	67	51	191
Доля дворов в группе, %	12,6	25,6	35,1	26,7	100

Т а б л и ц а 2

Уровень крестьянского хозяйства скотоводческой специализации в различных социальных группах

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группа хозяйств с числом коров (гол.)				Хозяйства в целом
	0	1–2	3–6	7 и более	
	I	II	III	IV	
Работники, чел.	0,40	0,48	0,55	0,56	0,52
Рабочий скот, гол.	0,1	0,5	0,8	2,1	1,0
Продуктивный скот, гол.	0	0,45	1,05	2,9	1,3
Весь посев, дес.	0,04	0,55	0,95	1,65	1,0
Число дворов в группе	9	54	57	48	168
Доля дворов в группе, %	5,4	32,2	33,9	28,5	100

Сформированные по данным переписи 1901 г. экономические группы крестьянских дворов были подвергнуты корреляционному и многомерному факторному анализу на предмет исследования их внутреннего экономического строя и определения путем многомерного факторного анализа традиционных и инновационных факторов-подсистем экономической адаптации.

Как показал корреляционный анализ структуры, в большинстве крестьянских хозяйств Сибири была очень высокая степень сбалансированности главных производственных компонентов: посева, рабочих лошадей и продуктивного скота в расчете на двор, душу, работника и производственную единицу (производственные фонды). Взаимосвязи между ними имели значения 0,7–0,8. Это свидетельствует о том, что функционирование и развитие производственно-технической базы земледельческого хозяйства региона определялись воздействием единого внешнего социально-экономического фактора – системы общероссийского аграрного рынка. На определяющее влияние рынка также указывает наличие в абсолютном большинстве дворов примерно одинаковой оснащённости производственными фондами. Данный факт показывает, что абсолютное большинство крестьянских хозяйств имели одинаковые производственные издержки и получали одинаковую (среднюю) прибыль в расчёте на производственную единицу.

Обратимся далее к многомерному факторному анализу внутреннего строя земледельческого хозяй-

ства региона, осуществленному на основе многомерного метода главных компонент (факторов) [25. С. 103–122, 240–244].

Определившие структуру общие факторы выражаются в факторных нагрузках. Факторные нагрузки – это значения коэффициентов корреляции общих факторов с исходными признаками. Взяты вместе, они образуют матрицу (таблицу) факторных нагрузок. Для анализа содержания и интерпретации фактора используют его самые большие факторные нагрузки. В нашем случае это коэффициенты корреляции более 0,700. Отбор главных общих факторов производится последовательно, по мере убывания их вкладов в суммарную дисперсию показателей и прекращается при достижении 70–80%.

Истолкование содержания и функций скрытых общих факторов-подсистем, включая адаптационные, носит концептуальный характер. Вместе с этим существует формальная основа их интерпретации, выражающаяся в наличии сущностной связи между фактором и следом его воздействия на внутреннюю структуру. Общий фактор проявляется в виде сформировавшейся во внутренней структуре крестьянского хозяйства подсистемы, представляющей собой группу тесно взаимосвязанных реальных показателей. Этот след несет на себе отпечаток его природы. Поэтому социально-экономический характер интерпретируемого фактора определяется путем обобщения содержания признаков, вошедших в образованную им подсистему.

Таблица 3

Адаптационные факторы-подсистемы в системе общих факторов, их нагрузки на признаки и вклады в формирование внутренней структуры крестьянского хозяйства сельскохозяйственной специализации

Факторы и входящие в них признаки	Факторные нагрузки на признаки	Вклады факторов в суммарную дисперсию, %
I фактор. Производственно-экономическая мощь хозяйства. Производственная база традиционной системы хозяйствования		28,8
II фактор. Капиталистический рынок. Рыночно-капиталистическая или социально-рыночная, адаптационная подсистема. Капитализированные производственные фонды: 1. Рабочего скота на 1 корову 2. Всего посева на 1 корову 3. Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота 4. Посева овса на 1 голову продуктивного скота 5. Всего посева на 1 голову продуктивного скота	0,926 0,898 0,905 0,862 0,919	16,7
III фактор. Природно-хозяйственная, натурально-страховая адаптационная подсистема: 1. Запасов хлеба на 1 двор 2. Запасов хлеба на 1 душу 3. Запасов хлеба на 1 семейного работника 4. Запасов хлеба на 1 голову рабочего скота 5. Запасов хлеба на 1 голову продуктивного скота 6. Запасов хлеба на 1 дес. всего посева	0,966 0,893 0,922 0,963 0,918 0,971	9,2
IV фактор. Природная, рыночно-производственная адаптационная подсистема: 1. Посева овса на 1 голову рабочего скота 2. Всего посева на 1 голову рабочего скота 3. Рабочего скота на 1 дес. всего посева	-0,817 -0,944 0,912	8,6
V фактор. Обеспеченность скота кормами. Кормовая база		7,1
VI фактор. Уровень обеспеченности крестьянской семьи своей рабочей силой. Семейно-трудовые (трудопотребительские) ресурсы		5,1
VII фактор. Демографическая, семейно-трудовая подсистема хозяйства		4,4

Таблица 4

Адаптационные факторы-подсистемы в системе общих факторов их нагрузки на признаки и вклады в формирование внутренней структуры крестьянского хозяйства скотоводческой специализации

Факторы и входящие в них признаки	Факторные нагрузки на признаки	Вклады факторов в суммарную дисперсию, %
I фактор. Производственно-экономическая мощь хозяйства. Производственная база традиционной системы хозяйствования		26,2
II фактор. Капиталистический рынок. Рыночно-капиталистическая или социально-рыночная адаптационная подсистема. Капитализированные производственные фонды: 1. Рабочего скота на 1 дес. всего посева 2. Коров на 1 дес. всего посева 3. Продуктивного скота на 1 дес. всего посева	0,840 0,780 0,836	14,8
III фактор. Природная, рыночно-производственная адаптационная подсистема: 1. Коров на 1 голову рабочего скота 2. Продуктивного скота на 1 голову рабочего скота 3. Рабочего скота на 1 корову 4. Всего посева на 1 корову 5. Рабочего скота на 1 голову продуктивного скота 6. Всего посева на 1 голову продуктивного скота	0,740 0,754 -0,904 -0,772 -0,940 -0,777	9,8
IV фактор. Обеспеченность скота кормами. Кормовая база		9,4
V фактор. Природно-хозяйственная, натурально-страховая адаптационная подсистема: 1. Запасов хлеба на 1 двор 2. Запасов хлеба на 1 душу 3. Запасов хлеба на 1 семейного работника 4. Запасов хлеба на 1 голову рабочего скота 5. Запасов хлеба на 1 голову продуктивного скота 6. Запасов хлеба на 1 дес. всего посева	0,966 0,893 0,983 0,930 0,963 0,764	7,9
VI фактор. Уровень обеспеченности крестьянской семьи своей рабочей силой. Семейно-трудовые (трудопотребительские) ресурсы		5,2
VII фактор. Демографическая, семейно-трудовая, подсистема хозяйства		4,8

Рассмотрим результаты компонентного факторного анализа крестьянского хозяйства в целом, проведенного по подворным данным переписи 1901 г. (см. табл. 3, 4). Ключевую экономическую роль играют первые два фактора, дающие совместно 41–45,5% совокупной дисперсии (влияния) признаков:

во-первых, это фактор производственно-экономической мощи хозяйства, представляющий производственную базу традиционной системы хозяйствования, и, во-вторых, рыночно-капиталистическая или социально-рыночная адаптационная подсистема, выражающая воздействие общероссийского аграрно-

капиталистического рынка. Более широко и целостно систему обобщённых характеристик представляют семь факторов, выражающих 79,9 и 78,2% влияния. Кроме указанных, в более широкую систему факторов дополнительно входят следующие факторные подсистемы: адаптационная природно-хозяйственная, натурально-страховая; адаптационная, природная и рыночно-производственная; кормовая база для скота; семейно-трудовые рабочие ресурсы; семейно-трудовая демографическая (см. табл. 3, 4). Как видно из результатов системного анализа, во внутреннем строе земледельческого хозяйства Сибири на 1901 г. сформировались три адаптивные подсистемы. Они отражали две основных взаимодействовавших хозяйственно-культурных системы крестьянского двора: традиционную семейно-потребительскую и инновационную рыночно-капиталистическую. Природно-хозяйственный натурально-страховой адаптивный фактор, несомненно, представлял традиционную экономическую структуру. Отделившись от нее, самостоятельную инновационно-капиталистическую хозяйственную систему представляла рыночно-капиталистическая подсистема производственных фондов. Природная, рыночно-производственная адаптационная подсистема занимала промежуточное положение. Она функционировала в поле взаимодействия традиционной и инновационной хозяйственных культур.

Ведущее значение имеет первый фактор «производственно-экономической мощности хозяйства», или «производственная база традиционной семейно-трудовой системы хозяйствования», отражающий соответственно по дворам зерновой и животноводческой специализации 28,8–26,2% влияния. В целом фактор производственно-экономической мощности играл системообразующую роль и, безусловно, представляет традиционную, мелко-товарную, семейно-потребительскую основу (подсистему) крестьянского хозяйства региона.

Третий фактор в домохозяйствах зернового направления (влияние 9,2%) и пятая общая характеристика в животноводческих дворах (влияние 7,9%) достаточно прозрачны. Данные факторы включают в себя страховые запасы хлеба во всех рассматриваемых аспектах: на один двор, на одну душу, на одного работника, на одну голову рабочего или продуктивного скота, на одну десятину всего посева. Они представляют традиционно-природную (натурально-страховую) адаптационную хозяйственную подсистему, защищавшую крестьянскую семью и домохозяйство от периодически повторявшихся неблагоприятных (экстремальных) природных явлений – засух, холодов, заморозков, града, нашествий саранчи, грызунов, болезней растений и скота. До середины XIX в. натурально-страховая подсистема носила преимущественно потребительский и производственный характер. В ее основе лежали зависевшие от природных условий неконтролируемые сельским хозяйством излишки над необходимым семейным и производственным потреблением.

Во второй половине XIX в. в сельском хозяйстве Сибири стали широко развиваться мелко-товарные товарно-денежные отношения. С проведением Транс-

сибирской магистрали крестьянское хозяйство региона было включено в состав общероссийского аграрного рынка. Вовлечение экономики сибирской деревни в систему современных аграрно-капиталистических отношений заставило земледельцев усовершенствовать нерациональную натурально-страховую систему запасаемых излишков сообразно новым экономическим условиям.

С целью определения инновационных изменений в традиционной структуре и функционировании натурально-природного фактора проанализируем факторные нагрузки в его подсистеме признаков, выражающие взаимосвязи между самим фактором и данными признаками. Как видно из табл. 3 и 4, наиболее тесно данный фактор связан с запасами хлеба в соответствии с производственными показателями. Факторные нагрузки на них самые высокие (более 0,900). Они для дворов земледельческой и скотоводческой специализации следующие: для запасов хлеба на одно хозяйство (двор) – 0,966 и 0,966; на одного семейного работника – 0,922 и 0,983; на одну голову рабочего скота – 0,963 и 0,930; на одну десятину посева для зерновых дворов – 0,971; на одну голову продуктивного скота для животноводческих дворов – 0,963. Что касается семейно-потребительского показателя «запасов хлеба в расчете на одну душу», то его взаимосвязь с рассматриваемым фактором во дворах обеих специализаций оказалась ниже 0,900: 0,893 и 0,893 соответственно. Это прямо указывает на главенствующую роль в функционировании натурально-страховой адаптивной подсистемы производственной направленности. Запасы зерна пшеницы, ржи и овса использовались, прежде всего, в качестве производственного резерва семян и кормов для рабочего скота. Потребительская функция природно-страховой подсистемы сохранялась, но она получила второстепенное, вспомогательное значение.

Существенным изменением, характеризующим совершившийся на рубеже XIX–XX вв. переход традиционной природно-страховой адаптационной подсистемы в качественно новое состояние, стало резкое повышение уровня сбалансированности природно-адаптивного фактора с показателями резервных зерновых запасов во всех главных аспектах и уровнях внутренней структуры крестьянского хозяйства: подворном, подушевом, организационно-производственном (в расчете на одного семейного работника), производственно-техническом (в расчете на одну десятину посева или на одну голову рабочего или продуктивного скота). Взаимосвязь достигала уровня 0,893–0,971 во дворах зерновой специализации и значений 0,764–0,983 в скотоводческих дворах (см. табл. 3, 4). Высокая внутренняя сбалансированность традиционной адаптивной системы свидетельствует о ее рационализации, сознательно осуществленной крестьянами. В результате природно-страховая адаптационная подсистема приобрела подконтрольный земледельцу характер и стала учитываемым (планируемым) внутривладельческим фактором, обеспечивавшим выживание крестьянского хозяйства региона в новых природно-экономических условиях.

Усовершенствование традиционной природно-страховой адаптивной подсистемы, хотя и являлось серьёзным экономическим шагом в развитии внутреннего строя крестьянского хозяйства региона, тем не менее не удовлетворяло его самые насущные потребности в приспособлении к новым общественным условиям. Новые нужды возникли в связи с вхождением сибирской деревни в систему современных аграрных рыночно-капиталистических отношений. Это вызвало в земледельческом хозяйстве процесс формирования инновационной капиталистической системы хозяйствования. Она сложилась внутри традиционной экономической культуры как её подсистема и являлась адаптационной реакцией крестьянства на разрушающее воздействие современного рынка. Современная рыночно-капиталистическая адаптационная хозяйственная подсистема выражалась в совершенствовании и интенсификации семейного труда, продаже собственной рабочей силы, использовании найма, применении усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, улучшении систем земледелия и скотоводства и рационализации производственного процесса.

Социальная рыночно-капиталистическая адаптивная подсистема представлена в табл. 3 и 4 вторым фактором (соответственно 16,7 и 18,4% влияния для дворов земледельческой и скотоводческой специализаций). Его выражают тесно взаимосвязанные между собой показатели скота и посева, рассчитанные на одну голову скота или одну десятину всего посева. В зерновой специализации это рабочий скот и весь посев на одну голову продуктивного скота, в животноводческой – рабочий скот и продуктивный скот на одну десятину всего посева. Они отражают сбалансированную, специализированную часть производственных фондов крестьянского хозяйства, порождённую воздействием капиталистического рынка. Сбалансированность данных показателей была очень высокой – на уровне более 0,80. Это свидетельствует о том, что производственно-технический строй хозяйства всех социальных групп крестьянства испытывал регулирующее влияние объективных закономерностей товарно-капиталистического рынка, требовавшего от земледельцев хозяйствовать на уровне общественно-необходимых затрат.

Сформировавшаяся на технической базе традиционного мелкотоварного производства адаптационная рыночно-капиталистическая подсистема являлась основной движущей силой модернизации традиционного крестьянского хозяйства края. Модернизация осуществлялась путём адаптации к требованиям рынка производственно-технической структуры, семейно-трудовой основы хозяйства и использования преимуществ, создаваемых рыночной системой хозяйствования. Главным источником социально-трудовой и производственной модернизации земледельческих хозяйств являлась модифицированная в свете рыночных требований система трудовых духовных ценностей и установок традиционного хозяйственного поведения крестьян. Экономическая модернизация западносибирской деревни в начале XX в. выражалась в развитии торгово-рыночной специализации, рационализации производственно-технической базы и повышении капиталовооружённо-

сти крестьянских хозяйств. В зажиточных дворах она также проявлялась в росте применения хозяйственных инноваций, интенсификации труда семейных работников и использовании труда наёмных рабочих.

Наряду с традиционной природно-страховой и инновационной социально-рыночной подсистемами в крестьянском хозяйстве Сибири на рубеже XIX–XX вв. в поле взаимодействия традиционной и рыночно-капиталистической экономических культур образовалась смешанная по содержанию природная, рыночно-производственная адаптационная подсистема. Ее представляет четвертый фактор в земледельческих дворах (8,6% дисперсии) и третий – в скотоводческой специализации (9,8% дисперсии). В них входят сбалансированные между собой две подгруппы обратно взаимосвязанных показателей производственных фондов, имевших значения (по модулю) от 0,740 до 0,944. В хозяйствах зернового направления это рабочий скот на одну десятину всего посева и весь посев в расчёте на одну голову рабочего скота; в животноводческих дворах – рабочий скот и продуктивный скот, рассчитанные относительно друг друга. Данные показатели свидетельствуют о том, что в земледельческих дворах при вынужденном сокращении производства, вызванном природными бедствиями или падением рыночной конъюнктуры, хозяева в первую очередь стремились сохранить тягловый скот. Это вело к определённой перегруженности фондов рабочими лошадьми. В скотоводческих хозяйствах крестьяне, попав в трудное экономическое положение, стремились оставлять в резерве преимущественно продуктивный скот. В результате в их производственных фондах увеличивалась доля молочного и мясного скота. Излишние производственные фонды являлись универсальным потребительским и рыночно-производственным резервом крестьянского хозяйства региона, который придавал ему дополнительную устойчивость в экстремальных природных и общественно-экономических условиях. Данный фактор можно поделить на две равных части: традиционно-потребительскую (50%) и рыночную (50%).

Формирование новой производственно-страховой защитной системы на рыночно-хозяйственной основе фактически придало ей преимущественно денежный характер. Определяющая роль товарно-денежных отношений в природно-рыночной адаптивной системе, которая активировалась в неблагоприятных природных и экономических условиях, выражалась следующими вариантами ее функционирования. Первый заключался в том, что производственные фонды натурально-потребительской отрасли крестьянского хозяйства (продуктивный скот в зерновых дворах и рабочие лошади в животноводческих дворах) сокращались путем продажи и обращались в денежный капитал, который далее шел главным образом на расширение торгово-рыночной отрасли хозяйства. Согласно другому алгоритму производственные фонды рыночно-специализированной отрасли сохранялись и резервировались, но ее излишняя (над общественно-необходимыми затратами) часть и создаваемые резервы в непроизводственный период также обращались в денежный капитал. В дальнейшем

он вкладывался в развитие рыночной отрасли и общую модернизацию земледельческого хозяйства.

Выявленный механизм функционирования новой природно-рыночной адаптационной подсистемы, сложившийся в крестьянском хозяйстве, не только вытекал из логики развития товарно-денежных отношений, но и непрерывно обеспечивал его устойчивость, давая тем самым импульс к следующему витку рыночной эволюции. С учетом этого можно предположить, что в перспективе с расширением и углублением рыночно-капиталистических отношений в сельском хозяйстве края и с развитием в экономике сибирской деревни массовой ссудно-кредитной кооперации – рыночно-

производственная адаптационная подсистема должна занять ведущее место в обеспечении резервно-страховой, денежно-финансовой безопасности и стабильности товарного земледельческого производства. За традиционной натурально-запасной адаптивной подсистемой должна будет в основном сохраниться лишь потребительская функция защиты семейно-продовольственной безопасности.

Определив социально-природное содержание и функции адаптационных систем крестьянского хозяйства Сибири конца 90-х гг. XIX в. – начала 1900-х гг., можно оценить его адаптивный потенциал. С этой целью обратимся к табл. 5.

Таблица 5

Адаптивный потенциал крестьянского хозяйства Сибири рубежа XIX–XX вв.

Адаптационные подсистемы (факторы)	Доля влияния адаптивных факторов, %	
	Хозяйства земледельческой специализации, %	Хозяйства скотоводческой специализации, %
1. Социально-производственная, рыночно-капиталистическая	16,7	14,8
2. Природно-хозяйственная, натурально-страховая	9,2	7,9
3. Природно-социальная, рыночно-производственная	8,6	9,8
4. Социально-адаптивный потенциал	21,0	19,7
5. Природно-адаптивный потенциал	13,5	12,9
6. Общий адаптивный потенциал	34,5	32,6

Как видно из табличных данных, на рубеже XIX – XX вв. ведущее место в общей системе экономико-культурной адаптации крестьянского хозяйства Сибири к природной и общественной среде занимала социально-производственная, рыночно-капиталистическая подсистема. Ее доля в функционировании и развитии крестьянской экономики региона составляла для дворов земледельческой и скотоводческой специализации соответственно 16,7 и 14,8%. Социальная, рыночно-производственная адаптивная подсистема обеспечивала устойчивое развитие и модернизацию крестьянского хозяйства Сибири в новых условиях единого общероссийского капиталистического рынка. Во дворах зерновой специализации социально-рыночная адаптационная подсистема была мощнее, чем в животноводческих хозяйствах: 16,7 против 14,8%. Земледельческие хозяйства также имели более высокий общий социально-адаптивный потенциал: 21 против 19,7%. Это, несомненно, следствие более высокого уровня рыночного развития хозяйств зерновой специализации.

Длительная эволюция крестьянских хозяйств зерновой специализации по пути развития мелкотоварных рыночных отношений в течение XIX в. и фундаментальная роль растениеводства в сельском хозяйстве края способствовали формированию более сильной, природной, натурально-страховой адаптационной системы, базировавшейся на зерновых резервах: соответственно 9,2 против 7,9% в скотоводческих дворах.

Природная адаптивная подсистема на основе хлебных запасов характерна для зерновой отрасли и поэтому не учитывает роль продуктивного скота в формировании природно-защитной системы адаптации в животноводстве. Прямые данные об этом в полученных многомерных факторных моделях отсутствуют. Есть только косвенное отображение адаптивного значения продуктивного скота в природной части природно-рыночного фактора: 50% от его роли (товарность ско-

товодческих дворов по мясу достигала 50%) [4. С. 169–170]. Это позволяет оценить долю традиционной натурально-страховой подсистемы на основе продуктивного скота в 4,9 и 4,3% для животноводческой и зерновой специализации. Сложившееся преимущество скотоводческих хозяйств в традиционных системах защиты от суровых природных условий сибирского края, а также его высокая рыночная мобильность обусловили их превосходство в природно-рыночной производственной адаптированности (9,8 против 8,6% во дворах земледельческой специализации). Вместе с тем их природно-адаптивный потенциал в целом был меньше, чем в зерновых дворах: 12,9 против 13,5%.

Таким образом, крестьянское хозяйство Сибири к исходу XIX в. накопило огромный социально-природный адаптивный потенциал. На его функционирование и развитие шло до трети (32,6–34,5%) экономических и культурно-хозяйственных ресурсов семейной земледельческой экономики. В предшествующий период – на протяжении XIX в. – в крестьянском хозяйстве края действовала только традиционная система природно-социальной адаптации, основанная на натурально-страховых запасах хлеба и резервах продуктивного и рабочего скота. Эта система защищала семейное потребление, а также производительные фонды семян и маточного поголовья скота от экстремальных природных явлений. Социальная адаптация к товарно-рыночным отношениям осуществлялась сельскими хозяевами путем развития мелкотоварного уклада, интегрированного в традиционную хозяйственную культуру. Влияние традиционных природно-адаптивных подсистем в целом составляло примерно 12,9–13,5%. С вовлечением земледельческих хозяйств сибирского края в рыночно-капиталистические отношения традиционные адаптационные системы были модифицированы: они приня-

ли преимущественно производственный характер и стали опираться на товарно-денежные отношения.

В конце XIX – начале XX в. в процессе интеграции крестьянского хозяйства региона в систему общероссийских капиталистических отношений, в его внутреннем строе, благодаря большому адаптивному потенциалу, была сформирована мощная социальная рыночно-капиталистическая адаптационная подсистема, на функционирование которой шло от 14,8 до 16,7% экономических ресурсов. Она приспособляла производственно-техническую сторону традиционной культуры крестьянского хозяйствования к требованиям и законам рыночно-капиталистического производства и этим способствовала процессу ассимиляции земледельческого хозяйства сибирского края капиталистической народно-хозяйственной системой страны. Ассимиляция, по су-

ществу, представляла собой процесс социокультурной и экономической модернизации крестьянского хозяйства, в котором сельский хозяин выступал как самостоятельный, преследующий свои цели и интересы, социокультурный экономический субъект. Главной целью землепашца являлось удовлетворение личных потребностей семьи и воспроизводство духовной и материальной крестьянской культуры, служившей основой его бытия. Сохранение традиционного социально-общинного, духовно-православного и трудового генотипа русской земледельческой культуры являлось главной социокультурной целью народной крестьянской модернизации конца XIX – начала XX в. Модернизация сельского хозяйства Сибири представляла собой чисто крестьянский тип социальной аграрной эволюции, осуществлявшийся в общинно-кооперативной форме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
2. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
3. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
4. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967.
5. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма. Л., 1968. С. 22–24, 173–211, 300–327, 436–447.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск : Наука, 1983.
8. Емельянов Н.Ф., Важенкина Т.Г., Тарасов Н.Л. Курганская деревня при капитализме. Курган, 1993.
9. Иванцова Н.Ф. Западносибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М., 1993.
10. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1980-х – начало 1940-х годов): Тенденция и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76.
11. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009.
12. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
13. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
14. Культурология XX в. : словарь. СПб., 1997.
15. Арутюнов С.А. Процессы и закономерности вхождения инновации в культуру этноса // Советская этнография. 1982. № 51.
16. Гуляева Н.В. Основы адаптации : учеб. пособие. М., 1997.
17. Корель Л.В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.
18. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме (Теоретико-методический аспект). Новосибирск, 2002.
19. Адаптация населения в Сибири (Этапы, механизмы, результаты). Новосибирск, 2003.
20. Андусев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в. (Опыт реконструкции). Красноярск, 2003.
21. Миненко Н.А. Община и трудовые традиции приписных крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Трудовые традиции сибирского крестьянства конца XVIII – начала XX в. Новосибирск, 1982.
22. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспеченности русского населения Сибири в XVIII – начале XX века (К постановке проблемы). Новосибирск, 2005.
23. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984.
24. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44.
25. Иберла К. Факторный анализ / пер. с нем. М., 1980.
26. Опыт российских модернизаций XVIII – XX века. М., 2000.

Статья представлена научной редакцией «История» 06 января 2015 г.

ADAPTIVE CAPACITY OF PEASANT HOUSEHOLD IN SIBERIA AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 141-149. DOI 10.17223/15617793/393/21

Nikulin Petr F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: K1tat@yandex.ru

Keywords: peasant household; adaptive capacity; agrarian modernization.

At the turn of the 20th century, after the construction of the Trans-Siberian railway had began, small-scale peasant households of Siberia got involved into the system of Russian capitalistic market which abruptly increased the modernization of the former. The issue of agrarian modernization is sufficiently described in Siberia studies. Nowadays the leading role in agrarian study belongs to a key problem of estimating the depth of market modification of a traditional peasant household which demanded household's adaptation to a variety of social, economic and natural characteristics of Siberia. This side of the problem is still not examined closely, especially in the field of adaptive aspects of agrarian modernization. Adaptive aspects of sociocultural development and modernization capacity of agricultural households of this region are practically unstudied. In this regard, these questions are in the central focus of the author's work. The author's main tasks are to determine adaptation subsystems and to estimate adaptive capacity of peasant households in Siberia. The method of correlation modeling of the structure of a peasant household and method of multivariable analysis, aiming to highlight its adaptive subsystems, were used to analyze the economic system of the households. The study is based on the materials of the Agricultural Census of Tomsk Province that was held in 1901. The Census showed all main aspects of a peasant household: population, family labor force, draught animals and dairy cattle, sowing and fodder base. The correlation analysis of the

structure showed that functioning and development of the production and technical base were under the influence of the Russian agrarian-capitalistic market. According to the results of the multivariable analysis, there were three adaptive subsystems in the structure of peasant households in Siberia. The first (market-capitalism or socio-market) subsystem ensured sustainable development and modernization of peasant households in Siberia in the face of new conditions of the Russian single capitalistic market. The second subsystem was a traditional natural (subsistence-insurance) subsystem that protected a peasant household and family from periodical natural hazards. The third, mixed, subsystem was both natural and market-productive. It created production reserves of draught animals and dairy cattle that protected a household against adverse weather, social and market conditions. At the end of the 19th century a Siberian peasant household accumulated a significant socio-natural adaptive capacity. Its functioning and development took up to 1/3 of the economic and cultural resources of agricultural family economy. This adaptive capacity of peasant household became a base for economic modernization of the region.

REFERENCES

1. Sklyarov L.F. *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1962. 587 p.
2. Stepynin V.A. *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of the Yenisei Province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk, 1962. 562 p.
3. Tyukavkin V.G. *Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya* [Siberian village on the eve of the October Revolution]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1966. 471 p.
4. Goryushkin L.M. *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX* [Siberian peasants at the turn of the century. Late 19th – early 20th cc.]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1967. 412 p.
5. Goryushkin L.M. *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia in the period of imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1976. 342 p.
6. Okladnikov A.P. (ed.) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Siberia from ancient times to the present day]. Leningrad: Nauka Publ., 1968. Vol. 3, pp. 22–24, 173–211, 300–327, 436–447.
7. Goryushkin L.M. (ed.) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1983. 400 p.
8. Emel'yanov N.F., Vazhenina T.G., Tarasov N.L. *Kurganskaya derevnya pri kapitalizme* [Kurgan village under capitalism]. Kurgan, 1993. 153 p.
9. Ivantsova N.F. *Zapadnosibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoy polovine 1918 gg.* [West Siberian peasants in 1917 – the first half of 1918]. Moscow: Prometey Publ., 1993. 352 p.
10. Il'nykh V.A. *Krest'yanskoe khozyaystvo Sibiri (konets 1980-kh – nachalo 1940-kh godov): Tendentsiya i etapy razvitiya* [Peasant farming in Siberia (late 1980s – early 1940s): Trends and development stages]. In: Il'nykh V.A. (ed.) *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya* [Peasants family and household in Siberia in the twentieth century: problems of studying]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1999, pp. 33–76.
11. Nikulin P.F. *Ekonomicheskii stroi krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [Economic structure of peasant economy of Western Siberia in the early twentieth century]. Tomsk: TML-Press Publ., 2009. 392 p.
12. Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Altai State University Publ., 2010. 278 p.
13. Koval'chenko I.D. *Agrarnyy stroi Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Agrarian system in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 504 p.
14. Levit S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya XX v.: slovar'* [Cultural studies of the twentieth century: a dictionary]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 1997. 630 p.
15. Arutyunov S.A. *Protsessy i zakonomernosti vkhozheniya innovatsii v kul'turu etnosa* [Processes and patterns of innovation in the culture of an ethnos]. *Sovetskaya etnografiya*, 1982, no. 51.
16. Gulyaeva N.V. *Osnovy adaptologii* [Basics of adaptology]. Moscow: MPhTI Publ., 1997. 108 p.
17. Korel L.V. *Sotsiologiya adaptatsiy: Voprosy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of adaptation: Theory, methodology and methods]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 424 p.
18. Romm M.V. *Adaptatsiya lichnosti v sotsiume (Teoretiko-metodicheskii aspekt)* [Adaptation of the individual in society (theoretical and methodological aspect)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2002. 173 p.
19. Krasil'nikov S.A., Popkov Yu.V., Shelegina O.N. (eds.) *Adaptatsii naseleniya v Sibiri (Etapy, mekhanizmy, rezul'taty)* [Adaptation of the population in Siberia (Phases, mechanisms, results)]. Novosibirsk: GUP RPO SO Raskhn Publ., 2003. 159 p.
20. Anduysev B.E. *Traditsionnoe soznanie krest'yan-starozhilov Prieniseyskogo kraya 60-kh gg. XVIII – 90-kh gg. XIX v. (Opyt rekonstruktsii)* [Traditional peasant consciousness of Old Timers of the Yenisei area in 1760s – 1890s (Experience of reconstruction)]. Krasnoyarsk: RIO KGPU Publ., 2003. 247 p.
21. Minenko N.A. *Obshchina i trudovye traditsii pripisnykh krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVIII – pervoy polovine XIX v.* [Community and labor traditions of ascribed peasants of Western Siberia in the 18th - first half of the 19th centuries]. In: *Trudovye traditsii sibirskogo krest'yanstva kontsa XVIII – nachala XX v.* [Labor traditions of the Siberian peasants of late 18th – early 20th centuries]. Novosibirsk: NGPI Publ., 1982.
22. Shelegina O.N. *Adaptatsionnye protsessy v kul'ture zhizneobespechennosti russkogo naseleniya Sibiri v XVIII – nachale XX veka (K postanovke problemy)* [Adaptation processes in the culture of the life support of the Russian population of Siberia in the 18th – early 20th centuries (stating the problem)]. Novosibirsk: Sibirskaya nauchnaya kniga Publ., 2005. 189 p.
23. Koval'henko I.D. (ed.) *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Quantitative methods in historical research]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 383 p.
24. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 3. List 44.
25. Ueberla K. *Faktornyy analiz* [Factor analysis]. Translated from German. Moscow: Statistika Publ., 1980. 398 p.
26. Alekseev V.V. (ed.) *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII – XX veka* [Experience of Russian modernization in the 18th – 20th centuries]. Moscow: Aspekt press Publ., 2000. 246 p.

Received: 06 January 2015

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В КИТАЕ

Ставится задача рассмотрения положения современной русской диаспоры в Китае. Рассматривается процесс формирования русского национального меньшинства, которое признается официально, входит в число 56 народностей КНР и представители которого являются китайскими гражданами. В настоящее время это ассимилированная китайцами этнокультурная группа, основными проблемами которой являются вопросы сохранения языка и православной веры. На основе проведенного исследования предлагаются некоторые пути решения проблемы поддержания идентичности русского национального меньшинства в Китае.

Ключевые слова: Китай; русская диаспора; национальное меньшинство; идентичность; эмиграция.

Число русских, проживающих в Китае, неуклонно растёт. История русской диаспоры в Китае насчитывает около 700 лет, но сформировалась она окончательно только с началом строительства на территории Поднебесной Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в конце XIX в. История российской миграции в Китае тесно связана с КВЖД – именно благодаря проекту КВЖД начался массовый приток в Китай русских, и именно в этот период и после возникли многотысячные колонии русских эмигрантов.

В конце XIX в. начинается российское экономическое и политическое проникновение в Китай. В конце 1895 г. был организован Русско-китайский банк с целью добиться согласия Цинского правительства на проведение Сибирской дороги к Владивостоку через Маньчжурию. 27 августа 1896 г. в Берлине был подписан «Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги».

Первые работы начались в 1897 г., именно тогда в Маньчжурию прибыли первые российские рабочие и инженеры. Позже, год спустя, в 1898 г. на месте сооружения железной дороги был заложен город, который в дальнейшем стал центром строительства КВЖД, – Харбин. Численность русского населения в Харбине в 1899 г. составляла 14 тыс. человек и 5 тыс. человек из Охранной стражи [1. С. 75]. 15 мая 1903 г. была проведена первая перепись населения, согласно которой на тот момент в Харбине проживало 15 579 русских и 28 338 китайцев, а общая численность населения города уже насчитывала 44 576 человек [2. С. 145]. В начале XX в. Харбин строился достаточно активно благодаря массовому притоку на строительство КВЖД населения из различных губерний Российской империи. Это были коммерсанты, подрядчики, биржевики, спекулянты и простой люд – лавочники, прислуга, рабочие, крестьяне, ремесленники и т.д. Бурный рост привел к тому, что к 1917 г. на территории города проживало более 100 тыс. человек, из которых русских было свыше 40 тыс. [1. С. 145].

Благодаря значительному притоку российского населения Харбин на рубеже XIX–XX вв. стал центром русской миграции первой волны в Китай [3]. Харбин строился русскими и был создан по российским градостроительным образцам. Администрация КВЖД также заботилась об устройстве русского быта и образа жизни [4]. В городе была построена Соборная

площадь со Свято-Николаевским собором. Этот собор стал центром русской культурной и духовной жизни. В 1920-е гг. численность русского населения в Харбине возросла: сторонники белого движения после поражения в Забайкалье и Приморье устремились в Харбин, на тот момент быстро развивающийся промышленный город с многочисленным русским населением.

Согласно воспоминаниям современников, «Харбин являлся чисто русским городом» – в нем говорили на русском языке, было множество печатных изданий, которые также издавались на русском языке; школы, гимназии, университеты – преподавание там велось также на русском. Вместе с языком русские принесли в Харбин свои традиции и быт. Были построены православные храмы, русские семьи сохраняли традиционный уклад жизни, характерный для дореволюционной России. Поэтому для множества беженцев из России после 1917 г. Маньчжурия, а именно полоса отчуждения КВЖД, была хорошей альтернативой странам Европы и другим государствам, куда отправились бывшие русские подданные. Харбин давал эмигрантам многое: возможность воспитывать детей в привычной для русского человека обстановке, кров, работу и поддержку соотечественников. Таким образом, на рубеже 20–30-х гг. XX в. Харбин стал центром белой миграции не только в Китае, но и во всей Восточной и Юго-Восточной Азии. В отличие от Европы, русские в Китае не селились вместе с местным населением, поэтому в то время меньше были подвержены ассимиляции.

Объяснялось это тем, что Китай по культуре, образу жизни, мировосприятию, менталитету резко отличался от европейской и славянской культур. Но общие границы с Китаем, развитие в последние столетия экономических и политических отношений и наличие в Китае в последние 200 лет Российской Духовной Миссии создали предпосылки для возникновения на территории восточного государства полноценной русской диаспоры. В результате Гражданской войны число русских в Китае значительно выросло. Согласно подсчетам исследователя О.Л. Воронина, на территории Китая в XX в. находилось не менее 500 тыс. русских, причем их численность в других странах была значительно меньшей, за исключением Германии.

После введения в 1928 г. паспортной системы для российских граждан в Китае в Маньчжурии в начале

1930 г. насчитывалось около 110 тыс. русских (в Харбине и на КВЖД – 95 тыс., в Мукдене – 2 тыс. и т.д.). В Шанхае было около 15 тыс. русских эмигрантов, также русские поселения были в Пекине, Тяньзине, Циндао [1. С. 198]. Однако после 1924 г., когда было подписано русско-китайское соглашение о регулировании отношений между Китаем и Советской Россией, многие бывшие подданные Российской империи вынуждены были принять советское гражданство, так как иначе они теряли работу. После создания в 1932 г. японцами марионеточного государства Маньчжоу-го на территории Китая начался массовый отток русских из Маньчжурии, вследствие того что советское правительство продало свои права на КВЖД японцам. Быть русским в Китае стало преступлением. В 1937 г. НКВД выпустило приказ № 000593, согласно которому НКВД насчитывало около 45 тыс. так называемых русских харбинцев, 4 500 из которых должны были быть репрессированы якобы за терроризм, саботаж и шпионаж в пользу Японии [7. С. 60]. Обвинения распространялись на людей, служивших в белой гвардии и занимавшихся другой деятельностью в Харбине, включая членство в различных партиях эмигрантов или организациях: Харбинский комитет помощи русским беженцам, Российский общевоинский союз. Преступлениями считалось владение ресторанами, отелями или занятие иной предпринимательской деятельностью, работа в китайской полиции или учреждениях русского бизнеса, а также на русских людей с китайским гражданством.

Со стороны японского правительства наши соотечественники испытывали не меньшее давление. Были запрещены многие политические организации, ограничена экономическая деятельность русских, вся политическая и общественная жизнь российской колонии в Маньчжоу-го была под жёстким контролем японских властей. Все это привело к массовому оттоку белых русских из Маньчжурии в Шанхай, Тяньцзинь и на юг Китая. Согласно воспоминаниям Е.В. Саблина, «...русские, занимающие сколько-нибудь выдающееся положение в Маньчжурии, а также крупные торговцы, более или менее независимые люди из интеллигенции вытесняются из Маньчжурии и Восточной Монголии под различными благовидными предлогами и вынуждаются перебираться в города Китая» [1. С. 240]. В годы Второй мировой войны отмечался рост антияпонских настроений среди белой миграции в Маньчжурии, в итоге большинство рядовых эмигрантов приветствовали советскую власть и ее приход в Китай. После окончания Второй мировой войны указами Президиума Верховного Совета СССР было предоставлено право получения гражданства СССР определенным категориям эмигрантов.

Что касается второй локации белой эмиграции в Китае – Шанхае, то в 1930–1940-е гг. здесь отмечался значительный рост численности русского населения за счет оттока из Маньчжурии. Русское население в Шанхае также старалось сохранять свои традиции. Молодежь, прибывшая в Шанхай из Маньчжурии, многое привнесла в жизнь русских горожан. Благо-

творительные и общественные организации помогали быстрее адаптироваться в иной среде, но при этом не ассимилироваться. В Шанхае, как и в других местах, отмечали национальные и православные праздники – Пасху, Рождество, Троицу и т.д. Массовый отток русских эмигрантов из города произошел впервые после Второй мировой войны – к концу 1940-х гг. в Шанхае осталось не более нескольких сот русских.

Приход Советской армии в Маньчжурию в 1945 г. положил начало отъезду русских из Китая и почти полному сокращению русской диаспоры в крупных городах. Дальневосточная русская эмиграция разделилась на два лагеря: один считал СССР своей Родиной, а второй не мог смириться с советской властью. Большинство тех, кого не устраивало советское правительство в России, покинули Китай и благополучно уехали в Соединенные Штаты, Австралию, Латинскую Америку. Другой части русских поселенцев в Китае, благодаря ряду указов Президиума Верховного Совета СССР 1946–1948 гг. о праве получения советского гражданства бывшими подданными Российской империи, а также лицам, по тем или иным причинам ранее утратившим советское гражданство, была открыта дорога в Советский Союз. К началу 1960-х гг. почти все русское население Харбина и Маньчжурии уехало. Подписание 31 декабря 1952 г. Заключительного протокола, касающегося урегулирования вопроса о КВЖД, предопределило массовый исход бывших российских граждан [6].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что из-за сложных исторических условий, в которых находилась русская эмиграция в Китае, определились два основных направления ее дальнейшего движения: репартация и реэмиграция. С 1923 г. начался отток российских граждан в другие страны, происходило движение и внутри страны: с 1925 г. началось активное переселение русских в Шанхай из-за передачи КВЖД в советско-китайское управление. Конфликт на КВЖД в 1929 г. также привел к значительным потерям населения приграничных районов и массовой миграции из зоны военных действий главным образом в Шанхай, в меньшей степени – в Северный Китай. В 1937 г. произошла очередная миграционная волна, вызванная японской экспансией.

В 1949 г. русские были официально признаны одним из 56 национальных меньшинств в Китае. Однако наши соотечественники, оставшиеся в Китае, в 1960-х гг., вслед за сменой внешнеполитического курса Китая и особенно во время «культурной революции», испытали на себе ухудшение отношения к национальным меньшинствам. В результате к резкому сокращению численности русского населения Китая прибавился еще и процесс потери национальной идентичности. Во времена «культурной революции» проводились массовые репрессии против диаспор – даже говорить по-русски было опасно. Православная церковь в Китае, получившая в 1957 г. статус автономной, в итоге была упразднена – богослужения запрещались, храмы были закрыты, разорению подвергались даже русские кладбища. Русские, оставшиеся в КНР, во избежание репрессий шли на заключение

смешанных браков с китайцами, т.е. начался процесс ассимиляции. Согласно проведенной в 1982 г. переписи населения в КНР проживало только 2 933 русских, из них в Синьцзяно-Уйгурском автономном округе – 2 262 человека (в 1957 г. их было 9 700), в провинции Хэйлунцзян – около 100 человек, во Внутренней Монголии несколько десятков человек, совсем немного в Пекине, Шанхае и других городах [8. С. 15].

Благодаря смене внутри- и внешнеполитического курса в КНР в 1980-х гг., после исторического визита М. Горбачева в Пекин в Китай стали приезжать студенты из России, и многие оставались в стране. В итоге сформировалась новая, относительно молодая диаспора, примерная численность которой на данный момент достигает 40 тыс. человек. Это в основном студенты, представители бизнеса, люди, работающие в китайско-русских компаниях и т.д. Число соотечественников в Китае из года в год неуклонно растет. Большинство представителей этой диаспоры не имеет китайского гражданства, так как не видит смысла терять связь с исторической Родиной. Тем более что в КНР можно без проблем жить и без китайского паспорта.

Однако другая часть русских – это историческая диаспора с китайским гражданством, в действительности – ассимилировавшиеся русско-китайские семьи. Русских семей, не имеющих родственных связей с китайцами, осталось буквально единицы. Все остальные, русские по документам, мало чем отличаются от китайцев или уйгуров. Этнические русские расселены в городах Или, Дачэн, Алтай, Кульджа, Урумчи Синьцзяно-Уйгурского автономного района. Меньшее их количество проживает в автономном районе Внутренняя Монголия. Они сосредоточены в русской национальной волости Шивэй, пос. Лабдарин, г. Энхэ. В провинции Хэйлунцзян потомки переселенцев из России проживают в районе Мохэ, городке Хума, в уезде Сюньке – с. Сяодинцзыцунь, переименованном не так давно в Русское Пограничное, в селе Хатаян и некоторых других.

Безусловно, в 1980-х гг. изменилась политика китайского правительства в отношении национальных меньшинств. Например, в 1983 г. правительство Синьцзяна официально признало за русскими право праздновать Пасху и Рождество, в эти дни даже разрешено не выходить на работу. А в 1991 г. по ходатайству православного населения г. Урумчи взамен разрушенного православного храма был построен новый, именующийся Никольским. В Кульдже в 2000-х гг. была открыта единственная русская школа, директором которой стал Николай Лунев, по совместительству депутат от русского национального меньшинства в Народном политическом консультативном совете Китая. В 2008 г. власти Синьцзяна выделили средства на строительство православного храма в г. Дачэн (Чугучак). В Трехречье, в пос. Лабдарин (Эргуна) в 1997 г. также построен каменный Свято-Иннокентьевский храм.

Несмотря на такие «признаки» улучшения, ситуация с русским национальным меньшинством, по сути, не меняется. Представители исторической русской диаспоры в Китае на данный момент находятся прак-

тически в изоляции и прочной связи с Россией не имеют. В начале XXI в. во внешней политике России отношения с соотечественниками определены как одна из составляющих стратегии «мягкой силы». Согласно тезисам о внешней политике России на период 2012–2018 гг. [9], в настоящее время проблемой является неспособность использования потенциала русской диаспоры за рубежом: объективными препятствиями этому остаются идеологический характер, отсутствие каналов коммуникаций, ограниченность ресурсов. Постепенно эти препятствия исчезают, и политика в направлении взаимодействия с русскими за рубежом будет активно развиваться. Безусловно, эти изменения также будут касаться соотечественников в КНР.

Каким же образом можно сохранить национальную идентичность русского меньшинства в Китае? Конечно, без поддержки России, а также сформировавшейся в последние годы в крупных городах Китая русской общины это будет сложно сделать. В настоящее время существует две основные проблемы – сохранение русского языка и православной веры. До 1960-х гг. благодаря бытованию чисто русского уклада жизни русские сохраняли самобытность и родной язык. Но разрыв связей с исторической Родиной сделал свое дело: среда, в которой возможно было бы сохранение духовного опыта, «размыта». До сих пор не решена проблема восстановления клира православной церкви в Китае: в четырех официально открытых храмах не совершаются богослужения из-за отсутствия священнослужителей. Согласно законам КНР иностранцы не могут совершать богослужения в храмах Китая. В духовных семинариях в России учатся студенты из Внутренней Монголии, Харбина и Синьцзяна, но вопрос об их будущем служении в православных храмах Китая остается открытым.

Проблема сохранения русского языка также является актуальной. В настоящее время процесс утраты знаний русского языка зашел слишком далеко: даже если знают разговорный русский, то литературный и письменный язык давно забыт. Вот что пишут о «русских» в китайской газете «Женьминь жибао»: «У русской национальности имеется свой язык и письменность, но в общении русские говорят по-китайски и пишут на китайском языке. Соблюдение церемоний и вежливость являются одной из особенностей русской национальности. У русских женщина пользуется особым уважением, мужчины всегда оказывают ей знаки внимания и заботятся о женщинах <...> русские гостеприимны, они всегда тепло и сердечно принимают своих гостей и угощают их всем, что только есть <...> большинство русских, проживающих в Китае, исповедует православие. Новый год, Рождество и Пасха – их главные праздники» [10].

По словам Николая Лунева, во времена «культурной революции» было уничтожено почти все русское, разрушена православная церковь в Кульдже, закрыты многие школы. Вместе со школами пропали и уроки русского языка, да и говорить на русском во времена «культурной революции» было опасно. В средствах массовой информации можно прочесть: «...насто-роженность женщины исчезает, и она роняет несколь-

ко слов: “Моя мать была русской. Я забыла русский, последний раз говорила десять, нет, двадцать лет назад, точно и не помню... Отец был китаец, но тоже говорил по-русски. Мы жили в другой деревне. После наводнения переселились сюда, сорок лет назад”. Спрашиваю, как ее звала мать. “Лина, мое русское имя – Лина”. Она помнит, что в начале весны все дарили друг другу крашенные яйца. У нее было много русских друзей, “но теперь все умерли, я последняя, кто говорит по-русски”» [10].

Оторванность от родной культурной и языковой среды очевидна. Если у российских граждан, проживающих в крупных городах, есть возможность отдать детей на обучение в русскоговорящую школу, как, например, школа при посольстве в Пекине, то в других регионах Китая проблема изучения русского, литературы и отечественной истории стоит очень остро. В итоге большинство детей учатся в местных китайских или международных школах, из-за чего у них нет возможности полноценно выучить родной язык и сохранив культуру.

Что касается других источников изучения языка – библиотечных фондов, телевидения, Интернета и т.д., – то в регионах Китая проблема до конца не решена. Фактически прямой доступ к русскоязычным библиотечным фондам есть только в столице КНР, а русскоязычные СМИ посвящены китайской тематике.

Следует заметить, что в отношении соотечественников за рубежом Правительством России уже приняты очевидные шаги. При поддержке Посольства Российской Федерации, генеральных консульств, представительств созданы «Русские клубы» – в Пекине, Шанхае, Гонконге, Гуанчжоу, Харбине и Урумчи. С 2007 г. их деятельность направляется Координационным советом соотечественников (КССК), проживаю-

щих в Китае. КССК выполняет несколько основных задач: это консолидация русскоязычного населения, взаимопомощь и организация совместных встреч. В рамках деятельности Русских клубов регулярно проходят встречи представителей русской диаспоры, культурные и спортивные мероприятия, круглые столы по насущным проблемам русских в Китае. Кроме того, в Китае ежегодно проводятся конференции соотечественников, последняя состоялась 9–11 октября 2014 г.

В последние десятилетия поддержка русских в Китае стала более активной, однако еще не является достаточной. Для сохранения этничности русских необходимо поддерживать две основные составляющие – духовную, культурную жизнь и русский язык. Историческая диаспора в Китае на сегодняшний день не имеет достаточно внутренних сил для сохранения своей идентичности, поэтому нужна поддержка извне. Необходимо должным образом установить связь между исторической Родиной и русской диаспорой в КНР. Задействовать различные организации русских в Китае, такие как КССК или «Русские клубы», наметить проведение совместных встреч, акций в поддержку национального меньшинства; поддержать создание большого количества центров по изучению русского языка и культуры. Опираясь на поддержку Координационного совета соотечественников, консульств и других организаций по делам соотечественников за рубежом, проводить конструктивный диалог с местными властями по организации специализированных учебных заведений, строительству и реставрации православных храмов и т.д. Только при совместных усилиях и грамотной координации возможно преодоление изоляции эмигрантов в Китае и приостановление процесса полной ассимиляции русского национального меньшинства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн. : БГУ, 1999. 316 с.
2. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М. : Русский путь, 2003. 440 с.
3. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М. : ИРИ РАН, 1997. 245 с.
4. Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД: 1896–1923. Харбин : Тип. КВЖД и т-ва «ОЗО», 1923. 690 с.
5. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939 / пер. с англ. ; предисл. О. Казниной. М. : Прогресс-Академия, 1994. 296 с.
6. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М. : Наука, 1977. 368 с.
7. Lahusen, Thomas, Harbin and Manchuria place, space, and identity special issue // *The South Atlantic Quarterly*. Winter. 2000 Vol. 99, № 1. Durham Duke University Press, 2001. 272 p.
8. Фрэйзер С. Демографическая палитра Китая // *Проблемы Дальнего Востока*. М., 1990. № 1. С. 171–179.
9. Тезисы о внешней политике России (2012–2018 гг.). М. : Спецкнига, 2012. 32 с.
10. Национальные меньшинства Китая: русские // Газета Женьмин Жибао. 2006. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/4298977.html> (дата обращения: 30.05.2014).

Статья представлена научной редакцией «История» 10 марта 2015 г.

THE PROBLEM OF PRESERVATION OF THE RUSSIAN ETHNIC MINORITY IDENTITY IN CHINA

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 150-154. DOI 10.17223/15617793/393/22

Riabova Margarita S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margo_sr@mail.ru

Keywords: China; Russian diaspora; ethnic minority; identity; emigration.

This article discusses the problem of Russian minority identity preservation in China. Russian diaspora abroad is one of the largest in the contemporary world, and the number of Russian living in China has been steadily increasing. In the era of globalization, with intense migration processes and activation of cultural and information exchange over political boundaries, the issue of diasporas is becoming more topical and public shows greater interest in the problems of national minorities and immigrants. Due to the

development of relations between Russia and China over the past decade, Russian settlement in China is also actively expanding, so the problem of studying the Russian diaspora is becoming increasingly urgent. The main content of the study is an analysis of the formation of the Russian diaspora in China since the end of the 19th century, its transformation and current situation. The article examines the key stages of the diaspora's formation: the pre-revolutionary period, period of the revolution, the emigration of the Second World War, postwar emigration and post-Soviet emigration which arose after the opening of the borders and has a diverse nature. In the study of Russian emigration in China, it is first necessary to consider the first wave of emigration in the late 19th – early 20th centuries, which starts the formation of a full-fledged Russian diaspora in China. The next important period is the post-war and post-Soviet emigration, when there is a division of the Russian diaspora in China: the first part is a modern diaspora, Russians who have not mixed with the local population, who arrived in China in the post-Soviet period and today they are the main translators of Russian culture in China. The second part of Russian nationals is a Chinese ethnic minority which is recognized officially as a national minority among the 56 nationalities. In fact, today they are Russian families which assimilated with the local population, descendants of marriages of Russians and the Chinese. For several years they remained in China without contact with their historical homeland because of the political climate between the USSR and China, thus, they became even more alienated from their historical roots. As a result, today the so-called "historical" Russian diaspora has no sufficient forces to maintain their identity. The author gives some general characteristics of the Russian ethnic minority in China, and emphasizes two main problems: preservation of the language and preservation of the Orthodox faith. Based on the analysis the author proposes some solutions to the problem of the loss of the identity of the Russian ethnic minority in China.

REFERENCES

1. Ablova N.E. *Istoriya KVZhD i rossiyskoy emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [History of the CER and Russian emigration in China (the first half of the twentieth century)]. Minsk: BSU Publ., 1999. 316 p.
2. Melikhov G.V. *Belyy Kharbin: Seredina 20-kh.* [White Harbin in mid-20s]. Moscow: Russkiy put' Publ., 2003. 440 p.
3. Melikhov G.V. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae (1917–1924 gg.)* [Russian emigration in China (1917–1924)]. Moscow: IRI RAN Publ., 1997. 245 p.
4. Nilus E.Kh. *Istoricheskiy obzor KVZhD: 1896–1923* [Historical overview of the CER: 1896–1923]. Kharbin: Tip. KVZhD i t-va "OZO" Publ., 1923. 690 p.
5. Raev M. *Rossiia za rubezhom: Istoriya kul'tury russkoy emigratsii. 1919–1939* [Russia Abroad: A Cultural History of Russian emigration. 1919–1939]. Translated from English by O. Kaznina. Moscow: Progress-Akademiya Publ., 1994. 296 p.
6. Sladkovskiy M.I. *Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnosheniy SSSR s Kitaem (1917–1974)* [The history of trade and economic relations between the USSR and China (1917–1974)]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 368 p.
7. Lahusen Th. Harbin and Manchuria: place, space and identity. *The South Atlantic Quarterly*, Winter 2000, vol. 99, no. 1. Durham Duke University Press, 2001. 272 p.
8. Fraser S. Demograficheskaya palitra Kitaya [Demographic palette of China]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1990, no. 1, pp. 171–179.
9. *Tezisy o vneshney politike Rossii (2012–2018 gg.)* [Theses on Russian Foreign Policy (2012–2018)]. Moscow: Spetskniga Publ., 2012. 32 p.
10. Natsional'nye men'shinstva Kitaya: russkie [Ethnic Minorities in China: Russians]. *Zhen'min Zhibao*, 2006. Available from: <http://russian.people.com.cn/31516/4298977.html>. (Accessed: 30.05.2014).

Received: 10 March 2015

ПРАВО

УДК 343.236

О.В. Ермакова

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ХИЩЕНИЯ, СОВЕРШЕННОГО С НЕЗАКОННЫМ ПРОНИКНОВЕНИЕМ В ЖИЛИЩЕ, ПОМЕЩЕНИЕ ИЛИ ИНОЕ ХРАНИЛИЩЕ

Рассматривается проблема установления момента окончания хищения, совершенного с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище. На основе анализа судебной практики, а также научной литературы автором анализируется механизм совершения хищения с точки зрения наличия оконченного либо неоконченного преступления. Кроме того, показывается влияние момента окончания хищения на возможность перерастания одной формы хищения в другую на примерах хищения с незаконным проникновением.

Ключевые слова: хищение, совершенное с незаконным проникновением; момент окончания преступления; изъятие имущества; реальная возможность пользоваться или распоряжаться похищенным.

Вопросы определения момента окончания хищения уже не одно десятилетие вызывают сложности в теории уголовного права, а также в правоприменительной деятельности. При этом, несмотря на принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором разъясняется, что «кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)» [1. С. 3], они и на сегодняшний день не утрачивают своей актуальности.

Особую сложность имеет установление момента окончания хищения, совершенного с незаконным проникновением в помещение, жилище либо иное хранилище, поскольку данное преступление обладает временной протяженностью (виновному необходимо совершить проникновение, взять имущество, выйти за пределы помещения и скрыться с похищенным) и остается не ясным, в какой момент можно констатировать наличие изъятия имущества и получения реальной возможности пользования или распоряжения похищенным.

Учитывая, что для признания хищения оконченным в первую очередь необходимо установление факта изъятия имущества, предполагающего выход имущества из обладания собственника или иного владельца, необходимо проанализировать момент недобровольного прекращения владения.

В цивилистической науке под владением понимается такое положение лица в отношении вещи, в каком нормально находятся собственники в отношении своих вещей: если по нормальным условиям предполагается нахождение вещей в жилище собственника (например, платье, домашняя обстановка и т.п.), а такого рода вещь находится в конкретном примере за пределами жилища, владение признать нельзя; если же сложили бревна, кирпичи и т.д. даже не во дворе, а перед воротами дома, названные строительные материалы все же

считаются находящимися в фактическом владении данного лица, потому что в жизни для этих вещей такое положение нормально...» [2. С. 144].

Поэтому перемещение вещи преступником в пределах помещения (в том числе и жилища), если вещь была там оставлена или даже брошена, чтобы спастись от преследования, и тем более перемещение виновного внутри помещения без вещи, если имело место незаконное проникновение в целях хищения имущества, может расцениваться лишь как покушение на кражу, поскольку факт изъятия в указанных случаях отсутствует. Так, Майминским районным судом Республики Алтай Р. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. С целью хищения Р. незаконно проник в жилище М., однако, увидев ее спящую на кровати, боясь быть застигнутым, с места совершения преступления скрылся, не доведя преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам [3].

В научной литературе и судебной практике господствует верное мнение о том, что преступление становится оконченным не ранее, чем после выхода виновного с похищаемым имуществом за пределы соответствующего помещения. Так, еще дореволюционные исследователи указывали, что вещь не похищена, пока она не вышла из того помещения, на которое распространяется исключительная власть физического господства потерпевшего [4. С. 180].

Однако из этого правила существуют исключения. Так, преступление должно признаваться оконченным, если имущество потреблено виновным в пределах жилища, помещения, иного хранилища (продукты съедены, напитки выпиты и т.д.) либо он уже распорядился этим имуществом иным образом.

Следует отметить, что чаще всего помещение, из которого происходит изъятие имущества, является частью какого-либо строения (например, квартира находится в подъезде дома; отдел располагается в магазине и т.д.). Возникает вопрос, считается ли хищение оконченным в случае, когда лицо задержано после выхода из помещения, где произведено изъятие

имущества, и при этом не успело выйти за пределы самого здания, либо задержание произошло непосредственно после выхода?

Для решения вопроса относительно оконченного хищения в случае выхода виновным за пределы жилища необходимо проанализировать наличие реальной возможности пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом, поскольку именно с указанной возможностью связывается момент окончания хищения.

Очевидно, что нахождение вещи в руках у виновного за пределами квартиры еще не говорит о том, что последний получил реальную возможность пользоваться этой вещью или распорядиться ею по своему усмотрению.

Анализ судебной практики показывает, что в настоящее время, руководствуясь разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, суды часто оценивают содеянное как покушение на кражу, если похитителя задержали непосредственно после выхода из помещения или даже после того, как он удалился на довольно значительное расстояние от места совершения преступления. В частности, Индустриальным районным судом г. Барнаула был осужден Т., который совершил хищение чужого имущества с незаконным проникновением в жилище. Сотрудником полиции Т. был задержан после того, как он вышел с имуществом за пределы жилища и прошел 150 метров. В приговоре суд указал, что подсудимый, похитив чужое имущество с целью его реализации, не смог довести свои преступные действия до конца: он не имел реальной возможности распорядиться имуществом, так как был задержан сотрудником полиции [5].

По нашему мнению, судебная практика настоящего времени чрезмерно отдаляет момент окончания хищения, подменяя понятие «реальной возможности пользования или распоряжения похищенным» фактическим распоряжением имуществом.

Очевидно, что в приведенном примере виновный уже имел возможность пользоваться или распоряжаться похищенным, хотя воспользоваться такой возможностью и реализовать имущество еще не успел.

По нашему мнению, реальная возможность пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом имеет место в следующих случаях:

1. Если виновный вышел за пределы строения, содержащего помещение, откуда происходило хищение (например, вышел из подъезда дома).

2. Если виновный, находясь в пределах строения, успел спрятать похищенное имущество.

3. Если имущество по своим характеристикам могло быть потреблено без выхода за пределы помещения.

Соответственно, в тех случаях, когда виновный с похищенным имуществом еще находится в пределах помещения, реальная возможность пользоваться или распоряжаться похищенным отсутствует и содеянное образует покушение на хищение.

Правила, сформулированные для определения момента окончания кражи из жилища, помещения или иного хранилища, вполне пригодны и для установления момента окончания кражи с такой охраняемой территории, которую нельзя отнести ни к жилищу, ни

к помещению, ни к иному хранилищу, например с огороженной и снабженной сигнализацией либо охраной территории предприятия.

Проведенный нами анализ материалов уголовных дел о кражах с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, в которых действия виновных были квалифицированы как покушение, показал, что доля случаев безосновательной уголовно-правовой оценки содеянного как покушения довольно значительна. Из 37 случаев в 11 (29,7%) действия виновных квалифицированы как покушение на кражу в связи с тем, что они не смогли осуществить проникновение (например, открыть замок) либо не смогли переместить предмет преступления за пределы жилища, помещения или иного хранилища по причинам, не связанным с задержанием на месте преступления (один из виновных покинул помещение, увидев хозяина и опасаясь задержания; другой не сумел отвинтить части оборудования, которыми собирался завладеть; третий не смог поднять телевизор, который намеревался похитить, и т.д.). В 18 случаях (48,6%) виновные были задержаны внутри жилища, помещения либо иного хранилища, а в 8 (21,6%) — уже за их пределами на расстоянии до 200 метров. Между тем, как уже говорилось, расстояние, на которое виновный удалился от места совершения преступления, никак не влияет на факт причинения ущерба собственнику и не может служить ориентиром для признания хищения оконченным. Таким образом, фактически в каждом пятом случае была дана неверная квалификация.

В некоторых ситуациях неправильное определение момента окончания кражи из жилища, помещения или иного хранилища, а также с охраняемой территории приводит к вменению более опасной формы хищения, так как суды констатируют перерастание одной формы хищения в другую. Перерастание действительно возможно до момента юридического окончания преступления, но здесь этот момент искусственно отдалается, вследствие чего лицо необоснованно привлекается к ответственности за более тяжкое преступление. Так, определением судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда отменен приговор в отношении Х. и П., которые осуждены по п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ за кражу, совершенную группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в помещение. Виновные тайно проникли в склад строительного цеха, незаметно вынесли оттуда 15 мешков с цементом и спрятали их неподалеку от склада, после чего ушли искать транспорт для перевозки цемента. Когда Х. и П. приехали на мотоцикле и погрузили 7 мешков, они были замечены сторожем. Несмотря на его крики, осужденные увезли погруженные мешки и продали их. В кассационном представлении на вынесенный судом первой инстанции приговор указывалось, что действия виновных, начатые как кража, переросли в грабеж. Судебная коллегия согласилась с этими доводами и, отменяя приговор, указала, что, виновные изъяли имущество, спрятав его недалеко от склада, но на момент обнаруже-

ния их сторожем еще не получили реальной возможности распорядиться цементом по своему усмотрению, в связи с чем при новом рассмотрении дела следует решить вопрос о виновности или невиновности П. и Х. в совершении грабежа [6]. На наш взгляд, к моменту обнаружения виновных сторожем кража уже была окончена, и перерасти в грабеж она не могла: имущество, вынесенное за пределы склада, уже вышло из владения собственника, соответственно имеет место изъятие имущества. Тот же факт, что виновные уже успели спрятать имущество, означает,

что была возможность пользоваться или распоряжаться похищенным по своему усмотрению.

Таким образом, по общему правилу момент окончания хищения с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище определяется моментом выхода виновным за пределы здания, сооружения, строения, в котором располагается место изъятия, поскольку только в этот момент можно констатировать, что имущество вышло из обладания собственника или иного владельца и виновный имеет реальную возможность пользоваться или распоряжаться похищенным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 3.
2. Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011.
3. Архив Майминского районного суда Республики Алтай. 2008. Дело № 1-22.
4. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому уголовному праву. Сравнительное исследование. М., 2006.
5. Архив Индустриального районного суда г. Барнаула. 2009. Дело № 1-635.
6. Официальный сайт Свердловского областного суда. Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 28 ноября 2007 г. № 22-11916/2007. URL: http://www.ekbobsud.ru/sudpr_det.php?srazd=6&id=80&page=1.

Статья представлена научной редакцией «Право» 07 февраля 2015 г.

PROBLEMS OF DETERMINING THE END OF ANY PROPERTY CRIME COMMITTED WITH ILLEGAL BREAKING INTO A HOME, PREMISES OR OTHER STORAGE

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 155-157. DOI 10.17223/15617793/393/23

Ermakova Olga V. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Keywords: property crime committed with trespassing; end of crime; seizure of property; real opportunity to use or dispose of stolen property.

The present article deals with the problem of establishing the end of any property crime committed with illegal entry into a home, premises or other repository. Analyzing the decision of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 no. 29 "On judicial practice in cases of theft, open non-violent stealing and robbery", the author concludes that the end of the property crimes should be determined by establishing two main points: seizure of property and obtaining real possibility to use or dispose of stolen property. The determination of the end of the property crimes with illegal entry into a home, premises or other repository has specific features. While seizure of property is present, the ownership ceases. Applying the provisions of the civil law, the author concludes that the termination of ownership takes place only after the offender leaves a house (room, storage) with stolen property, the power over the property stops at this very moment. However, even if the offender crosses the limits of a lodging, this does not mean a finished crime, because it is necessary for him / her to get a possibility to use or dispose of stolen goods at his / her own discretion. Analysis of judicial practice shows that law enforcement bodies often overly postpone the end of property crimes, replacing the concept of "real possibility of use or disposal of stolen property" by the actual disposal of the property (for example, in some cases, the criminal action was classified as an attempted crime, even after leaving the building at a considerable distance). Basing on the proposed arguments, the author outlines situations demonstrating the moment of criminal seizure of property, of the real possibility to use or dispose of stolen goods, and testifying the completion of the property crime. It should be noted that in the above study the author formulates rules that can be used to determine the end of a theft committed within such a kind of a protected area that can not be attributed to dwelling, premises, or any other storage such as, for example, a territory of an enterprise fenced and equipped with alarm, as well as to answer the question whether the transformation from one form of property crime into another has taken place.

REFERENCES

1. Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2002 g. no. 29 "O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 no. 29 "On judicial practice in cases of theft, robbery and brigandism"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*, 2003, no. 2, p. 3.
2. Ermakova O.V. *Moment okonchaniya prestupleniy protiv sobstvennosti: zakon, teoriya, praktika*: dis. kand. yurid. nauk [The end of crimes against property: law, theory and practice. Law and Diss.]. Tomsk, 2011.
3. Archive of Maiminsky District Court of the Republic of Altai. 2008. Case no. 1-22.
4. Foyntitskiy I.Ya. *Moshennichestvo po russkomu ugovnomu pravu. Sravnitel'noe issledovanie* [Fraud in Russian criminal law. Comparative study]. Moscow: SGU Publ., 2006. 364 p.
5. Archive of Industrial District Court of Barnaul. 2009. Case no. 1-635.
6. The official website of the Sverdlovsk Regional Court. Bulletin of judicial practice in criminal cases Sverdlovsk regional court. The definition of judicial board on criminal cases of the Sverdlovsk Regional Court on November 28, 2007 no. 22-11916 / 2007. Available from: http://www.ekbobsud.ru/sudpr_det.php?srazd=6&id=80&page=1. (In Russian).

Received: 07 February 2015

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА КОНТРАБАНДЫ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И (ИЛИ) ДЕНЕЖНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Статья посвящена исследованию предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. На основе анализа законодательства, регламентирующего оборот денежных инструментов, выявлены проблемы, возникающие при толковании данного понятия, а также вынесено предложение о расширении предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов посредством внесения изменения в п. 5 примечания к ст. 200.1 УК РФ.

Ключевые слова: контрабанда; наличные денежные средства; денежные инструменты; предмет преступления.

Предметом ст. 200¹ УК РФ, в соответствии с содержанием ее диспозиции, являются наличные денежные средства и (или) денежные инструменты. Данные термины были заимствованы из международного таможенного законодательства.

Согласно п. 1 ст. 2 Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза под наличными денежными средствами понимаются денежные знаки в виде банкнот и казначейских билетов, монет, за исключением монет из драгоценных металлов, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в государствах – членах таможенного союза или иностранных государствах (группе иностранных государств), включая изъятые либо изымаемые из обращения, но подлежащие обмену на находящиеся в обращении денежные знаки [1].

Исходя из данного понятия, представление о наличных денежных средствах является очевидным и не вызывает каких-либо вопросов.

С денежными инструментами как предметом преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, все в точности наоборот.

В настоящее время, в период глобализации экономики, достаточно распространены международные расчеты документами, эквивалентными наличным денежным средствам. В качестве таких эквивалентов могут выступать денежные инструменты, к которым в соответствии с указанным Договором относятся дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата. Данное понятие продублировано в п. 5 примечания к ст. 200¹ УК РФ. М.Н. Урда пишет, что законодатель, формулируя понятие денежных инструментов, «...исходил из необходимости определения неких производных по отношению к наличным деньгам оборотных инструментов, которые при необходимости могут быть обналичены после пересечения таможенной границы» [2. С. 79].

Таким образом, в понятии денежных инструментов перечислены определенные виды оборотных инструментов: дорожный чек, вексель, чек (банковский чек), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника)

по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата.

Примечательно, что первые три оборотных инструмента – дорожный чек, вексель, чек (банковский чек) – указаны в качестве определенного вида и для уяснения их сущности достаточно обратиться к законодательству, регламентирующему их обращение. В то же время оборотные инструменты, определенные в понятии денежных инструментов как ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата, сформулированы в отличие от дорожных чеков, векселей, чеков (банковских чеков) не как их конкретный вид, а как совокупность признаков, в соответствии с которыми они могут быть признаны денежными инструментами. Таким образом, чтобы установить, какие оборотные инструменты могут удовлетворять данным признакам, необходимо тщательное изучение норм гражданского законодательства.

В связи с изложенным в правоприменительной деятельности могут возникнуть определенные сложности, связанные с толкованием и идентификацией денежных инструментов как предмета преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ.

Аналогичной точки зрения придерживается и М.Н. Урда, которая среди прочего указывает, что несмотря на множество научных публикаций, посвященных рассмотрению проблемных вопросов контрабанды различных предметов, существенные исследования контрабанды ценных бумаг отсутствуют, также как отсутствует и судебная практика по такому роду правонарушений [3. С. 140].

Действительно, на основании ответа Федеральной таможенной службы России №1814/145674 от 14.11.2014 г. на наше обращение от 31.10.2014 г. «О предоставлении информации о выявленных таможенными органами в 2013 и 2014 годах фактах незаконного перемещения наличных денежных средств и денежных инструментов в крупном размере через таможенную границу Таможенного союза» и показателей правоохранительной деятельности таможенных органов РФ за 2013 и 2014 гг. [4] установлено, что все выявленные деяния, предусмотренные рассматриваемой нормой, связаны с контрабандой именно наличных денежных средств. Очевидно, что по сравнению с наличными денежными средствами оборот денежных

инструментов менее распространен, однако данный факт вряд ли указывает на то, что последние вовсе не перемещаются через таможенную границу. Проведенный экспертный опрос сотрудников органов Дальневосточного таможенного управления показал отсутствие у сотрудников таможи профессиональных знаний о денежных инструментах и об их внешних признаках, что вероятнее всего является причиной отсутствия выявленных фактов контрабанды денежных инструментов, ведь невозможно обнаружить то, что даже не представляешь как выглядит.

Для уяснения сущности понятия «денежные инструменты» необходимо разобрать все его разновидности.

В РФ правовая природа дорожных чеков не установлена, соответственно ни в одном законодательном акте нет их определения. Это не удивительно, так как в РФ данный вид платежного документа никогда не выпускался и не получил массового распространения.

По результатам опроса сайта nashaplaneta.net, проведенном в 2012 г., дорожными чеками пользовались лишь 6,8% посетителей данного сайта, 66% никогда ими не пользовались, а 27,2% и вовсе не знали, что это такое [5]. Кроме того, вышеуказанный факт подтверждается и тем, что с 1 августа 2013 г. продажа дорожных чеков в РФ прекращена в связи с низким спросом. Обмен дорожных чеков на наличные денежные средства может быть осуществлен только в уполномоченных банках.

Если, допустим, в США дорожным чеком можно расплачиваться за товары и услуги, то на территории РФ в соответствии со ст. 9 Федерального закона № 173-ФЗ такие валютные операции запрещены. Как указывалось выше, дорожные чеки в валюте РФ не выпускаются и номинированы в иностранной валюте, а в соответствии с ч. 2 ст. 29 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» в качестве законного платежного средства на территории РФ могут выступать только банкноты (банковские билеты) и монета Банка России.

Таким образом, в настоящее время, как представляется, контроль за трансграничным перемещением такого вида денежных инструментов осуществляется при их ввозе в РФ либо вывозе из РФ в случае, если последние были приобретены до приостановления их продажи либо ранее ввезены в РФ.

Понятие «дорожный чек» заимствовано из английского «traveler's check». В соответствии с п. «i» параграфа 3-104 ч. 1 ст. 3 Торгового кодекса США, под дорожным чеком понимается оборотный инструмент, который имеет в своем наименовании фразу «дорожный чек» или другой аналогичный термин, который подлежит оплате банком или другим кредитором по требованию лица, образец подписи которого указан в данном документе, и требующий в качестве условия оплаты его удостоверяющую подпись [6].

На территории РФ в связи с отсутствием специального законодательства о дорожных чеках на них распространяется законодательство о чековом обращении [7].

В соответствии со ст. 877 Гражданского кодекса РФ под чеком понимается ничем не обусловленное

распоряжение чекодателя банку произвести платеж указанной в нем суммы чекодержателю.

Порядок и условия использования чеков в платежном обороте регулируются гражданским законодательством, а также другими законами и устанавливаемыми в соответствии с ними банковскими правилами [8, 9].

На основании ст. 815 ГК РФ вексель удостоверяет ничем не обусловленное обязательство векселедателя (простой вексель) либо иного указанного в векселе плательщика (переводной вексель) выплатить по наступлении предусмотренного векселем срока полученные займы денежные суммы.

Обращение векселей регулируется о переводном и простом векселе [10]. На основании данного закона в связи с участием Российской Федерации в Конвенции от 7 июня 1930 г., устанавливающей Единообразный закон о переводном и простом векселях, на территории Российской Федерации применяется Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе» от 7 августа 1937 г. № 104/1341 [11].

Ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата, как предмет преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, и разновидность денежных инструментов, являются наиболее сложным моментом для уяснения. Сразу возникает вопрос, какие конкретно ценные бумаги могут подпадать под эти признаки.

Для того чтобы ценные бумаги могли быть рассмотрены в качестве данного вида денежных инструментов и, соответственно, в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, последние должны выполнять три условия:

1. Быть документарной ценной бумагой (иметь документарную форму), т.е. являться документом, соответствующим установленным законом требованиям и удостоверяющим обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (ч. 1 ст. 142 ГК РФ).

2. Удостоверять обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств либо, если рассматривать данный признак со стороны владельца, такой ценной бумаги удостоверить право ее держателя на получение от эмитента (должника) денежных средств.

3. В них не должно быть указано лицо, уполномоченное требовать по ним исполнения.

В соответствии со ст. 142 ГК РФ ценными бумагами признаются акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек, сберегательная книжка на предъявителя, сберегательный (депозитный) сертификат, простое складское свидетельство, двойное складское свидетельство и обе его части – складское свидетельство и залоговое свидетельство (варрант), опцион эмитента, ипотечный сертификат участия, российская депозитарная расписка.

Ценные бумаги, кроме документарных, могут быть также и бездокументарными, соответственно акция, опцион эмитента, российская депозитарная расписка, именная облигация, которые в соответствии с Федеральным законом от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» могут существовать только в бездокументарной форме и, соответственно, согласно п. 5 примечания к ст. 200.1 УК РФ, не являются денежными инструментами и не могут рассматриваться в качестве предмета контрабанды наличных денежных средств и / или денежных инструментов.

Ценная бумага в документарной форме, в которой не указано лицо, уполномоченное требовать по ней исполнения, является предъявительской (ценной бумагой на предъявителя). Также ценные бумаги в документарной форме могут быть ордерными и именными¹.

Таким образом, среди всех ценных бумаг, указанных выше, следует выделить облигацию на предъявителя, сберегательные книжки на предъявителя и сберегательный (депозитный) сертификат на предъявителя, так как последние, исходя из своей природы, помимо дорожного чека, векселя и чека (банковского чека) могут являться предметом преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ.

Остальные ценные бумаги не могут быть включены в данный перечень, так как могут быть только бездокументарными, именными (закладная, инвестиционный пай, ипотечный сертификат участия) либо не связаны с выплатой денежных средств эмитентом (должником) и представляют собой товарораспорядительные документы (коносамент, простое и двойное складское свидетельство).

В данном контексте С.В. Янкевич считает, что под формулировкой «ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата» стороны Договора о перемещении наличных денежных средств понимают облигацию [12].

Представляется, что автор при толковании вышеуказанного понятия необоснованно ограничивает его лишь облигацией. Как было указано ранее, признакам данного вида денежных инструментов могут соответствовать также сберегательные книжки на предъявителя и сберегательные (депозитные) сертификаты на предъявителя.

Для уяснения сущности и соответствия признакам ценной бумаги в документарной форме, удостоверяющей обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которой не указано лицо, которому осуществляется такая выплата, а также установления того, могут ли являться предметами контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов перечисленные выше ценные бумаги, необходимо их детальное рассмотрение.

Понятие облигации содержится в ст. 816 ГК РФ, однако в связи с тем, что указанная норма носит отсылочный характер, так как в абзаце третьем данной статьи сказано, что к отношениям между лицом, выпустившим облигацию, и ее держателем правила настоящего параграфа применяются постольку, по-

скольку иное не предусмотрено законом в установленном порядке, порядок обращения облигаций на предъявителя регулируется специальным по отношению к ГК РФ законодательством, в частности ФЗ «О рынке ценных бумаг» [13]. В соответствии с данным законом облигации являются эмиссионными ценными бумагами и размещаются только выпусками в установленном законом порядке. Облигация закрепляет право ее владельца на получение от эмитента облигации в предусмотренный в ней срок ее номинальной стоимости или иного имущественного эквивалента. Облигация на предъявителя может выпускаться только в документарной форме. Владелец такого вида ценной бумаги и его права удостоверяются на основании предъявления оформленного надлежащим образом сертификата облигации, который выдается на каждую облигацию [14].

Таким образом, наличие у владельца самой облигации как таковой не является обязательным условием для осуществления и передачи прав, которые ею предусмотрены. В этом заключается особенность данной ценной бумаги. Несмотря на то что облигации на предъявителя выпускаются только в документарной форме, сами ценные бумаги на предъявителя облигационеру не выдаются, а ему выдаются сертификаты.

Следовательно, лицо, имеющее сертификат облигации на предъявителя, может получить номинальную стоимость данной облигации, не имея на руках самой облигации. Таким образом, становится непонятно, может ли сертификат облигации на предъявителя быть признан предметом преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ.

Облигация не имеет обязательных реквизитов, которые, как это указано в ст. 143 ГК РФ, являются одним из требований к документарной ценной бумаге. Обязательные реквизиты установлены для сертификата облигации, который выдается при покупке облигаций. При этом, как отмечает специалист Минфина РФ Ю.М. Лермонтов, смешение понятий «ценная бумага» и «сертификат ценной бумаги» недопустимо [15]. В соответствии с российским законодательством последний не является ценной бумагой и, соответственно, не может быть признан предметом контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, а значит, может беспрепятственно перемещаться через таможенную границу.

Облигация также может предусматривать право ее владельца на получение фиксированного в ней процента от номинальной стоимости облигации, который является доходом по облигации. Такая облигация считается процентной. Выплата процентов по облигациям осуществляется на основании купонов, которые являются частью облигационного сертификата и также не являются ценными бумагами и не могут быть рассмотрены в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ.

Исходя из вышеизложенного, позитивным представляется законодательство Японии, а именно ст. 6 Закона Японии «Об иностранной валюте и внешней торговле» 1949 г. № 228, которая к ценным бумагам

помимо прочих, относит сертификаты, предоставляющие право на государственные облигации, или акции, денежные сертификаты и купоны независимо от того, были они использованы или нет [16].

Таким образом, считаем целесообразным внести изменения в п. 5 примечания к ст. 200.1 УК РФ, в соответствии с которыми облигационные сертификаты на предъявителя и их купоны можно будет считать предметами контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Существование сберегательных книжек на предъявителя и сберегательных (депозитных) сертификатов на предъявителя непосредственно связано с открытием банковских счетов (вкладов) на предъявителя, а это значит, что данные счета (вклады) являются анонимными, т.е. лицо, которое их открывает, не предоставляет никаких документов, позволяющих его идентифицировать. Таким образом, положения ст. 843 и 844 ГК РФ, предусматривающие существование сберегательных книжек на предъявителя и сберегательных (депозитных) сертификатов на предъявителя, противоречат Федеральному закону от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [17], согласно п. 5 ст. 7 которого кредитным организациям запрещается открывать и вести счета (вклады) на анонимных владельцев, т.е. без предоставления физическим или юридическим лицом, открывающим такой счет (вклад), документов, необходимых для его идентификации.

Министерство финансов Российской Федерации, учитывая данные обстоятельства, а также тот факт, что выдача сберегательных книжек на предъявителя и сберегательных (депозитных) сертификатов на предъявителя не предполагает учет перехода прав от одного лица к другому, не предусматривает ограничения по сумме и систему контроля исполнения запрета их использования в качестве расчетного или платежного средства, считает необходимым исключить из российского законодательства данные институты и разработало соответствующий законопроект, который в настоящее время не внесен в Государственную думу [18].

Несмотря на то что в соответствии со ст. 13 вышеуказанного Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» нарушение организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом

и действующими на основании лицензии, может повлечь их отзыв (аннулирование), это не исключает возможности проведения банками такого рода денежных операций. Кроме того, в настоящее время они разрешены ГК РФ, следовательно, до принятия соответствующего закона об исключении из российского законодательства института сберегательных книжек на предъявителя и сберегательных (депозитных) сертификатов на предъявителя последние могут быть признаны предметами контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

На основании вышеизложенного представляется, что в соответствии с ныне действующим законодательством предметами преступления, предусмотренного ст. 200.1 УК РФ, помимо наличных денежных средств, являются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), облигации на предъявителя, банковские книжки на предъявителя и сберегательные (депозитные) сертификаты на предъявителя.

Исходя из международного опыта для более эффективного применения нормы, предусматривающей ответственность за контрабанду денежных инструментов, п. 5 примечания к ст. 200.1 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Под денежными инструментами в целях настоящей статьи понимаются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата, в том числе сертификаты и купоны, выданные на такие ценные бумаги». Так как определение «денежные инструменты» полностью заимствовано из Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза, в него также необходимо внести аналогичные изменения.

Представляется, что такая формулировка расширит круг предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов и повысит уровень защиты финансовой системы государства, являющейся объектом данного преступления, так как обеспечит наибольшую прозрачность валютных операций, связанных с трансграничным перемещением денежных инструментов, что усилит эффективность мер по противодействию легализации денежных средств, добытых преступным путем, и финансированию терроризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В соответствии с ч. 2–4 ст. 143 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ документарная ценная бумага является:

- предъявительской, если лицом, уполномоченным требовать исполнения по ней, признается ее владелец;
- ордерной, если лицом, уполномоченным требовать исполнения по ней, признается ее владелец, если ценная бумага выдана на его имя или перешла к нему от первоначального владельца по непрерывному ряду индоссаментов;
- именной, если лицом, уполномоченным требовать исполнения по ней, признается одно из следующих указанных лиц:

1. Владелец ценной бумаги, указанный в качестве правообладателя в учетных записях, которые ведутся обязанным лицом или действующим по его поручению и имеющим соответствующую лицензию лицом.
2. Владелец ценной бумаги, если ценная бумага была выдана на его имя или перешла к нему от первоначального владельца в порядке непрерывного ряда уступок требования (цессий) путем совершения на ней именных передаточных надписей или в иной форме в соответствии с правилами, установленными для уступки требования (цессии).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 05.07.2010 № 51 «О Договоре о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза»* (вместе с «Договором о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза») (Подписан в г. Астане 05.07.2010)) // *Собрание законодательства РФ*. 3 сентября 2012 г. № 36. ст. 4867 (Договор).
2. *Урда М.* Вопросы квалификации контрабанды денежных средств и (или) денежных инструментов // *Уголовное право*. 2014. № 3. С. 78–82.
3. *Урда М.Н.* О проблемах применения нормы об ответственности за контрабанду денежных средств и (или) денежных инструментов // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 385. С. 139–143.
4. *Федеральная таможенная служба – Информация Управления таможенных исследований и дознания*. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=55:2011-01-24-16-40-26&layout=default (дата обращения: 23.10.2014).
5. *Дорожные (трэвел) чеки и как ими пользоваться*. URL: <http://nashaplaneta.net/articles1/dorojnie-travel-cheki.php> (дата обращения: 23.10.2014).
6. § 3-104. NEGOTIABLE INSTRUMENT. | UCC – Uniform Commercial Code | LII / Legal Information Institute. URL: <http://www.law.cornell.edu/ucc/3/3-104> (дата обращения: 15.10.2014).
7. *Международное и зарубежное финансовое регулирование: институты, сделки, инфраструктура* : в 2 ч. / под ред. А.В. Шамраева. М. : КНОРУС ; ЦИПСИР, 2014. Ч. 2 // СПС «Консультант-Плюс».
8. *Положение о правилах осуществления перевода денежных средств, утвержденным Банком России 19 июня 2012 г. № 383-П* (зарегистрировано в Минюсте России 22 июня 2012 г. № 24667) // СПС «Консультант-Плюс».
9. *Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 06.11.1929 «Об утверждении Положения о чеках»* // СПС «Консультант-Плюс».
10. *Федеральный закон от 11.03.1997 № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе»* // *Собрание законодательства РФ*. 17.03.1997. № 11. Ст. 1238.
11. *Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР «О введении в действие Положения о переводном и простом векселе»* от 7 августа 1937 г. № 104/1341 // СПС «Консультант-Плюс».
12. *Янкевич С.В.* Перемещение валюты и валютных ценностей в Таможенном союзе ЕврАзЭС: к вопросу о правовой регламентации // *Финансовое право*. 2013. № 10 // СПС «Консультант-Плюс».
13. *Ротко С.В.* Понятие, правовая природа и основная классификация облигаций // *Юрист*. 2007. № 11 // СПС «Консультант-Плюс».
14. *Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 21.07.2014, с изм. от 29.12.2014) «О рынке ценных бумаг»* (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // СПС «Консультант-Плюс».
15. *Вопрос:* Между организациями заключен договор купли-продажи облигаций на предъявителя, предусматривающий, что право собственности на них переходит к покупателю в момент их передачи. Соответствует ли данное условие законодательству? (Консультация эксперта, Минфин РФ, 2010) // СПС «Консультант-Плюс».
16. *Foreign Exchange and Foreign Trade Act 1949 – Act No. 228 of December 1. 1949*. URL: <http://www.asianlii.org/jp/legis/laws/fefta1949an228od11949387> (дата обращения: 28.11.2014).
17. *Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (РЕД. ОТ 21.07.2014) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»* (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2014) // СПС «Консультант-Плюс».
18. *Федеральный закон «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»* (в части регулирования операций кредитных организаций с ценными бумагами на предъявителя)». URL: http://regulation.gov.ru/project/9347.html?point=view_project&stage=3&stage_id=6453 (дата обращения: 19.02.2015).

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 марта 2015 г.

PROBLEMS OF DEFINITION OF THE OBJECT OF CASH AND (OR) MONETARY INSTRUMENT SMUGGLING

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 158-163. DOI 10.17223/15617793/393/24

Markovskiy Maxim S. Ural Juridical Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Sakh_rider_88@mail.ru

Keywords: smuggling; cash; monetary instruments; subject of crime.

The subject of Article 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, in accordance with the content of its disposition, is cash and (or) monetary instruments. According to Pt. 1, Art. 2 of the Agreement on moving cash and (or) monetary instruments by natural persons across the customs border of the Customs Union, cash is understood as money in banknotes and treasury notes, coins (with the exception of precious metal coins) which is in circulation and is a legal tender in the countries – members of the customs union or foreign states (group of foreign states), including money withdrawn or being withdrawn from circulation, yet exchangeable for banknotes in circulation. In accordance with this Agreement monetary instruments are traveler's checks, bills, checks, as well as securities in a document form certifying the obligation of the issuer (the debtor) to pay the money without a specified person to whom such a payment is made. This concept is duplicated in Pt. 5 of the Notes to Art. 200.1 of the Criminal Code. Thus, the notion of monetary instruments includes certain types of working instruments: a traveler's check, bill of exchange, check (bank check), as well as securities in a document form certifying the obligation of the issuer (the debtor) to pay the money without a specified person to whom such a payment is made. Securities, unlike travelers' checks, bills of exchange, checks (bank checks), are formulated as a set of features by which they can be recognized as monetary instruments. Thus, to establish which working instruments can match these signs, one must understand the rules of civil law. In connection with the foregoing, in practice there may be some difficulties related to the interpretation and identification of monetary instruments as a subject of a crime under Art. 200.1 of the Criminal Code. According to the research, monetary instruments include traveler's checks, bills, checks (checks), bearer bonds, bank books and bearer savings (deposit) certificates to the bearer. At the same time, this definition needs broadening and including certificates and coupons that are issued to bearer securities.

REFERENCES

1. The decision of the EurAsEC Interstate Council of 05.07.2010 no. 51 "On the Treaty on the order of movement by individuals of cash and (or) monetary instruments across the customs border of the Customs Union" (with the "Agreement on the order of

- movement by natural persons of cash and (or) monetary instruments across the customs border of the Customs Union" (signed in Astana on 05.07.2010)). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 3 September 2012, no. 36, art. 4867 (Agreement). (In Russian).
2. Urda M. Voprosy kvalifikatsii kontrabandy denezhnykh sredstv i (ili) denezhnykh instrumentov [Qualification of smuggling cash and (or) monetary instruments]. *Ugolovnoe pravo*, 2014, no. 3, pp. 78–82.
 3. Urda M.N. On the problems of applying the rule establishing liability for smuggling cash and (or) cash instruments. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 385, pp. 139–143. (In Russian).
 4. The Federal Customs Service. Information of Customs Investigations and Inquiries Office. Available from: http://www.customs.ru/in-dex.php?option=com_content&view=category&id=55:2011-01-24-16-40-26&layout=default. (Accessed: 23.10.2014). (In Russian).
 5. *Dorozhnye (trevel) cheki i kak imi pol'zovat'sya* [Travel checks, and how to use them]. Available from: <http://nashaplaneta.net/articles1/dorojnie-travel-cheqi.php>. (Accessed: 23.10.2014).
 6. § 3-104. NEGOTIABLE INSTRUMENT. UCC – Uniform Commercial Code. Legal Information Institute. Available from: <http://www.law.cornell.edu/ucc/3/3-104>. (Accessed: 15.10.2014).
 7. Shamraev A.V. (ed.) *Mezhdunarodnoe i zarubezhnoe finansovoe regulirovanie: instituty, sdelki, infrastruktura: v 2 ch.* [International and foreign financial regulation: Institutions, transaction infrastructure: in 2 pts.]. Moscow: KNORUS; TsIPSiR Publ., 2014. Pt. 2.
 8. Konsul'tant-Plyus Information System. *Polozhenie o pravilakh osushchestvleniya perevoda denezhnykh sredstv, utverzhdenym Bankom Rossii 19 iyunya 2012 g, no. 383-P (zaregistrirovano v Minyuste Rossii 22 iyunya 2012 g, no. 24667)* [Regulations on the rules of the transfer of funds approved by the Bank of Russia on June 19, 2012 no. 383-P (registered with the Russian Ministry of Justice June 22, 2012 no. 24667)].
 9. Konsul'tant-Plyus Information System. *Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 06.11.1929 "Ob utverzhdenii Polozheniya o chekakh"* [Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, USSR Council of People's Commissars of 11.06.1929 "On approval of the Regulation on checks"].
 10. The Federal Law of 11.03.1997 no. 48-FZ "On Bills and Notes". *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 17.03.1997, no. 11, art. 1238.
 11. Konsul'tant-Plyus Information System. *Postanovlenie Tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta i Soveta narodnykh komissarov SSSR "O vvedenii v deystvie Polozheniya o perevodnom i prostom veksele" ot 7 avgusta 1937 g, no. 104/1341* [Resolution of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR "On introduction of the Regulation on bills and notes" of August 7, 1937 no. 104/1341].
 12. Yankevich S.V. *Peremeshchenie valyuty i valyutnykh tsennostey v Tamozhennom soyuze EvrAzES: k voprosu o pravovoy reglamentatsii* [Moving currency and currency valuables in the EurAsEC Customs Union: the issue of legal regulation]. *Finansovoe pravo – Financial Law*, 2013, no. 10.
 13. Rotko S.V. *Ponyatie, pravovaya priroda i osnovnaya klassifikatsiya obligatsiy* [Concept, legal nature and basic classification of bonds]. *Yurist*, 2007, no. 11.
 14. Konsul'tant-Plyus Information System. *Federal'nyy zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ (red. ot 21.07.2014, s izm. ot 29.12.2014) "O rynke tsennykh bumag" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2015)* [The Federal Law of 22.04.1996 no. 39-FZ (ed. of 07.21.2014, as amended on 29.12.2014) "On the Securities Market" (rev. and ext., in force since 01.01.2015)].
 15. Konsul'tant-Plyus Information System. Question: Organizations signed a contract of sale of bonds to bearer, providing that ownership to pass to the buyer at the time of transfer. Is this condition is legitimate? Expert Advice, Ministry of Finance of the Russian Federation, 2010. (In Russian).
 16. Foreign Exchange and Foreign Trade Act 1949 – Act No. 228 of December 1. 1949. Available from: <http://www.asianlii.org/jp/legis/laws/fefta1949an228od11949387>. (Accessed: 28.11.2014).
 17. Konsul'tant-Plyus Information System. *Federal'nyy zakon ot 07.08.2001 № 115-FZ (RED. OT 21.07.2014) "O protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma" (s izm. i dop., vstup. v silu s 21.10.2014)* [The Federal Law of 07.08.2001 no. 115-FZ (ed. on 21.07.2014) "On counteraction to legalization (laundering) of profit from crime and financing of terrorism" (rev. and ext., in force since 21.10.2014)].
 18. The Federal Law "On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (in terms of regulating the operations of credit institutions with bearer securities). Available from: http://regulation.gov.ru/project/9347.html?point=view_project&stage=3&stage_id=6453. (Accessed: 19.02.2015). (In Russian).

Received: 10 March 2015

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ИНАЯ МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Рассматриваются юридическая природа и классификация иных мер уголовно-правового характера. Анализируется также проблема отнесения отсрочки отбывания наказания как одного из видов освобождения от наказания к иным мерам уголовно-правового характера. Обосновывается вывод, что отсрочка отбывания наказания – это иная мера уголовно-правового характера.

Ключевые слова: наказание; иные меры уголовно-правового характера; виды освобождения от наказания; отсрочка отбывания наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ за совершение преступлений законодатель предусматривает возможность применения наказания и иных мер уголовно-правового характера. Наказание и иные меры уголовно-правового характера должны быть справедливыми (ч. 1 ст. 6 УК РФ), они не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Однако в теории уголовного права вопрос о видах иных мер уголовно-правового характера является дискуссионным. Введение законодателем в УК РФ Раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера» в связи с принятием Федерального закона от 27.07.2006 № 153-ФЗ и признание таковыми двух мер – принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества – только усложнило решение указанного вопроса, поскольку абсолютное большинство ученых не согласно с законодателем в том, что к иным мерам уголовно-правового характера следует относить две указанные меры.

Так, одним из распространенных мнений является отнесение к иным мерам уголовно-правового характера, в частности, всех видов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Например, по мнению Р.С. Данелян, как разновидность мер уголовно-правового характера иные меры являются мерами государственного реагирования и воздействия. В зависимости от способа реагирования и воздействия их можно объединить в две группы: а) меры освобождения от уголовного характера, в том числе условное осуждение (ст. 73–74 УК), все виды освобождения от уголовной ответственности (гл. 11 УК) и освобождения от наказания (гл. 12 УК); б) меры принудительного характера, к числу которых следует отнести принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90–92 УК) и иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные в Разделе V УК [1. С. 40–42]. О.В. Золотарева также считает, что помимо иных мер, прямо закрепленных в Разделе VI УК РФ, к ним следует относить и принудительные меры воспитательного воздействия, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, освобождение от уголовной ответственности и наказания [2. С. 31].

Другие ученые в числе иных мер уголовно-правового характера называют более узкий перечень мер и, в частности, не относят к таковым виды осво-

бождения от уголовной ответственности (за исключением принудительных мер воспитательного воздействия) и относят лишь отдельные виды освобождения от наказания, в первую очередь отсрочку отбывания наказания и отсрочку отбывания наказания больным наркоманией. Так, например, М.Ф. Гареев в диссертационном исследовании, посвященном иным мерам уголовно-правового характера, пишет о том, что иные меры уголовно-правового характера включают принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, условное осуждение, отсрочку отбывания наказания и условно-досрочное освобождение [3. С. 8, 15]. Т.Ф. Миняева так же считает, что такими мерами являются принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, отсрочка отбывания наказания, принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним [4. С. 81–87].

Таким образом, возникает вопрос: следует ли относить к иным мерам уголовно-правового характера виды освобождения от наказания в общем и отсрочку отбывания наказания в частности.

На наш взгляд, вопрос об отнесении к иным мерам уголовно-правового характера всех видов освобождения от наказания или же только такого вида освобождения, как отсрочка отбывания наказания, может быть решен, только если проанализировать юридическую природу института иных мер уголовно-правового характера.

Результаты анализа выражения «наказание и иные меры уголовно-правового характера» позволяют утверждать, что «иные» – это «другие», т.е. отличные от наказания меры, и наказание является одной из мер уголовно-правового характера. Отличие мер уголовно-правового характера от уголовного наказания заключается в следующем: эти меры не включены в законодательный перечень видов наказаний (ст. 44 УК РФ); не указаны в санкциях норм Особенной части УК РФ; не сопряжены с существенным ограничением правового статуса осужденных.

Однако объединяет эти меры с уголовным наказанием то, что они возможны за совершение преступлений. Любая мера уголовно-правового характера, как и наказание, является мерой государственного принуждения, так как применяется не с согласия осужденного, а в принудительном порядке, и ее реализация

обеспечивается деятельностью соответствующих органов государства. Применение мер уголовно-правового характера связано с определенными правоограничениями и возложением на осужденного дополнительных, по сравнению с общим статусом, обязанностей, но они не столь существенны, как в случае назначения уголовного наказания.

О сущности мер уголовно-правового характера ещё в 1978 г. справедливо писал профессор Н.А. Стручков: «В случае реализации уголовной ответственности без применения наказания она приобретает форму иной меры, отличной от собственно наказания» [5. С. 76].

В самом общем виде меры уголовно-правового характера можно определить как предусмотренные уголовным законом меры, применяемые к лицам, совершившим преступления. Основанием применения таких мер является признание лица виновным в совершении преступления.

Уголовное наказание является основной формой реализации уголовной ответственности. Однако уголовная ответственность не исчерпывается наказанием, она может быть реализована и посредством других мер уголовно-правового характера.

Таким образом, к лицу, признанному виновным в совершении преступления, возможно применение либо уголовного наказания, либо иных (т.е. других) мер уголовно-правового характера. Только основываясь на этих теоретических положениях, можно говорить не только о юридической природе, но и о классификации рассматриваемых мер.

Анализ УК РФ позволяет сделать вывод, что уголовный закон предусматривает следующие формы реализации уголовной ответственности:

- осуждение с применением назначенного наказания;
- осуждение с отсрочкой назначенного наказания;
- осуждение с освобождением от реального отбывания назначенного наказания;
- осуждение несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Таким образом, к иным мерам уголовно-правового характера следует отнести отсрочку отбывания наказания (ст. 82 и 82¹ УК РФ), условное осуждение (ст. 73 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних с применением

принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90, 92 УК РФ), принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания (ч. 2 ст. 99 УК РФ и ст. 18 УИК РФ).

Все эти меры уголовно-правового характера, наряду с наказанием, являются элементом более общей системы – системы мер уголовно-правового воздействия, в которую входят и другие меры уголовно-правового воздействия, не являющиеся формами реализации уголовной ответственности (различные виды освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания, судимость, принудительные меры медицинского характера в отношении невменяемых).

При рассмотрении понятия, юридической природы и системы мер уголовно-правового характера возникает вопрос о необходимости расположения всех этих мер в одном разделе или главе УК РФ, как это сделано во многих зарубежных кодексах. И вопрос этот является достаточно спорным.

Так, по мнению Ф.Р. Сундунова, «более предпочтительным представляется обособление норм, регламентирующих альтернативные наказанию меры уголовно-правового характера, в отдельной главе УК РФ, поместив ее за Главой 10» [6. С. 179].

Иного мнения придерживается С.Г. Келина, которая считает, что вопрос о размещении законодательного материала должен решаться в соответствии с национальными традициями. В отличие от зарубежного уголовного законодательства, в России принята иная система уголовного законодательства [7. С. 58].

На наш взгляд, позиция С.Г. Келиной является более верной. Ввиду специфики вряд ли целесообразно выделять все меры уголовно-правового характера в одной главе УК РФ. Нормы, посвященные условному осуждению (ст. 73–74 УК РФ), традиционно располагаются в Главе 10 УК РФ, посвященной назначению наказания. Нормы, закрепляющие возможность применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90, 92 УК РФ), законодатель обоснованно поместил в Главе 14 УК РФ «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» и т.д., а нормы об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 и 82¹ УК РФ) – в Главе 12 УК РФ «Освобождение от наказания» и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данелян Р.С. К вопросу о системе иных мер уголовно-правового характера // Российский судья. 2013. № 2. С. 40–42.
2. Гареев М.Ф. Цели иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения по российскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 8, 15.
3. Золотарева О.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией как иная мера уголовно-правового характера // Вестник ДВЮИ МВД России. 2014. № 2 (27). С. 31.
4. Миняева Т.Ф. Цели наказания и иных мер уголовно-правового характера и средства их достижения в современном уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 5. С. 81–87.
5. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 76.
6. Сундунов Ф.Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань : Казан. гос. ун-т, 2005. С. 179.
7. Келина С.Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. 2007. № 6. С. 58.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 февраля 2015 г.

DEFERRAL OF SERVING A SENTENCE AS A DIFFERENT CRIMINAL-LAW MEASURE

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 164-166. DOI 10.17223/15617793/393/25

Nepomnyashchaya Tatyana V. Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: nepomnyashchaya@rambler.ru

Keywords: punishment; other criminal-law measure; types of release from punishment; deferral of serving sentence.

According to Part 2 of Article 2 of the Criminal Code, the legislator provides a possibility of penalties and other measures of a criminal-law nature for crimes. Only compulsory medical measures and confiscation of property are attributed to other measures of a criminal-law nature according to Section VI of the Russian Criminal Code. The question about the kinds of other measures of a criminal-law nature is debatable in the theory of criminal law. Thus, one of the most common views is classifying of all kinds of exemption from criminal liability and punishment to other measures of a criminal-law nature. Some researchers have a narrower list of other measures of a criminal-law nature, including deferral of serving a sentence. Thus, the question is whether we should refer exemption from punishment (in general) and deferral of serving a sentence (in particular) to other measures of criminal law. According to the author's opinion, the question of classification of deferral of serving a sentence as a different measure of a criminal-law nature can be solved only if we analyze the legal nature of the institute of other measures of a criminal-law nature. Analysis of the phrase "punishment and other measures of a criminal-law nature" makes us suggest that "other" means "different", i.e. measures different from punishment; and punishment is one of the measures of a criminal-law nature. The difference between measures of criminal law and criminal punishment is this: these measures are not included in the list of legislative punishment (Art. 44 of the Criminal Code); they are not listed in the sanctions of the regulations of the Criminal Code of the Russian Federation; they are not associated with significant limitation of the legal status of prisoners. The author analyzes in detail the legal nature of other measures of a criminal-law nature. According to the author, other measures of criminal law are inhomogeneous. What unites them is that they are all forms of criminal responsibility and the implementation of a real alternative to punishment. Criminal liability is not exhausted by a sentence, it can be realized through other measures of a criminal-law nature. The use of any criminal penalties, any other (i.e. different) measures of a criminal-law nature is possible to the person found guilty of a crime. Basing on these theoretical positions we can talk not only about the legal nature, but also about the classification of measures under consideration. Thus, the analysis of the legal nature of other measures of a criminal-law nature allows us to formulate a conclusion that among all the types of exemption from criminal liability deferral of serving a sentence is the only measure of criminal law. The author notes that due to the nature it is hardly advisable to classify all measures of criminal law in one chapter of the Criminal Code.

REFERENCES

1. Danelyan R.S. K voprosu o sisteme inyykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera [On the issue of the system of other measures of criminal law]. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*, 2013, no. 2, pp. 40–42.
2. Gareev M.F. *Tseli inyykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera i sredstva ikh dostizheniya po rossiyskomu ugolovnomu pravu*: avtoref. dis. kand. yurid. nauk [Purposes of other measures of criminal law and the means to achieve them by the Russian criminal law. Abstract of Law Cand. Diss.]. Kazan, 2005.
3. Zolotareva O.V. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya bol'nym narkomaney kak inaya mera ugolovno-pravovogo kharaktera [Deferral of serving a sentence by drug addicts as a measure of criminal law]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 2 (27).
4. Minyazeva T.F. Tseli nakazaniya i inyykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera i sredstva ikh dostizheniya v sovremennom ugolovnom prave [Purposes of punishment and other measures of criminal law and the means of achieving them in modern criminal law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2007, no. 5, pp. 81–87.
5. Struchkov N.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizatsiya v bor'be s prestupnost'yu* [Criminal liability and its implementation in the fight against crime]. Saratov: Saratov State University Publ., 1978. 288 p.
6. Sundurov F.R. *Nakazanie i al'ternativnye mery v ugolovnom prave* [Punishment and alternative measures in criminal law]. Kazan: Kazan State University Publ., 2005. 298 p.
7. Kelina S.G. Punishment and other measures of criminal law character. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*, 2007, no. 6, pp. 51–58. (In Russian).

Received: 11 February 2015

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОВЕРИЕ К ПОЛИЦИИ КАК ФАКТОР, СПОСОБСТВУЮЩИЙ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С ГРАЖДАНАМИ

Рассматриваются вопросы реализации законодательного принципа обеспечения общественного доверия к полиции при осуществлении её профессиональной деятельности. На основе анализа нормативных правовых актов Российской Федерации, мнений опрошенных граждан и сотрудников полиции, а также с учетом зарубежного опыта профилактической деятельности сотрудников правоохранительных органов автором делается попытка показать пути повышения доверия общества к полиции в современной ситуации через призму объективного и всестороннего освещения их деятельности в средствах массовой информации. Особенно, на взгляд автора, это актуально в случаях освещения чрезвычайных происшествий с участием сотрудников полиции.

Ключевые слова: доверие; полиция; профилактика.

Наличие демократических законов и правосудия не является однозначным показателем правового государства. Не меньшее значение в обеспечении широкого народовластия имеет наличие действенного механизма реализации прав и законных интересов граждан. Задачи по созданию такого механизма возлагаются на все органы и учреждения исполнительной власти. Одним из таких органов государственной власти выступает полиция, которая согласно основному закону, регламентирующему её деятельность, предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности [1].

Комплексный анализ Федерального закона Российской Федерации «О полиции» 2011 г. в целом свидетельствует о наличии у законодателя воли на кардинальное изменение системы отношений в формате представитель власти – население. Одним из основных нововведений данного нормативного акта явилось указание на то, что деятельность полиции теперь должна основываться на принципе общественного доверия и поддержки граждан (ст. 9). Главная идея рассматриваемого изменения, как нам представляется, заключается в попытке снизить социальную напряженность взаимоотношений между правоохранительными органами и членами законопослушного общества.

Данный принцип впервые закреплён в нормативно-правовом акте федерального уровня. И как закономерность, появились нормы, регламентирующие последствия утраты доверия сотрудником полиции. К числу таковых следует отнести статьи 82 и 82.1 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакции от 22.12.2014), регламентирующих порядок увольнения со службы сотрудника полиции в связи с утратой к нему доверия.

По мнению отдельных отечественных исследователей, именно кризис общественного доверия к работе милиции обусловил издание Указа Президента Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», ознаме-

новавшее начало кардинальных реформ учреждений, подведомственных Министерству внутренних дел Российской Федерации [2. С. 34].

На страницах научной литературы общественное доверие рассматривается с различных позиций. Наблюдаются психологические, социологические, социально-психологические и иные подходы в формулировании данного понятия. В рамках настоящего исследования понятие общественного доверия следует рассматривать как социально-политическое явление, т.е. как отношение всего общества к его отдельной социальной группе – полиции, обусловленное необходимостью определения наиболее оптимальной формы взаимодействия для достижения общественно значимых целей.

Очевидно, что эффективность профилактических мероприятий, проводимых полицией, прямо пропорциональна уровню доверия общества к сотрудникам полиции. Наличие доверия способствует снижению уровня правового нигилизма [3. С. 31], минимизирует затраты на поддержание общественного порядка, обуславливает возможность выполнения взаимных функций и обязательств. Однако следует учитывать и то, что общественное доверие – это динамичная (изменяемая) категория. Чем больше деятельность полицейского оправдывает ожидания общества, тем больше у населения кредит доверия к полиции. Это легко подтверждается оценками общественности, высказываемыми в адрес полиции в случаях раскрытия преступлений [4. С. 242]. Но доверие может легко трансформироваться в свой антипод – недоверие. Последнее проявляется, например, при фиксации ярко выраженного пренебрежения полицейским правами и свободами граждан.

В ходе анализа современного положения дел в рамках рассматриваемой темы обращают на себя внимание такие накапливающиеся в обществе негативные тенденции, как разочарование в демократических преобразованиях; сомнения в компетентности сотрудников ОВД, ослабление уверенности в их способности эффективно исполнять свои полномочия с максимальной пользой для общества; низкая реальная эффективность деятельности как самой полиции, так и государственной власти в целом [5. С. 3]; преобладающее эмоциональное восприятие образа полицейского как «оборотня в погонах».

Очевидно, что культура доверия на такой почве формироваться не может. В таких условиях мы либо сами для себя ставим заведомо невыполнимые задачи, тем самым дискредитируя все ветви власти, либо согласны на серьезные изменения и самоограничения в масштабах хотя бы одной из государственных структур – полиции.

Если исходить из понятия, что эффективность профилактической деятельности – это соотношение затрат на проведение превентивных мероприятий с полученными результатами, то доверие общества к полиции следует рассматривать как фактор, значительно снижающий материальные, технические, психологические и иные затраты в борьбе с преступностью. С точки зрения значимости рассматриваемого принципа для результативности профилактической деятельности сотрудника полиции совершенно естественно, что чем выше степень доверия у населения к сотрудникам полиции, тем более высока эффективность профилактики преступлений и правонарушений. Без доверия со стороны законопослушных граждан полиция с поставленными задачами по обеспечению безопасности общества не справится. Так, широко известны методы работы полицейских зарубежных стран, которые позволяют пресекать преступления и задерживать преступника, еще только готовящегося совершить преступление, по одной лишь информации граждан – как на возмездной, так и на безвозмездной основе [6]. Особенно часто это встречается при предупреждении террористических актов, когда важность указанных сведений для общества в целом чрезвычайно высока. Подобная ситуация возможна только на основе доверительных отношений общества с правоохранительными органами.

Формы проявления доверия со стороны населения могут быть разнообразными: участие граждан в охране общественного порядка; поиск лиц, пропавших без вести; внештатное сотрудничество с полицией; создание общественных объединений правоохранительной направленности, сформированных по инициативе граждан; членство в народной дружине и другие формы взаимодействия в соответствии с Федеральным законом от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».

Несмотря на обоюдовыгодность доверительных отношений между полицией и обществом, к сожалению, в настоящее время доверие законопослушной части населения к стражам порядка проявляется слабо. Мы попытались узнать у заинтересованных лиц, что, на их взгляд, является причиной недостижения подобной общественно полезной цели. Так, по мнению опрошенных сотрудников полиции, основными сложностями при налаживании доверительных отношений с обществом являются: значительно возросшая нагрузка на полицейского с 2011 г. после сокращения штатной численности ОВД – 97,4% опрошенных; создание имиджа сотрудника полиции СМИ как изначально злостного нарушителя норм права и морали – 83,5%; возросший документооборот при проведении проверок по фактам обращения граждан – 78,3%.

В то же время лишь незначительная доля полицейских в числе причин отсутствия доверия указывает на

слабую материальную оснащенность (18,3%) и падение престижа службы в полиции (17,4%). Положительную оценку со стороны практических работников получила также введенная Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ возможность проводить дознание в сокращенной форме.

По результатам опроса граждан, недоверие общества к сотрудникам полиции России прежде всего вызвано нежеланием полицейских своевременно откликаться на просьбы о защите прав потерпевших, нарушенных в результате преступления (71,7%) (об этом неоднократно велась полемика и на страницах печати [7. С. 3]). Низкий престиж полиции отмечают 61,3% опрошенных граждан. Сомнения в компетентности современного сотрудника полиции подчеркивают 55,7% респондентов. Исторические ассоциации с правоохранительными органами как жандармами – преследователями инакомыслящих (а теперь еще и название «полиция» у некоторых граждан может ассоциироваться со службой в полиции на территориях Советского Союза, оккупированных фашистской Германией в период Великой Отечественной войны) затрудняют доверие у 54,7% интервьюеров. «Полиция мешает законопослушным гражданам добиваться поставленных целей» – отметили 32,1% опрошенных. На наш взгляд, последний аргумент вытекает из оправдания идеологии вседозволенности (вплоть до насилия) над ближним, при которой цель «наживы» оправдывает любые средства, а успешность человека определяется количеством денежных знаков, находящихся в его распоряжении. Полиция же, в силу своего предназначения, препятствует реализации планов достижения подобного «успеха» насильственными (преступными) методами. Отсюда и произрастает подобный показатель недовольства по отношению к сотрудникам полиции.

Результаты опроса по поводу главного источника информации о деятельности полиции показали, что большинство опрошенных граждан (58,5%) свои умозаключения о профессиональной деятельности полиции почерпнули из СМИ. Значительно меньше граждан (31,1%) свое мнение о полиции сформировали на основании отзывов о ней своего ближайшего окружения – родственников, друзей, соседей. Лишь 9,4% граждан свое мнение о правоохранительных органах сложили из личного общения с сотрудниками полиции. В данном контексте следует обратить внимание, что сам полицейский в рамках завоевания доверия может оказать позитивное воздействие непосредственно только на два последних источника: самого гражданина и его близких. На СМИ полицейский может оказать воздействие только через совершение героических поступков. Но в случаях массового и ежедневного проявления героизма полиция должна состоять только из отрядов специального назначения, устраняющих реально существующую опасность для общества. Подобный подход формирования службы полиции исключает возможность индивидуальной профилактической работы с лицами, потенциально (в отличие от актуально) опасными для общества, осуществляемой, например, такими относительно «спо-

койными» подразделениями, как участковые уполномоченные полиции. В такой обыденной ситуации любое воздействие на СМИ в целях изменения вектора освещения негативных событий, связанных с участием полицейского, может быть расценено как нарушение главного принципа их деятельности – недопустимость цензуры, предусмотренная ст. 3 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации».

Следует также учитывать, что в любом обществе можно наблюдать распространение убеждения о непорядочности одного представителя социальной группы на всю группу, вплоть до создания негативного стереотипа (предубежденности) о любом представителе данной группы. В психологии это называется эффектом «ореола» [8. С. 361]. В современном российском обществе данный эффект очень ярко проявляется в отношении к полиции. Полицейский – личность унифицированная. В виду чего проявляется некогерентность доверия, т.е. «слепое» недоверие к надежным представителям власти. В силу изложенного формулируется простой категорический силлогизм: чтобы завоевать доверие общества, необходимо сломать стереотипы о преобладании в полиции нарушителей общественного спокойствия.

При изучении степени доверия граждан к государству и отдельным его институтам необходимо учитывать два комплиментарных по отношению друг другу явления: проявление власти и возникновение (ослабление) доверия граждан к этой власти. Доверие само по себе имеет место быть, если представители различных социальных групп имеют определенный уровень свободы. Отсутствие возможности волеизъявления делает существование доверительных отношений невозможным [8. С. 365–366]. Поэтому авторитарный (императивный) способ решения проблемы исключает наличие доверия. Напротив, диспозитивность в отношениях создает возможность появления и накопления доверия.

В качестве вывода данного исследования следует отметить, что основным источником формирования отношения общества к полиции в настоящее время выступают СМИ путем ежедневного извещения о различного рода скандалах и правонарушениях с участием полицейских. Результатом такой подачи является формирование тотального недоверия к полицейским. Такого рода подозрительность позволяет допускать, что в любом полицейском может скрываться правонарушитель, и формирует отрицательный стереотип у граждан ко всем представителям рассматриваемой профессии. Поэтому если мы желаем взаимного доверия и уважения со стороны полиции и общества, следует определиться с параметрами освещения деятельности полиции в СМИ. Естественно, в данном разрезе нет необходимости говорить о цензуре всех информационных потоков, касающихся правоохранительных органов. Однако следует заметить, что, по материалам Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), на вопрос «Нужна

или не нужна государственная цензура российским СМИ?» доля ответивших положительно граждан в 2007 г. составила 58%. Только 24% респондентов высказались против цензуры, 18% затруднились с ответом [9]. Но в границах предмета нашего исследования необходима лишь корректировка информационной политики с целью сохранения имиджа всех сотрудников полиции путем абстрагирования профессии от «личности преступника в погонах». Такая корректировка может проявляться, например, в том, что когда демонстрируется очередной сюжет о полицейском-правонарушителе, незамедлительно вслед за этим до аудитории доводятся причины данных правонарушений, выявленных в ходе журналистской проверки. Возможно также подобные репортажи сопровождать мнением добропорядочных полицейских относительно факта нарушения, допущенного их коллегой.

В рамках нашего исследования следует помнить, что власть, которой не доверяют люди, нежизнеспособна [5. С. 3]. Поэтому одной из основных позиций должна быть задача заслужить доверие общества добросовестным исполнением своих обязанностей [10]. Решение данного вопроса позволит сотрудникам полиции работать, а законопослушным гражданам жить во взаимопонимании и взаимодействии. Такой режим сотрудничества станет надежной платформой для полиции при проведении профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступлений и административных правонарушений.

Одним из способов достижения подобного взаимопонимания, на наш взгляд, должна стать объективность отражения действий сотрудников полиции в любых сферах их жизнедеятельности, начиная от реализации служебных операций и заканчивая особенностями проведения свободного от службы времени.

Практическое воплощение данного императива мы видим в дополнении Кодекса профессиональной этики российского журналиста [11] в той части, что в случае освещения нарушений представителей политической, расовой, национальной или религиозной общности или какой-либо социальной группы необходимо акцент делать на причинах подобного правонарушения. Другим вариантом достижения объективного освещения материалов и сообщений, касающихся деятельности полиции, необходимо п. 2.7 Приказа МВД России от 06.09.2011 № 995 «О совершенствовании деятельности подразделений информации и общественных связей, пресс-служб органов внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД России» в рамках обеспечения ежедневного мониторинга центральных и региональных СМИ дополнить предложением «Под принятием необходимых мер по своевременному реагированию на случай отраженного в СМИ чрезвычайного происшествия с участием сотрудника полиции следует понимать опубликование в том же СМИ мнения коллег нарушителя по данному факту».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. № 25. 2011. 8 февраля.

2. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей и др. М.: Проспект, 2012. 552 с.
3. Шаманский Д.А. Противодействие преступности в зоне миграционного конфликта // Российский следователь. 2014. № 3. С. 29–31.
4. Барсуков С.И., Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный). М.: Деловой двор, 2011. 640 с.
5. Копылова Ю.Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.
6. Случевская Ю. Зарубежный опыт партнерских отношений полиции и граждан. URL: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/15425>
7. Овчинский В. «Дорожная карта» дальнейшего реформирования МВД России // Профессионал: популярно-правовой альманах МВД России. 2012. № 5. С. 2–5.
8. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.
9. Львов С. Нужна ли государственная цензура российским СМИ? URL: <http://sorokinfond.ru/index.php?id=405>
10. Письмо Общественной палаты РФ от 30 ноября 2010 г. № 3ОП-1/1980.
11. Кодекс профессиональной этики российского журналиста. URL: www.ruj.ru/_about/code_of_professional_ethics_of_the_russian_journalist.php (дата обращения: 27.12.2015).

Статья представлена научной редакцией «Право» 07 февраля 2015 г.

PUBLIC CONFIDENCE IN THE POLICE AS A FACTOR CONTRIBUTING TO INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK WITH CITIZENS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 167-170. DOI 10.17223/15617793/393/26

Titarenko Andrei P. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation) E-mail: tapavlovich@mail.ru

Keywords: confidence; police; prevention.

Ensuring of the public confidence in the police as a principle of police work was first introduced in the Russian legislation in 2011. On the pages of scientific literature the concept of confidence is seen from different angles. In this article, the author proposes to give a social and political meaning to this concept, in other words, to consider the citizens' confidence in the police as the attitude of the whole society towards its particular social group called the police. This confidence is based on the all-over need to determine the most appropriate forms of cooperation between society and police in order to achieve the objectives of public interest. In the course of the study, the author has found that the main source of shaping the positions of law-abiding citizens towards the police in the Russian Federation is mass media. Monitoring of publications about police officers in media has revealed a mainly negative assessment of police activities. The consequence of this approach is that Russian citizens totally distrust the police. The police officer has a unified form: a wrongful conduct of one police officer results in the common opinion on all persons of this profession. Therefore, in order to distinguish between dishonest and respectable police officers we should take in accusing information about a particular offender considering the views of his / her colleagues on the fact of non-legal actions. This approach is similar to the principle of adversarial sides of the trial. To put this principle into practice, the author offers changing the Code of Professional Ethics of Russian journalists and the order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation "On improvement of activities of subdivisions of information and public relations, the press relations departments of the police of the Russian Federation and police troops of Russia" by adding the following sentence: "The necessary measures upon the timely response to the information published in certain mass media about misconduct of a police officer shall be the publication of the opinion of the offender's colleagues in the same media on this fact".

REFERENCES

1. St. 1 Federal'nogo zakona ot 07.02.2011 № 3-FZ "O politzii" [Art. 1 of the Federal Law of 07.02.2011 № 3-FZ "On Police"]. *Rossiyskaya gazeta*, 2011, no. 25 8 fevralya.
2. Avrutin Yu.E., Bulavin S.P., Solovey Yu.P. et al. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O politzii" (postateynyy)* [Commentary to the Federal Law "On Police" (itemized)]. Moscow: Prospekt Publ., 2012. 552 p.
3. Shamanskiy D.A. Protivodeystvie prestupnosti v zone migratsionnogo konflikta [Crime councuration in the area of migration conflict]. *Rossiyskiy sledovatel'*, 2014, no. 3, pp. 29–31.
4. Barsukov S.I., Borisov A.N. *Kommentariy k Federal'nomu zakonu "O politzii" (postateynyy)* [Commentary to the Federal Law "On Police" (itemized)]. Moscow: Delovoy dvor Publ., 2011. 640 p.
5. Kopylova Yu.N. *Doverie naseleniya kak faktor povysheniya sotsial'nogo statusa organov gosudarstvennoy vlasti*: avtoref. dis. kand. jurid. nauk [Trust of the population as a factor in improving the social status of public authorities. Abstract of Law Cand. Diss.]. Moscow, 2003. 23 p.
6. Sluchevskaya Yu. *Zarubezhnyy opyt partnerskikh otnosheniy politzii i grazhdan* [Foreign experience of partnerships of police and citizens]. Available from: <http://www.ormvd.ru/pubs/102/15425>.
7. Ovchinskiy V. "Dorozhnaya karta" dal'neyshego reformirovaniya MVD Rossii [The "roadmap" for further reform of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Professional*, 2012, no. 5, pp. 2–5.
8. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Confidence as the foundation of society]. Translated from Polish by N.V. Morozova. Moscow: Logos Publ., 2012. 440 p.
9. L'vov S. *Nuzhna li gosudarstvennaya tsenzura rossiyskim SMI?* [Do Russian media need state censorship?]. Available from: <http://sorokinfond.ru/index.php?id=405>.
10. Letter of the Public Chamber of the Russian Federation dated November 30, 2010, no. 3OP-1/1980. (In Russian).
11. *Kodeks professional'noy etiki rossiyskogo zhurnalista* [The Code of Professional Ethics of a Russian journalist]. Available from: www.ruj.ru/_about/code_of_professional_ethics_of_the_russian_journalist.php. (Accessed: 27.12.2015).

Received: 07 February 2015

ЭКОНОМИКА

УДК 332.1: 332.012.2

С.В. Степанова

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Рассмотрены методологические подходы к трансформации социально-экономических систем регионального и национального уровней. Раскрыто влияние внешних и внутренних факторов на трансформационные преобразования социально-экономических систем. Обосновано доминирование внешних факторов над внутренними в логике трансформационных преобразований региональных социально-экономических систем (приграничных). Предложена концептуальная модель трансформации региональной социально-экономической системы в контексте эволюционной теории.

Ключевые слова: трансформация; региональная социально-экономическая система; трансформация региональной социально-экономической системы; внешняя среда; эволюционная теория.

В условиях глобализации и интеграционных процессов, происходящих в мировом сообществе и изменяющих траектории развития национальных и региональных социально-экономических систем, научные исследования все более сосредотачиваются на исследованиях трансформационных преобразований, запускаемых влиянием внешних и внутренних воздействий на систему. Раскрывая суть *трансформационного процесса*, взгляды исследователей сходятся в понимании трансформации как *количественно-качественных изменений*, происходящих в системе и приводящих либо к утверждению качественно новой системы, либо к ее распаду, признавая *необратимость происходящих процессов*: возврат в исходное состояние невозможен в силу уже произошедших преобразований [1–3]. Однако содержание, этапы и процесс протекания трансформационных преобразований имеют ряд существенных отличий, подчеркивая различный генезис и характер происходящих изменений.

Так, согласно Л. Стебляковой, *трансформация социально-экономической системы* осуществляется посредством *перехода функционального состояния системы* (сохранение относительно стабильного состояния, устойчивость и системные качества, порядок системы) *по мере накопления изменений*. В модели С. Зубенко *развитие трансформационного процесса* происходит по причине *рождения возмущения (трансформатора)*, вызывающего деформацию системы и множественные цепные деформации ее структурных элементов (подсистем) [2]. Причиной трансформации социальных систем (может быть применено и к социально-экономическим системам) становится приближение показателей развития основных подсистем к предельно-критическим величинам, когда общество находится в состоянии кризиса, уровень рисков при этом возрастает, и для своего сохранения система объективно нуждается в изменении неадекватных механизмов ее функционирования [4]. Согласно А. Мартынову, *процесс экономической трансформации* осуществляется *в значительной мере в результате отображения технологических трансформаций*, ряда внеэкономических и в ограниченной мере институциональных процессов [5].

В качестве необходимого требования развития *трансформационного цикла* Г. Ивлева подчеркивает *необходимость полного завершения структурных преобразований*, обосновывая утверждение логикой развития хозяйственной системы: нерешенные системные проблемы в будущем потребуют гораздо больше ресурсов, провоцируя неравномерность и фрагментарность развития экономического пространства [3]. В противном случае непройденный социально-экономической системой (как на национальном, так и на региональном уровне) полный путь трансформационных изменений выводит систему на путь незавершенных трансформаций, сдерживая развитие, приводя в ряде случаев к «ручному» управлению социально-экономическими процессами.

В этой связи применение концепций транзитивной экономики, допускающих возможности полной имплантации, перехода к «заданным» желаемым институциональным образцам извне национальной экономической системы, на практике показали неудачу институционального строительства, несмотря на огромные экономические и социальные потери [5]. В качестве общего изъяна транзитологических концепций А. Мартынов выделяет недооценку наблюдаемой незавершенности процесса трансформации национальной экономики, игнорирование его объективной непрерывности, искусственное отделение институциональных трансформаций от всех остальных трансформаций, в первую очередь технологических, ресурсных и организационных [Там же].

Согласно Я. Корнаи (рассмотрение развития бывшей социалистической системы и обобщение опыта смены бывшего социалистического строя в европейских странах), главный отличительный признак системной трансформации заключается в *кардинальном изменении корневых институтов*: институты политической власти, собственности и хозяйственной координации, *которые определяют функционирование остальных звеньев институциональной системы* в ходе трансформационных преобразований [6].

Следует заметить, что в большинстве научных исследований, посвященные вопросам трансформации социально-экономических систем, раскрывают про-

исходящие процессы на национальном уровне, а также в контексте изменений постсоветского пространства в процессе перехода к рынку. Исследования региональных социально-экономических систем характеризуются фрагментарностью разработок, и в силу отсутствия научного консенсуса в отношении основополагающих подходов к исследованиям трансформации [5] систем отсутствует единая теоретическая платформа для системного охвата предмета исследования и целостного научного видения вне контекста региональных особенностей [7].

Исчерпание неоклассической теории экономического роста в ее традиционном понимании А. Мартынов обуславливает принятием упрощающих допущений ради алгебраических выкладок, приводящих к эффективным, хорошо интерпретируемым результатам, игнорированием сложности реальных взаимодействий многообразных процессов, присущих современному экономическому развитию [5. С. 5–6]. Поскольку объектом исследования признанных теорий современного экономического развития, характеризующихся явной структурной доминантой, выступают сложные структурные динамические ряды, фиксирующие изменения технологий, институтов, организаций и самих многообразных ресурсных переменных, обращение к *трансформационной парадигме экономического развития*, заключающейся в раскрытии феномена экономического развития через призму взаимосвязанных трансформационных процессов, представляющих собой долгосрочные изменения в экономических структурах в пространстве и времени, является вполне логичным [Там же. С. 6]. Е.М. Мартишин предлагает исследование природы, механизмов функционирования и развития социально-экономических систем проводить в плоскости понимания закономерностей экономической эволюции [8]. Фокус внимания настоящей статьи направлен на исследование концептуальных основ трансформации социально-экономической системы в русле эволюционной парадигмы, отражающей современное направление развития экономической мысли.

Требуется пояснения применение в современных экономических исследованиях, раскрывающих проблематику развития социально-экономических систем разного уровня, экономического роста, терминологии, заимствованной из биологической науки и отражающей ее основополагающие идеи. Ричард Р. Нельсон и Сидней Дж. Уинтер определяют данное обстоятельство как «выбор, принадлежащий экономистам по праву наследования в силу того влияния, которое труды нашего предшественника Мальтуса оказали на мышление Дарвина» [9. С. 29], подчеркивая, что применение биологических аналогий осуществляется не ради самих аналогий и прогресса построения абстрактной эволюционной теории, но обусловлено необходимостью нового осмысления стоящих перед современной наукой экономических проблем и задач. Так, в широком смысле термин «эволюционный» включает изучение процессов долгосрочных поступательных изменений, признавая важность непрерывности экономического процесса с возможностью резких

изменений. Наблюдаемые в текущей деятельности закономерности интерпретируются не как результат решения статической задачи, но как результат действия подпадающих осмыслению динамических процессов движения от известных или правдоподобно представляемых состояний, имевших место в прошлом, а также как характеристики арены, на которой под воздействием тех самых динамических процессов возникнет совсем другое будущее» [9. С. 29–30].

Обращение к трансформационной парадигме способствует восполнению «белых пятен» (проблем взаимодействия различных экономических секторов, включая находящиеся далеко за пределами сферы реальной экономики), возникающих в рамках преобладающих экономических концепций. Обращаясь к развитию национальной экономической системы, опосредованному тремя различного рода трансформациями: микро-, мезо- и макро-, А. Мартынов акцентирует внимание на их взаимосвязи, исходящей из логики системных позиций: совершенно неправомерно применение возможности разложения макротрансформаций на ряд микротрансформаций в силу порождения качественно новых эффектов, проявляющихся в дополнительных экономических сдвигах на более высоких уровнях системной иерархии, тем самым подчеркивая относительную автономность и их взаимную обусловленность [5].

Стремление системы под воздействием различных факторов внешней и внутренней среды к *стабилизации функционального состояния, к упорядочиванию самоорганизации* вынуждает социально-экономическую систему к их преодолению и трансформации. Одновременно следует подчеркнуть *беспрерывный характер возмущений*, когда система в *каждый момент времени бомбардируется* внешними и внутренними воздействиями, не ждущими окончания перерождения системы для начала нового воздействия. Таким образом *система всегда находится в состоянии трансформационного непрерывно продолжающегося процесса, преобразуясь под воздействием факторов внешней и внутренней среды*.

В этой связи особое значение приобретает утверждение А. Мартынова о *процессе трансформации* определенной национальной экономики, как всегда *одновременно непрерывном и незавершенном*. При этом трансформационные сдвиги в любой национальной экономике представляют собой постоянный во времени процесс, неизменно сопровождающий развитие экономических систем, пока они существуют [5]. Отрицание непрерывности воздействий (внутренних и внешних) приводит в логический тупик, к формированию утопии, не подкрепляемой реалиями современной экономики.

Согласно С.А. Суспицыну, реальная динамика роста российских регионов подчиняется двум основным факторам: «генетически обусловленным» (внутренним) условиям региона и «наведенным» (внешним) факторам, вызванным импульсами программно-проектных решений крупных корпораций или государства, последние из которых затрагивают ограниченное число регионов, например освоение шельфа

Сахалина или Олимпиада в Сочи. В последнем случае для таких регионов общим итогом в контексте межрегиональных сравнений может быть либо кратковременных всплеск экономической активности с его затуханием за пределами реализации подобных проектов, либо перевод экономики на новый уровень развития [10]. К системе активов (факторов развития территории и роста благосостояния), имеющих значение для развития региональной экономики, относятся [11]:

1) общие факторы (географическое положение, демография, климат);

2) факторы пространственного развития (система расселения, инфраструктура, каркас развития территории);

3) факторы ресурсной обеспеченности (природные условия и обеспеченность природными ресурсами, экологические условия и состояние окружающей среды);

4) факторы экономического развития (факторы производства, производственный и финансовый капитал) и социальные активы (социально-политическая стабильность, частно-государственное партнерство, квалификация и трудовые ресурсы, социальная инфраструктура).

Однако следует уточнить, что для российских регионов, особенно для приграничных, внешние воздействия связаны не только с возмущениями, имеющими внутригосударственный генезис и внешними по отношению к региону, но возникающими за пределами территории государства, что обуславливается спецификой ее экономико-географического и геополитического положения регионов. Так, ряд исследователей выделяют влияние эндогенных (внутренняя политическая ситуация в стране) и экзогенных факторов (геополитическая ситуация в мире) [12]. Доминирование внешних факторов над внутренними в логике трансформационных преобразований региональных социально-экономических систем наиболее ярко проявляется в практике приграничных российских регионов, специфика развития которых во многом детерминирована функциями государственной границы.

Так, в условиях господствовавшей долгое время идеологии «железного занавеса», развития барьерной функции границ многие приграничные регионы превратились в окраинные периферийно-депрессивные территории [Там же]. Усиление контактных функций государственных границ, с последующим их преобладанием над барьерными [13], раскрыло перед подобными субъектами совершенно иные возможности, проявляющиеся в усилении международных социально-экономических связей в условиях активизации процесса международной интеграции и кооперации. Исследователями выделяется, что положение населения по отношению к центральным местам более высокого ранга испытывает глубокую трансформацию при смене противоположных функций границы. Так, населенные пункты попадают в гравитационные поля заграничных городов, которые искусственно пытаются увеличить свое влияние на них в целях усиления интеграционных процессов [12]. Согласно К.А. Морачевской, приграничные с Белоруссией регионы могут выступать в качестве площадок для реализации целей

сопредельного государства в развитии экономических отношений в двух аспектах: в первом случае – как связующее звено в отношении с Москвой или играя роль пробных площадок для выхода на российский рынок, во втором – для развития бизнеса, где проявляется стимулирующее влияние наличия трансграничных градиентов [14].

Принимая во внимание взаимозависимость и взаимовлияние факторов внешней и внутренней среды, отражающихся в особенностях функционирования общества, следует учитывать [4]:

– защитный механизм компенсации потерь за счет привлечения дополнительных ресурсов;

– «эффект синергии», когда определенное сочетание факторов приводит к тому, что реальная сила их комбинированного воздействия значительно отличается от суммарного воздействия каждого из них в отдельности (более мощное или, наоборот, более слабое воздействие);

– «принцип домино», когда процессы в обществе достигают той «критической точки», после которой наступает цепная реакция последствий. Причем их последовательность и жесткая заданность делают нейтрализацию такой обвальной реакции ресурсоемкой и трудновыполнимой.

Таким образом, осуществление трансформационных преобразований социально-экономических систем регионального уровня осуществляется в исторически сложившейся (сформированной) структуре региона (генотип) при непрерывном воздействии внешних и внутренних факторов, некоторые из которых в определенные временные периоды могут становиться лимитирующими.

В данной статье предлагается концептуальный подход к трансформационным преобразованиям социально-экономической системы регионального уровня (приграничной) в контексте эволюционной парадигмы, отражающий процесс перехода от функционирования «старой» региональной социально-экономической системы к функционированию и развитию *качественно новой* социально-экономической системы посредством последовательного прохождения двух фаз трансформации: *структурной трансформации* и *пространственной трансформации* (рис. 1). Взаимное непрерывно-бомбардирующее влияние факторов постепенно приводит к разрушению целостности системы, потере согласованности функционирования отдельных ее элементов, вынуждая систему к формированию нового адаптационного механизма воспроизводственного процесса.

Переход на иной уровень социально-экономической системы, меняющий качество пространства, происходит под воздействием внешних факторов, поскольку изменение внешней среды требует изменения функций самой системы, что влечет за собой структурную перестройку экономической системы (включая технологический и социальный аспекты). В связи с изменениями у подсистем появляются новые функции, изменяется характер взаимодействия между элементами системы (институтов, резидентов, нерезидентов и пр.), что приводит к формированию новой социаль-

но-экономической системы [7]. Предлагаемая *первая фаза «Структурная трансформация»* включает в себя два этапа:

1) *системный* – поиск решения системных проблем и появление новых высокоэффективных предложений, идей;

2) *структурный* – на основе новых предложенных идей формирование новых ядер экономического роста и институтов для координации субъектов.

Вторая фаза «Пространственная трансформация» включает следующие два этапа:

3) *проектный* – изменение размещения производственных сил, появление новых сетей и инфраструктурных проектов;

4) *трансформационный* – изменение структуры потоков, концентрации роста и институтов для координации субъектов.

Особого внимания требует исследование влияния генотипа среды – внутренних условий региона, выражаемых в генезисе структуры региональной экономики, нормативной и институциональной средах, доминирующих в обществе идеологических установках, укладе, хозяйственном порядке, оказывающем тормозящее или стимулирующее влияние на процесс трансформации социально-экономической системы. В структуру цивилизационного генотипа Е.М. Мартишин включает духовную сферу, социально-политический строй, государственно-правовое устройство, исторический фактор, экономический и технологический способы производства. Экономический генотип трактуется как «идеальная» (образец, норма) всеобщность, «вневременность» общества, включающая в себя его прошлый опыт, социальную память, зафиксированные в социально-экономической культуре общества [8].

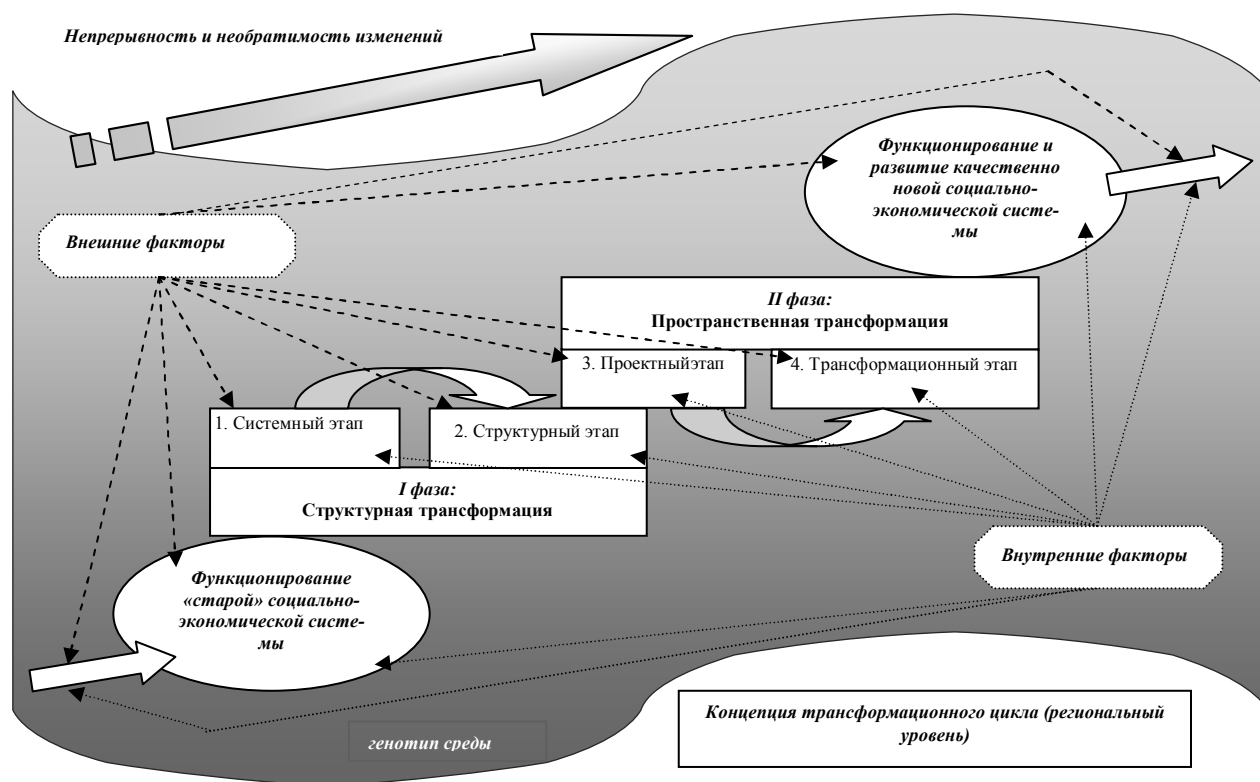

Рис. 1. Схема концепции трансформационного цикла (региональный уровень)

Именно генетические факторы обуславливают динамику развития региона, основанную на собственных потенциях и успешности совершенствования институтов, в том числе наводимых государственной социально-экономической политикой [10]. Социально-экономический генотип может изменяться под воздействием внешних и внутренних факторов, что проявляется в фенотипических признаках моделей мировой экономической системы [8]. При исследовании трансформационного процесса социально-экономической системы регионального уровня следует учитывать, что российские регионы относятся к разным фенотипным группам («региональные фенотипы» – устойчиво воспроизводимые типы и уровни регионального развития, последовательное движение

по которым сопровождается качественными изменениями экономической, институциональной и социальной структуры региона), что определяет и разные траектории их развития [10]. Согласно Е.М. Мартишину, экономический генотип – это взаимодействие экономического генотипа и внешней и внутренней среды развития, совокупность свойств и признаков экономики страны и региона, формирующихся в процессе их индивидуального развития. Экономический ген как единица наследственности детерминирует развитие определенных признаков и свойств экономической системы, контролирует формирование конечных результатов хозяйственной системы, является носителем идентификации генотипа в последующем развитии. Генетическая структура представляет собой

«наследственную программу», которая реализуется в последовательных стадиях и ступенях организации единицы эволюции, характеризуется стадийной разверткой уровней генотипа, закодированных в них смыслов и институтов [8]. Согласно С.А. Суспицыну, значение имеет наличие «генетического сценария», т.е. задержавшиеся в развитии страны и регионы, не ограниченные естественными или искусственными барьерами к саморазвитию, рано или поздно выходят на путь лидеров и в части институциональных условий развития, и в части эффективности функционирования экономики, и в части жизненного уровня населения. В понятие «саморазвитие» вкладывается потенциальная готовность региона (подтверждаемая, в том числе, и динамикой развития в предшествующие периоды) к переходу к другому фенотипу развития, как правило, более высокого уровня, который обеспечивается всем комплексом институциональных, ресурсных и структурных условий, которыми уже обладает часть регионов, входящих в данный фенотип. В этой связи движение в направлении градиента, указанного лидерами (принцип *step by step*), проходит с возможными зигзагами и возвратами, поскольку логика нормативных подходов не учитывает в полной мере законов и пропорций саморазвития [10].

Трансформация, согласно Л.П. Стебляковой, – не просто самораскрытие систем, актуализация заложенных в ней потенциалов, изменение состояний, форм функционирования, а переход системы на иной уровень функционирования, прежде недоступный и невозможный. Целостность трансформации и достижение синергетического эффекта могут сдерживаться отсутствием необходимого количества хозяйствующих субъектов, способных к адаптации к рынку и системным изменениям, к самоорганизации, фрагментарностью экономики по степени открытости экономической системы и внутренних связей [1]. Е.М. Мартишин, обращаясь в логике незавершенных процессов, подчеркивает, что «страны могут не проходить необходимые ступени социально-экономической эволюции или проходить их не в полной мере, в таком случае генотипические закономерности этой ступени и формирование ее институтов переносятся на последующее развитие, происходят мутации генотипов стран и регионов [8]. В быстро меняющихся условиях особую трудность представляет процесс изменения (особенно быстрого) идеологических установок общества, обеспечивающих саморазвитие и самовоспроизводство новой социально-экономической системы, а также преодоление инертности общества, обусловленных закономерностями его функционирования.

Согласно логике исследования переход от структурной трансформации к пространственной осуществляется посредством инфраструктурных изменений, включая реализацию инфраструктурных проектов, сетевых и инновационных проектов [7].

Полизначность толкования экономической категории «сеть», порожденная сложностью и неоднозначностью объекта изучения, ставит перед исследователями сетевого феномена важную методологическую задачу по уточнению подхода к трактовке данного

понятия в рамках проводимой ими исследовательской работы. В широком смысле сеть следует относить к социально-экономическим системам с определенным образом построенными связями, характеризующимися высокой степенью интенсивности между отдельными ее элементами, в качестве которых могут выступать как отдельные индивиды, фирмы, некоммерческие организации, правительственные учреждения, так и их группы. Межорганизационные сети понимаются как система контрактов между экономическими агентами в границах одной и более социально-экономических систем, отличающихся взаимосогласованным и устойчивым характером, направленных на достижение общих долгосрочных целей посредством мобилизации, комбинирования и использования ресурсов, компетенций, знаний. Большинство исследователей подчеркивают исторический, естественный характер возникновения сетей, рассматривая сетевые объединения на принципах системности, открытости и самоорганизации, ряд ученых отмечают возможность организации сетей «сверху-вниз» (например, стратегическая сеть, сеть создания ценности), когда подбор акторов осуществляется в соответствии с заданными ролями [15].

В общем виде процесс формирования сети разделяют на три этапа [16]: 1) предварительный этап, на котором потенциальные партнеры идентифицируют друг друга и определяют условия возникновения сетевых отношений; 2) этап выявления направления сотрудничества и построения отношений, на котором участники сетей на основе личных ценностей выдвигают общую цель; 3) этап структурирования, на котором организуются различные структуры для поддержки кооперативных мероприятий и происходит «затвердевание» отношений. Р. Майлз и Ч. Сноу выступают основоположниками подхода, рассматривающего сетевую структуру в качестве организационной формы или «стратегического организационного решения». На основе проведенных эмпирических исследований авторы пришли к заключению, что сетевая структура организации – результат ответных шагов менеджмента в обеспечении соответствия вызовам внешней среды [17]. Основными причинами к трансформации организационной структуры являются стремление компании к экспансии новых рынков, в том числе международных, экономии на издержках и получению доступа к стратегически важным ресурсам: знаниям и компетенциям. Сетевое сотрудничество фирм в данном контексте предполагает интеграцию цепочек создания ценности в точках взаимного интереса. Формирование сетевых связей – естественный процесс в эволюции организационной структуры фирм под влиянием стремительно меняющихся условий хозяйствования [15].

Резюмируя, следует акцентировать внимание на многообразии методологических подходов к исследованию трансформации социально-экономических систем регионального и национального уровней. Предложена концептуальная модель, основывающаяся на гипотезе эволюционного характера трансформаций социально-экономических систем под воздействием внутренних и внешних факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стеблякова Л.П. Трансформация экономических систем: теория и практика : автореф. ... д-ра экон. наук. М., 2010. 54 с.
2. Зубенко С.А. Сущность трансформации социально-экономической системы региона // Вестник ГТУ. 2008. Вып. 12 (68). С. 495–499.
3. Ивлева Г.Ю. Трансформационный цикл и структурная перестройка экономики России: новая модель макроэкономического регулирования // Кризис и структурная трансформация экономики России / под общ. ред. В.И. Кушлина. М. : Изд-во РАГС, 2010. С. 66–86.
4. Локозов В.В. Стабильность общества и система предельно-критических показателей его развития. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/948/712/1217/010LOKOSSOV.pdf>
5. Мартынов А. Об обновленной концепции экономической трансформации // Общество и экономика, 2011. № 4, май. С. 5–36.
6. Корнаи Я. Социалистическая система: политическая экономия коммунизма. М. : Вопросы экономики, 2000.
7. Степанова С.В., Толстогузов О.В. Трансформация региональной социально-экономической системы: концептуальная модель // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 5. С. 12–21.
8. Мартишин Е.М. Стратегии моделей социально-экономической эволюции: общее и специфическое // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. № 36. С. 148–153.
9. Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Эволюционная теория экономических изменений / пер. с англ. М. : Дело, 2002. С. 536.
10. Суслицын С.А. Эволюция территориальной структуры Сибири в генетическом сценарии развития экономики // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. Т. 3, № 1. С. 29–39.
11. Толстогузов О.В. Междисциплинарная экспертиза обоснованности стратегий развития региона // Экономика и управление. 2012. № 1 (75). С. 31–35.
12. Новиков А.Н., Новикова М.С. Региональные особенности приграничного положения юго-восточного Забайкалья // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150, кн. 3. С. 229–240.
13. Жабров А.А., Межевич Н.М., Леонтьева А.Н. Развитие приграничного сотрудничества – цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 3–9.
14. Морачевская К.А. Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития приграничных с Белоруссией районов России // Региональные исследования. 2010. № 4. С. 61–69.
15. Большаков О.Н., Михайлов А.С. Особенности трансформации сетевых объединений в экономике // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 41–55.
16. Gray B. Conditions Facilitating Interorganizational Collaboration // Human Relations. 1987. № 38. P. 911–936.
17. Möller K.E., Svaen S. Managing strategic nets: A capability perspective // Marketing Theory. 2003. №3 (2). P. 201–226.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 11 февраля 2015 г.

TRANSFORMATION OF THE REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTIONARY PARADIGM: A CONCEPTUAL MODEL

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 171-177. DOI 10.17223/15617793/393/27

Stepanova Svetlana V. Institute of Economic Studies of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: svkorka@mail.ru

Keywords: transformation; regional socio-economic system; transformation of regional socio-economic system; external environment; evolutionary theory.

The paper presents methodological approaches to the study of the transformation of the socio-economic system of regional and national levels. The views of researchers converge in the understanding of transformation as a quantitative and qualitative changes in the system which lead to a qualitatively new system, or to its disintegration, recognizing the irreversibility of the processes: a return to the original state is impossible because of the changes that have already happened in the system. However, researchers define that the content, steps and process of transformational changes have a number of significant differences, emphasizing a different genesis and nature of the changes which take place in the regional or national systems. The paper demonstrates the influence of external and internal factors on the transformation of socio-economic systems. The dominant influence of external factors on the internal logic of transformational changes of cross-border regional socio-economic systems is justified, specifics of which are largely determined by the functions of the state border. The system tries to stabilize the functional state under the influence of various factors in the external and internal environment, to streamline the self-organizing forces of the socio-economic system to overcome them, which leads to the transformation of the system. At the same time, the continuous nature of the perturbation should be emphasized when at any given time the system is bombarded by external and internal forces, not waiting for the end of the degeneration of the system to start a new action. Thus, the system is always in a state of continuous transformation under the influence of external and internal factors. The paper provides a conceptual model of the transformation of the socio-economic system at the regional level in the context of the evolutionary theory. The proposed phases of "structural transformation" and "spatial transformation" involve two stages. Switching to a different level of the socio-economic system which changes the quality of the space is influenced by external factors as changes in the environment require changes in the functions of the system, which entails a restructuring of the economic system (including the technological and social aspects). Due to changes in the subsystems there appear new features, the character of interaction between the system elements (institutions, residents, non-residents, etc.), which leads to the formation of a new socio-economic system. Transition from structural transformation to space transformation takes place using infrastructure development, including the implementation of infrastructure projects, network and innovation projects.

REFERENCES

1. Steblyakova L.P. *Transformatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika*: avtoref. d-ra ekon. nauk [Transformation of Economic Systems: Theory and Practice. Abstract of Economics Dr. Diss.]. Moscow, 2010. 54 p.
2. Zubenko S.A. Essence of transformation in regional social-economic system. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2008, no. 12 (68), pp. 495–499. (In Russian).
3. Ivleva G.Yu. *Transformatsionnyy tsikl i strukturnaya perestroyka ekonomiki Rossii: novaya model' makroekonomicheskogo regulirovaniya* [Transformational cycle and restructuring of the Russian economy: a new model of macroeconomic regulation].

- In: Kushlin V.I. (ed.) *Krizis i strukturnaya transformatsiya ekonomiki Rossii* [Crisis and structural transformation of the economy of Russia]. Moscow: Izd-vo RAGS Publ., 2010, pp. 66–86.
4. Lokosov V.V. *Stabil'nost' obshchestva i sistema predel'no-kriticheskikh pokazateley ego razvitiya* [The stability of society and the system of maximum critical indicators of its development]. Available from: <http://ecsocman.hse.ru/data/948/712/1217/010LOKOSSOV.pdf>.
 5. Martynov A. On the updated concept of economic transformation. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economics*, 2011, no. 4–5, pp. 5–36. (In Russian).
 6. Kornai Ya. *Sotsialisticheskaya sistema: politicheskaya ekonomiya kommunizma* [The Socialist System: The Political Economy of Communism]. Moscow: Voprosy ekonomiki Publ., 2000. 671 p.
 7. Stepanova S.V., Tolstoguzov O.V. Transformation of the regional socio-economic system: a conceptual model. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN – Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science*, 2013, no. 5, pp. 12–21. (In Russian).
 8. Martishin E.M. Strategy patterns of socio-economic evolution: the general and the specific. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova – Nekrasov Kostroma State University Bulletin*, 2012, no. 6, pp. 148–153. (In Russian).
 9. Nelson R.R., Winter Si.G. *Evolutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy* [Evolutionary Theory of Economic Change]. Translated from English. Moscow: Delo Publ., 2002. 536 p.
 10. Suspitsyn S.A. Evolution of the territorial Siberian structure in the genetic economics scenario. *Interesko Geo-Sibir'*, 2014, vol. 3, no. 1, pp. 29–39. (In Russian).
 11. Tolstoguzov O.V. Mezhdistsiplinarnaya ekspertiza obosnovannosti strategiy razvitiya regiona [Interdisciplinary examination of the validity of the regional development strategy]. *Ekonomika i upravlenie – Economics and Management*, 2012, no. 1 (75), pp. 31–35.
 12. Novikov A.N., Novikova M.S. Regional Specifics of South-East Transbaikalia Boundary Location. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Estestvennye Nauki – Proceedings of Kazan University. Natural Sciences Series*, 2008, vol. 150, book 3, pp. 229–240. (In Russian).
 13. Zhabrev A.A., Mezhevich N.M., Leont'eva A.N. The development of cross-border cooperation as a goal and a set of tasks for strategic development of the North-West of Russian Federation. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*. 2011, no. 12, pp. 3–9. (In Russian).
 14. Morachevskaya K.A. Frontier or periphery location as factors of socioeconomic development of the Russian regions bordering on Belarus. *Regional'nye issledovaniya*, 2010, no. 4 (30), pp. 61–69. (In Russian).
 15. Bolychev O.N., Mikhaylov A.S. Network Transformations in Economy. *Baltiyskiy region – The Baltic Region*, 2014, no. 3 (21), pp. 41–55. (In Russian).
 16. Gray B. Conditions Facilitating Interorganizational Collaboration. *Human Relations*, 1987, vol. 38, no. 10, pp. 911–936. DOI: 10.1177/001872678503801001
 17. Möller K.E., Svahn S. Managing strategic nets: A capability perspective. *Marketing Theory*, 2003, vol. 3, no. 2, pp. 201–226. DOI: 10.1177/001872678503801001

Received: 11 February 2015

ВНЕДРЕНИЕ МСФО КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ К ТРЕБОВАНИЯМ МЕЖДУНАРОДНОГО РЫНКА КАПИТАЛА

Глобализация и интернационализация экономических, финансовых и политических отношений постепенно привели к созданию мирового рынка, появлению транснациональных компаний, привлечению в национальные экономики иностранных инвестиций и кредитов. В этой связи насущными задачами становятся выработка и адекватное применение в отдельных странах правил бухгалтерского учета и отчетности, соответствующих международным стандартам финансовой отчетности. От решения этой задачи зависит возможность обеспечения инвесторов качественной, прозрачной и сопоставимой информацией о компаниях с целью принятия правильных экономических решений.

Ключевые слова: учет; финансовая отчетность; МСФО; реформирование российского учета; ПБУ.

Россия, как часть мировой экономической системы, уже несколько лет предпринимает попытки внедрения международных стандартов финансовой отчетности (далее МСФО). При этом все меньше специалистов в области учета, отчетности и аудита ставят вопрос о необходимости стандартизации, для большинства он уже не является дискуссионным по двум причинам. Во-первых, не все проблемы до конца могут решить российские стандарты бухгалтерского учета (ПБУ). Например, такие, как:

- Достоверная оценка имущества и обязательств.
- Своевременный пересмотр оценочных значений.
- Полноценное применение принципа начисления и метода резервирования.
- Полный отказ от ориентации на информационные потребности налоговых органов.
- Достаточное раскрытие информации в отчетности для заинтересованных пользователей.

Во-вторых, приближать российские стандарты бухгалтерского учета (ПБУ) к МСФО необходимо по следующим основным причинам:

- Для организаций, которые в силу законодательства или учредительных документов формируют индивидуальную или консолидированную отчетность по МСФО, возможность минимизировать трансформационные поправки, а значит обеспечить своевременную подготовку отчетности и повышение ее качества.
- Для организаций, не составляющих отчетность по МСФО, обеспечить формирование профессионального суждения и современного взгляда на учет и отчетность у работников учетных служб.
- Обеспечить интеграцию в мировую систему предоставления информации заинтересованным пользователям.

Рассмотрим основные этапы внедрения МСФО на территории РФ.

Работа по приведению российских правил бухгалтерского учета в соответствие с международной практикой началась еще в 1991 г., когда Приказом Минфина СССР от 01.11.1991 № 56 был принят *План счетов бухгалтерского учета* финансово-хозяйственной деятельности предприятия, уже во многом *адаптированный к Международным стандартам финансовой отчетности*. Тогда же были определены такие понятия рыночной экономики, как «капитал», «финансовые вложения», «нематериальные активы» и мн. др.

1993 г. В Постановлении Правительства РФ от 12.02.1993 № 121 «О мерах по реализации Государственной программы перехода Российской Федерации на принятую в международной практике систему учета и статистики в соответствии с требованиями развития рыночной экономики» была сформулирована цель, стоящая перед российским бухгалтерским учетом, – переход на международные правила учета: «...сосредоточить первоочередное внимание на *приведении в соответствие с мировой практикой бухгалтерского учета хозяйствующих субъектов и системы статистических показателей*, характеризующих состояние и развитие отраслей народного хозяйства».

1997 год. В Послании Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. еще Президентом РФ Б.Н. Ельциным был проявлен интерес к МСФО: «...необходимым условием активизации инвестиционного процесса и улучшения качества управления предприятиями становится реформа системы бухгалтерского учета. Действующая система устарела, она не обеспечивает необходимой информацией ни управляющих, ни собственников, ни инвесторов. Разговоры о переходе на международные стандарты бухгалтерского учета ведутся уже пять лет, но до сих пор результатов нет». В итоге был подписан Указ Президента РФ от 03.04.1997 г. № 278, где согласно п. 26 Правительство обязано «разработать и утвердить до 15 ноября 1997 г. *программу перехода с 1998 года на международные стандарты бухгалтерского учета*».

1998 г. Принято Постановление Правительства РФ от 06.03.1998 № 283 «Об утверждении программы реформирования бухгалтерского учета в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности». Основным направлением реформы является «...*взвешенное использование международных стандартов в национальном регулировании*».

1998–2002 г. *Формирование системы национальных бухгалтерских стандартов – Положений по бухгалтерскому учету (ПБУ) на основе международных стандартов финансовой отчетности.*

2003 г. Реальным достижением в области внедрения МСФО в России стало Указание Центрального банка РФ от 25.12.2003 № 1363-У «О составлении и представлении финансовой отчетности кредитными организациями», а также Указание оперативного характера от 25.12.2003 № 181-Т «О Методических рекомендациях “О порядке составления и представле-

ния кредитными организациями финансовой отчетности»». Согласно этим Указаниям с 1 января 2004 г. все без исключения *коммерческие банки и кредитные организации* обязаны составлять *годовую консолидированную отчетность в соответствии с МСФО*.

2004 г. Министерство финансов одобрило Концепцию развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу (утверждена Приказом Минфина РФ от 01.07.2004 № 180). Согласно этой Концепции суть дальнейшего развития бухгалтерского учета и отчетности состоит в *активизации использования МСФО*: «Мировой опыт показывает, что характеристики, определяющие полезность информации, достигаются *непосредственным использованием МСФО или применением их в качестве основы построения национальной системы бухгалтерского учета и отчетности*».

2010 г. Принятие Федерального закона от 27.07.2010 № 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» ввело законодательное требование об обязательном применении Международных стандартов финансовой отчетности для ряда российских компаний:

– С отчетности за 2012 г. (включая сравнительные данные за 2011 г.) кредитными организациями; страховыми компаниями; всеми компаниями, ценные бумаги которых допущены к обращению на торгах фондовых бирж и / или иных организаторов торговли на рынке ЦБ; организации, обязанность которых составлять и публиковать консолидированную финансовую отчетность закреплена иными федеральными законами или учредительными документам, т.е. организации, имеющие дочерние и зависимые общества, компании-эмитенты при размещении ими ЦБ среди круга лиц, число которых превышает 500, и отдельные государственные компании, в частности «Росатом», «Российские автомобильные дороги» (ФЗ № 39 от 22.04.96, ФЗ № 317 от 01.12.2007, ФЗ № 145 от 17.07.2009).

– С отчетности за 2015 г. (включая сравнительные данные за 2014 г.) компаниями, применяющими иные международно признанные стандарты (например, ГААП США), организациями, облигации которых допущены к обращению на торгах фондовых бирж.

2011 г. Принятое 25 февраля 2011 г. Постановление Правительства РФ № 107 «Об утверждении Положения о признании МСФО и Разъяснений МСФО для применения на территории Российской Федерации» детализировало ряд требований Закона и установило процедуру признания МСФО в России: «...на территории Российской Федерации применяются МСФО и Разъяснения МСФО, принимаемые Фондом Комитета по Международным стандартам финансовой отчетности...»

Согласно Приказу Минфина РФ от 25.11.2011 № 160н «О введении в действие МСФО и Разъяснений МСФО на территории Российской Федерации», начиная с 20 декабря 2011 г. *на территории России действуют 37 стандартов и 26 разъяснений* в переводе на русский язык в той редакции, в которой они были утверждены Советом по МСФО.

Следующим шагом по освоению МСФО стало утверждение Приказом Минфина РФ от 30.11.2011

№ 440 Плана Минфина РФ на 2012–2015 гг. по развитию бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на основе Международных стандартов финансовой отчетности. К 2015 г. планируется *расширить сферу применения МСФО для составления консолидированной финансовой отчетности*, продолжить утверждение *новых федеральных стандартов бухгалтерского учета на основе МСФО*.

2012 г. На официальном сайте Минфина России публикуются *Проекты ПБУ, максимально приближенные к МСФО*: «Учет запасов», «Учет основных средств», «Учет аренды», «Учет вознаграждений работникам», «Доходы организации».

К успехам процесса реформирования бухгалтерского учета в соответствии с МСФО можно отнести следующие достигнутые результаты:

- формирование новой нормативной базы бухгалтерского учета;
- создание профессиональных объединений бухгалтеров и аудиторов с одновременным возрастанием престижа бухгалтерской профессии и развития рынка аудиторских услуг;
- изменение системы регулирования бухгалтерского учета и отчетности – разумное сочетание деятельности органов государственной власти и профессионального сообщества;
- создание инфраструктуры применения МСФО;
- повышение качества информации, формируемой в бухгалтерском учете и отчетности.

Тем не менее был выявлен ряд *проблем и недостатков*, наличие которых не позволило в полной мере привести действующую систему бухгалтерского учета в соответствие с требованиями рыночной экономики и международными стандартами финансовой отчетности. Вот некоторые «болевые точки» внедрения МСФО в России [1]:

- Незрелость экономических отношений в стране.
- Отставание законодательной и иной нормативной базы, например в России не работает принцип приоритета экономического содержания над правовой формой.
- Формальное применение либо неприменение новых учетных принципов и правил, нежелание высказывать свое профессиональное суждение по многим аспектам учетного процесса.
- Недостаточная осведомленность руководителей компаний о МСФО и отсутствие навыков работы с ней.
- Инертность мышления и незаинтересованность руководителей.
- Не ясны реальные выгоды от применения МСФО для компаний, ценные бумаги которых не котируются на торгах фондовых бирж.
- Высокие затраты на подготовку отчетности по МСФО: услуги консультантов, обучение кадров, внедрение программ и информационных систем для применения МСФО.
- Отсутствие информации и большие затраты для получения информации, необходимой для составления МСФО: привлечение оценщиков, запросы в органы государственной статистики, проведение специальных расчетов и др.

– Отсутствие четких и подробных рекомендаций и разъяснений по применению МСФО, учебных материалов.

– Низкий уровень подготовки в сфере МСФО как профессиональных бухгалтеров и аудиторов, так и пользователей бухгалтерской отчетности.

– Необходимость одновременного представления индивидуальной отчетности по российским ПБУ и консолидированной по МСФО.

– Применение российских ПБУ инвесторами для принятия решений.

Несмотря на ряд проблем, связанных с внедрением международных норм финансовой отчетности в российскую систему бухгалтерского учета, доля российских компаний, составляющих отчетность по МСФО, растет с каждым годом. Проведем статистический анализ перехода российских организаций на МСФО с 2004 по 2012 г.

Статистическими данными для 2004, 2006 и 2007 гг. послужили отчеты о проведении комплексного социологического исследования, подготовленные исследовательским холдингом «ROMIR Monitoring» в рамках проекта «Осуществление реформы бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации». Данные отчеты размещены на официальном сайте Министерства финансов РФ [2].

Основной целью данных исследований было обеспечение репрезентативной, статистически надежной и

достоверной информацией относительно применимости международных стандартов отчетности российскими компаниями.

На основании данных исследований составим и рассмотрим динамику применения норм МСФО российскими организациями. В табл. 1 представлены данные для коммерческих и бухгалтерских организаций за 2004, 2006 и 2007 гг. [2].

Таблица 1
Применение норм МСФО среди коммерческих и бухгалтерских организаций

Показатель	2004 г.	2006 г.	2007 г.
Количество опрашиваемых коммерческих и бухгалтерских организаций	2 009	1 423	1 818
Доля организаций, использующих МСФО, %	11	16	20

Доля организаций, составляющих отчетность по МСФО в 2007 г., возросла почти в два раза по сравнению с 2004 г., несмотря на то что выборка коммерческих и бухгалтерских компаний снизилась в 2007 г., по сравнению с 2004 г., до 1 818 компаний.

Далее определим структуру компаний, использующих МСФО, по отраслям деятельности. В табл. 2 приведены основные статистические данные с 2004 по 2007 г. [2]. В данном исследовании выборка составила 1 023 коммерческих и бухгалтерских компаний.

Таблица 2
Количество организаций, использующих МСФО по отраслям, шт.

Отрасль	2004 г.	2006 г.	2007 г.	Абсолютное изменение 2007 г. к 2004 г., шт.	Темп прироста 2007 г. к 2004 г., %
Финансы и страхование, банковское дело	266	379	532	266	100
Производство, промышленность	143	153	153	10	7
Сфера услуг	92	133	81	-11	-12
Торговля	82	123	102	20	24,4
Строительство	82	112	102	20	24,4
Медицина, наука и образование	82	82	174	92	112,2
Информация, реклама	71	41	133	62	87,3

Наибольшая доля компаний, использующих МСФО, сосредоточена в сфере «финансы и страхование, банковское дело». Возможно, это связано с тем, что с 1 января 2004 г. все без исключения коммерческие банки и кредитные организации обязаны составлять годовую консолидированную отчетность в соответствии с МСФО. Так, в 2007 г. 532 компании из 1023 опрашиваемых стали составлять финансовую отчетность в соответствии с международными стандартами. Это в два раза больше, чем в 2004 г. Второе место по применимости МСФО в 2004 и 2006 гг. занимает отрасль «производство, промышленность», а в 2007 г. – «медицина, наука и образование».

В целом можно сказать, что в каждой отрасли доля компаний, составляющих отчетность по МСФО, увеличивается с каждым годом. Исключение составляет отрасль «сфера услуг», так как в 2007 г., по сравнению с 2004 г., 12% компаний отказались от составления отчетности по МСФО.

На основе статистических данных исследования ROMIR Monitoring за 2004 и 2006 гг. можно также сделать вывод о том, что среди коммерческих и бухгалтерских организаций МСФО в большей степени применяются крупными (300 и более сотрудников)

компаниями, чем компаниями более мелких размеров (менее 300 сотрудников). Данная статистика представлена на рис. 1, 2 [2, 3].

Так, чем больше размер компании, тем больше вероятность того, что данная компания будет применять международные стандарты в своей отчетности. Доля крупных компаний (300 и более сотрудников) среди коммерческих и бухгалтерских организаций, перешедших на МСФО, в 2004 г. составила 19%, а в 2006 г. – 23%. Такое процентное соотношение прежде всего связано с тем, что процесс перехода на составление отчетности по МСФО требует от компании дополнительных трудовых и финансовых затрат, которые, прежде всего, могут себе позволить крупные игроки рынка.

Для эффективного внедрения МСФО в РФ необходимо знать положительные стороны ведения учета в соответствии с МСФО, а также учитывать все препятствия и трудности такого перехода. На рис. 3, 4 представлены данные опроса, в котором участвовали четыре группы респондентов: коммерческие компании, аудиторские фирмы, преподаватели и студенты [2]. Таким образом, были определены основные положительные и отрицательные моменты перехода на МСФО для 2004, 2006 и 2007 гг.

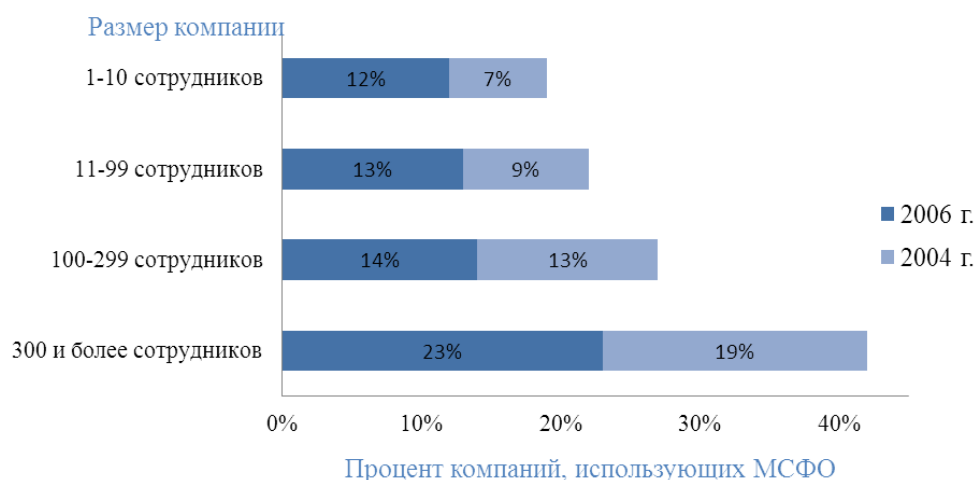

Рис. 1. Процент компаний, применяющих МСФО, в зависимости от размера предприятия в 2004 и 2006 гг.

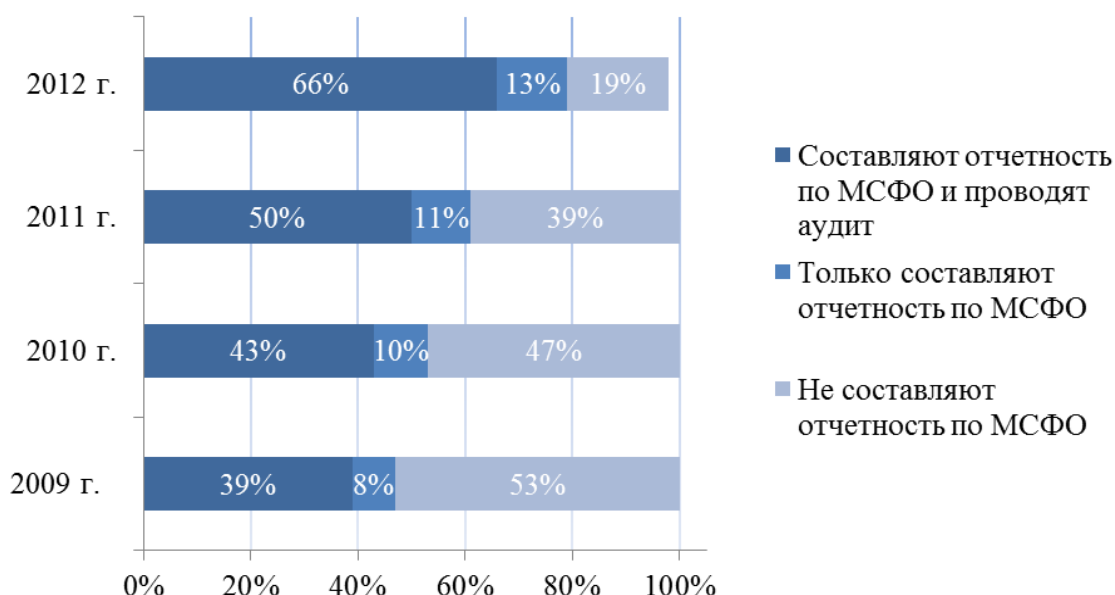

Рис. 2. Подготовка отчетности по МСФО в 2009–2012 гг. среди всех опрошиваемых компаний

Основными причинами и движущими факторами для начала составления финансовой отчетности в соответствии с МСФО в 2004–2007 гг. являются «повышение качества управленческой информации», «увеличение количества инвесторов» и «повышение возможностей для привлечения заемных средств». Такие факторы, как «выход на международный рынок», «простота подготовки отчетности и ее прозрачность» и «быстрота и удобство», оказывали наименьшее воздействие на принятие решений относительно перехода на МСФО в рассматриваемые годы.

Наиболее сдерживающими факторами в 2004–2007 гг. являются необязательность применения МСФО в РФ, а также несоответствие способов и принципов изложения МСФО российским нормам.

Для проведения анализа применения МСФО в РФ в период с 2009 по 2012 г. основной статистической базой выступали исследования, проведенные журналом «МСФО на практике» совместно с аудиторско-

консалтинговой компанией «Бейкер Тилли Русаудит»: «Практика применения МСФО в России в 2009–2011 гг.» и «Практика применения МСФО в России в 2010–2012 гг.» [4].

В исследовании «Практика применения МСФО в России в 2009–2011 гг.» приняли участие более 200 компаний реального сектора. В 2012 г. в опросе приняли участие около 300 российских организаций. Следует отметить, что в исследовании участвовали компании, так или иначе заинтересованные в отчетности по МСФО, поэтому данные относительно числа компаний, уже применяющих МСФО в рассматриваемый период, могут отличаться от аналогичного показателя в целом по России.

Для понимания структуры опрошиваемых компаний они были разделены на группы относительно объема их выручки. В табл. 3 представлены доли опрошиваемых компаний по объему выручки в соответствующие годы.

Рис. 3. Положительные последствия от применения МСФО компаниями в 2004, 2006 и 2007 гг.

Рис. 4. Ограничения для составления финансовой отчетности компаниями в соответствии с МСФО в 2004, 2006 и 2007 гг.

Подавляющее большинство опрошиваемых компаний имело выручку меньше 3 млрд руб. в двух рассматриваемых периодах. Эти компании относятся к сегменту малого и среднего бизнеса. Тем не менее в 2012 г. их доля сократилась на 12%. Процент компаний с выручкой свыше 15 млрд руб. увеличился с 11 до 23% в 2012 г. Доли остальных категорий компаний существенно не изменились в 2012 г. по сравнению с предыдущим рассматриваемым периодом.

Таблица 3
Структура опрошиваемых компаний по размеру выручки, %

Выручка, млрд руб.	2009–2011 гг.	2012 г.
До 3	65	53
От 3 до 6	9	13
От 6 до 15	15	11
Свыше 15	11	23

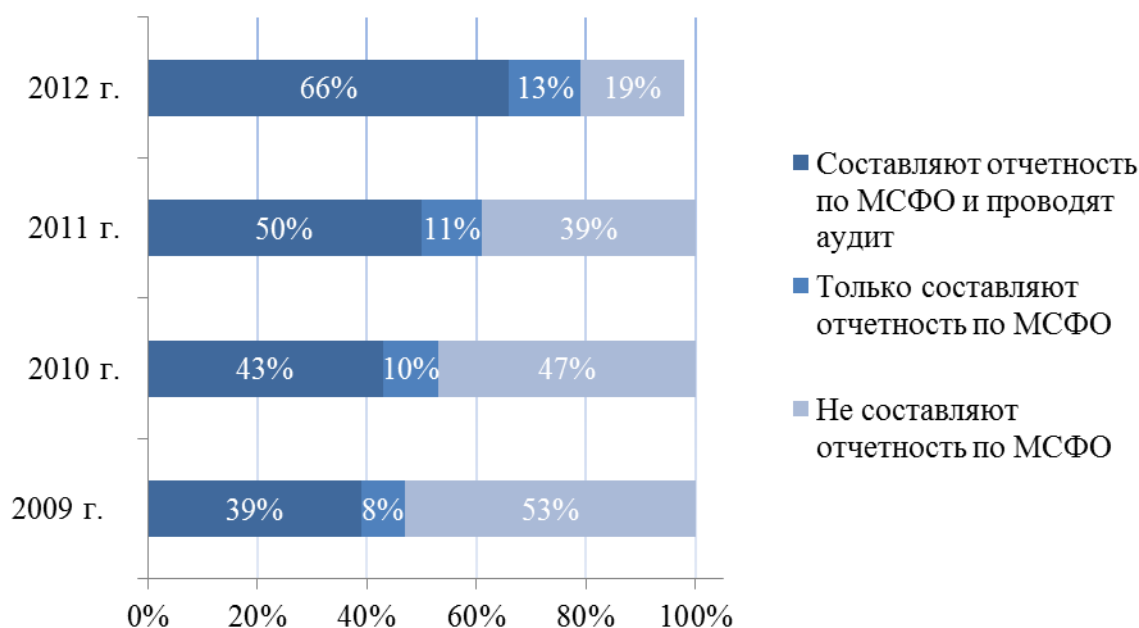

Рис. 5. Подготовка отчетности по МСФО в 2009–2012 гг. среди всех опрошиваемых компаний

Несмотря на то что явно заметна тенденция к увеличению доли компаний, составляющих финансовую отчетность в соответствии с международными стандартами, необходимо определить структуру таких компаний. Для этого сравним две группы компаний относительно применимости норм МСФО в 2009 г. – 2012 гг., различных по объему выручки. Статистическая информация представлена в табл. 4 [4].

Наиболее интенсивно применение МСФО и проведение аудита развиваются среди компаний малого и среднего бизнеса (компании с выручкой менее 3 млрд руб.). Так, в 2012 г. их доля увеличилась больше чем в 2 раза (48%) по сравнению с 2009 г. (21%). Несмотря на это, с 2009 по 2012 г. процент крупных компаний, применяющих МСФО, значительно выше, чем процент компаний малого и среднего бизнеса. Например, в 2012 г. доля крупных компаний превысила на 39% долю компаний с выручкой менее 3 млрд руб.

В среднем для рассматриваемого промежутка времени доля компаний, использующих МСФО, с выруч-

кой менее 3 млрд руб. составляет 40% от компаний с выручкой более 15 млрд руб.

Анализ статистических данных также показал, что с 2004 по 2012 г. увеличивается доля компаний, составляющих отчетность по МСФО. МСФО применяется в большей степени крупными компаниями с выручкой более 15 млрд руб. и наличием более 300 сотрудников. Крупные компании преследуют цель выхода на международные рынки, привлечения дополнительных инвестиций за счет предоставления справедливой, качественной финансовой информации, составленной по МСФО.

Таблица 4
Составление отчетности по МСФО и проведение аудита в компаниях с выручкой менее 3 млрд руб. и более 15 млрд руб. с 2009 по 2012 г., %

Выручка, млрд руб.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Менее 3	21	24	32	48
Более 15	71	81	83	87

В 2004–2007 гг. основные компании, применяющие нормы МСФО в своей финансовой отчетности, были сосредоточены в сфере «финансы и страхование, банковское дело». В 2012 г. крупные АКГ предоставляют услуги по МСФО в большей степени не страховым компаниям и банкам, а коммерческим предприятиям. Возможно, данное изменение связано с тем, что в 2009–2012 гг. наблюдается высокий темп роста компаний среднего и малого бизнеса, которые

начинают составлять отчетность в соответствии с МСФО. При этом по-прежнему существует ряд оснований, негативно сказывающихся на сближении российских стандартов бухгалтерского учета (ПБУ) с МСФО. Прежде всего это большие затраты на подготовку кадров и услуги консультантов, невозможность применять МСФО для целей налогообложения и «инертность мышления» руководителей и бухгалтеров компаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рассказова-Николаева С.А. Нормы МСФО в проектах ПБУ. Комментарии. Практика применения // Материалы семинара, декабрь 2013.
2. Статистические данные проекта «Осуществление реформы бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации». URL: <http://www.minfin.ru/ru/accounting/accounting/basics/monitoring> (дата обращения: 01.09.2014).
3. Данные исследования «Практика применения МСФО в России в 2009–2011 гг.» и «Практика применения МСФО в России в 2010–2012 гг.». URL: <http://www.bakertillyrussaudit.ru> (дата обращения: 01.09.2014).
4. Юр'ева Ю. Практика применения МСФО в России в 2010–2012 годах. Результаты исследования. URL: <http://msfo-practice.ru/article.aspx?aid=288798> (дата обращения: 01.09.2014).
5. Минфин России. Новости. URL: <http://www.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=12188> (дата обращения: 01.09.2014).

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 07 февраля 2015 г.

IFRS INTRODUCTION AS A PREREQUISITE FOR THE ADAPTATION OF THE RUSSIAN ECONOMY TO THE REQUIREMENTS OF THE INTERNATIONAL CAPITAL MARKET

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 178–184. DOI 10.17223/15617793/393/28

Toropova Irina V. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ivs72@bk.ru

Keywords: registration; financial reporting; IFRS; Reformation of Russian Accounting System; Russian Accounting Standards.

Unfortunately, the existing system of accounting and reporting in Russia is under strong fiscal pressure from the tax authorities; thus, it does not provide an adequate assessment of assets and liabilities, timely revision of estimated values, full use of backup methods. Therefore, its improvement and harmonization with international financial reporting standards that began in 1998, became a prerequisite for encouraging investment in the country and improving the quality of enterprise management. IFRS system is recognized worldwide as an effective tool for providing different user groups (managers, owners, investors) with useful and reliable information, allowing to give a correct assessment of the financial position, results of operations, cash flows of the company. In connection with the crisis in the global economy, the problem of improving the qualitative characteristics of financial statements has recently become even more relevant. After the implementation of the principles and approaches of IFRS, we have come to such statements which will allow the user to make reasonable predictions for the future, to give a reliable estimate of the commercial potential and to demonstrate the company's ability to adapt to changes in the environment. The article explains the necessity of rapprochement of the Russian accounting standards with the IFRS system, gives a brief history of the reformation of the Russian accounting standards, marks progress and identifies the problems and shortcomings of IFRS in Russia. Statistical analysis of Russian organizations' transition to IFRS the author carried out showed that from 2004 to 2012 the percentage of companies reporting under IFRS increased. International standards are used in larger companies with revenues of more than 15 billion rubles and staff of more than 300 employees. Still, if at the beginning the main companies applying IFRS standards in their financial statements were concentrated in the area of "finance and insurance, banking", now it is commercial mid-sized companies. The main causes and driving factors for making financial statements in accordance with IFRS, according to the analysis, are improving the quality of management information, increasing the number of investors and increasing the opportunities for borrowing. Factors such as entering the international market, simplicity of reporting and its transparency and speed and convenience has the least impact on decisions regarding transition to IFRS.

REFERENCES

1. Rasskazova-Nikolaeva S.A. *Normy MSFO v proektakh PBU. Kommentarii. Praktika primeneniya* [IFRS standards in Accounting Regulations projects. Comments. Application]. Proceedings of the Seminar, December 2013.
2. Statistical data of the project "Implementation of the reform of accounting and reporting in the Russian Federation". Available from: <http://www.minfin.ru/ru/accounting/accounting/basics/monitoring>. (Accessed: 01.09.2014). (In Russian).
3. Data of the studies "Application of IFRS in Russia in 2009–2011" and "Application of IFRS in Russia in 2010–2012". Available from: <http://www.bakertillyrussaudit.ru>. (Accessed: 01.09.2014). (In Russian).
4. Yur'eva Yu. *Praktika primeneniya MSFO v Rossii v 2010–2012 godakh. Rezul'taty issledovaniya* [Application of IFRS in Russia in 2010–2012. The results of the study]. Available from: <http://msfo-practice.ru/article.aspx?aid=288798>. (Accessed: 01.09.2014).
5. The Ministry of Finance of Russia. *Novosti* [News]. Available from: <http://www.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=12188>. (Accessed: 01.09.2014).

Received: 07 February 2015

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 378

Н.В. Волкова

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ

Рассматриваются некоторые аспекты исследования проблемы становления педагогической деятельности. Формулируются теоретические основания организации процесса становления педагогической деятельности. Выделяются вертикальная и горизонтальная структуры организации процесса. Вертикальная структура представляет этапы и логику становления педагогической деятельности студентов. Горизонтальная структура – условия, средства и результаты, имеющие особенности на каждом этапе становления педагогической деятельности. В работе сформулирован результат организации первого этапа становления педагогической деятельности в подготовке, которым является актуализация предметности педагогической деятельности.

Ключевые слова: организация; становление; педагогическая деятельность; подготовка; студенты; образовательное событие.

Анализ теории и практики показывает, что на сегодняшний день основная задача педагогического вуза (и предмет исследований) – подготовка к педагогической деятельности, а это значит, что задача становления самой деятельности не является актуальной в деятельности педагогического вуза.

В этой связи можно констатировать, что изменения в современном высшем профессиональном педагогическом образовании обострили ряд противоречий в подготовке студентов педагогических вузов к педагогической деятельности:

- между новыми требованиями в подготовке студентов к педагогической деятельности и прежними подходами к её содержанию и организации;

- необходимостью становления педагогической деятельности и ориентацией на подготовку и (как результат) готовность к педагогической деятельности;

- прежними подходами к подготовке студентов к педагогической деятельности и отсутствием научно обоснованной концепции становления педагогической деятельности;

- сложившимися представлениями о содержании подготовки (как готовности) к педагогической деятельности и необходимостью ориентации на становление педагогической деятельности как содержание и организацию подготовки;

- сложившимися формами подготовки к педагогической деятельности, характерными для трансляционной модели организации образования, и необходимостью реализации компетентностного подхода для становления педагогической деятельности.

Преодоление выявленных противоречий обусловило постановку проблемы исследования, которая заключается в необходимости становления педагогической деятельности в подготовке студентов. Исследование проблемы становления педагогической деятельности в подготовке студентов позволило зафиксировать следующие ее аспекты:

- необходимость изменений в подготовке к педагогической деятельности;

- подготовка студентов к педагогической деятельности связывается с формированием готовности к ней, но не с открытиями, смыслами, отношениями;

- обоснование подготовки как становления педагогической деятельности;

- выделение и обоснование образовательных событий как условия становления педагогической деятельности;

- обоснование влияния образовательных событий на качество подготовки к педагогической деятельности.

Для решения проблемы становления педагогической деятельности в подготовке студентов были выделены теоретические основания:

- *Педагогическая деятельность в подготовке студентов* – процессуальное понятие, она не может быть заданной и присвоенной студентами как данное, «застывшее». Педагогическая деятельность открывается, порождается, становится в процессе подготовки студентов.

- *Процесс становления педагогической деятельности* – это открытие студентами предметности педагогической деятельности; порождение личностных смыслов педагогической деятельности; формирование ценностно-смысловых отношений; накопление и обогащение опыта личных действий; порождение рефлексии в педагогической деятельности.

- *Становление педагогической деятельности* для студента является образовательным процессом, поскольку, участвуя в процессе становления, будущий педагог образует личностные смыслы, личное отношение к педагогической деятельности.

- *Образовательные события* выступают условием становления педагогической деятельности, поскольку (как показывает эмпирическое исследование) именно в образовательных событиях студент открывает предметность педагогической деятельности, её смыслы. В результате феноменологического анализа Гуманитарной школы установлено, что определённая организация взаимодействия участников совместной деятельности, их вовлечённость в организацию такого рода деятельности может выступать *образовательным событием* для её участников.

- *Событийное проектирование* выступает средством организации образовательных событий. Мы вводим понятие «событийное проектирование» с це-

лью различения с понятием «педагогическое проектирование» и выделения особенностей первого. Характеристиками (особенностями) событийного проектирования выступает совместная деятельность участников, вовлечённость участников в эту деятельность, инициирование своих действий, выбор позиции участия в деятельности; рефлексия собственной образовательной деятельности.

– *Результатом* становления педагогической деятельности студентов выступает изменение качества подготовки студентов. Качество подготовки характеризуется: изменениями представлений и отношения студентов к предметности педагогической деятельности; открытием личных смыслов педагогической деятельности; порождением опыта личного действия; порождением рефлексии в педагогической деятельности.

Теоретические основания исследования, эмпирический анализ [1] позволяют предположить, что подготовка студентов должна быть организована как становление педагогической деятельности. Мы попытались представить процесс *организации становления педагогической деятельности* вертикальной и горизонтальной структурами. Вертикальная структура отражает последовательность (этапы, логику) становления педагогической деятельности в процессе подготовки студентов. Горизонтальная структура – условия, средства, результаты становления педагогической деятельности в подготовке.

Вертикальная структура организации становления педагогической деятельности. Традиционно в подготовке студентов к педагогической деятельности логика построения учебных курсов по педагогике имеет линейный характер. Дисциплина «Педагогика» относится к базовой части профессионального цикла ООП. Профильной для данной дисциплины является педагогическая профессиональная деятельность бакалавров. В соответствии с учебным планом по направлению подготовки 050100.62 «Педагогическое образование» дисциплина Б. 3.1.3 «Педагогика» изучается в течение 4 семестров и включает в себя следующие учебные модули: 1-й курс, 1-й семестр – «Введение в педагогическую деятельность. Теория обучения»; 2-й курс, 3-й семестр – «Теория и методика воспитания. Социальная педагогика»; 2-й курс, 4-й семестр – «Педагогические технологии. Управление педагогическими системами»; 3-й курс, 5-й семестр – «История педагогики и педагогической мысли». Кроме того, учебный план по направлению «Педагогическое образование» включает три (6, 8, 9-й семестры) производственные (педагогические) практики. На наш взгляд, данная логика освоения педагогических дисциплин не учитывает содержание (характеристики) педагогической деятельности, не включает такую форму организации взаимодействия студентов, как образовательные события, а потому не способствует становлению педагогической деятельности в подготовке студентов педагогического вуза.

В контексте исследования проблемы становления педагогической деятельности мы изменили линейную логику построения педагогических дисциплин по направлению подготовки «Педагогическое образова-

ние». В образовательный процесс были введены: семестровые сессии Гуманитарной школы (образовательные события); проектирование в рамках самостоятельной работы студентов; «сопровожающий» курс «Событийное проектирование» (к учебному модулю «Педагогические технологии», 3-й курс); «обобщающий» курс для студентов 5-го курса «Педагогическая деятельность: предметность, смыслы, личный опыт»; студенческая научно-исследовательская лаборатория «Методология проектного обеспечения образовательной практики».

В основание логики, этапов подготовки студентов мы полагаем те характеристики педагогической деятельности, которые актуализируются у студентов под влиянием образовательных событий и характеризуют становление педагогической деятельности [1]. На каждом этапе становления педагогической деятельности ведущей выступает какая-то одна характеристика педагогической деятельности, порождаемая образовательной событийностью. Другие характеристики являются «сквозными», сопровождающими, например: опыт личных действий, порождение рефлексии в педагогической деятельности, ценностно-смысловые отношения, личностные смыслы. На каждом последующем этапе становления уже проявившиеся характеристики педагогической деятельности обогащаются, расширяются; приобретают характер полных, обобщённых.

Этапы становления педагогической деятельности:

1-й этап – актуализация предметности педагогической деятельности студентами-первокурсниками. Целью 1-го этапа становления педагогической деятельности выступает формирование представлений студентов о предметности педагогической деятельности, порождение первого опыта личных действий.

Результаты эмпирического исследования показали, что образовательное событие изменяет (открывает) предметность педагогической деятельности [1]. В исследовании доказывается, что предметом подготовки к педагогической деятельности становится не изучение теоретических курсов, а сам студент, его место в педагогическом образовании; «ребёнок», которого ему открывает образовательное событие, совместный характер деятельности.

Одной из задач экспериментальной работы является организация не только локальных образовательных событий, но и учебных курсов как образовательных событий в подготовке студентов. При этом в организации учебных курсов, модулей сохраняются характеристики образовательного события. Основным средством организации образовательных событий в учебном процессе выступает событийное проектирование в самостоятельной работе. Именно такая организация образовательного процесса позволяет уже на 1-м курсе включить студента в совместную образовательную деятельность (преподаватель, студент, дети), в которой и происходит актуализация предметности педагогической деятельности.

Для студентов-первокурсников началом становления педагогической деятельности, предваряющим учебные курсы по педагогике, становится образова-

тельное событие – «Встреча с педагогической деятельностью».

Далее первокурсники осваивают учебный курс, состоящий из двух модулей «Введение в педагогическую деятельность. Теория обучения». Задачей курса традиционно выступает формирование теоретических представлений о педагогической деятельности. Мы же в своём исследовании формируем у студентов-первокурсников и практические представления о педагогической деятельности на семестровом образовательном событии; в самостоятельной работе, организованной как событийное проектирование.

Задачу закрепления теоретических представлений о педагогической деятельности и начала открытия предметности педагогической деятельности решает организация следующего (во 2-м семестре) образовательного события для студентов-первокурсников. Вместе с тем образовательное событие, включая студентов в совместную образовательную деятельность, порождает опыт личного действия.

Для студентов-первокурсников учебный год начинается и заканчивается образовательными событиями, которые (во взаимосвязи с учебным курсом «Введение в педагогическую деятельность. Теория обучения») актуализируют у студентов предметную природу педагогической деятельности. При этом актуализацию предметности педагогической деятельности студентами-первокурсниками на 1-м этапе становления педагогической деятельности можно охарактеризовать как трудную, неполную, избирательную. Результатом актуализации можно считать открытие совместной деятельности как предмета педагогической деятельности.

2-й этап – порождение личного отношения к предметности педагогической деятельности, порождение рефлексивного отношения к педагогической деятельности, расширение опыта личных действий. Целью второго этапа становления выступает порождение личного отношения к предметности педагогической деятельности.

Личное отношение студента к предметности педагогической деятельности порождается в процессе рефлексии педагогической деятельности. При этом рефлексивные умения у студентов формируются в процессе анализа их включенности как в организацию событийного проектирования в рамках самостоятельной работы при изучении учебного курса, состоящего из двух модулей «Теория и методика воспитания. Социальная педагогика», так и в организацию семестрового образовательного события.

На втором курсе продолжается формирование представлений (знаний, умений) о педагогической деятельности, её реализации в процессах воспитания в рамках учебных модулей «Теория и методика воспитания. Социальная педагогика». С позиций гуманитарного подхода основой педагогической деятельности в области воспитания выступает диалогическое взаимодействие между педагогом и воспитанником. Потому задачей образовательного события, завершающего освоение модуля, является формирование личного отношения к предметности педагогической дея-

тельности (дети, совместный характер деятельности). Критерием выступает диалогический характер взаимодействия. «Диалогическое» взаимодействие выстраивается между участниками образовательного события в ходе организации совместной деятельности и при организации событийного проектирования в самостоятельной работе студентов. Вместе с тем происходит расширение опыта личного действия (личных отношений, включённости в совместную деятельность, смены позиций участник – организатор). Необходимо подчеркнуть, что опыт личного действия – характеристика педагогической деятельности, которая является «сквозной» в становлении педагогической деятельности студента в подготовке.

3-й этап – открытие личных смыслов педагогической деятельности. На третьем курсе у студентов продолжают расширяться предметности педагогической деятельности, развитие рефлексивного отношения к педагогической деятельности, обогащение опыта личных действий, в целом становление педагогической деятельности. Вместе с тем усиливается практическая её составляющая. В контексте учебного модуля «Педагогические технологии» студенты овладевают методами, приёмами, средствами осуществления педагогической деятельности. В ходе освоения учебного модуля педагогу (преподавателю) необходимо акцентировать внимание на таких педагогических технологиях, которые помогают студенту открывать педагогическую деятельность (её предметность) и получать новое знание о ней. Эмпирическое исследование показало, что эти задачи продуктивно решают технология педагогического проектирования и рефлексивные технологии («кейс-стади»). Технология педагогического проектирования формирует умения студентов по организации взаимодействия педагога и воспитанника. Поскольку эмпирическое исследование показало значимость проектирования (эффекты и результаты) в становлении педагогической деятельности, мы сочли необходимым введение специального «сопровождающего» учебного модуля (курса по выбору) «Событийное проектирование». Основная задача учебного модуля – научить студентов организовывать совместную деятельность педагога и воспитанника в контексте проектирования как события. Именно через внутренние переживания посредством рефлексии студент открывает личные смыслы педагогической деятельности как центральную характеристику становления педагогической деятельности. Кроме того, студент через рефлексию собственной педагогической деятельности получает новое знание о педагогической деятельности.

Становление педагогической деятельности студента в подготовке разворачивается через включённость студента в практическую педагогическую деятельность в 4-м семестре на семестровом образовательном событии и летней педагогической практике. Летняя педагогическая практика студентов педагогического вуза проходит в летних детских оздоровительных лагерях. Данная практика – первая из трёх по учебному плану (4-й семестр, направление «Педагогическое образование»). Основной задачей и характе-

ристикой содержания педагогической деятельности педагогической практики в контексте становления педагогической деятельности выступает расширение опыта личных действий.

Обогащённый к 4-му курсу опыт личных действий, личного отношения к педагогической деятельности, рефлексия педагогической деятельности позволяют студенту открывать личные смыслы педагогической деятельности.

4-й этап – порождение ценностно-смысловых отношений в контексте педагогической деятельности, обогащение личных смыслов педагогической деятельности, расширение предметности педагогической деятельности, формирование рефлексивного отношения к педагогической деятельности, расширение опыта личных действий. Порождение ценностно-смысловых отношений происходит на педагогической практике студентов 4-го курса (8-й семестр) в образовательных учреждениях города и села. Кроме того, педагогическая практика расширяет и обогащает опыт личных действий студентов.

Основной задачей учебного модуля (по учебному плану направления подготовки «Педагогическое образование») «Управление педагогическими системами» в контексте становления педагогической деятельности выступает расширение и получение нового знания о педагогической деятельности (управленческий аспект).

Задачу расширения знания, в частности сравнительный анализ собственного знания о педагогической деятельности и исторического знания о педагогической деятельности, решает учебный модуль «История образования и педагогической мысли». В результате освоения учебного модуля (посредством педагогической рефлексии) студент получает новое знание о педагогической деятельности (исторический аспект).

Теоретические знания о педагогической деятельности, открытие предметности педагогической деятельности, открытие личных смыслов педагогической деятельности, опыт ценностно-смысловых отношений, опыт личных действий выступают основанием выполнения студентами 4-го курса курсового проектирования по педагогике. Главной задачей курсовых работ выступает формирование исследовательской компоненты в становлении педагогической деятельности в подготовке студента.

Образовательное событие (по окончании 8-го семестра) создаёт условия (проектирование, инициирование педагогической деятельности, рефлексия) для обогащения личных смыслов педагогической деятельности. Вместе с тем студенты, включаясь в организацию и проведение образовательного события, расширяют опыт личных действий.

5-й этап – обогащение личных смыслов педагогической деятельности, расширение предметности педагогической деятельности, развитие рефлексивного отношения к педагогической деятельности, расширение опыта личных действий происходят на итоговой педагогической практике студентов в образовательных учреждениях города и села. По окончании итоговой педагогической практики (5-й курс, 9-й семестр) в

подготовку студентов бакалавриата включён обобщающий учебный модуль (курс по выбору) «Педагогическая деятельность: предметность, смыслы, личный опыт». Именно в контексте данного учебного модуля разворачивается глубокая итоговая рефлексия становления педагогической деятельности студента за период подготовки. Ведущей стратегией выступает рефлексивная деятельность студентов. В исследовании доказано, что именно рефлексия через личные переживания проявляет личные смыслы педагогической деятельности будущего педагога.

Дипломное проектирование по педагогике (10-й семестр) выступает аналитическим обобщением, в котором студент демонстрирует знания о педагогической деятельности, понимание предметности, опыт личных действий, личное отношение и личные смыслы педагогической деятельности.

Горизонтальная структура организации становления педагогической деятельности – это совокупность условий, средств, результатов становления педагогической деятельности в подготовке студентов. Ведущим условием становления педагогической деятельности на всех этапах подготовки выступает организация образовательных событий. На каждом из этапов подготовки организация образовательных событий обеспечивается (характерными для каждого этапа) условиями, средствами и имеет свои результаты. В статье представлена горизонтальная структура *1-го этапа – актуализации предметности педагогической деятельности студентами 1-го курса*.

Кроме ведущего условия (организация образовательных событий), на первом этапе становления педагогической деятельности мы выделяем в качестве условия вовлечённость студентов в совместную деятельность в образовательном процессе.

Целью первого этапа становления педагогической деятельности является формирование представлений студентов о предметности педагогической деятельности, порождение первого опыта личных действий.

Средствами выступают локальные образовательные события (семестровые сессии Гуманитарной школы), событийное проектирование в самостоятельной работе студентов, рефлексия собственной педагогической деятельности.

Образовательное событие «Гуманитарная школа». Гуманитарная школа была образована автором настоящего исследования при филологическом факультете Бийского государственного педагогического университета в 2005 г. [1]. Реконструкция опыта жизнедеятельности Гуманитарной школы позволила определить её как образовательное событие. На основании результатов эмпирического исследования нами сформировано понятие «образовательное событие».

Во-первых, образовательное событие мы понимаем как определённым образом организованное участие (вовлечённость) в совместной деятельности, открывающее (ребёнка, «себя», совместную деятельность, «себя» в профессии), порождающее действия по созданию (личного отношения студентов к педагогической деятельности; сильных переживаний), как участие в создании «нового».

Во-вторых, мы установили, что образовательное событие «открывает» педагогическую профессию. Образовательное событие является началом открытия педагогической предметности через погружение в эту предметность и рефлексию своего образования, оценку подготовки в этой области.

В-третьих, исследование показало, что только такие формы, как образовательное событие, помогают понять дефицит профессионального образования как дефицит «встречи» с педагогической деятельностью.

На первом этапе становления педагогической деятельности Гуманитарная школа (далее – семестровое образовательное событие) проводится в начале первого семестра. Тема первого для студентов-первокурсников образовательного события «Встреча с педагогической деятельностью». Целью выступает формирование представлений студентов о предметности педагогической деятельности, порождение первого опыта личных действий, рефлексивного отношения к педагогической деятельности. Содержанием образовательного события стала совместная деятельность всех участников по созданию и реализации проекта «Путешествие в страну Педагогику». Образовательное событие заканчивается рефлексией первого опыта вовлечённости студентов в педагогическую деятельность. Результат первого образовательного события – открытие совместной деятельности как предмета педагогической деятельности, порождение первого опыта личных действий, рефлексивного отношения к педагогической деятельности.

За образовательным событием следует включённость бакалавров-первокурсников в процесс освоения первого педагогического учебного курса, состоящего из двух учебных модулей («Введение в педагогическую деятельность. Теория обучения»). Традиционно задачами учебного курса выступает формирование теоретических представлений студентов о педагогической деятельности и теоретических основаниях теории обучения. Мы (в контексте исследования) расширили задачи, включив актуализацию предметности педагогической деятельности. Средством решения «новой» задачи стало *событийное проектирование в самостоятельной работе*.

Что собой представляет «событийное проектирование в самостоятельной работе» по освоению учебной дисциплины «Введение в педагогическую деятельность. Теория обучения»?

Особенность организации указанных учебных модулей заключается в изменении способов их организации в контексте образовательных событий. Это означает:

- организацию учебных модулей через проектную деятельность в самостоятельной работе (внеаудиторная проектная деятельность в образовательных учреждениях города);
- вовлечённость студентов в совместную деятельность;
- организацию рефлексивной деятельности.

В самостоятельной работе студентов при освоении учебных курсов по педагогике важно проектирование рассматривать как форму организации самостоятель-

ной работы. При этом удерживать в понимании самого проектирования три базовых линии:

- замысливание проекта как коммуникации (коммуникативная деятельность, совместная деятельность) в событийных формах;
- проектирование как способ решения «самим собой» поставленных задач, отрабатываемых в коммуникации (при этом все проекты сосредоточены вокруг подготовки события);
- рефлексивная линия в анализе проектной деятельности студентов.

Что такое проектирование как событие? Мы рассматриваем проект как процесс созидания. Участник проектирования (студент) начинает относиться к самому себе не как к «передатчику» каких-либо знаний, а как к тому, кто создаёт. Проект – это превращение опыта в деятельность. Проект – это действие, а проектирование – деятельность.

Проектирование надо рассматривать событийно, т.е. образовательно. Поэтому очень важен предмет проектирования. Педагогическая дисциплина на 1-м курсе для студентов бакалавриата (по направлению подготовки «Педагогическое образование») состоит из трех модулей. По каждому из учебных модулей в рамках самостоятельной работы студенты-первокурсники разрабатывают проекты, связанные с задачами, учебным содержанием модуля и общей задачей первого этапа становления педагогической деятельности – актуализацией предметности педагогической деятельности.

Самостоятельная работа студентов в учебном модуле «Введение в педагогическую деятельность» организуется через образовательные проекты «Учитель», «Детство как самоценный период развития ребёнка»; в учебном модуле «Теория обучения» – через образовательный проект «Урок как основная форма обучения». Важно, что при этом сохраняется одна предметность – новый тип отношений в совместной деятельности. Не принципиально, где и на каком содержании осуществляются проекты и что их объединяет. Критерий, объединяющий все проекты учебного курса, – совместный характер организации проектной деятельности. При этом принципиально важно удерживать при организации проектной деятельности характеристики образовательного события: открытие, порождение, новый опыт.

Важным средством актуализации предметности педагогической деятельности на первом этапе становления педагогической деятельности выступает рефлексия. Рефлексия является основой педагогического проектирования на всех его этапах: от замысливания цели до получения и анализа результата, что может быть представлено в виде следующей цепочки: цель педагогической деятельности – рефлексивный анализ ситуации – выбор, проектирование и конструирование средств педагогической деятельности на основе рефлексии на адекватность этих средств поставленной цели – реализация проекта – рефлексия на различие проекта и реализации (цели и результата). Первая для студентов-первокурсников рефлексия осуществляется посредством написания студентами рефлексивных текстов (сочинений, эссе). Именно в процессе

рефлексии осмысливается первый собственный педагогический опыт, порождаются способы личного действия, актуализируется совместный характер деятельности как предметность педагогической деятельности.

Результат организации становления педагогической деятельности (и по горизонтали и по вертикали)

на первом этапе единый – открытие совместной деятельности как предмета педагогической деятельности. Общим результатом организации становления педагогической деятельности в подготовке является изменение качества подготовки студентов к педагогической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Н.В. Влияние образовательных событий на становление педагогической деятельности в процессе подготовки студентов / Алтайская гос. академия образования им. В.М. Шукшина. Бийск : ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. 276 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 23 февраля 2015 г.

ORGANIZATION OF ESTABLISHING PEDAGOGICAL ACTIVITY IN STUDENTS' EDUCATION

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 185-190. DOI 10.17223/15617793/393/29

Volkova Natalya V. The Shukshin Altai State Academy of Education (Biysk, Russian Federation). E-mail: VolkovaNVI@yandex.ru

Keywords: organization; establishment; pedagogical activity; education; students; educational event.

The article dwells upon the aspects of investigating the problem of the pedagogical activity establishment. The author presents some results of the formative experiment on the establishment of pedagogical activity in students' training. The article singles out the contradictions in the preparation of the students of pedagogical institutions to their pedagogical activity. The theoretical basis of the process of establishing the pedagogical activity in students' preparation is formulated. It is supposed that students' preparation to the pedagogical activity should be organized as the establishment of pedagogical activity. The author marks out the characteristics of pedagogical activity which are actualized under the influence of educational events and define the establishment of pedagogical activity. The author's definition of the notion "educational event" is given. It is understood as the major requirement of the pedagogical activity establishment in students' education. The author of the article presents the process of pedagogical activity organization as vertical and horizontal structures. A vertical structure reflects the consistency (stages, logic) of establishing pedagogical activity in education. The author singles out and gives the general characteristics of the stages of pedagogical activity establishing: the first stage of the actualization of the pedagogical activity objectness; the second stage of the generation of personal attitude to the pedagogical activity objectness; the third stage of the personal sense discovery in pedagogical activity; the fourth stage of the generation of axiological and meaningful relations in the context of pedagogical activity; the fifth stage of the enrichment of personal senses of pedagogical activity. Educational events, projection in the students' individual work, reflection of personal pedagogical activity serve as means of pedagogical activity establishment. The article substantiates the general result of the organization of pedagogical activity establishment in education, which is the change of the quality of students' preparation to the pedagogical activity.

REFERENCES

1. Volkova N.V. *Vliyaniye obrazovatel'nykh sobytiy na stanovleniye pedagogicheskoy deyatel'nosti v protsesse podgotovki studentov* [Influence of educational events on the development of teaching activities in the course of students' education]. Biysk: Shukshin Altai State Academy of Education Publ., 2014. 276 p.

Received: 23 February 2015

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛЖИ

Осуществляется попытка решения проблемы выявления специфики закономерностей распознавания лжи с учетом теории психологических систем и транстемпорального подхода. Проанализированы противоречия в выявлении закономерностей распознавания лжи в истории исследований. Кратко описаны результаты тренингов, направленных на развитие способностей распознавать обман. Лжец и изобличитель представлены как психологические системы, избирательно взаимодействующие между собой. Утверждается важность системной детерминации в изучении феномена лжи. Подчеркивается значимость темпоральностей в процессе распознавания обмана, а также условий и ситуации как важнейших детерминант процесса распознавания лжи. Выделяются смыслы, в частности динамическая смысловая структура поведения лжеца в сознании изобличителя и эксперта. Описывается подход к выявлению специфики распознавания обмана через динамику соответствия смысловых сфер изобличителя, эксперта и лжеца. Представлен феноменологический подход как метод исследования феномена лжи

Ключевые слова: ложь; психологическая система; темпоральность; избирательное взаимодействие; смысл; динамика соответствия смыслов; феноменологический метод.

В изучении проблемы достоверности распознавания лжи ученые дошли до определенного предела, который требует выработки нового подхода. Этот предел выражается в том, что попытки выявить устойчивые закономерности в процессе распознавания лжи приводят к выводам, что выявление устойчивых закономерностей практически не возможно. Вероятно, мы имеем дело с особой динамикой – динамикой становления, обновления, саморазвития. В данной статье отражены результаты теоретического анализа проблемы специфичности закономерностей распознавания лжи и гипотезы об этой специфике с позиций теории психологических систем [1. С. 163] и транстемпорального подхода [2. С. 182].

Актуальность данной темы определяется тем, что феномен лжи или обмана не только регулярно встречается в нашей повседневной жизни, но в современную эпоху становится важным фактором экономического и социального взаимодействия. В этой связи понимание специфики закономерностей распознавания лжи имеет существенное значение в решении задачи по выявлению этих закономерностей.

Исследования ученых двадцатого столетия показывают, что ложь «является заурядным, повседневным событием» [3. С. 26]. Так Б. Де Паула, один из ведущих исследователей процесса распознавания лжи, показала, что участники ее исследования в среднем лгали два раза в день. Чаще обман проявлялся во взаимодействии с незнакомыми или малознакомыми людьми, реже с теми, кто находился в отношении эмоциональной близости с испытуемым [Там же. С. 23].

Психологические исследования лжи или обмана составляют недолгую, но уже достаточно богатую историю. Исследования профессиональной детекции лжи посредством специальной аппаратуры типа «полиграф» начинаются, как отмечает Дж. Хэссет, «с конца 20-х – начала 30-х гг. XX в., когда были сконструированы первые детекторы лжи на основе регистрации нескольких физиологических параметров» [4. С. 165]. Впервые же идею распознавания обмана на основе физиологических параметров высказал Ч. Ламброзо в 90-х гг. XIX в. [Там же]. Исследования способности распознавать ложь непосредственно изобличителем начинаются с работ П. Экмана в начале 70-х гг. XX в.

Прежде чем мы сформулируем свою точку зрения и представим основные проблемы исследований распознавания обмана, обозначим то, как понимается и определяется собственно феномен лжи современными учеными. Следует сразу отметить, что ложь и обман не имеют достаточно точного и достоверного научного определения. Все определения дискуссионны и относительно к теории и подходу. Наиболее принятое в научном сообществе определение, которое чаще всего встречается в научной литературе по данной проблематике, принадлежит П. Экману. Он определяет обман или ложь «как действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [5. С. 13]. Автор этого определения считается пионером исследования в данной области, его определение указывает существенные признаки обмана. Некоторые отечественные и зарубежные исследователи подчеркивают необходимость разведения понятий лжи и обмана для более точного понимания личностных и процессуальных характеристик лжи [6. С. 2].

Исторический анализ исследований распознавания лжи позволяет выделить общее, что объединяет эти исследования, и сформулировать основные проблемы исследования процесса распознавания обмана. Началом работ по исследованию процессов распознавания лжи людьми без помощи аппаратуры считаются работы П. Экмана. В начале 70-х гг. XX в. им были изучены разнообразные детерминанты точности распознавания обмана. Он исследовал ситуативные условия, личностные особенности лжеца и изобличителя. Были выделены основные области индикации точности распознавания обмана, такие как речь, лицевая экспрессия, жесты, физиологические реакции. Основным вывод, к которому приходит П. Экман, можно сформулировать следующим образом: закономерности процесса распознавания лжи отсутствуют, так как люди в основной своей массе распознают обман на уровне случайного угадывания, но существуют определенные категории людей, например представители специальных служб разведки, точность процесса распознавания лжи которых стремится к вероятности в 80%, а в некоторых случаях к 90%.

Исследования гендерных различий Б. де Паулы и ее коллег в 80–90-х гг. XX в., показало, что и в этом случае мы сталкиваемся с распознаванием лжи на уровне случайного выбора точного ответа [3. С. 35]. Показателен в этом смысле обобщающий анализ Р. Крауга [7], который приводит результаты исследований по распознаванию лжи, проводимых до 80-х гг. XX в., и констатирует, что средняя вероятность распознавания обмана определяется оценкой в 56,7%.

Исследования О. Фрая на примере представителей разных этносов и социальных категорий людей показали, что представители некоторых этносов точнее распознают ложь по невербальным сигналам по сравнению с другими этносами. Те же самые невербальные индикаторы выступают в качестве существенных признаков распознавания обмана для лиц, отбывающих или отбывших наказание в тюрьме [3. С. 75]. Он также приводит результаты исследований работников ФБР, распознавания лжи которых стремятся к 100-процентной вероятности. Тем не менее обобщающий вывод О. Фрая можно сформулировать следующим образом: оценка точности распознавания лжи стремится к 57% для основной массы исследований. Как и П. Экман, он отмечает, что существуют отдельные категории людей, например разведчики и психотерапевты, которые определяют обман статистически достоверно. Возрастные различия существенным условием точности распознавания лжи не являются для основной массы исследований [3. С. 115]. Хотя имеются результаты отечественных исследований, иллюстрирующие возрастную динамику точности и адекватности распознавания лжи [8].

Пласт отечественных исследований процесса распознавания лжи, как отмечает Ю.В. Черкасова, не велик и в основном разрабатывался в отношении различных контекстов, например контекстов межличностного восприятия, эмоций, распознавания личностных качеств и свойств, и представлен в трудах В.В. Знакова, Ю.М. Жукова, В.К. Вилюнаса и др. Так, Е.С. Черкасова пишет, что «на данный момент времени дефицит научной разработанности в российской науке исследований, посвященных психологии лжи, очевиден. Об этом свидетельствует разница в количестве публикаций в зарубежных и отечественных источниках. В отечественной науке причины этого явления очевидны: в предельно политизированном советском обществе не могли быть опубликованы результаты научных исследований, которые доказывали, что советский человек может быть неправдивым, нечестным, лживым и лгушим. Поэтому в российской науке до сих пор нет ответа на простой и очевидный вопрос о существовании каких-либо различий между психологическим содержанием лжи, лживости, неправды, обмана, социальной желательности или это просто синонимы. Данное непонимание возникает у любого, кто обращается к подобной тематике» [6. С. 4].

На фоне таких неоднозначных результатов исследования распознавания обмана изобличителями осуществляются попытки сконструировать методику обучения распознавания обмана. Как отмечает О. Фрай, во всех подобных тренинговых сессиях ис-

пользовались по крайней мере три различные процедуры. Некоторые включали «процедуру фокусинга», в которой наблюдателей просили обращать внимание на специфические поведенческие сигналы и игнорировать другие. Другие исследователи использовали «информационную процедуру» и сообщали участникам тренинга о фактических взаимосвязях между конкретными формами поведения и обманом [3. С. 65]. Наконец, использовалась «процедура обратной связи». Например, в тренинговых сессиях О. Фрай обеспечивал наблюдателей обратной связью о результатах после каждого просмотренного видеоролика или видеоряда [Там же. С. 127]. Кроме этого, использовались попытки сочетания типов процедур. Обобщая результаты этих тренингов, можно сделать следующий вывод: эффект обучения был весьма ограничен и стремился в среднем к 57%, но тот же автор указывает, что «во-первых, наблюдалась тенденция к развитию способности, во-вторых, такие тренинговые сессии были непродолжительными по времени и, в-третьих, от некоторых “процедур” наблюдался обратный эффект незначительной регрессии, на примере полицейских по сравнению с результатами обучения студентов-психологов» [Там же. С. 128].

Другие авторы, такие как Р. Булл, вообще ставят под сомнение тренинг такого рода, считая, что всякий такой тренинг неэффективен, а попытки их продвигать связаны с заинтересованностью определенных лиц [Там же. С. 42].

Таким образом, опираясь на результаты работ в этой области исследования, можно сформулировать следующие основные выводы: 1) закономерности распознавания лжи в общей массе исследований не выявляются, так что люди распознают обман случайным образом; 2) ни гендерные, ни возрастные, ни профессиональные (за исключением некоторых профессий) различия не являются условиями точного распознавания обмана; 3) существуют отдельные исследования, в которых участвовали определенные категории людей (разведчики, психотерапевты, заключенные), в которых закономерности обнаруживаются; 4) тренинговые сессии, направленные на развитие способности распознавать ложь, продемонстрировали свою неэффективность, но некоторые авторы, например О. Фрай и П. Экман, отмечают важность создания таких программ развития способности распознавать обман «даже если эффект от таких программ увеличит наши способности хотя бы на 1%» [5. С. 123].

Таким образом, одна часть ученых, например Р. Булл, отмечает, что развитие способностей распознавать ложь не имеет под собой оснований, так как закономерности не выявляются. Другая часть утверждает, что есть тенденции к развитию таких способностей, и признает факт существования закономерностей в распознавании обмана, но признает и очень небольшую вероятность их достоверного выявления.

Мы считаем, что такое положение дел в решении проблемы выявления специфики закономерностей распознавания лжи определяется методологическими основаниями и подходами, в рамках которых осуществляется поиск этих закономерностей. В основной массе исследований, основанных на классическом

понимании психологических процессов (причинной детерминации), в качестве предметов изучения предполагаются личностные характеристики лжеца, или изобличителя («внутренние условия»), или ситуативные обстоятельства (внешние условия). При этом не учитывается аспект развития и саморазвития как человека, так и ситуации его существования в измерении взаимодействия лжеца и изобличителя. Кроме того, мы часто наблюдаем исследования, построенные на предположении о том, что информативным является контроль воздействия на изобличителя на входе и контроль его мнения на выходе. Мы считаем, что это слишком мелкий масштаб, поскольку ситуация распознавания лжи распространяется психологически гораздо дальше, чем только «вопрос-ответ». В таких случаях не учитывается, как отмечают В.Е. Ключко и Э.В. Галажинский, «системная детерминация» [9. С. 92].

Мы предполагаем, что специфику закономерностей распознавания лжи следует выявлять с учетом сложного взаимодействия детерминант различных уровней, определяющих устойчивость саморазвития психологической системы. В теории психологических систем человек определяется как открытая самоорганизующаяся, саморазвивающаяся система [10. С. 89]. Именно в обеспечении такой открытости и состоит роль психики. Соответствие, как пишут В.Е. Ключко и Э.В. Галажинский, «выступает в качестве причины любого взаимодействия» [9. С. 73]. Избирательный характер взаимодействия выражает особенность психики, о которой Л.С. Выготский писал, что «психика есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его, так чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении, а в том чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно искажать действительность в пользу организма» [11. С. 347]. Существенными условиями самоорганизации и саморазвития человека, в результате которых происходит становление многомерного мира человека, выступают специфические новообразования.

В нашем случае в процессе распознавания лжи, следуя логике теории психологических систем, осуществляется избирательное взаимодействие лжеца и изобличителя. Этот процесс детерминируется не только их совместным возможным взаимодействием, но и ситуацией, условиями, в которых осуществляется данный процесс. В качестве условий точного и адекватного распознавания обмана изобличителем выступают, как мы считаем, определенные новообразования, порождаемые избирательностью взаимодействия. Такими новообразованиями являются смыслы, посредством которых изобличитель осуществляет понимание и интерпретацию поведения лжеца. Ложь пространственно определяется в контексте времени жизни, в соответствии порядков организации и самоорганизации жизни. Любое взаимодействие человека и предметов или других людей осуществляется не только в пространстве, но и во временах [12. С. 149].

Мы можем предположить, что специфика закономерностей распознавания обмана определяется сложной системной детерминацией, в которую включаются, с одной стороны, лжец, его мир и его поведение, с

другой стороны – изобличитель, с третьей – условия порождения порядка, избирательного взаимодействия этих двух психологических систем. В результате такого сложного взаимодействия происходят порождение смыслов и их объективация в виде идентификации деятеля, деятельности и содержания.

Мы предполагаем, что в процессе распознавания лжи у изобличителя формируются не просто смыслы, но динамическая смысловая структура поведения лжеца. В такой структуре представлены смыслы и связи между ними. Эти смыслы формируются в ходе взаимодействия с обманщиком и выступают как отношения изобличителя к поведению лжеца в общем и к отдельным индикаторам лжи в частности. Существующие исследования процесса распознавания обмана позволяют нам предположить основные области индикаторов лжи, посредством которых может осуществляться интерпретация лживого поведения. К ним относят речь, голос, жесты и позы, лицевую экспрессию, физиологические реакции [3. С. 25]. Мы предполагаем, что на основании индикаторов в динамике горизонтов времени изобличитель формирует в сознании динамическую смысловую структуру поведения лжеца, на основании которой происходит оценка его реального поведения. Далее наши суждения строятся на том, что динамическая смысловая структура поведения лжеца в сознании изобличителя характеризуется своей полнотой, т.е. интенциональностью и респонзивностью. Полнота (ложь может быть полная и неполная, и это принципиально меняет способ ее распознавания), по нашему мнению, зависит от сложности организации самой смысловой структуры поведения лжеца в сознании изобличителя, от количества смыслов, их качественной особенности и от смысловых связей.

Специфика закономерностей распознавания обмана обнаруживается в зависимости от временной симфонизации, ложь и способ ее распознавания проявляются со временем [13. С. 7]. Характерной особенностью темпоральностей является их уровневая организация. Они характеризуют динамику становления многомерного мира человека как усложняющейся самоорганизующейся психологической системы через динамику смысловой сферы, от беспорядочного взаимодействия к образованию упорядоченности в его мире. На уровне организации (темпоральности) отсутствия порядка (хаос) динамическая смысловая структура поведения лжеца в сознании изобличителя идентифицируется в случайных попытках распознать ложь «как-нибудь», случайным образом, интуитивно. В дальнейшем уровень порядка в попытках осмысления лжи нарастает в сингулярностях – «точках» перехода от одной темпоральности к другой, а точнее в точках вложенности одних порядков организации в другие. Процесс распознавания лжи, вероятно, не всегда имеет тенденцию к усложнению, он может быть направлен и к упрощению, т.е. принятию простоты, редукции перспектив. Изобличитель может возрастать в сложности своего бытия, оставаться на одном уровне (одной из темпоральностей), редуцировать свое восприятие к более простым формам (нижеле-

жащим временным горизонтам). Возникает справедливый вопрос: от каких условий зависит нарастание порядка или редукция к хаотичным распознаваниям обмана? В первом приближении можно ответить, что, во-первых, от характеристики условий и ситуации, в которой осуществляется процесс распознавания; во-вторых, от особенностей реального поведения лжеца; в-третьих, от избирательной активности самого изобличителя.

Таким образом, специфика закономерностей распознавания лжи может характеризоваться через особенности формирования динамической смысловой структуры поведения лжеца в сознании изобличителя, а конкретнее ее полноты, неразрывно связанной с тем, что такая структура зависит от динамики открытости и саморазвития – транстемпоральной динамики. Такая точка зрения связана с исследованиями О.К. Тихомирова, результаты которых показали наличие связей между смыслами и их усложнение по мере продвижения процесса решения задачи к конечной цели [14].

Полнота динамической смысловой структуры поведения лжеца в сознании изобличителя, как нам видится, может характеризоваться: 1) количеством смысловых единиц, определяющих отношение изобличителя к каждому выделяемому им вербальному и невербальному индикатору лжи; 2) количеством и качеством смысловых связей. Усложнение такой смысловой структуры может характеризовать меру ее полноты. Конечно, маловероятно, что чем больше смыслов и смысловых связей образует изобличитель относительно реального поведения лжеца, тем точнее и адекватнее будет процесс распознавания обмана. Мы можем знать о всех существующих на данный момент индикаторах лжи, открытых в исследованиях, но не уметь распознавать ложь. Вероятнее всего динамика смысловой структуры поведения лжеца в сознании изобличителя не носит универсального характера, на что в своих исследованиях (в контексте распознавания по индикаторам) ссылаются и П. Экман, и О. Фрай, и другие исследователи [3. С. 76]. Тем не менее четыре группы индикаторов обмана способны помочь в некоторой степени распознать его.

Наше видение решения проблемы выявления специфики закономерностей распознавания лжи основывается на подходе к исследованию, базой для которо-

го выступают теория психологических систем и транстемпоральный подход. Результаты исследований, проводившихся на основании бинарной модели взаимодействия изобличитель – лжец, не учитывали особое измерение этого процесса – измерение соответствия. В такой бинарной системе не учитывается скрытая динамика избирательного взаимодействия психологических систем, которая, по мнению В.Е. Ключко, определяет «порождающий эффект» [15. С. 12]. Не удивительно, что исследования в бинарной модели обнаруживают или выявляют то случайный характер распознавания обмана, то закономерный, в зависимости от того, какое из двух условий берется в качестве основного и стабильного – внешнее или только внутреннее. Наш подход к решению этой проблемы предполагает исследование не просто одной из сторон взаимодействия, но изучение феномена распознавания лжи в динамике смыслового соответствия. Нам представляется важным выявить динамику соответствия поведения лжеца в сознании изобличителя.

Исходя из нашего подхода, можно сформулировать основную гипотезу исследования: выявление специфики закономерностей распознавания лжи определяется в динамике становления психологической системы через динамику соответствия смысловой структуры поведения лжеца в сознании изобличителя и реального поведения лжеца, во взаимодействии, опосредованном смысловой структурой поведения лжеца в сознании эксперта. В особенностях такой динамики соответствия смыслов изобличителя и эксперта мы можем попытаться выявить специфику закономерностей процесса распознавания обмана.

Выбирая методы исследования, мы считаем, что целесообразно как можно точнее провести описательный, дескриптивный анализ процесса распознавания обмана. Как отмечал Э. Гуссерль [16], прежде чем подходить к объяснению психических феноменов, стоит вначале как можно полнее описать их. Таким методом выступает феноменологический анализ.

Таким образом, прежде чем проверять гипотезу о специфике закономерностей распознавания лжи (гипотезу о закономерностях становления психологической системы), следует уточнить ее в феноменологических описаниях опыта идентификации и понимания ситуаций, содержащих ложь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключко В.Е. Постнеклассическая транспектива психологической науки // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 157–164.
2. Лукьянов О.В. Актуальность изучения транстемпоральных аспектов социального и психологического опыта // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 298. С. 179–185.
3. Фрай О. Детекция обмана и лжи. СПб. : Прайм-еврознак, 2005. 320 с.
4. Хэссет Д. Введение в психофизиологию. М. : Мир, 1981. 250 с.
5. Экман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 2007. 185 с.
6. Черкасова Е.С. Особенности социально-психологической объективизации лжи субъектов будущей деятельности на основе ее детекции : дис. ... канд. психол. наук. М. : МГУ, 2009. 248 с.
7. Kraut R.E. Humans as lie detectors: some second thoughts // Journal of Communication. 2012. № 30. P. 209–216.
8. Самекин А.С. Возрастная динамика точности и адекватности межличностного восприятия : дис. ... канд. психол. наук. М. : МГУ, 2011. 120 с.
9. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 154 с.
10. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблема становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
11. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 1. 488 с.
12. Лукьянов О.В. Готовность быть. Введение в транстемпоральную психологию. М. : Смысл, 2009. 231 с.
13. Лукьянов О.В. Транстемпоральная супервизия // Сибирский психологический журнал. 2008. № 30. С. 14–17.

14. Тихомиров О.К. Психология мышления. М. : Моск. ун-т, 1984. 288 с.
15. Ключко В.Е. Многомерное психологическое мышление: антропологические проекции // Психологическая теория современного образования. 2012. № 10. С. 4–23.
16. Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 13 февраля 2015 г.

PSYCHOLOGICAL SPECIFICITY OF LIE RECOGNITION PATTERNS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 191–195. DOI 10.17223/15617793/393/30

Egorov Dmitry M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: e_dima@bk.ru

Keywords: lie; psychological system; temporality; selective engagement; meaning; dynamics of conformity meanings; phenomenological method.

This article presents an alternative approach to the problem of identifying psychological patterns of lie recognition. The main research results of lie recognition are characterized in retrospect. The problem of lie is significant for society as a whole. The main general characteristics common to these studies are described. The main conditions affecting the recognition process of deception are given. Inconsistencies in the results and interpretation of studies on the psychology of lying are noted. Ethnic, gender, personal and professional factors of lie detection are briefly considered. The results of research on the development of abilities to recognize lies are presented. There is also inconsistency in the interpretation of the effectiveness of such programs. Three basic procedures used in the programs developing abilities to recognize lies are analyzed. The results obtained by different researchers using such factors are ambiguous. The definition of deception is given. The main reason for ambiguous interpretation of patterns of lie recognition is stated. It consists in the methodological approach of the study called the classical approach. An approach is proposed to the identification of specific patterns from the point of view of the theory of psychological systems and trans-temporality. The liar and the exposer are presented as psychological systems that selectively interact with each other. The main reason for the interaction is the notion of compliance. The value of the system determination to solve the problem of the identification of specific patterns of lie recognition is emphasized. This determination includes not only consideration of binary relations "liar – exposer", but also the situations and conditions of lie recognition, as well as the development and self-development of the situation, the exposer and the liar. The importance of temporality is stressed as the time horizon of the dynamics of conformity of the senses of the exposer, the liar and the expert. The concept of a dynamic semantic structure of behavior of the liar in the minds of the exposer and the expert is introduced. The meanings are important neoplasms that arise from the process of lie recognition. The completeness of a dynamic semantic structure is determined. The author of the article recognizes this structure as a system of senses and semantic relations. A method is offered to solve the problems of detection of lie recognition specific patterns through the dynamics of conformity of senses of the exposer and the expert about the behavior of the liar and senses of the liar. The main hypothesis of the study is formulated. The main method of the empirical research at the initial stage is phenomenological analysis. The author assigns a significant role to the procedure of descriptive analysis before explaining the specific patterns of lie recognition.

REFERENCES

1. Klochko V.E. Postneklassicheskaya transspektiva psikhologicheskoy nauki [Postnonclassical transpective of psychology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 305, pp. 157–164.
2. Luk'yanov O.V. Aktual'nost' izucheniya transtemporal'nykh aspektov sotsial'nogo i psikhologicheskogo opyta [The relevance of the study of transtemporal aspects of social and psychological experience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 298, pp. 179–185.
3. Fry O. *Detektsiya obmana i lzhi* [Detection of deception and lies]. St. Petersburg: Praym-evroznak Publ., 2005. 320 p.
4. Hesses D. *Vvedenie v psikhofiziologiyu* [Introduction to psychophysiology]. Moscow: Mir Publ., 1981. 250 p.
5. Ekman P. *Psikhologiya lzhi* [Psychology of lies]. St. Petersburg: Piter Publ., 2007. 185 p.
6. Cherkasova E.S. *Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskoy ob'ektivizatsii lzhi sub"ektiv budushchey deyatel'nosti na osnove ee detektsii*: dis. kand. psikh. nauk [Features of the socio-psychological objectification of lie of subjects for future activities on the basis of its detection. Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2009. 248 p.
7. Kraut R.E. Humans as lie detectors: some second thoughts. *Journal of Communication*, 2012, no. 30, pp. 209–216.
8. Samekin A.S. *Vozrastnaya dinamika tochnosti i adekvatnosti mezhluchnostnogo vospriyatiya*: dis. kand. psikh. nauk [Age dynamics of the accuracy and adequacy of interpersonal perception. Psychology Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 120 p.
9. Klochko V.E., Galazhinsky E.V. *Samorealizatsiya lichnosti: sistemnyy vzglyad* [Self-realization: a systematic view]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 154 p.
10. Klochko V.E. *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problema stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transpektivnyy analiz)* [Self-organization in psychological systems: the problem of the formation of the mental space of the person (introduction to transpective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2005. 174 p.
11. Vygotskiy L.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 v.]. Moscow: Pedagogika Publ., 1982. Vol. 1, 488 p.
12. Luk'yanov O.V. *Gotovnost' byt'. Vvedenie v transtemporal'nyuyu psikhologiyu* [Willingness to be. Introduction to transtemporal psychology]. Moscow: Smysl Publ., 2009. 231 p.
13. Luk'yanov O.V. Transtemporal'naya superviziya [Transtemporal supervision]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*, 2008, no. 30, pp. 14–17.
14. Tikhomirov O.K. *Psikhologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow: Moscow State University Publ., 1984. 288 p.
15. Klochko V.E. *Mnogomernoe psikhologicheskoe myshlenie: antropologicheskie proektsii* [Multidimensional psychological thinking: anthropological projection]. *Psikhologicheskaya teoriya sovremennogo obrazovaniya*, 2012, no. 10, pp. 4–23.
16. Husserl E. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2005. 464 p.

Received: 13 February 2015

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Описываются ключевые проблемы информатизации педагогического языкового образования. Особое внимание уделяется вопросам подготовки магистров педагогического вуза в области информатизации языкового образования. Анализ современных условий позволил автору представить модель формирования ИКТ-компетентности педагога-магистра и определить основные преимущества смешанного обучения, структуру авторского сетевого комплекса, а также оптимальные формы очного и дистанционного обучения.

Ключевые слова: информатизация образования; информатизация языкового образования; информационно-коммуникационные технологии; профессиональная компетентность; ИКТ-компетентность; магистратура; смешанное обучение; сетевой комплекс.

В России информатизация образования рассматривается как одно из главных направлений модернизации образовательной системы, которому отводится важная роль в решении задачи обеспечения такого качества образования, которое бы соответствовало актуальным запросам общества на подготовку личности как представителя современного глобального информационного пространства. Информатизация образования, характерными особенностями которой являются многоаспектность, комплексность, непрерывность и динамизм, стала, как указывают А.Г. Кузнецова и А.В. Коровко, катализатором и инструментом содержательных, технологических, организационных и даже управленческих изменений в сфере образования [1. С. 18]. Наиболее полно и всесторонне проблемы информатизации образования представлены в исследованиях И.В. Роберт, которая рассматривает информатизацию образования как трансфер-интегративную область педагогической науки, ориентированную на обеспечение сферы образования методологией, технологией и практикой решения междисциплинарных проблем и задач. Как интегративная область знаний, обладающая способностью к переносу (трансферу, в терминологии И.В. Роберт) определенных научных идей или научных проблем в другую научную область, информатизация образования обеспечивает развитие инновационной области научного знания и его практическую реализацию в условиях информатизации образования [2]. Подобная трансференция соответствует диалектическому принципу всеобщей связи и взаимообусловленности предметов и явлений в природе и обществе и способствует научно-теоретическому обоснованию, разработке и внедрению инновационных технологий в различные предметные области, в том числе в область языкового образования. Определение информатизации образования как комплекса мер, направленных на обеспечение полного использования достоверного, исчерпывающего и своевременного знания во всех общественно значимых видах человеческой деятельности [3], а также анализ научных исследований по проблемам информатизации образования (И.В. Роберт, И.Г. Захарова, А.А. Кузнецов, В.В. Гриншкун и др.) позволили нам сформулировать собственное понимание данного понятия.

Мы рассматриваем информатизацию педагогического языкового образования как комплекс мер, направленных:

1) на научно-теоретическое обоснование методологии информатизации языкового образования;

2) оптимизацию отбора содержания обучения в аспекте его адаптации к новому информационному пространству, соответствующего определенной научной концепции, целям обучения, этапу обучения в условиях информатизации педагогического языкового образования;

3) конструирование и проектирование новых видов учебных материалов, реализующих различные виды учебной деятельности обучающихся (в том числе с ограниченными возможностями) с использованием средств информационно-коммуникационных технологий, в том числе электронных образовательных ресурсов нового поколения (электронных курсов, электронных учебников, веб-сайтов, систем управления контентом), их размещение и системное использование или адаптация к целям и условиям обучения ранее созданных электронных образовательных ресурсов;

4) разработку критериев оценивания психолого-педагогического, содержательно-технологического, эргономического, технического качества ЭОР, функционирующей на базе ИКТ, их экспертизу и сертификацию;

5) выбор наиболее оптимальных способов реализации активных методов обучения и отбор организационных форм обучения, ориентированных на выполнение разнообразных видов самостоятельной работы в очном, дистанционном и смешанном обучении;

6) организацию управления и самоуправления учебно-познавательной деятельностью, в том числе посредством электронного портфолио;

7) автоматизацию контроля, самоконтроля учебной деятельности, диагностику уровня обученности;

8) развитие материально-технической базы информатизации языкового образования (компьютеризация и интернетизация), требующего в том числе обеспечения образовательного процесса средствами ИКТ в количестве, достаточном для достижения целей обучения;

9) создание методической системы подготовки педагогических кадров в системе высшего педагогического и дополнительного образования, способных компетентно осуществлять свою профессиональную

деятельность в области информатизации педагогического языкового образования, что подразумевает:

- организацию многоуровневой педагогической системы повышения квалификации учителей иностранного языка, научных и научно-педагогических кадров в области владения ИКТ;
- разработку стандартов в области владения средствами ИКТ и на их основе системы мониторинга и сертификации ИКТ-компетентности учителей иностранного языка;
- разработку образовательных программ для двухуровневой системы высшего педагогического образования (бакалавриат / магистратура), одной из целей которых является формирование ИКТ-компетентности педагога.

Как следует из представленного перечня мер, одним из важнейших ресурсов, на основе которого можно содержательно менять систему профессионального педагогического образования, является подготовка современного педагога в условиях информатизации языкового образования, предполагающая определенный уровень развития его информационно-коммуникационной компетенции (далее – ИКТ-компетенция). Совершенно справедливым представляется суждение М.П. Лапчика о том, что формирование ИКТ-компетентности будущих педагогов превратилось в одну из важнейших проблем педагогического образования, поскольку активно развиваемая в регионах современная структура информатизации создает предпосылки к реализации новых подходов по обеспечению доступа разных категорий обучающихся к знаниям, повышению интенсивности образовательного процесса на основе методов электронного и смешанного обучения, невладение которыми начинает рассматриваться как признак профессиональной непригодности педагога [4. С. 133].

Как известно, в 2010 г. был и утвержден и вступил в силу Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, в котором представлены квалификационные характеристики должностей работников образования. Согласно данному приказу, в должностные обязанности учителя входят умения осуществлять обучение и воспитание обучающихся, используя разнообразные формы, приемы, методы и средства обучения, в том числе современные образовательные технологии, включая информационные, а также цифровые образовательные ресурсы, умение обоснованно выбирать программы и учебно-методическое обеспечение, включая цифровые образовательные ресурсы, и осуществлять контрольно-оценочную деятельность в образовательном процессе с использованием современных способов оценивания в условиях информационно-коммуникационных технологий [5]. Для того чтобы соответствовать квалификационным требованиям, специалист (учитель русского языка, учитель иностранного языка) должен обладать определенным уровнем профессиональной компетентности, компонентом которой является ИКТ-компетенция. Важным шагом, связанным с разработкой государственных стандартов подготовки и переподготовки педагогических кадров

в условиях информатизации образования, стало утверждение Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации в октябре 2013 г. профессионального стандарта «Педагог», в котором выделены три группы компетентностей в области ИКТ: общепользовательская ИКТ-компетентность; общепедагогическая ИКТ-компетентность; предметно-педагогическая ИКТ-компетентность (отражающая профессиональную ИКТ-компетентность в соответствующей области). В этой связи обратим внимание на тот факт, что, несмотря на реализацию федеральных целевых программ, профессионального стандарта «Педагог», приоритетного проекта «Образование», документа «Структура ИКТ-компетентности учителей. Рекомендации ЮНЕСКО», проекта «Создание отраслевой системы мониторинга и сертификации компьютерной грамотности ИКТ-компетентности учащихся, преподавателей, руководителей образовательных учреждений (всех уровней) в системе непрерывного образования», уровень применения средств ИКТ педагогическими работниками вообще и учителями иностранных языков в частности по-прежнему остается невысоким.

Так, по результатам исследований, проведенных в РГПУ им. А.И. Герцена, к 2013 г. лишь 24% педагогов регулярно используют ИКТ в своей профессиональной педагогической деятельности. Проведенный нами опрос учителей иностранного языка, анализ их анкет и уроков выявил, что при значительном оснащении школ современным интерактивным оборудованием сегодня многие учителя пока не готовы к систематическому и методически целесообразному использованию средств ИКТ в учебном процессе и используют ИКТ в основном для традиционного иллюстрирования учебного материала, например в виде демонстрации презентации Power Point на интерактивной доске с помощью проектора. В ходе анкетирования студентов выпускных курсов и магистрантов РГПУ им. А.И. Герцена было выявлено, что большинство студентов также недостаточно мотивированы и готовы к применению ИКТ в образовательном процессе. Так, 73% студентов показали низкий уровень готовности (фрагментарные представления об ИКТ; умение их использовать только в качестве визуальной поддержки при объяснении нового материала; отсутствие знаний о возможностях использования ИКТ на уроке иностранного языка и др.).

Приведенные результаты актуализируют задачу совершенствования подготовки педагогических кадров к работе в условиях информатизации педагогического образования и свидетельствуют, с одной стороны, о необходимости подготовки учителей иностранного языка инновационного типа, способных и теоретически и практически готовых к мотивированному, целенаправленному и систематическому использованию средств ИКТ в образовательном процессе, с другой стороны, о востребованности их на региональном и национальном образовательных рынках труда.

Очевидно, что для успешного решения данной задачи необходимо обеспечить высокое качество подготовки педагогических кадров на всех уровнях. Для

нашего рассмотрения это обстоятельство является чрезвычайно важным, поскольку успешность деятельности высшего учебного заведения сегодня во многом определяется эффективностью реализации магистерских программ, что напрямую связано с официальным переходом на двухуровневую систему высшего профессионального образования. Разумеется, новых образовательных результатов в сфере информатизации языкового образования достаточно сложно достичь на уровне традиционного научно-методического обеспечения процесса подготовки педагогических кадров. Как справедливо отмечает А.Д. Гарцов, отсутствие обучающих программ и современного компьютерного класса – это частные проблемы, вызванные отсутствием направленности творческих масс на решение этих задач. Начало решения современных методических проблем лежит в приведении к современным требованиям стандартов профессиональной компетенции преподавателей (в первую очередь – молодых). Не владея современными методами работы с информацией, преподаватель не может использовать мировые информационные ресурсы (мировой опыт) и, следовательно, создать что-то инновационное в своей профессиональной области [6. С. 85]. Одним из решающих факторов успешности процесса подготовки педагогических кадров в условиях информатизации языкового образования является создание информационно-коммуникационной предметной среды, способствующей достижению нового уровня образовательных результатов, в том числе профессиональной, личностной, мотивационной и эмоционально-волевой готовности учителей к использованию всей совокупности компьютерных средств и технологий в профессиональной деятельности.

Следует отметить, что наиболее распространенным в отечественной научной мысли является изучение общих аспектов информационной образовательной среды (ИОС) учебных заведений (Е.В. Лобанова, И.Г. Захарова, Е.Н. Зайцева, И.В. Роберт, С.Л. Мякишев и др.). К вопросам, привлекающим внимание исследователей, относится также рассмотрение ИОС в контексте подготовки студентов по определенной специальности (Р.Ю. Гурниковская, Ю.М. Насонова и др.), а также на примере изучения конкретных дисциплин (Н.С. Прокопова, Н.А. Кобиашвили, Е.Н. Зайцева и др.). Последние в научной литературе описываются как специализированные ИОС, разрабатываемые педагогами для достижения конкретных целей образовательного процесса с ориентацией на определенный контингент обучаемых [7. С. 98]. Информационно-образовательная среда – часто эксплуатируемое сегодня словосочетание, сигнификат которого, к сожалению, пока амбивалентен и не имеет желаемой дефиниционной однозначности. В разных источниках можно встретить палитру родственных наименований данного термина в соответствии с дисциплиной, его рассматривающей, предпочтениями и целями авторов публикаций. Так, подчеркивая специфику информационной образовательной среды, исследователи используют такие термины, как: «информационно-коммуникационная предметная среда» (И.В. Роберт),

«информационно-обучающая среда» (В.В. Ильин, С.В. Титова, Е.Н. Зайцева), «информационно-предметная среда» (Л.З. Давлеткиреева), «предметная обучающая среда» (О.П. Околелов), «образовательная информационно-коммуникационная среда» (Н.В. Розина), «интегрированная учебная среда» (О.П. Крюкова), «виртуальная среда обучения» (А.Н. Богомолов), «дидактическая интегрированная информационная среда» (Л.А. Дунаева), «информационная образовательная среда» (И.Г. Захарова) и др.

В нашем исследовании мы будем придерживаться термина «информационно-коммуникационная предметная среда» (ИКПС) как получившего наибольшее распространение в научной литературе в силу его точности и семантической прозрачности. Проведенный анализ научной литературы позволил уточнить понятие ИКПС. В рамках данного исследования под ИКПС будем понимать определенным образом структурированную и организованную часть информационно-образовательного пространства, включающую взаимосвязанную совокупность аппаратных и современных телекоммуникационных средств, программного, учебно-методического, организационного и информационно-справочного обеспечения, способствующего осуществлению интерактивного непосредственного (в очном обучении) и опосредованного (в дистанционном обучении) взаимодействия между участниками образовательного процесса. К основным характеристикам ИКПС можно отнести ее многоаспектность, которая проявляется в различных формах взаимодействия: студент – студент, преподаватель – студент, преподаватель – студенты, студент – содержание, преподаватель – содержание; интегративность и мультимедийность, определяющие характер и степень взаимодействия пользователя с элементами ИКПС, а также количество и качество форм предоставления информации, использующихся в ИКПС; целостность, обеспечивающую всеобъемлющее освещение всех сторон изучаемого предмета. В научной литературе выделяются различные способы существования ИКПС, среди которых наиболее распространенными видами являются следующие:

1) авторский сетевой учебно-методический комплекс, включающий учебные и справочные материалы, автоматизированные обучающие и контролирующие системы, средства взаимодействия участников учебной деятельности в педагогическом процессе и разработанный посредством программной оболочки (weebly, wix и др.);

2) обучающая среда, представляющая собой систему управления учебным процессом, которая реализует комплекс функций администрирования учебной деятельностью и управления образовательным контентом. Основными компонентами обучающей среды, по мнению А.Н. Богомолова, являются информационно-образовательный контент учебного процесса, пользовательские сервисы, модели дистанционного обучения и блок дистанционного управления учебным процессом [8].

В качестве иллюстрации к сказанному опишем опыт Института иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена по формированию ИКТ-ком-

петентности в процессе подготовки магистров педагогического образования по образовательной программе «Технологии обучения в лингвистическом образовании» и приведем пример организации обучения в рамках дисциплины «Использование ИКТ в профессиональной деятельности учителя иностранного языка» на базе сетевого учебно-методического комплекса.

Востребованность данной дисциплины обусловлена принципиально новыми требованиями к подготовке педагогических кадров в рамках компетентного подхода. К сожалению, разобщенность учебных дисциплин, их обособленное изучение, отсутствие системно-интегративных связей негативным образом сказываются на результатах обучения в области информатизации языкового образования. Одним из решений данной задачи представляется разработка дисциплины, учитывающей вариативный компонент, ориентированный на специфику конкретной деятельности специалиста.

Таким образом, актуальность дисциплины «Использование ИКТ в профессиональной деятельности учителя иностранного языка» обусловлена дефицитом в сфере образования педагогических кадров инновационного типа, способных и готовых к интеграции информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс, а также наличием противоречий между востребованностью в современной системе образования учителя иностранного языка, готового к использованию ИКТ, и отсутствием системы целенаправленного формирования данной готовности в рамках профессиональной подготовки магистрантов, учитывающей специфику предмета «Иностранный язык». Немаловажным фактом является и то, что такая подготовка будет способствовать развитию «функциональной грамотности» выпускников педагогического вуза как способности адаптироваться к новым условиям профессиональной деятельности, диктуемым требованиями информатизации языкового образования в противовес «функциональной неграмотности» [9. С. 132]. Целью данной дисциплины является формирование информационно-коммуникационной компетентности магистранта. Для более полного исследования структуры и содержания ИКТ-компетентности целесообразным представляется рассмотреть понятие «профессиональная компетентность» как определяющий конструкт для данного исследования.

В общетеоретическом плане профессиональная компетентность освещена в трудах Н.В. Кузьминой, В.А. Сластенина, З.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Э.Э. Сыманюк, А.И. Пискунова, Л.В. Занина, Л.М. Митина, А.М. Новикова, Э.К. Безукладникова и др. Благодаря их эмпирическим находкам и теоретическим обобщениям накоплен богатый материал о структуре и содержании профессиональной компетентности, определены условия, влияющие на ее формирование. Так, Л.В. Занина определяет профессиональную компетентность как совокупность индивидуальных свойств личности, состоящих в специфической чувствительности к объекту, средствам, условиям педагогического труда и созданию продуктивных моделей формирования искомых качеств в личности учащегося [10. С. 67]. Л.М. Митина под профессиональной компетентностью понимает знания, умения и навыки, а также способы и приёмы их реали-

зации в деятельности, общении; развитии (саморазвитии) личности [11. С. 91]. Трактовка профессиональной компетентности как интегративного свойства личности, включающего в себя наряду с когнитивным и поведенческим аспектами долговременную готовность к профессиональной деятельности, представлена в исследовании Э.К. Безукладникова [12. С. 79].

Анализ научных определений понятия «профессиональная компетентность» позволяет констатировать определенные точки конвергенции общего понимания данного термина большинством исследователей, заключающиеся в объединении личностного и функционального аспектов профессиональной деятельности. В настоящее время не существует единой системы параметров при решении вопроса о компонентном составе профессиональной компетентности учителя иностранного языка, не определено место ИКТ-компетентности в структуре профессиональной компетентности учителя иностранных языков. Мы рассматриваем ИКТ-компетентность как самостоятельную компетентность и не включаем ее в компонентный состав методической компетентности, которая наряду с коммуникативной, филологической, психолого-педагогической, личностной компетентностями входит в профессиональную компетентность учителя иностранных языков. Под ИКТ-компетентностью нами понимается целостная профессионально-личностная характеристика педагога-магистра, выражающаяся в его теоретической и практической готовности к конструированию и проектированию учебного процесса с использованием информационно-коммуникационных технологий, адаптируя их к различным профессиональным ситуациям в процессе реализации целей обучения иностранному языку, связанных с формированием иноязычной коммуникативной компетенции и достижением учащимися метапредметных, предметных и личностных результатов. Как следует из данного определения, конструирование и проектирование рассматриваются нами как последовательность этапов, которые, как справедливо отмечает И.А. Колесникова, приближают замысел к его предметной реализации. В процессе конструирования, отмечает автор, разрабатываются детали, элементы проектируемого объекта, а при проектировании создается система взаимосвязей этих элементов, разрабатывается и оформляется проект [13. С. 98]. Поскольку средством формирования ИКТ-компетентности в рамках рассматриваемой дисциплины является сетевой учебно-методический комплекс, обеспечивающий образовательный процесс в условиях смешанного (очно-дистанционного) обучения, рассмотрим его особенности, содержание и структуру. Отметим, что под смешанным обучением мы понимаем такую систему, при которой ранее дискретные компоненты очного и дистанционного обучения, объединяясь в единое неделимое синергетическое целое, взаимодополняют друг друга и гармонично взаимодействуют, обеспечивая многоплановость и многоаспектность образовательного процесса.

Анализ работ отечественных и зарубежных ученых по проблемам смешанного обучения (А.Л. Наза-

ренко, М.А. Татаринова, С.В. Титовой, В.А. Фандей, I.E. Allen и др.) позволил выделить следующие его преимущества: гибкость модели обучения, которая представляет собой сочетание автономного обучения посредством дистанционных технологий с обучением в аудитории; развитие критического мышления, рефлексивных, коммуникативных, творческих способностей и способности к самостоятельной работе; информационная доступность и множественность применения учебных материалов; использование активных методов обучения; увеличение объема усваиваемого материала; учет индивидуальных особенностей студентов, мобильность, позволяющая оперативно вносить изменения в содержание курса, адаптивность, обеспечивающая индивидуальные траектории обучения с учетом индивидуальных особенностей студентов, нелинейность (гипертекстовость и гипермедийность) представления учебного материала, обеспечивающая отбор изучаемого материала адекватно личностным предпочтениям и возможностям обучающегося, системность и целостность обучения.

В качестве основного условия, обеспечивающего продуктивность смешанного обучения, выступает повышение уровня интерактивности и мультимедийности информационно-коммуникационной предметной среды. Так, сетевой учебно-методический комплекс, уровень интерактивности которого, конечно, значительно ниже образовательной среды, позволяет, тем не менее, осуществлять учебно-методическую, информационную, организационную, коммуникационную, ресурсную, оценочную поддержку образовательного процесса благодаря наличию автоматизированных обучающих и контролирующих систем, инструментальных программ, баз данных для хранения текущей и обобщенной информации о результатах работы.

Совершенно очевидно, что разработка авторских сетевых учебно-методических комплексов требует не только иных подходов к отбору содержания обучения, поиска оптимального соотношения объема аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов, но и иных подходов к способам реализации методов и форм организации учебного процесса. В этой связи справедливым представляется суждение М.А. Сурхаева о том, что «если содержание обучения нацелено не только на результат обучения, но и становится средством достижения этого результата, т.е. обращено к коллективу учащихся не через конечный продукт, а через деятельность, направленную на его создание, то методы должны носить исследовательский, творческий характер, а формы организации учебного процесса – главным образом – коллективные, реализующие сотрудничество, взаимопомощь, самостоятельную деятельность как доминирующие формы деятельности» [14]. Авторский сетевой учебно-методический комплекс, целью которого является обеспечение поддержки самостоятельной работы студентов на всех этапах познавательной деятельности, должен включать следующие блоки: информационный, обучающий, ресурсный, коммуникационный и блок преподавателя [15].

Рассмотрим структуру и содержание указанных блоков более подробно.

1. *Информационный блок* включает общие сведения об изучаемом курсе, сроки изучения курса, формы и время отчетности, технологическую карту курса, контрольно-измерительные материалы, планы семинарских занятий, порядок проведения семинаров, тематику докладов и рефератов, вопросы к зачету.

2. *Обучающий блок* построен на модульной основе. Объем одного модуля соответствует содержанию одной темы. *Обучающий блок* состоит из предметного, процессуального и контролирующего подблоков. *Предметный подблок* содержит перечень знаний и методических умений, формируемых в процессе самостоятельной работы по теме; перечень основных понятий изучаемой темы, представленных в виде внутренних и внешних гиперссылок, что обеспечивает быструю навигацию; библиографию и веблогографию в виде коллекции закладок-ссылок по темам, изучаемым в рамках дисциплины, а также электронные интерактивные презентации. Структура блока организована как нелинейное информационно-образовательное пространство, содержащее актуальную теоретическую информацию по изучаемой проблеме.

Содержание процессуального подблока включает познавательные профессионально-ориентированные задания для самостоятельной работы, градуированные по степени сложности, а также с учетом видов самостоятельной работы (аудиторная и внеаудиторная) и форм работы.

Контролирующий подблок обучающего блока представлен тестами для организации текущего и итогового контроля, самоконтроля, а также электронным журналом учета учебных достижений студента, который дает возможность студентам практически непрерывно (еженедельно) отслеживать персональную и групповую динамику успеваемости.

3. *Ресурсный блок* содержит тематические ссылки на интернет-ресурсы, аудио- и видеоматериалы, которые студенты могут использовать в процессе самостоятельной работы, видеолекции по различным темам, видеотеку, включающую видеоуроки учителей иностранных языков и студентов, конспекты уроков иностранного языка.

4. *Коммуникационный блок* осуществляет обеспечение информационного обмена между участниками учебного процесса посредством доски объявлений, блога и форумов.

5. *Блок преподавателя* состоит из инструментального, методического подблоков, а также подблока мониторинга.

Инструментальный подблок содержит перечень и краткое описание инструментальных программ, программ-оболочек, позволяющих создавать различные дидактические материалы, а также примеры упражнений, разработанных посредством данных программ.

Подблок мониторинга представляет собой базу данных, в которой хранятся результаты тестирования, самостоятельной работы каждого студента. *Методический подблок* включает методические указания к практическим заданиям, методические рекомендации по организации самостоятельной работы, схемы-образцы по работе с первоисточниками при подготов-

ке к семинарам, методические рекомендации и памятки-инструкции по осуществлению различных типов проектных заданий, примеры технологических карт уроков иностранного языка.

Как известно, учебный процесс, основанный на смешанном обучении, предполагает организацию части учебно-познавательной деятельности студентов в аудитории под непосредственным или опосредованным в случае самостоятельной работы управлением со стороны преподавателя, в то время как другая часть деятельности студентов организована дистанционно. С нашей точки зрения, можно выделить три основные формы аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы студентов.

1. Самостоятельная работа с электронными ресурсами, в которую входят специально организованный поиск, анализ и преобразование информации, а также специально организованное участие в веб-проектах. При выполнении проекта, направленного на решение проблемного профессионально-ориентированного задания, деятельность магистранта может быть индивидуальной, парной или групповой. Наиболее эффективным видом проектной деятельности магистрантов являются специализированные практико-ориентированные проекты. Результатами такого проекта являются обоснование и разработка плана реализации конкретного учебного проекта в реальных условиях общеобразовательного учреждения. Одной из эффективных форм проектной деятельности является совместное создание и редактирование коллективного гипертекста (вики-технологии). Самостоятельная работа с электронными ресурсами включает также следующие формы работы: совместное / индивидуальное создание и редактирование закладок (сервис blendspace.com), совместное / индивидуальное создание списка интернет-ресурсов, совместное создание и редактирование ментальной карты (сервисы mindomo.com, spiderscribe.net), совместное создание опросов (сервис surveymonkey.com), совместное / индивидуальное создание и редактирование «белой доски» (виртуальной доски) (сервис padlet.com), совместное создание и редактирование презентации (сервис prezi.com), публикация материалов на сервисах calameo.com, scribd.com, slideshare.com.

2. Самостоятельная работа с видеолекцией, представляющей собой мультимедийную демонстрационную видеопрезентацию с комментариями. Подобная форма работы является необходимым компонентом дистанционного обучения в рамках данной дисциплины и позволяет студентам познакомиться с технологией создания дидактических материалов посредством инструментальных программ и сетевых платформ.

3. Асинхронная и синхронная интернет-коммуникация, осуществляемая посредством как разнообразных социальных сервисов (форум, блог преподавателя), так и вебинаров.

Как известно, в формировании ИКТ-компетентности, а также личностных качеств педагогов-магистров особая роль принадлежит организации внеаудиторной самостоятельной работы, которая в магистратуре составляет до 75% трудозатрат. Данный

факт мы учитывали при выборе оптимальных методов и организационных форм обучения. Нами были апробированы различные модели интеграции очных и дистанционных форм обучения. В результате анализа полученных данных мы пришли к выводу, что наиболее рациональной моделью является следующая: самостоятельная внеаудиторная работа студентов (выполнение индивидуальных заданий он-лайн / оффлайн) – проблемно-дискуссионная лекция – самостоятельная внеаудиторная работа (форум, вики, блог, выполнение индивидуальных заданий он-лайн / оффлайн) – лабораторное занятие в аудитории (в малых группах сотрудничества / индивидуально: эвристические беседы, «мозговой штурм», обсуждение коллективных решений творческих заданий, видеолекции и т.д.), самостоятельная внеаудиторная работа (форум, вики, выполнение индивидуальных заданий он-лайн / оффлайн, использование видеолекций) – лабораторное занятие в аудитории (в малых группах сотрудничества / индивидуально).

Представим конкретный пример реализации модели смешанного обучения в рамках изучения темы «Вики-технологии в обучении иностранным языкам». На первом этапе студенты получают задания, предполагающие самостоятельную внеаудиторную работу:

1) проанализируйте список источников, представленных на сайте, ответьте на вопросы по их содержанию и опубликуйте ответы в разделе «Анкеты и опросы», созданном с помощью сервиса padlet.com (индивидуальная самостоятельная внеаудиторная работа);

2) разработайте аннотированный интернет-каталог (групповая работа в малых группах сотрудничества) и опубликуйте материалы на виртуальной доске (сервис padlet.com).

Таким образом, студенты имеют возможность предварительно освоить определенную часть материала самостоятельно с помощью дистанционных технологий. На лекции, носящей проблемно-дискуссионный характер, основное внимание уделяется глубокому, всестороннему раскрытию узловых проблем, наиболее трудных вопросов, усвоение которых особенно необходимо и является необходимым в изучении темы в целом. Эффективность лекции заметно повышается при использовании студентами опорного конспекта, предусматривающего внесение дополнений, пояснений и поправок. Учитывая специфику данного курса, опорные конспекты разрабатываются посредством сетевых оболочек, позволяющих создавать ментальные карты (идейные сетки): <https://bubbl.us/>, <http://www.spiderscribe.net/>, <http://www.mindomo.com>, <http://mind42.com/>. На этом этапе студенты работают в малых группах сотрудничества. Использование разнообразных тестовых заданий, анкет после обсуждения ключевых вопросов обеспечивает мгновенную обратную связь. На заключительном этапе проводится компьютерное тестирование, позволяющее определить уровень усвоения теоретического материала. Для внеаудиторной самостоятельной работы студенты получают следующие задания:

1. Ознакомьтесь с форматом вики на примере <http://westwood.wikispaces.com/>.

2. Обсудите на форуме возможности вики-технологий для обучения письменной речи и конкретизируйте умения письменной речи, которые можно развивать посредством вики-технологий (групповая форма самостоятельной работы: совместное создание и редактирование материала и его публикация на wikispaces.com). Подобная форма интерактивного обучения способствует совместному погружению в проблемное поле решаемой задачи.

На лабораторном занятии студенты регистрируются на сервисе wikispaces, знакомятся с правилами размещения материалов на вики-сервере, узнают, как вносить изменения в ранее размещенный материал. Использование на этом этапе мультимедийной демонстрационной видеолекции, содержащей необходимые комментарии, способствует активизации учебно-познавательной деятельности студентов. Отметим, что одним из преимуществ видеолекции является то, что студент самостоятельно выбирает приемлемый для себя темп работы, индивидуальный режим и последовательно проходит все модули, а именно: информационный, демонстрационный, процессуальный и контролирующий. Работа с информационным модулем предполагает использование базы данных, содержащей всю необходимую информацию для эффективного решения поставленной задачи. В демонстрационном модуле студентам предоставляется возможность наблюдать за технологией разработки дидактических материалов посредством конкретных инструментальных программ или сетевых платформ. Процессуальный модуль предполагает самостоятельную разработку студентами дидактических материалов и, наконец, контролирующий модуль обеспечивает мгновенную обратную связь. Таким образом, использование видеолекций способствует сокращению времени на сообщение необходимой учебной информации, автоматизирует процессы контроля, позволяет индивидуализировать процесс обучения и создать

комфортные условия, при которых студент чувствует свою успешность, интеллектуальную состоятельность.

Для внеаудиторной самостоятельной работы студенты получают следующие задания:

1. Проанализируйте следующие вики-сервисы: zoho wiki, scribblewiki, wikihost, wikispaces (индивидуальная СР). Обсудите на форуме их достоинства и недостатки, выберите один из сервисов, зарегистрируйтесь и разработайте примерное предметное содержание вики-страницы (групповая СР-индивидуальная СР).

2. Опираясь на алгоритм развития умений письменной речи учащихся посредством вики-технологий, разработайте комплекс подготовительных упражнений для написания эссе по выбранной Вами теме (индивидуальная СР). Опубликуйте на сервисе calameo.com разработанный Вами комплекс упражнений для обсуждения на лабораторном занятии.

Таким образом, приведение содержания и структуры педагогического языкового образования в соответствие с потребностями рынка труда, развитие системы оценки качества образования, обеспечение его инновационного характера невозможны без реализации мер, направленных на информатизацию образовательного процесса. В числе проблем, решаемых сегодня методической наукой, оказываются вопросы подготовки учителей иностранного языка, связанные с формированием их способности и готовности к системному, методически оправданному и оптимальному использованию средств ИКТ в учебном процессе. Анализ современных тенденций информатизации педагогического иноязычного языкового образования показывает, что эффективность применения средств информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе значительно усиливается в том случае, когда в одной образовательной системе реализуются различные виды взаимосвязанных и взаимодополняющих средств, методов и организационных форм обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова А.Г., Коровко А.В. Положение по организации и проведению конкурса на лучшую программу информатизации образовательных учреждений // Национальный проект «Образование». 2008. № 1. С. 35–39.
2. Роберт И.В. Дидактика периода информатизации образования // Педагогическое образование в России. 2014. № 8. С. 109–119.
3. Еришов А.П., Звенигородский Г.А., Первин Ю.А. Школьная информатика (концепции, состояния, перспективы) // Информатика и образование. 1995. № 1. С. 3–20.
4. Лапчик М.П. Подготовка педагогических кадров в условиях информатизации образования. М.: Бином, 2013. 182 с.
5. Еоинный квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования». URL: <http://www.rg.ru/2010/10/20/teacher-dok.html> (дата обращения: 16.01.2015).
6. Гарцов А.Д. Инструментальные средства информационных технологий в практике преподавания и изучения языка в высшей школе. М.: Экон-Информ, 2007. 156 с.
7. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 192 с.
8. Богомолов А.Н. Вариативные модели виртуальной среды обучения иностранному (русскому) языку: структура учебного контента // Высшее образование в России. 2008. № 7. С. 89–115.
9. Кумбс Ф.Г. Кризис образования в современном мире. М., 1970. 293 с.
10. Занина Л.В., Меньшикова Н.П. Основы педагогического мастерства. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 288 с.
11. Митина Л.М. Психология развития конкурентоспособной личности. М.: МПСИ, 2002. 400 с.
12. Безукладников К.Э. Формирование лингводидактических компетенций будущего учителя иностранного языка. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 270 с.
13. Колесникова И.А., Горчакова-Сибирская М.П. Педагогическое проектирование: учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. В.А. Сластенина, И.А. Колесниковой. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2007. 288 с.
14. Сурхаев М.А. Создание и использование единого информационно-образовательного пространства для развития познавательных потребностей учащихся // Рефлексия. Научно-исследовательский клуб «Парадигма». Назрань, 2008. С. 43–45.
15. Колядко С.В. Сетевой интерактивный учебно-методический комплекс как средство повышения эффективности внеаудиторной самостоятельной работы студентов // Педагогическое образование в современном мире. 2014. № 3 (14). С. 129–137.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 17 февраля 2015 г.

TEACHER TRAINING IN CONDITIONS OF LINGUISTIC EDUCATION INFORMATIZATION: PROBLEMS AND PROSPECTS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 196-203. DOI 10.17223/15617793/393/31

Koliadko Svetlana V. Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: svkol012@yandex.ru

Keywords: informatization of education; informatization of linguistic education; Information and Communication Technology; professional competence; ICT competence; magistracy; blended education; interactive network educational and methodological guidance complex.

Informatization of education in Russia is viewed as one of the main direction of modernization of the educational system, which is given an important role in solving the task of provision of such a quality of education which could correspond to the actual demands of society in preparation of a person as a representative of the modern global information space. We understand informatization of linguistic education as a system of measures aimed at: 1) scientific-theoretical substantiation of methodology of informatization of linguistic education; 2) designing of information-communication subject media realizing didactic possibilities of ICT; 3) provision of the educational process with the most advanced ICT means in the quantity sufficient for attainment of objectives of teaching a foreign language; 4) development of standards in the area of mastering ICT means and certification of foreign language teachers on their basis; 5) development of educational programs for the two-level system of higher pedagogical education, the purpose of which is formation of ICT competence of the future foreign language teacher; 6) organization of a multilevel pedagogical system of advanced training of a foreign language teacher in the area of ICT; 7) development of standards in the area of mastering ICT means by research and scientific-pedagogical staff. Thus, bringing the content and structure of linguistic education into line with the needs of the labor market, development of the system of assessment of education quality, provision of its innovation character are impossible without implementation of measures aimed at informatization of the educational process. The problems which are being handled by the science of methods today happen to include the matters of preparation of foreign language teachers, connected with formation of their ability and readiness for systemic, methodologically justified and optimal use of ICT means in the educational process. Analysis of modern tendencies of informatization of linguistic education shows that efficiency of use of means of Information and Communication Technology in the educational process is significantly increased in case when various types of interconnected and complementary means, methods and organizational forms of teaching are implemented in one education system.

REFERENCES

1. Kuznetsova A.G., Korovko A.V. Polozhenie po organizatsii i provedeniyu konkursa na luchshuyu programmu informatizatsii obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Regulation on the organization and conduct of the competition for the best program of informatization of educational institutions]. *Natsional'nyy proekt "Obrazovanie"*, 2008, no. 1, pp. 35–39.
2. Robert I.V. Didactics of the period of informatization of education. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii – Pedagogical Education in Russia*, 2014, no. 8, pp. 109–119. (In Russian).
3. Ershov A.P., Zvenigorodskiy G.A., Pervin Yu.A. Shkol'naya informatika (kontseptsii, sostoyaniya, perspektivy) [School Informatics (concepts, status, prospects)]. *Informatika i obrazovanie*, 1995, no. 1, pp. 3–20.
4. Lapchik M.P. *Podgotovka pedagogicheskikh kadrov v usloviyakh informatizatsii obrazovaniya* [Training teachers in the conditions of informatization of education]. Moscow: Binom Publ., 2013. 182 p.
5. A qualifying handbook for managers, professionals and employees. *Qualification characteristics of education workers*. Available from: <http://www.rg.ru/2010/10/20/teacher-dok.html>. (Accessed: 16.01.2015). (In Russian).
6. Gartsov A.D. *Instrumental'nye sredstva informatsionnykh tekhnologiy v praktike prepodavaniya i izucheniya yazyka v vysshey shkole* [Tools of information technology in the practice of language teaching and learning in higher education]. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2007. 156 p.
7. Zakharova I.G. *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii* [Information Technology in Education]. Moscow: Akademiya Publ., 2003. 192 p.
8. Bogomolov A.N. Variativnye modeli virtual'noy sredy obucheniya inostrannomu (russkomu) yazyku: struktura uchebnogo kontenta [Alternative models of virtual environment when learning a foreign (Russian) language: the structure of the educational content]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2008, no. 7, pp. 89–115.
9. Coombs F.G. *Krizis obrazovaniya v sovremennom mire* [The crisis of education in the modern world]. Translated from English. Moscow: Progress Publ., 1970. 293 p.
10. Zanina L.V., Men'shikova N.P. *Osnovy pedagogicheskogo masterstva* [Basics of pedagogical skills]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2003. 288 p.
11. Mitina L.M. *Psikhologiya razvitiya konkurentosposobnoy lichnosti* [Developmental psychology of a competitive personality]. Moscow: MPSI Publ., 2002. 400 p.
12. Bezukladnikov K.E. *Formirovanie lingvodidakticheskikh kompetentsiy budushchego uchitelya inostrannogo yazyka* [Formation of linguo-didactic competence of the future teacher of a foreign language]. Perm: Perm State Pedagogical University Publ., 2008. 270 p.
13. Kolesnikova I.A., Gorchakova-Sibirskaya M.P. *Pedagogicheskoe proektirovanie* [Projects in pedagogy]. 2nd edition. Moscow: Akademiya Publ., 2007. 288 p.
14. Surkhaev M.A. Sozдание i ispol'zovanie edinogo informatsionno-obrazovatel'nogo prostranstva dlya razvitiya poznavatel'nykh potrebnostey uchashchikhsya [Creating and using a single information and educational space for the development of students' cognitive needs]. *Refleksiya*, Nazran, 2008, pp. 43–45.
15. Kolyadko S.V. Setevoy interaktivnyy uchebno-metodicheskiy kompleks kak sredstvo povysheniya effektivnosti vneauditornoy samostoyatel'noy raboty studentov [Network interactive training complex as a means of improving students' independent work]. *Professional'noye obrazovanie v sovremennom mire – Professional Education in the Modern World*, 2014, no. 3 (14), pp. 129–137.

Received: 17 February 2015

А.Ю. Лахтин

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В ПЕДАГОГИКЕ И В ПЕДАГОГИКЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Без осмысления методологии, предмета, задач и ряда смежных вопросов педагогики физической культуры невозможно ее дальнейшее развитие и становление. Автор обосновывает идею о том, что развитие физической культуры и других педагогических наук неизбежно приведет к новому витку дифференциации и интеграции в педагогических, социальных и естественных науках. Основное внимание акцентировано на вопросе применения категории «субъект». Категория субъекта в науке понимается неоднозначно, следует эксплицитно обозначать понимание термина в любом контексте, а с точки зрения педагогики человек воспринимается и как субъект, и как объект.

Ключевые слова: педагогика физической культуры и спорта; субъект; субъект-субъектное взаимодействие; аксиология телесного; проксемика; семиотика телесности.

Актуальность темы, обозначенной в названии статьи, обусловлена несколькими причинами. Во-первых, термин «педагогика физической культуры и спорта» является лишь названием учебного предмета в физкультурных вузах, и его выделение как самостоятельной науки в настоящее время, по нашему мнению, процесс закономерный и необходимый. Вместе с тем без философского осмысления методологии, предмета, задач и целого ряда смежных вопросов «набирание научного веса» указанной дисциплины будет существенно затруднено. Во-вторых, любая образовательная практика, в том числе и касающаяся вопросов физического воспитания, нуждается в идеологической подоплеке, которая основывается на философских учениях. Весьма значимым нам кажется вопрос применения отдельных общенаучных категорий, в частности категории «субъекта», в отношении физической культуры и спорта.

В первую очередь необходимо рассмотреть вопросы появления и предполагаемого развития педагогики физической культуры и спорта. Вопрос о педагогике физической культуры и спорта как науки до настоящего времени остается открытым. На начальном этапе его изучения представляется возможным отметить несколько основных тенденций. Во-первых, в современной научно-методической литературе педагогика физической культуры и педагогика спорта рассматриваются как отдельные области знания. Во-вторых, педагогика спорта как самостоятельная наука оформилась только в ряде восточноевропейских стран, в России же она еще не приобрела статус науки. В-третьих, оформление педагогики физической культуры и спорта в самостоятельную учебную дисциплину требует определения собственного предмета изучения.

Появление педагогики физической культуры и спорта как особой отрасли исследований было предопределено, на наш взгляд, несколькими предпосылками. В первую очередь это выход России в мировое образовательное пространство и необходимость интеграции мировых научных знаний: одни и те же теоретические обобщения имеют различные названия. Это развитие теории и методики физической культуры и других педагогических наук, которое неизбежно должно привести к новому витку дифференциации и интеграции в педагогических, социальных, а также

связанных с ними естественных науках. Кроме того, в конце 90-х гг. прошлого столетия многими авторами стали отмечаться кризисные явления в теории и методике физической культуры. Помимо перечисленного, определенное значение имеют социальное развитие российского общества и необходимость осмысления происходящих в нем изменений с точки зрения науки.

Второй аспект, подлежащий анализу в данной статье, связан с философской «палитрой» современной России. Наибольшие дискуссии, начиная с 90-х гг. прошлого столетия, вызывает диалектический материализм. В ходе анализа учебной литературы можно сделать вывод о том, что авторами учебников по педагогике либо игнорируется вопрос о методологической базе педагогической науки, либо предлагается все тот же диалектический материализм, либо вводятся новые (для педагогики) термины: диалектическая логика, диалектическая теория, неомарксизм. В учебниках по философии рассматриваются взгляды Чаадаева, Герцена, Соловьева, Лосского и др. Нам близка точка зрения В.Н. Лавриненко, касающаяся неомарксизма – развития взглядов Маркса на основе идей З. Фрейда, М. Вебера и др. Тем не менее еще рано говорить о какой-либо устоявшейся методологической концепции как общей педагогики, так и педагогики физической культуры и спорта.

Обращаясь к вопросу понимания категории «субъект» в физической культуре и спорте, остановимся на следующих положениях. Практически все современные авторы, имплицитно либо эксплицитно, делают выводы о едином рассмотрении тела и души человека, противопоставлявшихся в советской, а затем в российской науке на протяжении всего двадцатого века. Очевидно, что восходя к гегелевской формуле «тезис-антитезис-синтез», пройдя очередной виток научных изысканий, современная наука должна выйти на новые просторы изучения человека и его отношений с окружающим миром. В современной философской литературе появляется новая категориальная пара – человек-мир, претендующая на вытеснение пары субъект-объект, в то время как в психологии категория субъекта продолжает активно разрабатываться. Поэтому одним из самых злободневных вопросов является изучение субъекта, причем как с позиции философского и психологического осмысления, так и с

практической точки зрения, т.е. воспитания субъекта, критериев определения его качества.

Понятие «субъект» широко распространилось в современной научной литературе, в данной работе мы пытаемся сопоставить различные мнения об указанном понятии, чтобы определиться в возможности применения категории «субъект» в научном отражении физической культуры и спорта.

В отечественной философии одним из первых предпринял попытку современного осмысления категории «субъект» выдающийся ученый наших дней – М.С. Каган [1]. Он анализирует несколько точек зрения, относящихся к субъекту, и указывает, что А.П. Шептулин ввел категориальную пару «субъект-объект» в систему основных философских категорий. Самим М.С. Каганом указанная пара рассматривается в трех вариантах: «субъект-объект», «объект-объект», «субъект-субъект». Последний вариант «облюбовали» для себя педагоги-гуманисты, говоря о взаимоотношениях участников педагогического процесса. В таком виде данная пара пришла в двадцать первый век, но стала подвергаться нападкам со стороны некоторых философов.

Так, например, А.С. Арсеньев [2] считает, что так называемое субъект-субъектное отношение в принципе невозможно, так как субъект-человек выступает лишь в определении по отношению к объекту, более того, ученый говорит, что сводить личность человека к субъекту – это выдавать часть или сторону за целое, субъект не имеет в себе единого центра, единого личностного «Я».

В.М. Розин полагает, что категория «субъект» должна пониматься, с одной стороны, как одна из категорий постепенно уходящего в прошлое метафизического мышления, с другой – как организованность сознания современной личности, с третьей стороны, как натуралистическое представление, нуждающееся в критике и распрямлении [3]. Таким «распрямлением» как раз и занимаются несколько научных школ в психологии, главными представителями которых, на наш взгляд, являются В.А. Петровский, К.А. Абульханова, А.А. Бодалев.

Анализируя работы данных авторов, мы сделали вывод, что в настоящее время в психологии не разработано единого понимания категории «субъект», и хотя с точки зрения науки накопление знаний – необходимый этап развития, для разработки конкретных педагогических технологий данный факт может восприниматься как затруднение в деятельности.

Существуют объективные и субъективные факторы, определяющие потребности, интересы и мотивы включения студентов в активную физкультурно-спортивную деятельность. К объективным факторам относятся: состояние спортивной базы, направленность учебного процесса на физическую культуру и содержание занятий, уровень требований учебной программы; личность преподавателя; состояние здоровья занимающихся; частота проведения занятий; их продолжительность и эмоциональная окраска. По данным опроса студентов разных лет обучения еще в 1994 г., влияние таких субъективных факторов, как

личностная значимость, удовлетворение, духовное обогащение, на формирование мотивов, побуждающих их к самостоятельным занятиям и активной физкультурно-спортивной деятельности, от младших курсов к старшим постоянно снижается.

Формирование мотивов, переходящих в потребность в физических упражнениях, происходит под воздействием научно-популярной агитации и пропаганды. В учебных заведениях эту задачу призваны решать содержание учебной программы по физической культуре, хорошая организация практических занятий, массовые оздоровительно-спортивные мероприятия, а также различные формы агитационно-пропагандистской работы. Если мотивы сформировались, то определяется цель занятий, это могут быть активный отдых, укрепление и коррекция здоровья, повышение уровня физического развития и физической подготовленности, выполнение различных тестов, достижение спортивных результатов и т.д.

Конкретная направленность и организационные формы использования самостоятельных занятий зависят от пола, возраста, состояния здоровья, уровня физической и спортивной подготовленности занимающихся. Выделяют гигиеническую, оздоровительно-рекреативную (восстановительную), общеподготовительную, спортивную, профессионально-прикладную и лечебную направленности. Организационные формы самостоятельных занятий физическими упражнениями и спортом определяются их целью и задачами, однако существуют общие формы. Можно выделить три основные формы самостоятельных занятий: утренняя гигиеническая гимнастика, упражнения в течение учебного (рабочего) дня, самостоятельные тренировочные занятия в свободное время [4].

Подготовка студентов к самостоятельным занятиям физической культурой, проявление ее отдельных компонентов невозможны без рефлексии, которую понимают как форму теоретической деятельности человека, направленную на осмысление собственных действий и их законов; деятельность по самопознанию, раскрывающую специфику духовного мира человека. «Я» не существовало в действительности до тех пор, пока не начался процесс рефлексии. Принцип рефлексивной саморегуляции деятельности заключается в том, что в результате интериоризации личностью внешних форм социальных отношений между людьми человек начинает выполнять одновременно две функции: управляющую и исполнительную, причем управляющую функцию он применяет по отношению к самому себе для овладения своим собственным поведением. В результате интериоризации личностью социальных норм управления и контроля в учебной деятельности у студента будет складываться функциональная система иерархического взаимодействия между внутренним «Я-контролем» и «Я-исполнителем». Взаимодействие основано на рефлексивном отображении им самого себя, когда субъект, выступая в функции «Я-контролера», делает объектом анализа собственные действия, управляет самим собой как исполнителем. Следовательно, развитая способность к рефлексии представляется необходимой для успешного

саморегулирования студента в учебной деятельности, для осуществления целеполагания, планирующих, контрольных и исполнительных действий.

Спортивная культура личности понимается как интегративное личностное образование, включающее систему средств, способов и результатов физкультурно-спортивной деятельности, направленной на восприятие, воспроизведение, создание и распространение физкультурно-спортивных ценностей и технологий. Спортивная культура личности формируется в процессе интериоризации личностью культурно-образовательного потенциала, ценностей и технологий спорта, а также в результате накопления опыта физкультурно-спортивной деятельности и наполнения ее личностным смыслом.

Современная аксиология рассматривает ценности в качестве элемента структуры личности, фактора детерминации и регулирования мотивации к действию, связывает их с возможностью реализации сущностных сил человека, направленных на нравственное совершенствование. Педагогическая аксиология рассматривает ценности как специфические образования в структуре индивидуального или общественного сознания, являющиеся идеальными образцами и ориентирами деятельности личности и общества. Отдельная личность или общество в целом рассматриваются как носители ценностей, а последние мотивируют действия и поступки человека. Характер действий и поступков свидетельствует об отношении личности к окружающему миру, к самому себе.

Ценности рассматриваются как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой деятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. Спорт создает культурные ценности, которые органично входят в содержание культуры [5].

В отношении физической культуры и спорта самым важным для рассмотрения в рамках темы является труд Н.Н. Визитея [7]. Ученый, проводя философский анализ человеческой телесности, приходит к выводу, что существуют внешнее тело и внутреннее тело, объективное и субъективное. Далее автор указывает, что в спорте «человек демонстрирует то, на что он способен сегодня как существо физическое», т.е. внешнее – объективное тело [6].

Ю.А. Гагин и С.В. Дмитриев указывают, что в деятельности спортсмена, в целом «заданной» педагогом, человек превращает объективные возможности в свои способности. В.И. Столяров и О.И. Самусенков к субъектам спортивной деятельности относят не только спортсменов и тренеров, но и судей, организаторов соревнований, врачей, зрителей, средства массовой информации, отражающие какие-либо соревнования.

Исходя из вышепредставленных пониманий категории «субъект», представляется возможным сделать некоторые выводы. Во-первых, категория субъекта в настоящее время в науке понимается неоднозначно: одни ученые понимают субъект шире личности, другие считают, что личность поглощает субъекта, он

лишь одна из ее сторон. Существует также точка зрения, что само выделение категории субъекта мешает целостному восприятию человека, и она может существовать лишь в определенной исторической эпохе, лишь в рамках рассмотрения истории. Во-вторых, понятие субъекта настолько широко вошло в современный научный обиход и в практику, что отказаться от него невозможно, более того, следует эксплицитно обозначать понимание термина в любом контексте: философском, правовом, социологическом, психологическом либо педагогическом. В-третьих, с точки зрения педагогики в настоящее время человек воспринимается и как субъект, и как объект, вместе с тем, в свете гуманизации образования весьма актуальными становятся вопросы отношений субъектов педагогического процесса в рамках субъект-субъектного взаимодействия. Обучение в физической культуре и массовом спорте, которое, строго говоря, относится к области педагогики, в силу своей специфичности должно быть осмыслено с точки зрения развития современной философской и психологической науки.

Анализируя вопросы философской рефлексии явлений физической культуры и спорта, с достаточной степенью условности их можно разделить на две группы: проблемы, касающиеся осмысления человеческого тела, и проблемы, относящиеся в целом к явлениям физической культуры и спорта.

Так, И.М. Быховская выделяет следующие направления изучения человеческого тела, связанные с философской проблематикой: онтология тела и гносеологические аспекты его изучения: аксиология телесного (включая этику тела и его эстетику) и проксемика; социология тела и психологический ресурс его исследования; семиотика телесности и ее этнокультурное изучение. В.И. Столяров отмечает, что в настоящее время наметился целый ряд направлений философского осмысления физической культуры и спорта – выяснение их социальной сущности и функций, анализ эстетических и нравственных проблем физкультурно-спортивной деятельности, изучение гносеологических и логико-методологических проблем познания физической культуры и спорта, анализ их практики и т.д.

Подводя итог вышеизложенному, позволим сделать вывод о том, что в настоящее время философское осмысление, с одной стороны, явлений физической культуры и спорта, с другой – образования, является весьма актуальным и перспективным направлением исследования для педагогики физической культуры и спорта как новой области знаний.

Кроме того, глубина и динамика демократических изменений, происходящих в российском обществе, возрастание в нём роли человеческого фактора вызывают людей многопланово усиливать свою субъектность. Активизировавшиеся в современном обществе процессы национального самосознания, возрастание меры ответственности человека за страну и за свою судьбу создают благоприятные условия для развития субъектности человека, определяющей меру его жизнестворчества и способствующей включению в

социально значимую деятельность. Развитие субъектности обучающихся (воспитанников) образовательных организаций осуществляется в процессе педагогической деятельности по созданию и совершенствованию педагогических условий, способствующих включению детей в разнообразные виды деятельности, обогащению их субъектного опыта, освоению способов самостоятельного разрешения проблем, стимулированию рефлексивно-ценностного принятия решений относительно выбора содержания и форм дальнейшего саморазвития.

Вместе с тем демократизация общества, несущая на себе позитивные тенденции, одновременно ставит обучающихся (воспитанников) перед многочисленными нравственными проблемами, разрешая которые они сталкиваются с рисками деформации личности, выбора социально неодобряемых моделей поведения, снижения социальной активности. Пространство самоопределения детей сегодня оказалось суженным: часто содержание образования не становится для них материалом развития собственной субъектности; жизненный опыт детей также недостаточен для оптимального разрешения ими возникающих трудностей (выбор образования, профессии и др.). Мы считаем, что субъектность человека, по своему сущностному истолкованию, связана со способностью индивида превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования. Человек, занимая позицию субъекта, приобретает способность к преобразующей мир субъектной активности. При этом мы рассматриваем субъектность как интегративное качество личности, а также деятельное отношение человека к самому себе

и миру, которые характеризуют взаимодействие человека с окружающими людьми и его воздействие на среду.

Общим в большинстве теоретических подходов к определению субъектности является признание субъекта активно действующим началом, противопоставляющим себя миру внешних объектов и обстоятельств. Однако остается известная неопределенность значения самого понятия субъектности, её онтологического статуса, морфологии; категория «субъектность» в теоретическом плане является одной из наиболее дискуссионных в отечественной педагогике. Анализ изучаемой проблемы показывает, что ещё не достигнута полнота научного знания в области психолого-педагогических оснований развития субъектности обучающихся (воспитанников); имеющиеся исследования не сведены в целостную педагогическую концепцию, объясняющую сущность и особенности педагогической деятельности, направленной на создание условий для развития субъектности детей. В связи с недостаточной разработанностью в педагогике теоретических основ и педагогических технологий развития субъектности внедрение в практику результатов исследований не носит системного характера. Поэтому возникает необходимость в разработке и тиражировании субъектно-ориентированных моделей педагогической деятельности по созданию условий для развития субъектности, в которых обучающийся и педагог выступают как активно включённые в педагогическое взаимодействие субъекты; обостряется проблема интеграции различных подсистем образования в решении проблем развития субъектности детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каган М.С. Некоторые вопросы взаимосвязи философии и педагогики // Каган М.С. Избранные труды : в 7 т. М. : Петрополис, 2006. Т. 3. С. 231–241.
2. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. Цикл популярных лекций-очерков с приложениями. М. : Академия, 2001.
3. Розин В.М. Философия субъективности. М. : Библиотека тьютера, 2011.
4. Лахтин А.Ю. Адаптация студентов первого курса к обучению в вузе средствами физической культуры : дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2011. 265 с.
5. Загrevская А.И., Сосуновский В.С. Ценностные ориентации как основа формирования спортивной культуры студентов в процессе физкультурно-спортивного образования // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 119–122.
6. Визитей Н.Н. Физическая культура личности: методологические, социально-философские, педагогические аспекты. Кишинев : Штиинца, 1989. 147 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 23 февраля 2015 г.

THE PROBLEM OF THE SUBJECT IN PEDAGOGY AND IN PEDAGOGY OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 204-208. DOI 10.17223/15617793/393/32

Lakhtin Artem Yu. Biysk Technological Institute (Branch) of Polzunov Altai State Technical University (Biysk, Russian Federation). E-mail: skbpgu@mail.ru

Keywords: pedagogy of physical culture and sport; subject; subject-subject interaction; axiology bodily; proxemics; semiotics physicality.

The article states that without the philosophical understanding of methodology, subject matter, objectives and a number of related issues of the pedagogy of physical culture and sports its further development and formation are impossible. Question about the pedagogy of physical culture and sport as a science still remains open; therefore, the author is interested in this problem and tries to solve it, at least partially. An idea is substantiated that the development of the theory and methodology of physical culture and other pedagogical sciences should inevitably lead to a new round of differentiation and integration in pedagogical, social and related natural sciences. The main attention is drawn to the application of the category "subject" in the scientific reflection of physical culture and sports. Basing on the views on the category "subject", the author comes to a conclusion that the category of subject in science is understood ambiguously, so one should explicitly identify the understanding of the term in any context. From the point of view of pedagogy, the person is perceived as a subject and as an object at present. Noting the importance of sports culture, the author understands

it as an integrative personal entity which includes a system of means, methods and results of physical training and sports activities aimed at the perception, reproduction, creation and distribution of sports goods and technologies. The article argues that the sports culture of the person is formed in the process of person's interiorization of cultural and educational potential, values and techniques of sports, as well as in the result of the experience of sports activities and filling them with personal sense. The author provides the objective and subjective factors determining the needs, interests and motives of students' engagement in active sports activities. Objective factors include: the condition of the sports facilities, the focus of the educational process on physical culture and content of classes, the level of requirements of the curriculum; the instructor; students' health condition; the frequency of classes; their duration and emotional coloring. Preparation of students to the independent practice of physical culture, manifestation of its individual components are not possible without reflection which is understood as the theoretical form of human activity aimed at understanding one's own actions and their laws; the activity of self-discovery revealing the specifics of the person's spiritual world. The problem of philosophical reflection of the phenomena of physical culture and sports, on the one hand, and education, on the other, is a very important and promising direction of research for the pedagogy of physical culture and sports as a new field of knowledge.

REFERENCES

1. Kagan M.S. *Izbrannye trudy: v 7 t.* [Selected Works: in 7 v.]. Moscow: Petropolis Publ., 2006. Vol. 3, pp. 231–241.
2. Arsen'ev A.S. *Filosofskie osnovaniya ponimaniya lichnosti. Tsikl populyarnykh lektsiy-ocherkov s prilozheniyami* [Philosophical foundations of understanding personality. The cycle of popular lectures and essays with supplements]. Moscow: Akademiya Publ., 2001. 592 p.
3. Rozin V.M. *Filosofiya sub"ektivnosti* [Philosophy of subjectivity]. Moscow: Biblioteka t'yutora Publ., 2011. 380 p.
4. Lakhtin A.Yu. *Adaptatsiya studentov pervogo kursa k obucheniyu v vuze sredstvami fizicheskoy kul'tury*: dis. kand. ped. nauk [Adaptation of first-year students to university studies by means of physical training. Pedagogy Cand. Diss.]. Barnaul, 2011. 265 p.
5. Zagrevskaya A.I., Sosunovskiy V.S. Value orientation as basis for students' sports culture formation in physical culture and sports education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 368, pp. 119–122. (In Russian).
6. Vizitey N.N. *Fizicheskaya kul'tura lichnosti: metodologicheskie, sotsial'no-filosofskie, pedagogicheskie aspekty* [Physical culture of a person: methodological, social and philosophical, pedagogical aspects]. Chisinau: Shtiintsa Publ., 1989. 147 p.

Received: 23 February 2015

ЭФФЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта государственного задания «Прикладная гуманитаристика: актуализация практически ориентированных подходов в исследовании культуры», код проекта 2111.

Сделана попытка провести анализ российского и зарубежного опыта эффективной организации спортивно-оздоровительной работы в высших учебных заведениях с целью выработки новых подходов к данному направлению деятельности на современном этапе модернизации образовательной системы.

Ключевые слова: физическое воспитание; спортивно-оздоровительная работа; физическая подготовка студентов; образовательные стандарты; модернизация образования.

Проблематика организации физкультурной и спортивно-оздоровительной деятельности в вузах нашей страны приобретает новый формат в условиях внедрения современных образовательных стандартов и изменений требований, которые предъявляют студенты как потребители образовательных услуг. Являясь социальным компонентом, предоставляемая вузом возможность поддерживать здоровый стиль жизни, заниматься спортом нередко выступает в качестве конкурентного преимущества при выборе абитуриентом того или иного образовательного учреждения.

В статье предпринята попытка провести анализ наиболее эффективного российского и зарубежного опыта организации спортивно-оздоровительной деятельности в высших учебных заведениях с целью выработки новых подходов к самой концепции осуществления данного вида деятельности в вузе на современном этапе модернизации образовательной системы.

Спортивно-оздоровительная работа в высших учебных заведениях России получила активное развитие начиная с первого десятилетия XX в. Началом зарождения студенческого спорта принято считать 1911 г., когда появились первые студенческие клубы спортивной направленности. К 1916 г. фактически половина всех вузов Российской империи в своем учреждении имела эффективно действующие спортивные клубы. В советский период спортивные студенческие организации получили повсеместное распространение, например, в спортивном обществе «Буревестник» занимались несколько сотен тысяч молодых людей [1].

В современной России о необходимости развития студенческого спорта и важной роли физической активности в молодежной среде неоднократно говорилось на самом высоком государственном уровне. Между тем степень вовлечения молодого населения в спорт и занятия физической культурой на данном этапе можно охарактеризовать как незначительные [2]. Для понимания проблем и перспектив развития спортивно-оздоровительной работы в высших учебных заведениях нашей страны нами были рассмотрены примеры эффективных форм организации спортивно-оздоровительной деятельности в зарубежных образовательных учреждениях, а также проанализи-

ровано мнение обучающихся российского вуза по вопросам качественной модернизации данного вида деятельности.

Обновленный закон об образовании в Российской Федерации, вступивший в силу с 1 сентября 2013 г., напрямую указывает обязанность руководства учреждений, в том числе высшего профессионального образования, содействовать развитию спорта и физической культуры. На современном этапе развития системы высшего образования в России профессионально-прикладная физическая подготовка студентов является составной частью программы физического воспитания и нацелена на подготовку молодого специалиста. Качественная профессиональная подготовка будущих специалистов в самых различных областях требует в том числе и значительной физической подготовки, что неоднократно было доказано многочисленными научными исследованиями [3]. Физическое воспитание является обязательным компонентом учебно-воспитательного процесса. Разработка норм, регулирующих спортивно-оздоровительную работу в вузе, должна быть нацелена в первую очередь на формирование и укрепление здоровья молодежи, только после этого следует уделять внимание достижению спортивного результата [4].

Курс физического воспитания в высшем учебном заведении предполагает решение следующих задач: в первую очередь это воспитание у будущих специалистов высоких волевых, моральных и физических качеств, что должно способствовать повышению производительности труда. Не менее важной задачей является укрепление и поддержание здоровья молодежи, повышение работоспособности во время обучения. Также необходимым аспектом профессионально-прикладной физической подготовки является учет специфики будущей сферы деятельности выпускника [1].

В российских вузах физическое воспитание осуществляется на протяжении всего периода обучения студентов и представляет собой значительное многообразие взаимосвязанных форм, дополняющих друг друга, формируя, таким образом, единый процесс физического воспитания обучающихся. Основной формой физического воспитания в вузах на сегодняшний день остаются учебные занятия. Планирование происходит отдельно по каждому направлению, и прове-

дение занятий осуществляется на базе кафедр физического воспитания [4]. С внедрением образовательных стандартов поколения ФГОС 3+ возникает дополнительная необходимость в реализации теоретического компонента дисциплины «Физическая культура» для непрофильных направлений. Лекции и семинарские занятия, предусмотренные стандартом как базовый элемент традиционно практико-ориентированной дисциплины, на наш взгляд, должны содержать необходимую основу знаний в области теории физической культуры. Знания медико-биологических аспектов физической культуры и спорта нацелены на формирование и поддержание здоровья студентов. Понимание социального значения спорта и физической культуры является немаловажным в формировании всесторонне развитой личности [2]. Отдельно стоит выделить самостоятельные занятия физической культурой, которые не только способствуют усвоению учебных компетенций, увеличивают общее время физической активности, но и в целом ускоряют процесс физического совершенствования студентов. Данные занятия могут проходить как в секциях, так и в самом вузе после основного учебного процесса. В совокупности все эти занятия обеспечивают эффективное непрерывное физическое воспитание обучающихся. Кроме предусмотренных учебными планами часов для занятий физической культурой, немаловажную роль в процессе физического воспитания и поддержания здоровья студентов выполняют разнообразные формы массовой спортивно-оздоровительной работы в вузе. Среди основных направлений массовой спортивно-оздоровительной деятельности в вузе выделяют общеподготовительное оздоровительно-рекреативное, спортивное, профессионально-прикладное, гигиеническое и лечебное [5].

С целью выявления положительного опыта эффективной спортивно-оздоровительной работы нами была рассмотрена система организации физического воспитания в зарубежных вузах на примере Германии.

Немецкая система современного высшего образования включает в себя три типа университетов:

1. Классические университеты. Их история уходит корнями вглубь Средних веков. Несмотря на это, в настоящее время университеты представляют собой современные научные и учебные центры с широким спектром направлений подготовки. К числу таких вузов относят Гейдельбергский университет, университеты в Тюбингене, Фрайбурге.

2. Университеты, которые получили свой статус в процессе преобразования отраслевых вузов, например технических. К этой группе относятся также технические университеты (*Technische Universitaeten*) и приравненные к ним по статусу высшие технические школы (*Technische Hochschulen*) в Ахене и Дармштадте. Как правило, для данных вузов характерен узкий выбор специализированных факультетов, преимущественно технической и естественно-математической направленности.

3. Вузы, открытые в последнее время вследствие процесса стремительного развития немецкой системы высшего образования. К ним можно отнести Рурский

университет в Бохуме, университеты в Билефельде, Констанце и др. Именно для данной категории вузов характерна ориентация на новые методы обучения, эксперименты, затрагивающие организацию учебного процесса, большое значение придается практическому компоненту образования.

В настоящее время в Германии насчитывается около 400 высших учебных заведений, большинство из которых имеют статус государственных вузов. Вопросы образования относятся к компетенции федеральных земель, что отражается на разности образовательных программ в различных частях страны, но не исключает наличие общих образовательных стандартов [6].

Один из таких стандартов – это программа по физической культуре. Несмотря на то что у студентов вузов Германии физическая культура не является обязательной дисциплиной, обучающиеся охотно посещают занятия спортом, предлагаемые их университетами. Все предлагаемые университетом занятия являются платными, но в то же время доступными (примерно 20 евро в семестр). Студентам немецких университетов предлагаются на выбор базовые варианты, такие как баскетбол, пляжный волейбол, регби, хоккей на льду, футбол, флорбол, гандбол, бадминтон, теннис, фрисби. Студенты могут освоить целый ряд боевых искусств: айкидо, джиу джитсу, каратэ, таэквон-до, кикбоксинг для женщин, кунг-фу и др. Наиболее интересными нам представляются специальные предложения немецких вузов: гимнастика для позвоночника, паркур, семинары Фельденкрайза, массаж рефлекторных зон ног, велоспорт, медитация, пилатес, ци гун, шиацу, йога, театр движения, альпинизм, пеший туризм.

В ходе рассмотрения форм организации спортивно-оздоровительной работы в немецких вузах мы пришли к выводу, что важным элементом, который делает данную систему эффективной, выступает разнообразие возможностей для удовлетворения потребностей студентов в физической активности. Студент не ограничен рамками в своем выборе той или иной направленности, в которой он мог бы себя попробовать, будь то игры с мячом, боевые искусства или гимнастика. Каждый цикл занятий студент имеет право выбрать себе новое направление. При этом группы, как правило, делятся на три категории – для начинающих, продолжающих и более углубленное изучение, что позволяет комфортно чувствовать себя на любой стадии совершенствования своих навыков. Запись на занятия в любую группу, как правило, происходит на специализированном портале университета, где также можно выбрать удобное расписание посещения занятий, проследить наиболее популярные направления. Конкуренция среди педагогов создает также благоприятную среду для повышения качества образовательных услуг. Оплата не является существенной и не ограничивает студентов в выборе и объеме занятий. Мы пришли к выводу, что немецкая модель организации специализаций, в том числе технологически продуманный подход к ее реализации, могла бы быть частично заимствована и в системе спортивно-оздоровительной работы российских вузов.

Нами также была проанализирована организация спортивно-оздоровительной работы российского вуза на примере Томского государственного университета. Основной формой физического совершенствования студентов в настоящее время является процесс физического воспитания. Данный процесс решает основные задачи, направленные на поддержание здоровья, формирования мотивации к регулярной физической активности. Учебный процесс по физическому воспитанию в ТГУ осуществляется на четырех отделениях. Спортивно-массовую и физкультурно-оздоровительную работу на факультетах проводят кураторы по физическому воспитанию и спортивные советы на факультетах. На сегодняшний день в университете активно работают секции и клубы по 30 видам спорта, в которых на высоком спортивном уровне занимаются более 1 000 студентов и сотрудников ТГУ.

С целью оценки качества организации спортивно-оздоровительной работы в университете и ее эффективности было проведено анкетирование 120 студентов Томского государственного университета, представляющих 12 факультетов различной направленности. Были получены и проанализированы следующие результаты. Все опрошенные студенты на вопрос об удовлетворенности занятиями ответили положительно.

Среди опрошенных студентов 64% посещают занятия по аэробике, 36% занимаются Hot Iron, при этом 30% из всех респондентов совмещают выбранную специализацию с другими занятиями, предлагаемыми университетом. На бесплатной форме обучения физической культурой занимается 67% опрошенных студентов, 33% обучающихся при этом пользуются платными спортивно-оздоровительными услугами на базе университета, 2% совмещают платные и бесплатные возможности занятий физической культурой в вузе.

Получение удовольствия от занятий стало основным мотивационным фактором при выборе специализации, что было отмечено в 43% ответов, получение требуемого уровня физической нагрузки и эффективность тренировок в поддержании формы выступили фактором, влияющим на выбор респондентами специализации в 27% ответов. Личность преподавателя ока-

зала влияние при выборе конкретной специализации в 20%, показатель 10% был характерен для выбора направления в зависимости от удобства расписания занятий. Предпочитают заниматься физической культурой 2–3 раза в неделю 60% студентов, 40% респондентов выразили желание заниматься физической культурой от 4 до 5 раз в неделю. Все студенты (100%), принявшие участие в анкетировании, оценили методы работы педагога выше среднего. Среди наиболее значимых качеств педагога, способного мотивировать студентов к занятиям физической культурой, обучающиеся выделили понимание, доброжелательность, любовь к своему делу, а также чувство юмора, ответственность и жизнерадостность.

Респондентам было также предложено выделить те специализации, которые в настоящий момент не реализуются в университете, но могли быть внедрены в образовательный процесс. Спортивные танцы были выделены как наиболее популярное направление – 40%, занятия йогой – 33%, спортивно-оздоровительный туризм – 20%. Не наблюдалось повышенного интереса студентов при выборе таких специализаций как паркур, бадминтон, бильярд – 7% ответов.

Таким образом, мы пришли к выводу, что повышение качества реализации спортивно-оздоровительной работы в российском вузе в рамках общих тенденций модернизации образовательных процессов затрагивающих в том числе и преподавание дисциплины «физическая культура», должно быть ориентировано на положительный опыт зарубежных университетов, но при этом должно сохраняться понимание местной специфики. В целом студенты, включенные в спортивно-оздоровительную деятельность университета, дают положительную оценку как организационному, так и образовательному процессу, но при этом активно выражают пожелания по улучшению качества реализации физической активности в вузе. Нами были выделены основные факторы, влияющие на мотивационные аспекты спортивно-оздоровительной деятельности, которые будут учтены в проектировании инновационной концепции реализации физической активности у студентов высших учебных заведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильинича В.И. Физическая культура студента : учеб. для студ. вузов. М. : Гардарики, 1999. 349 с.
2. Чешихина В.В. Физическая культура и здоровый образ жизни студенческой молодежи : учеб. пособие. М. : Изд-во МГСУ «Союз», 2000. 230 с.
3. Касаткин А.А. Мотивы оздоровительной деятельности студенток в процессе обучения в вузе // Теория и практика физической культуры. 2012. № 9. 72 с.
4. Решетников Н.В., Кислицын Ю.Л. Физическая культура студента : учеб. для СПО. 8-е изд., стер. М. : Академия, 2008. 143 с.
5. Рагимова О.А. Основы здорового образа жизни студентов : учеб. пособие. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2008. 40 с.
6. GLOBAL CLASS. URL: <http://www.global.class.org/countries/4/1> (дата обращения: 20.01.2015).

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 18 февраля 2015 г.

EFFICIENT FORMS OF SPORTS AND RECREATION ACTIVITIES IN A UNIVERSITY: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 209-212. DOI 10.17223/15617793/393/33

Pupysheva Zhanna S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Zhanna.pupysheva@mail.ru

Karvounis Yulia A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: juliakarvounis@gmail.com

Keywords: physical education; sports and recreation work; physical preparation of students; educational standards; modernization of education.

The problems of organization of physical culture and sports and recreational activities in the universities of our country acquires a new format in terms of introduction of modern educational standards and changes of requirements that students as consumers of educational services impose. As a social component, university's granting of the opportunity to maintain a healthy lifestyle, to exercise often acts as a competitive advantage when an applicant chooses this or that educational institution. In this paper, we attempt to analyze the most effective domestic and foreign experience in organizing sports and recreational activities in institutions of higher education in order to develop new approaches to the very concept of the activity in the university at the present stage of modernization of the educational system. The course of physical education in higher education involves the following tasks: first is the development of future specialists' high volitional, moral and physical qualities, which should contribute to increased productivity. An equally important task is to strengthen and maintain the health of young people, increase their efficiency in education. With the introduction of FSES 3+ educational standards there is an additional need for the implementation of the theoretical component of the discipline "physical culture" for the non-core areas. In order to identify the positive experience of effective sport and recreation activities we have considered the system of physical education organization in German universities. During the study of the forms of sports and recreation activity organization in German universities, we came to a conclusion that an important element that makes the system efficient is a variety of opportunities to meet the needs of students in physical activity. In this paper we have also analyzed the organization of sports and recreation activities in Tomsk State University (Tomsk, Russia). Currently, the main form of students' physical activities is the process of physical education. At present, the university has sections and clubs of 30 sports in which more than 1,000 students and staff of TSU are engaged in high-level sports. In order to assess the quality of the organization of sports and recreation activities in the university and its efficiency, a survey was conducted among students. The article highlights the main factors influencing the motivational aspects of sports and recreational activities, which will be taken into account in the design of an innovative concept of university students' physical activity implementation.

REFERENCES

1. Il'inich V.I. *Fizicheskaya kul'tura studenta* [Physical culture of a student]. Moscow: Gardariki Publ., 1999. 349 p.
2. Cheshikhina V.V. *Fizicheskaya kul'tura i zdorovyy obraz zhizni studencheskoy molodezhi* [Physical culture and healthy lifestyle of students]. Moscow: Izd-vo MGSU "Soyuz" Publ., 2000. 230 p.
3. Kasatkin A.A. Motivy ozdorovitel'noy deyatel'nosti studentok v protsesse obucheniya v vuze [Motives for recreational activities of students in the learning process at the university]. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*, 2012, no. 9, pp. 10–13.
4. Reshetnikov N.V., Kislytsyn Yu.L. *Fizicheskaya kul'tura studenta* [Physical culture of a student]. 8th edition. Moscow: Akademiya Publ., 2008. 143 p.
5. Ragimova O.A. *Osnovy zdorovogo obraza zhizni studentov* [The basics of a healthy lifestyle of students]. Saratov: Saratov State University Publ., 2008. 40 p.
6. GLOBAL CLASS. Available from: [Http://www.global.class/org/countries/4/1](http://www.global.class/org/countries/4/1). (Accessed: 20.01.2015).

Received: 18 February 2015

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 55:502.4

Н.Н. Бракоренко, Т.Я. Емельянова

КРИТЕРИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ СРЕДЫ В СВЯЗИ С ВОЗДЕЙСТВИЕМ НЕФТЕПРОДУКТОВ

Приводится характеристика критериев экологической оценки устойчивости геологической среды г. Томска к влиянию нефтепродуктов. Обосновывается выбор главных критериев, дается их детальная характеристика, приводится балльная оценка как каждого критерия в частности, так и суммарная балльность для выявления роли критериев в определении степени воздействия на геологическую среду нефтепродуктов. Даны результаты типизации геологической среды по степени воздействия нефтепродуктов и карта территории г. Томска с распределением типов устойчивости и их характеристикой.

Ключевые слова: геологическая среда; нефтепродукты; взаимодействие; критерии оценки; типы устойчивости; балльная оценка; картирование.

Мировой опыт показывает, что при добыче, транспортировке и хранении нефти и нефтепродуктов (НП) их проливы на грунты и водные поверхности случаются достаточно часто. Наибольшие загрязнения НП грунтов и грунтовых вод в пределах урбанизированных территорий наблюдаются на нефтебазах, складах горюче-смазочных материалов (ГСМ), у автозаправочных станций (АЗС), вблизи дорог. Например, по данным [1], в грунтах территории Семикаракорской нефтебазы содержатся нефтепродукты в количестве более 1 г/кг. Линзы нефтепродуктов мощностью до 1–3 м на поверхности грунтовых вод и площадью до 0,35 км² выявлены на отдельных территориях предприятий в Иркутской области, Красноярском крае [2]. В Республике Хакасия в подземных водах четвертичных отложений концентрация НП достигает 39,7 мг/л [3]. На территории г. Томска функционируют 119 АЗС (на 2013 г.), что диктует необходимость оценки состояния геологической среды, меняющейся под воздействием нефтепродуктов. В этой связи представляемая нами работа, посвященная оценке устойчивости геологической среды к углеводородному загрязнению, является весьма актуальной. Изучением различных экологических проблем верхней части геологического разреза территории г. Томска мы занимались и ранее [4–6].

В основу оценки устойчивости геологической среды территории г. Томска положен алгоритм, предложенный Т.Г. Рященко [7], который базируется на учете типов строения геологической среды, а затем выявлении, оценке и прогнозе антропогенных изменений в этой конкретной системе. В соответствии с предложенной методикой нами была выполнена типизация грунтовых толщ территории г. Томска, которая впоследствии явилась основой для районирования территории по степени устойчивости геологической среды к углеводородному загрязнению.

В качестве основных показателей для типизации грунтовой толщи глубиной до 20 м взяты петрографический состав грунтов и их проницаемость. Картографирование типов грунтовых толщ выполнено нами на основе анализа карт инженерно-геологических

условий масштабов 1:25000 и 1:10000 г. Томска, геологических разрезов по большому количеству скважин. Анализ состава техногенных отложений мощностью до 3 м в характеристике типов не учитывался. Для территории г. Томска выделены 7 типов грунтовых толщ по составу и проницаемости грунтов (табл. 1).

Для оценки устойчивости геологической среды г. Томска к углеводородному загрязнению нами был использован подход, основанный на суммарном учете частных оценок показателей, предложенный в [8].

По мнению авторов, основным показателем, определяющим устойчивость геологической среды к воздействию нефтепродуктов в зоне аэрации и полного водонасыщения, является способность грунтов сорбировать и пропускать нефтепродукты [Там же]. При картировании устойчивости геологической среды к углеводородному загрязнению Ученые использовали следующие показатели: проницаемость песчаных пород; сорбционная способность глинистых грунтов; пороговые значения коэффициента фильтрации; гидрогеологические и геоморфологические условия.

В соответствии с особенностями геологической среды г. Томска (песчано-глинистый состав геологического разреза) и ее взаимодействия с нефтепродуктами мы несколько изменили показатели, предложенные в работе [8]. Нами в качестве основных показателей взяты: проницаемость грунтов в отношении НП; сорбционная способность грунтов; степень изменения состава, состояния и свойств грунтов при взаимодействии с НП; гидрогеологические и геоморфологические условия.

Проницаемость грунтов оценена по расчетам времени, затрачиваемого на инфильтрацию условно взятых 10 м³ нефтепродуктов.

Оценка проводилась по методике В.А. Мироненко и В.Г. Румынина [9].

Эти расчеты проводились для реальных разрезов зоны аэрации, полученных по данным пробуренных скважин.

Расчетная формула имеет вид

$$t = \frac{\mu H_0}{k} \left[\frac{m}{H_0} - \ln \left(1 + \frac{m}{H_0} \right) \right], \quad (1)$$

где H_0 – высота столба загрязнителя (условно принята 1 м), м; m – мощность зоны аэрации, м; k – коэффициент фильтрации пород зоны аэрации (м/сут) (взяты по Б.Н. Солониному [10]); μ – недостаток насыщения, д.е.

Формула (1) в представленном виде используется для расчета времени инфильтрации через однородную по фильтрационным свойствам зону аэрации. Если зона аэрации, как это обычно бывает, имеет неоднородное строение, т.е. состоит из нескольких слоев пород различной литологии и, следовательно, разных фильтрационных свойств, то расчет времени фильтрации производится следующим образом. По формуле (1) находится время фильтрации (t_i) через каждый

(i -й слой) с учетом мощности и коэффициента фильтрации определяемого слоя и пористости. Общее время находится суммированием частных времен

$$t = \sum t_i. \quad (2)$$

В табл. 1 приведены данные и непосредственно расчеты времени инфильтрации.

Учитывая полученные выше результаты, по данному показателю нами выделены три градации (табл. 2).

Сорбционная способность грунта. В табл. 3 приводятся типичные данные по количеству сорбированных НП разных грунтов (по В.А. Королеву [11]).

Данный показатель оценивается максимально в 4 балла (табл. 4).

Т а б л и ц а 1

Сравнительная характеристика типов грунтовых толщ по времени инфильтрации

Номер типа толщ	Описание грунтовых толщ	Состав	Недостаток насыщения, μ , д.е	Коэф-фициент фильтрации, k , м/сут	Мощность, m , м	Время инфильтрации, t , сут
1	Преимущественно глинисто-суглинистый разрез, мощностью 17–18 м подстилается песчаным грунтом	Суглинок	0,18	0,005	18	610,4
		Песок	0,27	1	2	0,2
2	Разрез представляет собой переслаивание суглинков, супесей	Суглинки	0,18	0,005	10	273,7
		Супесь	0,23	0,05	10	34,9
3	Двухслойная толща: суглинки мощностью 5–10 м, подстилается песчаным грунтом мощностью более 10 м	Суглинок	0,18	0,005	10	273,7
		Песок	0,27	1	10	2,1
4	Представлен суглинками (2–3 м) и песками (17 м)	Суглинок	0,18	0,005	3	58,1
		Песок	0,27	1	17	3,8
5	Разрез представлен техногенными грунтами мощностью 3–7 м, залегающими на суглинках, супесях с линзами торфа и гравийно-галечниковом грунте, переслаивающимися в разрезе		Н.д.	Н.д.	Н.д.	
6	Супесчано-песчаный разрез	Супесь	0,23	0,05	10	34,9
		Песок	0,27	1	10	2,1
7	Суглинок до 5 м залегает на скальных грунтах		Н.д.	Н.д.	Н.д.	

Примечание. Н.д. – нет данных

Т а б л и ц а 2

Ранжирование по проницаемости пород

Время инфильтрации, сут	Менее 100	100–300	Более 300
Балл	1	2	3

Т а б л и ц а 3

Способность грунтов сорбировать нефтепродукты

Грунт	Количество сорбированных НП, л/м ³
Крупный гравий, валуны	–
Гравий, грубозернистый песок	8
Песок крупный – средний	15
Песок средний – мелкий	25
Песок глинистый – глины	40

Т а б л и ц а 4

Градация балльности по сорбционной способности пород

Объем сорбированных НП, л/м ³	8	15	25	40
Балл	4	3	2	1

Эксперименты автора по изучению влияния НП на физико-механические свойства грунтов [12], а также данные, приведенные в работах [13, 14], показали, что наибольшему воздействию подвергаются глинистые грунты, чем песчаные разновидности. В этой связи данный показатель оценен нами максимум в 2 балла. Грунтовым толщам преимущественно глинисто-суглинистого состава присвоен 1 балл, грунтовым толщам супесчано-песчаного состава – 2 балла.

В табл. 5 приведена балльная оценка в совокупности двух показателей – *глубины залегания уровня грунтовых вод и геоморфологической приуроченности*.

Таким образом, для территории г. Томска на основе анализа ведущих показатели оценки устойчивости геологической среды и ее балльной оценки выделены геологические среды с высокой (10 и более баллов), средней (8–10) и низкой (менее 8) степенью устойчивости к углеводородному загрязнению (табл. 6).

На основе разработанной классификации составлена карта-схема (рис. 1). Содержание этой карты отражает распределение типов геологической среды с различной степенью устойчивости к углеводородному загрязнению.

Таблица 5

Ранжирование по гидрогеологическим и геоморфологическим условиям пород

Геоморфологический элемент	Пойма	Вторая и третья надпойменные террасы	Водораздельная поверхность
Глубина залегания уровня подземных вод, м	6,1–10	8–12	25–30
Балл	1	2	3

Таблица 6

Оценка устойчивости геологической среды к углеводородному загрязнению

Номер типа грунтовых толщ	Показатели оценки устойчивости геологической среды к углеводородному загрязнению				Сумма баллов	Степень устойчивости
	Время инфильтрации, сут	Количество сорбированных НП, л/м ³	Степень изменения состава и свойств грунтов под воздействием нефтепродуктов	Геоморфологический элемент. Глубина залегания уровня подземных вод, м		
1	3	1	1	3	8	Средняя
2	3	1	1	3	8	
5	1	4	2	1	8	
3	2	2	1	2	7	Низкая
4	1	3	1	2	7	
6	1	3	2	2	7	
7	3	1	2	4	10	Высокая

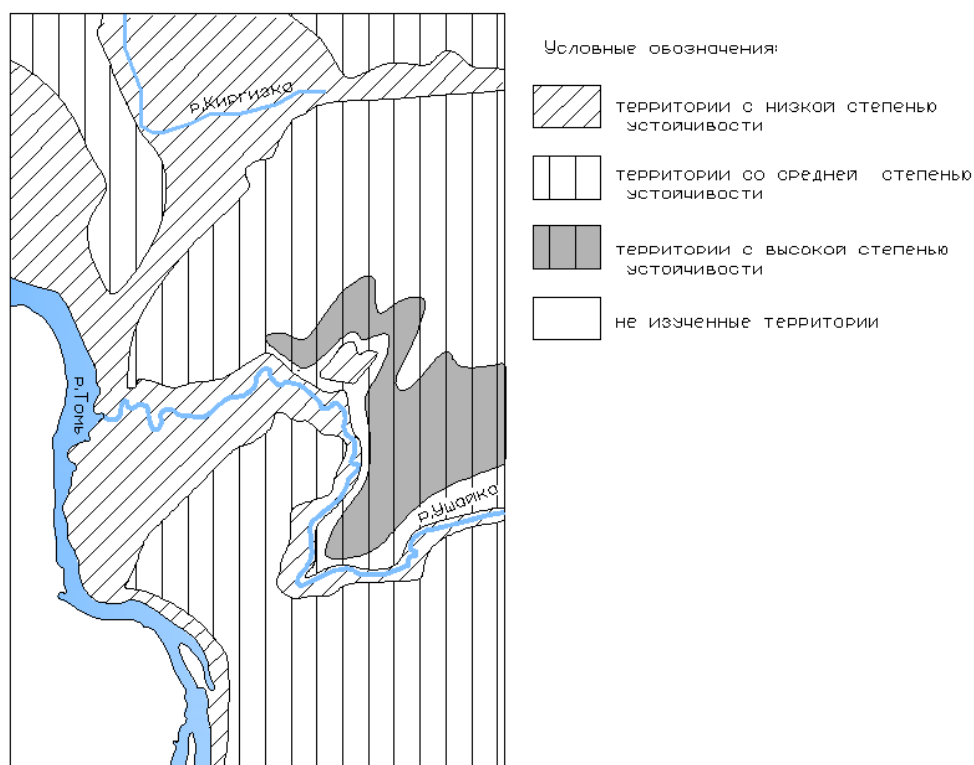

Рис. 1. Карта-схема прогноза устойчивости геологической среды г. Томска к углеводородному загрязнению

Таким образом, территории с низкой степенью устойчивости приурочены к современным отложениям пойм, первой, второй, третьей надпойменных террас рек Томь, Киргизка, Ушайка.

Разрез представлен суглинками небольшой мощности (5–10 м), супесью, песком, с высокой скоростью инфильтрации НП (менее 100 м/сут), средней сорбционной способностью (8–25 л/м³), с неглубоким залеганием уровня грунтовых вод (6–12 м), невысокой степенью изменения свойств. Территории со средней степенью устойчивости

приурочены к водоразделу. Преимущественно представлены глинисто-суглинистым разрезом, с низкой скоростью инфильтрации (более 300 м/сут), более глубоким, в сравнении с территориями низкой степени устойчивости, залеганием уровня грунтовых вод (25–30 м), высокой сорбционной способностью (более 40 л/м³), высокой степенью изменения свойств грунтов.

Территории с высокой степенью устойчивости представлены суглинком, глинами с лигнитами. Приурочены к выходам палеогеновых отложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закруткин В.Е., Холодков Ю.И., Подольский А.Д. Экологические последствия эксплуатации нефтехранилищ в междуречье рек Дон и Сал // *Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология*. 2007. № 6. С. 506–517.
2. Макушин Ю.В., Плевако Г.Л. и др. Оценка загрязнения подземных вод на территории СФО нефтепродуктами // *Разведка и охрана недр*. 2007. С. 45–48.
3. Наливайко Н.Г., Сыроватко Ю.С., Дутова Е.М., Покровский Д.С. Характеристика микробиологической составляющей подземных вод Республики Хакасия в условиях углеводородного загрязнения // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 300. С. 190–194.
4. Dutova E.M., Nalivaiko N.G., Kuzevanov K.I., Kopylova J.G. The chemical and microbiological composition of urban groundwater, Tomsk, Russia // *Groundwater in the Urban Environment. Proceedings of the XXVIIth Congress IAH*. Nottingham, UK, 1998. Vol. 2. P. 125–130.
5. Pokrovskiy V., Pokrovskiy D., Dutova E., Nikitenkov A. THE RESEARCH Underflooding processes of architecture monuments on the territory of Tomsk with using gis- technology // *Science and technologies in geology, exploration and mining. 14th International multidisciplinary scientific geoconference sgem2014*. Albena, BULGARIA, 2014. Vol. 2. P. 935–941.
6. Pokrovsky V., Pokrovsky D., Dutova E., Nikitenkov A., Nazarov A. Degree of areal drainage assessment using digital elevation models // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* 21 012018 doi:10.1088/1755-1315/21/1/012018. № 21. 2014.
7. Рященко Т.Г. Региональное грунтоведение (Восточная Сибирь). Иркутск : ИЗК СО РАН, 2010. 287 с.
8. Бондарик Г.К., Ярз Л.А. Инженерно-геологические изыскания. М. : Изд-во КДУ, 2007. 424 с.
9. Мироненко В.А., Румынин В.Г. Проблемы гидрогеоэкологии. М. : Изд-во МГУ, 2002. Т. 1. 732 с.
10. Солонин Б.Н. Краткий справочник по проектированию и бурению скважин на воду. М. : Недра, 1983. 107 с.
11. Королев В.А. Очистка грунтов от загрязнений. М. : Наука ; Интерпериодика, 2001. 365 с.
12. Бракоренко Н.Н., Емельянова Т.Я. Влияние нефтепродуктов на петрографический состав и физико-механические свойства песчано-глинистых грунтов (на примере г. Томска) // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 342. С. 197–201.
13. Effects of crude oil contamination on geotechnical properties of clayey and sandy soils // *Mashalah Khamehchiya*, Amir Hossein Charkhab and Majid Tajik. URL: <http://www.sciencedirect.com>
14. Effect of hydrocarbon pollution on the microbial properties of a sandy and a clay soil // *Valeria Labud, Carlos Garcia and Teresa Hernandez*. URL: <http://www.sciencedirect.com>

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 12 февраля 2015 г.

CRITERIA FOR ECOLOGICAL ESTIMATION OF THE GEOLOGICAL ENVIRONMENT UNDER THE INFLUENCE OF OIL PRODUCTS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 213-217. DOI 10.17223/15617793/393/34

Brakorenko Natal'ya N. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: brakorenko@sibmail.com

Yemelyanova Tamara Ya. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: brakorenko@sibmail.com

Keywords: geological environment; oil products; interaction; criteria of an estimation; stability types; stability estimation; cartography.

The purpose of this work is to choose the main criteria for the estimation of sustainability of the geological environment to pollution by oil products. The purpose of this work is very important because the territory of Tomsk (for 2013) has 119 oil-stations and, as a result, we have a problem of estimation of the conditions of the geological environment change under the influence of oil products. A complex review of this problem, including identification and study of the factors defining the nature of pollution of the geological environment by oil products, is represented as very important. To estimate sustainability of the geological environment, the following algorithm was used: initially we classify types of the structure of the geological environment of the territory, and then identify, estimate and make forecast of changes in this system. As a result, we classify soils of the territory of Tomsk, which was subsequently used as a basis for territory division into districts by the degree of sustainability of the geological environment to oil product pollution. The main criteria for classifying soil with a thickness of ~20 m are the petrographic structure of soils and type of oil product distribution in them. The mapping of types of soil thicknesses is executed on the basis of the analysis of engineering-geological maps of Tomsk conditions of scales 1:25000 and 1:10000, geological data of a large number of wells and results of allocation of oil products in soil. The territory of Tomsk has seven types of soil thickness by the analysis of its structure and permeability. The analysis of the structure of technogenic deposits with thickness up to 3 meters was not considered in the classification of types. To estimate the stability of the geological environment of Tomsk to oil product pollution and its degree, we use an approach based on the total accounting of the estimated values of factors offered by G.K. Bondarik and V.T. Trofimov. We offer to understand "stability of geological environment" as the ability of components of the geological environment to resist external influences without transition to a new quality. Also we offer to use permeability of soil concerning oil products; sorption ability of soil; the scale of the change of structure, condition and properties of soil at interaction with oil products; hydrogeological and geomorphological conditions as major factors for estimation of the stability of the geological environment. Thus, on basis of the considered factors, we define three types of the geological environment for the territory of Tomsk with high, average and low degrees of stability to pollution by oil products. On the basis of the developed classification the schematic map was made. The content of this map reflects the distribution of types of natural and technical systems with various degrees of stability to pollution by oil products.

REFERENCES

1. Zakrutkin V.E., Kholodkov Yu.I., Podol'skiy A.D. Environmental consequences of oil storage operation in the interfluvial area between Don and Sal rivers. *Geoekologiya. Inzhenernaya geologiya. Gidrogeologiya. Geokriologiya – Environmental Geoscience. Engineering geology. Hydrogeology. Geocryology*, 2007, no. 6, pp. 506–517. (In Russian).
2. Makushin Yu.V., Plevako G.L. i dr. Otsenka zagryazneniya podzemnykh vod na territorii SFO nefteproduktami [Estimation of groundwater pollution in the territory of the Siberian Federal District]. *Razvedka i okhrana nedr – Prospect and Protection of Mineral Resources*, 2007, pp. 45–48.
3. Nalivaiko N.G., Syrovatko Yu.S., Dutova E.M., Pokrovskiy D.S. Kharakteristika mikrobiologicheskoy sostavlyayushchey podzemnykh vod Respubliki Khakasiya v usloviyakh uglevodorodnogo zagryazneniya [Characteristics of the microbiological

- component of groundwater in the Republic of Khakassia in hydrocarbon pollution conditions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 300, pp. 190–194.
4. Dutova E.M., Nalivaiko N.G., Kuzevanov K.I., Kopylova J.G. The chemical and microbiological composition of urban groundwater, Tomsk, Russia. *Groundwater in the Urban Environment. Proceedings of the XXVIIIth Congress IAH*. Nottingham, UK, 1998. Vol. 2, pp. 125–130.
 5. Pokrovskiy V., Pokrovskiy D., Dutova E., Nikitenkov A. The Research Underflooding Processes of Architecture Monuments On The Territory of Tomsk With Using GIS- technology. *Science and Technologies in Geology, Exploration and Mining. 14th International Multidisciplinary Scientific Geoconference SGEM2014*. Albena, Bulgaria, 2014. Vol. 2, pp. 935–941.
 6. Pokrovsky V., Pokrovsky D., Dutova E., Nikitenkov A., Nazarov A. Degree of areal drainage assessment using digital elevation models. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.*, 2014, 21, pp. 012–018. DOI:10.1088/1755-1315/21/1/012018
 7. Ryashchenko T.G. *Regional'noe gruntovedenie (Vostochnaya Sibir')* [Regional soil studies (Eastern Siberia)]. Irkutsk: IZK SO RAN Publ., 2010. 287 p.
 8. Bondarik G.K., Yarg L.A. *Inzhenerno-geologicheskie izyskaniya* [Engineering and geological exploration]. Moscow: Izd-vo KDU Publ., 2007. 424 p.
 9. Mironenko V.A., Rumynin V.G. *Problemy gidrogeoeologii* [Hydrogeoecology problems]. Moscow: Moscow State University Publ., 2002. Vol. 1. 732 p.
 10. Solonin B.N. *Kratkiy spravochnik po proektirovaniyu i bureniyu skvazhin na vodu* [A brief reference for the design and drilling of water wells]. Moscow: Nedra Publ., 1983. 107 p.
 11. Korolev V.A. *Ochistka gruntov ot zagryazneniy* [Removing contamination from soil]. Moscow: Nauka / Interperiodika Publ., 2001. 365 p.
 12. Brakorenko N.N., Emel'yanova T.Ya. Impact of oil products on spectrographic composition and physical-mechanical properties of sand-clay soils (by example of Tomsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 342, pp. 197–201. (In Russian).
 13. Mashalah Khamehchiya, Amir Hossein Charkhab, Majid Tajik. Effects of crude oil contamination on geotechnical properties of clayey and sandy soils. *Engineering Geology*, 2007, vol. 89, is. 3–4, pp. 220–229. DOI: 10.1016/j.enggeo.2006.10.009
 14. Labud V., Garcia C., Hernandez T. Effect of hydrocarbon pollution on the microbial properties of a sandy and a clay soil. *Chemosphere*, 2007, vol. 66, is. 10, pp. 1863–1871. DOI: 10.1016/j.chemosphere.2006.08.021

Received: 12 February 2015

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ПРИГОДНОСТИ КЛИМАТА РЕГИОНА ДЛЯ СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ РЕКРЕАЦИИ

Приведены результаты технологической оценки климатических ресурсов для спортивно-оздоровительной рекреации, полученные с учетом фактора воздействия климата на тепловое состояние организма человека. Для Еврейской автономной области в теплый и холодный сезоны выявлены периоды, в которые рекомендуется прерывать отдых на открытом воздухе из-за сильного воздействия на рекреантов лимитирующих факторов – душных погод и суровых низких температур соответственно. Различные по комфортности и распространению климатические рекреационные ресурсы области могут использоваться для разных видов отдыха при соблюдении условий сезонности.

Ключевые слова: климат; спортивно-оздоровительная рекреация; лимитирующие факторы; Еврейская автономная область.

Введение. Развитие в регионе туристической деятельности рассматривается субъектами страны как один из вариантов улучшения их экономической ситуации. Эта бурно развивающаяся отрасль стала повсеместным явлением – нет ни одной страны, региона, которые не отправляли бы или не принимали туристов. Рекреация становится важнейшим направлением использования природных ресурсов, а их наличие является важным условием развития туристической деятельности. Среди них особое значение имеют климатические ресурсы, представляющие собой метеорологические элементы или их сочетания, обладающие медико-биологическими свойствами и использующиеся в процессе рекреации [1, 2].

При осуществлении рекреационных мероприятий влияние климата проявляется в трех аспектах [2–4]. Во-первых, определенные его свойства необходимы для проведения разных видов рекреации. Оценка ресурсов с целью выявления возможности осуществления тех или иных видов отдыха называется технологической. Ее результатом является анализ степени пригодности ресурсов для какого-либо комплекса занятий (качество рекреационных ресурсов), их количественные характеристики (например, площадь распространения), продолжительность периода с благоприятными условиями.

Во-вторых, климат воздействует на тепловое состояние организма отдыхающего человека. Оценка благоприятности рекреационных ресурсов для организма человека известна как физиологическая [2, 3]. Традиционно на этом аспекте специалисты концентрируют внимание при изучении лечебных климатических ресурсов, так как их положительное воздействие на организм проявляется только в случае их комфортности. Лечебный отдых осуществляется с целью предотвращения морфологических и функциональных дефектов организма, возникших в результате чрезмерных внешних воздействий или дисбаланса биологических процессов в самом организме [4]. Неблагоприятные климатические условия не только не будут способствовать процессу лечения, но и могут вызвать отрицательные сдвиги в здоровье ослабленных людей.

В-третьих, рассматривается эстетическая сторона влияния климатических ресурсов на развитие туризма. Например, это длительность дня, видимость, облачность и др., т.е. те особенности климата, которые влияют на психологическое состояние отдыхающего [2].

При изучении природных рекреационных ресурсов спортивно-оздоровительного отдыха, как правило, упор делается на технологический аспект [5, 6 и др.]. Влияние на организм неблагоприятных природных факторов, в частности климатических, рассматривается как некоторое ограничение в проведении рекреационных мероприятий. Так, пешие походы можно осуществлять в дождь; в то же время сильные осадки существенно лимитируют данный вид отдыха. И хотя спортивно-оздоровительная рекреация связана с тягой людей к преодолению препятствий с целью собственного самоутверждения, устранения утомления, повышения работоспособности функций важнейших систем организма, лучшее впечатление оставит путешествие, которое не вызывало сильные стрессы от воздействия неблагоприятных климатических факторов. Более того, некоторые погодные явления (низкие температуры, душные погоды и др.) приводят к необходимости прекращения рекреационных мероприятий, так как могут причинить вред организму даже здорового человека. Таким образом, учет физиологического аспекта в оценке пригодности климатических условий для спортивно-оздоровительного отдыха позволит более адекватно определить возможности проведения рекреационных мероприятий.

Цель данного исследования – определить пригодность климатических ресурсов спортивно-оздоровительной рекреации с учетом воздействия климатических факторов на тепловое состояние организма человека.

Материалы и методы исследования. Принцип сопряженного проведения технологической и физиологической оценки климатических ресурсов для спортивно-оздоровительного отдыха апробирован на примере Еврейской автономной области (ЕАО).

Регион исследования располагается на юге Дальнего Востока России. По климатическому районированию Б.П. Алисова [7], учитывающему географическое распределение воздушных масс и атмосферных фронтов, территория автономии входит в муссонную лесную климатическую область умеренных широт, характеризующуюся высоким показателем континентальности. Для него характерны резкие отклонения среднегодовых и среднемесячных зимних температур от среднеширотных.

Отличительной чертой дальневосточного муссона является наличие двух сезонных фаз – летней и зимней. Зимний муссон обуславливает малооблачную, малоснежную морозную погоду на всей территории области. Средняя месячная температура самого холодного месяца зимы января колеблется от $-21,2^{\circ}\text{C}$ на юге до $-26,5^{\circ}\text{C}$ на севере области. Летний муссон характеризуется теплыми влажными условиями. Лето в автономии теплое со средними температурами июля $+19 \div +21^{\circ}\text{C}$. В этот сезон выпадает до 60% годовой суммы осадков.

Как указывается многими авторами [8, 9], человек в климатических условиях юга Дальнего Востока находится зимой в необычных для этих широт суровых условиях Сибири, а летом – во влажных теплых тропиках. Именно поэтому для данной территории при рекреационных исследованиях необходимо учитывать влияние климата на тепловое состояние организма человека.

Технологическая оценка климатических рекреационных ресурсов региона для спортивно-оздоровительной рекреации, показывающая, какое количество дней благоприятно для того или иного комплекса занятий, построена на анализе требований рекреационных занятий к климатическим условиям и на результатах их физиологической оценки. Для этого были использованы показатели: для рекреации в теплый сезон – эквивалентно-эффективной температуры (ЭЭТ), радиационно-эффективной температуры (РЭЭТ), душности погоды (средние суточные температуры воздуха выше 23°C с относительной влажностью выше 80%) и сухости (средние суточные температуры воздуха более 27°C с относительной влажно-

стью $\leq 30\text{--}40\%$), погоды с осадками ($\geq 1\text{ мм}$) и сильным ветром (более $7\text{--}8\text{ м/с}$), температуры воды в водоемах; для холодного сезона – эффективной температуры (ЭТ), наличия, мощности и длительности залегания снежного покрова, погоды с сильным ветром и метелями [6, 10–14 и др.]. В соответствии с методическим подходом, предложенным Л.Н. Деркачевой [11–12] для изучения особенностей биоклимата Дальневосточного региона, под «теплым сезоном» подразумевается период со средними температурами суток выше 0°C , в области это месяцы с ноября по март; под «теплым сезоном» понимается время с апреля по октябрь.

Расчеты осуществлялись на основе приведенных в справочниках климатических данных по гидрометеостанциям (ГМС) области [15–17]. Использовались также архивные данные, хранящиеся в Хабаровском центре по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.

Исследование климатических ресурсов спортивно-оздоровительной рекреации осуществлялось применительно к здоровым взрослым людям.

Результаты и обсуждение. Теплый сезон. Для видов спортивно-оздоровительного отдыха в теплый сезон продолжительность благоприятного периода определялась с помощью вычисления индекса ЭЭТ, который характеризует теплоощущение человека в подвижном воздухе. Для этого была использована формула, предложенная Б.А. Айзенштамом [13]. Оценка рассчитанного показателя для территории ЕАО была проведена по шкале комфортности теплоощущения, предложенной Е.В. Колотовой [6] (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Повторяемость дней с различным теплоощущением по сезонам, %

ГМС	Теплый сезон		
	Комфортное (ЭЭТ $17\text{--}22^{\circ}\text{C}$)	Прохладное (ЭЭТ $8\text{--}16^{\circ}\text{C}$)	Холодное (ЭЭТ $< 8^{\circ}\text{C}$)
«Облучье»	24	48	28
«Бира»	37	40	23
«Биробиджан»	28	42	30
«Смидович»	45	46	9
«Екатерино-Никольское»	29	41	30
ГМС	Холодный сезон		
	Холодное (ЭТ $0\text{--}12^{\circ}\text{C}$)	Очень холодное (ЭТ $-12\text{--}-24^{\circ}\text{C}$)	
«Облучье»	58	42	
«Биробиджан»	76	24	
«Смидович»	67	33	
«Екатерино-Никольское»	80	20	

В среднем по области период с комфортным теплоощущением, благоприятный для рекреации в теплый сезон, составляет 55 дней (28% от всего периода). Он начинается в конце июня и заканчивается в конце августа. Вместе с прохладным теплоощущением, когда наблюдаются некоторые ограничения для рекреационной деятельности, начало рассматриваемого периода сдвигается на первую декаду мая, а окончание – на конец сентября. В этом случае его величина составляет около 135 дней.

С учетом ограничивающих рекреационные мероприятия условий (душные и сухие погоды, погода с осадками, погода с сильным ветром) определя-

ется количество благоприятных дней для видов спортивно-оздоровительного отдыха в теплый сезон (табл. 2).

В итоге длительность периода, благоприятного для летней рекреации, повсеместно в области незначительна и составляет только 55% от длительности теплого сезона. В это время отмечаются разнообразные ограничивающие отдых факторы – сухие и душные погоды, осадки, сильные ветры, дискомфортные температуры воздуха в начале и конце сезона. Муссонный климат автономии с преобладающими тропическими воздушными массами в это время характеризуется регулярным повторением дней с душными пого-

дами. Чаще всего они отмечаются в равнинной части области – до 27 дней. В этом же районе ЕАО наблюдается до 14 дней с сильными ветрами за сезон. Горы

для летней рекреации более комфортны, здесь примерно в два раза реже бывают дни с душными погодными и сильным ветром [18].

Таблица 2

Количество и повторяемость (%) дней, благоприятных для спортивно-оздоровительной рекреации, по сезонам

ГМС	Теплый сезон		Холодный сезон	
	1	2	1	2
«Облучье»	197	109 / 55%	168	85 / 51%
«Бира»	197	121 / 61%	168	102 / 61%
«Биробиджан»	198	107 / 54%	167	110 / 66%
«Смидович»	198	108 / 55%	167	87 / 52%
«Екатерино-Никольское»	204	104 / 51%	161	105 / 65%
<i>В среднем</i>	<i>199</i>	<i>110 / 55%</i>	<i>166</i>	<i>98 / 59%</i>

Примечание. 1 – длительность сезона; 2 – количество и повторяемость дней, благоприятных для рекреации.

Данные по РЭЭТ и температуре воды в водоемах позволяют скорректировать полученные результаты по длительности благоприятного периода для пляжно-купальной рекреации. Индекс РЭЭТ характеризует возможности местности для приема солнечных ванн.

Для расчета данного индекса была использована формула И.В. Бутевой, которая позволяет получить его приближенное значение с помощью индекса ЭЭТ [14]. Зона комфорта определялась для раздетого человека (табл. 3).

Таблица 3

Количество дней и их повторяемость за теплый сезон с индексом РЭЭТ в зоне комфорта

ГМС	Количество дней	Повторяемость, %
«Облучье»	49	25
«Бира»	46	23
«Биробиджан»	46	23
«Смидович»	49	25
«Екатерино-Никольское»	54	26

Наиболее благоприятный период для приема солнечных ванн по количеству и качеству приходящего в дневное время излучения наблюдается без ограничений в мае и сентябре. В то же время эти месяцы дискомфортны для приема солнечных ванн по теплоощущению раздетого человека. Следовательно, данные мероприятия в ЕАО можно осуществлять только в летний сезон с определенными ограничениями в период с избыточным ультрафиолетовым облучением в конце июня – начале июля.

Температура воды в реках в летний период достигает комфортных для пляжно-купальной рекреации показателей – до +24°C. Купание на равнине возможно с середины июня до начала сентября, всего около 70 дней. В горах температура воды благоприятна для пляжно-купальной рекреации только в озерах, данный вид рекреации можно проводить здесь на протяжении 50–60 дней.

Холодный сезон. Период, благоприятный для зимних видов спортивно-оздоровительной рекреации, был выделен с помощью расчета индекса ЭТ по формуле А. Миссенарда [14]. Благоприятными для зимних видов спортивно-оздоровительного туризма являются дни с погодными условиями, которые вызывают холодное теплоощущение у людей, обуславливая умеренную тепловую нагрузку [14].

Расчеты показывают, что холодный период не является целостным для зимней рекреации. В середине зимы преобладают погоды с индексом ЭТ –12...–24°C (очень холодное теплоощущение). В этот период целесообразно прерывать занятия зимними видами отдыха из-за сильной угрозы обморожения (табл. 1).

В среднем по области период с неблагоприятными по теплоощущению погодными для зимней рекреации длится с середины декабря до середины – конца января. Наиболее длителен этот период в горах (по данным ГМС «Облучье» – около 60 дней).

Важное технологическое значение для лыжного и горнолыжного туризма имеют наличие, мощность и длительность залегания устойчивого снежного покрова. На территории ЕАО устойчивый снежный покров образуется во второй-третьей декаде ноября и разрушается во второй-третьей декаде марта. Таким образом, продолжительность периода с устойчивым снежным покровом в автономии оптимальна для зимней рекреации – 100–150 дней. Даты образования и разрушения устойчивого снежного покрова практически совпадают с датами начала и окончания благоприятного для зимней рекреации периода.

Технологически оптимальная мощность снежного покрова (30–40 см) для лыжных видов отдыха отмечается в горной и предгорной частях области. На равнинной территории ЕАО этот показатель относительно благоприятен и составляет 15–30 см. Исключением является пойма Амура в равнинной части автономии. Маломощность (до 15 см) и неустойчивость снежного покрова или полное его выдувание в данной полосе исключают использование этой территории для лыжного отдыха.

Помимо низких температур воздуха, влияющих на теплоощущение людей, и недостаточной мощности снежного покрова рекреационные мероприятия в зимнее время лимитируют такие факторы, как скорость ветра по флюгеру более 7–8 м/с и метели [11, 12, 14].

С учетом лимитирующих факторов было определено количество дней, благоприятных для зимнего спортивно-оздоровительного туризма (табл. 2).

Продолжительность периода, благоприятного для зимней спортивно-оздоровительной рекреации, колеблется на территории области от 85 до 110 дней. Неблагоприятным для лыжной рекреации является климат крайнего юго-запада области (по данным ГМС «Екатерино-Никольское») по причине малой мощности снежного покрова (менее 15 см). Наибольшее количество дней, благоприятных для зимней рекреации по комплексу показателей, наблюдается на равнинной части автономии и в межгорных понижениях. Однако на этих территориях показатель мощности снежного покрова явля-

ется относительно благоприятным, что лишь частично ограничивает возможности проведения лыжных мероприятий. В горной части ЕАО главным лимитирующим фактором, сильно сокращающим благоприятный период, являются низкие температуры воздуха, вызывающие сильные термические нагрузки на организм рекреантов.

В результате сопряженного анализа климатических ресурсов спортивно-оздоровительной рекреации за оба сезона в пределах области четко прослеживаются две рекреационно-климатические зоны с подзонами (рис. 1).

Они отличаются количеством дней, благоприятных для отдыха в теплый и холодный сезоны года, мощностью снежного покрова и др. (табл. 4).

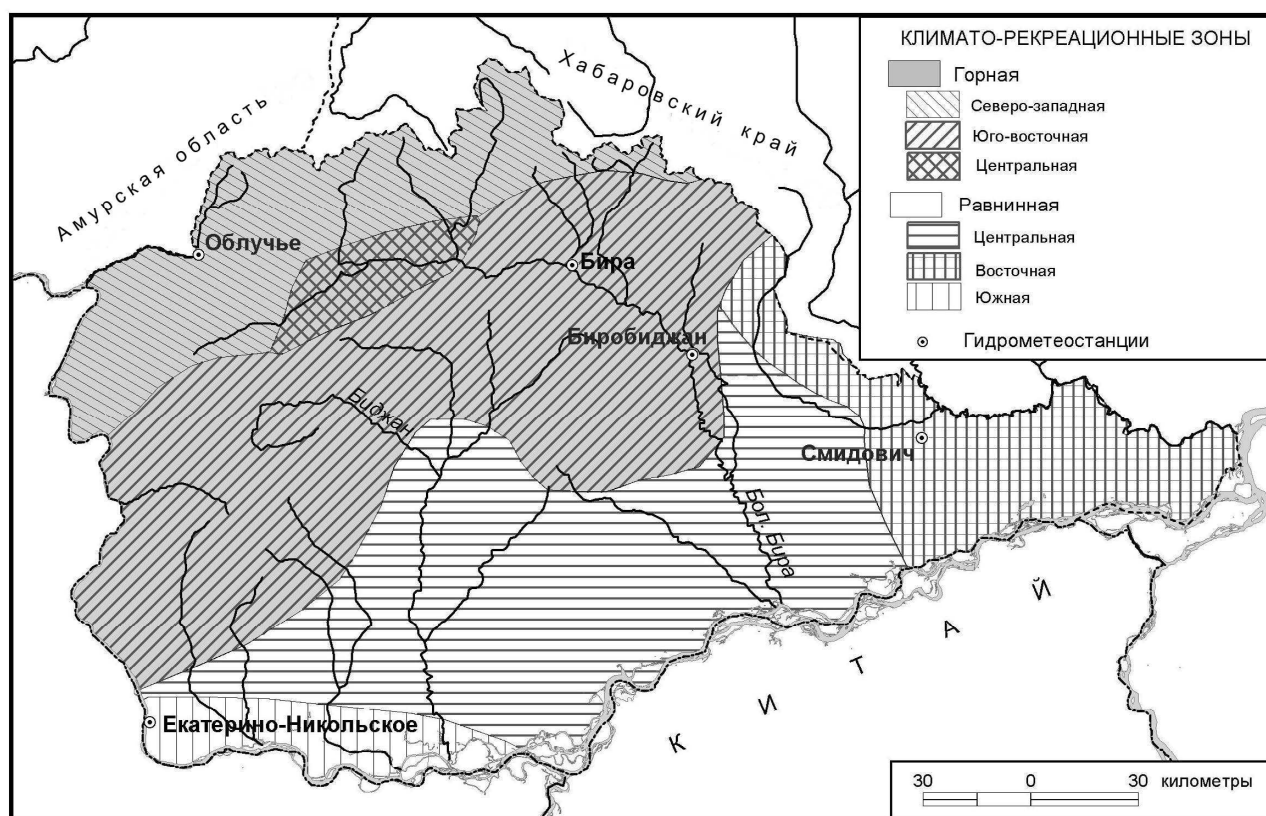

Рис. 1. Рекреационно-климатическое зонирование территории Еврейской автономной области

Таблица 4

Характеристика климато-рекреационных зон Еврейской автономной области

Зона	Количество дней, благоприятных для рекреации в холодный сезон года	Количество дней, благоприятных для рекреации в теплый сезон года	Мощность снежного покрова, см	Возможности пляжно-купальной рекреации
Горная				
Подзоны:				
Северо-западная	85	109	Более 30	Купание возможно только в водоемах со стоячей водой
Юго-восточная	102	109–121	Более 30	
Центральная	103	109	15–30	
Равнинная				
Подзоны:				
Восточная	87	108	15–30	Повсеместно
Центральная	110	107	15–30	
Южная	105	104	менее 15	

Такая дифференциация климатических рекреационных ресурсов ЕАО расширяет осведомленность

организаторов отдыха и туристов о возможностях выбора вида отдыха и местности для его проведения.

Закключение. Полученная технологическая характеристика спортивно-оздоровительных климатических ресурсов ЕАО, основанная на физиологическом аспекте их оценки, раскрывает возможности осуществления в области рекреационных мероприятий с учетом влияния климата на тепловое состояние организма человека. В теплый и холодный сезоны выявлены периоды, в которые рекомендуется прервать отдых на открытом воздухе

из-за сильного воздействия на рекреантов лимитирующих факторов – душных погод и суровых низких температур соответственно. Различные по комфортности и распространению климатические рекреационные ресурсы ЕАО могут использоваться для разных видов отдыха при соблюдении условий сезонности. Их разнообразие отражают выделенные внутриобластные климато-рекреационные зоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурзаханова З.Г. Ресурсоведение. Владивосток : ДВО РАН, 2003. 363 с.
2. de Freitas C.R. Tourism climatology: evaluating environmental information for decision making and business planning in the recreation and tourism sector // International Journal of Biometeorology. 2003. Vol. 48. P. 45–54.
3. Теоретические основы рекреационной географии / отв. ред. В.С. Преображенский. М. : Наука, 1975. 224 с.
4. Иванов Е.М. Актуальные вопросы восстановительной медицины Приморского края. Владивосток : Изд-во ДВГАЭУ, 2001. 204 с.
5. Амирханов М.М., Лукашина Н.С., Трунев А.П. Природные рекреационные ресурсы, состояние окружающей среды и экономико-правовой статус прибрежных курортов. М. : Экономика, 1997. 207 с.
6. Колотова Е.В. Рекреационное ресурсоведение. М. : Рос. междунар. академия туризма, 1998. 136 с.
7. Алисов Б.П. Климат СССР. М. : Высшая школа, 1956. 104 с.
8. Горбачевич Э.Ф. Климат Хабаровска. Гигиенический очерк. Хабаровск : Типогр. штаба Приамур. воен. округа, 1894. 78 с.
9. Матюхин В.А. Биоклиматология человека в условиях муссонов. Л. : Наука, 1971. 136 с.
10. Григорьева Е.А. Эколого-климатические условия Еврейской автономной области и их влияние на здоровье населения : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Владивосток, 2003. 24 с.
11. Деркачева Л.Н. Методические подходы к интегральному анализу климатических условий для рекреационных целей // География и природные ресурсы. 2000. № 4. С. 124–130.
12. Деркачева Л.Н. Изучение особенностей биоклимата Дальневосточного региона // Труды Института медицинской климатологии и восстановительного лечения: Обзоры научных исследований. Владивосток : Дальнаука, 2003. С. 38–49.
13. Айзенштат Л.Б., Айзенштат Б.А. Формула для расчёта эквивалентно-эффективной температуры // Вопросы биометеорологии. Л. : Гидрометеиздат, 1974. С. 81–83.
14. Исаев А.А. Экологическая климатология. М. : Научный мир, 2001. 458 с.
15. Справочник по климату СССР. Вып. 25, ч. 2 : Температура воздуха и почвы. Л. : Гидрометеиздат, 1966. 312 с.
16. Справочник по климату СССР. Вып. 25, ч. 3 : Ветер. Л. : Гидрометеиздат, 1967. 318 с.
17. Справочник по климату СССР. Вып. 25, ч. 4 : Влажность воздуха, атмосферные осадки, снежный покров. Л. : Гидрометеиздат, 1968. 275 с.
18. Григорьева Е.А., Христофорова Н.К. Дискомфортность климата Еврейской автономной области // География и природные ресурсы. 2004. № 4. С. 101–104.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 4 марта 2015 г.

THERMAL AND PHYSICAL FACETS OF CLIMATE FOR RECREATION AND SPORTING ACTIVITIES IN THE JEWISH AUTONOMOUS REGION IN THE RUSSIAN FAR EAST

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 218–223. DOI 10.17223/15617793/393/35

Grigorieva Elena A., Fetisov Denis M. Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS) (Birobidzhan, Russian Federation). E-mail: eagrigo@yandex.ru; dfetisov@gmail.com

Keywords: climate; recreation and sporting activities; limiting factors; Jewish Autonomous Region.

Weather and climate constitute the natural resource-base of a place for recreation and tourism. Climatic resources are an important condition for development of tourist activity and represent meteorological elements or their combinations which have medical and biological properties and are used in recreation. The relationship between the atmospheric environment and the enjoyable pursuit of outdoor recreational activity is a function of three facets of climatic conditions. Some climate variables are entirely physical (e.g., rain and its duration, high wind), some are physiological or thermal (e.g., air temperature and thermal state of the human body), some are psychological or aesthetic (e.g., clear blue sky, bright day or visibility). Thermal qualities of climate along with physical facets such as wind, rain and snow are important determinants of the suitability of weather and climate for outdoor recreation and sporting activities. The central objective of this paper is to present the possibility of assessment of climate physical facets for sport recreation taking into account the impact of climatic factors on the thermal state of a human body in the Jewish Autonomous Region (JAR). Period favorable for summer recreation is insignificant and makes only a half of the duration of the warm season as a whole everywhere in the region. Limiting factors are dry or sultry weather, heavy precipitation and uncomfortable air temperatures at the beginning and at the end of the warm season. Mountain area is more acceptable for summer recreation with less sultry days and stronger wind. Data on water temperature in rivers and lakes corrects the results on the duration of the period favorable for beach recreation. In winter, the period unfavorable for outdoor recreation lasts from the middle of December to the middle – end of January, longer in mountains. Snow cover and its depth are important characteristics of physical facets for skiing and mountain-skiing tourism. Steady snow cover is formed from the second or third decade of November till the second – third decade of March. Extremely cold temperature and insufficient snow cover limit recreational and sporting activity in winter alongside with strong wind of more than 7 – 8 m/s. As a whole, the results show that conditions vary spatially and temporally through the region with two recreational-climatic zones. In some cases, markedly favorable periods are short; in others the periods are more persistent. A scheme that integrates important weather variables is used to assess the nature and duration of periods of favorable conditions for recreational and sporting activities. The work is considered useful for identifying recreational land use potential and could be valuable in planning and related decision-making in the tourism sector.

REFERENCES

1. Mirzekhanova Z.G. *Resursovedenie* [Resource studies]. Vladivostok: DVO RAN Publ., 2003. 363 p.
2. De Freitas C.R. Tourism climatology: evaluating environmental information for decision making and business planning in the recreation and tourism sector. *International Journal of Biometeorology*, 2003, vol. 48, pp. 45–54. DOI: 10.1007/s00484-003-0177-z
3. Preobrazhenskiy V.S. (ed.) *Teoreticheskie osnovy rekreatsionnoy geografii* [Theoretical foundations of recreational geography]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 224 p.
4. Ivanov E.M. *Aktual'nye voprosy vosstanovitel'noy meditsiny Primorskogo kraya* [Topical issues of regenerative medicine of Primorsky Krai]. Vladivostok: Izd-vo DVGAEU Publ., 2001. 204 p.
5. Amirkhanov M.M., Lukashina N.S., Trunev A.P. *Prirodnye rekreatsionnye resursy, sostoyanie okruzhayushchey sredy i ekonomiko-pravovoy status pribrezhnykh kurortov* [Natural and recreational resources, the environment and the economic and legal status of coastal resorts]. Moscow: Ekonomika Publ., 1997. 207 p.
6. Kolotova E.V. *Rekreatsionnoe resursovedenie* [Recreational resource studies]. Moscow: Ros. mezhdunar. akademiya turizma Publ., 1998. 136 p.
7. Alisov B.P. *Klimat SSSR* [USSR climate]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1956. 104 p.
8. Gorbatshevich E.F. *Klimat Khabarovska. Gigienicheskiy ocherk* [Climate of Khabarovsk. Hygienic essay]. Khabarovsk: Tipogr. shtaba Priamur. voen. Okruga Publ., 1894. 78 p.
9. Matyukhin V.A. *Bioklimatologiya cheloveka v usloviyakh mussonov* [Bioclimatology of man in monsoon conditions]. Leningrad: Nauka Publ., 1971. 136 p.
10. Grigor'eva E.A. *Ekologo-klimaticheskie usloviya Evreyskoy avtonomnoy oblasti i ikh vliyaniye na zdorov'e naseleniya*: avtoref. dis. kand. biol. nauk [ecological and climatic conditions of the Jewish Autonomous Region and their impact on health. Biology Cand. Diss.]. Vladivostok, 2003. 24 p.
11. Derkacheva L.N. Metodicheskie podkhody k integral'nomu analizu klimaticheskikh usloviy dlya rekreatsionnykh tseley [Methodological approaches to the integrated analysis of climatic conditions for recreational purposes]. *Geografiya i prirodnye resursy*, 2000, no. 4, pp. 124–130.
12. Derkacheva L.N. *Izuchenie osobennostey bioklimata Dal'nevostochnogo regiona* [Study of Far East bioclimate features]. In: *Trudy Instituta meditsinskoy klimatologii i vosstanovitel'nogo lecheniya: Obzory nauchnykh issledovaniy* [Proceedings of the Institute of Medical Climatology and Rehabilitation Treatment: Review of scientific research]. Vladivostok: Dal'Nauka Publ., 2003, pp. 38–49.
13. Ayzenshtat L.B., Ayzenshtat B.A. Formula dlya rascheta ekvivalentno-effektivnoy temperatury [The formula for calculating the equivalent-effective temperature]. *Voprosy biometeorologii*, 1974, is. 20, pp. 81–83.
14. Isaev A.A. *Ekologicheskaya klimatologiya* [Ecological climatology]. Moscow: Nauchnyy mir Publ., 2001. 458 p.
15. *Spravochnik po klimatu SSSR* [USSR Climate Handbook]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1966. Is. 25, pt. 2, 312 p.
16. *Spravochnik po klimatu SSSR* [USSR Climate Handbook]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1967. Is. 25, pt. 3, 318 p.
17. *Spravochnik po klimatu SSSR* [USSR Climate Handbook]. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1967. Is. 25, pt. 4, 275 p.
18. Grigor'eva E.A., Khristoforova N.K. Diskomfortnost' klimata Evreyskoy avtonomnoy oblasti [Climate discomfort in the Jewish Autonomous Region]. *Geografiya i prirodnye resursy*, 2004, no. 4, pp. 101–104.

Received: 04 March 2015

ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ И ВЕЩЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ БАЗИТОВЫХ ИНТРУЗИЙ СУНТАРСКОЙ ВУЛКАНОТЕКТОНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ (СЕВЕРО-ЗАПАД ЯКУТИИ)

Изучены особенности строения и проведен сравнительный анализ вещественного состава субпластовых и дайковых интрузий Вилюйско-Мархинского и Чаро-Синского дайковых поясов, образованных в процессе развития Сунтарской вулканотектонической структуры. На основании сходства петрографического и петрохимического составов интрузий и общей схемы формирования сделан вывод о единстве их мантийного очага. Тесная пространственная сопряженность кимберлитовых тел и субщелочных базитов позволяет прогнозировать новые площади, перспективные на проявление кимберлитового магматизма.

Ключевые слова: Якутия; Сунтарская вулканотектоническая структура; базитовые интрузии.

Введение. Сунтарская вулканотектоническая структура (ВТС) выделена в пределах северо-западного сегмента среднепалеозойского Патомско-Вилюйского авлакогена. Проявленная на этой территории в нижнем палеозое магматическая деятельность основного состава привела к формированию полого-залегających интрузий долеритов [1].

Из всего полифациального комплекса магматитов Сунтарской ВТС эти интрузии характеризуются наиболее широким площадным распространением (рис. 1). По данным глубокого бурения, субпластовые тела долеритов фиксируются на большей части территории Малоботуобинского и Среднемархинского алмазоносных районов, в том числе и на площадях Мирнинского и Накынского кимберлитовых полей. Подводящие каналы этих интрузий располагались в эпицентральной области ВТС у подножий Сунтарского поднятия, где вскрывается наиболее глубокий (венд-нижний кембрий) уровень их внедрения. По сравнению с эпицентром Сунтарской ВТС, в рассматриваемых алмазоносных районах уровень внедрения этих интрузий приурочен к средне- и верхнекембрийским, а также нижнеордовикским отложениям (рис. 2). На участках флексурных перегибов кембрийских отложений интрузивные массивы располагаются на более высоких гипсометрических уровнях, отмечается их расщепление на отдельные тела, с которыми связаны наиболее мощные и протяженные дайки Вилюйско-Мархинского и Чаро-Синского поясов. Таким образом, в пределах участков флексурных перегибов возникают зоны повышенной трещиноватости, которые создают благоприятную среду для субвертикальных отстрелов дайковых тел от восстающих и пологонаклонных субпластовых интрузий. Отсюда следует, что и глубина залегания картируемых дайковых тел, а также связанных с ними туфовых трубок основного состава в пределах периферии Сунтарской ВТС определяется лишь уровнем внедрения самих субпластовых интрузий. Суммарная мощность этих интрузий в Малоботуобинском и Среднемархинском районах по разрезам отдельных скважин изменяется от 30–50 до 480 м. В Чаро-Синском районе вскрыты тела мощностью до 500 м. Широкий площадной масштаб проявлений интрузивного магматизма основного состава обуславливает и значительную протяженность

связанных с субпластовыми телами дайковых роев. Так, протяженность только Вилюйско-Мархинского дайкового пояса составляет на юго-западе около 800 км при его ширине от 20 км (Малоботуобинский район) и до 150 км на северо-востоке (Среднемархинский и Тюнгский районы), при этом число даек вкрест простирания изменяется соответственно от 4–5 до 30–40. Чаро-Синский дайковый пояс имеет протяженность более 500 км. Вкрест простирания этого пояса картируется до 20 дайковых тел [2].

Результаты исследований. Обобщение материалов петрографического изучения показывает, что дифференциация магматического расплава, формировавшего субпластовые и трещинные интрузивы, находит свое отражение в латеральном изменении их вещественного состава. Так, для внутренних частей Вилюйско-Мархинского пояса наиболее характерны толеитовые габбродолериты, в то время как в его северо-западной (периферийной) части наиболее широко развиты их субщелочные разновидности [3]. В Чаро-Синском поясе магматическая деятельность началась со становления силлов и даек толеитовых габбродолеритов. Затем последовательно внедрялись тела субщелочных габбродолеритов и монцонит-порфиоров, а завершается магматический процесс формированием сиенит-порфиоров [4]. Ниже приводятся наиболее характерные петрографические ассоциации магматических пород для рассматриваемых дайковых поясов.

ВИЛЮЙСКО-МАРХИНСКИЙ ДАЙКОВЫЙ ПОЯС

Долериты и габбродолериты в пределах данного пояса формируют основной объем магматических образований в виде субпластовых тел и связанных с ними даек. Породы этой петрографической ассоциации имеют полнокристаллическую, мелко-среднезернистую, нередко порфировидную структуру. Структура основной массы – офитовая, субофитовая, пойкилоофитовая. Порфировидные вкрапленники представлены плагиоклазом и составляют не более 10%. По составу плагиоклаз отвечает битовнит-лабрадору (An_{80-70}). Основная масса сложена преимущественно плагиоклазом (An_{75-70} до An_{80}) (30–50%) и клинопироксеном (Wo_{41-42} En_{46-48} Fs_{11-12}) (20–30%), отмечается оливин до 5–6%, отвечающий по

составу гиалосидериту (Fa₄₈₋₅₀). Оливин обычно псевдоморфно замещен идингситом, боулингитом, тальк-хлорит-магнетитовыми и тальк-серпентиновыми агрегатами. Рудные минералы представлены ксеноморфными зернами и скелетными агрегатами титаномагнетита и игольчатыми зернами магнетита. Их содержа-

ние варьирует от 5 до 15%. Из аксессуарных минералов отмечаются сфен и апатит. В петрохимическом отношении долерит-габбродолеритовая ассоциация характеризуется почти двукратным превышением натрия над калием, а также высокой титанистостью, железистостью и кальциевостью.

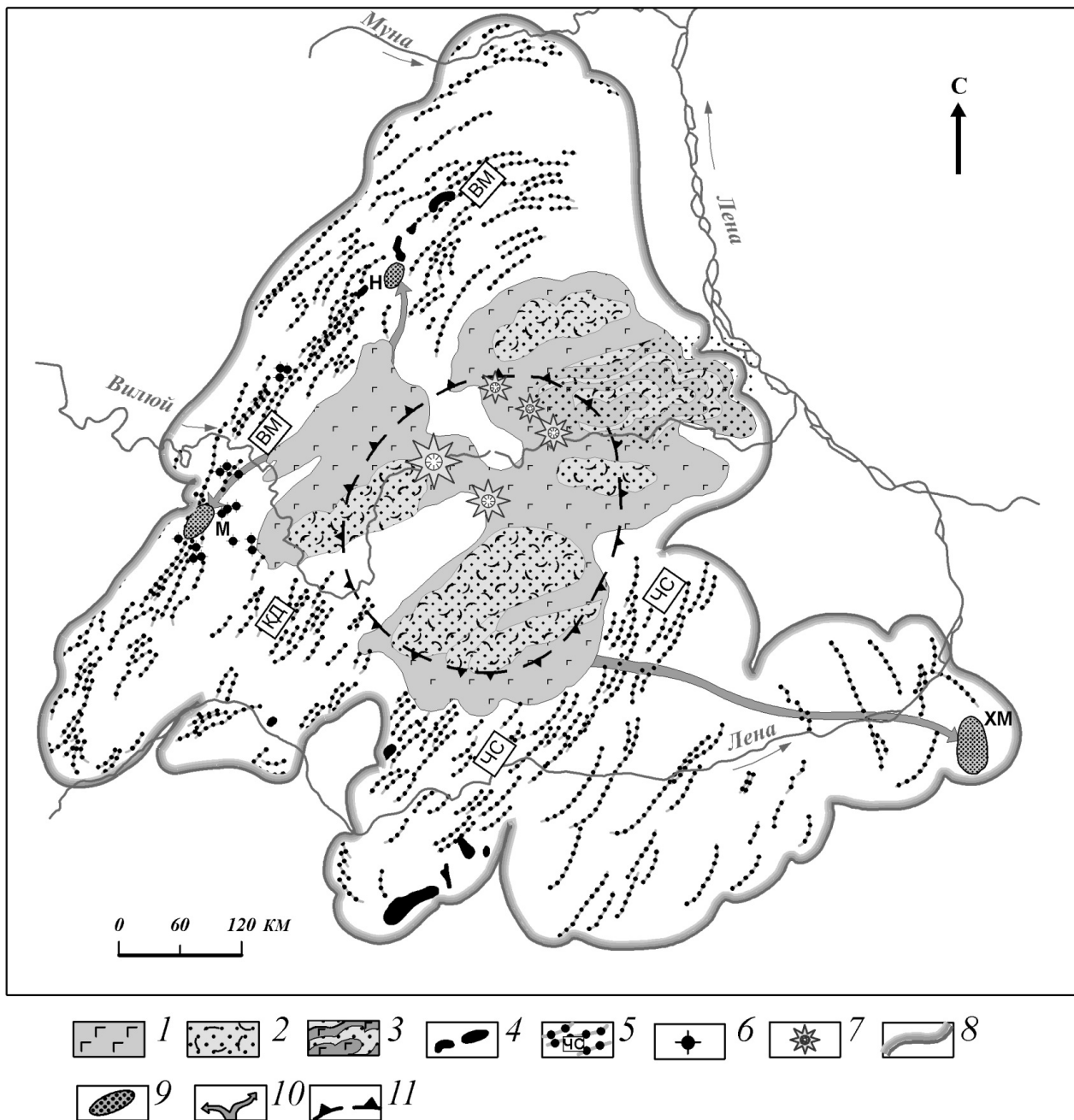

Рис. 1. Схема площадного развития среднепалеозойских магматических образований Сунтарской ВТС.
1 — районы преимущественного развития базальтовых покровов; 2 — районы распространения туфогенно-осадочного комплекса мощностью более 1 км; 3 — районы развития базальтов по всему верхнедевонско-нижнекаменноугольному туфогенно-осадочному разрезу; 4 — хонолиты габбродолеритов; 5 — дайковые пояса: Вилюйско-Мархинский (ВМ), Контайско-Джербинский (КД), Чаро-Синский (ЧС); 6 — базитовые трубки взрыва; 7 — крупные вулканические аппараты; 8 — граница распространения субпластовых интрузий габбродолеритов и субщелочных габбродолеритов; 9 — кимберлитовые поля: Н — Накынское, М — Мирнинское, ХМ — Хомпу-Майское; 10 — проекция латерального движения щелочно-ультраосновных расплавов от эпицентра ВТС до территорий кимберлитовых полей; 11 — предполагаемая граница эпицентральной области Сунтарской ВТС

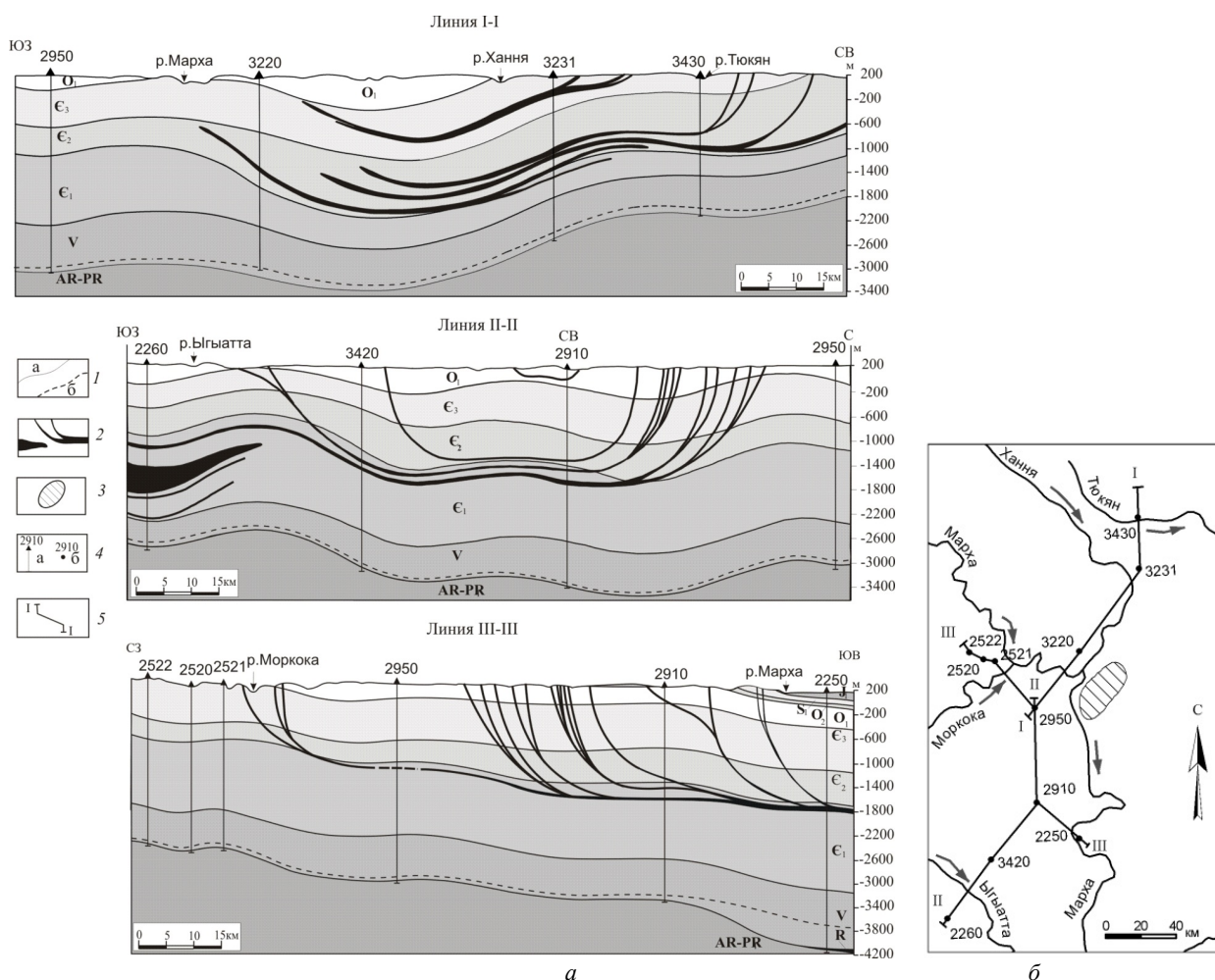

Рис. 2. Характер взаимоотношений структур осадочного чехла и базитовых образований Вилуйско-Мархинского дайкового пояса (а), схема расположения разрезов (б). 1 – границы стратиграфических подразделений (а), сейсмоотражающего горизонта КВ (б); 2 – интрузии долеритов среднепалеозойского возраста; 3 – Накынское кимберлитовое поле; 4 – нефтеразведочные скважины: а) на разрезах, б) в плане; 5 – линии разрезов

Кварцевые габбродолериты установлены в субпластовых телах, хонолитах, а также в отдельных дайках в западной части Накынского кимберлитового поля. Они представляют собой среднезернистые породы с габброофитовой, офитовой и долеритовой структурой. Главный порообразующий минерал – плагиоклаз (An_{75-70}), представлен лейстами, реже призмами и таблицами. Высокотитанистый клинопироксен ($Wo_{41-43} En_{44-48} Fs_{11-14}$) имеет ксеноморфную, таблитчатую, реже призматическую форму. Зерна оливина встречаются редко (не более 3–5%) и обычно замещены тальк-серпентин-магнетитовыми и иддингсит-боулингитовыми агрегатами. Рудные минералы отмечаются постоянно в количестве до 5–7%. Они представлены титаномagnetитом, который образует субизометричные, иногда скелетные зерна. Мезостазисные участки сложены микропегматитовым агрегатом, образованным сростками кварца и калиевого полевого шпата. Редко кварц присутствует в виде отдельных зерен. Иногда в мезостазисе существенный объем представлен палагонитизированным стеклом, содержащим зеленую роговую обманку, биотит, хлорит и апатит. Петрохимический состав ассоциации кварцевых габбродолеритов оказывается близким

габбродолеритам. По соотношению кремнезема и щелочей выделяются как толеитовые, так и субщелочные разновидности.

Щелочные базиты установлены на площади Накынского кимберлитового поля в составе отдельных пологосекущих и дайкообразных тел (Меридиональная, Усть-Накынская и др.). По внешнему облику породы этой ассоциации представлены в различной степени измененными афировыми базальтами с миндалекаменной текстурой. Среди них выделяются микродолериты, гиало- и витробазальты. Породы этой группы подвержены и интенсивным вторичным преобразованиям, в том числе калишпатизации, хлоритизации, амфиболитизации, карбонатизации и сульфидизации. Значительный объем в породах этой ассоциации составляет темно-бурое непрозрачное (хлоритизированное, палагонитизированное) вулканическое стекло, в котором отмечаются микролиты плагиоклаза (An_{64-57}), реликты измененных зерен пироксена, бурой роговой обманки, а также магнетит и сульфиды. Особенностью пород является обилие миндалинов, выполненных кальцитом, цеолитом, халцедоном, кварцем, палагонитом. В петрохимическом отношении ассоциация щелочных базитов отличается от предыдущих

ассоциаций долеритов, габбродолеритов и кварцевых долеритов пониженной кремнекислотностью и повышенной щелочностью. При этом доля калия в сумме щелочей может варьировать от равного соотношения с натрием до его многократного преобладания.

Монцонит-порфиры представляют поздние фазы внедрения в трещинных интрузиях, в которых слагают их центральные части. Так, в центральной части дайки «Меридиональная» лейкократовые монцонит-порфиры представлены порфировыми мелкозернистыми либо средне- и крупнозернистыми породами. Порфировые вкрапленники встречаются редко (до 5–7%) и представлены призматическими зернами плагиоклаза и таблитчатыми индивидами клинопироксена. Плагиоклаз обычно полностью серицитизирован и альбитизирован, а пироксен – хлоритизирован и амфиболитизирован. Основная масса породы сложена мелкозернистыми агрегатами призматических и таблитчатых зерен плагиоклаза (49–53%) и клинопироксена (16–18%) при подчиненной роли калишпата и кварца (12–18%), имеющих субизометричную и ксеноморфную форму зерен. В мезостазисе постоянно присутствует микропегматитовый агрегат калиевого полевого шпата и кварца (8–10%). Рудные минералы образуют редкую вкрапленность (менее 1%), постоянно встречается апатит.

В обрамлении кимберлитовой трубки «Нюрбинская» выявлена сложно построенная многофазная дайка, центральная часть которой также сложена монцонит-порфирами. Порфировые вкрапленники представлены единичными или гломеровыми скоплениями плагиоклаза, клинопироксена, калишпата и титаномagnetита. Плагиоклаз калишпатизирован, серицитизирован и слабо карбонатизирован. В наиболее хорошо сохранившихся зернах плагиоклаз представлен лабрадором (An_{57-51}). Клинопироксен по составу отвечает авгиту ($Wo_{42-43} En_{39-40} Fs_{19-20}$). По нему развиты амфибол и магнетит. Продукты распада мезостазиса представлены в основном амфиболом, хлоритом, серицитом и магнетитом. Часто присутствует микропегматитовый агрегат калиевого полевого шпата и кварца. Породы этой ассоциации по своему химизму занимают промежуточное положение между толеитовыми и субщелочными породами.

ЧАРО-СИНСКИЙ ДАЙКОВЫЙ ПОЯС

Долериты и габбродолериты в пределах этого пояса образуют многочисленные тела, среди которых преобладают субпластовые интрузии и дайки [2–4]. Одним из самих изученных среди них является Чаро-Токкинский силл, который закартирован на водоразделе нижнего течения рек Чары и Токко. Периферийные части этой интрузии сложены порфировыми микродолеритами и мелкозернистыми долеритами. Большая же часть характеризуемой интрузии представлена мезократовыми такситоофитовыми и офитовыми долеритами и габбродолеритами. В ее центральной части отмечаются их более лейкократовые разновидности. Практически для всех пород этой петрографической группы характерна миндалекаменная текстура. Оби-

лие пор, миндалины и постоянное присутствие в долеритах и габбродолеритах гидроксилсодержащих минералов поздне- и постмагматических фаз свидетельствуют о значительном насыщении расплава летучими компонентами. Порфировые выделения представлены плагиоклазом, который отвечает битовниту (An_{78-76}). Плагиоклаз основной массы представлен лабрадором (An_{69-65}), клинопироксен-авгитом ($Wo_{37-38} En_{44-47} Fs_{16-18}$). Нередко наблюдаются псевдоморфозы боулингита по оливину. Калиевый полевой шпат является составной частью мезостазиса. В петрологическом отношении породы силла соответствуют продуктам расплава, переходным от типично толеитовых к субщелочным базальтовым.

Кварцевые габбродолериты. Наиболее представительными в этой ассоциации являются породы Туолбинской дайки [4]. Она сложена кварцевыми габбродолеритами с редкими порфировыми вкрапленниками плагиоклаза (до 1 об. %), количество которых возрастает в эндоконтактовых зонах (до 3–5 об. %), где наряду с плагиоклазом появляются вкрапленники клинопироксена и оливина ранней генерации. Наибольшее количество вкрапленников плагиоклаза (до 10–15 об. %) отмечается в кварцсодержащих габбродолеритах, которые наблюдаются в центральной части дайки в виде зоны шириной до 3–5 м. Плагиоклаз в порфировых вкрапленниках представлен битовнит-лабрадором (An_{75-68}), содержащим минеральные и расплавные включения. Состав раннего оливина соответствует хризолиту (Fa_{21-24}) и обычно псевдоморфно замещен серпентином и боулингитом. Оливин в основной массе соответствует гортонолиту (Fa_{54}). Клинопироксен во вкрапленниках имеет состав $Wo_{37} En_{52} Fs_{11}$. Клинопироксен основной массы отличается более железистым составом – $Wo_{36-28} En_{43} Fs_{21-19}$, иногда до преобладания в нем ферросилитового компонента ($Wo_{31} En_{24} Fs_{45}$).

Субщелочные кварцсодержащие габбродолериты формируют самостоятельные тела (Нучалы-Юряхская, Хатыстырская, Усть-Чарская дайки) и слагают первую фазу внедрения двухфазных трещинных интрузивов (Верхне-Мархинская, Хара-Балыкская, дайка М-68). Породы этой петрографической ассоциации примерно на 50% сложены плагиоклазом, который в порфировых вкрапленниках отвечает по составу лабрадор-андезину An_{65-32} , а в основной массе – андезину. Клинопироксен относится к авгиту $Wo_{36-42} En_{40-48} Fs_{14-24}$. К наиболее раннемагматическим образованиям относятся крупные лейсты плагиоклаза, центральные части которых соответствуют лабрадору (An_{65}), а также отдельные находки клинопироксенов с содержанием ферросилитового компонента менее 14 мол. % [4]. Породы этой ассоциации отличаются повышенными содержаниями кварца (до 6%) и калиевого полевого шпата (до 9%), которые образуют отдельные зерна, а так же встречаются в виде микропегматитовых сростаний. Вторичные процессы проявляются в виде альбитизации и серицитизации плагиоклаза, а клинопироксен замещается уралитом либо хлорит-слюдистыми агрегатами.

Кварцевые монцонит-порфиры не образуют самостоятельных интрузивов, однако участвуют в качестве второй фазы внедрения при формировании многофазных трещинных даек наряду с субщелочными кварцевыми габбродолеритами (дайки Верхне-Мархинская, Хара-Балыкская и другие), а также габбродолеритами и сиенит-порфирами (дайка М-68) [2]. Примером, где наблюдаются непосредственные контакты между породами разных фаз внедрения, является Верхне-Мархинская дайка, вскрываемая в среднем течении р. Мархи, левого притока р. Лены. Дайка имеет сложное строение, её центральную часть шириной около 50 м составляют кварцевые монцонит-порфиры, краевые части представлены субщелочными кварцевыми габбродолеритами. Контакт между монцонитоидами и габбродолеритами проявляется в относительном уменьшении зернистости первых и лейкократазации вторых. В субщелочных габбродолеритах в приконтактной зоне отмечаются также шилы пегматоидных габбродолеритов. Все это свидетельствует о внедрении монцонитоидного расплава в не полностью раскристаллизованные габбродолериты.

Кварцевые монцонит-порфиры характеризуются порфировой структурой, образованной таблитчатыми выделениями зонального лабрадор-андезина (An_{53-42}), при этом плагиоклаз основной массы имеет практически тот же состав с незначительным преобладанием андезина (An_{53-38}). Пироксен практически полностью замещен вторичной роговой обманкой. Для пород характерно постоянное присутствие калишпата, который образует ксеноморфные выделения в основной массе (до 15%) либо формирует микропегматитовые сростки с кварцем. Монцонит-порфиры, по сравнению с субщелочными габбродолеритами, характеризуются более высоким содержанием кремнекислоты и калия при близкой натриевости и высокой степени окисленности железа. Максимально высокое содержание калия (до 8,6%) отмечается в приконтактных частях монцонитоидов с габбродолеритами, а также в шлировых обособлениях.

Кварцевые сиенит-порфиры составляют ассоциацию пород, наиболее богатых кремнекислотой и щелочами. Они, как и монцониты, встречаются в составе монофазных даек, а также образуют известный штокообразный Олекминский интрузив. Ведущим минералом в сиенит-порфирах является калишпат (до 50%), при подчиненной роли плагиоклаза, состав которого изменяется от лабрадора до альбита (An_{57-10}). При этом основность плагиоклаза в порфировых

вкрапленниках отвечает лабрадор-андезину (An_{55-30}), а в основной массе в среднем – андезину (An_{45}). Редкие зерна клинопироксена (Fs_{25-30}) обычно полностью амфиболлизированы. По трещинам развит флогопит.

Трахидолериты и щелочные сиенит-порфиры в пределах северо-западной части Чаро-Синского пояса известны в виде отдельных даек [2]. Трахидолериты представляют собой массивные порфировые породы. Порфировые выделения представлены плагиоклазом (An_{52-38} , реже An_{76-75}), клинопироксеном и, в редких случаях, псевдоморфозами идингсит-магнетита по оливину. Основная масса сложена олигоклаз-андезином (An_{20-38}), клинопироксеном, калишпатом, стеклом (до 15%), амфиболом и рудными минералами. На бинарной диаграмме кремнезем – щелочи фигуративные точки их составов ложатся в область субщелочных пород. Щелочные сиенит-порфиры представляют собой лейкократовые породы, сложенные ортоклазом (до 70–80%) с редкими порфировыми выделениями альбит-олигоклаза An_{10-15} , измененными рудными минералами, а также кварцем. Важной особенностью их химического состава являются высокие содержания титана (до 7%) и калия (до 11%) при низком содержании натрия (0,3%).

Выводы. Таким образом, полученные нами результаты, а также обобщения материалов других исследователей [2, 4] показывают как единство составов интрузивных образований Вилуйско-Мархинского и Чаро-Синского дайковых поясов, так и общую последовательность их формирования. При этом ведущую роль в данных процессах играет разделение магматического расплава как в самом очаге, так, очевидно, и во время его движения на путях к гипабиссальному уровню. Длительный период существования этой системы не только обусловил широкий размах дифференциации единого субщелочного толеит-базальтового расплава, но и способствовал его подпитке глубинными флюидами, обогащенными калием [4]. Установленная симметричность, выраженная в латеральной смене вещественного состава дайковых тел Вилуйско-Мархинского и Чаро-Синского поясов, а также близкую пространственную сопряженность кимберлитовых трубок Накынского и Мирнинского полей с субщелочными базитами, являются благоприятными факторами для обнаружения кимберлитов вблизи субщелочных даек в пределах Чаро-Синского дайкового пояса [3]. В настоящее время данный прогноз полностью подтвердился открытием нового Хомпу-Майского кимберлитового поля [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Коробков И.Г., Проценко Е.В., Поцелуев А.А., Коробкова А.И. Вулкано-тектонические структуры Патомско-Вилуйского авлакогена и их минерогеническое значение при прогнозе алмазных месторождений // Развитие минерально-сырьевой базы Сибири: от Обручева В.А., Усова М.А., Урванцева Н.Н. до наших дней : Материалы Всерос. форума с международным участием, посвященного 150-летию академика Обручева В.А., 130-летию академика Усова М.А. и 120-летию профессора Урванцева Н.Н. ; Томский политехнический университет. Томск : Изд-во ТПУ, 2013. С. 191–195.
2. Масайтис В.Л., Михайлов М.В., Селивановская Т.В. Вулканизм и тектоника Патомско-Вилуйского среднепалеозойского авлакогена. М., 1975. 175 с.
3. Коробков И.Г., Чащухин А.В. Вещественная характеристика интрузивных образований основного состава Сунтарской вулканотектонической структуры // Проблемы прогнозирования, поисков и изучения месторождений полезных ископаемых на пороге XXI века : сб. тр. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2003. С. 81–86.
4. Олейников Б.В., Томишин М.Д., Королева О.В. Глубинная эволюция субщелочной толеит-базальтовой магмы в режиме палеорифтогенеза (на примере Чаро-Синской зоны). Препринт. Якутск, 1984. 32 с.

5. Проценко Е.В., Коробков И.Г. Петрографическая характеристика базитовых интрузий Сунтарской вулcano-тектонической структуры // Проблемы минералогии, петрографии и металлогении. Научные чтения памяти П.И. Чирвинского : сб. науч. ст. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2013. Вып. 16. С. 120–128.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 10 февраля 2015 г.

SPECIFIC FEATURES OF THE FORMATION AND MATERIAL COMPOSITION OF THE SUNTAR VOLCANO-TECTONIC STRUCTURE BASIC ROCK INTRUSIONS (NW YAKUTIA)

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 224–229. DOI 10.17223/15617793/393/36

Korobkov Il'ya G. Polytechnic Institute (Branch) of North-Eastern Federal University n.a. M.K. Ammosov (Mirny, Russian Federation). E-mail: KorobkovIG@alrosa.ru

Chernyshov Aleksey I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Aich53@yandex.ru

Keywords: Yakutia; Suntar volcano-tectonic structure; basic intrusions.

Specific features of the structure were studied and comparative analysis was performed of the material composition of sub-stratum and dyke intrusions of Vilyuy-Markhinsky and Charo-Sinsky dike belts, formed during the evolvement of the Suntar volcano-tectonic structure. These intrusions have a broad areal spread. Sub-bedded bodies of dolerites are registered on the greater part of Srednemarkhinsky and Malobotuobinsky diamondiferous regions, including Nakyn and Mirny kimberlite fields. The total thickness of these intrusions in Malobotuobinsky and Srednemarkhinsky regions changes along the sections of individual boreholes from 30–50 m to 480 m. Bodies with thickness up to 500 m were revealed in Charo-Sinsky region. The scale of occurrence of basic composition intrusive magmatism is emphasized by extent of dyke swarms related with sub-bedded bodies as well. Thus, the length of Vilyuy-Markhinsky dyke belt is 800 km, with 20 km width in the south-west (Malo-Botuobinsky region) to 150 km width in the north-east (Srednemarkhinsky and Tyungsky regions). The number of dykes transversely to the strike changes accordingly from 4–5 to 30–40. Charo-Sinsky dyke belt has a 500 km extent. Up to 20 dyke bodies are mapped transversely to the strike of this belt. Basing on the similarity of petrographic and petrochemical compositions of intrusions and the general scheme of formation, a conclusion about the uniformity of their mantle chamber was made. Differentiation of magmatic melt, which used to form sub-bedded and fissuring intrusives, also occurs in the lateral alteration of their petrographic composition. Tholeiitic gabbro-dolerites are most common for the internal parts of dyke belts. Their subalkaline differences, as well as monzonite-porphyrries, quartz syenite-porphyrries, trachydolerites and alkaline syenite-porphyrries, are broadly developed in the peripheral parts. Tight spatial conjugation of kimberlite bodies and subalkaline basic rocks allows forecasting new areas, perspective on kimberlite magmatism occurrence. Discovery of a new Hompu-Maisky kimberlite field within Charo-Sinsky belt is an example of successful implementation of a similar forecast.

REFERENCES

1. Korobkov I.G., Protchenko E.V., Potseluev A.A., Korobkova A.I. [Volcano-tectonic structures of the Patom-Vilyui aulacogene and their mineragenous role in the forecast of diamond deposits]. *Razvitiye mineral'no-syr'evoy bazy Sibiri: ot Obrucheva V.A., Usova M.A., Urvantseva N.N. do nashikh dney: Materialy Vseros. foruma s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo 150-letiyu akademika Obrucheva V.A., 130-letiyu akademika Usova M.A. i 120-letiyu professora Urvantseva N.N.* [The development of mineral resource base of Siberia: from Obruchev V.A., Usov M.A., Urvantsev N.N. to the present day: Proc. of the All-Russian forum with international participation, dedicated to the 150th anniversary of academician V.A. Obruchev, the 130th anniversary of Academician M.A. Usov and the 120th anniversary of Professor N.N. Urvantsev]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2013, pp. 191–195. (In Russian).
2. Masaytis V.L., Mikhaylov M.V., Selivanovskaya T.V. *Vulkanizm i tektonika Patomsko-Vilyuyskogo srednepaleozoyskogo avlakogena* [Volcanism and tectonics of the Patom-Vilyui of Middle Aulacogene]. Moscow: Nedra Publ., 1975. 175 p.
3. Korobkov I.G., Chashchukhin A.V. *Veshchestvennaya kharakteristika intruzivnykh obrazovaniy osnovnogo sostava Suntarskoy vulkano-tektonicheskoy struktury* [Composition of intrusive formations of the basic structure of Suntar volcano-tectonic structures]. In: *Problemy prognozirovaniya, poiskov i izucheniya mestorozhdeniy poleznykh iskopaemykh na poroge XXI veka* [Problems of forecasting, search and study of mineral deposits in the 21st century]. Voronezh: Voronezh State University Publ., 2003, pp. 81–86.
4. Oleynikov B.V., Tomshin M.D., Koroleva O.V. *Glubinnaya evolyutsiya subshchelochnoy toleit-bazal'tovoy magmy v rezhime paleoriftogeneza (na primere Charo-Sinskoy zony): Preprint* [Deep evolution of subalkalic tholeiite-basaltic magma in paleorift genesis (Charo-Sinskaya zone). Preprint]. Yakutsk, 1984. 32 p.
5. Protchenko E.V., Korobkov I.G. *Petrograficheskaya kharakteristika bazitovykh intruziy Suntarskoy vulkano-tektonicheskoy struktury* [Petrographic characteristics of basic intrusions of Suntar volcano-tectonic structures]. In: Chaykovskiy I.I. (ed.) *Problemy mineralogii, petrografii i metallogenii. Nauchnye chteniya pamyati P.I. Chirvinskogo* [Problems of mineralogy, petrology and metallogeny. Scientific readings in memory of P.I. Chirvinsky]. Perm: Perm State University Publ., 2013. Is. 16, pp. 120–128.

Received: 10 February 2015

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ОБЛИКОМ, СИСТЕМАТИЧЕСКИМ СОСТАВОМ ПОЗДНЕМЕЛОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ФОРАМИНИФЕР И ЛИТОЛОГИЕЙ ВМЕЩАЮЩИХ ОТЛОЖЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследование позднемиловых турон-кампанских комплексов фораминифер Западной Сибири позволило выяснить значительную зависимость их облика и систематического состава от литологических особенностей вмещающих отложений. Главными факторами, влиявшими на эти изменения фораминифер, являлись глубина бассейна, литологические особенности грунта, химизм, температурный режим и подвижность водной среды. Все это отражено в некоторой мере в тех раковинах и вмещающих породах верхнего мела, которые нами изучались.

Ключевые слова: фораминиферы; систематический состав; литология; Западная Сибирь.

Исследование позднемиловых турон-кампанских комплексов фораминифер Западной Сибири позволило выяснить значительную зависимость их облика и систематического состава от литологических особенностей вмещающих отложений. Главными факторами, влиявшими на эти изменения фораминифер, являлись глубина бассейна, литологические особенности грунта, химизм, температурный режим и подвижность водной среды. Все это отражено в некоторой мере в тех раковинах и вмещающих породах верхнего мела, которые нами изучались. Фораминиферы известковые секретионные и агглютинирующие с зернами кальцита и известковым цементом обычно приурочены к карбонатным глинам, а фораминиферы, агглютинирующие в основном зерна кварца, в меньшей мере халцедона, кремнистые спиккулы губок, встречаются в некарбонатных глинах и алевролитах. Микроструктура стенки у представителей отдельных родов и особенно видов относительно постоянна, что свидетельствует об определенной избирательной способности фораминифер в отношении минерального состава, используемого для построения стенки раковин. По размерам зерен и минеральному составу агглютинированного материала можно в известной мере судить об условиях обитания фораминифер, а также процессах седиментации в морских бассейнах, что представляет интерес как дополнительное средство для палеогеографических реконструкций. Для примера мы рассмотрим несколько видов разных родов, которые строят свои раковины из определенного по составу, размерам и форме терригенного материала. У этих видовых групп, естественно, имеются некоторые колебания в размерах слагающего стенку материала, так же как и других морфологических признаков, но эти колебания ограничены определенными пределами.

Так, например, в составе вида *Gaudryinopsis angustus* Podobina из туронских и *Gaudryinopsis vulgaris* (Kuprianova) сантонских отложений, кроме отличий в морфологии раковин, различны по размерам зерна кварца в составе стенки. Причем у первого вида, в отличие от второго, зерна кварца сравнительно мелкие, более плотно прилегают друг к другу, так что цемент почти неразличим. Но и среди особей каждого из этих видов из разных глубин бассейна также наблюдаются колебания в размерах зерен кварца. Однако они не выходят за пределы изменчивости, при-

сущей данному виду. То же самое наблюдается в строении стенки среди раковин видов *Labrospira collyra* (Nauss) и *L. senonica* Podobina, что совместно с учетом некоторых морфологических отличий дало возможность выделить отдельные виды рода *Labrospira*, приуроченные к туронским и коньяк-сантонским отложениям. Пространственно же, в пределах одного стратиграфического уровня, агглютинированный материал в составе стенки обладает определенными размерами, и его колебание обычно не выходит за пределы изменчивости, присущей данному таксону.

Представители какого-либо вида, попадая в неблагоприятные условия обитания, либо исчезают, либо, приспособившись к изменившимся условиям существования, продолжают агглютинировать примерно тот же по составу и размерам терригенный материал.

В породах (глины, алевролиты), включающих карбонатный материал, можно предположить, что они формировались в тепловодном бассейне Западной Сибири, воды которого были насыщены карбонатом кальция. Среди агглютинированных фораминифер преобладают таксоны с известковой раковиной. Следует отметить, что виды с кварцевой раковиной составляют основу сеноман-туронских и коньяк-сантонских ассоциаций. В кампан-маастрихтских комплексах в Западной Сибири они встречаются единично. Фораминиферы же с секреторной известковой раковиной, наоборот, приурочены в основном к кампан-маастрихтским ассоциациям, но изредка присутствуют и в указанных выше из турона – коньяка – сантона. Фораминиферы, агглютинирующие зерна кальцита, ограничены в своем распространении преимущественно карбонатными отложениями ганькинской свиты (рис. 1) [1].

Комплексы фораминифер турона по облику и систематическому составу значительно отличаются от вышележащих ассоциаций. Рассматривая раннетуронские комплексы из центрального района Западной Сибири (г. Тара, с. Новый Васюган, г. Сургут), можно отметить их сравнительную мелкозернистость, хорошую сохранность, присутствие агглютинированных серой окраски раковин.

Отложения нижней части кузнецовской свиты в этом районе, включающие комплекс фораминифер с *Gaudryinopsis angustus*, более глинисты, содержат включения зерен пирита и накапливались в удалении

от областей сноса, в спокойном с восстановительными условиями бассейне. По Т.И. Гуровой и В.П. Казаринову, они относятся к пятой литологической зоне [2].

К верхним слоям кузнецовской свиты довольно значительно уменьшается степень насыщенности по-

род агглютированными фораминиферами. Одновременно несколько увеличивается содержание алевритовых и песчаных фракций вмещающих отложений, что сказывается на облике фораминифер и их составе. Они становятся более светлыми, грубозернистыми и составляют комплекс с *Pseudoclavulina hastata*.

Комплекс фораминифер с *Gaudryinopsis angustus*. Ранний турон. Западная Сибирь.
Томская обл., Ново-Васюганская опорная скв. 1-р, гл. 884,4–886,7 м. х28

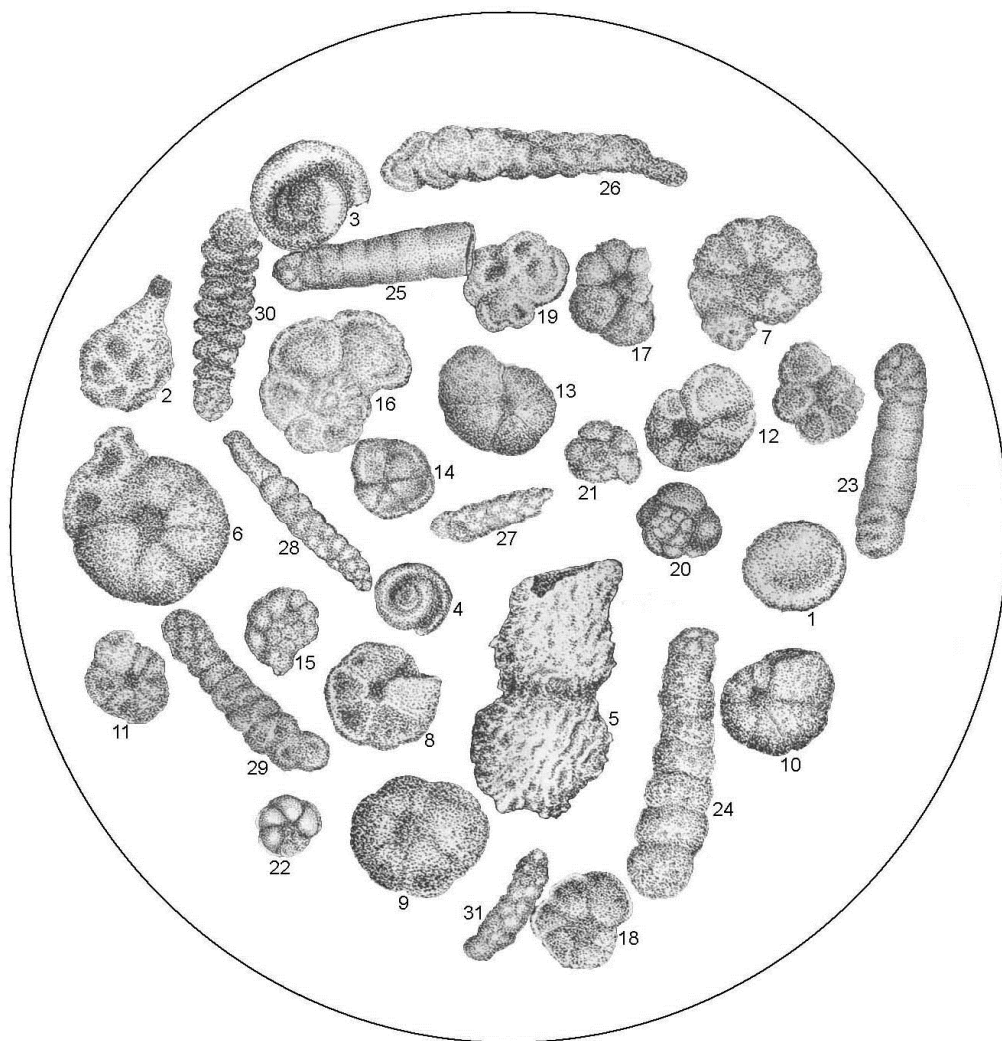

Рис. 1. 1 – *Psammospaera laevigata* White; 2 – *Saccamina scruposum* Berthelin; 3, 4 – *Lituotuba contusa* (Zaspelova); 5 – *Reophax* sp. indet.; 6–8 – *Labrospira collyra* (Nauss); 9–12 – *Haplophragmoides rota* Nauss sibiricus Zaspelova; 13, 14 – *H. crickmayi* Stelck et Wall; 15 – *Ammomarginulina haplophragmoidaeformis* (Balakhmatova); 16–19 – *Trochammina subbotinae* Zaspelova; 20–22 – *T. wetteri* Stelck et Wall; 23–25 – *Pseudoclavulina hastata* (Cushman); 26–31 – *Gaudryinopsis angustus* Podobina

Раковины вида *Gaudryinopsis angustus* Podobina, обладающие в составе стенки сравнительно мелкозернистыми кварцевыми зёрнами, здесь малочисленны или почти совсем исчезают. Та же картина наблюдается в отношении распространения данного вида на востоке в пределах нижних, более песчаных пород кузнецовской свиты.

В комплексе с *Gaudryinopsis angustus* преобладают годриниопсисы, гаплофрагмиды и в меньшей степени встречаются псевдоклавулины. В восточном районе (села Пудино, Каргасок, Усть-Сильга) в нижнем туроне появляются секретионные известковые

формы, которые местами составляют самостоятельный комплекс с *Neobulimina albertensis*. Т.И. Гуровой и В.П. Казариновым по литологическим признакам здесь выделяется вторая зона. Породы кузнецовской свиты содержат прослои кварцево-глауконитовых алевролитов и иногда песчаников. Так, по р. Васюган отложения свиты, вскрытые в устье р. Васюган – скв. 1-ГК (с. Каргасок), состоят из темно-серых алевритистых глин с прослоями зеленовато-серых кварцево-глауконитовых песчаников. Отложения свиты в разрезе Пудинской опорной скважины представлены серыми песчано-алеври-

тистыми глинами с подчиненными прослоями светло-серых алевролитов; вверху разреза наблюдается прослой мелкозернистого песчаника. Глины в этих разрезах составляют 75%, прослои алевролитов 22%, песчаников 3%. Подобное изменение литологического состава пород, заметное опесчанивание разреза сказалось на систематическом составе и облике комплексов фораминифер из восточного района равнины. Позднетуронский комплекс с *Pseudoclavulina hastata* из восточного района несет примерно те же признаки изменчивости, что и раннетуронский, но он заметно обеднен как количественно, так и по видовому составу. Это объясняется значительным уси-

лением поступления с востока грубообломочного терригенного материала, что затруднило жизнедеятельность придонных форм.

Коньякские комплексы обнаружены спорадически и пространственно значительно отличаются друг от друга. Предположительно коньякский комплекс нехарактерных фораминифер центрального района равнины приурочен к седельниковской свите, распространенной на западе Томской области. Серые опоки и опокovidные глины, слагающие данную свиту, относятся, по Т.И. Гуровой и В.П. Казаринову, к пятой литологической зоне, которой соответствует и распространенная восточнее ипатовская свита.

Комплекс фораминифер с *Gaudryinopsis angustus*. Ранний турон. Западная Сибирь.
Томская обл., Васюганский профиль, скв. 1-гк, гл. 722,2–731,7 м, х28

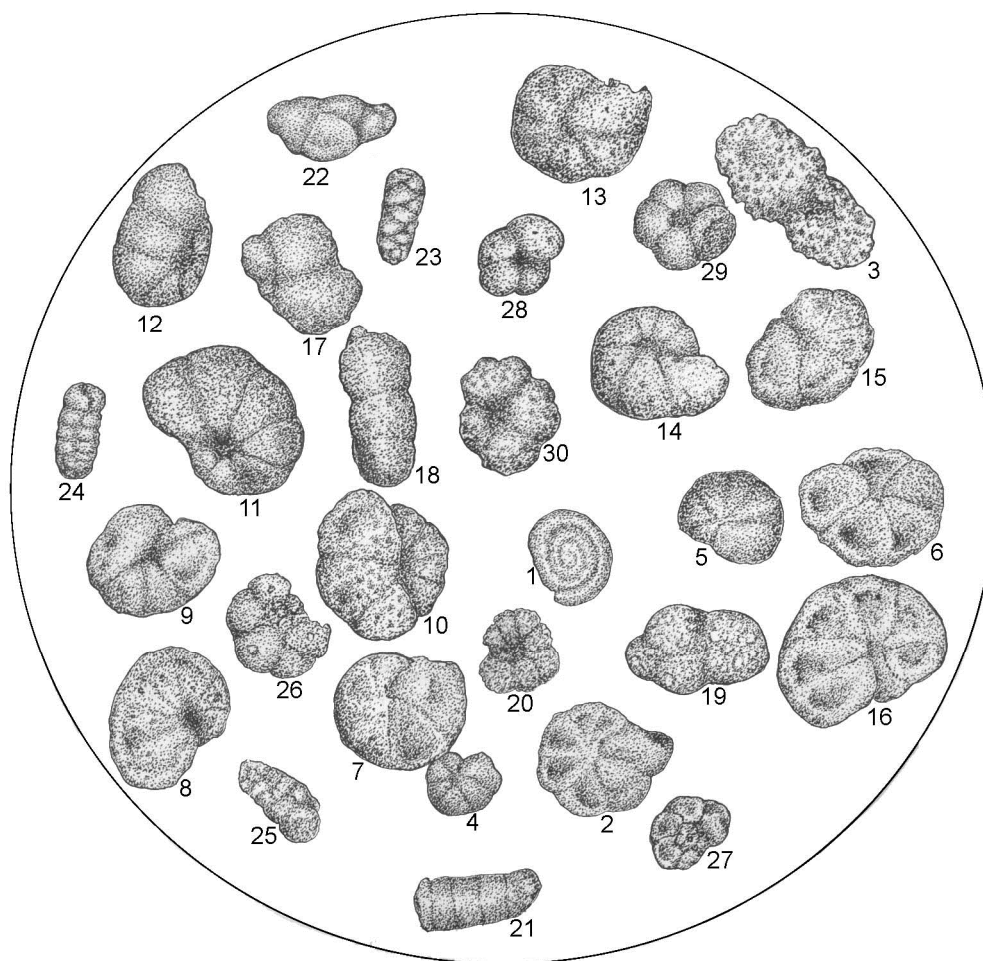

Рис. 2. 1 – *Lituotuba confusa* (Zaspelova); 2 – *Labrospira collyra* (Nauss); 3 – *Reophax texanus* Cushman et Waters;
4–6 – *Haplophragmoides crikemayi* Stelck et Wall; 7–16 – *H. rota* Nauss sibiricus Zaspelova;
17–19 – *Haplophragmium medium* Podobina; 20 – *Ammomarginulina haplophragmoidaeformis* (Balakhm.); 21 – *Pseudoclavulina hastata* (Cushman); 22 – *Uvigerinamina manitobensis* (Wickenden); 23–25 – *Gaudryinopsis angustus* Podobina;
26, 27 – *Trochammina subbotinae* Zaspelova; 28–30 – *T. wetteri* Stelck et Wall

В глинистых прослоях Колпашево-Нарымского района Бакчарского железорудного месторождения и в его нижнем – Нарымском горизонте – обнаружены секреторные известковые фораминиферы комплекса с *Dentalina tineiformis*, *Cibicides sandidgei*. Нарымский горизонт представлен темно-бурыми, внизу плохо отсортированными, вверху мелкозернистыми, почти черными гидрогетитовыми оолитовыми породами, сце-

ментированными железистым или железисто-хлоритовым цементом. В отдельных прослоях железная руда становится грязно-зеленого оттенка, что является следствием их хлоритизации. Из-за окислов железа стенка раковин окрашена в коричневый цвет [3].

Сантонские комплексы фораминифер почти на всей территории Западной Сибири состоят из агглютинированных кварцевых раковин и приурочены к

славгородской свите. Эти комплексы отличаются повсеместным распространением и богатством форм отдельных видов с агглютинированной кварцевой раковиной. В комплексе с *Ammobaculites dignus*, *Pseudoclavulina admota* из нижних слоев свиты обнаружены, кроме того, раковины вида *Ammoscalaria incultus* (Ehremeeva), в агглютинате которых кремнистые спикулы губок. Подобные формы обычно приурочены к мелководным отложениям славгородской свиты, где, по-видимому, совместно обитали сами губки, спикулы которых использовались раковинами данного вида. В других местах его существования, где отсутствовали спикулы губок, в раковинах этого вида наблюдается агглютинированный кварцевый, преимущественно гру-

бозернистый материал. Систематический состав указанного комплекса центрального района более однообразен, а в славгородской свите преобладают опоконидные глины. Здесь известны представители мелкозернистых примитивно устроенных форм. Более сложно организованные фораминиферы отмечаются единичными раковинами. Грубозернистые формы с преобладанием гаглофрагмид данного комплекса обнаружены в восточном районе, где породы славгородской свиты сравнительно опесчанены (Колпашево-Нарымский р-он, Тымский, Обской, Парабель-Чузыкский профили). По Т.И. Гуровой и В.П. Казаринову, это те же пятая и вторая литологические зоны, которые выделены в пределах славгородского горизонта [1].

Комплекс фораминифер с *Cribrostomoides exploratus*, *Ammomarginulina crispa*.
Поздний сантон. Западная Сибирь. Томская обл., Нарымская площадь, скв. 3-к, гл. 340,0–343,0 м, х28

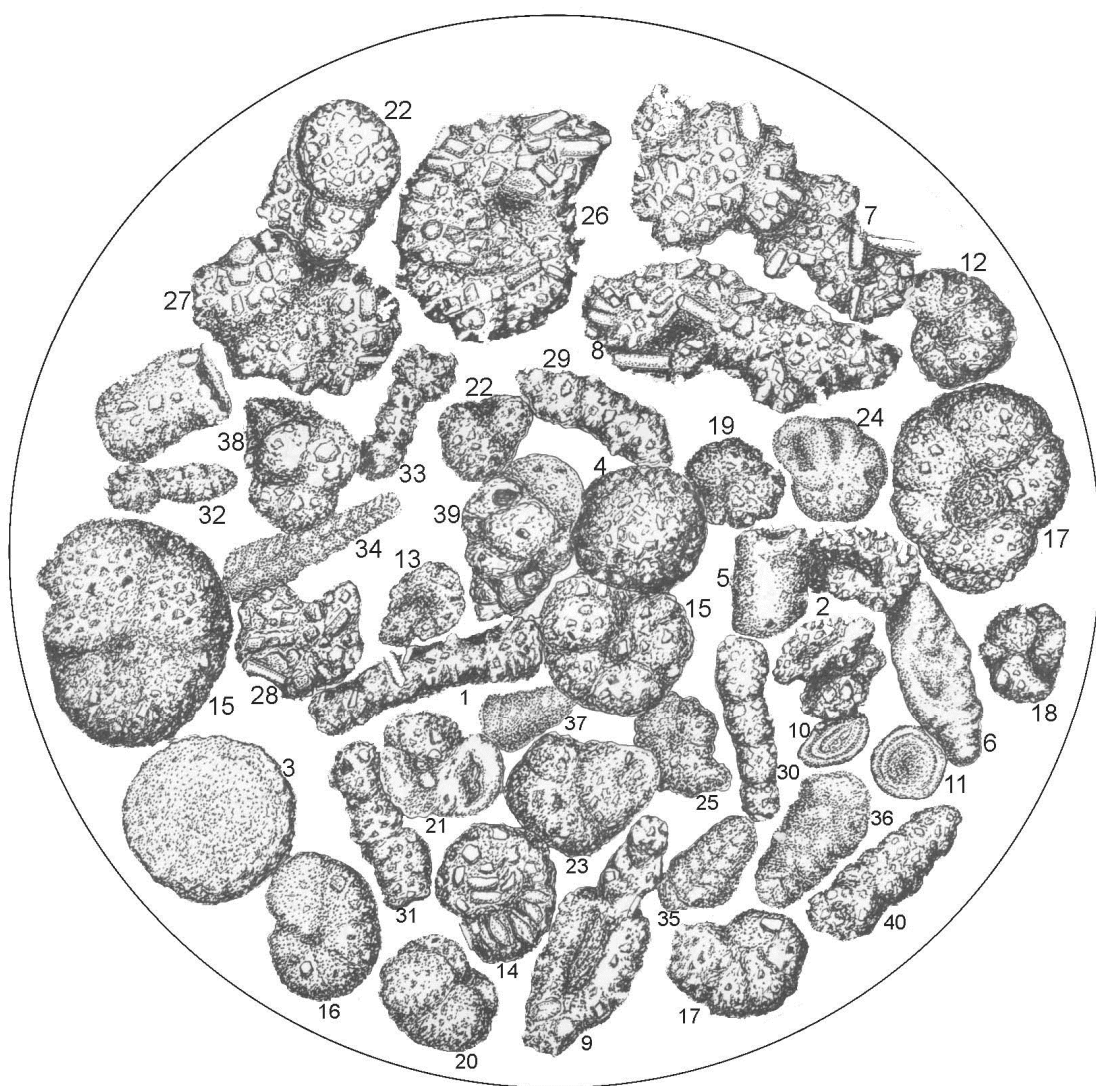

Рис. 3. 1, 2 – *Rhabdammina cylindrica* Glaessner; 3 – *Psammospaera laevigata* White; 4 – *Saccammina sphaerica* (M. Sars); 5 – *Hyperammina* sp.; 6 – *Hippocrepina* aff. *indivisa* Parker; 7–8 – *Reophax inordinatus* Young; 9 – *R. remotus* Podobina; 10, 11 – *Ammodiscus glabratus* Cushman et Jarvis; 12–14 – *Labrospira senonica* Podobina; 15–17 – *Haplophragmoides tumidus* Podobina; 18–21 – *Adercotryma glomeratiformis* (Zaspelova); 23 – *Haplophragmium planum* (Belousova); 24 – *Cyclammina flexuosa* Podobina; 25 – *Ammomarginulina crispa* (Kyprianova); 26–28 – *Ammoscalaria incultus* (Ehremeeva); 30–33 – *Ammobaculites agglutiniformis* Podobina; 34 – *Spiroplectammina ancestralis* Kisselman; 35–37 – *S. senonana* Lalicker *pocurica* Balakhmatova; 38, 39 – *Verneuilinoides canadensis* (Cushman); 29, 40 – *Gaudryinopsis vulgaris* (Kyprianova)

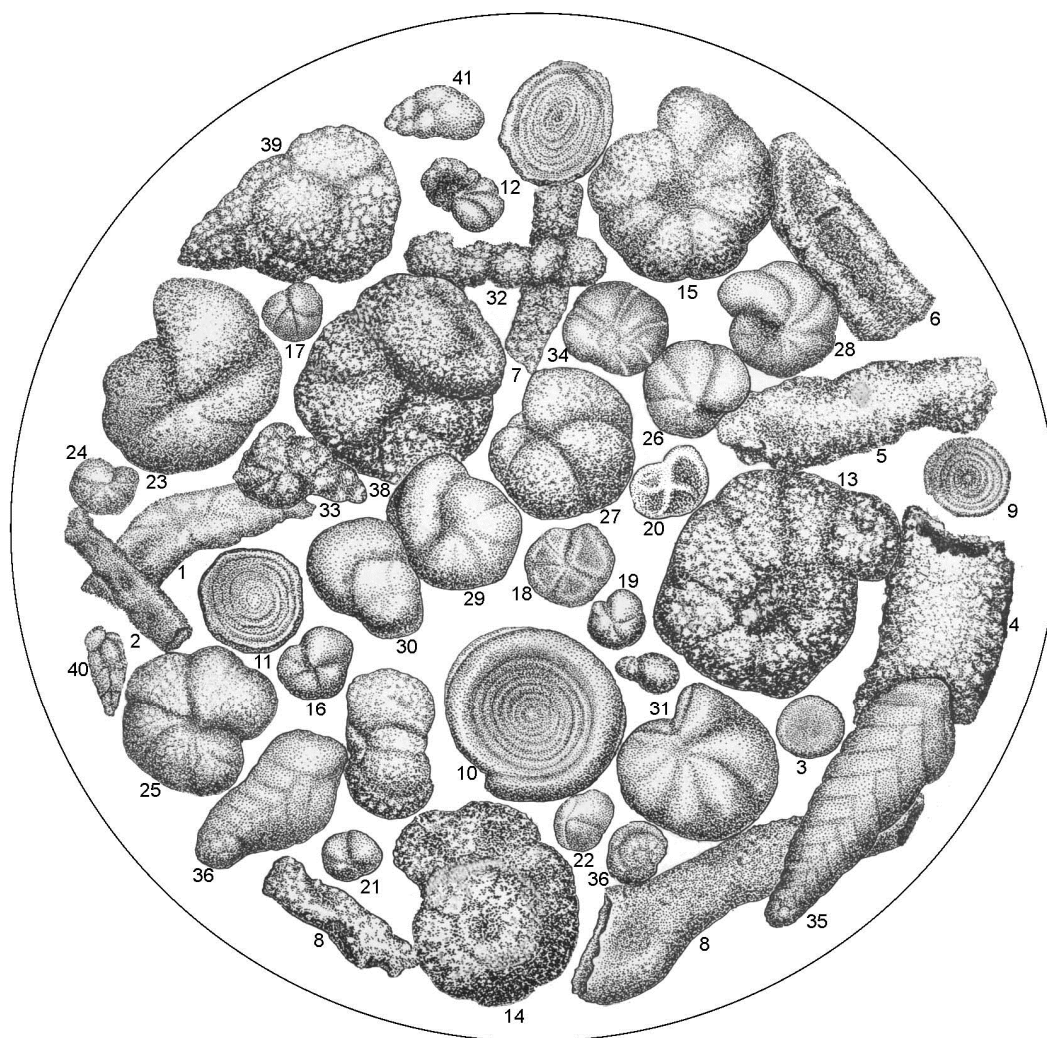

Рис. 4. 1, 2 – *Bathysiphon vitta* Nauss; 3 – *Psammosphaera laevigata* White; 4–8 – *Hyperammina elongata* Brady; 9, 12 – *Ammodiscus glabratus* Cushman et Jarvis; 10 – *A. cretaceus* (Reuss); 13, 14 – *Labrospira fraseri* (Wickenden) *propensa* Podobina; 15 – *L. senonica* Podobina; 16 – *Haplophragmoides kirki* Wickenden; 17–22 – *R. sewellensis* (Olsson) *parvus* (Belousova); 23 – *H. tumidus* Podobina; 24–26, 27 – *Adercotryma glomeratoformis* (Zaspelova); 28–31 – *Cribrostomoides exploratus* Podobina; 32 – *Ammobaculites agglutiniformis* Podobina; 33 – *Ammomarginulina crispa* (Kyprianova); 34 – *Recurvoides magnificus* Podobina; 35, 36 – *Spiroplectammina optata* Kisselman; 37 – *Trochammina priva* Podobina; 38 – *T. böhmi* Franke; 39 – *Verneulinoides canadensis* (Cushman); 40, 41 – *V. polystropha* (Reuss)

Позднесантанский комплекс фораминифер с *Cribrostomoides eriksdalensis*, *Ammomarginulina crispa* состоит повсеместно из еще более грубозернистых раковин (рис. 3). В центральном районе он представлен разнообразными видами со средне- и грубозернистой стенкой, соответствующими общему опесчаниванию свиты к верхним ее слоям. В восточном районе (Колпашево-Нарымский, Тымский, Обской, Парабель-Чузикский профили) раковины комплекса еще более грубозернисты, окатаны, сохранность многих форм нарушена. Здесь чаще встречаются комплексы с единичными видами-индексами и гаплофрагмнидами, но преобладают реофациды. В окраинных районах последние иногда сплошь составляют комплексы данного стратиграфического уровня. В составе некоторых видов отмечаются наиболее крупные зерна кварца и

реже – спикулы губок. В серых, местами бурых, ожелезненных песчаниках, алевролитах и реже – глинах славгородской свиты восточного района равнины (восточнее п.п. Напаса, Нарыма) обнаружены сантонские комплексы с *Cibicidoides eriksdalensis* и *C. luteus*, несколько отличающиеся систематическим и количественным составом, а также присутствием более или менее типичных представителей указанных видов. В их составе преобладают секреторные известковые формы, характерные на данном стратиграфическом уровне для прибрежных частей бассейна, где в прогреваемой зоне в водах содержался растворенный карбонат кальция, а также окислы железа, придающие раковинам коричневый цвет.

Раннекампанский комплекс с *Bathysiphon vitta*, *Recurvoides magnificus* представлен по простиранию раз-

народными скоплениями раковин (рис. 4). В центральном районе исследуемой территории (пос. Новый Васюган, г. Сургут) в комплексе много родов секреторных известковых форм наряду с примитивными мелкозернистыми сахаристо-белыми раковинами родов *Hyperammina*, *Bathysiphon*, *Glomospira* и др.

В восточном районе этот комплекс сплошь состоит из примитивно устроенных раковин (Васюганский, Тымский, Вахский, Обский профили, Нарымская, Амбарская площади). Породы, повсеместно вмещающие данный комплекс, представляют опесчаненные глины самых верхних слоев славгородской свиты, соответствующих Колпашевскому железорудному горизонту.

К верхней части алевролитов, песчаников Колпашевского железорудного горизонта или его аналогов, а также к нижним слоям ганькинской свиты приурочен позднекампанский комплекс фораминифер с *Cibicidoides primus*. В комплексе преобладают и широко распространены известковые секреторные формы.

Включающие их породы ганькинской свиты представлены в значительной степени известковыми алевролитовыми глинами и алевролитами. В распределении их литологических типов пород, по данным Т.И. Гуровой, В.П. Казаринова, наблюдается та же закономерность. Пятая зона приурочена к центральным районам, и ей соответствуют сравнительно более глинистые породы ганькинской свиты.

Комплекс фораминифер с *Cibicidoides primus*. Поздний кампан. Западная Сибирь.
Томская обл., бассейн реки Чижалки, Чижалпская партия, скв. 10-к, гл. 313,0 м. x28

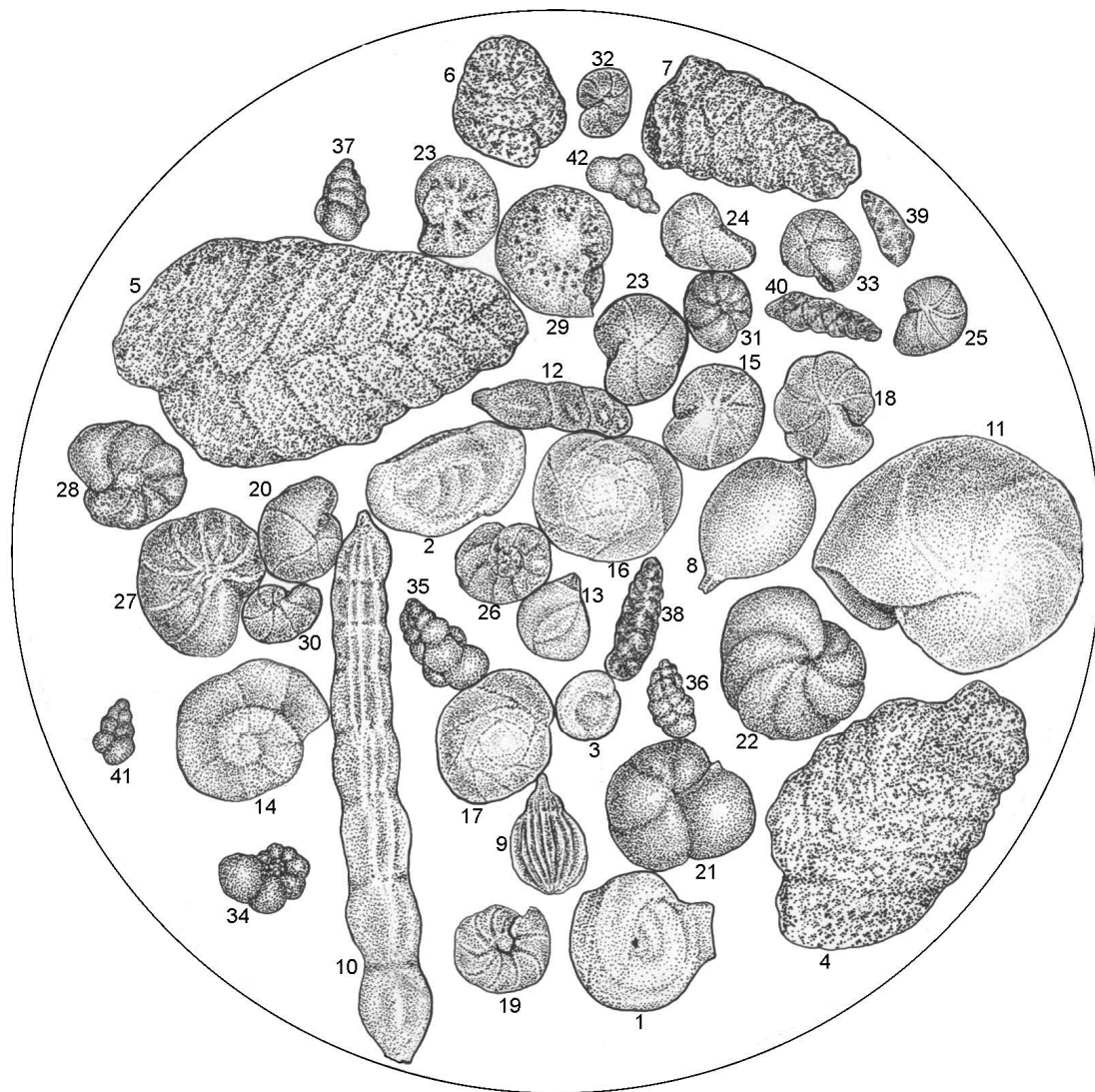

Рис. 5. 1, 2 – *Glomospira gordialisformis* Podobina; 3 – *G. corona* Cushman et Jarvis; 4–6 – *Spiroplectammina optata* Kisselman; 7 – *S. variabilis* Neckaja; 8 – *Oolina obeliscata* Mello; 9 – *Lagena sulcata* (Walker et Jacob); 10 – *Nodosaria zippei* Reuss; 11 – *Robulus trachyomphalus* (Reuss); 12 – *Marginulina recta* Podobina et Orlov; 13 – *Globulina tubifera* Kusina; 14 – *Gyroidinoides obliquaseptatus* (Mjatliuk); 15 – *G. turgidus* (Hagenow); 16–19 – *Eponides sibiricus* Neckaja; 20 – *Alabamina dorsoplana* Brotzen; 21 – *Cibicides globigeriniformis* Neckaja; 22–26 – *C. gankinoensis* Neckaja; 27–28 – *Anomalinoidea pinguis* (Jennings) neckajae Vissilenko; 30–32 – *Cibicidoides primus* Podobina; 33 – *Pullenia americana* Cushman; 34 – *Hastigerina aspera* (Ehrenberg) digitata Subbotina; 35–37 – *Bulimina omskensis* Kisselman; 38–39 – *Neobulimina canadensis* Cushman et Wickenden; 41–42 – *Guembelina globulosa* (Ehrenberg)

Однако восточный район (Тымский, Обский, Парабельский, Парбиг и Чаа профили, Нарымская, Средне-Парабельская площади) охватывает вторую и третью зоны. В ганькинской свите преобладают алевроитовые известковые глины, алевролиты и песчаники. В соответствии с общим увеличением опесчанивания разреза к востоку изменяется и систематический состав позднекампанских и вышележащих маастрихт-

ских комплексов фораминифер. Они резко обедняются качественно и по количеству экземпляров каждого вида, особенно в пределах пос. Нарым, рр. Тыма, Кети и Чаа (рис. 5) [4].

Сказанное выше свидетельствует о тесной взаимосвязи облика и систематического состава позднемеловых комплексов фораминифер с литологическими особенностями вмещающих отложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подобина В.М. Фораминиферы и зональная стратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 232 с.
2. Гурова Т.И., Казаринов В.П. Литология и палеогеография Западно-Сибирской низменности в связи с нефтегазоносностью. М. : Гостоптехиздат, 1962. 296 с.
3. Подобина В.М. Фораминиферы и биостратиграфия верхнего мела Западной Сибири. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. 388 с.
4. Подобина В.М., Ксенева Т.Г. Влияние условий обитания на состав позднемеловых комплексов фораминифер Западной Сибири // Новости палеонтологии и стратиграфии. Вып. 10–11. Приложение к журналу «Геология и геофизика». 2008 г. Т. 49 / ред. А.В. Каныгин ; Рос. Акад. наук. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. С. 283–287.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 22 октября 2014 г.

THE INTERRELATION BETWEEN THE ASPECT, SYSTEMATIC COMPOSITION OF THE LATE CRETACEOUS FORAMINIFERAL ASSEMBLAGES AND THE LITHOLOGY OF HOST ROCKS OF WESTERN SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 230-236. DOI 10.17223/15617793/393/37

Kseneva Tatiana G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kseneva@ggf.tsu.ru

Keywords: foraminifera; systematic composition; lithology; Western Siberia.

The investigation of the late Cretaceous Turonian-Campanian foraminiferal assemblages of Western Siberia made it possible to reveal a significant dependence of their aspect and systematic composition on the lithological characteristics of the host deposits. The main factors influencing these changes of foraminifera are: the depth of the basin, lithological peculiarities of the ground, chemistry, temperature conditions and the mobility of water environment. All these features are reflected in the upper Cretaceous tests and host rocks studied by the present author. The dwelling conditions of foraminifera could be inferred by the mineral composition of the agglutinated material, and, besides, paleogeographic reconstructions can be conducted within Western Siberia. The calcareous secreted and agglutinated tests with calcite grains are commonly confined to the carbonate clays, whereas foraminifera agglutinating mainly quartz grains, chalcedony to a lesser degree, sponge siliceous spicules are encountered in the non-carbonate clays and siltstones. The chemical composition and test wall microstructure in representatives of separate genera and, especially, species are relatively constant, which demonstrates a certain elective ability of foraminifera in relation to dimensions and composition of minerals adsorbed from the basin bottom and used for constructing test walls. The grain dimensions and mineral composition of the agglutinated material are indicative of the foraminifera dwelling conditions along with the sedimentation processes in marine basins, which is of certain interest as complementary data for paleogeographic reconstructions. The Turonian foraminiferal assemblages differ significantly from the superposed association in their aspect and systematic composition. When analyzing the early Turonian assemblages from the central district of Western Siberia (Tara, Novy Vasyugan, Surgut), it is possible to note the relative fine granularity of agglutinate, the sufficient rate of integrity and the grey colour of tests. The Coniacian assemblages are sporadically encountered and differ significantly from each other. Grey silica clays compose the Sedelnikovskaya Suite correlatable with the Ipatovskaya Suite occurring eastward. Almost on the whole territory of Western Siberia, the Santonian foraminiferal assemblages are composed by agglutinated quartz tests and confined to the Slavgorodskian Suite. The early Campanian *Bathysiphon vitta* – *Recurvoides magnificus* Assemblage is represented by heterogeneous test accumulations. In the assemblage from the central district of the studied territory (Novy Vasyugan, Surgut), there are numerous genera of the secreted calcareous forms, along with the primitive fine-grained sugary-white tests of the genera *Hyperammina*, *Bathysiphon*, *Glomospira* and others. The late Campanian *Cibicidoides primus* Assemblage is confined to the upper part of the Kolpashevo iron-ore horizon (siltstones, sandstones) or its analogues, and also to the bottom of the Gankinskian suite. The assemblage is dominated by the calcareous secreted forms, which are widely distributed.

REFERENCES

1. Podobina V.M. *Foraminifery i zonal'naya stratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri* [Foraminifera and zonal stratigraphy of the Upper Cretaceous of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1989. 232 p.
2. Gurova T.I., Kazarinov V.P. *Litologiya i paleogeografiya Zapadno-Sibirskoy nizmennosti v svyazi s neftegazonosnost'yu* [Lithology and paleogeography of the West Siberian Plain in connection with oil-and-gas content]. Moscow: Gostoptekhizdat Publ., 1962. 296 p.
3. Podobina V.M. *Foraminifery i biostratigrafiya verkhnego mela Zapadnoy Sibiri* [Foraminifera and biostratigraphy of the Upper Cretaceous of Western Siberia]. Tomsk: NTL Publ., 2000. 388 p.
4. Podobina V.M., Kseneva T.G. Vliyaniye usloviy obitaniya na sostav pozdnemelovykh kompleksov foraminifer Zapadnoy Sibiri [Influence of environmental conditions on the composition of the Late Cretaceous foraminiferal assemblages of Western Siberia]. *Novosti paleontologii i stratigrafii*, 2008, is. 10–11, pp. 283–287. (Supplement to *Russian Geology and Geophysics journal*, 2008, vol. 49)

Received: 22 October 2014

БИОЛОГИЯ И ХИМИЯ

УДК 631.618

В.Г. Двуреченский

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРУППОВОГО И ФРАКЦИОННОГО СОСТАВА ЖЕЛЕЗА ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ ПРОЦЕССОВ ПОЧВООБРАЗОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПОЧВ ТЕХНОГЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ ГОРНО-ТАЕЖНОГО ПОЯСА КУЗБАССА

Изучение процессов почвообразования и прогноз развития почв, формирующихся на отвалах техногенных ландшафтов, представляет научный интерес, являясь частью проблемы восстановления почвенного покрова. Возникает необходимость выявления различных индикаторов, характеризующих почвенно-экологическое состояние техногенных ландшафтов, по которым можно было бы проследить скорость и направленность почвообразовательных процессов. Такие параметры, как количество, соотношение различных форм и фракций железа и распределение их в почвенном профиле, обладают индикаторной способностью.

Ключевые слова: групповой и фракционный состав железа; эмбриоземы; техногенный ландшафт; горно-таежный пояс.

Групповой состав железа в профилях почв как естественных, так и техногенных ландшафтов имеет диагностическое значение, выражая различные внутрипочвенные процессы, такие как накопление гумуса, микроагрегация, формирование органо-минеральных комплексов. Чувствительность железа к изменению окислительно-восстановительных условий, способность образовывать различные соединения с органическими кислотами, склонность к гидролизу определяет одно из его главных свойств – способность отражать различные стадии почвообразовательного процесса [1]. Горно-таежный пояс Кузбасса относится к гумидным районам, в которых железо является элементом типоморфным.

Соотношение групп и фракций железа указывает на почвообразовательные процессы, которые могут идти в фоновых почвах горно-таежного пояса Кузбасса: 1) подзолообразование – процесс, характеризующийся наибольшей профильной дифференциацией соединений железа, невысоким содержанием силикатных и несиликатных форм в верхней элювиальной толще. Для подзолообразования характерно слабое накопление аморфного и сильноокристаллизованной фракции железа при резком обеднении всеми формами и полном выносе аморфного железа из горизонта A_2 . Горизонт В определяется иллювиальной аккумуляцией аморфного железа, особенно его фракции, связанной с органическим веществом, а также слабоокристаллизованной фракции железа. В горизонте С присутствуют аморфное железо и сильноокристаллизованная фракция (характерна только для дерново-подзолистых, бурых лесных и таежных почв) [1]. Подобное распределение форм железа отражает процессы разрушения первичных силикатов в горизонте А и накопление продуктов разрушения в горизонте В и отличает подзолообразование от всех остальных процессов; 2) буроземообразование – процесс неустойчивого, слабодифференцированного соотношения и распределения силикатных и свободных, несиликатных, соединений железа с колебаниями содержания каждого из них от 27–33 до 67–73% от валового железа. Для буроземообразования характерны преобладание, уве-

личение с глубиной слабоокристаллизованной фракции и снижение аморфного и сильноокристаллизованной фракции железа; 3) псевдоподзоливание – процесс, определяющийся двучленной дифференциацией в распределении форм железа: в верхней части профиля преобладает слабоокристаллизованная фракция и практически отсутствует сильноокристаллизованная; в нижней части профиля преобладает сильноокристаллизованная фракция, представленная различными новообразованиями и пленками на почвенных частицах [2].

Данная краткая характеристика процессов представлена с целью определения направленности почвообразования путем сопоставления группового состава железа в естественных почвах с групповым составом железа в эмбриоземах техногенных ландшафтов. Сравнивая изменения группового состава железа, происходившие в течение 10 лет, можно определить скорость почвообразования в техногенных ландшафтах.

Исследования проводились в 2002 и 2012 гг. в молодых почвах – эмбриоземах, формирующихся на внешних транспортных отвалах Красногорского углераза. Субстрат отвала состоит из хаотичной смеси вскрышных (покровные глины, некарбонатные суглинки) и вмещающих (песчаники, аргиллиты, алевролиты) пород. Углераз расположен в Горно-Шорской части горно-таежного пояса Кузнецкой котловины. Возраст отвалов – 42 года.

Железо подразделялось на формы и фракции согласно классификации С.В. Зонна [1]. Определялось силикатное и несиликатное железо, а также его окристаллизованные и аморфные формы. Общее (валовое) содержание железа ($Fe_{вал}$), несиликатное или свободное железо ($Fe_{д}$), извлекаемое из почвы методом Мера и Джексона в модификации по Коффину, аморфные формы железа по Тамму, железо по Баскомбу определялись общепринятыми методами [2, 3], что позволило произвести дифференцированное разделение свободного железа на сильно- и слабоокристаллизованные фракции, выделить аморфные органо-минеральные и минеральные фракции железа. При описании количества, распределения и соотношения

форм и фракций железа использовался подход С.В. Зонна, который изучал данные параметры по абсолютному содержанию их в почве, а не в процентах от валового железа.

Согласно классификации почв техногенных ландшафтов [4], почвенный покров в нарушенных экосистемах формируется сингенетично стадиям развития растительных сукцессий. Проведенные ранее исследования показали, что развитие эмбриоземов в горно-таежном поясе имеет два направления: 1) инициальные ↔ органо-аккумулятивные; 2) инициальные → органо-аккумулятивные → дерновые → гумусово-аккумулятивные [5]. Типы эмбриоземов характеризуются определенным строением слабовыраженного почвенного профиля и различаются по степени развитости биологических и почвообразовательных процессов.

Почвообразовательные процессы делятся на три основные группы. Микропроцессы – это группа процессов, в результате которых осуществляются элементарные преобразования вещества [6] или элементарные почвенные процессы 1-го порядка [7], функционирующие на самой ранней стадии развития экосистемы, когда круговорот биологических веществ в техногенном ландшафте только начинает формироваться. Мезопроцессы проявляются при сочетании и взаимодействии между собой микропроцессов, при этом обеспечивая специфические признаки эмбриоземов. Макропроцессы – это собственно почвообразовательные процессы или процессы, формирующие определенные типы эмбриоземов техногенных ландшафтов со свойственной им системой генетических горизонтов. В инициальных эмбриоземах органо-генных горизонтов нет; в органо-аккумулятивных обязательно есть горизонт подстилки древесного и травяного опада; в дерновых – подстилки может не быть, но обязательно есть дернина; в гумусово-аккумулятивных – всегда присутствует гумусово-аккумулятивный горизонт.

Почвообразовательный процесс – совокупность явлений превращения и передвижения веществ и энергии, протекающих в почвенной толще [6]. Из этого следует, что важнейшим компонентом почвообразовательного процесса является превращение минералов почвообразующих пород, составляющих субстрат отвалов, а впоследствии и самих эмбриоземов, посредством биологического, геологического и биохимического круговорота энергии и вещества. Немаловажная роль принадлежит процессам аккумуляции, минерализации и гумификации органического вещества. Скорость преобразования минералов определяется основными факторами почвообразования. Биологические и абиотические процессы трансформации минералов в почвах как естественных, так и техногенных ландшафтов протекают совместно, в одном биологическом круговороте.

Поведение железа зависит от реакции среды, водного и воздушного режимов почв. В нейтральных и щелочных почвах при достаточной аэрации железо не растворяется, поэтому его непосредственная роль в почвообразовательных процессах может усиливаться только с повышением увлажнения и снижением аэрации. В кислой среде роль железа в почвообразовании

значительно усиливается. Органические кислоты интенсивно разрушают минералы и способствуют усилению подвижности железа, вследствие чего происходит обогащение толщи активного почвообразования двуокисью кремния, присутствие которой принимается за проявление подзолообразования в его различных стадиях и степенях развития [5].

При изменении валентности железа из-за переизбытка влаги и недостаточной аэрации железо приобретает наибольшую подвижность, что может приводить, при переменном водном режиме (влажность, сухость), к образованию кирас и конкреций и обесцвечиванию почвенной массы или к полному выносу железа вертикальным и боковым стоком. Таким образом, изменение условий почвообразования сопровождается перераспределением и сменой соотношений различных форм железа в профилях почв естественных и техногенных ландшафтов.

Зональными почвами горно-таежного пояса Кузбасса являются дерновые глубокоподзолистые почвы. В пределах Красногорского разреза под вторичными лиственными лесами диагностируются бурые таежные почвы, которые определяются как фоновые. В результате проведенных исследований выявлено, что за 10 лет групповой состав железа в бурых таежных почвах практически не изменился. Отмечается увеличение валового содержания в пределах нескольких десятых долей процента (табл. 1, 2).

Распределение форм и фракций железа в профиле осталось прежним. Несиликатное железо преобладает над силикатным в верхнем горизонте; в горизонте А₁ количество несиликатного и силикатного железа становится практически равным; глубже силикатное железо значительно превосходит несиликатное. Распределение несиликатного и силикатного железа по профилю осталось без изменения: количество силикатного железа с глубиной увеличивается, в то время как количество несиликатного уменьшается. Таким образом, железо, входящее в состав минеральной части бурой таежной почвы, подвижно в верхних горизонтах, но при этом, по мере смены окислительно-восстановительных свойств, изменения реакции среды и по другим причинам, переходит в неподвижное состояние. Выноса железа в растворах в ходе формирования иллювиального горизонта, вследствие его осаждения на месте, не происходит в течение 10 лет.

Несиликатное железо представлено сильноокристаллизованными и слабоокристаллизованными фракциями, причем количество слабоокристаллизованной фракции, как и 10 лет назад, превышает сильноокристаллизованную фракцию в верхних горизонтах бурой таежной почвы. В горизонте ВС и С сильноокристаллизованная фракция преобладает над слабоокристаллизованной. Окристаллизованные соединения железа образуются в условиях повышенной температуры, хорошей аэрации, периодического иссушения-увлажнения и преобладания окислительных условий, благоприятствующих кристаллизации аморфных форм железа. Распределение аморфного железа по профилю осталось без изменений (снижение количества с глубиной).

Тем не менее нельзя не отметить изменения, которые произошли в групповом составе железа бурой таежной почвы за 10 лет. Сократилось содержание слабоокристаллизованной фракции, соответственно увеличилось содержание сильноокристаллизованной. По-

добное распределение фракций окристаллизованного железа указывает на признаки псевдоподзоленности. Аморфного железа в профиле стало больше, т.е. железо стало подвижной, что, в свою очередь, говорит об увеличении скорости почвообразовательных процессов.

Таблица 1

Групповой и фракционный состав железа в исследованных почвах (2002 г.)

Горизонт, глубина, см	Валовое, %	Силикат- ное, %	Несиликат- ное, %	Окристаллизованное, %			Аморфное, %		
				общее	сильно-	слабо-	общее	органическое	неорганическое
Бурая горно-таежная почва									
A ₀ (0–5)	10,24	4,56	5,68	4,10	0,69	3,41	1,58	0,87	0,71
A ₁ (5–15)	8,76	4,33	4,43	2,60	0,23	2,37	1,83	0,78	1,05
B ₁ (15–40)	8,03	4,67	3,36	2,15	0,44	1,71	1,21	0,42	0,79
BC (40–60)	8,08	6,08	2,00	1,36	0,73	0,63	0,64	0,19	0,45
C (> 60)	9,71	7,65	2,06	1,31	0,87	0,44	0,75	0,21	0,54
Эмбриозем инициальный									
C ₁ (0–5)	2,40	1,46	0,94	0,75	0,45	0,30	0,19	0,11	0,08
C ₂ (5–35)	2,60	1,70	0,90	0,75	0,48	0,27	0,15	0,04	0,11
Эмбриозем органо-аккумулятивный									
A ₀ (0–3)	–*	–	–	–	–	–	–	–	–
C ₁ (3–6)	2,80	1,24	1,56	1,40	0,79	0,61	0,16	0,10	0,06
C ₂ (6–15)	3,40	1,12	2,28	2,16	1,52	0,64	0,12	0,02	0,10
C ₃ (15–55)	3,60	2,40	1,20	0,99	0,84	0,15	0,21	0,02	0,19
Эмбриозем дерновый									
A ₀ (0–2)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
A _д (2–6)	2,80	1,82	0,98	0,84	0,14	0,70	0,14	0,12	0,02
C ₁ (6–16)	3,00	1,76	1,24	1,11	0,35	0,76	0,13	0,09	0,04
C ₂ (16–35)	3,00	1,97	1,03	0,85	0,47	0,38	0,18	0,04	0,14
C ₃ (35–55)	3,20	2,64	0,56	0,49	0,40	0,09	0,07	0,02	0,05
Эмбриозем гумусово-аккумулятивный									
A ₀ (0–1)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
A _д (1–5)	2,00	0,74	1,26	1,00	0,25	0,75	0,26	0,21	0,05
A ₁ (5–7)	2,20	0,96	1,24	1,00	0,71	0,29	0,24	0,19	0,05
C ₁ (7–25)	2,60	1,24	1,36	1,22	1,00	0,22	0,14	0,08	0,06
C ₂ (25–55)	3,00	2,61	0,39	0,30	0,25	0,05	0,09	0,02	0,07

* Не определялось.

Таблица 2

Групповой и фракционный состав железа в исследованных почвах (2012 г.)

Горизонт, глубина, см	Валовое, %	Силикат- ное, %	Несиликат- ное, %	Окристаллизованное, %			Аморфное, %		
				общее	сильно-	слабо-	общее	органиче- ское	неорганическое
Бурая горно-таежная почва									
A ₀ (0–6)	10,51	4,71	5,80	4,20	0,51	3,69	1,60	0,95	0,65
A ₁ (6–16)	8,94	4,59	4,35	2,55	0,34	2,21	1,80	0,81	0,99
B ₁ (16–40)	8,35	4,78	3,57	2,20	0,67	1,53	1,37	0,59	0,78
BC (40–60)	8,48	6,46	2,02	1,24	0,84	0,40	0,78	0,17	0,61
C (> 60)	9,87	7,73	2,14	1,24	0,89	0,35	0,90	0,17	0,73
Эмбриозем инициальный									
C ₁ (0–5)	2,50	1,54	0,96	0,84	0,49	0,35	0,12	0,08	0,04
C ₂ (5–35)	2,75	1,85	0,90	0,80	0,54	0,26	0,07	0,02	0,05
Эмбриозем органо-аккумулятивный → подтип буроземоподобный									
A ₀ (0–5)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
C ₁ (5–8)	2,90	0,90	2,00	1,89	0,85	1,04	0,11	0,08	0,03
C ₂ (8–15)	3,65	1,75	1,65	1,58	1,04	0,54	0,07	0,02	0,05
C ₃ (15–55)	3,70	2,35	1,35	1,28	1,10	0,18	0,07	0,02	0,05
Эмбриозем дерновый									
A ₀ (0–3)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
A _d (3–7)	2,90	1,74	1,16	1,00	0,17	0,83	0,16	0,15	0,01
C ₁ (7–16)	3,20	1,80	1,40	1,26	0,31	0,95	0,14	0,10	0,04
C ₂ (16–35)	3,20	1,92	1,28	1,24	0,55	0,69	0,04	0,02	0,02
C ₃ (35–55)	3,20	2,71	0,49	0,45	0,40	0,05	0,04	0,02	0,02
Эмбриозем гумусово-аккумулятивный									
A ₀ (0–2)	–	–	–	–	–	–	–	–	–
A _d (2–6)	2,20	0,85	1,35	1,11	0,22	0,88	0,24	0,20	0,04
A ₁ (6–8)	2,40	0,89	1,51	1,31	0,79	0,52	0,20	0,17	0,03
C ₁ (8–25)	2,80	1,33	1,47	1,41	1,06	0,35	0,06	0,04	0,02
C ₂ (25–55)	3,10	2,84	0,26	0,22	0,20	0,02	0,04	0,01	0,03

* Не определялось.

В слое почвы мощностью 40 см увеличилась фракция железа, связанного с органическим веществом, соответственно фракция неорганического аморфного железа сократилась. В нижних горизонтах неорганического железа стало больше (см. табл. 1, 2). Содержание общего аморфного железа в горизонтах А и А₁ осталось на прежнем уровне. В течение 10 лет увеличение произошло в горизонтах, расположенных в нижней части профиля. Аморфное железо накапливается в верхних горизонтах и уменьшается вниз по профилю по мере ослабления интенсивности выветривания и почвообразования, т.е. имеет аккумулятивный характер, что свойственно буроземообразованию.

Анализ группового состава железа эмбриоземов, формирующихся в техногенных ландшафтах Красногорского углеразреза, выявил следующие особенности. За 10 лет резких изменений в содержании групп и фракций железа не отмечается. Тем не менее стоит выделить некоторые моменты. Количество валового железа повысилось по всему профилю сверху вниз. Произошло небольшое увеличение общего валового железа во всех типах эмбриоземов в пределах 0,1–0,2% (см. табл. 1, 2). Количество несиликатного железа несколько увеличилось, кроме эмбриоземов органо-аккумулятивных, в которых несиликатного железа стало меньше. Тем не менее определяются увеличение количества силикатного железа и уменьшение несиликатной формы с глубиной во всех эмбриоземах, кроме органо-аккумулятивных, в которых 10 лет назад происходила аккумуляция несиликатного железа в средней части профиля. Отмечаются преобладание силикатного железа над несиликатным в профиле эмбриоземов инициальных и дерновых, преобладание несиликатного железа в профиле эмбриоземов гумусово-аккумулятивных и органо-аккумулятивных (см. табл. 1, 2). Преобладание несиликатного (свободного) железа над силикатным определяет степень выветривания субстрата. Чем выше содержание несиликатного железа, тем выше степень выветривания.

В верхней части профиля эмбриоземов органо-аккумулятивных и гумусово-аккумулятивных, во всем профиле эмбриоземов дерновых слабоокристаллизованная фракция несиликатного железа превышает сильноокристаллизованную фракцию. Подобное распределение происходит в профиле фоновой бурой таежной почвы. Внутрипочвенное распределение окристаллизованных фракций осталось без изменения и имеет двучленную дифференциацию: содержание сильноокристаллизованной фракции увеличивается вниз по профилю, в то время как содержание слабоокристаллизованной фракции уменьшается (см. табл. 1, 2), что указывает на некоторые черты псевдоподзоленности. В профиле эмбриоземов инициальных преобладает сильноокристаллизованная фракция.

Содержание аморфного железа в эмбриоземах за 10 лет несколько сократилось, что свидетельствует о снижении подвижности железа, а значит, и скорости почвообразования во всей толще всех типов эмбриоземов. Железо органическое преобладает над железом неорганическим. В условиях высокой влажности, слабощелочных значений рН железо комплексируется с гу-

мусовыми веществами (в основном с фульвокислотами) и накапливается в верхних горизонтах почв. Внутрипочвенное распределение фракций аморфного железа осталось без изменения. Фракция железа, связанного с органическим веществом, уменьшается с глубиной; фракция железа, не связанного с органическим веществом, с глубиной либо увеличивается, либо распределяется равномерно (см. табл. 1, 2). Преобладание железа неорганического над железом органическим в нижней части профиля эмбриоземов отражает процессы оглинивания. Аморфное железо накапливается в верхних горизонтах и уменьшается вниз по профилю по мере ослабления интенсивности выветривания и почвообразования, т.е. имеет аккумулятивный характер, что свойственно буроземообразованию.

Групповой состав железа эмбриоземов и фоновых бурых таежных почв в горно-таежном поясе Кузбасса имеет некоторое генетическое сходство. Это проявляется в следующем:

а) преобладание силикатного железа над несиликатным свидетельствует о слабой степени выветрелости пород, зависящей от каменности субстрата и времени почвообразования;

б) аморфное железо накапливается в органогенных горизонтах, где представлено в основном железоорганической фракцией, так как в горно-таежном поясе происходит биогенное накопление железа в результате преобразования растительного опада путем интенсивной аккумуляции, минерализации и гумификации органического вещества вследствие большого количества опада и благоприятных для этих процессов климатических условий. Вниз по профилю содержание аморфного железа снижается, т.е. подвижность железа падает;

в) процесс перехода аморфных фракций в окристаллизованные имеет обратимый характер: аморфные ↔ окристаллизованные. При избыточном увлажнении из окристаллизованных фракций могут образовываться аморфные закисные формы, т.е. подвижные фракции железа в основном литогенного происхождения. При осушении и аэрации они вновь кристаллизуются.

Преобладание в эмбриоземах слабоокристаллизованной фракции железа и уменьшение с глубиной сильноокристаллизованной, снижение содержания аморфного железа указывают на то, что процессы почвообразования в техногенных ландшафтах носят фоновый характер и идут в сторону буроземообразования с признаками псевдоподзоленности и оглинивания [8, 9].

Исследование группового и фракционного состава железа эмбриоземов органо-аккумулятивных, формирующихся под искусственными и самосевными посадками древесных (в основном хвойных) растений, показало наиболее выраженные изменения, по сравнению с другими типами эмбриоземов. Во-первых, в верхней части профиля увеличилось содержание несиликатного (свободного) железа с 1,56 до 2,00% (см. табл. 1, 2); во-вторых, изменилось распределение несиликатного железа (в 2002 г. происходила аккумуляция в средней части профиля с последующим уменьшением (табл. 1), в 2012 г. происходит уменьше-

ние содержания от верхних горизонтов к нижним (см. табл. 2); в-третьих, увеличилось содержание окристаллизованных фракций в верхних слоях почвы, особенно слабоокристаллизованной, в то время как сильноокристаллизованная распределяется равномерно по всему профилю; в-четвертых, сократилось содержание аморфного железа. Таким образом, резкое изменение в групповом составе железа в период с 2002 по 2012 г. диагностирует эволюцию почвы, которая отличается от эволюции эмбриоземов органо-аккумулятивных [5, 10]. Так как тип эмбриоземов определяется по типодиагностическому горизонту, а подтип – по происходящим в эмбриоземах почвообразовательным процессам [4], почвы техногенных ландшафтов, развивающиеся под лесной или таежной растительностью по типу буроземообразования с морфологически выделяемым горизонтом A_0 , предлагается называть эмбриоземами органо-аккумулятивными буроземоподобными и включить в классификацию почв техногенных ландшафтов, разработанную сотрудниками лаборатории рекультивации почв ИПА СО РАН.

Проведенные исследования показали, что в почвах техногенных ландшафтов горно-таежного пояса Кузбасса фоновый характер направленности процессов почвообразования прослеживается достаточно четко. В течение 10 лет резких количественных и качественных изменений в групповом составе железа эмбриоземов не произошло, за исключением эмбриоземов органо-аккумулятивных. Отмечается снижение скорости почвообразования. Динамика группового состава железа указывает на то, что эмбриоземы, как и 10 лет назад, находятся в метастабильном состоянии. Метастабильное состояние диагностирует эоклин, в котором находится ландшафт [5]. Известно, что техногенный ландшафт в горно-таежном поясе входит в эоклин за 10–12 лет с момента образования [10] с формированием в конечном итоге эмбриоземов гумусово-аккумулятивных. Тем не менее после 42 лет развития техногенной экосистемы в ее почвенном покрове присутствуют все типы эмбриоземов, что определяет неоднородность почвенного покрова, которая связана с различными факторами и условиями почвообразования.

Сколько времени ландшафт будет находиться в метастабильном состоянии, неизвестно. Изменения произойдут в том случае, если изменятся условия или хотя бы один фактор почвообразования. На месте формирования эмбриоземов органо-аккумулятивных произошла смена сукцессий биоценоза – сформировался трехъярусный биоценоз, состоящий из хвойных и лиственных растений с подростом, подростом и таежным разнотравьем. Другими словами, изменился биотический фактор. На данный момент известно, что со временем скорость почвообразования замедляется и, скорее всего, замедляться будет дальше. Таким образом, необходим последующий тщательный мониторинг формирования почв техногенных ландшафтов.

Групповой состав железа указывает на тип, по которому происходит почвообразование в нарушенных экосистемах горно-таежного пояса, а динамика груп-

пового состава железа – на интенсивность почвообразовательных процессов. Учитывая эти данные, можно определить как минимум два направления развития почвенного покрова. На открытых, выположенных участках техногенного ландшафта смена сукцессий фитоценоза, а значит, развитие почв происходит от инициальной стадии до органо-аккумулятивной и далее до дерновой и самой генетически развитой – гумусово-аккумулятивной. Под искусственными посадками древесных пород и в местах, где путем самозаращения образовался лес, а также на склоновых поверхностях развитие почвенного покрова происходит от инициальной стадии до органо-аккумулятивной. Органо-аккумулятивная стадия может остановить свое развитие и находиться в метастабильном состоянии, так как под пологом древесной и кустарниковой растительности на склоновых участках травянистый покров развит слабо, дернина не образуется. Органо-аккумулятивная стадия также может деградировать до инициальной стадии вследствие неблагоприятных условий (пожар, выпадение растений в результате болезней, эрозия почв и т.п.). При благоприятных условиях, учитывая, что почвообразование происходит по типу буроземообразования, под лесной растительностью прогнозируется формирование нового подтипа почв техногенных ландшафтов – эмбриоземов органо-аккумулятивных буроземоподобных [11]. Так как в нарушенных ландшафтах горно-таежной зоны восстановление биоценоза происходит по зональному типу с образованием вторичных лиственных лесов и, в конечном итоге, черновой тайги, эволюция почв тоже должна идти по зональному типу. По некоторым данным экосистема среднегорных хвойных лесов сможет самостоятельно восстановиться полностью в лучшем случае лишь через 250–300 лет [12].

Таким образом, до образования черновой тайги в почвенном покрове предполагается наличие всех типов эмбриоземов. Прогнозируется также образование дерновых глубокоподзолоподобных почв техногенных ландшафтов, которые по своим свойствам будут максимально приближены к зональным дерновым глубокоподзольным почвам.

В заключение необходимо отметить следующее:

1. Определена тенденция почвообразования в техногенных ландшафтах горно-таежного пояса Кузбасса, показывающая, что развитие почв происходит по типу буроземообразования с признаками псевдоподзоленности и оглинивания.

2. Со временем интенсивность почвообразования снижается.

3. Определяется два направления почвообразования в техногенных ландшафтах горно-таежного пояса: эмбриоземы инициальные ↔ органо-аккумулятивные → подтип буроземоподобные; эмбриоземы инициальные → органо-аккумулятивные → дерновые → гумусово-аккумулятивные.

4. В почвенном покрове горно-таежного пояса Кузбасса предполагается формирование эмбриоземов буроземоподобных и дерновых глубокоподзолоподобных как наиболее соответствующих зональным почвам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зонн С.В. Железо в почвах. М. : Наука, 1982. 208 с.
2. Зонн С.В., Рукава А.Н. Методы определения несиликатных форм железа в почвах // Почвоведение. 1978. № 2. С. 89–101.
3. Ариушикина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. М. : Изд-во МГУ, 1970. 487 с.
4. Курачев В.М., Андроханов В.А. Классификация почв техногенных ландшафтов // Сибирский экологический журнал. 2002. № 3. С. 255–261.
5. Двуреченский В.Г. Географо-генетическая характеристика форм железа в эмбриоземах Кузбасса : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2011. 19 с.
6. Роде А.А. Почвообразовательные процессы и их изучение стационарным методом // Принципы организации и методы стационарного изучения почв. М. : Наука, 1976. С. 5–33.
7. Герасимов И.П. Использование понятий об элементарных почвенных процессах для генетической диагностики почв // Генезис, классификация и география почв. М. : Наука, 1974. С. 482–489.
8. Таргульян В.О. Процессы почвообразования и эволюция почв. М. : Наука, 1995.
9. Гаджиев И.М., Курачев В.М., Шоба В.Н. и др. Генезис, эволюция и география почв Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1988. 224 с.
10. Андроханов В.А., Курачев В.М. Почвенно-экологическое состояние техногенных ландшафтов: динамика и оценка. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2010. 224 с.
11. Двуреченский В.Г., Середина В.П. Характеристика почвенного покрова техногенных ландшафтов Красноярского каменноугольного разреза // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 257–265.
12. Баранник Л.П. Лесообразование на породных отвалах угольных разрезов Южного Кузбасса // Почвообразование в техногенных ландшафтах. Новосибирск : Наука, 1979. С. 172–179.

Статья представлена научной редакцией «Биология» 5 февраля 2015 г.

THE USE OF GROUP AND FRACTURE COMPOSITION OF IRON FOR THE DIAGNOSIS OF FORMATION AND EVOLUTION OF SOILS OF TECHNOGENIC LANDSCAPES OF KUZBASS MOUNTAIN TAIGA BELT

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 237-243. DOI 10.17223/15617793/393/38

Dvurechensky Vadim G. Institute of Soil Science and Agrochemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dvu-vadim@yandex.ru

Keywords: group and fracture composition of iron; embryozems; man-made landscape; mountain-taiga zone.

Group and fracture composition of iron in the soil profile of both natural and man-made landscapes is of diagnostic value, expressing various subsurface processes. Sensitivity to changes in iron redox conditions, the ability to form different compounds with organic acids, susceptibility to hydrolysis define one of its main properties: the ability to reflect different stages of the soil formation process. Group composition of iron embryozems and background brown taiga soils in the mountain taiga belt of Kuzbass has some genetic similarities, which allowed to determine the type of soil formation. This is manifested in the following: a) the prevalence of silicate iron over non-silicate shows a low degree of rock weathering which depends on the substrate stone content and time of soil formation; b) amorphous iron accumulates in organic horizons, represented mainly by iron-organic fracture, for the mountain taiga zone biogenically accumulates iron in the transformation of plant litter by intensive accumulation, mineralization and humification of the organic matter and the climatic conditions favorable to these processes; c) the process of transition of the amorphous fractures into crystallized is reversible: amorphous ↔ crystallized. Given this evidence, we define two areas of soil cover. In the open shallow areas of anthropogenic landscape the change of phytocenosis succession and, hence, the development of the soils goes from the initial to the organic accumulation stage, and then to the turf and the most genetically advanced, humus-accumulative stages. The development of soil goes from the initial to the organic-accumulative stage under the artificially planted trees in overgrown forest areas, as well as on the slopes. Under favorable conditions, given that the type of soil formation is burozem-formation under forest vegetation, a new subtype of soil man-made landscapes is projected to form: burozem-like embryozems. Since disturbed landscapes of the mountain taiga zone restore all cenoses by the zonal type, with formation of secondary deciduous forests and, ultimately, taiga, the evolution of soil should also come by the zonal type. Thus, until taiga is formed, the soil cover assumes embryozems of all types, including burozem-like. The study determined the trend of soil formation in man-made landscapes of the mountain taiga belt of Kuzbass, showing that the development of the type of soil is burozem-formation and other processes, found that over time the rate of soil formation is reduced; identified two areas of soil formation: embryozems initial ↔ organic-accumulative → burozem-like; embryozems initial → organic-accumulative → turf → humus-accumulative.

REFERENCES

1. Zonn S.V. *Zhelezo v pochvakh* [Iron in soils]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 208 p.
2. Zonn S.V., Rukaka A.N. *Metody opredeleniya nesilikatnykh form zheleza v pochvakh* [Methods for determination of non-silicate forms of iron in soils]. *Pochvovedenie*, 1978, no. 2, pp. 89–101.
3. Arinushkina E.V. *Rukovodstvo po khimicheskomu analizu pochv* [Guidance on chemical analysis of soil]. Moscow: Moscow State University Publ., 1970. 487 p.
4. Kurachev V.M., Androkhonov V.A. Classification of Soils of Technogenous Landscapes. *Sibirskiy ekologicheskii zhurnal – Contemporary Problems of Ecology*, 2002, no. 3, pp. 255–261. (In Russian).
5. Dvurechenskiy V.G. *Geografo-geneticheskaya kharakteristika form zheleza v embriozemakh Kuzbassa*: avtoref. dis. kand. biol. nauk [Geographic and genetic characteristic of iron forms in Kuzbass embryozems. Abstract of Biology Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2011. 19 p.
6. Rode A.A. *Pochvoobrazovatel'nye protsessy i ikh izuchenie statsionarnym metodom* [Soil-forming processes and their study by a stationary method]. In: Rode A.A. (ed.) *Printsipy organizatsii i metody statsionarnogo izucheniya pochv* [The principles of organization and methods of stationary soil study]. Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 5–33.

7. Gerasimov I.P. *Ispol'zovanie ponyatiy ob elementarnykh pochvennykh protsessakh dlya geneticheskoy diagnostiki pochv* [Using the concepts of elementary soil processes for genetic diagnosis of soil]. In: Karavaeva N.A. (ed.) *Genezis, klassifikatsiya i geografiya pochv* [Genesis, classification and geography of soils]. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 482–489.
8. Targul'yan V.O. *Protsessy pochvoobrazovaniya i evolyutsiya pochv* [Processes of soil formation and evolution of soils]. Moscow: Nauka Publ., 1995. 247 p.
9. Gadzhiev I.M., Kurachev V.M., Shoba V.N. et al. *Genezis, evolyutsiya i geografiya pochv Zapadnoy Sibiri* [The genesis, evolution and geography of soils of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988. 224 p.
10. Androkhanov V.A., Kurachev V.M. *Pochvenno-ekologicheskoe sostoyanie tekhnogennykh landshaftov: dinamika i otsenka* [Soil-ecological state of technogenic landscapes: dynamics and assessment]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2010. 224 p.
11. Dvurechenskiy V.G., Seredina V.P. Characteristics of the soil cover of technogenic landscapes of the Red-Mountain coalmine. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 387, pp. 257–265. (In Russian).
12. Barannik L.P. *Lesoobrazovanie na porodnykh otvalakh ugol'nykh razrezov Yuzhnogo Kuzbassa* [Forest formation on waste dumps of Southern Kuzbass coal mines]. In: Trofimov S.S. (ed.) *Pochvoobrazovanie v tekhnogennykh landshaftakh* [Soil formation in man-made landscapes]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, pp. 172–179.

Received: 05 February 2015

ВЛИЯНИЕ СМОЛИСТО-АСФАЛЬТЕНОВЫХ ВЕЩЕСТВ НА ТЕРМИЧЕСКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ УГЛЕВОДОРОДОВ ПРИРОДНЫХ БИТУМОВ

Изучено влияние смолисто-асфальтеновых веществ на термический крекинг углеводородов природных битумов Ашальчинского и Мордово-Кармальского месторождений. Анализ материального баланса процесса, вещественного и группового состава жидких продуктов и компонентного состава газообразных продуктов показал, что смолы и асфальтены по-разному влияют на состав образующихся при термоллизе углеводородов: в присутствии смол в исходной смеси образуются преимущественно полиароматические углеводороды, присутствие асфальтенов приводит к увеличению всех групп углеводородов. Исследование является фундаментальным и представляет значительный интерес для нефтепереработки и нефтехимии.

Ключевые слова: термоллиз; природный битум; углеводороды; мальтены; асфальтены; состав.

Введение. Снижение объемов добычи и прироста запасов маловязких, так называемых «лёгких» нефтей во многих нефтедобывающих странах и в России вызывает необходимость вовлечения в хозяйственный оборот тяжелых и сверхтяжелых нефтей, природных битумов [1. С. 47]. Термин «тяжелая нефть», как правило, применяют для сырой нефти, которая не течет или трудно течет при исходных пластовых условиях за счет более высокой вязкости и плотности. Природным битумом в западных странах называют нефти с вязкостью, превышающей 10 000 мПа·с в пластовых условиях [2. С. 307].

По разным оценкам, запасы высоковязких тяжелых нефтей и природных битумов составляют от 790 млрд т до 1 трлн т, что в 5–6 раз больше остаточных извлекаемых запасов нефтей малой и средней вязкости, составляющих примерно 162 млрд т [3. С. 7]. Удельный вес тяжелого нефтяного сырья в мировой добыче будет непрерывно возрастать, поэтому остро встает проблема увеличения глубины его переработки. Вследствие чего перед мировым сообществом стоит актуальная проблема энергообеспечения, связанная с созданием новых, а также усовершенствованием имеющихся технологий добычи и переработки тяжелых нефтей и природных битумов с получением легких углеводородов.

Проблемы в переработке тяжелого нефтяного сырья связаны с высоким содержанием смол и асфальтенов, поскольку в них концентрируется большая часть гетероатомов (S, N, O). Имея высокую молекулярную массу, эти соединения при переработке склонны к конденсации и образованию кокса.

Для решения данной проблемы предлагаются различные подходы с использованием термических [4–16] и каталитических процессов, а также нетрадиционных методов обработки [17–21].

Используя каталитические технологии, достичь высокой глубины переработки тяжелого сырья сложно, поскольку наличие гетероатомов, содержащихся в смолах и асфальтенах, является причиной дезактивации катализаторов [22. С. 23]. Кроме того, каталитические процессы не способны обеспечить переработку тяжелого нефтяного сырья без его предварительной подготовки.

Термические процессы, по сравнению с каталитическими, менее требовательны к качеству сырья. Их возможности позволяют обеспечить максимальное

углубление переработки тяжелого нефтяного сырья, но также могут привести к образованию больших количеств твердого коксоподобного остатка, являющегося побочным продуктом крекинга.

Для усовершенствования существующих и создания новых технологий переработки тяжелого углеводородного сырья необходимо знание состава, структуры и свойств высокомолекулярных соединений, понимание механизма их образования, а главное, влияния смол и асфальтенов на нефтяные системы в различных процессах. В связи с этим **целью работы** являлась оценка влияния смолисто-асфальтеновых веществ на термический крекинг такого тяжелого углеводородного сырья, как природные битумы.

Объекты и методы исследования. Объектами исследования явились природные битумы Ашальчинского и Мордово-Кармальского месторождений, расположенных на территории Республики Татарстан. Согласно физико-химическим характеристикам, изученные образцы имеют высокую плотность (978 и 959 кг/м³) и вязкость (4,5 и 3,0 Па·с), что характеризует их как сверхтяжелые (битуминозные) нефтяные объекты согласно ГОСТ Р 51858-2002, их относят к высокосернистым (S = 4,6 и 3,8 % мас.) [23. С. 38], высокосмолистым (26,2 и 24,5 % мас.) тяжелым нафтидам с содержанием асфальтенов 6,2 и 5,2 % мас. соответственно.

Вследствие высокого содержания гетероэлементов в исследуемых битумах (S = 4,6%, N = 1,05%, O = 1,87% для ашальчинского; S = 3,8%, N = 1,15%, O = 2,04% для мордово-кармальского битума) отношение Н/С составляет всего 1,5 для ашальчинского и 1,7 – для мордово-кармальского битума [Там же]. Для мальтенов ашальчинского битума отношение Н/С составляет 1,5, а для мордово-кармальского – 1,6. В битумах доля легких фракций (до 200°C) не превышает 4,6 и 6,7 % мас. для ашальчинского и мордово-кармальского битумов, соответственно.

Из битумов были выделены мальтены и масла (углеводороды) стандартным методом [24]. Содержание асфальтенов определяли «холодным» методом Гольде, разбавляя навеску битума 40-кратным количеством н-гексана. Затем деасфальтенизированный образец – мальтены – наносили на активированный силикагель АСК, помещали смесь в экстрактор Сокслета и последовательно вымывали углеводородные

компоненты (масла) н-гексаном и смолы – этанол-бензольной смесью в соотношении 1:1.

Термолизу подвергали исходные битумы, выделенные из них углеводороды и мальтены (смесь углеводородов и смол).

Термолиз проводили в реакторах-автоклавах объемом 12 см³ в течение 2 ч при температуре 450°C.

Согласно ранее проведенным экспериментам, данные условия обеспечивают максимальный выход жидких продуктов при приемлемом образовании газовых и твердых продуктов. После проведения термической обработки образцов выход газообразных продуктов определяли по потере массы реактора с образцом после удаления из реактора газовых продуктов. После отбора жидких продуктов крекинга реактор промывали хлороформом и взвешивали. Полученная разница между массой реактора до эксперимента и после определялась как коксовый твердый остаток. Состав продуктов крекинга и вещественный состав жидких продуктов определяли согласно стандартной методике [24].

Газообразные углеводороды, образующиеся при термолизе образцов, проанализированы газохроматографическим методом на хроматографе «Хроматрон» с детектором по теплопроводности.

Групповой углеводородный состав масел исходных битумов и термолизатов определяли методом тонкослойной хроматографии на пластинках Silufol с люминофором UV254 нм. На пластинку в виде сплошной линии наносили образец (~20 мг), растворенный в н-гексане, и модельную смесь углеводородов, состоящую из н-гексилбензола, 1,6-диметил-нафталина, фенантрена, хризена (20:5:3:1 по весу). Разделение углеводородов на группы соединений проводили в камере с восходящим потоком паров растворителей (смесь гексана и хлороформа в соотношении 95:5). Отнесение зон соответствующих групп углеводородов осуществляли в ультрафиолетовом свете, сравнивая R_f хроматографической зоны и индивидуальных соединений из модельной смеси.

Результаты исследования и их обсуждение. Материальный баланс крекинга битумов приведен в табл. 1.

В процессе термического крекинга ашальчинского битума и масел (углеводородного концентрата), выделенных из него, образуются жидкие, газообразные и твердые компоненты (табл. 1). Наличие смол в реакционной среде (мальтенов) при термолизе приводит к образованию только жидких и газообразных продуктов.

Образование газообразных продуктов при термолизе масел и мальтенов может указывать на преобладание реакций деструкции углеводородов. Добавление в реакционную для термолиза смесь асфальтенов приводит к образованию твердых продуктов, являющихся продуктами реакций поликонденсации.

При термолизе мордово-кармального битума и компонентов, выделенных из него (масел и мальтенов), образуются газообразные, жидкие и твердые продукты.

Выход газообразных продуктов крекинга масел мордово-кармального битума составляет 3%, что сопоставимо с выходом газообразных продуктов крекинга масел ашальчинского битума (2,5 % мас.).

При термолизе мордово-кармального битума и мальтенов, выделенных из него, образующееся количество газообразных продуктов в 5 и 3 раза соответственно выше, чем в термолизате ашальчинского битума и выделенных из него мальтенов.

В процессе термолиза масел, мальтенов и исходного мордово-кармального битума образуется твердый коксоподобный остаток, причем при термолизе битума его образуется намного больше (6,2%), чем при термолизе мальтенов (0,5%) и масел (0,1 % мас.).

Более высокий выход газообразных продуктов и кокса в случае термолиза мордово-кармального битума, по сравнению с термолизом ашальчинского битума, может быть обусловлен более глубокой деструкцией асфальтенов и смол (количество смол и асфальтенов в процессе термолиза уменьшается более чем в два раза) и в меньшей степени деструкцией масляных компонентов. Различное влияние смол и асфальтенов на крекинг битумов обусловлено, по видимому, их разной структурной организацией.

Вещественный и групповой углеводородный состав жидких продуктов крекинга приведен в табл. 2.

При термолизе масел ашальчинского битума, т.е. когда в реакционной смеси отсутствуют смолисто-асфальтеновые вещества, происходит образование как смол, так и асфальтенов (табл. 2). В углеводородном составе происходят следующие изменения: увеличивается содержание насыщенных углеводородов, содержание всех групп аренов снижается. Увеличение содержания насыщенных углеводородов в термолизате масел, а также образование легколетучих компонентов C₁–C₅ в составе газообразных продуктов (табл. 3) объясняется протеканием реакций деструкции насыщенных и ароматических углеводородов исходных масел. Уменьшение содержания ароматических углеводородов, а также образование смол, асфальтенов и незначительного количества коксоподобного остатка в процессе термолиза масел свидетельствует о протекании реакций поликонденсации.

В случае термолиза мальтенов (смеси углеводородов и смол) ашальчинского битума образуются асфальтены (табл. 2) – содержание смол в продукте снижается на 20,1 % мас. В составе углеводородов наблюдается повышение содержания насыщенных (как в случае термолиза масел) и триароматических углеводородов. Изменения, происходящие при термолизе мальтенов (табл. 2), согласуются с данными, приведенными в работе [25. С. 55]. Авторами установлено, что при нагревании смолы деструктируют с образованием ароматических и низкокипящих (насыщенных и ненасыщенных) углеводородов. Данные табл. 3 также подтверждают эти выводы. Кроме того, образование дополнительного количества только триароматических углеводородов в присутствии в исходной смеси смол свидетельствует об их избирательном влиянии на состав ароматических углеводородов в процессе термолиза.

Таблица 1

Материальный баланс процесса термолитза битумов, выделенных из них масел и мальтенов

Образцы	Содержание в продуктах крекинга, % мас.		
	газообразных	жидких	твердых
Ашальчинский битум			
Исходный	2,6	94,0	3,4
Масла	2,5	97,4	0,1
Мальтены	4,0	96,0	0,0
Мордово-кармальский битум			
Исходный	14,2	79,6	6,2
Масла	3,0	96,9	0,1
Мальтены	11,8	87,7	0,5

Таблица 2

Состав жидких продуктов термолитза битумов и выделенных из них мальтенов и масел

Компоненты	Содержание исходных и в продуктах крекинга, % мас.					
	Масла	Термолитзат масел	Мальтены	Термолитзат мальтенов	Битум	Термолитзат битума
Ашальчинский битум						
Асфальтены	–	0,7	–	4,3	6,2	7,1
Смолы	–	9,5	27,9	7,8	26,2	18,0
Углеводороды	100,0	87,2	72,1	83,9	67,6	68,9
В том числе:						
насыщенные	23,6	33,2	17,0	44,1	16,0	29,3
моноароматические	22,7	14,2	16,4	14,2	15,3	22,6
биароматические	11,1	8,1	8,0	3,1	7,5	9,0
триароматические	11,6	6,5	8,4	11,0	7,8	9,4
Мордово-кармальский битум						
Асфальтены	–	1,2	–	2,6	5,2	2,6
Смолы	–	18,2	25,8	10,7	24,5	11,6
Углеводороды	100,0	77,5	74,2	74,4	70,3	65,4
В том числе:						
насыщенные	38,4	28,6	28,5	39,6	27,0	31,2
моноароматические	23,2	9,7	17,2	12,6	16,3	18,3
биароматические	8,4	8,3	6,2	10,7	5,9	9,9
триароматические	9,3	7,8	6,9	10,1	6,5	11,4

При термолитзе ашальчинского битума наряду с увеличением содержания насыщенных и триароматических углеводородов увеличивается количество моно- и биароматических соединений. Увеличение содержания ароматических углеводородов и образование твердых продуктов объясняется деструкцией асфальтенов, в результате которой могут образовываться ароматические углеводороды и кокс [25. С. 55]. Увеличение содержания асфальтенов в термолитзате битума связано с деструкцией смол, при которой могут образовываться свободные радикалы ароматических и ненасыщенных углеводородов, которые, вступая в реакции конденсации, образуют асфальтены и затем твердый остаток. Это подтверждается данными табл. 1, где количество твердого остатка термолитзата битума максимально и составляет 3,4 % мас.

При термолитзе масел, выделенных из мордово-кармальского битума, так же как при термолитзе масел ашальчинского битума, происходит образование смол и асфальтенов (табл. 2). В продуктах термолитза не наблюдается увеличение содержания насыщенных углеводородов, как при термолитзе масел ашальчинского битума, несмотря на схожесть материальных балансов процессов термолитза. Наблюдаемое снижение количества насыщенных соединений при образовании газообразных продуктов в количестве, сопоставимом с их содержанием в термолитзате масел ашальчинского битума, связано, скорее всего, с преобладанием в составе углеводородов циклических алканов над алифатиче-

скими и меньшей длиной алкильных заместителей в структурах ароматических соединений.

Образованию легколетучих насыщенных и ненасыщенных углеводородов в составе газообразных продуктов термолитза (табл. 3) способствовали реакции деструкции как насыщенных, так и ароматических соединений.

Присутствие смол в исходной смеси приводит при термолитзе к значительному выходу газообразных продуктов (11,8 % мас.), среди которых в больших количествах содержатся углеводороды C₁-C₃ (табл. 3). Резкое увеличение выхода газообразных продуктов термолитза мальтенов, по сравнению с выходом газообразных продуктов термолитзата масел, может быть обусловлено составом исходных смол, в структуре которых содержалось значительное количество парафиновых фрагментов. Добавление смол приводит к образованию асфальтенов и увеличению содержания насыщенных, би- и триароматических углеводородов. Увеличение содержания насыщенных и триароматических углеводородов в процессе термолитза мальтенов характерно и для ашальчинского битума (табл. 2).

При термолитзе мордово-кармальского битума, т.е. при наличии смол и асфальтенов в исходной смеси, наблюдается высокий выход газообразных (14,2 %) и твердых (6,2 % мас.) продуктов (табл. 1), а также увеличение содержания как насыщенных углеводородов, так и всех групп ароматических соединений, что согласуется с данными термолитза ашальчинского битума (табл. 2).

Образование асфальтенов и коксоподобного остатка в процессе термолитической смеси масел и смол (мальтенов) указывает на протекание реакций поликонденсации, которые имеют место и при термолитической битума.

Заключение. На примере двух природных битумов были показаны изменения углеводородного состава при термическом воздействии в присутствии смолисто-асфальтеновых веществ и без них. При термолитической только масел (углеводородного концентрата) наблюдается образование смол и асфальтенов, а также твердого коксового остатка, что закономерно уменьшает содержание углеводородов в продуктах. Дополнительное образование насыщенных углеводородов после термолитической ашальчинского битума, вероятно, обусловлено различием в строении исходных молекул насыщенных и ароматических углеводородов.

Наличие смол в исходной смеси способствует образованию асфальтенов. Коксовый остаток образуется только при термолитической мальтенов мордово-кармальского битума. Среди углеводородов возрастает доля насыщенных и конденсированных ароматических соединений.

Наличие в исходной смеси углеводородов, смол и асфальтенов при термолитической приводит к увеличению выхода всех групп углеводородов. Содержание асфальтенов возрастает в процессе термолитической ашальчинского битума, а при термолитической мордово-кармальского битума – уменьшается. Увеличение асфальтенов при термолитической ашальчинского битума является следствием их образования из смол и частично углеводородов, высокой термической устойчивостью исходных асфальтенов (табл. 2). При термолитической мордово-кармальского битума асфальтены также образуются из смол и углеводородов, однако исходные асфальтены характеризуются низкой термической устойчивостью и легко разрушаются, поэтому их количество в продукте снижается.

Таким образом, установлено, что смолы и асфальтены по-разному влияют на состав углеводородов при термическом воздействии: смолы способствуют образованию конденсированных ароматических углеводородов, наличие асфальтенов приводит к увеличению всех групп углеводородов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорохин В.П., Палий А.О. Состояние и перспективы добычи тяжелых и битуминозных нефтей в мире // Нефтепромышленное дело. 2004. №5. С. 47–50.
 2. Caineng Zou. Chapter 9 – Heavy oil and bitumen // Unconventional Petroleum Geology. 2013. P. 307–335.
 3. Щепалов А.А. Тяжелые нефти, газовые гидраты и другие перспективные источники углеводородного сырья : учеб.-метод. пособие. Нижний Новгород : Нижегород. гос. ун-т, 2012. 93 с.
 4. Везилов Р.Р., Обухова С.А., Теляшев Э.Г. Новая жизнь термических процессов // Химия и технология топлив и масел. 2006. № 2. С. 5–9.
 5. Шлёнский О.Ф. Углубление крекинга тяжелого нефтяного сырья. Сброс повышенного давления // Химия и технология топлив и масел. 2006. № 2. С. 20–25.
 6. Туманян И.Б., Лукашов Е.А. Комбинированный процесс термолитико-коксования для переработки нефтяных остатков // Технологии нефти и газа. 2008. № 5. С. 7–9.
 7. Туманян И.Б., Ионина А.Ю. Современные аспекты термолитического нефтяного сырья // Химия и технология топлив и масел. 2005. № 2. С. 52–53.
 8. Пат. 7033486 США. МПК C10G9/32; C10G53/06; C10G55/04; C10G9/00; C10G53/00; C10G55/00. Residuum conversion process / Gorbaty Martin L., Siskin Michael, Jacobson Mitchell. Заявитель Gorbaty Martin L., Siskin Michael, Jacobson Mitchell; EXXONMOBIL RESEARCH AND ENGINEERING COMPANY. № 2003221992. Заявлено 19.06.2007; Опубл. 12.04.2003. 5 с.
 9. Везилов Р.Р., Обухова С.А., Везилов Н.Р., Султанов Т.Х. Повышение эффективности процесса замедленного коксования путём сочетания с процессом висбрекинга // Химия и технология топлив и масел. 2009. № 2. С. 5–6.
 10. Везилов Р.Р., Обухова С.А., Везилов Н.Р., Теляшев Э.Г. Перевод установки замедленного коксования на режим мягкого термического крекинга (висбрекинга) // Химия и технология топлив и масел. 2010. № 3. С. 38–40.
 11. Фаткуллин М.Р., Запылкина В.В., Морозов А.Н., Жирнов Б.С., Хайрудинов И.Р. Исследование механизма термолитического гудрона западносибирской нефти // Химия и технология топлив и масел. 2012. № 5. С. 29–34.
 12. Везилов Р.Р. Висбрекинг – технологии, проверенные практикой и временем // Химия и технология топлив и масел. 2010. № 6. С. 3–8.
 13. Phillip E. Savage, Michael T. Klein. Asphaltene reaction pathways. 1. Thermolysis // Ind. Eng. Chem. ProcessDes. Dev. 1985. № 24. P. 1169–1174.
 14. George Michael, Mohammad Al-Siri, Zahida Hameed Khan, Fatima A. Ali. Differences in average chemical structures of asphaltene fractions separated from feed and product oils of a mild thermal processing reaction // Energy & Fuels. 2005. № 19. P. 1598–1605.
 15. Murray Gray. Consistency of asphaltene chemical structures with pyrolysis and coking behavior // Energy & Fuels. 2003. № 17. P. 1566–1569.
 16. Douda J., Alvarez R., Navarrete J. Bolanos. Characterization of Maya asphaltene and maltene by means of pyrolysis application // Energy & Fuels. 2008. № 22. P. 2619–2628.
 17. Свириденко Н.Н., Кривцов Е.Б., Головки А.К. Состав продуктов крекинга высокосернистого природного битума в присутствии микро-сфер золь ТЭЦ. Материалы конференции. Новосибирск : ИНГТ СО РАН, 2014. 350 с.
 18. Савельев В.В., Певнева Г.С., Сурков В.Г., Головки А.К. Влияние на нефтенасыщенный песчаный механообработки и воды в сверхкритических условиях // Химия твердого топлива. 2011. № 2. С. 72–77.
 19. Савельев В.В., Головки А.К. Термодеструкция асфальтитов в сверхкритических флюидах // Сверхкритические флюиды: Теория и практика. 2010. Т. 5, № 3. С. 60–66.
 20. Камьянов В.Ф., Лебедев А.К., Свирилов П.П. Озолиз нефтяного сырья. Томск : Раско, 1997. 271 с.
 21. Днепровский К.С. Механохимические превращения углеводородов нефти : дис. ... канд. хим. наук. Томск, 2003. 103 с.
 22. Углеводородный состав продуктов термолитического природных битумов / Г.С. Певнева и др. // Химия и технология топлив и масел. 2014. № 3. С. 23–25.
 23. Кривцов Е.Б., Свириденко Н.Н., Головки А.К. Иницированный крекинг природного битума для увеличения выхода дистиллятных фракций // Известия Томского Политехнического университета. 2013. Т. 323, № 3. С. 37–41.
 24. СТО 1246-2011. Массовая доля смолисто-асфальтовых веществ. Методика измерений в нефтях, нефтяных фракциях, природном битуме, угле, органическом веществе пород, продуктах термолитического керогена и угля гравиметрическим методом.
 25. Капустин В.М., Гуреев А.А. Технология переработки нефти. Часть вторая. Деструктивные процессы. М. : КолосС, 2007. 334 с.
- Статья представлена научной редакцией «Химия» 12 марта 2015 г.

INFLUENCE OF RESIN-ASPHALTENE SUBSTANCES ON THE THERMAL CONVERSION OF NATURAL BITUMEN HYDROCARBONS

Tomsk State University Journal, 2015, 393, 244-249. DOI 10.17223/15617793/393/39

Don Aleksandra R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aleksa_don@mail.ru

Voronetskaya Natalya G. Institute of Petroleum Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: voronetskaya@ipc.tsc.ru

Grinko Andrey A. Institute of Petroleum Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: grincoandrei@gmail.com

Golovko Anatoly K. Institute of Petroleum Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: golovko@ipc.tsc.ru

Keywords: thermolysis; natural bitumen; hydrocarbons; maltenes; asphaltenes; composition.

The aim of the study was to evaluate the effect of resin-asphaltene substances on the thermal cracking of heavy hydrocarbon feedstocks such as natural bitumen. The object of study was natural bitumen from Ashalchinskoye and Mordovo-Karmalskoye oil fields located on the territory of the Republic of Tatarstan. Initial bitumen, hydrocarbons and maltenes (a mixture of hydrocarbons and resins) extracted from the bitumen were exposed to thermolysis. Thermolysis was carried out in autoclave reactors of 12 cm³ for 2 hours at 450°C. The compositions of the cracking products and their liquid part were determined according to the standard procedure of organization standard 1246-2011. Gaseous hydrocarbons, generated during the thermolysis of the samples, were analyzed by gas chromatography on a chromatograph "Chromatron" with a thermal conductivity detector. Group hydrocarbon composition of the initial samples and products of their thermolysis was determined by thin layer chromatography on the plates Silufol with phosphor UV254 nm. Thermolysis of the hydrocarbon concentrate results in the formation of resins and asphaltenes, as well as of solid carbon residue. It expectedly reduces the hydrocarbon content in the thermolysis products. The presence in the initial mixture of hydrocarbons and resins promotes the formation of asphaltenes. Solid carbon residue is produced only in the thermolysis of maltenes extracted from the Mordovo-Karmalskiy bitumen. Proportion of saturated hydrocarbons and condensed aromatic compounds is increased among hydrocarbons. Thermolysis of the mixture of hydrocarbons, resins and asphaltenes leads to an increased yield of all hydrocarbon groups. Asphaltene content increases during the thermolysis of Ashalchinskoye bitumen and decreases during the thermolysis of Mordovo-Karmalskoye bitumen. Thus, it was found that resins and asphaltenes differently affect the composition of hydrocarbons in the thermal action: resins promote the formation of condensed aromatic hydrocarbons, asphaltenes presence leads to an increase of all hydrocarbon groups.

REFERENCES

1. Dorokhin V.P., Paliy A.O. Sostoyanie i perspektivy dobychi tyazhelykh i bituminoznykh neftey v mire [Status and prospects of mining of heavy and tar oil in the world]. *Neftepromyslovoe delo*, 2004, no. 5, pp. 47–50.
2. Zou C. *Unconventional Petroleum Geology*. 2013, pp. 307–335.
3. Shchepalov A.A. *Tyazhelye nefti, gazovye gidraty i drugie perspektivnye istochniki uglevodorodnogo syr'ya* [Heavy oil, gas hydrates and other promising sources of hydrocarbons]. Nizhniy Novgorod: N. Novgorod State University Publ., 2012. 93 p.
4. Vezirov R.R., Obukhova S.A., Telyashev E.G. New life for thermal processes. *Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 2006, vol. 42, is. 2, pp. 79–85. DOI: 10.1007/s10553-006-0033-z
5. Shlenskiy O.F. More exhaustive cracking of heavy petroleum feedstock. High pressure release. *Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 2006, no. 2, pp. 20–25. DOI: 10.1007/s10553-006-0037-8
6. Tumanyan I.B., Lukashov E.A. Kombinirovanny protsess termoliz-koksovaniya dlya pererabotki neftyanykh ostatkov [Combined thermolysis coking process for processing oil residues]. *Tekhnologii nefi i gaza – Oil and Gas Technologies*, 2008, no. 5, pp. 7–9.
7. Tumanyan B.P., Igonina A.Yu. Current Aspects of Thermolysis of Petroleum Feedstock. *Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 2005, no. 2, pp. 52–53. DOI: 10.1007/s10553-005-0039-y
8. Patents 7033486 USA. MPK S10G9/32; C10G53/06; C10G55/04; C10G9/00; C10G53/00; C10G55/00. Gorbaty M.L., Siskin M., Jacobson M. Residuum conversion process; EXXONMOBIL RESEARCH AND ENGINEERING COMPANY, no. 2003221992. Registered on 19.06.2007; Published on 12.04.2003. 5 p.
9. Vezirov R.R., Obukhova S.A., Vezirova N.R., Sultanov T.Kh. Improving the effectiveness of delayed coking by its combination with viscosity breaking. *Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 2009, vol. 45, is. 2, pp. 45–47. DOI: 10.1007/s10553-009-0113-y
10. Vezirov R.R., Obukhova S.A., Vezirova N.R., Telyashev E.G. Conversion of a delayed coking unit to mild thermal cracking (visbreaking) conditions. *Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 2010, no. 3, pp. 38–40. DOI: 10.1007/s10553-010-0207-6
11. Fatkullin M.R., Zapylkina V.V., Morozov A.N., Zhirnov B.S., Khayrudinov I.R. Mechanism of thermolysis of vacuum resid of West Siberian oil. *Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 2012, vol. 48, is. 5, pp. 376–385. DOI: 10.1007/s10553-012-0384-6
12. Vezirov R.R. Visbreaking – technologies tested by practice and time. *Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 2011, vol. 46, is. 6, pp. 367–374. DOI: 10.1007/s10553-011-0236-9
13. Savage Ph.E., Klein M.T. Asphaltene reaction pathways. 1. Thermolysis. *Ind. Eng. Chem. ProcessDes. Dev.*, 1985, no. 24, pp. 1169–1174.
14. Michael G., Al-Siri M., Hameed Khan Z., Ali F.A. Differences in average chemical structures of asphaltene fractions separated from feed and product oils of a mild thermal processing reaction. *Energy & Fuels*, 2005, no. 19, pp. 1598–1605. DOI: 10.1021/ef049854l
15. Gray M.R. Consistency of asphaltene chemical structures with pyrolysis and coking behavior. *Energy & Fuels*, 2003, no. 17, pp. 1566–1569. DOI: 10.1021/ef030015t
16. Douda J., Alvarez R., Navarrete J. Bolanos. Characterization of Maya asphaltene and maltene by means of pyrolysis application. *Energy & Fuels*, 2008, no. 22, pp. 2619–2628. DOI: 10.1021/ef800024p

17. Sviridenko N.N., Krivtsov E.B., Golovko A.K. *Sostav produktov krekinga vysokosernistogo prirodnogo bituma v prisutstvii mikrosfer zol TETs. Materialy konferentsii* [The composition of the cracking products of sour natural bitumen in the presence of microspheres of ashes from combined heat and power plants]. Novosibirsk: INGG SO RAN Publ., 2014. 350 p.
18. Savel'ev V.V., Pevneva G.S., Surkov V.G., Golovko A.K. Effects of mechanical treatment and water under supercritical conditions on oil-Saturated sandstone. *Solid Fuel Chemistry*, 2011, vol. 45, is. 2, pp. 135–141.
19. Savel'ev V.V., Golovko A.K. Thermal Destruction of Asphaltites in Supercritical Fluids. *Sverkhkriticheskie flyuidy: Teoriya i praktika – Supercritical Fluids: Theory and Practice*, 2010, vol. 5, is. 3, pp. 60–66. (In Russian).
20. Kam'yanov V.F., Lebedev A.K., Sivirilov P.P. *Ozonoliz neftyanogo syr'ya* [Ozonolysis of oil stock]. Tomsk: Rasko Publ., 1997. 271 p.
21. Dneprovskiy K.S. *Mekhanokhimicheskie prevrashcheniya uglevodorodov nefii: dis. kand. khim. nauk* [Mechanochemical transformation of petroleum hydrocarbons. Chemistry Cand. Diss.]. Tomsk, 2003. 103 p.
22. Pevneva G.S., Voronetskaya N.G., Korol' I.S., Golovko A.K. Hydrocarbon Composition of Native Asphalt Thermolysis Products. *Chemistry and Technology of Fuels and Oils*, 2014, vol. 50, is. 3, pp. 212–216. DOI: 10.1007/s10553-014-0511-7
23. Krivtsov E.B., Sviridenko N.N., Golovko A.K. Initiated cracking of natural bitumen to increase the yield of distillate fractions. *Izvestiya Tomskogo Politehnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2013, vol. 323, no. 3, pp. 37–41. (In Russian).
24. STO 1246-2011. Mass fraction of resin-asphalt materials. Measurement technique in oils, oil fractures, natural bitumen, coal, organic matter of rocks, thermolysis products of kerogen and coal by gravimetric method. (In Russian).
25. Kapustin V.M., Gureev A.A. *Tekhnologiya pererabotki nefii* [Technology of oil processing]. Moscow: KolosS Publ., 2007. Pt. 2, 334 p.

Received: 12 March 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БЕЛЮС Анастасия Игоревна – аспирант кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: beliapfel@yandex.ru

БРАКОРЕНКО Наталья Николаевна – ст. преподаватель кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: brakorenko@sibmail.com

БУЛАК Ксения Андреевна – аспирант кафедры философии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: bulaksenia58@gmail.com

ВОЛКОВА Наталья Викторовна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина (г. Бийск). E-mail: VolkovaNVI@yandex.ru

ВОРОНЕЦКАЯ Наталья Геннадьевна – ведущий инженер лаборатории углеводородов и высокомолекулярных соединений нефти Института химии нефти Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: voronetskaya@ipc.tsc.ru

ГНЮСОВА Ирина Федоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: irbor2004@mail.ru

ГОЛОВКО Анатолий Кузмич – д-р хим. наук, зав. лабораторией углеводородов и высокомолекулярных соединений нефти Института химии нефти Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: golovko@ipc.tsc.ru

ГРИГОРЬЕВА Елена Анатольевна – канд. биол. наук, вед. науч. сотр. лаборатории математического моделирования Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Биробиджан). E-mail: eagrigror@yandex.ru

ГРИНЬКО Андрей Алексеевич – канд. хим. наук, мл. науч. сотр. лаборатории углеводородов и высокомолекулярных соединений нефти Института химии нефти Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: grincoandrei@gmail.com

ДВУРЕЧЕНСКИЙ Вадим Геннадьевич – канд. биол. наук, науч. сотр. лаборатории рекультивации почв Института почвоведения и агрохимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: dvu-vadim@yandex.ru

ДОН Александра Робертовна – магистрант кафедры высокомолекулярных соединений и нефтехимии Томского государственного университета. E-mail: aleksa_don@mail.ru

ДЬЯЧЕНКО Юлия Васильевна – преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета; аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: julia2212@yandex.ru

ЕГОРОВ Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры психологии личности Томского государственного университета. E-mail: e_dima@bk.ru

ЕМЕЛЬЯНОВА Тамара Яковлевна – канд. геол.-минерал. наук, доцент кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: brakorenko@sibmail.com

ЕРМАКОВА Ольга Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: ermakova_alt@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КАРВУНИС Юлия Алексеевна – ст. преподаватель кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: juliakarvounis@gmail.com

КИРИЛЛОВ Герман Михайлович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Пензенского государственного университета. E-mail: gekir10@mail.ru

КОЛЯДКО Светлана Витальевна – канд. пед. наук, доцент кафедры методики обучения иностранным языкам Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: svkol012@yandex.ru

КОРОБКОВ Илья Георгиевич – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры горного и нефтегазового дела Политехнического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова в г. Мирном. E-mail: KorobkovIG@alrosa.ru

КОРМАЗИНА Ольга Петровна – аспирант кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: olga.kormazina@mail.ru

КОЧНОВА Ксения Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры истории и культуры Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии. E-mail: kochnova08@list.ru

КСЕНЕВА Татьяна Георгиевна – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник лаборатории микропалеонтологии геолого-географического факультета Томского государственного университета. E-mail: kseneva@ggf.tsu.ru

КУЗИН Иван Владиленович – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: iaffet@newmail.ru

КУШНАРЕВА Маргарита Дмитриевна – канд. ист. наук, докторант кафедры истории России, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета. E-mail: rita270880@mail.ru

ЛАХТИН Артем Юрьевич – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры Бийского технологического института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: skbpгу@mail.ru

МАКАРОВ Николай Владимирович – канд. ист. наук, начальник отдела естественнонаучных методов исследований в гуманитарных науках Российского фонда фундаментальных исследований (г. Москва). E-mail: nikolay-14@yandex.ru

МАТВЕЕВА Анастасия Андреевна – аспирант кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: matveeva.a@yandex.ru

МАРКОВСКИЙ Максим Сергеевич – адъюнкт кафедры уголовного права Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Екатеринбург). E-mail: Sakh_rider_88@mail.ru

НЕПОМНЯЩАЯ Татьяна Викторовна – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: nepomnyashaya@rambler.ru

НИКУЛИН Петр Федорович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: K1tat@yandex.ru

ПЛАТОНОВА Анастасия Валерьевна – канд. филос. наук, докторант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета; доцент кафедры философии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: Nplatonova79@inbox.ru

ПУПЫШЕВА Жанна Сергеевна – магистрант кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: Zhanna.pupysheva@mail.ru

РЯБОВА Маргарита Сергеевна – аналитик по научно-исследовательской работе института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета; аспирант кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: margo_sr@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Елена Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории культуры Томского государственного университета. E-mail: limi77@inbox.ru, kulturtu@yandex.ru

СОБОЛЕВ Юрий Викторович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Сибирского государственного технологического университета (г. Красноярск). E-mail: ysob@mail.ru

СТЕПАНОВА Светлана Викторовна – канд. экон. наук, науч. сотр. отдела региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук (г. Петрозаводск). E-mail: svkorka@mail.ru

ТАШТАМИРОВА Лилия Шайхуловна – ст. преподаватель кафедры теории музыки и музыкального образования Тюменской государственной академии искусств и культуры и социальных технологий. E-mail: varegka72@mail.ru

ТИТАРЕНКО Андрей Павлович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. E-mail: tapavlovich@mail.ru

ТОРОПОВА Ирина Владимировна – канд. экон. наук, доцент кафедры финансового менеджмента Уральского федерального университета (г. Екатеринбург). E-mail: ivs72@bk.ru

ФЕТИСОВ Денис Михайлович – канд. геогр. наук, ученый секретарь Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Биробиджан). E-mail: dfetisov@gmail.com

ХИТРУК Екатерина Борисовна – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной философии, онтологии и теории познания Томского государственного университета. E-mail: lubomudr@vtomske.ru

ЦЫПИЛЁВА Полина Анатольевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: anilopa87@mail.ru

ЧЕРНЫШОВ Алексей Иванович – д-р геол.-минерал. наук, зав. кафедрой петрографии Томского государственного университета. E-mail: Aich53@yandex.ru

ШАМЯУНОВА Маргарита Давидовна – ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета. E-mail: margarita-tomsk@mail.ru

ЭРГАШЕВ Артур Александрович – аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного университета. E-mail: artur-bel@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 393 Апрель

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Э.В. Галажинский

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ.
ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ. БИОЛОГИЯ И ХИМИЯ

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 апреля 2015 г.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 29,3. Тираж 250 экз. Заказ № 989.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева, К.В. Полькина

Корректор – А.Н. Воробьева

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru